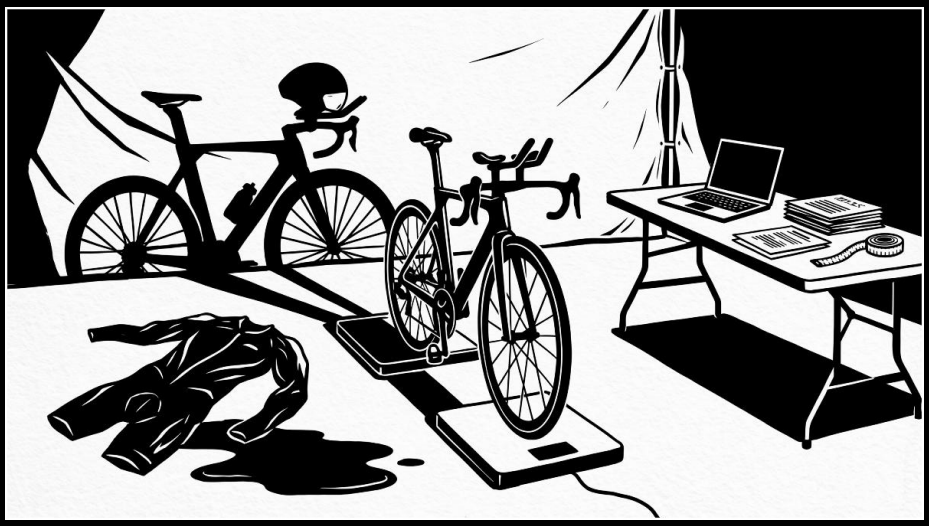
АЛЕКСАНДР КОЛОТОВ

ВЕЛОСИПЕДИСТКИ С БОЛЬШОЙ ГРУДЬЮ



Пьесы для камерного театра

АЛМАТЫ 2026

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ КОЛОТОВ

ВЕЛОСИПЕДИСТКИ С БОЛЬШОЙ ГРУДЬЮ

Пьесы для камерного театра

Алматы
2026

УДК 821(574)-2
ББК 84(5Каз-Рус)-6
К61

Колотов А. А.
Велосипедистки с большой грудью : пьесы для камерного театра / А. А. Колотов. — Алматы : А. А. Колотов, 2026. — 516 с. — Текст : электронный (PDF).

ISBN 978-601-12-9879-7

Первый сборник пьес Александра Колотова – десять комедий для камерной сцены: чёрная и траурная, лирическая и акустическая, комедия шапито и тревожная комедия для ТЮЗа. В каждой пьесе от трёх до шести актёрских ролей и одно место действия, поэтому тексты удобно ставить в любительских и профессиональных камерных театрах. Книга адресована режиссёрам, актёрам, руководителям театральных студий и всем любителям современной драматургии.

Электронное издание распространяется бесплатно.

Книгу можно свободно распространять в неизменном виде с сохранением имени автора и выходных сведений.

Пьесы из этого сборника можно ставить на сцене с согласия автора. Официальное авторское согласие на постановку можно оперативно получить по адресу: alexander.a.kolotov@gmail.com.

© А. А. Колотов, 2026

Посвящается моей жене Ольге,
без которой не было бы этой книги

Оглавление

ФОРМУЛА ЗАЧАТИЯ.....6
КВАРТИРА-СТУДИЯ СВОБОДНОЙ ПЛАНИРОВКИ.....69
ВЕЛОСИПЕДИСТКИ С БОЛЬШОЙ ГРУДЬЮ 106
МОРЕ ЗА СТЕНОЙ.....147
АИСТЫ НАД СТАМБУЛОМ.....224
ЖЕНА ДЛЯ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА 296
АНАТОЛИЙ ВЕЛИКИЙ И ЖАННА.....343
МАЯК С РЕЙТИНГОМ «ДВЕ ЗВЕЗДЫ» 393
ДВЕ ВДОВЫ.....444
ФОТОГРАФИЯ СТРУННОГО КВАРТЕТА 494

ФОРМУЛА ЗАЧАТИЯ

Запланированная беременность в двух действиях



Действующие лица

- **ВАДИК (Вадим Анатольевич Сычёв)**: муж Оли, измотанный отец троих детей.
- **ОЛЯ (Ольга)**: жена Вадика, крайне уставшая многодетная мать, мечтающая только о сне.
- **МАРИНА (Марина Певцова)**: бывшая одноклассница Вадика, прагматичная доктор биологических наук и генетик.
- **САША (Александр)**: младший научный сотрудник, коллега Марины, который тайно и безответно в нее влюблен.
- **АНТОНИНА ПАВЛОВНА**: мама Оли, властная и вездесущая теща Вадика.

Место действия

Провинциальный город Тихоградск. Гостиная Вадика и Оли. Комната выглядит так, будто здесь произошёл взрыв на фабрике детских товаров: на люстре висят колготки, на спинках стульев сушатся ползунки, посреди комнаты – манеж, доверху забитый пластиковыми шариками. На полу валяется зловещего вида музыкальный плюшевый бегемот.
Четыре двери: спальня, ванная, кухня, входная. У самой входной двери, в самом неудобном месте, какое только можно придумать, стоит кошачий лоток – так, что через него приходится переступать каждому входящему. На ковре клок серой шерсти. В углу когтеточка. Кот на сцене не появляется.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1. Вторжение

Вадик, в растянутой футболке со следами срыгивания на плече и в спортивных штанах с вытянутыми коленками, в разных носках (один цветастый, другой черный), стоит посреди комнаты. Он мерно, как зомби, покачивается из стороны в сторону, нежно прижимая к груди радионяню.
Дверь спальни медленно, со скрипом открывается. На пороге – Оля в безразмерном махровом халате. Глаза полузакрыты, на лице печать вселенской скорби. Она пересекает комнату, механически, не глядя, переступив через лоток, доходит до высокого шкафа, прислоняется лбом к дверце – и засыпает стоя. Вадик на неё не смотрит. Вадик качается.
Бегемот на полу сам собой загорается синим глазом и хрипло выдаёт две ноты «Чунга-Чанги». Оба замирают. Оля не просыпается. Бегемот сам собой гаснет. Вадик выдыхает, делает три бесшумных шага

к столику, трогает тыльной стороной ладони кружку. Кружка холодная. Он ставит её обратно и возвращается на своё место – качаться.

ВАДИК *(напевает хриплым, сорванным шёпотом)*. Спи, моя радость, усни… В доме погасли огни… Папа устал, как собака… Папе бы в изолятор. На сутки. Там тихо. Там кормят.

Из радионяни – мерное шипение помех и тихое сопение.

ОЛЯ *(глухо, не отрывая лба от шкафа)*. Вадик. Коля спит в кроватке. В спальне. Ты двадцать минут укачиваешь кусок пластика с антенной.

ВАДИК *(останавливается, смотрит на радионяню, моргает)*. Да? А он так правдоподобно сопит…

ОЛЯ. Это помехи.

ВАДИК. Слушай, а может, я его в манеж положу? Пусть полежит, а я хоть чаю попью. Я горячий чай пил последний раз в Турции. В две тысячи девятнадцатом.

ОЛЯ. И выключи её со своей стороны.

ВАДИК. Чего?

ОЛЯ. Радионяню. Она двусторонняя, Вадик. В прошлый раз ты при ней сорок минут ругался на Илью Петровича. А я всё слышала. Каждое слово. Лёжа. С Колей на груди.

ВАДИК *(бледнеет)*. Всё?

ОЛЯ. Всё. Включая то, что ты думаешь про мою маму.

Вадик тянется к тумблеру. В этот момент на столе оживает телефон – вибрирует, ползёт по столешнице. Вадик хватает его быстрее, чем успевает подумать: телефон – единственный предмет в доме, способный разбудить Колю. Палец соскальзывает, и на всю комнату включается голосовое сообщение.

ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ *(из телефона, громко и неотвратимо)*. Вадик! Мы гуляем! Я старших на площадку увела, потом к Валентине заведу, у неё качели! Я капусту купила! Вечером заеду – и чтоб мне без этих ваших…

Вадик судорожно жмёт на экран. Тишина. Радионяня так и остаётся включённой. Она будет лежать на виду и мигать зелёным огоньком всю пьесу.

ОЛЯ *(не открывая глаз)*. Что мама сказала?

ВАДИК. Ничего. Гуляют.

ОЛЯ. Вадик.

ВАДИК. Старших мама на площадку увела. Потом к Валентине. У нас окно, Оля. Два часа окна.

Оля медленно отклеивает лоб от дверцы шкафа. Это первое движение её лицевых мышц за всю сцену.

ОЛЯ. Два часа.

ВАДИК. Два.

ОЛЯ. Я лягу.

ВАДИК. Ложись.

ОЛЯ. Я не дойду.

Оля делает шаг к спальне. Раздаётся резкий, пронзительный звонок во входную дверь.

Вадик вздрагивает, радионяня выскальзывает из его рук и падает прямо на плюшевого бегемота. Бегемот немедленно загорается синим глазом и радостно, во всю мощь: «Чунга-Чанга, синий небосвод!» И тут происходит то, чего от Оли не ожидает никто. Полусонная женщина в халате пересекает комнату одним движением – быстро, точно и страшно, как атакующая цапля, – падает на бегемота, находит на нём что-то на ощупь, и музыка обрывается. Оля возвращается к шкафу и прислоняется лбом к дверце. Всё это занимает три секунды. Глаза она так и не открыла.

ВАДИК *(с уважением)*. Ты мать.

ОЛЯ. Я мать.

Звонок повторяется – длинный, требовательный, не терпящий возражений.

ОЛЯ. Если это из опеки, пусть приходят через час. Старшие как раз вернутся с площадки.

Вадик подхватывает с дивана подушку – как щит – и крадётся к двери. Смотрит в глазок. Лицо вытягивается.

ВАДИК. Оля… Там женщина.

ОЛЯ *(с закрытыми глазами)*. Открой. Если это смерть, скажи, что я согласна, но пусть сначала даст мне поспать полчаса.

ВАДИК. Она в костюме. И с укладкой. Оля, у неё на губах красная помада! В нашем подъезде! Это галлюцинация от недосыпа!

ОЛЯ. Открой, Вадик.

Вадик неуверенно поворачивает замок и приоткрывает дверь на цепочку.

На пороге стоит Марина. Безупречно скроенный строгий костюм, очки в тонкой оправе, волосы стянуты в идеальный узел. В руках – дорогой ноутбук и небольшая сумочка. Она выглядит как инопланетный разум, случайно приземлившийся на свалке.

Марина сканирует Вадика с ног до головы, задерживая взгляд на пятне от срыгивания.

МАРИНА. Вадим Сычёв. Визуальная идентификация подтверждена. Хотя фенотипически ты просел. Осанка ухудшилась процентов на сорок.

ВАДИК *(ошарашенно)*. Марина?! Певцова? Из одиннадцатого «Б»?! Ты… ты же в Москву уехала. Науку двигать.

МАРИНА. Двигаю. Впусти меня, у нас критически мало времени.

ВАДИК. Марин, тут такое дело. У нас тут немного… эпицентр материнства. Мы не ждали гостей. У меня даже чай без заварки.

МАРИНА *(снимает цепочку через щель отработанным движением и решительно толкает дверь)*. Чаепитие – неэффективная трата ресурса. Я по делу.

Марина входит. Первое, что она делает, – переступает через кошачий лоток. Не глядя. Как через бордюр.

МАРИНА. У вас кот.

ВАДИК. Где-то есть. Третью неделю не видели. Еда исчезает – значит, живой.

Вадик машинально протягивает руку. Марина её жмёт – крепко, коротко, по-деловому. Потом, не отпуская его взгляда, достаёт из сумочки баллончик, брызгает себе на ладонь и тщательно, палец за пальцем, растирает антисептик.

ВАДИК. …Понял.

Марина проходит в центр гостиной, брезгливо переступая через погремушки.

ОЛЯ *(от шкафа, не двигаясь)*. Вадик. Кто это?

ВАДИК *(суетясь, ногой задвигает грязные ползунки под диван)*. Оленька, это Марина! Мы в школе вместе учились! Она… она учёный!

МАРИНА *(поворачивается к Оле, слегка кивает)*. Ольга. Добрый день. Поздравляю с успешным завершением третьего цикла гестации. Ваш индекс фертильности вызывает глубокое научное уважение.

ОЛЯ *(моргает, пытаясь переварить услышанное)*. Мой индекс чего?

МАРИНА. Ваша репродуктивная система работает как швейцарские часы. Именно поэтому я здесь. Мне нужен ваш муж. Для одного краткосрочного проекта.

ОЛЯ *(тяжело вздыхает, отклеивается от шкафа)*. Проекта. Он мебель собирать не умеет. У него руки из… швейцарских часов растут.

МАРИНА. Физический труд не потребуется. Проект носит исключительно биологический характер. Мне нужно поговорить с Вадимом наедине.

Оля смотрит на безупречную Марину. Потом на помятого Вадика с подушкой в руках. На её лице не шевелится ни один мускул ревности: для ревности нужны силы.

ОЛЯ. Знаете что, Марина? Берите. Проектируйте. Делайте с ним что хотите. Только ради всего святого, не будите Колю. Это мой младший.

ВАДИК *(возмущённо)*. Оля! Ты куда?! Ты оставишь меня с ней наедине?! Она же терминатор в юбке!

ОЛЯ *(разворачиваясь к спальне)*. Вадик, твоя смена. Я в спальню. Если начнём тонуть – разбуди, я покажу, где спасательные жилеты.

У двери она оборачивается.

ОЛЯ. И не ешь детское печенье. Оно единственное в этом доме, что я считаю своим.

Оля скрывается за дверью спальни. Щелчок замка звучит как приговор. Вадик остаётся один на один с Мариной в центре хаоса.

МАРИНА *(глядя Оле вслед, с искренним восхищением)*. У неё превосходно атрофирован инстинкт ревности. Это редкость. Я бы взяла у неё кровь.

ВАДИК. У нас так не принято.

МАРИНА. Знаю. Поэтому и не спрашиваю.

Марина деловито подходит к журнальному столику, сдвигает в сторону гору влажных салфеток, ставит ноутбук. Затем ловким движением вытягивает из-под телевизора кабель HDMI – так, будто делала это здесь тысячу раз.

ВАДИК *(прижимая к себе подушку, как щит)*. Марин. Послушай. Я очень рад тебя видеть, правда. Десять лет после выпуска не виделись. Но если это сетевой маркетинг, крипта или пылесосы «Кирби» – у меня нет денег. У меня трое детей, ипотека и дёргающийся глаз.

Марина не отвечает. Она подключает кабель.

ВАДИК. Марин. Я серьёзно. У меня окно. Два часа окна. Первые за четыре месяца.

МАРИНА *(не оборачиваясь)*. Я знаю. Сто двадцать минут. Я на них и рассчитывала.

Экран телевизора вспыхивает. На нём – титульный слайд:

> **ОПТИМИЗАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ОКНА**
> Проект «Американский гражданин»
> Кандидат: В. А. Сычёв

ВАДИК *(читает вслух, шёпотом)*. Кандидат… Сычёв… Марин, а кандидат – это в смысле…
Марина достаёт из сумочки лазерную указку и нажимает кнопку. Красная точка зловеще замирает прямо на лбу Вадика.
МАРИНА. Присаживайся, Вадим.
Вадик садится.

Сцена 2. Презентация

Вадик сидит на краю дивана. На лбу у него красная точка лазерной указки. Он косит на неё глазами. Точка не двигается.
Марина стоит у телевизора. На экране – титульный слайд. Радионяня лежит на полу, мигает зелёным огоньком. Она будет мигать всю сцену.
МАРИНА *(смотрит на часы)*. Четырнадцать ноль девять.
ВАДИК. Чего?
МАРИНА. Ничего. Фазу социальной прелюдии я опускаю. Перехожу к эмпирическим данным. Слайд первый.
Щелчок. На экране – школьная фотография сутулого одиннадцатиклассника Сычёва. Под фотографией подпись:

> **КАНДИДАТ В. А. СЫЧЁВ, 11 «Б»**
> Осанка: вопросительный знак

ВАДИК. Это у тебя откуда?
МАРИНА. Выпускной альбом. Страница четырнадцать. *(Красная точка ползёт по его силуэту на экране.)* Обрати внимание на угол наклона позвоночника. Двадцать два градуса. В шестнадцать лет.
Вадик поднимает руку. Как в школе. Ровно, до уровня уха.
МАРИНА. Вопросы в конце.
Вадик опускает руку. Тянется к столику, берёт из пачки детское печенье, оглядывается на дверь спальни и быстро откусывает.
МАРИНА. Слайд второй.
Щелчок. Рядом со школьной фотографией появляется график. Кривая идёт почти вертикально вверх и упирается в верхний край экрана.
МАРИНА. Динамика твоей репродуктивной продуктивности за четыре года. Трое детей. Средний интервал между родами и следующим зачатием – три и две десятых месяца.

ВАДИК *(смущённо поправляет футболку)*. Ну… Оля просто таблетки забывала пить.

МАРИНА. Ольга не забывала. Ольга принимала их регулярно, я видела выписку. *(Пауза.)* Ты пробил гормональную контрацепцию, Вадим. Дважды.

ВАДИК. Я… чего?

МАРИНА. Я работаю с популяционной генетикой одиннадцать лет. Я такого не видела. Ты – феномен. Ты абсолютный альфа-самец.

Свет гаснет. Остаётся один луч сверху, на Вадика. Обрушивается музыка – медь, литавры, нечто невыносимо героическое.

Вадик медленно поднимается. Растянутая футболка каким-то образом больше не выглядит растянутой. Он ставит ногу на манеж, как на поверженного врага, разворачивает плечи, подхватывает с пола памперс и держит его перед собой, как знамя. Откуда-то берётся ветер и треплет ему волосы. Тридцать секунд Вадик стоит в позе, в которой человек не стоял со времён монументальной скульптуры.

Музыка обрывается. Свет включается. Вадик стоит посреди гостиной в той же растянутой футболке, с памперсом в вытянутой руке. Марина смотрит на него поверх очков.

МАРИНА. Сядь.

Вадик садится. Памперс кладёт на колени. Не отдаёт.

МАРИНА. Слайд третий. Отбракованные кандидаты.

Щелчок. На экране – таблица. Одиннадцать строк, фотографии из того же альбома, у каждой красный крест.

ВАДИК *(привстаёт)*. Это же… это же весь наш класс.

МАРИНА. Не весь. Девушек я исключила по формальному признаку.

ВАДИК. Ты проверила весь одиннадцатый «Б»?!

МАРИНА. И параллельный. Я взломала базы двух поликлиник и одного репродуктивного центра.

ВАДИК. А Серёга? Серёга же качок!

МАРИНА. У Серёги олигозооспермия на фоне приёма стероидов. Серёга бесплоден, Вадим. Серёга – красивая пустая коробка.

ВАДИК *(мстительно)*. Ага.

МАРИНА. Ковалёв – вазэктомия, двадцать первый год. Лаптев – четыре брака, ноль детей, при этом четыре брака. Это тоже диагноз, просто не медицинский.

ВАДИК. А Лёха Морозов? Лёха – вообще…

МАРИНА. Морозов подходит идеально. Морозов живёт в Новосибирске. Четыре часа лёта плюс трансфер. Окно закроется, пока он будет получать багаж. *(Пауза.)* География, Вадим. Ты победил географию.

ВАДИК *(тихо, себе)*. Я победил географию…

Вадик поднимает руку.

МАРИНА. В конце. Слайд пятый.

ВАДИК. А четвёртый?

МАРИНА. Четвёртый – по запросу.

ВАДИК. По какому запросу?

МАРИНА. Ты поймёшь.

Щелчок. На экране – две фотографии рядом. Слева Вадик у подъезда, снятый явно без его ведома. Справа – монументальный чёрно-белый бык. Между ними столбцы цифр.

> **СЛАЙД 5. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**
> Сычёв В. А. vs бык-производитель голландской породы
> **Победитель: Сычёв**

ВАДИК. Марин.

МАРИНА. По конверсии он тебе уступает на девять процентов. Правда, он один обслуживает четыреста голов, а ты – одну. Но мы оцениваем не объём, мы оцениваем точность.

ВАДИК. Марин, а бык-то зачем?

МАРИНА. Для масштаба. Слайд шестой.

Щелчок. На экране, вместо ожидаемого слайда, – крупная, очень подробная фотография двух мышей в процессе копуляции.

Пауза.

МАРИНА *(не моргнув)*. Не обращайте внимания. Это мыши.

ВАДИК. Кому «не обращайте»? Марин, тут я один.

МАРИНА. Осталось с лекции. *(Щелчок.)*

На экране – карта Соединённых Штатов. Поверх карты крупно: «21».

МАРИНА. Слайд шестой. Цель проекта. Через три недели я улетаю на длительную стажировку в Массачусетский технологический. Мой биологический возраст – тридцать два. Овариальный резерв снижается примерно на девять процентов в год. Мой план: роды на территории США. Ребёнок получает гражданство по праву почвы. Мне нужна гарантия зачатия до пересечения границы. До вылета двадцать один день.

ВАДИК. А… а замуж?

МАРИНА. Что – замуж?
ВАДИК. Ну, обычно сначала… человека находят.
МАРИНА. Я нашла.
Красная точка возвращается на лоб Вадика.
МАРИНА. Слайд седьмой.
Щелчок. На экране – скан первой страницы судебного решения. Поверх него – заголовок.

> **СЛАЙД 7. ПРАВОВАЯ БАЗА**
> XIV поправка, раздел 1
> *Trump vs. Barbara*, 30.06.2026 – **6:3**

МАРИНА. Тридцатого июня Верховный суд Соединённых Штатов шестью голосами против трёх отменил указ четырнадцать сто шестьдесят и подтвердил гражданство по праву рождения. В том числе для детей родителей с временным статусом. Решение вступило в силу немедленно.
ВАДИК. Это хорошо?
МАРИНА. Это единственная хорошая новость за два года. И я не знаю, сколько она проживёт. Поэтому – двадцать один день, Вадим. Не двадцать два.
ВАДИК. Слушай, а ты вообще уверена, что…
МАРИНА. Слайд восьмой.
Щелчок. На экране появляется уравнение. Оно занимает весь экран.

$$P = 1 - \prod_{i=1}^{n} \left(1 - p_i \cdot e^{-\lambda}\right)$$

Оно должно быть читаемо с последнего ряда и производить впечатление личного оскорбления.
ВАДИК *(читает вслух)*. «Пэ равно один минус…» *(сдаётся)* Марин. А по-русски?
МАРИНА. По-русски – вероятность успешного зачатия в ограниченном периоде. «Эн» – количество копулятивных итераций. «Лямбда» – коэффициент стресса. «Пэ и» – индивидуальная вероятность за одну итерацию. У среднестатистического мужчины твоего возраста «пэ и» болтается в районе жалких ноль целых пятнадцати сотых.
ВАДИК. А у меня?

МАРИНА *(поворачивается к нему)*. А у тебя «пэ и» стремится к единице. Ты не человек, Вадим. Ты снайперская винтовка Драгунова в мире генетики.
Пауза. Вадик пробует это на вкус.
ВАДИК *(тихо)*. Снайперская винтовка…
МАРИНА. Драгунова.
ВАДИК. Драгунова. *(Ещё тише.)* Слышала бы Оля.
Он выпрямляет спину.
ВАДИК. Марин, я, кажется, понял. Тебе надо, чтобы я… ну… сдал. В баночку. Я готов. Где баночка?
МАРИНА. Запрос принят. Слайд четвёртый.
Она щёлкает назад. По экрану в обратном порядке проносятся: решение суда, карта Америки, мыши, голландский бык.
ВАДИК. Мыши.
МАРИНА. Мыши.
Щелчок. На экране:

> **СЛАЙД 4. ОТКЛОНЁННЫЕ МЕТОДЫ**
> Криоконсервация: −30…40 % подвижности
> ЭКО: от 4 месяцев

МАРИНА. Банки спермы отпадают. При заморозке подвижность падает на треть. Процедура ЭКО – от четырёх месяцев: протокол, стимуляция, пункция, перенос, ожидание. У меня двадцать один день. Мне нужен свежий, необработанный биоматериал. Прямая, так сказать, интродукция.
ВАДИК *(печенье замирает у рта)*. Прямая… что?
МАРИНА *(строго, поверх очков)*. Естественный метод, Вадим. Коитус. Соитие. Половой акт.
Печенье выпадает из руки Вадика на ковёр.
Тишина. Из радионяни – треск помех, скрип кровати, вздох Оли. Оба замирают. Помехи выравниваются в мерное сопение.
Вадик медленно поднимает руку.
МАРИНА. Да, Вадим.
ВАДИК. Со мной?
МАРИНА. Да.
ВАДИК. Ты и я?
МАРИНА. Именно. Слайд девятый.
Щелчок. На экране таблица с итоговой строкой.

> **СЛАЙД 9. СМЕТА**
> Отель – не требуется

> Дезинфекция дивана – за счёт исполнителя
> **Экономия: 4 200 руб.**

МАРИНА. Отель не требуется, помещение предоставляется. Диван будет продезинфицирован за мой счёт. Экономия – четыре тысячи двести. Алименты не предусмотрены, звонить на праздники не нужно, в графе «отец» – прочерк. Твои издержки по проекту – ноль.

ВАДИК. А… а моральные?

МАРИНА *(смотрит в таблицу)*. Не оцифрованы.

ВАДИК. Марин…

МАРИНА. Слайд десятый. Тайминг.

Щелчок. Круговая диаграмма. Один сектор настолько мал, что к нему приходится вести выноску.

МАРИНА. Окно открылось сегодня в девять сорок и закроется завтра в девять ноль-ноль. Пик – четырнадцать тридцать. Ольга спит с младшим с четырнадцати до шестнадцати. Старших твоя тёща вернёт к шестнадцати. Пересечение всех трёх интервалов даёт сто двадцать минут. Из них: подготовка помещения – двенадцать. Гигиенические процедуры – девять. Восстановление исходного положения мебели – шесть.

Указка находит крошечный сектор.

МАРИНА. Собственно фрикции – пять-семь минут.

ВАДИК *(оскорблённо)*. Пять-семь?! Ты меня с кем сравниваешь, с кроликом?!

МАРИНА. С кроликом было бы лестно. У кролика двадцать секунд.

ВАДИК. Марин.

МАРИНА. И восемь помётов в год.

Вадик садится обратно.

ВАДИК. А остальное? Тут ещё кусок остался. Большой.

МАРИНА. Резерв. На непредвиденное сопротивление донора.

ВАДИК. Сколько?

МАРИНА. Восемьдесят шесть минут.

ВАДИК. Ты заложила на меня восемьдесят шесть минут сопротивления?!

МАРИНА. Я закладывала по верхней границе.

ВАДИК. По верхней границе чего?

МАРИНА. Тебя, Вадим.

Марина достаёт из сумочки баллончик и начинает методично опрыскивать диван. Обильно, крест-накрест, как дезинфектор. На обивке остаётся тёмное мокрое пятно. Оно не высохнет до конца пьесы.

МАРИНА. Отбрось социальные конструкты. Рассматривай это как благотворительный взнос в генофонд. Никаких эмоций, никаких обязательств, чистая механика. Я даже могу не снимать очки, если тебя это смущает.

Она делает шаг к нему, деловито расстёгивая верхнюю пуговицу блузки.

ВАДИК *(голос срывается на писк)*. Марин, ты с ума сошла?! Я женатый человек! У меня там жена спит! У меня тут… *(оглядывается в панике)* …у меня тут каша к потолку прилипла!

МАРИНА *(не поднимая головы)*. Каша в протокол не входит.

ВАДИК. А Оля?! Оля же за стенкой!

МАРИНА. Ольга дала согласие.

ВАДИК. Оля сказала «берите»! Это не согласие! Это диагноз!

МАРИНА. Юридически это согласие.

ВАДИК. А по-человечески?!

МАРИНА *(проверяет часы)*. Снимай штаны, Вадим. Время – деньги. А в моём случае – ещё и грин-карта для будущего эмбриона.

Вадик встаёт. Делает шаг назад. Спотыкается о музыкального бегемота. Бегемот загорается синим глазом и во всю мощь запевает «Чунга-Чангу».

Вадик смотрит на Марину. На облако антисептика. На жизнерадостного бегемота. На радионяню, мигающую зелёным.

Глаза его закатываются. Он издаёт сдавленный писк и падает спиной точно в детский манеж, подняв фонтан пластиковых шариков. Шнурок его спортивных штанов цепляется за угол манежа и затягивается.

Бегемот поёт.

МАРИНА *(достаёт блокнот, записывает)*. Физиологический шок. Потеря сознания. «Требуется дополнительное время на реанимацию донора». Резерв сопротивления – минус четыре минуты.

Она подходит к манежу. Замечает затянувшийся шнурок. Из лучших побуждений тянет за один конец. Узел затягивается намертво.

МАРИНА. Это поправимо.

Она бьёт Вадика по щекам – методично, как реаниматолог.

МАРИНА. Вадим. Вадим, очнись. Овуляция не ждёт.

Вадик не откликается. На экране телевизора светится круговая диаграмма с крошечным сектором. Радионяня мигает зелёным. Бегемот поёт.

Марина выпрямляется и смотрит на часы.

МАРИНА. Четырнадцать двадцать одна. *(Пауза.)* Мы ещё успеваем.

Сцена 3. Условное согласие

Вадик лежит в манеже среди пластиковых шариков. Над бортиком торчат только ноги: на одной яркий цветастый носок, на другой – чёрный, однотонный. Шнурок его спортивных штанов намертво затянут за угол манежа. На экране телевизора светится круговая диаграмма с крошечным сектором. Радионяня мигает зелёным. Бегемот поёт.

На журнальном столике, рядом с ноутбуком Марины, – электрический чайник и коробка с детской смесью. Чайник переехал в гостиную, когда родился Коля, и на кухню уже не вернулся.

МАРИНА. Вадим.

Ничего.

МАРИНА. Вадим, очнись.

Ничего. Бегемот доходит до «весело живём», давится и гаснет сам собой. Тишина.

Марина проверяет пульс на сонной артерии, смотрит на часы, делает пометку в блокноте. Оглядывается в поисках воды. На столике стоит кружка. Марина трогает её тыльной стороной ладони. Кружка холодная. Марина заглядывает внутрь – и то, что она там видит, заставляет её поставить кружку обратно.

Она снимает со спинки стула детское полотенце.

МАРИНА *(человеку без сознания, ровно и деловито)*. Вадим. Ты в обмороке. Я намочу полотенце под кухонным краном, вымою руки до локтя и обработаю рабочие поверхности. Пять минут. Не вставай.

Пауза.

МАРИНА. Впрочем, ты и не встанешь.

Марина уходит на кухню. Слышно, как открывается кран.

Сцена пуста. Если не считать двух разных носков над бортиком манежа.

Дверь спальни открывается.

Оля. Тот же халат, тот же пучок. Она входит так, как входят в комнату, где точно никого нет.

Она пересекает гостиную, не глядя переступив через лоток. Проходит мимо манежа. В манеже лежит её муж. Она его не видит:

чтобы увидеть, надо повернуть голову на двадцать градусов, а на это нужны силы.

Оля берёт со столика кружку, выливает содержимое в горшок с засохшим фикусом, ставит кружку обратно. Нажимает кнопку чайника. Чайник щёлкает и начинает набирать звук.

Оля стоит и ждёт. Глаза закрыты. Это первое дело за сегодня, которое она довела до второго шага.

Бегемот на полу загорается синим глазом и хрипло выдаёт: «Чунга-…»

Оля, не открывая глаз, делает шаг в сторону и ставит на него ногу. Бегемот замолкает. Ногу она не убирает.

Чайник закипает. Оля наливает. Пар. Она берёт кружку двумя руками и держит у груди. На две секунды в этом доме всё хорошо.

Она идёт с кружкой к дивану – и на полпути останавливается. Она смотрит на ноги, торчащие из манежа. Цветастый носок. Чёрный носок.

Оля ставит кружку на пол.

Она подходит к высокому шкафу – тому самому, к которому утром прислонялась лбом, – открывает дверцу, не глядя запускает руку в ящик и достаёт второй цветастый носок. Возвращается к манежу. Стягивает чёрный. Надевает цветастый. Расправляет резинку. Одёргивает, чтобы сидело ровно.

На лицо она так и не посмотрела.

Оля кладёт чёрный носок в карман халата, поднимает кружку и идёт дальше.

Она делает шаг к дивану – единственному месту, куда можно сесть. На обивке тёмное мокрое пятно. Оля смотрит на него. Она не понимает, что это. У неё нет сил на то, чтобы понять, что это. Она отворачивается.

Садится на пол, спиной к дивану. Кружка в ладонях. Подносит к губам.

Из радионяни – писк.

Оля замирает. Не дышит. Медленно, беззвучно ставит кружку на пол. Ждёт. Писк переходит в возню, возня – в мерное сопение. Оля выдыхает.

Снова берёт кружку. Подносит к губам.

Из радионяни – короткий вскрик.

Оля встаёт – быстро и бесшумно, – доходит до двери спальни, кладёт руку на ручку и стоит. Не открывает. Тишина. Потом сопение. Оля возвращается.
С кухни доносится короткое шипение аэрозоля. Оля на него не реагирует. Она вообще не помнит, что на кухне кто-то есть.
Кружка стоит на полу. Оля садится рядом и не берёт её. Четыре секунды не происходит ничего.
Потом она трогает кружку тыльной стороной ладони. Тем же движением, каким двадцать минут назад её трогал Вадик.
Кружка холодная.
Оля берёт её, поднимается и пьёт холодный чай. Стоя. Глядя в одну точку.
Допив, она поворачивается – и снова видит ноги в манеже. Теперь на них одинаковые носки. Задача закрыта. И именно потому, что задача закрыта, Оля впервые видит не носки, а человека.
Пауза.
ОЛЯ. Вадик.
Ноги не отвечают.
Оля подходит к манежу и заглядывает внутрь.
ОЛЯ. Вадик. Почему ты в манеже?
С кухни выходит Марина: рукава закатаны до локтя, в руке мокрое детское полотенце. Оля медленно поворачивает голову.
ОЛЯ. …А.
МАРИНА. Ольга. Мы виделись двадцать минут назад.
ОЛЯ. Да. Я думала, вы мне приснились.
Марина, не прекращая идти, кладёт мокрое полотенце Вадику на лицо. В манеже раздаётся сдавленный звук.
ОЛЯ. Вы из опеки?
МАРИНА. Нет.
ОЛЯ. Свидетельства о рождении в верхнем ящике. Прививочные карты там же. *(Пауза.)* Только оставьте мне кота.
МАРИНА. Ольга, я генетик. Я не забираю детей. Ваш муж потерял сознание, когда узнал, зачем я пришла.
ОЛЯ. А зачем вы пришли?
МАРИНА. За его генетическим материалом.
Оля обдумывает это дольше, чем следовало бы.
ОЛЯ. В смысле – почку? *(Кивает.)* За ипотеку – я согласна. Только пусть левую берёт. Правая у него после пива колет.

МАРИНА. Органы останутся на месте. Мне нужен разовый половой контакт с Вадимом с целью зачатия.
Пауза.
ОЛЯ. С Вадимом.
МАРИНА. Да.
ОЛЯ. С этим Вадимом?
МАРИНА. Да.
В манеже вздымается волна пластиковых шариков. Вадик садится, полотенце сползает ему на шею. Волосы дыбом. В руке – памперс, который он так и не отдал.
ВАДИК. Оля! Оленька! Клянусь, между нами ничего нет! Она сумасшедшая! Она хочет мою сперму!
ОЛЯ. Я в курсе, Вадик. Мне уже сказали.
ВАДИК *(пытается вылезти, шнурок держит)*. Оля, она меня в презентации с быком сравнила!
МАРИНА. Ты победил быка.
ВАДИК. Я победил быка!
ОЛЯ. Вадик.
ВАДИК. Что?
ОЛЯ. Сядь.
Вадик садится обратно в шарики.
МАРИНА. Ольга, я ценю ваше время, поэтому коротко. Через двадцать один день я улетаю в Массачусетский технологический. Мне нужны роды на территории США: ребёнок получает гражданство по праву почвы. Окно овуляции закроется завтра в девять ноль-ноль. Ваш муж – единственный подходящий кандидат в радиусе четырёх часов лёта.
ОЛЯ. Мой муж.
МАРИНА. Ваш муж.
Оля смотрит на мужа в манеже. Долго.
ОЛЯ. Сколько это займёт?
МАРИНА. С учётом гигиенических процедур – не более двадцати минут.
ОЛЯ. Вы сказали ему – два часа. Я слышала.
МАРИНА. Сто двадцать минут – это окно целиком. Подготовка помещения, процедура, восстановление исходного положения мебели.
ОЛЯ. А на экране у вас было семь.
МАРИНА. Пять-семь.

ОЛЯ. Час назад было сто двадцать. Теперь пять. *(Пауза.)* Марина. Вы торгуетесь сама с собой. А я ещё даже не начинала.
Марина впервые за сегодня молчит дольше секунды.
МАРИНА. Продолжайте.
ОЛЯ. Хорошо.
ВАДИК. Что «хорошо»?!
ОЛЯ. Хорошо. Но я посмотрю.
МАРИНА. Простите?
ОЛЯ. Я не из ревности. Ревность – это работа, у меня на неё нет ставки. Мне просто интересно посмотреть, как это делают люди, у которых ещё есть силы.
ВАДИК. ОЛЯ!
ОЛЯ. Я сяду вон там. Мешать не буду. Может, даже посплю.
МАРИНА. Это невозможно.
ОЛЯ. Почему?
МАРИНА. Присутствие наблюдателя повышает уровень кортизола донора. Кортизол снижает подвижность на семнадцать процентов. Донор и без наблюдателя даёт нестабильный результат. Он потерял сознание от круговой диаграммы.
ВАДИК. Там сектор был маленький!
Оля молчит. Потом кивает.
ОЛЯ. Хорошо. Я не смотрю.
МАРИНА. Благодарю.
ОЛЯ. Пункт первый. Радионяня остаётся включённой. С обеих сторон.
МАРИНА. Зачем?
ОЛЯ. Чтобы я слышала.
МАРИНА. Что именно?
ОЛЯ. Всё.
Пауза. Радионяня мигает зелёным.
МАРИНА. …Принимается.
ОЛЯ. И я оставляю за собой право войти. В любой момент. Без стука.
МАРИНА. Это не отменяет наблюдателя. Это его откладывает.
ОЛЯ. Да.
Марина открывает блокнот на чистой странице.
МАРИНА. Хорошо. Я составлю протокол. Пункт первый записан. Продолжайте.
Оля садится на бортик манежа – рядом с мужем, но выше него. И начинает загибать пальцы.

ОЛЯ. Пункт второй. Вы уходите в пятнадцать сорок пять. В шестнадцать мама приводит старших. Вам с ней встречаться не надо. Поверьте мне.
МАРИНА *(записывает)*. Приемлемо.
ОЛЯ. Пункт третий. Одноразовые простыни уносите с собой. У нас мусор выносят по вторникам, а мама заглядывает в ведро.
МАРИНА. Логистика утилизации – на исполнителе. Принято.
ОЛЯ. Пункт четвёртый. Вы выслушиваете, как его начальник Илья Петрович его не ценит. Полностью. Не перебивая. С сочувствующим лицом.
МАРИНА. Принимается.
ОЛЯ. Нет. С сочувствующим лицом.
Марина делает лицо.
ОЛЯ. Это не сочувствие. Это диагноз.
Марина делает другое лицо.
ОЛЯ. Ближе. Оставьте, дома доработаете.
ВАДИК *(из манежа)*. Я, между прочим, здесь.
ОЛЯ. Пункт пятый. Вы говорите ему, что он справляется.
МАРИНА. Это неверное утверждение.
ОЛЯ. Это пункт пятый.
МАРИНА *(записывает)*. Ложь в интересах проекта. Принято.
ОЛЯ. Пункт шестой. Вы больше не говорите ему, что он феномен.
МАРИНА. Я уже сказала.
ОЛЯ. Я знаю. Я слышала. *(Кивает на радионяню.)* Сквозь сон. Я думала, это сон. Про быка.
МАРИНА. Бык был.
ОЛЯ. Я поняла.
Марина, задумавшись, вертит в пальцах лазерную указку. Красная точка выползает на лоб Оли.
ОЛЯ *(не двигаясь)*. Уберите.
Марина убирает.
ОЛЯ. Пункт седьмой. Вы приезжаете к нему на день рождения и смеётесь над историей про шиномонтаж.
МАРИНА. Уточните продолжительность истории.
ОЛЯ. Двадцать две минуты.
МАРИНА *(делает пометку)*. Требуется пересмотр сметы.
ВАДИК. Она смешная!
ОЛЯ и МАРИНА *(одновременно, не глядя на него)*. Нет.
ВАДИК. Вы вообще меня видите?!

ОЛЯ *(не оборачиваясь)*. Вадик, не мешай. У мамы переговоры.
МАРИНА. Встречное условие. Пункт восьмой: в течение процедуры вы не входите, если из радионяни не раздаётся детский плач. Ваш собственный плач основанием не является.
ОЛЯ. Я не плачу.
МАРИНА. Я записала на всякий случай.
ОЛЯ. Пункт девятый. Вы никогда не рассказываете об этом моей маме.
МАРИНА. Принимается.
ОЛЯ. Пожизненно.
МАРИНА. Пожизненно.
Бегемот загорается синим глазом и во всю мощь запевает «Чунга-Чангу».
Оля срывается с бортика манежа – быстро, точно и страшно, – накрывает бегемота диванной подушкой, находит на нём что-то на ощупь и возвращается на место. Три секунды. Бегемот молчит. Оля не сбилась с дыхания.
МАРИНА *(смотрит на неё)*. Ноль целых восемь десятых секунды. При хроническом недосыпе. Это не человек.
ОЛЯ. Пункт десятый: вы перестаёте на меня так смотреть.
МАРИНА. Не принимается.
Марина проводит черту под списком.
МАРИНА. Итого девять действующих пунктов. Восемь ваших, один мой. Десятый отклонён.
Она протягивает руку. Оля пожимает её. Рукопожатие происходит точно над головой Вадика, сидящего в манеже.
ВАДИК *(снизу)*. Я тут вообще-то сижу.
ОЛЯ и МАРИНА. Мы знаем.
Оля встаёт с бортика. Вадик поднимается следом – насколько позволяет шнурок.
ВАДИК *(тихо)*. То есть ты меня сдала.
ОЛЯ. Вадик…
ВАДИК. Ты сдала меня в аренду. Как перфоратор соседу. За возможность поспать.
ОЛЯ. Да.
ВАДИК. А как же «в горе и в радости»?!
ОЛЯ *(голос становится ровным и очень тихим)*. Вадик. Я спала три часа. За трое суток. Суммарно. Если эта женщина с графиками готова

взять на себя двадцать минут твоих потребностей – я постелю ей красную ковровую дорожку. У нас есть. От свадьбы осталась.
ВАДИК. Значит, ты вообще не ревнуешь. Значит, я для тебя просто… осеменитель.
ОЛЯ. Ты для меня человек, который вчера перепутал судокрем с зубной пастой.
ВАДИК. Я устал!
ОЛЯ. Я знаю.
Пауза. Это первая честная реплика за всю сцену, и оба это чувствуют. И оба немедленно отступают на шаг назад.
ВАДИК *(набирая воздуха, с достоинством)*. Между прочим. Я снайперская винтовка Драгунова.
Пауза.
ОЛЯ. Кто тебе это сказал?
Вадик кивает на Марину.
ОЛЯ. И ты поверил.
ВАДИК. Там график был! Вертикальный!
Оля идёт к спальне. У двери оборачивается.
ОЛЯ. Диван скрипит с левой стороны. И не пугайтесь, если кот прыгнет на спину. Он это любит.
МАРИНА. Вы сказали, кота три недели не видели.
ОЛЯ. Он появляется в самый неподходящий момент. Как все в этом доме.
Она берётся за ручку.
ОЛЯ. И плед не берите. Плед мой. Всё остальное общее.
Дверь спальни закрывается. Щелчок замка звучит как приговор.
Вадик стоит в манеже. Его мужское эго только что растоптали махровым тапком, аккуратно, в девяти пунктах, под запись.
МАРИНА *(глядя на закрытую дверь)*. Замечательная женщина. Идеальная нервная система для вынашивания потомства. *(Поворачивается.)* Вадим. Препятствий больше нет. Ложись.
Вадик медленно выпрямляется. В глазах появляется нездоровый, истеричный блеск.
ВАДИК. Препятствий больше нет.
МАРИНА. Нет.
ВАДИК. Меня продали за девять пунктов.
МАРИНА. За восемь. Девятый – про тёщу, он в вашу пользу.
ВАДИК. Ах, значит, так. Ну ладно. Ладно!

Он рвётся из манежа – шнурок держит его за угол. Вадик дёргает. Узел затягивается сильнее.
ВАДИК. Я вам покажу функцию! Я вам покажу статистику!
Он берётся за шнурок обеими руками и рвёт. Шнурок не поддаётся. Рвёт ещё раз. Ничего.
ВАДИК *(меняя стратегию, хватает футболку за ворот)*. Раздевайся, генетик!
Он пытается разорвать футболку на груди, как Халк. Воротник оказывается крепче Вадика. Ткань наползает ему на голову, руки застревают в рукавах. Вадик стоит в манеже: обмотанный собственной футболкой, с задранными руками, привязанный за штаны к углу манежа, – и глухо мычит. Из-под задравшихся штанин видны два одинаковых цветастых носка.
МАРИНА *(смотрит на часы)*. Четырнадцать сорок одна.
Она вздыхает и делает шаг к нему, чтобы помочь.
В этот момент в дверь квартиры начинают звонить. Истерично. Без остановки.

Сцена 4. Саша

Звонок разрывается – длинными истеричными очередями, без пауз. Вадик стоит в манеже: обмотанный собственной футболкой, руки задраны, шнурок штанов намертво привязан к углу манежа. Он глухо мычит. Радионяня мигает зелёным. На диване тёмное мокрое пятно. Под диванной подушкой лежит бегемот. На экране телевизора светится круговая диаграмма с крошечным сектором.
МАРИНА *(в сторону манежа)*. Не двигайся.
ВАДИК *(из футболки)*. Ммм!
МАРИНА. Это не было предложением.
Она идёт к двери, смотрит в глазок. Секунду не двигается. Потом открывает – сразу, без цепочки.
В квартиру вваливается Саша: взмыленный, тяжело дышащий, с планшетом под мышкой, галстук-бабочка съехал под ухо. Он выглядит так, будто бежал марафон, хотя от лифта до двери три метра. Он делает три быстрых шага вперёд и попадает обеими ногами точно в кошачий лоток. Наполнитель разлетается по прихожей.
Саша этого не замечает.

САША *(хватая ртом воздух)*. Марина! Слава богу! Я успел!
МАРИНА. Ты опоздал на сорок одну минуту. Я не знаю на что, но опоздал.
САША. Катастрофа! В лаборатории мыши! Трансгенные второй линии! Прогрызли кевларовую сетку и ушли в вентиляцию! Всей группой! Надо ехать спасать контрольную!
МАРИНА. Во-первых, у второй линии заблокировано либидо. Это и есть вторая линия. Во-вторых, кевлар они грызут четвёртый год и ни разу не прогрызли. В-третьих, я двадцать минут назад удалённо смотрела датчики движения в виварии. Там тишина. *(Пауза.)* В-четвёртых, ты сказал «всей группой». В группе шесть мышей.
САША. …Шесть – это тоже группа.
МАРИНА. Зачем ты пришёл?
САША. Тебя вызывает ректор!
МАРИНА. Он в Сочи.
САША. У тебя дома прорвало трубу!
МАРИНА. Я живу на первом этаже. Прорвать может только вверх.
САША. У тебя…
МАРИНА. Александр.
Пауза.
САША. Ты оставила вкладку открытой.
В этот момент Вадику удаётся наконец содрать с себя футболку. Он предстаёт перед присутствующими: всклокоченный, красный от удушья, в спортивных штанах с вытянутыми коленками, привязанный за шнурок к углу манежа. Грудная клетка не поражает воображение рельефом. В правой руке – памперс.
Саша роняет планшет.
САША *(немедленно поднимая его)*. Прости. *(Марине.)* Это он?! Это «Абсолютный рекордсмен» из твоей матрицы доноров?!
МАРИНА. Ты взломал мой рабочий компьютер.
САША. Я не взламывал! Там было открыто! «Проект: Американский гражданин»! Марина, я гнал сюда на электросамокате по встречной! Я чуть не сбил курьера с пиццей!
МАРИНА. И?
САША. Я извинился. *(Тычет пальцем в Вадика.)* Посмотри на него! Это же генетический тупик! У него осанка как у вопросительного знака!
ВАДИК. Двадцать два градуса.
САША. Что?

ВАДИК. Угол наклона позвоночника. Двадцать два градуса. В шестнадцать лет. Это, между прочим, редкость.
МАРИНА. Это не редкость.
ВАДИК. Ты говорила – феномен!
МАРИНА. Пункт шестой.
САША. Какой пункт шестой?!
МАРИНА. Не отвлекайся.
САША *(вспоминая главный аргумент, с торжеством)*. Указ! Марина, указ четырнадцать сто шестьдесят! Гражданство по праву почвы отменено! Твой проект юридически мёртв, я тебе это ещё в марте говорил!
МАРИНА. Указ отменён. Тридцатого июня. Верховный суд. Шесть голосов против трёх. *(Пауза.)* Александр, ты читаешь только препринты?
Саша открывает рот. Закрывает. У него больше нет главного аргумента, и это видно.
САША. Тогда биоэтика! Ты привлекаешь женатого мужчину с тремя детьми!
ВАДИК. Меня согласовали.
САША. Кто?!
ВАДИК. Жена. Девять пунктов. Восемь её, один Маринин. Десятый отклонили.
САША. Письменно?!
МАРИНА. В блокноте.
САША. Это не документ!
МАРИНА. Это протокол.
Саша разворачивается – и впервые видит экран телевизора. Замирает. Подходит ближе. Он больше не истерик; он на секунду становится тем, кто он есть на самом деле.
САША *(тихо)*. Марина. У тебя выборка из одного человека.
МАРИНА. У меня четыре года данных.
САША. У тебя четыре года одного наблюдения. Это не выборка. Это анекдот. Ты бы такую статью развернула на рецензии за полторы минуты.
МАРИНА. У меня нет времени на методологию.
САША. Методология и есть наука.
МАРИНА. Наука подождёт двадцать один день.
Пауза. Саша смотрит на неё. Потом снова становится Сашей.

САША. А если он носитель рецессивных мутаций? Ты видела его лицевой угол? Он тяготеет к неандертальскому типу!
ВАДИК. Я тебе сейчас этот лицевой угол в обратную сторону выгну!
Вадик угрожающе надвигается на Сашу. Шнурок натягивается. Манеж трогается с места и едет следом. Вадик проходит полкомнаты, волоча за собой манеж; пластиковые шарики сыплются через борт и раскатываются по всей гостиной.
ВАДИК *(не останавливаясь)*. Я, между прочим, уже не винтовка!
САША *(отступая)*. А кто?!
ВАДИК. Система залпового огня!
МАРИНА. Ты этого не знаешь.
ВАДИК. Я чувствую!
Шнурок соскакивает с угла. Манеж остаётся стоять посреди комнаты, в полуметре от своего места. Мёртвый узел на штанах Вадика остаётся тоже.
САША *(в полный голос)*. Я НЕ УЙДУ ОТСЮДА!
Тишина наступает мгновенно. Все трое поворачиваются к радионяне.
Треск. Потом голос Оли – ровный, без интонации, очень близко.
ГОЛОС ОЛИ ИЗ РАДИОНЯНИ. Вадик.
ВАДИК *(наклоняясь к прибору, шёпотом)*. Да?
ГОЛОС ОЛИ. Кто кричал.
ВАДИК. Коллега. Марины коллега. Он уже уходит.
Пауза.
ГОЛОС ОЛИ. Марина.
МАРИНА *(наклоняется)*. Да.
ГОЛОС ОЛИ. Пункт восьмой работает в обе стороны?
МАРИНА. Уточните.
ГОЛОС ОЛИ. Если он закричит ещё раз, я войду.
МАРИНА. Основанием является только детский плач.
ГОЛОС ОЛИ. Он и есть детский плач.
Треск. Помехи выравниваются в мерное сопение.
Дальше – шёпотом. Вся сцена.
САША *(яростным шёпотом)*. Я буду стоять здесь! Я буду свечку держать! Я буду петь гимн Соединённых Штатов Америки, чтобы сорвать вам процесс!
МАРИНА *(шёпотом)*. Шёпотом?
САША *(шёпотом, с достоинством)*. Я знаю все слова.

Саша набирает воздуха. Лицо у него делается странным. Он поднимает палец, прося подождать. Чихает – коротко, задавленно, в локоть.

САША *(шёпотом)*. Простите.

МАРИНА *(шёпотом)*. Кошачья шерсть.

САША *(шёпотом)*. Здесь нет кошки.

МАРИНА *(шёпотом)*. Здесь есть кот. *(Смотрит вниз.)* Ты стоишь в его лотке.

Саша медленно опускает глаза. Потом медленно поднимает одну ногу. Потом другую.

САША *(шёпотом)*. Давно?

МАРИНА *(шёпотом)*. Шесть минут.

Саша делает шаг в сторону. Ещё чихает. Ещё раз. Смотрит на Марину – и решается.

САША *(шёпотом, опускаясь на колени)*. Марина. Если тебе нужен биоматериал…

Под его коленом, из-под диванной подушки, включается бегемот: «Чунга-Чанга, синий небо…»

Саша подскакивает. Вадик падает на подушку сверху и лежит на ней всем телом. Тишина.

Все трое смотрят на радионяню. Радионяня мигает зелёным. Сопение.

Вадик медленно поднимается. Саша опускается на колени второй раз – медленнее.

САША *(шёпотом)*. Марина. Если тебе нужен биоматериал. Прямая интродукция. Прямо сейчас. *(Пауза.)* Возьми меня.

Тишина. Настоящая. Долгая.

Вадик отворачивается и делает вид, что чрезвычайно занят памперсом.

МАРИНА. Встань, Александр.

САША. Я здоров. Я пью витамины. Я отжимаюсь двенадцать раз.

МАРИНА. Тринадцать. Ты пересчитал в марте.

САША. Ты помнишь?

МАРИНА. Я помню всё.

Пауза.

МАРИНА. Астигматизм. Плоскостопие третьей степени. Сколиоз, компенсированный. Аллергия на берёзу, ольху, злаковые, домашнюю пыль и кошачью шерсть. Непереносимость лактозы. Непереносимость глютена. Непереносимость гистамина. Панические атаки в анамнезе:

три эпизода, последний – февраль. Индекс массы тела ниже нормы на одиннадцать процентов. И, по твоим же собственным словам, непереносимость несправедливости.
Пауза.
МАРИНА. Твоя иммунная система – это хрустальная ваза на краю стола. Если я возьму твой материал, мой ребёнок не выйдет во двор без скафандра.
Саша поднимается с колен. Отряхивает брюки. И говорит совершенно спокойно – так спокойно, как не говорил за всю сцену ни разу.
САША. Ты знаешь мою медицинскую карту наизусть, Марина. Всю. Наизусть. *(Пауза.)* А я знаю, что ты пьёшь кофе без сахара. Но с двумя ложками, если статья не идёт. *(Пауза.)* Это тоже данные.
Марина не отвечает.
Она смотрит на часы.
МАРИНА. Четырнадцать сорок девять.
Саша кивает – так, будто именно этого и ждал.
ВАДИК *(тихо, Марине)*. Марин. А он тебе кто?
МАРИНА. Младший научный сотрудник.
ВАДИК. Понял.
Марина достаёт из сумочки лазерную указку. Красная точка ложится Саше на лоб.
МАРИНА. Уходи.
Саша смахивает точку, как комара. Точка возвращается.
САША. Убери.
МАРИНА. Александр, ты срываешь тайминг. Уровень адреналина в этой комнате превышает норму. Стресс снижает подвижность на семнадцать процентов. Если ты сейчас же не покинешь помещение, я подам докладную за саботаж эксперимента.
САША. Какого эксперимента?! Ты не оформляла заявку! Здесь нет протокола! Здесь нет этического комитета!
ВАДИК. Здесь есть я.
САША. Ты не этический комитет.
ВАДИК. А кто я?
Саша открывает рот. Закрывает.
САША. Донор.
Вадик садится на диван.
МАРИНА. Не туда. Продезинфицировано.
Вадик встаёт. Смотрит на мокрое пятно. Больше туда не садится никогда.

ВАДИК. Марин, давай я его в кладовке запру? Он мне весь настрой сбивает.
МАРИНА. У вас есть кладовка?
ВАДИК. Была. Там теперь коляски.
Саша срывает с сушилки ползунок и раскручивает его над головой, как нунчаки.
САША. Только подойди! Я знаю карате! Я смотрел все бои Брюса Ли!
Ползунок задевает сушилку. Сушилка с грохотом падает. На пол сыплются ползунки, носки и полотенце.
Саша немедленно опускается на корточки и начинает всё собирать.
САША. Простите. Простите, я сейчас. Это куда вешать? Это сюда?
ВАДИК. Оставь.
САША. Я повешу.
ВАДИК. Оставь, я говорю. У нас так и лежит.
Саша поднимается. В руке у него всё ещё ползунок.
МАРИНА. Три. Два.
САША. Ты не досчитаешь до одного, Марина. Ты никогда не считаешь вслух.
МАРИНА. Один.
Саша бросается к двери ванной. По дороге он с разбегу вторично попадает в лоток и вносит его содержимое в ванную. Дверь захлопывается. Щелчок замка.
САША *(из ванной)*. Я забаррикадировался!
ВАДИК. Там шпингалет!
САША *(из ванной)*. Я знаю! Я его закрыл!
Пауза.
САША *(другим, гораздо менее уверенным тоном)*. Марина. Марина, здесь лоток. Здесь ещё один лоток! Я забаррикадировался в эпицентре!
ВАДИК *(Марине, объясняя)*. У нас их два. Он до первого не всегда доходит.
САША *(из ванной)*. И если вы начнёте свою… копулятивную итерацию… я утоплюсь! В детской ванночке! Клянусь Дарвином, утоплюсь!
ВАДИК. Ванночка пустая.
САША *(из ванной)*. Я наберу!
Шум воды.
Марина и Вадик остаются вдвоём посреди гостиной.
ВАДИК. Марин. А коллега у тебя с приветом, да?

МАРИНА. У него повышенная тревожность на фоне нереализованного потенциала.
ВАДИК. Это по-научному «с приветом»?
МАРИНА. Это по-научному «с приветом».
Марина открывает блокнот. В нём, отдельной строкой, записан резерв на сопротивление донора. Она долго смотрит на эту строку. Потом проводит под ней черту.
ВАДИК. Что там?
МАРИНА. Резерв исчерпан.
ВАДИК. А это плохо?
МАРИНА *(закрывает блокнот)*. Это значит, что дальше по плану ничего не предусмотрено.
Из ванной – шум воды. Радионяня мигает зелёным. На экране телевизора всё ещё светится круговая диаграмма с крошечным сектором.
Вадик стоит без футболки, с памперсом в руке. Марина стоит с закрытым блокнотом. Между ними – опрокинутая сушилка, рассыпанный по прихожей наполнитель, раскатившиеся шарики и манеж, съехавший на полметра от своего места.

Сцена 5. Чаепитие

Опрокинутая сушилка. Наполнитель по всей прихожей. Пластиковые шарики по всей гостиной. Манеж стоит в полуметре от своего места. Радионяня мигает зелёным. На экране телевизора всё ещё светится круговая диаграмма с крошечным сектором.
Вадик – без футболки, с памперсом в руке. Марина – с закрытым блокнотом. Из ванной шумит вода.
Вода в ванной выключается.
И становится тихо. По-настоящему. Впервые за всю пьесу.
Вадик кладёт памперс на диван. Наклоняется, поднимает с ковра пластиковый шарик, относит его в манеж. Возвращается за вторым.
Марина смотрит.
Он поднимает третий. Четвёртый. Шариков штук сорок, и он носит их по одному. Это очевидно бессмысленно, и он всё равно их носит.
Марина ставит сумочку на пол. Наклоняется. Поднимает шарик. Держит его в руке дольше, чем нужно. Кладёт в манеж.

Потом она подходит к опрокинутой сушилке, ставит её на ноги и начинает развешивать то, что с неё упало.

ВАДИК. Оставь.

Марина не оставляет.

Вадик смотрит на неё секунду и возвращается к шарикам. Дальше они работают вдвоём. Молча. Это занимает время.

Под диванной подушкой загорается бегемот и приглушённо заводит «Чунга-Чангу».

Ни один из них не двигается с места.

Бегемот доходит до «весело живём», хрипит и гаснет сам.

Впервые за сегодня его никто не убил.

ВАДИК. Чай будешь?

МАРИНА. Чаепитие – неэффективная трата ресурса.

ВАДИК. У меня всё равно дальше по плану ничего не предусмотрено.

Пауза.

МАРИНА. …Буду.

Вадик нажимает кнопку чайника. Достаёт с полки кружку – узнаёт её, ставит обратно и не берёт. Находит две другие. Протирает их изнутри уголком памперса.

ВАДИК *(показывая памперс)*. Он чистый.

МАРИНА. Я вижу.

Чайник закипает. Вадик наливает и протягивает ей кружку.

Марина берёт. Свободная рука сама уходит в сумочку – за баллончиком. Останавливается на полдороге. Возвращается пустой.

Марина пьёт.

Вадик наливает третью кружку, относит её к двери ванной, ставит на пол у порога, стучит два раза и отходит.

Пауза. Дверь ванной приоткрывается на ладонь. Появляется рука. Кружка исчезает. Дверь закрывается.

МАРИНА. Зачем?

ВАДИК. Он там мёрзнет.

Они пьют. Ничего не происходит. Никто не кричит, не звонит и не просыпается.

Вадик отрывается от кружки. Лицо у него делается странным.

ВАДИК. Горячий.

МАРИНА. Что?

ВАДИК. Чай. Горячий. *(Пауза.)* Первый раз с девятнадцатого года.

Он садится на пол, спиной к дивану. На то самое место, где полтора часа назад сидела Оля.

ВАДИК. Марин. А ты помнишь, я тебе в девятом классе записку писал?
МАРИНА. Помню.
ВАДИК. Прямо помнишь?
МАРИНА. «Ты мне нраветься». Через «е».
ВАДИК. И?
МАРИНА. Я исправила и вернула.
ВАДИК. Ты… ты её проверила?!
МАРИНА *(не понимая вопроса)*. Там была ошибка, Вадим.
Пауза.
ВАДИК. Красной ручкой.
МАРИНА. У меня была только красная.
ВАДИК. И передала через Лапшину. Лапшина прочитала вслух. *(Пауза.)* На физике.
МАРИНА. Лапшина сидела ближе.
Вадик кивает. Кивает он довольно долго.
ВАДИК. Марин. Это была не контрольная.
МАРИНА. Я знаю.
Пауза.
ВАДИК. Знаешь?
МАРИНА. Я поняла на следующий день. *(Пауза.)* К тому моменту записка уже была возвращена.
ВАДИК. И что ты сделала?
МАРИНА. Ничего.
ВАДИК. Почему ничего-то?
МАРИНА. Я не знала процедуры.
Пауза.
ВАДИК. Слушай. А в этой твоей таблице. С одиннадцатым «Б». Кто там был первый?
МАРИНА. Строки сортируются по конверсии.
ВАДИК. Я не про сортировку. Кого ты внесла первым?
Пауза.
МАРИНА. Тебя.
ВАДИК. А потом уже всех остальных?
МАРИНА. Гипотезу надо с чего-то начинать.
Вадик медленно поворачивает голову. Прямо перед ним, на ковре, мигает зелёным радионяня. Он тянется к тумблеру.
МАРИНА. Не надо.
ВАДИК. Марин, она двусторонняя. Она всё…

МАРИНА. Пункт первый.
Вадик убирает руку.
Из радионяни – скрип кровати. Потом ничего. Потом мерное сопение. Оба смотрят на прибор. Ни один не берётся сказать, спит она или нет.
И дальше не происходит ничего.
Они сидят. Радионяня мигает зелёным. Где-то капает вода. Ни один из них не говорит.
Это длится дольше, чем принято. Пусть длится: это единственное место в пьесе, где залу дают выдохнуть.
Марина ставит кружку на пол. Достаёт из-под диванной подушки бегемота. Смотрит на него. Сажает его на подлокотник – ровно, по центру, мордой в комнату. Поправляет.
Бегемот не поёт.
Марина машинально нажимает кнопку лазерной указки. Красная точка ползёт по ковру: по рассыпанным шарикам, по клоку серой шерсти, по погремушке.
Оба смотрят на точку. Ждут.
Кот не приходит.
Марина выключает указку.
ВАДИК. Марин.
МАРИНА. Да.
ВАДИК. А тебе не страшно? Одной. Туда. С ребёнком.
Пауза.
МАРИНА. Страшно – это не показатель.
ВАДИК. А что показатель?
Марина открывает рот. Закрывает.
Она смотрит на часы.
МАРИНА. Четырнадцать пятьдесят шесть.
ВАДИК. Понял.
Марина поднимается. Отряхивает юбку. Голос возвращается на рабочую частоту.
МАРИНА. По пункту второму я покидаю помещение в пятнадцать сорок пять. У нас сорок девять минут. Из них процедура – четыре.
ВАДИК. Было пять-семь.
МАРИНА. Я пересчитала.
ВАДИК. Ты не пересчитала. Ты торгуешься сама с собой. *(Пауза.)* Это не я придумал. Это Оля сказала.
МАРИНА. Я помню.

Марина ставит кружку на столик и расстёгивает вторую пуговицу блузки. Движение выходит не таким отработанным, как во второй сцене.
Вадик встаёт и берётся за шнурок штанов. Мёртвый узел на месте.
ВАДИК. Он с двух часов дня.
МАРИНА. Я вижу.
Вадик дёргает. Узел затягивается плотнее. Вадик сдаётся, берётся за пояс и стягивает штаны прямо через узел. Штаны застревают на коленях. Под ними обнаруживаются семейные трусы в горошек. Передвигаться Вадик теперь может только мелкими шагами, как гейша.
Он делает два таких шага и останавливается посреди гостиной.
ВАДИК *(себе, тихо, набирая воздуха)*. Я не винтовка. Я не система залпового огня. *(Пауза.)* Я – ядерная триада.
МАРИНА. Триада – это три компонента, Вадим.
ВАДИК. И?
МАРИНА. У тебя один.
Вадик закрывает глаза. Марина делает к нему шаг.
В замке входной двери поворачивается ключ.
Оба замирают. Вадик – со спущенными до колен штанами. Марина – с расстёгнутой блузкой.
Из-за двери, приближаясь, слышно негромкое, но совершенно неотвратимое: «Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг"…»
ВАДИК *(шёпотом)*. Мама.
Бегемот сидит на подлокотнике и смотрит на дверь.
Из ванной снова начинает шуметь вода.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 6. Тёща

Вадик – без футболки, в семейных трусах в горошек и носках, штаны спущены до колен. Марина – с расстёгнутой блузкой, рука на полпути к нему.
Оба не двигаются.

Зал рассаживается. Картина держится.
И только потом из-за входной двери, приближаясь, слышно: «Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг"…»
Пение обрывается у самой двери.
В замке проворачивается ключ.
Входная дверь открывается.
На пороге – Антонина Павловна. Плащ, хозяйственная сумка, из сумки торчит кочан капусты. Она переступает через кошачий лоток не глядя – второй человек за пьесу, кто делает это уверенно.
Она останавливается и молчит.
То, что она видит: опрокинутая сушилка. Наполнитель по всей прихожей. Пластиковые шарики по гостиной. Манеж посреди комнаты, в полуметре от своего места. На диване тёмное мокрое пятно. На подлокотнике сидит плюшевый бегемот, мордой в комнату. Радионяня мигает зелёным. На экране телевизора светится круговая диаграмма с крошечным сектором. Из ванной шумит вода. Незнакомая женщина в костюме, с расстёгнутой блузкой. И зять – без футболки, в трусах и носках, со спущенными до колен штанами: пояс стянут наглухо, шнурок сведён в мёртвый узел, и снять их через этот узел уже нельзя, а надеть обратно – тем более.
Марина застёгивает обе пуговицы. Методично, сверху вниз, глядя Антонине Павловне в глаза.
Свободная рука уходит в сумочку и достаёт баллончик антисептика.
Марина обводит взглядом прихожую, гостиную и тёщу.
Дезинфицировать здесь нечего.
Она ставит баллончик на журнальный столик.
Антонина Павловна на неё пока не смотрит.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Штаны надень.
ВАДИК. Не могу.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Почему это?
ВАДИК. Узел.
Антонина Павловна ставит сумку на пол, подходит к зятю, берётся за пояс двумя руками и тянет вверх. Штаны доходят до середины бедра и останавливаются.
Она тянет сильнее. Вадик приподнимается на цыпочки.
Она отпускает. Штаны съезжают обратно на колени.
Тогда она опускается перед ним на корточки и берётся за шнурок. Тянет. Узел не поддаётся. Перехватывает и тянет иначе. Ничего. Наклоняется и пробует зубами.

Все смотрят.
Она выпрямляется. Отряхивает колени.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Намертво.
ВАДИК. С двух часов дня.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Ладно, стой так.
И только теперь она поворачивается к Марине.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Здравствуйте.
Дальше – в полный голос. Вся сцена.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(Вадику, через всю комнату, хотя он в трёх шагах)*. ЭТО КТО?
ВАДИК *(шёпотом)*. Мам! Коля спит!
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Он под меня привык. *(Марине.)* Так кто вы?
ВАДИК. Это Марина. Она… она кинезиолог.
Марина открывает рот. Закрывает.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(Марине)*. Правда?
МАРИНА. Я не могу сказать правду.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Почему это?
МАРИНА. Это пункт девятый.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(кивает)*. А. Врачебная тайна.
Она снимает плащ и вешает его на манеж.
МАРИНА. Четырнадцать пятьдесят девять.
ВАДИК. Понял.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Чего понял?
ВАДИК. Ничего.
ВАДИК. Мам. А пацаны?
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. У Валентины. До вечера. У неё качели.
ВАДИК. Ты же в четыре собиралась.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А я пораньше. *(Пауза.)* Я чего пришлато. Вадик. Вы в субботу…
Из ванной – шум воды и глухое, сквозь дверь: «МА-РИ-НА!»
Антонина Павловна поворачивает голову.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. У вас вода шумит.
ВАДИК. Это Саша.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Какой Саша?
ВАДИК. Маринин.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Это фамилия такая? *(Пауза.)* А чего он в ванной?

Пауза. Вадик набирает воздуха.
ВАДИК. Он водолаз.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А.
Она подхватывает сумку и идёт на кухню. По дороге, не сбавляя шага, отдаёт распоряжение.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Ползунки развесь. Сохнут же.
Вадик мелкими шагами идёт к опрокинутой сушилке.
МАРИНА *(тихо)*. Вадим. У нас процедура.
ВАДИК *(тихо)*. Мам сказала.
Из кухни – грохот кастрюль. Голос идёт оттуда, не снижая громкости ни на слово.
ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ. СОЛЬ У ВАС ГДЕ СТОЯЛА?
ВАДИК *(в сторону кухни)*. НАД ПЛИТОЙ!
ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ. ПРАВИЛЬНО. ТЕПЕРЬ У ХОЛОДИЛЬНИКА.
ВАДИК. МАМ, ЗАЧЕМ?!
ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ. ЗАТЕМ.
Пауза. Марина делает шаг к Вадику.
ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ. А ЧАЙНИК ГДЕ?
ВАДИК. В КОМНАТЕ!
ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ. ПОЧЕМУ В КОМНАТЕ?
ВАДИК. КОЛЯ!
ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ. А.
Пауза. Марина делает шаг к Вадику.
МАРИНА *(вполголоса)*. Вадим. Ложись.
ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ С КУХНИ. ЛОЖИСЬ КУДА?
Марина останавливается.
ВАДИК *(в сторону кухни)*. НА ДИВАН! СПИНА!
ГОЛОС АНТОНИНЫ ПАВЛОВНЫ. А.
Марина смотрит на стену, за которой кухня. Долго.
МАРИНА *(очень тихо)*. Она нас слышит.
ВАДИК *(очень тихо)*. Она всегда нас слышит.
Антонина Павловна возвращается. В одной руке поварёшка, в другой – механический кухонный таймер. По дороге она заглядывает в мусорное ведро.
Ничего не говорит. Идёт дальше.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Овсянка. Пятнадцать минут.

Она ставит таймер на журнальный столик, рядом с ноутбуком, на самое видное место. Поворачивает головку.
Таймер начинает тикать. Он будет тикать до конца сцены и дальше.
ВАДИК. Мам, мы не будем овсянку.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Будете.
Она подходит к двери ванной и стучит в неё поварёшкой.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК! ВЫ ЖИВОЙ?
ГОЛОС САШИ *(из-за двери)*. НЕТ!
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. ОБЕДАТЬ БУДЕТЕ?
Пауза.
ГОЛОС САШИ. БУДУ.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А.
Она возвращается в комнату и впервые за сцену останавливается посреди неё.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Я в пять встала. В шесть тесто поставила. В семь пацанов подняла, в восемь оба поели – старший не ел, я его двадцать минут уговаривала. В девять площадка. В одиннадцать поликлиника, карту забирать, а там очередь, и мужчина без очереди. Я ему сказала. В час Валентина, качели. Потом рынок. Капуста. Потом сюда.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Я не села ни разу.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Вадик. Я вот что хотела. В субботу…
Радионяня трещит.
Вадик бросает ползунки и падает на колени перед прибором.
Помехи выравниваются в мерное сопение.
Вадик выдыхает.
Антонина Павловна закрывает рот.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(Марине)*. Кинезиолог – это по спине?
МАРИНА. По спине.
ВАДИК *(поднимаясь, вдохновляясь)*. Мам, у меня спина! У меня угол наклона позвоночника двадцать два градуса!
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Чего?
МАРИНА. Двадцать два градуса. Зафиксировано в шестнадцать лет.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Я его шестой год выпрямляю. С того самого борща. *(Марине.)* Он мне не верил. А вы, значит, замерили.
МАРИНА. Замерила.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. И что, редкость?

МАРИНА. Нет.
ВАДИК. Марин!
МАРИНА. Пункт шестой.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А вы вообще кто по образованию?
МАРИНА. Доктор биологических наук. Индекс Хирша – тридцать один.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(в полный голос, на всю квартиру)*. ХИРША?
МАРИНА. Хирша.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Тридцать один – это много?
МАРИНА. Для моей области – да.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А в деньгах?
МАРИНА. Нет.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А.
Радионяня коротко трещит и замолкает.
Вадик и Марина поворачиваются к ней.
Антонина Павловна не поворачивается.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Руки покажи.
Марина, не понимая зачем, показывает руки.
Антонина Павловна берёт их, поворачивает ладонями вверх, смотрит.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Ничего руки. Не работали, но ничего.
Отпускает.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Худая ты. Ешь?
МАРИНА. По расписанию.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Оно и видно.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А этот, в ванной, он тебе кто?
МАРИНА. Коллега.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Коллеги в ванной не запираются.
Впервые за пьесу Марине нечего ответить.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Вот вы мне и скажите. Как кинезиолог.
Она направляется к дивану.
Вадик открывает рот.
Антонина Павловна садится – точно в мокрое пятно.
Вадик закрывает рот.

АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Мы с Валентиной третий год спорим, а рассудить некому.
Она берёт с подлокотника бегемота.
Вадик и Марина одновременно перестают дышать.
Антонина Павловна разглядывает бегемота, ставит его обратно на подлокотник и отворачивается.
Бегемот молчит.
Марина, не глядя, поправляет его на сантиметр. Мордой в комнату.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Пункт первый. Валентина говорит: по животу видно, кто будет. Остренький – мальчик.
МАРИНА. Нет.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Как это нет?
МАРИНА. Форма живота зависит от тонуса мышц и положения плода. Пол определяется двадцать третьей парой хромосом. Валентина не права.
Антонина Павловна загибает палец.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Один – ноль. В мою пользу. *(Пауза.)* Второй. Рожать надо до тридцати.
Пауза.
МАРИНА. Овариальный резерв снижается примерно на девять процентов в год. *(Пауза.)* Валентина права.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А вам сколько?
МАРИНА. Тридцать два.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Ага.
Она загибает второй палец. Медленнее.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Третий. Руки вверх поднимать нельзя. Пуповина обмотается.
МАРИНА. Нет.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(оживая)*. Так. Два – один. Четвёртый. Пока кормишь – не залетишь.
МАРИНА. В первые шесть месяцев, при исключительно грудном вскармливании и отсутствии менструаций, эффективность доходит до девяноста восьми процентов. *(Пауза.)* Валентина права.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(Вадику)*. Слышал?
ВАДИК. Мам, у нас трое.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Значит, плохо кормила.
Радионяня трещит. Один раз, коротко.
Никто не оборачивается.

АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Вот и я говорю. *(Пауза.)* Пятый. Мужик курит – дети хилые.
МАРИНА. Курение повышает фрагментацию ДНК сперматозоидов. Валентина права.
Пауза.
Антонина Павловна смотрит на свою руку. На ней загнуто два пальца.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Три из пяти.
МАРИНА. Три из пяти.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. У Валентины восемь классов. Восемь. *(Пауза.)* И коридор в цветах.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Я ей скажу – два из пяти.
МАРИНА. Это неправда.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Зато в мою пользу.
Пауза.
МАРИНА *(достаёт блокнот, записывает)*. Я записала.
Марина, задумавшись, вертит в пальцах лазерную указку. Красная точка выползает на лоб Антонины Павловны.
Антонина Павловна ловит её ладонью. Как муху. Прижимает ко лбу и держит.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Не балуй.
Марина выключает указку.
Впервые за пьесу точку кто-то поймал.
Антонина Павловна поднимается с дивана. На юбке сзади – тёмное мокрое пятно.
Вадик открывает рот.
Антонина Павловна уходит на кухню.
Вадик закрывает рот.
МАРИНА. Вадим. Ложись.
Она расстёгивает пуговицу.
Антонина Павловна возвращается – за кочаном. Достаёт его из сумки, оглядывается, куда бы деть, и суёт Марине.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Подержи. Руки заняты.
Марина берёт кочан.
Антонина Павловна смотрит, как она его держит.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Как чужого ребёнка держишь. *(Пауза.)* Не урони. Он на субботу.
МАРИНА. Что в субботу?

Пауза.
Антонина Павловна ставит поварёшку на столик. Впервые за сцену у неё пустые руки.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Шестьдесят.
МАРИНА. Кому?
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Мне.
Ноутбук на столике оживает: входящий вызов.
Антонина Павловна забирает поварёшку и уходит на кухню.
Марина стоит с кочаном.
Ноутбук звонит.
Марина перекладывает кочан под мышку. Свободной рукой поднимает ноутбук – кабель HDMI выходит из гнезда. Телевизор гаснет. Круговая диаграмма с крошечным сектором исчезает с экрана. Впервые за пьесу.
Марина разворачивает ноутбук к себе и принимает вызов. Собеседника не слышно. Слышно только её. Говорит она по-английски.
МАРИНА. Yes. Yes, professor. Good afternoon.
За её спиной Вадик мелкими шагами подходит к опрокинутой сушилке, ставит её на ноги и начинает развешивать ползунки. В трусах и носках. Тёща велела.
МАРИНА. No. The protocol is on schedule.
Из кухни, во весь голос: «Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг"...»
МАРИНА. …It's a neighbour.
Из ванной – шум воды и глухое: «МАРИНА!»
МАРИНА. It's the same neighbour.
Вадик роняет сушилку. Грохот.
МАРИНА *(не оборачиваясь, по-русски)*. Вадим, не трогай сушилку.
Пауза. Она возвращается к камере.
МАРИНА. Everything is under control.
Таймер тикает.
Антонина Павловна пересекает комнату за её спиной – с кастрюлей, в клубах пара, поперёк кадра.
МАРИНА. …A structural feature of the building.
Пауза.
МАРИНА. Yes. Twenty-one days.
Она закрывает ноутбук.
Она стоит посреди гостиной с кочаном капусты в руках. Телевизор тёмный.
Марина ставит кочан на столик.

МАРИНА *(смотрит на часы)*. Пятнадцать двенадцать.
ВАДИК *(от сушилки)*. Понял.
МАРИНА. Вадим.
Она кладёт руку ему на плечо.
Антонина Павловна возвращается – с таймером в руке. Она переводит головку вперёд и ставит таймер обратно на столик.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Не доварилась.
Таймер тикает дальше.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А чего это он у вас раздетый?
МАРИНА. Спина.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А.
Пауза.
МАРИНА. Вадим, выпрями спину.
Вадик выпрямляется мгновенно.
Антонина Павловна смотрит на это долго.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(Марине, почти с нежностью)*. Хоть кто-то из него мужика делает.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Я двадцать два года из одного мужика мужика делала. *(Пауза.)* Не сделала. Помер, а я так и не поняла, чего ему не хватало.
Пауза.
ВАДИК. Мам.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(Марине)*. Вы приходите ещё. Как спину доделаете.
Она берёт поварёшку.
МАРИНА. Антонина Павловна.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Ну?
МАРИНА. Вы на ногах с пяти утра. Десять часов двенадцать минут.
Пауза.
Антонина Павловна впервые за сцену смотрит на неё молча.
Пауза держится.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А.
Она уходит на кухню. Мокрое пятно на её юбке уходит вместе с ней. Из кухни, в полный голос: «Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг", пощады никто не желает…»
Таймер тикает.
Марина снимает очки. Складывает дужки. Кладёт очки на столик – далеко, к самому краю.

ВАДИК. Ты говорила, можешь не снимать.
МАРИНА. Говорила.
Она вынимает шпильки. Волосы падают. Она не знает, что с ними делать дальше, и оставляет как есть.
МАРИНА. Три минуты.
ВАДИК. Было четыре.
МАРИНА. Таймер идёт.
Радионяня мигает зелёным. Из ванной шумит вода. Телевизор тёмный.
Таймер тикает.

Сцена 7. Разоблачение

Телевизор тёмный. Радионяня мигает зелёным. Из ванной шумит вода. Из кухни – стук ножа по разделочной доске. Петь Антонина Павловна перестала.
На диване лежит памперс – тот самый, который Вадик не выпускал из рук с двух часов дня и выпустил, когда тёща велела развешивать ползунки.
Вадик – без футболки, в семейных трусах в горошек, со спущенными до колен штанами и в носках. Марина стоит посреди гостиной без очков, с распущенными волосами. Она щурится.
Она подносит запястье почти к самому носу.
МАРИНА. Пятнадцать пятнадцать.
ВАДИК. Понял.
Марина делает шаг в комнату и вытягивает руку. Рука находит подлокотник дивана. На подлокотнике сидит бегемот – ровно, по центру, мордой в комнату. Она посадила его туда сама.
МАРИНА *(ощупывая бегемота)*. Вадим. У тебя нездоровая температура кожи и странный ворс.
Бегемот загорается синим глазом и запевает у неё под рукой.
ВАДИК *(от дивана)*. Марин. Я левее.
Марина убирает руку. Ставит бегемота обратно – ровно, мордой в комнату. Поправляет на сантиметр.
Бегемот доходит до того же места, что и всегда, и гаснет сам.
МАРИНА. Я отключила визуальный анализатор. Для снижения уровня неловкости.

ВАДИК. А стало лучше?
МАРИНА. Нет.
МАРИНА. Ложись.
Вадик мелкими шагами добирается до дивана. Садится. Ложится. Диван скрипит. С левой стороны.
Оба поворачиваются к радионяне. Пауза.
ВАДИК *(шёпотом)*. Она предупреждала.
Марина идёт на звук, опускается на диван и промахивается. Колено упирается Вадику в живот.
ВАДИК *(хрипит)*. Кх-х… Марин. Это печень.
МАРИНА. Погрешность слепого позиционирования.
Марина переползает и укладывается рядом. Оба лежат на спине, руки по швам, глаза в потолок.
Выглядит это как в морге.
Четыре секунды не происходит ничего.
Таймер тикает.
ВАДИК. Марин.
МАРИНА. Да.
ВАДИК. А можно я хоть носки сниму? А то как-то неприлично.
МАРИНА. Снимай.
Вадик садится. Снимает носки – по одному, сосредоточенно, как перед врачом. Складывает их вдвое и кладёт на подлокотник, рядом с бегемотом.
Больше на нём снимать нечего.
Он ложится обратно. Диван скрипит.
Ещё пять секунд не происходит ничего.
Из радионяни – ни скрипа, ни возни, ни сопения. Ровное молчание работающего прибора.
ВАДИК *(в потолок)*. Илья Петрович в четверг сказал, что я не тяну.
Пауза.
МАРИНА. Пункт четвёртый.
ВАДИК. Чего?
МАРИНА. Ничего. Продолжай.
Она делает сочувствующее лицо. Оно получается лучше, чем в третьей сцене. Ненамного.
ВАДИК. Восемь лет, Марин. Ни одного больничного. Я на Новый год выходил. Я на Колины роды не поехал – я тендер закрывал. *(Пауза.)* Оля рожала, а я закрывал тендер.
Таймер тикает.

ВАДИК. А он взял Гладышева. Гладышев меня на два года младше. У Гладышева ноутбук с яблоком.
Марина не перебивает. Ни разу.
ВАДИК. …Извини. Не время.
МАРИНА. Это пункт четвёртый. Я обязана выслушать полностью.
ВАДИК. Я договорил.
МАРИНА. Хорошо. *(Пауза.)* Две минуты.
ВАДИК. Было три.
МАРИНА. Таймер идёт.
Пауза.
ВАДИК. Марин. У меня не получится.
МАРИНА. Обоснуй.
ВАДИК. Я четыре года ничего не могу. Смесь грею – она горячая. Коляску складываю – она не складывается. Я вчера судокрем перепутал с зубной пастой. *(Пауза.)* Я не понимаю, как это вообще делают люди, у которых ещё есть силы.
Пауза. Марина смотрит в потолок.
МАРИНА. Вадим.
ВАДИК. А?
МАРИНА. Ты справляешься.
Долгая пауза.
Вадик медленно поворачивает голову.
ВАДИК. Правда?
МАРИНА. Да.
Он снова смотрит в потолок.
ВАДИК *(очень тихо)*. Мне этого никто не говорил. *(Пауза.)* Четыре года.
Радионяня мигает зелёным.
Марина поворачивается к нему и кладёт руку ему на грудь.
Вадик закрывает глаза.
Дверь ванной распахивается с грохотом.
В клубах пара на пороге стоит Саша. Мокрый насквозь: рубашка прилипла, галстук-бабочка висит под ухом, с волос течёт. В руках – планшет в прозрачном пакете.
САША. ОСТАНОВИТЕСЬ!
Вадик дёргается и сваливается с дивана на пол.
Марина садится и шарит рукой по столику. Рука натыкается на кочан. Кочан падает на пол и откатывается к манежу.
Марина находит очки и надевает их.

МАРИНА. Александр. Ты нарушил герметичность помещения.
САША. Я нарушил кое-что покрупнее.
МАРИНА. Уходи.
САША. Нет.
МАРИНА. Три. Два.
САША. Не в этот раз.
Саша набирает воздуха и запевает гимн США. По-английски, с первой строчки, громко и абсолютно фальшиво.
Он действительно знает все слова.
ВАДИК *(с пола)*. Он поёт.
МАРИНА. Он предупреждал.
Из кухни доносится стук ножа. Он не сбивается.
МАРИНА. Александр. Вода.
Саша замолкает на середине строки. Прислушивается. Уходит в ванную.
Шум воды прекращается.
Саша возвращается, выходит на середину комнаты и останавливается. С него течёт на ковёр.
САША. Я не утопился.
МАРИНА. Я заметила.
САША. Я работал.
Он поднимает планшет.
САША. Пока вы готовились, я поднял базу городского центра репродукции. Ту самую, которую ты вскрыла в марте. *(Пауза.)* У тебя пароль не менялся с двадцать третьего года.
МАРИНА. Это нерелевантно.
САША. Это релевантно. Ты её вскрыла и не дочитала.
Он поворачивается к Вадику.
САША. Сычёв Вадим Анатольевич. Двенадцатое ноября двадцать первого года.
ВАДИК. Что – двенадцатое ноября?
САША. Вы сдавали.
Пауза.
ВАДИК. Я не сдавал.
САША. Донорская программа. Пять тысяч за визит. Анкета, первичный скрининг.
Пауза.
ВАДИК *(в пол)*. …Мне за это не заплатили.
САША. Разумеется. Вас отклонили.

Пауза.
ВАДИК. Я думал, у них база переполнена.
МАРИНА. Дай сюда.
Саша отдаёт планшет. Марина читает.
МАРИНА. Концентрация – девять миллионов на миллилитр.
ВАДИК. Это много?
МАРИНА. Норма – шестнадцать. *(Пауза.)* Прогрессивная подвижность – одиннадцать процентов. Норма – тридцать. Морфология по Крюгеру – один процент.
ВАДИК. А норма?
МАРИНА. Четыре.
Она возвращает планшет.
МАРИНА. Это чужая карта.
САША. Это его карта.
МАРИНА. Однофамилец.
САША. С его датой рождения. И его СНИЛС.
Марина забирает планшет второй раз.
Читает второй раз. Дольше, чем нужно, чтобы прочитать.
Планшет она больше не отдаёт.
ВАДИК *(поднимаясь с пола)*. Так. Стоп. У меня трое детей.
САША. Я знаю.
ВАДИК. Трое! За четыре года! Это же… это же математика!
САША. Это не математика, Вадик. Это Оля.
Пауза.
ВАДИК. Чего?
Саша поворачивается к Марине. Дальше он говорит только ей. Это доклад.
САША. Наследственная гиперовуляция. Двойной выход яйцеклетки – в каждом втором цикле. У матери то же самое, есть в карте.
МАРИНА. Подтверждено?
САША. Двенадцать протоколов УЗИ. В шести – два доминантных фолликула.
Пауза.
САША. Рецептивность эндометрия – верхний дециль. Три беременности, все три – с первого цикла. Две – на фоне комбинированных оральных контрацептивов.
МАРИНА. Значит, она их не пила.
САША. Пила. Регулярно. Ты сама видела выписку. Индекс Перля при правильном приёме – ноль целых три десятых.

Пауза.
САША. Она попала в эти три десятых. Дважды.
МАРИНА. Это невозможно.
САША. Это опубликовано. Дважды подряд – четыре описанных случая в мировой литературе. *(Пауза.)* Теперь пять.
Пауза.
МАРИНА. Ты подгоняешь объяснение под результат.
САША. Да. Ретроспективно. Как и ты. *(Пауза.)* Разница в том, что у меня есть измерения. А у тебя четыре года наблюдения за человеком, которого ты ни разу не измерила.
МАРИНА. Я видела её выписку.
САША. Ты видела её выписку и записала результат ему.
Пауза.
САША. У Ковалёва ты проверила вазэктомию. У Лаптева – четыре брака. У Морозова – расписание рейсов. Одиннадцать строк, одиннадцать проверок. *(Пауза.)* А у него – ни одной. Ты посмотрела на троих детей и поставила единицу.
МАРИНА. У него самая высокая конверсия в выборке.
САША. У него самая высокая конверсия в выборке из одного человека. И этот человек – не он.
Тишина.
ВАДИК. Погодите. Погодите. *(Марине.)* Ты сама сказала. Про таблетки. Ты сказала – я пробил защиту. Дважды.
САША. Ты не пробил, Вадим. Ты присутствовал.
Пауза.
ВАДИК. У меня Колька на меня похож. Все говорят – вылитый я.
САША. Это фенотип. Он ни о чём не говорит.
ВАДИК. У него мой нос.
Пауза.
САША. Нос твой.
Пауза.
ВАДИК *(набирая воздуха)*. Я снайперская винтовка.
САША. Нет.
ВАДИК. Я система залпового огня.
САША. Нет.
ВАДИК *(тише)*. Я ядерная триада.
Саша делает к нему шаг.
САША. Ты водяной пистолетик, Вадик. С протекающим дулом.
Тишина.

Вадик стоит посреди гостиной: без футболки, без носков, в трусах в горошек, со спущенными до колен штанами.
ВАДИК *(очень тихо)*. Марин. Скажи ему.
Пауза.
Марина смотрит на часы.
МАРИНА. Пятнадцать двадцать восемь.
Пауза.
ВАДИК. …Понял.
САША *(в полный голос, торжествуя)*. ТЫ – НУЛЬ!
Звонит таймер.
Никто не двигается.
Таймер звонит долго. Потом замолкает сам.
Из кухни выходит Антонина Павловна: в одной руке поварёшка, в другой крышка от кастрюли. На юбке по-прежнему тёмное мокрое пятно.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. ОВСЯНКА!
Она подходит к столику и переводит головку таймера.
И только теперь поднимает глаза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Это кто?
ВАДИК. Саша.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Какой Саша?
ВАДИК. Маринин.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А я Белова Антонина Павловна. *(Пауза.)* Чего мокрый?
ВАДИК. Он в ванной был.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Нет. Вы мне объясните.
Марина открывает рот. Закрывает.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Ну?
МАРИНА. Я не могу.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Пункт девятый?
МАРИНА. Пункт девятый.
САША. Зато я могу.
МАРИНА. Александр.
САША *(Антонине Павловне, чётко, как на защите)*. Эта женщина пришла к вашему зятю за биологическим материалом. С целью зачатия. Ваша дочь дала согласие. Под запись. Девять пунктов.
Пауза.

МАРИНА. Восемь её. Один мой. Десятый отклонён.
Тишина.
Антонина Павловна очень медленно опускает крышку от кастрюли. Дверь спальни открывается.
Входит Оля.
В руке у неё вторая половина радионяни – та, что стояла у кроватки. Зелёный огонёк.
Она не сонная. Она вообще не похожа на человека, которого только что разбудили.
Оля проходит в комнату, наклоняется и кладёт прибор на ковёр – рядом с тем, который лежит и мигает здесь всю пьесу.
МАРИНА. Ольга. По пункту восьмому основанием является только детский плач.
ОЛЯ. Он и есть детский плач.
Пауза.
ОЛЯ. И она двусторонняя.
Две половины одного прибора лежат на ковре рядом и мигают зелёным. Не в такт.
ВАДИК. Оль. Ты спала?
ОЛЯ. Нет.
Пауза.
ВАДИК. Ни минуты?
ОЛЯ. Ни одной.
Пауза.
Марина достаёт блокнот. Открывает. Пишет.
ОЛЯ. Что вы пишете?
МАРИНА. Пункт девятый. Нарушен. *(Пауза.)* Не мной.
ОЛЯ. Я слышала.
Пауза.
Марина наклоняется, поднимает с ковра кочан капусты и ставит его на столик – туда, где он стоял.
МАРИНА. Восстановление исходного положения мебели – шесть минут.
Никто не отвечает.
Пауза.
МАРИНА. Выборка из одного человека.
Никто не отвечает.
МАРИНА. Меня с этим в Бостоне не пустят даже на парковку.
Пауза.

Вадик подходит к дивану и берёт с него памперс. Держит его двумя руками.
Потом поворачивается и идёт к Оле. Мелкими шагами – других он делать не может.
Он проходит половину расстояния и останавливается.
Антонина Павловна делает шаг к дочери. Саша делает шаг и останавливается. Марина делает шаг и останавливается.
Оля не двигается.
Все пятеро оказываются в центре комнаты. Между Вадиком и Олей – два шага, которых он не делает.
На подлокотнике, рядом со сложенными вдвое носками, загорается синим глазом бегемот и во всю мощь запевает «Чунга-Чангу».
Никто его не убивает.

Сцена 8. Ромео и Джульетта

Все пятеро в центре комнаты.
Вадик стоит с памперсом в двух руках. Между ним и Олей – два шага, которых он не сделал.
Телевизор тёмный. Таймер молчит. Из ванной не шумит вода.
На журнальном столике – закрытый ноутбук, отзвонивший таймер, баллончик антисептика и кочан капусты, поставленный туда Мариной минуту назад.
На ковре лежат две половины радионяни. Обе мигают зелёным. Не в такт.
На подлокотнике дивана сидит бегемот, светит синим глазом и во всю мощь поёт «Чунга-Чангу». Рядом с ним – сложенные вдвое носки.
Никто не двигается.
Бегемот поёт.
Он поёт дольше, чем это можно вынести.
Антонина Павловна ставит крышку от кастрюли на столик, делает два шага к дивану, поднимает поварёшку и с размаху бьёт.
Хруст. Механический хрип. Синий глаз гаснет.
Бегемот падает с подлокотника на ковёр.
Тишина.
Настоящая: без воды, без таймера, без прибора.
Марина делает шаг назад. Потом ещё один.

Саша отступает следом за ней.
Они уходят в глубину комнаты, к тёмному телевизору, и останавливаются там. Дальше они не двигаются и почти не говорят.
Слышно, как у Саши стучат зубы.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(опуская поварёшку)*. Значит так.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Я не знаю, кто тут у вас водолаз, кто кинезиолог и кто водяной пистолетик. Мне с кухни всё слышно. *(Пауза.)* Но если вы мне сейчас не объясните, почему моя дочь стоит белая как мел, я вас этой поварёшкой всех утилизирую.
ОЛЯ. Мама. Подожди.
Антонина Павловна замолкает мгновенно.
Оля поворачивается к мужу.
ОЛЯ. Вадик.
ВАДИК. А?
ОЛЯ. Объясни мне. Только честно. *(Пауза.)* Без спины. Без двадцати двух градусов.
Пауза.
Вадик смотрит на памперс в своих руках.
ВАДИК. А что объяснять, Оля? Что объяснять?!
И дальше – не останавливаясь.
ВАДИК. Я думал, я – снайперская винтовка Драгунова! Я думал, во мне есть хоть что-то уникальное! На работе начальник об меня ноги вытирает. Дома я – просто функция! Принеси памперсы, подогрей смесь, покачай Колю, сбегай за мазью! Я даже не Вадик больше – я «папа, не стой под ногами»!
ОЛЯ. Вадик…
ВАДИК. А тут приходит она!
Он тычет пальцем в глубину комнаты, не оборачиваясь.
ВАДИК. Красивая! Умная! С графиками! И говорит, что я феномен! Что я альфа-самец!
Он рвётся мерить комнату шагами. Шаги у него только мелкие.
ВАДИК. Оля, ты понимаешь, как это было для меня важно?! Я почувствовал себя человеком! Мужчиной! Суперменом генетическим!
Оля идёт к нему.
Он не останавливается.
ВАДИК. А ты… ты меня просто сдала в аренду! За возможность поспать! Как… как перфоратор соседу!
Оля подходит к мужу вплотную и берёт шнурок обеими руками.

Она не тянет.
Она делает ещё полшага вперёд – и мёртвый узел на его штанах распускается сам. Узел, который затянула Марина, который не взяли ни две руки Вадика, ни зубы Антонины Павловны, сходит за полторы секунды.
Вадик этого не замечает. Он говорит.
Оля вкладывает концы шнурка ему в ладонь и отходит.
ВАДИК *(уже тише, себе)*. Как перфоратор соседу.
Пауза.
ОЛЯ. А ты думаешь, я от хорошей жизни тебя сдала?
ВАДИК. Да ты вообще меня не замечаешь!
ОЛЯ. Потому что я тону, Вадик!
Она не двигается с места. Всё остальное она говорит, не сходя с одной точки ковра.
ОЛЯ. Я тону в этих пелёнках, в этих срыгиваниях, в этих коликах! Я не сплю, я не ем нормально, я в душ хожу по таймеру! Я смотрю в зеркало и не вижу там женщину – я вижу там доильный аппарат с мешками под глазами!
Тишина.
Оля поворачивается к дивану.
На обивке тёмное мокрое пятно. Оно там с четырнадцати двадцати одной.
Оля смотрит на него.
И садится точно в него.
Саша снимает с шеи галстук-бабочку. Оглядывается. Находит у ножки стола детский горшок. Молча выжимает в него галстук. Ставит горшок на место.
На него никто не смотрит.
ОЛЯ *(ровно, в пространство)*. Я ужасная мать.
Марина открывает блокнот и снимает колпачок с ручки.
ОЛЯ. Я ненавижу себя за то, что срываюсь на вас. Я плохая жена – раз мой муж ищет подтверждения своей мужественности у какой-то женщины с лазерной указкой.
Ручка Марины останавливается.
ОЛЯ. Я просто хотела закрыть глаза на два часа. И чтобы меня никто не трогал. Ни-кто!
Марина медленно закрывает блокнот.
Пауза.
ОЛЯ *(очень тихо)*. Сто двадцать минут.

Пауза.
ОЛЯ. Я пролежала их с открытыми глазами.
Вадик стоит посреди гостиной: в одной руке памперс, в другой концы шнурка.
Он смотрит на шнурок. Потом на узел, которого больше нет.
Он зажимает памперс под мышкой, подтягивает штаны и завязывает шнурок. Бантиком. С первого раза.
Вадик делает шаг. Полный, нормальный шаг – первый с половины третьего.
Потом второй.
Ровно те два, которых он не сделал.
Он опускается перед женой на колени.
ВАДИК. Оленька.
Пауза.
ВАДИК. Прости меня. Я дурак. Я эгоист. Я… *(Пауза.)* Я не знал, что тебе настолько тяжело. Я думал, ты справляешься. Ты же всегда такая сильная.
ОЛЯ. Я не сильная, Вадик. *(Пауза.)* Я еле живая.
Пауза.
ВАДИК. Оль. Я ноль.
ОЛЯ. Я слышала.
ВАДИК. Биологический ноль. Он так сказал. *(Пауза.)* И водяной пистолетик. С протекающим дулом.
Долгая пауза.
ОЛЯ. Ты не оружие, Вадик.
Пауза.
ОЛЯ. Ты тот, кто встаёт ночью на плач.
Вадик не отвечает.
Пауза.
ОЛЯ. Ты справляешься.
Вадик медленно поднимает голову.
ВАДИК. Мне это сегодня уже говорили.
ОЛЯ. Я слышала. *(Пауза.)* Это был пункт пятый.
ВАДИК. А это?
ОЛЯ. А это нет.
Пауза.
Вадик кладёт памперс на пол.
Теперь у него свободны обе руки.
Он обнимает жену.

Оля утыкается ему в плечо.
ВАДИК *(тихо)*. Я возьму отпуск. За свой счёт.
ОЛЯ. Вадик…
ВАДИК. Илья Петрович всё равно взял Гладышева. *(Пауза.)* Я сам буду вставать к Коле. Я буду гулять со всеми тремя. А ты будешь спать.
ОЛЯ. Сколько?
ВАДИК. Сколько захочешь.
Пауза.
Оля закрывает глаза.
Антонина Павловна опускает поварёшку. Шмыгает носом и быстро, чтобы не заметили, вытирает глаз краем фартука.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Ромео и Джульетта недоделанные.
Она уходит на кухню.
Пауза.
Возвращается: в одной руке тарелка овсянки, в другой – плед.
Плед тот самый.
Она встряхивает его и накрывает дочь.
Оля глаз не открывает.
Антонина Павловна садится рядом.
Зачерпывает ложку. Дует.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Открой рот.
Оля открывает рот. Глаза остаются закрытыми.
Антонина Павловна кормит дочь.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А мне-то что не сказали, ироды? Я вам для чего дана?
ВАДИК. Мам…
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Молчи. *(Оле.)* Ещё.
Ещё ложка.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Я завтра пацанов на дачу забираю. На неделю. И Кольку заберу.
ОЛЯ *(с полным ртом)*. Он на груди.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Значит, на три дня.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. А вы тут спите.
Пауза.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. И вот ещё что. В субботу…
Пауза.
Оля лежит с закрытыми глазами и жуёт.

Антонина Павловна смотрит на дочь.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. …Ешь.
Ещё ложка.
Она протягивает ложку Вадику.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. И ты открой.
Вадик открывает рот.
Антонина Павловна ставит тарелку на пол у дивана и поднимается. По дороге на кухню она берёт со столика кочан капусты. И подбирает с ковра бегемота.
Бегемота она разглядывает секунду и кладёт на подлокотник – рядом со сложенными вдвое носками.
У двери кухни она останавливается.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Марина.
МАРИНА. Да.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Вы мне соврали.
МАРИНА. Соврала.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Первый раз в жизни?
Пауза.
МАРИНА. Да.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Оно и видно.
Она уходит на кухню. Дверь закрывается.
Оля поднимается с дивана. Плед она забирает с собой.
Глаз она так и не открыла.
ОЛЯ. Марина.
МАРИНА. Да.
ОЛЯ. Пункт десятый.
МАРИНА. Он отклонён.
ОЛЯ. Примите.
Пауза.
МАРИНА. …Принимается.
Оля кивает.
Вадик наклоняется и берёт с ковра одну половину радионяни – ту, что стояла у кроватки.
Большой палец ложится на тумблер.
Третий раз за сегодня.
ОЛЯ *(не открывая глаз)*. Не выключай.
ВАДИК. Понял.
Он берёт жену за руку.
У двери спальни Вадик останавливается.

ВАДИК. Марин.
МАРИНА. Да.
ВАДИК. А сколько там осталось? По смете.
Пауза.
МАРИНА. Нисколько.
ВАДИК. Понял.
Дверь спальни закрывается.
Щелчок замка.
Впервые за пьесу он не звучит как приговор.
Марина стоит посреди разгромленной комнаты.
В одной руке у неё чужой планшет. В другой – закрытый блокнот.
Записывать некуда.
МАРИНА *(в пространство)*. Каскадный выброс окситоцина полностью нейтрализовал стрессовые факторы.
Никто не отвечает.
МАРИНА. Социальные связи оказались прочнее биологической целесообразности.
Пауза.
МАРИНА. Проект «Американский гражданин». Статус: аннулирован.
На ковре мигает зелёным половина радионяни. Прибор включён. Он всё передаёт.
Она опускает руки. Плечи опускаются следом.
Доктор биологических наук с индексом Хирша тридцать один вдруг выглядит очень маленькой.
САША. Апчхи!
Марина оборачивается.
И впервые за всю пьесу смотрит на Сашу.
Не как на помеху. Не как на младшего научного сотрудника с плоскостопием третьей степени. А как на человека, который стоит посреди чужой квартиры в мокром костюме, дрожит от холода и никуда не ушёл.

Сцена 9. Признание в любви

Марина стоит посреди гостиной и смотрит на Сашу.

Саша стоит посреди гостиной и капает на ковёр. Под ним уже приличная лужа.
Всё остальное осталось как было. Пластиковые шарики по гостиной. Наполнитель в прихожей. Опрокинутая сушилка. Манеж в полуметре от своего места. На диване тёмное мокрое пятно. На столике – закрытый ноутбук, немой таймер и баллончик с антисептиком. У дивана на полу – тарелка с недоеденной овсянкой. На ковре, там, где он содрал её с себя посреди дня, лежит растянутая футболка Вадика со следами срыгивания.
На подлокотнике – сложенные вдвое носки. Рядом бегемот. Бегемот мёртвый.
Телевизор тёмный.
На ковре мигает зелёным одна половина радионяни.
Из кухни – мирное шкворчание сковородки. Больше ничего.
САША *(шмыгает носом)*. Я тебе всё сорвал.
МАРИНА. Да.
САША. И ковёр.
МАРИНА. И ковёр.
Пауза.
МАРИНА. Проект закрыт.
САША. Я слышал.
МАРИНА. Все слышали.
Оба поворачиваются к радионяне.
Из прибора – сопение. Потом второе, слоем ниже, не в такт с первым.
Их там двое.
Марина слушает дольше, чем нужно.
САША. Спят.
МАРИНА. Оба.
Пауза.
Она протягивает Саше планшет.
Саша берёт его двумя руками, как диплом.
Марина поднимает с пола сумочку.
САША. Марина.
МАРИНА. Мне надо идти.
САША. В твоей таблице одиннадцать строк. *(Пауза.)* Я знаю, кого ты внесла первым.
Марина останавливается.
МАРИНА. Строки сортируются по конверсии.

САША. Я не про сортировку.
Пауза.
Марина ставит сумочку обратно на пол.
МАРИНА. Файл создан двенадцатого марта. В четверг, после семинара. За один вечер я внесла десять строк.
САША. Одиннадцать.
МАРИНА. Десять. *(Пауза.)* Одиннадцатая была там до этого.
САША. Сколько до этого.
Пауза.
МАРИНА. Файл от двадцать второго года.
Пауза.
САША. Четыре года.
МАРИНА. Четыре года.
Пауза.
МАРИНА. В апреле я рецензировала статью. Сеульская группа, эпигенетика раннего развития. Аккуратные руки, чистый протокол, приличная статистика. Я её отклонила.
САША. За что?
МАРИНА. Они выбрали объект, а контрольную группу набрали под него.
Пауза.
МАРИНА. Я написала: «Выборка сконструирована под заранее принятый вывод. В текущем виде работа непубликуема». *(Пауза.)* Я помню формулировку дословно. Я ей горжусь.
Пауза.
МАРИНА. Двенадцатого марта я открыла файл, в котором четыре года лежала одна строка, и добрала к ней десять. Отсортировала по конверсии. Единица встала первой. *(Пауза.)* Я посмотрела на это и решила, что провела отбор.
САША. Марина…
МАРИНА. Не перебивай. Я по существу.
Пауза.
МАРИНА. Я не проводила отбор. Я оформляла вывод.
Пауза.
САША. Ты могла ему позвонить.
Долгая пауза.
МАРИНА. Я не знала процедуры.
Пауза.
МАРИНА. Я её никогда не знала. *(Пауза.)* В девятом классе тоже.

Саша не понимает и не спрашивает.
САША. Хорошо. *(Пауза.)* Тогда я тоже по существу.
Он снимает очки и начинает протирать их полой рубашки. Рубашка мокрая насквозь. Он протирает старательно и долго, надевает очки обратно и щурится сквозь них.
Стало хуже.
Он лезет в карман мокрых брюк и достаёт сложенный вчетверо размокший листок. Разворачивает его очень осторожно, чтобы не порвать.
САША. Я считал, пока сидел в ванной.
МАРИНА. Сорок минут.
САША. Сорок одну.
Он смотрит в листок. Читать там уже нечего.
Дальше он говорит наизусть.
САША. Вероятность того, что ты будешь счастлива в Бостоне. Одна. С ребёнком от человека из таблицы. *(Пауза.)* Двенадцать процентов.
МАРИНА. Методология?
САША. Не спрашивай.
Пауза.
МАРИНА. Ты говорил, методология и есть наука.
САША. Говорил. Но это не статья.
Пауза.
САША. Тебе не нужен донор, Марина. Тебе нужен тот, кто знает, что ты не обедаешь, когда пишешь. Кто в феврале поменял тебе в кабинете лампу, а ты не заметила. Кто поливает твой фикус на кафедре, потому что ты его забываешь.
Пауза.
САША. Тайно. Четвёртый год.
Долгая пауза.
МАРИНА. Он у меня не сохнет.
САША. Он у тебя не сохнет.
Пауза.
САША. И тот, кто заперся в чужой ванной, чтобы тебе помешать, и не утопился. *(Пауза.)* Вероятность, что ты будешь счастлива с ним, – девяносто девять и девять.
Пауза.
МАРИНА *(голос предательски дрожит)*. Погрешность в ноль целых и одну десятую?
САША. Оставил на непредвиденные мутации.

Тишина.
Марина ставит сумочку на пол.
Она подходит к Саше вплотную.
Саша зажмуривается.
Марина поднимает руки и поправляет ему очки: оправа съехала на переносицу, дужка кривая. Потом большим пальцем вытирает воду с левой линзы. Потом с правой.
Это занимает время.
Ни слова. Ни музыки.
Саша стоит зажмурившись.
МАРИНА. Открой.
Он открывает глаза.
МАРИНА. Видишь?
САША. Абсолютно ясно. *(Пауза.)* Всегда видел.
Пауза.
САША. Я тебя люблю. *(Пауза.)* С первого курса магистратуры.
Марина открывает рот.
И не закрывает.
МАРИНА. Александр, я… *(Пауза. Она ищет слово.)* …у меня нет для этого показателя.
САША. Ничего. Я подожду, пока ты его выведешь.
Пауза.
МАРИНА. В Массачусетском есть программа парных стажировок. Для супругов и зарегистрированных партнёров.
САША. Это что сейчас было?
МАРИНА. Это заявка. *(Пауза.)* Дедлайн в пятницу.
Пауза.
САША. А твоё окно?
МАРИНА. Закрывается завтра в девять.
Пауза.
САША. Этого мало.
МАРИНА. Это целых семнадцать часов.
Пауза.
Марина поднимает сумочку. Наклоняется, берёт с ковра растянутую футболку и протягивает Саше.
МАРИНА. Надень. У тебя гипотермия.
Саша снимает мокрый пиджак и натягивает футболку Вадика поверх мокрой рубашки. Футболка ему велика.

Марина снимает с шеи кашемировый шарф и наматывает ему в два оборота. Обстоятельно, как ребёнку.
САША. Апчхи!
МАРИНА. И антигистаминное.
Марина поднимает запястье. Смотрит.
Пауза.
Она опускает руку и не называет время вслух.
САША. Сколько?
МАРИНА. Семь минут.
САША. Чего семь минут?
МАРИНА. Я опоздала. По второму пункту. *(Пауза.)* Ровно на процедуру.
Дверь кухни открывается. Антонина Павловна – в фартуке, с поварёшкой. На юбке сзади тёмное мокрое пятно.
САША *(набирая воздуха)*. Антонина Павловна! Я хочу вам сказать…
АНТОНИНА ПАВЛОВНА *(тихо)*. Тише. Спят.
Саша замолкает.
Впервые за пьесу она говорит тихо.
Пауза.
Она уходит на кухню и возвращается с кочаном капусты. Суёт его Марине.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Возьми. Мне столько не надо.
Марина берёт кочан. Второй раз за сегодня.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. И приходите. В субботу.
МАРИНА. Чаепитие – неэффективная трата ресурса.
Пауза.
МАРИНА. …Придём.
АНТОНИНА ПАВЛОВНА. Ага.
Она уходит на кухню. Дверь закрывается.
Марина идёт к выходу с кочаном под мышкой. У столика её рука сама уходит за баллончиком.
Останавливается на полдороге.
Возвращается пустой.
Баллончик остаётся стоять на столике.
Саша открывает Марине дверь и переступает через кошачий лоток. Первый раз за сегодня – не наступив.
Марина берёт его за руку. Пальцы переплетаются.
Дверь квартиры закрывается за ними.
Сцена пуста.

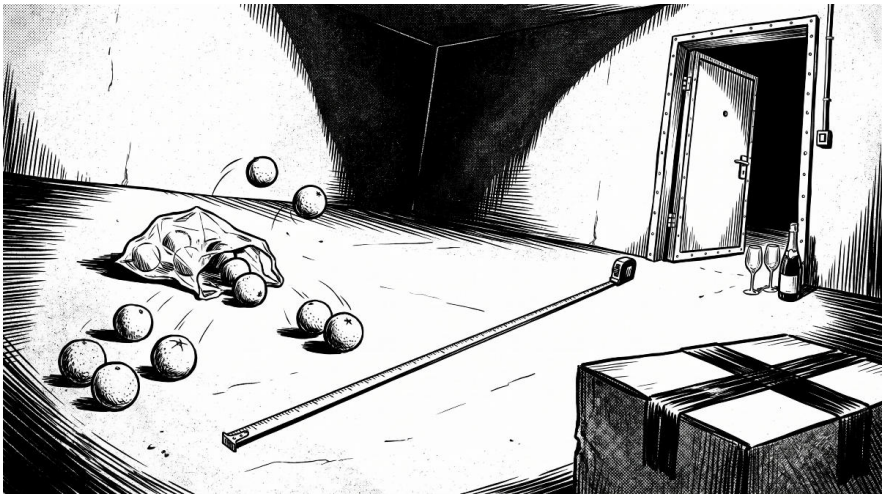
Из кухни, очень тихо, в темпе колыбельной: «Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг"…»
Пение стихает.
На подлокотнике, рядом со сложенными вдвое носками, лежит бегемот, по которому ударили поварёшкой.
Бегемот вдруг издаёт последний, сдавленный, но жизнеутверждающий писк и мигает синим глазом.
И гаснет.
Пауза.
На ковре мигает зелёным половина радионяни.
Треск помех.
ГОЛОС ОЛИ ИЗ РАДИОНЯНИ *(сонно, очень близко)*. Вадик… а кто такой Хирш?
Пауза.
Помехи выравниваются в мерное сопение.
Двойное.

ЗАНАВЕС.

Батуми, 2026

КВАРТИРА-СТУДИЯ СВОБОДНОЙ ПЛАНИРОВКИ

Один переезд в девяти сценах



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИГОРЬ, 40 лет.
АЛИСА, 32 года.
ДАНЯ, брат Алисы, 17 лет.
НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ, тесть Игоря, 65 лет.
ЗИНАИДА МИХАЙЛОВНА, тёща Игоря, 62 года.
ЛЕНА, жена Игоря, 38 лет.

Действие происходит в одной квартире в течение одного вечера.

Пустая студия в новостройке Тихоградска. Свободная планировка. Голый бетон, чёрный ремонт. Из мебели – строительная стремянка, одна нераспакованная коробка. Санузел – единственное отгороженное место, но дверного полотна там нет, зияет пустой проём. Прятаться негде: ни шкафа, ни портьеры, ни второй двери. Входная дверь – дешёвая железная, от застройщика.

СЦЕНА 1. ИГОРЬ И АЛИСА

В замке мягко поворачивается ключ. Дверь распахивается. Влетают Игорь и Алиса, оба смеются. Железная дверь за их спинами захлопывается сама – тяжёлый, оглушительный грохот. Оба вздрагивают.
ИГОРЬ. Слышала? Вот это качество. Вот это я понимаю – вложение.
АЛИСА. Я уж думала, упало что-то.
ИГОРЬ. Дверь такая. (*Показывает связку ключей, держит на весу, как медаль.*) Один комплект. Всего один. Наш!
АЛИСА. А если захлопнется? Ключи-то одни.
ИГОРЬ. Не захлопнется. Тут защёлки нет, замок только ключом закрывается – застройщик сэкономил. Сама она не запирается. Вообще.
Алиса *снимает куртку. Оглядывается. Ни вешалки, ни полки. Даже гвоздя нет.*
АЛИСА. Игорь.
ИГОРЬ (*театрально обводя руками бетонную коробку*). А?! Оцени масштаб!
АЛИСА. Куда это деть?
ИГОРЬ. Что?
АЛИСА. Да вот это.
ИГОРЬ. А… брось куда-нибудь.
Алиса *медленно поворачивается вокруг себя, разглядывая двадцать восемь квадратных метров абсолютной пустоты. Кладёт куртку на коробку.*
АЛИСА. Просто нет слов.
ИГОРЬ. Классно, да?
АЛИСА. Ага. Сама задумка – гениальная. (*Пауза.*) Задумка.
ИГОРЬ. Двадцать восемь метров абсолютной свободы!
АЛИСА. И двадцать восемь метров голого бетона.

ИГОРЬ. Алиса, это же черновая отделка. Чистый лист. Делай что хочешь.
АЛИСА. Только сесть пока некуда.
ИГОРЬ. Сядем. (*Хлопает по стремянке.*) Всё у нас будет. Главное – здесь нас никто и никогда не найдёт. Никаких гостиниц, никаких администраторов с их вечным «вам на сколько часов?». Понимаешь? Это не просто квартира. Это алиби с окнами.
АЛИСА. Там внизу мои вещи. Даня их из «газели» выгрузит, но ему помочь надо, наверх всё это перетаскать. Как-никак двадцать восьмой этаж.
ИГОРЬ (*отмахивается*). Лифты работают, грузовой тоже. Не думаю, что твоему брату так уж нужна помощь. Он какой-то… э-э… некоммуникабельный.
АЛИСА. Дане семнадцать, он просто музыку очень любит.
ИГОРЬ. По-моему, он кроме музыки вообще ничего не замечает.
АЛИСА. Ну, мы уже полтора года берём с него пример. Шифруемся, чтобы нас не замечали… Ты точно уверен, что про эту квартиру никто не узнает?
ИГОРЬ (*неожиданно сникает*). Слушай, тут такое дело… (*Встаёт, начинает ходить по комнате, нервно жестикулирует.*) В общем, приехал я вчера от застройщика, договор подписал. И на автомате выложил его из портфеля прямо на стол. Ну, Ленка и прочитала.
АЛИСА. И что?
ИГОРЬ. Я ей сказал, что вложил деньги в квартиру для её родителей. Она аж расплакалась от счастья. Полчаса рыдала. Они ж меня до сих пор за нищеброда держат.
АЛИСА. И что дальше?
ИГОРЬ. Ну я и брякнул, что в таком виде дарить не буду. Сказал, что завтра с утра заберу ключи у застройщика, найму дизайнера, бригаду, сделаю нормальный ремонт…
АЛИСА. И?
ИГОРЬ. Что «и»? Ну, буду ей рассказывать, как продвигается ремонт. Потом про дизайн. Потом скажу, что трубу прорвало и всё затопило. Да мало ли что можно придумать! Ты не переживай: комплект ключей один, он у меня, сюда никто не сунется.
АЛИСА. Игорь. Меня вообще-то другое волнует. Я же сказала: пока ты всё не подпишешь, я здесь жить не буду.
ИГОРЬ. Так ты ещё и не живёшь. Только вещи перевозишь.

АЛИСА (*достаёт из сумки прозрачный файл со сшитыми степлером листами*). В шесть я отдаю ключи бывшей хозяйке. И другого жилья, кроме этого, у меня больше нет.
ИГОРЬ. Вот и отлично.
АЛИСА. Игорь. Ничего отличного. Половину денег на эту квартиру дала я. Вот типовой договор о долевой собственности. Подписывай. (*Протягивает Игорю ручку, он нерешительно её берёт.*) Вот тут и тут, потом расшифровка – фамилия, имя, отчество полностью.
ИГОРЬ. Слушай, может, не прямо сейчас?
АЛИСА. Игорь!
ИГОРЬ (*наклоняется над бумагами*). Ладно, ладно. Где тут подписывать?
Удар ногой в металлическую дверь, громыхание. Входит Даня в огромных наушниках и с коробкой.
ИГОРЬ. Ё-моё!
АЛИСА. Даня, поставь коробку туда, в угол у окна.
ИГОРЬ. Да не слышит он.
Алиса *машет руками у Дани перед носом, пытаясь привлечь внимание и показать, куда ставить. Бесполезно. Даня ставит коробку за стремянку и уходит, отбивая ритм какой-то своей музыки.*
ИГОРЬ (*бьёт себя по лбу*). Точно, я ж совсем забыл! У нас же новоселье. А я подготовился.
Торжественно достаёт из карманов пиджака два хрустальных бокала и жестом фокусника ставит их на верхнюю площадку стремянки. Встаёт на одно колено и театрально указывает на них рукой, словно ожидая аплодисментов.
АЛИСА. Ты с ума сошёл? Они же разобьются. Тут ставить некуда.
ИГОРЬ (*встаёт на ноги*). Настоящий хрусталь! Специально не стал брать пластик. Пить из пластика – это как расписаться в том, что у нас всё несерьёзно.
АЛИСА. Игорь. Я отдала тебе всё, что у меня было.
Пауза.
ИГОРЬ (*тепло, искренне*). И я об этом помню каждую секунду.
АЛИСА. Мне не надо, чтобы ты помнил. Мне надо, чтобы ты договор подписал.
ИГОРЬ. Подпишу. (*Идёт к двери.*) Вот сейчас принесу шампанское – и сразу подпишу. Оно в машине. Настоящее французское! (*Пауза.*) Ну… почти.

Берётся за ручку двери. Останавливается. Оборачивается. Алиса снова смотрит на экран телефона.
ИГОРЬ. Ты что всё время в телефон смотришь?
АЛИСА. Я обещала хозяйке отдать ключи до шести. Наплела ей, что выхожу замуж и переезжаю в собственную квартиру. Надо же мне хотя бы наполовину оказаться правой, логично?
ИГОРЬ. Намёк понял! Одна нога здесь, другая в багажнике!
Выходит. Дверь с грохотом захлопывается сама. Алиса остаётся одна. По-прежнему с хрустальным бокалом и ручкой в руках, она встаёт, подходит к стене, прижимается к ней спиной и начинает шагать через всю комнату к противоположной стене, считая шаги вслух. На десятом шаге упирается в стену, разворачивается, прижимается к ней спиной и шагает обратно, снова считая вслух. На пятом шаге останавливается, поворачивается к зрительному залу и чертит ногой на полу воображаемую линию.
АЛИСА. Половина этой квартиры – моя.
Придирчиво оглядывает обе половины.
АЛИСА. Надеюсь, лучшая её половина.
За спиной с громким лязгом распахивается входная дверь. Алиса, не оборачиваясь, принимает игривую позу и отставляет бокал в сторону, в ожидании шампанского.
АЛИСА. Дамы предпочитают брют!

СЦЕНА 2. АЛИСА И НИКОЛАЙ

Входит Николай Петрович. В одной руке строительный уровень, в другой рулетка, к уху прижат телефон. Алису он пока не видит.
НИКОЛАЙ *(в трубку, с порога)*. Да зашёл я уже, Зина! Ну что сказать… конура конурой. Твой ненаглядный зятёк на нашем подарке сэкономил по полной. Передай дочери, что её муж – жмот.
***Алиса** лихорадочно оглядывается. Прятаться негде. Она делает два шага к проёму санузла, заглядывает – и понимает, что оттуда её видно целиком. Хватает с коробки куртку, надевает её и садится на коробку с независимым видом.*
НИКОЛАЙ *(в трубку)*. Что? Да какая штукатурка, тут стяжки нет! Тут пола нет, Зина! Тут бетон, на котором ещё строители в домино

играли! *(Слушает.)* Ну и я про то же. *(Слушает.)* До шести здесь буду. Всё, отбой.

Убирает телефон. И только теперь видит Алису.

НИКОЛАЙ. Оп-па. А вы кто такая?

АЛИСА *(показывая файл с бумагами и ручку)*. Я дизайнер.

НИКОЛАЙ *(прищурившись)*. Дизайнер?

АЛИСА. Да. Алиса… Сергеевна. Дизайнер интерьеров. Я так понимаю, Игорь… э-э… Владимирович – ваш зять? Вот он меня и нанял. Дизайн-проект делать.

НИКОЛАЙ. А бокал вам для чего? Чтоб удачнее вписаться в интерьер?

АЛИСА. А, бокал… Бокал для шампанского. Вы разве не слышали про новый метод замера акустического резонанса бетона в условиях плотной жилой застройки?

НИКОЛАЙ *(с профессиональной заинтересованностью)*. Это как?

АЛИСА. Элементарно. Наливаем шампанское в бокал, ставим в угол и по поверхностному натяжению жидкости определяем, где в квартире акустические ямы.

НИКОЛАЙ *(замечая второй бокал на стремянке)*. А второй бокал зачем?

АЛИСА. Это контрольный образец.

НИКОЛАЙ *(лицо светлеет)*. А-а-а! Вон оно что! Ну, извиняюсь, не признал сразу профессионала. Николай Петрович. Тесть заказчика вашего. *(Оглядывает стены.)* Ну и что мы имеем, Алиса Сергеевна? Кубатура какая?

АЛИСА. Двадцать восемь квадратных метров. Свободная планировка.

НИКОЛАЙ. Свободная! Скажете тоже. Свободная – это когда застройщик внутренние стены не поставил, а ты за это ещё и приплатил.

АЛИСА. Двадцать восемь квадратов абсолютной свободы.

НИКОЛАЙ. Двадцать восемь квадратов голого бетона. Чистый лист. *(Озирается по сторонам.)* Ну и какой дизайн вы тут предлагаете? Для этой вашей бетонной свободы?

АЛИСА *(оглядываясь)*. Думаю насчет лофта.

НИКОЛАЙ. Лофт – это не дизайн, это когда денег на ремонт нет.

АЛИСА. Тогда минимализм.

НИКОЛАЙ. А это когда денег нет, но признаться стыдно. Лучше уж тогда вагонку пустить… Слушайте, а вот если вагонку, то как это по-вашему, по-дизайнерски называться будет?

АЛИСА. Скандинавский эко-хаус.
НИКОЛАЙ. О! Мне подходит. А на балкон мой верстак поставим. Дайте-ка я вам набросаю, как это выглядеть должно.
*(Тянется к распечатанному соглашению о долевой собственности, которое **Алиса** уже положила на стремянку. Алиса успевает выхватить документ у него из-под рук и прижать к груди, листы бумаги высовываются из прозрачного файла.)*
АЛИСА. Нет-нет, это важный документ! Это… это смета. Её ещё подписать надо.
НИКОЛАЙ. Это правильно. *(Бесцеремонно вытаскивает из файла листы, Алиса остаётся прижимать к груди пустой прозрачный файл.) Так, что тут у нас? (Алиса пытается в прыжке выхватить договор из рук Николая, но тот ловко уклоняется. Алиса пробует ещё и ещё раз, но безуспешно. Одновременно Николай хлопает себя по всем карманам, пытаясь найти очки, но тоже безрезультатно.) Ну надо же, очки в машине оставил. (Вытягивает руку с документом как можно дальше и щурится, пытаясь прочесть соглашение о долевой собственности.)*
НИКОЛАЙ. Так… Ага… «С одной стороны»… «С другой стороны»… Логично. Всегда должно быть две стороны. Одна сторона – это уже не ремонт, это благотворительность. Ага… «в равных долях»… Правильно, как цемент с песком. Молодец, девушка. Всё по-хозяйски расписано. Половина туда, половина сюда.
АЛИСА *(немного успокоившись)*. Только заказчик до сих пор не подписал.
НИКОЛАЙ. Ну да, Игорёк у нас такой… Он и брачный договор не подписал. Всё завтраками кормил: вот-вот, сейчас подпишу, уже ручку взял… Так и не подписал.
АЛИСА. И что?
НИКОЛАЙ. А ничего. Приобретённое в браке имущество является совместным. То есть общим. Выходит, если теперь разводиться и добро делить, то Игорёк наш уже не тот голодранец, каким в семью пришёл… Ладно, чего это я. Ручку давай. *(Берёт ручку из рук **Алисы**, переворачивает лист договора обратной стороной и начинает чертить, откидывая голову назад и прищуриваясь.)* Вот смотри: балкон здесь, вход здесь, верстак – сюда. Ну, это уже не балкон тогда, конечно. Лоджия. И вагонкой всё обшить. Как это, говоришь, по-дизайнерски звучит?
АЛИСА. Скандинавский эко-хаус.

НИКОЛАЙ. Во! Сейчас сфотаю и отправлю Зинаиде. Так и напишу, что это дизайнерское решение.
(Вытаскивает телефон, пытается навести резкость. Лист падает, Николай поднимает его и, не замечая, кладёт другой стороной вверх – текстом соглашения о долевой собственности. Щелчок камеры.)
НИКОЛАЙ. Так, сейчас отправим Зинаиде…
(Удар ногой в металлическую дверь, грохот. Входит Даня в огромных наушниках и с двумя табуретками в руках.)
НИКОЛАЙ. Ух, ё-моё, напугал! Аж палец соскочил. Не уверен, что Зинаиде отправил. *(Оборачивается и видит пританцовывающего Даню с табуретками.)* А это ещё кто? Эй, пацан!
АЛИСА. Это мой помощник. Он немного… э-э… некоммуникабельный.
НИКОЛАЙ. Эй! Я с кем разговариваю?! *(Размахивает руками, пытается привлечь внимание Дани. Безуспешно. Даня проходит мимо, глядя сквозь Николая Петровича, ставит табуретки на пол и уходит обратно через входную дверь, металл снова лязгает.)*
НИКОЛАЙ. Да уж, ну и помощничек у вас, Алиса Сергеевна.
АЛИСА. Зато вовремя доставляет первые предметы интерьера. *(Церемонно указывает на табуретки.)* Вы присаживайтесь, Николай Петрович.
НИКОЛАЙ. Благодарствую, Алиса Сергеевна. *(Садится. Ёрзает, устраивается поудобнее.)* Ладно, в принципе, можно пока и без замеров прикинуть, глаз-алмаз. Высота потолков… *(задирает голову)* два семьдесят в прыжке. Бери свою смету, пиши. Стяжку заливать будем?
АЛИСА. Обязательно.
НИКОЛАЙ. Штробить будем?
АЛИСА. Обязательно.
НИКОЛАЙ. А что штробить-то?
АЛИСА. Всё.
НИКОЛАЙ *(с уважением)*. Основательный подход. А разводку как пустим?
АЛИСА. Разводку… по кругу.
НИКОЛАЙ. По кругу?
АЛИСА. Ну да, в Швеции так принято.
НИКОЛАЙ. Ишь ты. В Швеции. *(Тычет уровнем в проём.)* Так. Мокрые зоны у нас где?
АЛИСА *(оглядываясь и вздыхая)*. Везде.

СЦЕНА 3. АЛИСА, НИКОЛАЙ И ИГОРЬ

(Лязг металла. Дверь распахивается. В квартиру влетает Игорь с бутылкой шампанского и прозрачным пакетом апельсинов. Останавливается у порога. Николай меряет стену рулеткой.)

ИГОРЬ. Николай Петрович… Алиса… э-э… Александровна…

АЛИСА *(смотрит на Игоря)*. Сергеевна.

НИКОЛАЙ. О, Игорёк! Хорошо, что не забыл шампанское для резонанса. Твоя дизайнер мне уже рассказала. А вот апельсины-то зачем?

ИГОРЬ *(переводит взгляд с Николая на Алису)*. Моя дизайнер?

АЛИСА *(ровным голосом)*. Апельсины – это другой скандинавский метод, Игорь Владимирович. Я вам объясняла концепцию на этапе согласования сметы.

ИГОРЬ. Ах, да. Метод. Конечно.

(Игорь перехватывает пакет. Тонкий целлофан рвётся. Оранжевые шары с глухим стуком падают на голый бетон и раскатываются по всей квартире.)

ИГОРЬ. Чёрт. Я сейчас. Я соберу.

(Игорь и Алиса бросаются собирать апельсины с разных сторон сцены, сталкиваются, расходятся. Николай Петрович стоит в центре, указывает руками.)

НИКОЛАЙ. Правее бери, Игорь! Куда ты его загоняешь, он под батарею ушёл! Алиса Сергеевна, у вас прямо под туфелькой.

ИГОРЬ *(на четвереньках)*. Ничего-ничего, Николай Петрович. Мы быстро.

НИКОЛАЙ. А ну-ка, стоять. *(Подходит к Игорю, забирает у него из рук один апельсин)*. Отойдите-ка оба.

(Игорь и Алиса замирают. Николай опускается на корточки у входной двери и кладёт апельсин на пол. Апельсин медленно катится через всю комнату и упирается в дальнюю стену.)

НИКОЛАЙ *(выпрямляется)*. Я так и знал. Доказательство налицо. Стяжки нет. Перепад высот – сантиметра четыре! Игорёк, тебя застройщик обул.

ИГОРЬ *(отряхивает колени)*. Николай Петрович, ну зачем вы так? Это же свободная планировка. Черновой вариант. Мы всё доведём до ума. Я же не просто так специалиста нанял. *(Смотрит на Алису)*. Да, я нанял Алису Сергеевну. Дизайнера.

АЛИСА. Именно. И то, что вы, Николай Петрович, принимаете за строительный брак, на самом деле – метод сферической калибровки. Апельсин показал нам вектор уклона перекрытий.
НИКОЛАЙ. Вектор уклона? Это вектор косяка застройщика, Алиса Сергеевна. У вас стол уедет к окну.
АЛИСА. А у нас не будет стола. И выравнивать мы это не будем. Мы задействуем естественный перепад высот.
ИГОРЬ *(подхватывает ритм)*. Точно! Задействуем! Зальём тут полимерный 3D-рельеф! Сделаем зонирование… э-э…
АЛИСА. Многоуровневое эргономическое зонирование. От входа – и плавный спуск туда, в угол. Это перенаправляет потоки в помещении.
ИГОРЬ. И энергообмен!
(Алиса и Игорь переглядываются, Игорь коротко кивает. Алиса почти улыбается и обрывает себя).
НИКОЛАЙ *(смотрит на них)*. Потоки? Энергообмен? Игорёк, ты за такой дизайн реально платить собрался?
ИГОРЬ. За эксклюзив, Николай Петрович.
НИКОЛАЙ. Я вам сейчас покажу эксклюзив. Значит так. Дизайн ваш, Алиса Сергеевна, мы оставим для мебели. Скандинавский там, или чукотский – это вы с Зинаидой согласовывайте. Она у нас в семье главный эстет. А вот черновую работу я беру в свои крепкие мужские руки. Стяжку будем лить.
ИГОРЬ *(делает шаг к Николаю)*. Николай Петрович, не надо! Мы сами! У нас смета…
НИКОЛАЙ. Видел я вашу смету! Половина туда, половина сюда. С одной стороны, с другой стороны. Безграмотно. Завтра к восьми утра я буду здесь. С бригадой. У меня Михалыч из ЖЭКа сейчас свободен, мы мигом тут маяки выставим и зальём по науке.
ИГОРЬ. Завтра?! В восемь утра?!
НИКОЛАЙ. Зинаида подарок ждёт, хочет въехать побыстрее.
ИГОРЬ. Николай Петрович, нельзя завтра! Бетону надо подышать! У него усадка! Если мы сейчас зальём, нарушится этот… вектор калибровки!
АЛИСА *(смотрит на часы)*. Сроки и вправду горят.
НИКОЛАЙ. Вот! Специалист. Тем более, с лоджией мы уже всё решили. Скандинавский эко-хаус. Я схему верстака Зинаиде на смартфон скинул. *(Похлопывает по карману куртки)*. Раз она сразу с кри-

ками не перезвонила – значит, схема согласована. Надо будет у Михалыча ещё вагонку заказать, чтобы по-вашему, по-экохаусовски всё обшить.

ИГОРЬ *(подходит ближе к Николаю)*. Вагонку? Слушайте, а может, вы к Зинаиде Михайловне поедете? Прямо сейчас, вагонку эту обсудить вживую? Я вам такси вызову. Премиум-класс! «Майбах»!

НИКОЛАЙ. Какой «Майбах», Игорёк. Куда мне ехать? Я сказал Зине, что до шести буду здесь всё промерять. У меня ещё санузел не посчитан. *(Подхватывает рулетку)*. Я никуда не тороплюсь.

(Лязг двери. С лестничной площадки появляется Даня. На нём огромные наушники, в руках – полусдутый двуспальный надувной матрас, который волочится за ним по полу.)

(Пауза. Все трое смотрят на Даню. Даня проходит до угла комнаты, бросает матрас на бетон, разворачивается и уходит обратно. Железная дверь захлопывается за ним с грохотом.)

НИКОЛАЙ *(указывает рулеткой на матрас)*. А это к чему? Мы на реку собрались?

ИГОРЬ *(смотрит на закрывшуюся дверь)*. Действительно, Алиса Сергеевна. У вас там внизу ещё много дизайнерских вещей… э-э… предметов?

АЛИСА *(не повышая голоса)*. Это образец. Макет спального сценария. В натуральную величину.

НИКОЛАЙ *(качает головой)*. Макет… Прямо на бетоне спальный сценарий разыгрывать будете?

АЛИСА. Визуализировать габариты. Чтобы понять, не будет ли давить потолок во время фазы быстрого сна, если кровать в резонансной зоне.

НИКОЛАЙ. Ладно, визуализируйте. Не буду вам мешать. А я пойду, мокрые зоны по периметру обойду. *(Отходит к проёму санузла, разматывая рулетку)*. Значит, от стояка до фановой трубы…

(Николай поворачивается к ним спиной. Алиса берёт со стремянки файл с договором, шагает к Игорю и увлекает его прямо к краю сцены, впритык к зрительному залу).

АЛИСА *(тихо)*. Половина шестого, Игорь. В шесть я отдаю ключи от квартиры. Мне больше негде жить.

ИГОРЬ *(шёпотом)*. Алиса, ты же видишь, что происходит. Тут тесть с рулеткой. Завтра притащится этот Михалыч с бригадой, вагонку привезут. Я не могу сейчас… Давай подождём.

АЛИСА. До завтра? Завтра в восемь здесь будет цемент. Или я.

(Алиса достаёт из кармана ручку, вкладывает её Игорю в руку. Отступает на шаг. Молча смотрит на него).
(Игорь переводит взгляд с ручки на Алису, затем на спину Николая. Николай увлечённо бормочет цифры у стены, прикладывая рулетку).
ИГОРЬ. Господи… *(Оглядывается, подходит к картонной коробке, прижимает к ней лист)*. Вот тут, да? Внизу…
АЛИСА. И расшифровку. Полностью. Фамилия, имя, отчество.
(Игорь заносит ручку над бумагой).

СЦЕНА 4. АЛИСА, НИКОЛАЙ, ИГОРЬ И ЗИНАИДА

(Страшный, оглушительный грохот со стороны лестничной клетки. Металлическая дверь распахивается настежь. На пороге стоит Зинаида Михайловна. В одной руке у неё объёмная сумка, в другой – зажатый мобильный телефон. Она делает шаг внутрь и замирает, оглядывая помещение: голый бетон, синий надувной матрас, бутылка шампанского и оранжевые апельсины на полу, строительная стремянка с хрустальными бокалами на верхней ступеньке и две табуретки.)
(Николай Петрович радостно поворачивается к жене.)
НИКОЛАЙ. Зинуля! А мы тут как раз с геометрией пространства боремся! Проходи в наши хоромы!
ЗИНАИДА *(проходит в комнату, брезгливо переступая через апельсины)*. Три раза звонила. Три. Не берёшь. Хорошо хоть предупредил, что до шести будешь здесь с рулеткой ползать.
ИГОРЬ *(судорожно запихивая листочки обратно в прозрачный файл, стараясь прикрыть их от глаз Зинаиды)*. Зинаида Михайловна! Мама! Какая встреча… А мы тут…
ЗИНАИДА. Здравствуй, Игорь. Я вижу, что вы тут. *(Наступает на апельсин, раздаётся влажный хруст).* Икебана какая. Я так понимаю, дверь от застройщика менять не стали? Правильно. Зачем менять входную дверь, если денег не хватило даже дверь в туалет поставить.
НИКОЛАЙ. Зина, ну что ты с порога! Игорёк молодец. Он не просто так тут сидит, он специалиста нанял! Знакомься – Алиса Сергеевна. Дизайнер интерьеров.

(Зинаида Михайловна поворачивается к Алисе. Оценивающе, с ног до головы, оглядывает её: задерживает взгляд на белых туфлях.)
ЗИНАИДА *(ровным тоном)*. Дизайнер. Надо же.
АЛИСА *(сдержанно)*. Добрый вечер. Алиса Сергеевна.
ЗИНАИДА *(переводит взгляд на Игоря)*. И много вы, стесняюсь спросить, берёте за дизайн такой абсолютной пустоты?
ИГОРЬ *(машет рукой с зажатым в ней файлом)*. Зинаида Михайловна, это эксклюзив! Алиса Сергеевна – востребованный специалист!
ЗИНАИДА. Скажите, Алиса Сергеевна, а вот эти табуретки – это тоже ваше дизайнерское решение? Или это Игорь из гаража притащил?
АЛИСА. Минимализм диктует свои условия. Мы отказываемся от лишнего.
ЗИНАИДА. От лишнего вы, может, и отказались, а вот от пыли – нет. У вас все туфли белые, как будто не в новостройку пришли, а на смотрины. *(Переводит взгляд на стремянку).* А это ещё что за натюрморт? Шампанское на полу, хрусталь наверху. Кто ж хрусталь на строительную стремянку ставит?
ИГОРЬ. О, это… это в честь новоселья! Настоящий хрусталь! *(Берёт со стремянки один бокал и показывает его Зинаиде).* Я специально не взял пластик.
ЗИНАИДА. А зря. Надо было пластик брать – дёшево и практично, треснул – выкинул.
(Осёкшийся Игорь вместо стремянки машинально суёт бокал в карман пиджака. Второй остаётся стоять на стремянке).
НИКОЛАЙ. Зинуля! Успокойся уже. Лучше скажи, как тебе мой верстак в интерьере? Настоящий скандинавский эко-хаус, спасибо Алисе Сергеевне.
ЗИНАИДА. Какой верстак? Коля, от тебя не хаус, а хаос сплошной.
НИКОЛАЙ. Зинуля, это эко-хаус! Я тебе сейчас покажу… да я же тебе схему на телефон скинул!
ЗИНАИДА. Ничего не приходило.
НИКОЛАЙ. Да как не приходило! *(Хлопает себя по карманам, достаёт телефон, тычет пальцем в экран).* Я же прям при Алисе Сергеевне сфотографировал, на её смете, и отправил! Вот!
*(**Николай** суёт телефон прямо под нос жене – на экране открыт список переписок, видны только имена. Зинаида Михайловна достаёт из кармана пальто очки на цепочке, надевает их и щурится на экран.)*
ЗИНАИДА. Коля. Куда ты отправил?
НИКОЛАЙ. Тебе!

ЗИНАИДА. Здесь написано: «Лена».
(Зинаида тянется пальцем к экрану – открыть саму фотографию. Николай выдёргивает телефон у неё из рук и подносит к собственному носу.)
НИКОЛАЙ. Да?
ЗИНАИДА. Коля. Ты слепой. Ты отправил эту смету своей дочери, Лене.
(Игорь перестаёт дышать. Он делает шаг вперёд, одна рука прячет файл за спину, другая конвульсивно дёргается к телефону.)
ИГОРЬ *(сдавленно)*. Л-лене отправили? Смету?!
НИКОЛАЙ *(вглядывается в экран, добродушно машет рукой)*. А! Не смету, а схему. Как верстак на балкон вписать. Ну пусть она верстак в интерьере посмотрит, ей тоже сюрприз.
(Игорь шумно выдыхает. Опускает плечи. Вытирает лоб тыльной стороной ладони.)
ИГОРЬ. Верстак. Да.
ЗИНАИДА *(снимает очки, убирает в карман)*. Ладно. Сюрприз так сюрприз. Значит так, Коля. Вот здесь *(показывает рукой на стену, у которой стоит пустая коробка Алисы)* мне нужен свет.
НИКОЛАЙ. Зачем тебе свет в углу? Там труба фановая.
ЗИНАИДА. Затем, что там встанет моя швейная машинка. У окна. Мне нужен естественный свет, чтобы Лене шторы подшивать. И розетку двойную туда выведи.
НИКОЛАЙ. Понял. Двойную. А телевизор куда?
ЗИНАИДА. Телевизор на противоположную. На кронштейн. Чтобы с дивана смотреть удобно было. Диван возьмём угловой, раскладной.
ИГОРЬ *(мечется между ними)*. Зинаида Михайловна! Какой угловой диван? Какая швейная машинка? У нас же… концепция! Мы уходим от паттернов! Тут будет… лаунж-остров!
ЗИНАИДА. Твой лаунж-остров пойдёт ко дну завтра утром. Я этот балаган прекращаю. Завтра едем на строительный рынок. Берём обои под покраску. Практично. Испачкались – закрасил. Правда, Алиса Сергеевна?
(Зинаида поворачивается к Алисе. Игорь втягивает голову в плечи. Алиса молча смотрит на Зинаиду, затем переводит взгляд на Игоря. Игорь зажмуривается.)
ЗИНАИДА. Как специалист, скажите своё профессиональное мнение. Обои под покраску – это же базовое решение для такого… метража?

АЛИСА *(ровным, ледяным голосом)*. Абсолютно базовое для такой кубатуры. Особенно персиковые. Их всегда не жалко.
ЗИНАИДА. Вот, Игорь! Даже твой дизайнер дело говорит. Персиковые. А ты – остров. Значит, завтра с утра и штробим.
НИКОЛАЙ. А стяжка?! Зина, я же с Михалычем почти договорился! Завтра в восемь утра стяжку льём!
ЗИНАИДА. Какая стяжка, Коля? Сначала проводку кинуть надо! Штробить кто будет? Пушкин?
НИКОЛАЙ. Я тебя умоляю! Да мы с Михалычем за день отштробим! Нам только маяки выставить!
(Удар ногой в металлическую дверь. Оглушительный грохот разносится по пустой бетонной коробке.)
(Спор мгновенно смолкает. Дверь распахивается. В квартиру заходит Даня. На нём огромные наушники, голова покачивается в такт неслышимой музыке. В руках перед собой он тащит здоровенную, плотно заклеенную скотчем картонную коробку.)
(Все четверо молча смотрят на Даню. Даня, не глядя ни на кого, проходит до центра комнаты. Ставит коробку на бетон. Раздаётся отчётливый, мелодичный стеклянный звон. Даня вытирает рукавом толстовки нос, разворачивается и уходит обратно в коридор. Дверь за ним тяжело захлопывается.)
ЗИНАИДА *(переводит взгляд с закрытой двери на коробку)*. А посуда чья?
(Игорь открывает рот. Закрывает. Смотрит на Алису. Алиса отворачивается к окну.)
ИГОРЬ *(хрипло)*. Образцы.
ЗИНАИДА. Образцы?
ИГОРЬ. Да! Ну… чтобы понять… как сервировка будет резонировать… с бетоном! Скандинавская методика!
ЗИНАИДА *(смотрит на Игоря долгим, немигающим взглядом)*. Образцы посуды. В квартиру без двери в туалет. *(Поворачивается к мужу).* Коля. Ты очки в машине оставил?
НИКОЛАЙ *(растерянно хлопает себя по карманам)*. Да чёрт его знает… Может, в машине… А может, дома на телевизоре…
ЗИНАИДА. Иди вниз. Осмотри машину. Ищи очки.
НИКОЛАЙ *(вздыхает, сматывая рулетку)*. Понял, Зинуля. *(Хлопает Игоря по плечу).* Завтра в восемь я как штык!
(Николай Петрович выходит. Дверь гулко захлопывается.)
ЗИНАИДА. Игорь. Ты тоже иди.

ИГОРЬ. Куда?
ЗИНАИДА. Вниз, к консьержке. Спроси, в какие часы у них разгрузка и почём. Завтра нам сюда двадцать мешков поднимать.
ИГОРЬ. Так я позвоню лучше, чего бегать…
ЗИНАИДА. По телефону тебе скажут, что нельзя. В глаза – скажут, сколько.
ИГОРЬ. А вы?
ЗИНАИДА. А я с Алисой Сергеевной про деньги поговорю. При заказчике исполнитель про деньги правду не скажет. Он заказчику улыбаться будет.
ИГОРЬ *(не двигается)*. Зинаида Михайловна, да я вам сам всё… У нас же смета…
ЗИНАИДА. Игорь. Ты почему стоишь?
(Пауза. Игорь смотрит на Алису. Алиса смотрит в окно.)
ИГОРЬ *(бодро)*. Понял! Консьержка! Одна нога здесь, другая…
ЗИНАИДА. Иди уже.
(Игорь выходит. Дверь захлопывается. Наступает тишина.)

СЦЕНА 5. АЛИСА И ЗИНАИДА

(Зинаида не спешит начинать. Ставит сумку на табуретку. Оглядывает комнату – уже не как поле боя, а как женщина, которая прикидывает, что где встанет. Подходит к окну. Смотрит вниз.)
ЗИНАИДА. Двадцать восьмой.
АЛИСА. Двадцать восьмой.
ЗИНАИДА. Высоко. Бельё сушить хорошо. *(Отворачивается от окна).* Только вешать некуда.
(Расстёгивает сумку. Достаёт термос и свёрток в фольге. Разворачивает. Бутерброды.)
ЗИНАИДА. Садитесь.
АЛИСА. Спасибо, я не голодная.
ЗИНАИДА. Алиса Сергеевна. Вы тут наверняка не первый час на бетоне, и за всё это время ни разу не сели. Садитесь.
(Алиса садится на табуретку. Зинаида откручивает крышку термоса. Крышка одна. Зинаида оглядывается, видит на верхней ступеньке стремянки одинокий хрустальный бокал. Берёт его, обтирает изнутри платком, наливает чай. Протягивает Алисе.)

ЗИНАИДА. Держите. Раз уж куплен.
(Алиса берёт бокал. Зинаида садится на вторую табуретку, наливает себе в крышку. Некоторое время обе молча едят.)
ЗИНАИДА. Ну. Сколько он вам заплатил?
АЛИСА. Простите?
ЗИНАИДА. Аванс. Сколько внёс.
(Пауза.)
АЛИСА. Аванса не было.
ЗИНАИДА. Ни копейки?
АЛИСА. Ни копейки.
ЗИНАИДА *(кивает, будто ей подтвердили давнюю догадку)*. Договор?
АЛИСА. Не подписан.
ЗИНАИДА. А работать начали.
АЛИСА. Начала.
ЗИНАИДА. И вложились своим.
(Пауза.)
АЛИСА. Вложилась.
ЗИНАИДА. Много?
АЛИСА. Всем.
(Зинаида отпивает. Ставит крышку на пол.)
ЗИНАИДА. Я тридцать лет в бухгалтерии. У нас это называется «дебиторка с истёкшим сроком». Знаете, что с ней делают?
АЛИСА. Взыскивают?
ЗИНАИДА. Списывают. Раз в год, по акту. Чтобы баланс не портила.
(Молчание.)
АЛИСА. Зинаида Михайловна. А вы правда сюда переедете?
ЗИНАИДА. А куда мне ещё.
АЛИСА. У вас же есть квартира.
ЗИНАИДА. Есть. Сорок два метра, второй этаж, окна на помойку. Мы в ней тридцать один год. *(Пауза).* Только мы, Алиса Сергеевна, не в квартиру собирались.
АЛИСА. А куда?
ЗИНАИДА. На дачу. Восемь соток под Кинешмой. Мы с Колей на неё двадцать лет откладывали. Не как люди, под проценты, а по конвертам, с получки. *(Пауза).* Он даже верстак купил. Заранее. Двадцать лет стоит у нас в коридоре, разобранный, под клеёнкой. Мы через него боком ходим.
АЛИСА. И что участок?

ЗИНАИДА. А ничего участок. Деньги мы три года назад Леночке отдали. У них там всё горело: то платёж, то Игорь в очередной проект вложился. *(Ровно).* Она сохранит. Она девочка честная. Просто у неё муж.

(Пауза. Зинаида смотрит на бетон под ногами.)

ЗИНАИДА. А теперь, значит, зятёк нам подарок делает. Двадцать восемь метров. С верстаком на лоджии.

АЛИСА. Николай Петрович рад.

ЗИНАИДА. Николай Петрович шестьдесят пять лет рад. Это у него состояние такое.

(Молчание. Зинаида доедает, аккуратно складывает фольгу вчетверо, убирает в сумку.)

ЗИНАИДА. Вы Леночку видели?

АЛИСА. Нет.

ЗИНАИДА. Увидите ещё. *(Пауза).* Вы на неё долго не смотрите. Она этого не любит.

АЛИСА. Почему?

ЗИНАИДА. Устала. *(Ровно, без нажима).* У Игоря кто-то есть.

*(**Алиса** не двигается.)*

АЛИСА. Простите?

ЗИНАИДА. У Игоря кто-то есть. Год, наверное. Может, больше.

АЛИСА. Зачем вы мне это говорите?

ЗИНАИДА. А кому мне это говорить? Коле? Коля расстроится. Леночке? *(Качает головой).* Вы человек посторонний. Вы завтра смету сдадите и уедете. Вам можно.

(Пауза.)

АЛИСА *(ровно)*. Откуда вы знаете?

ЗИНАИДА. Рубашки.

АЛИСА. Что?

ЗИНАИДА. Он стал носить глаженые рубашки. Полтора года назад. Сам гладит, по утрам, я видела. *(Пауза).* Мужчина в сорок лет не начинает гладить рубашки для жены, Алиса Сергеевна. Для жены он начинает их не гладить.

АЛИСА. И вы молчите.

ЗИНАИДА. Молчу.

АЛИСА. Год.

ЗИНАИДА. Тридцать один год, Алиса Сергеевна. *(Отпивает).* У Коли тоже было. В восемьдесят девятом. Женщина с почты, Валентина. Я тогда думала – конец света, не переживу. Пережила. Он вернулся, я приняла, пошли дальше. Двадцать лет на дачу откладывали.
(Пауза.)
АЛИСА. И дачи нет.
(Зинаида медленно поднимает на неё глаза.)
ЗИНАИДА. Нет.
(УДАР НОГОЙ В ДВЕРЬ. Грохот. Дверь распахивается. Входит Даня. На нём огромные наушники. Он несёт перед собой швейную машинку в жёстком футляре.)
(Даня проходит через комнату и ставит машинку на бетон – ровно в тот угол у окна, куда Зинаида полчаса назад определила свою. Разворачивается. Уходит. Дверь захлопывается.)
(Зинаида долго смотрит на машинку.)
ЗИНАИДА. Это что?
АЛИСА. Образец.
ЗИНАИДА. Образец чего?
АЛИСА *(пауза)*. Освещения. Естественный свет у окна. Надо проверить.
ЗИНАИДА *(медленно)*. Естественный свет. *(Подходит к машинке. Трогает ручку футляра. Не открывает).* «Чайка».
АЛИСА. Что?
ЗИНАИДА. Машинка. Один в один моя. Бабкина?
АЛИСА *(пауза)*. Бабушкина.
ЗИНАИДА *(кивает)*. Ну да. У дизайнера интерьеров всегда с собой бабкина «Чайка». Для замеров.
(Молчание. Зинаида завинчивает термос. Убирает в сумку. Встаёт.)
ЗИНАИДА. Алиса Сергеевна.
АЛИСА. Да.
ЗИНАИДА. Смету вашу никто не подпишет. Ни сегодня, ни завтра, ни через месяц. Он не потому тянет, что думает. Он потому тянет, что подпись – это когда уже нельзя переиграть. А он всю жизнь оставляет себе лазейку, чтобы можно было.
(Пауза.)
ЗИНАИДА. Уезжайте. Пока вы ещё посторонняя.
(Зинаида идёт к двери. Останавливается. Не оборачивается.)

ЗИНАИДА. Я вниз. Лифт посмотрю, как ходит, и у консьержки спрошу – раз уж Игорь опять забудет. *(Пауза)*. Чай допейте. Остынет – гадость будет.
(Зинаида выходит. Дверь с грохотом закрывается.)
(Алиса сидит с хрустальным бокалом в руках. Пьёт. Медленно, до дна. Встаёт. Ставит пустой бокал обратно на верхнюю ступеньку стремянки – туда, где он стоял.)

СЦЕНА 6. АЛИСА И ИГОРЬ

(Лязг двери. Входит Игорь. Быстро закрывает за собой, прижимается спиной к металлу, прислушивается. Алиса стоит у стремянки. Отходит от неё, садится на табуретку. Скидывает туфли. Массирует виски.)
ИГОРЬ *(шёпотом)*. Ушли?
АЛИСА. Ушли.
ИГОРЬ. Оба?
АЛИСА. Оба.
*(**Игорь** выдыхает. Отлипает от двери.)*
ИГОРЬ. Что она тебе говорила?
АЛИСА. Про смету.
ИГОРЬ. И всё?
АЛИСА. И всё.
(Игорь ждёт. Алиса молчит.)
ИГОРЬ *(с нервным смешком)*. Слушай… ну ты даёшь. «Скандинавский метод». «Персиковые обои – это же идеальная база». У меня чуть сердце не остановилось. Ты просто гений, Алис. Как ты её, а!
АЛИСА *(не поднимая головы)*. Уделала.
ИГОРЬ. Ещё как! Зинаида же у нас танк. А ты этот танк – так изящно, по-дизайнерски… Слушай, я прям выдохнул. Сейчас они уедут за своими обоями, и мы…
АЛИСА. Игорь. А что за дача под Кинешмой?
*(**Игорь** останавливается.)*
ИГОРЬ. Что?
АЛИСА. Восемь соток. Тёща говорит, они на неё двадцать лет копили.

ИГОРЬ *(слишком быстро)*. А-а. Да это старая история. Ещё до меня было.
АЛИСА. Она говорит, три года назад на неё деньги отдали. Лене.
ИГОРЬ. Ну, три. Три, четыре – какая разница. *(Отходит к окну.)* Там участок в водоохранной зоне оказался, строить нельзя. Дурацкая история.
АЛИСА. А деньги?
ИГОРЬ. А что деньги?
АЛИСА. Деньги где?
(Пауза. Игорь смотрит в окно.)
ИГОРЬ. Алис, ну ты прям как следователь, честное слово. Лежат деньги. На вкладе. Целые.
АЛИСА. Целые.
ИГОРЬ. Целые. *(Оборачивается, широко улыбается.)* Ты вообще не о том думаешь. Ты представь, что тут будет через полгода. Вот здесь – лаунж-зона, вот здесь…
АЛИСА. Три миллиона восемьсот тысяч, Игорь.
*(**Игорь** осекается. Смешок обрывается. Пауза.)*
ИГОРЬ. Что?
АЛИСА. Моя половина.
ИГОРЬ *(делает шаг к ней, голос становится вкрадчивым)*. Алис. Мы же всё обсудили. Ты сама видела, что сейчас было. Это же стихийное бедствие. Тесть с рулеткой, тёща с этими персиковыми обоями… Я как на минном поле. Одно неверное движение – и всё взлетит на воздух. Ленка узнает.
АЛИСА. Узнает, что у нас долевая собственность?
ИГОРЬ. Узнает, что я не дарю эту квартиру её родителям! Алис, пойми, мне нужно время. Чуть-чуть. Я всё аккуратно сверну. Скажу, что с подрядчиком проблемы, что трубы гнилые… Пусть квартира постоит пустой. А ты пока… ну, поживёшь здесь.
АЛИСА *(обводит взглядом голый бетон, лужу от раздавленного апельсина, синий матрас)*. Здесь.
ИГОРЬ. Ну это же временно! Месяц, Алис. Дай мне месяц. Я всё улажу с бумагами, сделаем нормальный ремонт, без всякой Зинаиды. И я всё подпишу. Клянусь. Просто сейчас… ну не на коленке же это делать?
АЛИСА *(поднимает на него глаза)*. Ты и Лене обещал подписать.
ИГОРЬ. Алис, ну это другое!

АЛИСА. Она моя – наполовину. Та половина, которую я перевела тебе на счёт, потому что застройщик оформлял договор только на одного.

*(**Алиса** встаёт. Босиком идёт к дальней стене. Прижимается к ней спиной. Начинает шагать через комнату обратно, вслух считая шаги.)*

АЛИСА. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

(Останавливается. Проводит по бетону голой ступнёй.)

АЛИСА. Пока тебя не было, я померила. Вот черта. Отсюда и до окна – моё.

(Игорь смеётся. Демонстративно перешагивает невидимую линию. Разводит руками.)

ИГОРЬ. Ой. Нарушил границу. Что теперь, товарищ пограничник?

АЛИСА. Теперь ты стоишь на моём.

ИГОРЬ. Алис.

АЛИСА. На моём, Игорь. На том, за что я заплатила. И я даже выгнать тебя отсюда не могу, потому что бумаг никаких нет. Вот тебе и вся черта.

(Пауза. Игорь перестаёт улыбаться. Смотрит вниз, себе под ноги. Потом отходит обратно, на свою сторону. Сам.)

ИГОРЬ *(тихо)*. Я сюда в марте первый раз приехал. Один. Дом ещё без окон стоял, лифты не пустили. Я на двадцать восьмой пешком пёрся.

*(**Алиса** молчит.)*

ИГОРЬ. Двадцать восемь этажей. На четырнадцатом сел на ступеньку и думал – всё, сдохну, пойду обратно. А потом дошёл. Тут ни пола не было, ни стен, ветер насквозь, и вот здесь – дыра. *(Показывает на окно.)* И я в неё смотрел минут сорок. И первый раз лет за пятнадцать не думал ни про Ленку, ни про тёщу, ни про кредиты. Вообще ни о чём. Просто стоял.

(Пауза.)

ИГОРЬ. Я эту квартиру не для нас купил, Алис. Я её купил, чтобы просто такое место было. Где ничего нет и никто ничего от тебя не требует. *(Смотрит на неё.)* А потом ты сказала – давай я половину внесу. И я обрадовался. Понимаешь? Я так обрадовался, что не один буду.

АЛИСА. Понимаю.

ИГОРЬ. Правда?

АЛИСА. Правда. Ты обрадовался, что не один. А не тому, что со мной.

(Игорь открывает рот. Закрывает.)

(Алиса подходит к коробке. Достаёт из прозрачного файла договор. Кладёт его на сиденье свободной табуретки. Рядом кладёт ручку.)

АЛИСА. Смотри. Это не нотариальное соглашение. Нотариуса я не потяну: там пошлина от кадастровой стоимости, а у меня на карте четыре тысячи. Эту бумагу я скачала в интернете и распечатала в копицентре у метро. Юридически она стоит ровно столько, сколько я отдала за печать. Восемнадцать рублей.

ИГОРЬ. Тогда зачем…

АЛИСА. Затем, что мне не нужна бумажка. Мне нужен человек, который её подпишет. *(Пауза.)* Я с ней в суд не пойду. Я её в файл уберу и буду просто знать.

(Игорь смотрит на ручку. На Алису. Вытирает ладони о брюки. Медленно подходит к табуретке. Наклоняется. Берёт ручку. Заносит её над бумагой.)

(СТРАШНЫЙ ГРОХОТ. Удар в дверь сотрясает стену. Дверь распахивается.)

(Влетает Даня. На нём всё те же огромные наушники. В руках он тащит разложенную гладильную доску. Металлические ножки доски разъезжаются в воздухе. Даня, не глядя по сторонам, шагает вперёд и с размаху цепляет ножкой доски строительную стремянку.)

(Стремянка качается. Одинокий хрустальный бокал со звоном падает на бетон и разлетается вдребезги. Игорь шарахается в сторону, роняя ручку. Лист договора слетает с табуретки прямо в лужу от раздавленного апельсина.)

(Даня проходит в дальний угол, прислоняет гладильную доску к фановой трубе, разворачивается и уходит. Дверь с грохотом захлопывается.)

ИГОРЬ *(отпрыгивая от осколков)*. Твою мать! Да что ж такое-то!

(Игорь наклоняется, поднимает договор за сухой уголок. С листа капает густой оранжевый сок.)

ИГОРЬ. Ну вот. Всё. Испорчен. Алис, ты же видела, я правда хотел. Но нельзя такие документы в таком виде подписывать… Я завтра новый распечатаю. Чистый. На хорошей бумаге.

АЛИСА. На хорошей.

ИГОРЬ. На хорошей.

АЛИСА. Восемнадцать рублей, Игорь. Он весь стоит восемнадцать рублей. В нём нечего портить.

(Алиса молча смотрит на грязный лист в его руках. В кармане её куртки, лежащей на коробке, звонит телефон. Алиса подходит к куртке, достаёт мобильный, смотрит на экран.)

АЛИСА. Это Маргарита Васильевна. Хозяйка моей квартиры.

ИГОРЬ. Чего она звонит? Время же ещё… без пятнадцати шесть.

(Алиса принимает вызов. Прикладывает телефон к уху. Смотрит прямо в глаза Игорю.)

АЛИСА. Да, Маргарита Васильевна. Здравствуйте.

(Пауза. Алиса слушает.)

АЛИСА. Да. Помню. Съехать до шести.

(Игорь начинает отчаянно махать руками, беззвучно произнося одними губами: «Скажи, что задержишься!»)

АЛИСА *(не отрывая взгляда от Игоря)*. Я уже съехала, Маргарита Васильевна. Ключи в почтовом ящике, как договаривались.

(Игорь бессильно опускает руки. Алиса молча слушает.)

АЛИСА. Спасибо вам. До свидания.

(Алиса убирает телефон от уха. Сбрасывает вызов. Долго смотрит перед собой.)

АЛИСА *(тихо, в пустоту, как будто повторяет последнюю фразу Маргариты Васильевны)*. Совет да любовь.

(Она садится на табуретку. Прямая спина. Сцепленные на коленях руки. Игорь смотрит на неё. Грязный лист выпадает из его руки на пол.)

(Игорь подходит к ней. Осторожно опускается на вторую табуретку. Протягивает руку и накрывает её сцепленные пальцы своей ладонью.)

ИГОРЬ *(тихо)*. Алис… Ты же знаешь, что я не вру? Я правда хочу, чтобы мы были здесь. Вместе. Я когда эти ключи брал – только о тебе и думал.

АЛИСА *(смотрит на его руку)*. А я о тебе. Только думаем мы по-разному.

ИГОРЬ. Я всё решу. Я разберусь с Ленкой. С тестем. С этой вагонкой. Я их всех отсюда выкурю. Слышишь?

(Алиса поворачивает к нему голову. Долго, молча смотрит ему в лицо. В полной тишине они начинают тянуться друг к другу, каждый со своей табуретки, чтобы встретиться посередине, в поцелуе. Но не успевают.)

СЦЕНА 7. АЛИСА, ИГОРЬ, НИКОЛАЙ И ЗИНАИДА

(Грохот. Дверь с лязгом распахивается. На пороге стоит Николай Петрович. За его спиной маячит Зинаида Михайловна.)

НИКОЛАЙ. Ну, Игорёк! Не нашёл я очки в машине! Как в воду канули! Значит, дома на телевизоре забыл… Зато мы с Зинулей подумали по пути…

ИГОРЬ *(вскакивая)*. Подумали! Отлично! Замечательно! Я тоже… мы тоже тут сидели и напряжённо думали! И знаете…

ЗИНАИДА *(проходит в комнату, оглядывая помещение)*. Плохо вы думали, Игорь. Непрактично. Вон, хрусталь вдребезги – а я ведь говорила.

(Наклоняется и, не глядя, поднимает с пола перепачканные листы.) Не нужна нам никакая эксклюзивная смета. Мы с Колей всё окончательно решили. Завтра с утра заезжаем на строительный рынок. Берём профиль, гипсокартон. Мешков двадцать сухой смеси для начала. Ремонт будем делать сами, на свой вкус. Прямо с завтрашнего дня.

ИГОРЬ. Сами?! Зинаида Михайловна, ну зачем же… Это же тяжёлый физический труд! Пыль, грязь! Я же для того и нанял специалиста! Алиса Сергеевна уже всё спроектировала! У нас концепция!

ЗИНАИДА. Твой специалист, Игорь, может свои фантазии проектировать тем, у кого куры денег не клюют. А мы люди практичные. Я как бухгалтер до сих пор в толк не возьму, откуда ты вообще на эту бетонную коробку деньги взял. Ленка говорит, потребительский кредит на пять лет оформил. Ну, оформил и оформил, дело семейное. Но спускать кредитные деньги на… *(указывает носком туфли на раздавленный на полу апельсин)* вот это – я не позволю. У нас лишней копейки нет, чтобы за всякие скандинавские эко-хаусы платить. Моя дочь и так с тобой натерпелась.

АЛИСА *(смотрит на Игоря)*. Потребительский кредит.

ЗИНАИДА. А вы как думали, Алиса Сергеевна? Жить с человеком, у которого одни прожекты на уме, – это крест. Леночка-то у нас святая. Столько лет всё ждала, когда муж на ноги встанет.

ИГОРЬ *(перебивая)*. Зинаида Михайловна! Завтра нельзя! Никак нельзя!

(В кармане у Игоря звонит телефон. Весёлая, бодрая мелодия.)

(Игорь судорожно суёт руку в боковой карман пиджака, достаёт оттуда хрустальный бокал, непонимающе смотрит на него, суёт обратно, из другого кармана вытаскивает телефон, смотрит на экран.)

ИГОРЬ *(осипшим голосом)*. Лена…

НИКОЛАЙ. О! Ленусик звонит! Дай-ка я её обрадую, что мы тут ремонт начинаем!

ИГОРЬ *(прячет телефон за спину, пятясь к двери)*. Нет! Я сам! Это… это по работе! То есть Лена по работе… Нет, мне по работе! Я сейчас! Тут связь плохая! Фонит сильно!

(Игорь выскакивает на лестничную клетку. Тяжёлая металлическая дверь захлопывается за ним.)

(Тишина. Из-за двери доносится приглушённый голос Игоря – интонации панические, умоляющие, жалкие.)

(Зинаида наклоняется, поднимает с пола заляпанный лист. Тянется в карман пальто за очками. Останавливается. Пауза. Опускает пустую руку. Протягивает лист Алисе.)

ЗИНАИДА. Ваше.

(Алиса машинально берёт бумагу.)

ЗИНАИДА. Я вам всё сказала, Алиса Сергеевна. Повторять не стану.

АЛИСА. Спасибо, Зинаида Михайловна.

ЗИНАИДА. Не за что.

(Алиса аккуратно кладёт файл с документом на табуретку.)

(Лязг двери. Входит Игорь. Вытирает лоб тыльной стороной ладони, прячет телефон в карман.)

НИКОЛАЙ. Ну что там? Ленка обрадовалась сюрпризу?

ИГОРЬ *(откашливается)*. Это… это не Лена. Это из управляющей компании.

НИКОЛАЙ. А похоже было на Ленку. Голосок такой… звонкий.

ИГОРЬ. Да нет же, диспетчер! Зинаида Михайловна, вы же грузовой лифт видели? Так вот, они не дают на него пропуск! Ну, чтобы стройматериалы возить! Говорят, до следующей недели лифт габаритные грузы не берёт, только пассажиров. А в пассажирском мешки со смесями возить нельзя – штраф! Так что до понедельника никакого ремонта. Вообще никак.

ЗИНАИДА. Игорь. Я только что на нём поднималась. Там всё фанерой обито, работает как миленький. И у консьержки я спросила – раз уж ты, я смотрю, не соизволил. Она говорит: пятьсот рублей на лапу, и грузи хоть слона. *(Обводит рукой матрас, гладильную доску, коробки, швейную машинку.)* А это всё сюда как попало? Через окно на верёвке?

(Пауза.)

ИГОРЬ. Это… по частям.

ЗИНАИДА. По частям. Ну-ну. Завтра в восемь мы заезжаем.

(Удар ногой в дверь. Грохот. Дверь распахивается.)

(Входит Даня. На нём наушники. Он толкает перед собой напольную вешалку на колёсиках. На ней висят женские плащи и куртки.)

(Даня, мерно кивая головой в такт музыке, провозит вешалку прямо между Игорем и Николаем Петровичем. Колёсики скрежещут по бетону. Даня оглядывается, оставляет вешалку у двери. Разворачивается и уходит. Дверь захлопывается.)

ЗИНАИДА *(переводит взгляд с закрытой двери на вешалку)*. А это ещё что за маскарад?

ИГОРЬ *(отступает на шаг)*. Это… габариты! Образец габаритов! Чтобы наглядно понимать, сколько кубических метров займёт зона хранения!

ЗИНАИДА *(подходит к вешалке)*. Габариты. Скажи на милость.

(Она берёт вешалку за металлическую стойку. Двумя руками, молча и деловито, сдвигает куртки и плащи Алисы в одну сторону, плотно их спрессовывая и освобождая ровно половину штанги.)

ЗИНАИДА. Нет, Игорь. Зона хранения будет здесь. Вот тут будут висеть мои пальто. И зимнее, и демисезонное. Как раз удобно – зашёл и сразу повесил.

АЛИСА. Ваши пальто?

ЗИНАИДА. Конечно, мои. А чьи же ещё?

(Зинаида смотрит Алисе прямо в глаза. Алиса выдерживает взгляд. Обе не отводят глаз.)

ИГОРЬ *(хватаясь за голову)*. Зинаида Михайловна! Николай Петрович! Пожалуйста! Давайте мы все отсюда уедем! Голова просто раскалывается! Завтра всё обсудим! Я такси вызову!

НИКОЛАЙ. Игорёк, да не суетись ты. Зина дело говорит, гардероб у входа – логичнее. *(Поднимает с табуретки лист договора.)* Ты лучше вот что. Документ подпиши.

ИГОРЬ. Какой… какой ещё документ?

НИКОЛАЙ *(вытаскивает из файла листы, пытается стряхнуть с бумаги оранжевую каплю сока на пол)*. Смету эту. Девушка работу сделала. Чертежи, замеры, габариты вон на колёсиках привезла. Подпиши уже хоть раз в жизни. А то ты всё тянешь, всё мнёшься. Как с Ленкой тогда перед ЗАГСом – полгода кольцо в кармане таскал. Будь мужиком. Ставь подпись.
(Николай Петрович протягивает Игорю перепачканный лист и ручку.)
(Игорь смотрит на ручку. На Николая Петровича. На Зинаиду Михайловну. Переводит взгляд на Алису.)
АЛИСА. Подписывайте, Игорь Владимирович. Всякий труд должен быть оплачен.
ИГОРЬ *(медленно протягивает руку)*. Хорошо. Подпишу. Вы правы, Николай Петрович. Пора.
(Берёт лист и ручку. Отворачивается к стене. Прижимает бумагу к бетону. Подносит стержень к листу.)
(В кармане у Игоря снова звонит телефон. Та же весёлая мелодия.)
(Игорь замирает. Ручка останавливается в миллиметре от бумаги. Не делая резких движений, он медленно достаёт телефон свободной рукой. Смотрит на экран. Опускает руку с телефоном вдоль туловища. Застывает абсолютно неподвижно.)
НИКОЛАЙ. Что, опять диспетчеру твоему неймётся?
ЗИНАИДА. Ответь человеку, скажи, что мы сами с усами.
(Игорь не шевелится. Стоит лицом к стене. Телефон в опущенной руке продолжает трезвонить.)
(Николай хмурится. Зинаида складывает руки на груди. Алиса сидит на табуретке, не сводя глаз со спины Игоря.)
(Все молчат, слушая звонок. Никто не двигается.)
ИГОРЬ *(отмирает, судорожно прячет телефон в карман пиджака)*. Сбросилось! Связь… экранирует. Арматура в бетоне слишком толстая. Это из управляющей компании. Никак не угомонятся.
НИКОЛАЙ. Да и бог с ней, с компанией. Ты подписывай, Игорёк. Документ стынет.
ИГОРЬ *(пятится от стены)*. Нет! То есть… Николай Петрович, ну как так можно. На коленке. Документ весь в соке. Это же несерьёзно. Тут нужен основательный подход. Юридическая сила! Я сейчас… мне отъехать надо.
ЗИНАИДА. Куда это ты на ночь глядя собрался?

ИГОРЬ. К нотариусу! Да! Я отъеду на двадцать минут и вернусь прямо с нотариусом. И с подписанным договором.
ЗИНАИДА. Игорь. Седьмой час вечера. Какие нотариусы?
ИГОРЬ. Частные! У них ненормированный рабочий день. Для вип-клиентов. Я мигом. Одна нога здесь… то есть туда и обратно. С чистым бланком. Двадцать минут, не больше. В семь вечера они только-только открываются!
(Игорь начинает хаотично метаться по комнате. Вытаскивает из карманов хрустальный бокал, телефон, затем с громким звоном достаёт связку ключей от квартиры. Ставит бокал на верхнюю ступеньку строительной стремянки, рядом демонстративно кладёт ключи.)
ИГОРЬ. Вот! Ключи оставляю здесь! Единственный комплект! Как гарантию моего возвращения. Алиса Сергеевна, вы же никуда не торопитесь? Проникнитесь пока… кубатурой.
(Зинаида смотрит на ключи, на суетящегося Игоря. Лицо её каменеет. Она отворачивается от зятя, словно его здесь и нет.)
НИКОЛАЙ. Ну, раз к нотариусу… Дело-то серьёзное, бумажное. А я тогда пока санузел просчитаю. Трубы прикину.
ЗИНАИДА *(берёт мужа за локоть)*. Ничего ты прикидывать не будешь, Коля. Пусть Игорь едет куда хочет, а мы – домой. Завтра спозаранку вставать. Профиль и сухая смесь сами себя не купят.
НИКОЛАЙ. Зинуля, так я же только рулетку кину…
ЗИНАИДА. Коля. Домой. Нам ещё машину прогревать.
(Зинаида решительно направляется к выходу. Железная дверь закрывается за ней с грохотом.)
(Николай Петрович виновато разводит руками.)
НИКОЛАЙ. Ну, мы поехали, Игорёк. Ты это… с печатью-то не затягивай. Бывайте, Алиса Сергеевна!
(Николай уходит вслед за женой.)
ИГОРЬ *(кричит им вслед)*. До завтра, Николай Петрович! Завтра всё решим!
(Грохот закрывшейся за Николаем двери.)
(Игорь оборачивается к Алисе. Тяжело дышит. На лбу блестит испарина. Он смотрит на табуретку, где по-прежнему лежит грязный, неподписанный договор.)
ИГОРЬ. Алис… я правда быстро. Ты не думай. Я сейчас до машины добегу, перезвоню… я всё улажу, обо всём договорюсь. И сразу назад.
АЛИСА *(не поднимая глаз)*. Двадцать минут.

ИГОРЬ. Да! Двадцать минут! Ты просто… посиди здесь. Отдохни. Это наша квартира. Всё будет хорошо.
(Игорь торопливо подходит к двери. Останавливается на пороге. Привычным жестом человека, выходящего из дома, похлопывает по карманам: телефон – есть, сигареты – есть. Его ладонь скользит по верхней ступеньке стремянки, бессознательно сгребая связку ключей. Бокал остаётся стоять.)
ИГОРЬ. Одна нога здесь, другая – там!
(Игорь выскакивает за дверь. Металлическая створка с грохотом захлопывается за ним.)

СЦЕНА 8. АЛИСА

(Алиса остаётся одна. Тишина. Вокруг неё на голом бетоне валяются раскатившиеся апельсины, осколки хрустального бокала, сдутый синий матрас, разъехавшаяся гладильная доска и вешалка с плащами. У стремянки стоит так и не открытая бутылка шампанского. На верхней ступеньке – уцелевший хрустальный бокал.)
(Алиса медленно поворачивает голову. Смотрит на пустую верхнюю ступеньку стремянки. Ключей нет.)
АЛИСА. Ключи!
(Она резко встаёт. Подходит к выходу. Хватается за металлическую ручку. Дёргает на себя. Дверь легко открывается. Алиса тянет ручку, захлопывая дверь. Дёргает снова – дверь открывается без малейшего сопротивления.)
(Алиса отпускает ручку. Достаёт из кармана свой телефон. Набирает номер. Прикладывает к уху. Слушает долгие гудки.)
(Никто не отвечает.)
(Алиса медленно опускает руку с телефоном вдоль туловища. Она стоит неподвижно, глядя на пустую стену. Из динамика в её опущенной руке продолжают звучать монотонные длинные гудки.)
(ГРОХОТ. Удар ногой в незапертую дверь. Створка отлетает к стене.)
(Входит Даня. На нём всё те же огромные наушники. На плече он тащит тяжёлый, плотно свёрнутый ковёр.)

(Даня, мерно покачивая головой в такт музыке, проходит мимо сестры. Сбрасывает ковёр с плеча прямо в угол. Тяжёлый рулон падает, накрывая собой с тихим хрустом осколки разбитого хрусталя.)
(Даня разворачивается. Проходит мимо Алисы обратно в коридор. Выходит. Дверь за ним гулко захлопывается.)
(Алиса встаёт. Подходит к табуретке, на которой лежит пластиковый файл. Вытаскивает из него заляпанный лист договора. Проверяет, что подписи нет. Аккуратно, угол к углу, складывает лист пополам. Затем ещё раз. Убирает сложенный квадрат обратно в файл. Возвращается на табуретку. Садится.)
(Грохот от пинка по входной двери. На пороге появляется Даня с коробкой. Но на этот раз он не проходит в комнату, а подпирает коробкой входную дверь, чтобы та не закрывалась. Сразу становятся слышны звуки снаружи: Даня уходит, его шаги затихают внизу на бетонной лестнице. Слышен далёкий гул запускающегося лифта.)
(Алиса достаёт из кармана телефон. Медленно проводит пальцем по экрану. Подносит аппарат к уху. Спина её неестественно прямая.)
АЛИСА. Маргарита Васильевна, добрый вечер. Да, это снова я. Извините, что отвлекаю… Вы знаете, у меня тут немного поменялись планы. Нет, ключи я оставила, как договаривались. Просто… можно я вернусь на одну ночь? Буквально перекантоваться. Машина сорвалась, вещи выгрузить некуда… Да, прямо с вещами. Я аккуратно, в прихожей составлю.
(Алиса замолкает, слушая долгий ответ. Пальцы свободной руки намертво вцепляются в край табуретки, костяшки белеют.)
АЛИСА. Как это – уже сдали? Прямо так, новых жильцов с вещами пустили? Но мы же… Маргарита Васильевна, там мои шторы ещё висят. В спальне. Я их сама подшивала.
(Гул лифта обрывается. Слышны тихие шаги на лестничной клетке.)
(На пороге появляется Даня – на этот раз без грохота и лязга, поскольку дверь распахнута. Он вносит большой комнатный цветок в горшке. Ставит его на голый бетон. Разворачивается. Уходит.)
АЛИСА *(прикрывая микрофон ладонью, бросает ему в спину)*. Даня, хватит уже носить. *(В трубку)*. Нет-нет, это я не вам. Маргарита Васильевна, послушайте. Я заплачу. По двойному тарифу, слышите? Алло? Маргарита Васильевна? Маргарита Васильевна?
(Алиса опускает телефон. Экран гаснет. Она сидит, глядя на своё отражение в чёрном квадрате телефона. Медленно кладёт его в карман.)

(Тяжёлая дверь на лестничную клетку этажом ниже с хлопком закрывается. Шаги затихают.)
АЛИСА *(глядя перед собой, в пустую комнату)*. Даня, хватит носить.
(Далёкий гул лифта. Металлические двери кабины лязгают. Тяжёлые шаги приближаются к квартире.)
(Даня возвращается с пустыми руками. Он наклоняется, вытаскивает из-под металлической двери коробку, служившую подпоркой. Заносит её внутрь. Бросает в общую кучу.)
(Тяжёлая входная дверь с оглушительным лязгом закрывается.)
(Алиса сидит спиной к закрытой двери, лицом к зрительному залу. Складывает руки на коленях. Спина неестественно прямая. Замирает, глядя прямо перед собой в пустоту.)
(Металлическая створка двери начинает со скрежетом двигаться. Алиса резко оборачивается. В щель, громыхая пластиковыми колёсиками по бетону, вкатывается огромный серый чемодан. Он проезжает пару метров и останавливается почти у самой табуретки. Дверь глухо захлопывается.)
АЛИСА *(больше не оборачиваясь, глядя прямо перед собой, ровным голосом)*. Даня, хватит носить сюда вещи.
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС *(из-за спины)*. Я не Даня. Я жена того идиота, чьи вещи в этом чемодане.

СЦЕНА 9. АЛИСА И ЛЕНА

(У входной двери стоит Лена. На ней расстёгнутый плащ, в руках она сжимает телефон. Лена не выглядит разъярённой – скорее абсолютно опустошённой. Она оглядывает бетонные стены, раздавленный апельсин, синий матрас и Алису, сидящую к ней спиной.)
ЛЕНА. Колёсики заедают. Бетон тут… с характером.
АЛИСА *(не оборачиваясь)*. Стяжки нет. Перепад высот – четыре сантиметра.
ЛЕНА. Я заметила. *(Делает шаг внутрь, обходит лужу сока.)* Папа сегодня прислал фотографию. Пишет: вот куда мы верстак поставим. Я как увидела, думаю – надо же. Игорь и верстак. Его от звука дрели трясёт, он гвоздь в гипсокартон вбить не может. А тут – лофт.
АЛИСА. Это скандинавский эко-хаус.

ЛЕНА. Да хоть монгольская юрта. *(Поднимает телефон, светит экраном.)* У папы телефон китайский, камера мутная. Фокус всё время плавает. Но адрес в первой строке читается. И цифры видно хорошо. И сумма прописью. Три миллиона восемьсот тысяч.
(Алиса оборачивается.)
АЛИСА. Это моя половина.
ЛЕНА *(кивает)*. Я знаю. А вторая половина – моя. *(Пауза.)* Фамилия ваша там тоже есть. Целиком, с паспортными данными. Даже узнавать не пришлось, кто вы вообще такая.
(Алиса не отвечает.)
ЛЕНА. Мне он сказал – кредит. Матери сказал – кредит. Никакого кредита нет. Есть родительский вклад на дачу. На моё имя. Деньги снял в понедельник – по доверенности, которую я сама же ему в январе и выписала. На налоговый вычет.
(Алиса медленно поднимает голову.)
АЛИСА. На дачу.
ЛЕНА. Восемь соток под Кинешмой. Они с отцом двадцать лет откладывали. Три года назад отдали мне. Я обещала сохранить.
АЛИСА. Он говорил, у него нужная сумма отложена.
ЛЕНА. Когда?
АЛИСА. Полчаса назад. Вот здесь стоял. У окна.
(Пауза.)
ЛЕНА. Ну, значит, и вам наврал.
АЛИСА. Я ему деньги на счёт в понедельник перевела. Со своей карты. Ещё утром.
ЛЕНА. Ну вот транши и сошлись. *(Подходит к чемодану, пинает его носком туфли.)* Знаете, Алиса, что самое обидное? Вы свою половину внесли. И я свою внесла. Просто моя лежала в его кармане. А квартиры в итоге не будет ни у кого.
(Лена медленно обходит комнату. Останавливается у кучи вещей.)
ЛЕНА. Это всё ваше?
АЛИСА. Моё.
ЛЕНА. Много.
АЛИСА. Это не «много». Это всё.
(Лена останавливается у швейной машинки в футляре.)
ЛЕНА. «Чайка».
АЛИСА. Бабушкина.

ЛЕНА. У мамы такая же. Она мне на ней шторы шила. Во всех квартирах, где мы жили. *(Пауза.)* Мне тридцать восемь. Я ни одной шторы сама не подшила.
АЛИСА. А я подшивала. У Маргариты Васильевны, в спальне. Они там до сих пор висят.
(Пауза.)
ЛЕНА *(отходит)*. Ну, хоть кто-то из нас.
АЛИСА. А верстак в коридоре стоит. Под клеёнкой. Уже двадцать лет.
(Лена оборачивается.)
ЛЕНА. Откуда вы знаете про верстак?
АЛИСА. Мы с вашей мамой тут час назад чай пили. Из хрустального бокала. Он тут один.
(Долгое молчание.)
ЛЕНА. Вы пили чай. С моей матерью.
(Лена коротко, страшно смеётся.)
ЛЕНА. Надо же. *(Пауза.)* И что она вам ещё рассказала?
АЛИСА. Что у вашего мужа кто-то есть.
(Лена не удивляется. Она стоит очень тихо.)
ЛЕНА. И это она рассказала вам.
АЛИСА. Она сказала: вы человек посторонний, вам можно и рассказать.
(Пауза.)
ЛЕНА. А мне за полтора года – ни слова. *(Отворачивается.)* Впрочем, правильно. И что бы я с этим делала.
(Пауза.)
ЛЕНА. Я его сегодня выставила. В полшестого. По смс.
(Долгое молчание. Алиса ничего не отвечает.)
ЛЕНА. Потом звонила. Он один раз трубку взял. В шесть. Голос сдавленный, как будто его душат. Наплёл что-то про прораба и сбросил. Тридцать одна секунда. *(Смотрит в телефон.)* Больше не отвечает.
АЛИСА. Я тоже звонила. Трубку не берёт.
ЛЕНА. И не возьмёт. *(Убирает телефон.)* Сказать вам, что будет дальше? Квартира на нём. Я законная жена – значит, половина моя, с бумажками или без. А у вас никаких бумаг нет.
АЛИСА. У меня банковский перевод. С карты на карту. Понедельник, девять сорок утра.
ЛЕНА *(кивает)*. Значит, вы вторая в очереди. *(Пауза.)* Я не злорадствую, Алиса. Я просто считаю. Я за ним всю жизнь всё считаю.

(ГРОХОТ. Удар ногой в металл. Дверь распахивается. Вваливается Даня. Он тащит перед собой что-то плоское, высокое и тяжёлое, плотно замотанное в серую мешковину. Даня, кивая в такт музыке, протаскивает предмет через всю комнату и прислоняет к стене.)
ЛЕНА *(провожая Даню взглядом)*. А это ещё что за инсталляция?
АЛИСА. Это мой брат. Он меломан.
ЛЕНА. Нет, что он принёс?
АЛИСА. Сама уже не помню. Сейчас гляну.
(Алиса встаёт. Подходит к предмету. Тянет за край мешковины. Грубая ткань сползает на пол. Под ней – высокое, в полный рост, напольное зеркало в дешёвой раме. Даня разворачивается и молча выходит за дверь.)
(Лена подходит ближе. Встаёт рядом с Алисой. Две женщины молча смотрят на своё отражение в пыльном стекле, стоя посреди строительного мусора.)
ЛЕНА. Похожи.
АЛИСА. Нет.
ЛЕНА. Похожи. *(Пауза.)* Не лицом.
(Лена отворачивается от зеркала.)
ЛЕНА. Не люблю зеркала. У нас в прихожей такое же висит. Дешёвое, в раме. Я мимо него пятнадцать лет хожу. И каждый раз себе говорю: ну ладно, ещё годик потерплю, он вот-вот раскачается. *(Плотно запахивает плащ.)* Пятнадцать раз по «ещё годику», Алиса. Это уже диагноз.
(Лена направляется к выходу. Останавливается у чемодана.)
ЛЕНА. Рубашки там сверху, под клапаном. Поглаженные. *(Пауза.)* Он их уже полтора года сам себе гладит. По утрам, перед работой. Я всё удивлялась: с чего это мужик в сорок лет вдруг за утюг взялся.
(Алиса молчит.)
ЛЕНА. Теперь буду знать.
(Лена берётся за ручку двери. Останавливается.)
ЛЕНА. Вы здесь ночевать собираетесь?
АЛИСА. Здесь.
ЛЕНА. В восемь утра сюда мои родители приедут. С мешками. Отец собирается пол заливать.
АЛИСА. Я знаю.
ЛЕНА. Откуда?
(Пауза.)

АЛИСА. Сама ему сегодня так сказала. «Завтра в восемь здесь будет цемент. Или я».
(Лена долго смотрит на неё.)
ЛЕНА. Значит, цемент.
АЛИСА *(о чемодане)*. Он мне не нужен.
ЛЕНА. Я его обратно тоже не потащу.
(Лена выходит. Дверь за ней медленно закрывается.)
(Алиса остаётся одна. Долго стоит неподвижно. Потом подходит к дальней стене – той самой. Прижимается к ней спиной. Начинает шагать через комнату, вслух считая шаги.)
АЛИСА. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.
(На шестом шаге она упирается в собственные вещи: свёрнутый ковёр, коробки, цветок в горшке, чемодан Игоря. Останавливается. Смотрит под ноги. Черта осталась на пятом шаге – её вещи стоят уже за ней. Половины больше нет.)
(Алиса не считает дальше.)
(Она отходит в самый дальний угол комнаты, подальше от входной двери и от зеркала. Встаёт спиной к зрительному залу. Опускает голову. Её плечи начинают мелко, беззвучно вздрагивать. Чемодан так и остаётся стоять там, куда докатился. На верхней ступеньке стремянки – уцелевший бокал. Бутылка шампанского так и не открыта.)
(УДАР В ДВЕРЬ. Металл жалобно звенит. Дверь с трудом приоткрывается, и в щель протискивается Даня. На этот раз он тащит на себе высокий металлический торшер. Провод волочится за ним по полу.)
(Даня делает несколько шагов. Вдруг останавливается. Перехватывает ножку торшера, как гриф гитары, широко расставляет ноги и с остервенением, беззвучно, играет мощную партию на воображаемой соло-гитаре. Он трясёт головой, зажмурившись от удовольствия, ударяя по невидимым струнам.)
(Закончив соло, Даня буднично закидывает торшер на плечо и доходит до угла, где стоит Алиса. Ставит торшер на пол. Втыкает вилку в удлинитель, торчащий из стены. Дёргает за верёвочку. Загорается свет.)
(Круг света ложится на бетон и захватывает спину Алисы. Даня собирается уходить – и вдруг останавливается. Он видит то, чего не видел весь вечер: содрогающиеся плечи сестры. Даня замирает. Долго смотрит на неё.)

(Затем медленно поднимает руки. Снимает с головы свои огромные наушники.)

(Впервые за весь вечер Даня остаётся без музыки. В наступившей тишине слышно, как из наушников в его опущенной руке тонко и жестяно колотится ритм – единственный звук в пустой бетонной коробке.)

(Даня мнётся, нерешительно теребит наушники в руках. Делает шаг к Алисе. Надевает наушники ей на уши.)

(Жестяной звук пропадает. Тишина становится полной.)

(Плечи Алисы вздрагивают в последний раз и замирают. Она стоит неподвижно.)

(Даня остаётся стоять рядом. Впервые за весь вечер он ничего не слышит и, кажется, не знает, что с этим делать.)

(В зрительном зале плавно гаснет свет. Темнота поглощает сцену, оставляя лишь один островок света под торшером. В этом круге света застыли Алиса и Даня.)

(Даня медленно поднимает руку. Нащупывает верёвочку торшера. Дёргает вниз.)

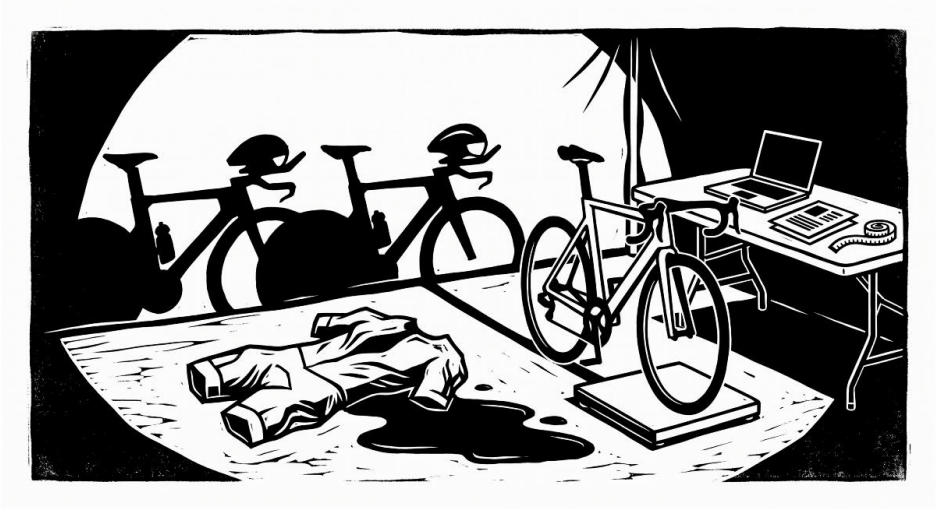
(Свет гаснет. Полная темнота.)

ЗАНАВЕС.

Батуми, 2026

ВЕЛОСИПЕДИСТКИ С БОЛЬШОЙ ГРУДЬЮ

Чёрная комедия в одном действии



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАЙЯ – велосипедистка, стартовый номер сорок четыре. Двадцать восемь лет, восемь сезонов в профессионалах. Последняя в общем зачёте.
ДАНА – велосипедистка, стартовый номер сорок один. Капитан команды, тридцать шесть лет, семнадцать из них в профессионалах.
ХЕЛЕНА БАРТ – комиссар по экипировке.
КУРТ – спортивный директор команды, в прошлом профессиональный гонщик.
ИВОННА – представитель технического партнёра соревнований и титульного спонсора команды.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ, **ГОЛОС СНАРУЖИ** – звучат из-за брезента, на сцену не выходят.

Начало октября. Заключительный этап последней многодневки сезона – индивидуальная раздельная велогонка на двадцать один километр. Зона старта.
Единая декорация. Действие идёт непрерывно, в реальном времени: от прихода первой участницы до её старта. Шесть сцен разделены короткими отбивками – свет уходит в дежурный на три-пять секунд, шум зоны старта не прерывается. Между сценами проходит не больше минуты.
Снаружи всё время ровный шум: генераторы, публика, громкоговоритель.

Сцена 1. Пятнадцать миллиметров

Досмотровая палатка в зоне старта. Складной стол: ноутбук, переносной принтер, картонная коробка с изъятым – фляга, майка с распоротыми передними карманами, чей-то шлем, пакеты для льда. Справа электронные весы для велосипеда. Слева сложенная ширма. Задняя стенка брезента подсвечена снаружи: по ней ходят тени очереди. Под потолком громкоговоритель.
ХЕЛЕНА, комиссар по экипировке, прикалывает к брезенту распечатку. Семь страниц, жёлтый маркер. Восьмой лист она прикалывает отдельно, в стороне, лицом к брезенту.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание, командам и участницам. Зачитывается коммюнике жюри. Сегодня в шесть часов утра вступила в силу поправка к статье один-три-ноль-три-два регламента. Запрещаются любые элементы, вшитые или вложенные в грудную часть комбинезона, если они изменяют обтекание корпуса. Перед раздельным стартом проводится контрольный замер в два этапа. Разница между обхватом груди без комбинезона и обхватом груди в комбинезоне не должна превышать пятнадцати миллиметров. Явка в досмотровую палатку – не позднее чем за десять минут до своего старта.
Пауза.
ХЕЛЕНА. *(в пустоту)* Чем?
Открывает ящик стола. Закрывает. Открывает второй.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. До старта первой участницы – двадцать пять минут.
Входит МАЙЯ с велосипедом. Стартовый комбинезон, аэродинамический шлем под мышкой.

МАЙЯ. Меня прислали.
ХЕЛЕНА. Кто?
МАЙЯ. Все.
Хелена показывает на весы. Майя ставит велосипед.
ХЕЛЕНА. Шесть восемьсот сорок. Норма – шесть восемьсот.
МАЙЯ. Это грязь.
ХЕЛЕНА. Грязь входит в вес.
МАЙЯ. А если я её сниму?
ХЕЛЕНА. Тогда вы уменьшите вес велосипеда механическим путём. *(Клеит на раму стикер.)* Сорок граммов в вашу пользу. Велосипед допущен.
МАЙЯ. Спасибо. *(Берётся за руль.)*
ХЕЛЕНА. Велосипед допущен. Вы – нет.
Майя останавливается.
МАЙЯ. Я что-то нарушила?
ХЕЛЕНА. Пока неизвестно. Вы слышали коммюнике?
МАЙЯ. Я слышала громкоговоритель. Он у нас говорит с семи утра, его никто не слушает.
ХЕЛЕНА. Тогда коротко. Я снимаю два обхвата с вашей груди. Первый – без комбинезона, второй – в комбинезоне. Разница между ними – это толщина того, что на вас надето. Больше пятнадцати миллиметров – значит, на вас надето что-то, кроме ткани.
МАЙЯ. А моя грудь тут при чём?
ХЕЛЕНА. Ни при чём. Она входит в оба замера и вычитается. Меня не интересует ваша грудь. Меня интересует разница.
Врывается КУРТ. Ноутбук под мышкой, наушник рации на шее.
КУРТ. А вот грудь меня как раз интересует.
ХЕЛЕНА. Вы кто?
КУРТ. Спортивный директор ее команды. Курт. *(Ставит ноутбук на стол, открывает.)* Накладка на женскую грудь даёт ноль семьдесят восемь секунды на километре. Двадцать один километр – это уже шестнадцать секунд. Между двенадцатым местом и третьим перед сегодняшним стартом одиннадцать. Одиннадцать секунд, которые выигрывает правильная женская грудь.
Пауза.
ХЕЛЕНА. Хотите сказать, что у вашей велосипедистки неправильная грудь, раз она последняя в общем зачёте?
Майя открывает рот. Закрывает. Не говорит ничего.
КУРТ. Я говорю про аэродинамику.

ХЕЛЕНА. *(записывает в бланк)* «Представитель команды говорит про аэродинамику».
КУРТ. Хелена, я вас очень уважаю…
ХЕЛЕНА. Мы не знакомы.
КУРТ. У вас на бейдже написано. Почему первой на замер вызвали мою гонщицу?
ХЕЛЕНА. Потому что она стартует первой.
КУРТ. А почему она стартует первой?
ХЕЛЕНА. Потому что она последняя в общем зачёте.
КУРТ. Замечательная логика.
ХЕЛЕНА. Не моя.
КУРТ. Комиссар. Сегодняшний этап – последний в многодневке и в сезоне: его результатом закрывается общий зачёт, призовые и составы на будущий год. Всё, что не решится сегодня за двадцать один километр, не решится вообще.
ХЕЛЕНА. Я знаю. Мне сообщили в семь утра. Новая поправка в регламент – аккурат перед последней гонкой. Журналисты в восторге: велосипедистки будут меряться грудью, линейка против пуш-апа, бюстгальтер или одиннадцать секунд.
КУРТ. Я тоже видел эти заголовки. Это всё из-за той августовской фотографии.
Хелена роется в коробке с изъятым. Достаёт свёрнутую мерную ленту.
МАЙЯ. Это рулетка для колеса.
ХЕЛЕНА. В каком смысле?
МАЙЯ. Размечена под длину окружности. Начинается с двух тысяч.
ХЕЛЕНА. Значит, начнём с двух тысяч.
КУРТ. Вы будете мерить грудь моей гонщицы рулеткой для колеса?
ХЕЛЕНА. Я буду мерить её тем, что мне выдали. Мне выдали поправку к регламенту, бланк и палатку. Поправка вступила в силу в шесть утра. Рулетку обещали в пятницу.
КУРТ. И вы всё равно меряете.
ХЕЛЕНА. Поправка вступила в силу. Пятница – нет.
КУРТ. Заявляю протест.
ХЕЛЕНА. Предмет протеста?
КУРТ. Кривизна.
ХЕЛЕНА. Чья?
КУРТ. Рулетки. Она размечена под окружность колеса. Колесо – правильная окружность. Грудь моей гонщицы – нет.

МАЙЯ. Спасибо, Курт.
КУРТ. Это в твою пользу, Майя!
ХЕЛЕНА. Протест отклонён. Раздевайтесь.
Курт открывает рот, закрывает, идёт к пологу и останавливается: полог один, а выходов из него два – направо пять шагов до фотографов, налево сорок метров до рампы. Снаружи щёлкают затворы и вспышки фотографов, кто-то кричит его фамилию. Он опускает полог. Возвращается и, не дожидаясь ничего, становится лицом к брезенту.
ХЕЛЕНА. Отвер…
Не договаривает. Курт уже стоит носом в брезент. Хелена секунду смотрит на его спину и ничего не записывает.
КУРТ. Там пресса. Теперь им нужна фотография погорячее.
Майя расстёгивает молнию и спускает комбинезон до пояса. Стоит в спортивном бюстгальтере, спиной к залу, лицом к Хелене – спокойно, как переодеваются на работе.
МАЙЯ. Ты мог бы её сделать, но рано отвернулся.
Курт не отвечает.
ХЕЛЕНА. Бюстгальтер тоже снимите.
КУРТ. *(в брезент)* Стоп. Это бельё.
ХЕЛЕНА. Это спортивный бюстгальтер.
КУРТ. Это бельё. Регламент экипировки на бельё не распространяется. Покажите мне статью регламента про бельё.
ХЕЛЕНА. Покажите мне бельё с логотипом титульного спонсора.
Пауза.
КУРТ. Мы просто наносим его сверху.
ХЕЛЕНА. Значит, это не бельё, а рекламная поверхность. Рекламная поверхность – экипировка. Экипировкой занимаюсь я.
МАЙЯ. Там ещё номер.
ХЕЛЕНА. Какой номер?
МАЙЯ. Мой. Сорок четыре. Чтобы в стирке не перепутали.
ХЕЛЕНА. *(записывает)* «Изделие маркировано номером участницы».
КУРТ. Вы вносите её бюстгальтер в протокол.
ХЕЛЕНА. Я вношу в протокол маркированный элемент экипировки.
КУРТ. А подкладка в нём есть?
МАЙЯ. Курт, ты стоишь лицом в брезент и спрашиваешь про подкладку в бюстгальтер. Повернись и пощупай.

КУРТ. Я спрашиваю про семнадцать миллиметров! *(Пауза.)* Езжай без него.
МАЙЯ. Без бюстгальтера?
КУРТ. Да.
МАЙЯ. Двадцать один километр на разделочном руле?
КУРТ. Три миллиметра, Майя.
МАЙЯ. Ты когда-нибудь ехал разделку без ничего?
КУРТ. Ехал.
МАЙЯ. Ты ехал в мужской комплектации.
ХЕЛЕНА. Первый замер – по коже. Всё, что не кожа, идёт во второй. Таков новый регламент. *(Заводит ленту за спину Майе.)* Выдохните полностью и задержите.
Майя выдыхает.
ХЕЛЕНА. Две тысячи девятьсот сорок. Минус две тысячи. Девятьсот сорок. Замер А – девятьсот сорок.
Курт, не оборачиваясь, ставит ноутбук на колено и печатает.
ХЕЛЕНА. Что вы делаете?
КУРТ. Записываю.
ХЕЛЕНА. Отвернитесь.
КУРТ. Я отвернулся.
ХЕЛЕНА. Тогда не записывайте.
КУРТ. Хелена, если завтра вы потеряете бланк, единственная цифра в мире будет у меня.
Пауза.
ХЕЛЕНА. Записывайте. Одевайтесь.
Майя натягивает комбинезон, застёгивает.
МАЙЯ. Готово.
Курт разворачивается к Майе. Хелена снова с лентой.
ХЕЛЕНА. Замер Б. Выдохните полностью.
Майя выдыхает. Хелена меряет.
ХЕЛЕНА. Девятьсот пятьдесят семь. Разница – семнадцать.
Пауза.
КУРТ. Семнадцать.
ХЕЛЕНА. Семнадцать.
КУРТ. Допуск пятнадцать.
ХЕЛЕНА. Допуск пятнадцать.
КУРТ. Мерьте ещё раз.
ХЕЛЕНА. Получу семнадцать. Ткань не меняется от того, сколько раз я на неё посмотрю.

МАЙЯ. Что это значит?
ХЕЛЕНА. Что вы сегодня не стартуете.
Курт очень медленно закрывает ноутбук.
КУРТ. Хелена. Один вопрос. В каком виде вы её меряете?
ХЕЛЕНА. В том, в каком она пришла.
КУРТ. Она пришла с разминки. Она сухая. Она поедет двадцать один километр на пределе, и уже к третьему километру на ней не будет ни одного сухого сантиметра. Вы меряете её не в том виде, в каком она едет.
ХЕЛЕНА. В поправке не сказано, в каком виде надо мерять.
КУРТ. Вот именно.
Пауза. Хелена смотрит на распечатку на брезенте. Курт лезет в коробку с изъятым и достаёт флягу.
ХЕЛЕНА. Это изъятое.
КУРТ. У кого?
ХЕЛЕНА. У вашей мужской команды. Она была под жёлтой майкой лидера спереди.
КУРТ. Значит, наша.
Он отвинчивает крышку и льёт воду на комбинезон Майи – на грудь, ровно и деловито, как поливают рассаду. Майя стоит.
МАЙЯ. Курт.
КУРТ. Терпи.
МАЙЯ. У меня старт.
КУРТ. У тебя пока нет старта. Стой.
Он выливает флягу до дна, отступает, оценивает взглядом, поправляет ткань на плече.
МАЙЯ. Я бы предпочла шампанское. Как тогда.
Курт не отвечает. Ставит пустую флягу обратно в коробку.
ХЕЛЕНА. Вы вылили улику на гонщицу.
КУРТ. Я привёл её в состязательный вид. Меряйте.
Хелена меряет.
ХЕЛЕНА. Девятьсот пятьдесят шесть. Шестнадцать.
КУРТ. Теперь один миллиметр до допуска.
ХЕЛЕНА. Один.
КУРТ. *(Майе)* Один миллиметр, Майя. Слушай меня. Выдох. Спокойно, до конца, до самого низа, как на финише. И не добирай.
ХЕЛЕНА. Стойте.
КУРТ. Что «стойте»? Замер производится на выдохе. Я не имею права сказать ей, какой это выдох?

ХЕЛЕНА. Вы её тренируете.
КУРТ. Вообще-то я её спортивный директор. Меня за это и держат. *(Майе.)* Выдох.
Майя выдыхает. Курт ведёт её голосом, как на подъёме.
КУРТ. Ещё… ещё… не добирай… держи…
Хелена заводит ленту за спину Майе. Смотрит. Долго не произносит цифру.
КУРТ. Ну?
ХЕЛЕНА. Девятьсот пятьдесят пять. Пятнадцать.
КУРТ. Проходит.
ХЕЛЕНА. Не превышает.
КУРТ. Это одно и то же!
ХЕЛЕНА. Сегодня – да.
Майя вдыхает и садится на край стола. Хелена не отходит.
ХЕЛЕНА. Она выдохнула не так, как в первом замере.
КУРТ. В поправке не написано, как. Написано: обхват груди в комбинезоне. Она в комбинезоне. Она выдохнула. Замер действителен.
ХЕЛЕНА. *(Майе)* Вдохните.
МАЙЯ. Зачем?
ХЕЛЕНА. Просто вдохните. Как дышат.
Майя вдыхает. Хелена меряет.
ХЕЛЕНА. Девятьсот шестьдесят два. Двадцать два. *(Курту.)* Вы уложились в норму в состоянии, в котором нельзя проехать двадцать один километр.
КУРТ. Меряют на старте, а не на дистанции.
ХЕЛЕНА. Она поедет дыша.
КУРТ. Она поедет по правилам. Это разные вещи, и обе мне подходят.
Хелена садится к ноутбуку. Молчит. Печатает.
КУРТ. Что вы пишете?
ХЕЛЕНА. Что она прошла.
КУРТ. Прекрасно. *(Майе.)* Шлем.
ХЕЛЕНА. Я не дописала. *(Печатает.)* «Замер произведён трижды при трёх различных условиях. Методика замера регламентом не установлена. Решение по велогонщице отложено. Велосипедистка внесена в протокол как контрольный образец».
Тишина.
КУРТ. Что значит «контрольный образец»?
ХЕЛЕНА. Значит, что по её замерам будут сверять остальных.
МАЙЯ. Каких остальных?

ХЕЛЕНА. Всех. Сейчас придёт вторая, потом третья, потом ещё сто двенадцать. Я не знаю, как их мерить. Сухими или мокрыми. На каком выдохе. Я знаю только то, что произошло здесь, – значит, здесь и будет написано, как надо.
КУРТ. Вы пишете инструкцию с моей велосипедистки.
ХЕЛЕНА. Я пишу её с того, что было у меня перед глазами.
Принтер щёлкает и молчит. Хелена бьёт по крышке. Принтер печатает. Она вынимает лист, кладёт перед Майей, протягивает ручку.
ХЕЛЕНА. Здесь подпись. Вы ознакомлены.
МАЙЯ. С чем?
ХЕЛЕНА. С собой.
Майя берёт ручку. Читает лист сверху донизу – дольше, чем читают одну страницу.
МАЙЯ. Тут написано «девятьсот сорок».
ХЕЛЕНА. Написано.
МАЙЯ. У меня никогда не было размера. У меня был пакет. Восемь штук, в марте, на пакете надпись «комплект женский, командный» и мой номер.
ХЕЛЕНА. А размер?
МАЙЯ. Размер не указывают – просто номер, с которым ты стартуешь в сезоне.
ХЕЛЕНА. *(печатает)* «Размер изделия не установлен. Изделие командное, обезличенное».
КУРТ. Обезличенное?
ХЕЛЕНА. На нём нет её размера. На нём её номер.
Майя подписывает. Хелена убирает лист в папку. Папка пустая, лист в ней первый. Потом снимает рацию с подставки.
ХЕЛЕНА. База, база, это палатка досмотра. Приём.
КУРТ. Не надо.
ХЕЛЕНА. Надо. *(В рацию.)* Комиссар Барт. Направляю рапорт. Замер по поправке произведён, результат в допуске, методика отсутствует. Прошу приостановить старт до утверждения методики. *(Снимает палец с тангенты рации, ставит её обратно на подставку.)*
КУРТ. Вы только что остановили всю велогонку.
ХЕЛЕНА. Я запросила способ её судить.
Майя надевает шлем, берёт велосипед.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Старт индивидуальной гонки приостановлен до особого распоряжения жюри. Рапорт комиссара по

экипировке рассматривается совместно с протестами трёх команд, поданными сегодня утром. Участницам оставаться в зоне старта.
Майя останавливается.
КУРТ. Каких трёх команд?
ХЕЛЕНА. Мне не сообщают.
КУРТ. Вам? Вы комиссар.
ХЕЛЕНА. Я комиссар по экипировке. Мне сообщают про экипировку.
Тени очереди на брезенте перестают двигаться. С комбинезона Майи капает на пол.
Хелена подходит к брезенту, снимает восьмой лист, смотрит на него – недолго, как смотрят на то, что видели много раз, – и убирает в папку, не разворачивая в зал.
ОТБИВКА.

Сцена 2. Партия

Та же палатка. Майя у стола в мокром комбинезоне, под ней на полу тёмное пятно. Хелена у ноутбука. Курт с ноутбуком под мышкой. Тени очереди на брезенте не двигаются.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Разъяснение жюри комиссару по экипировке. Приостановка старта не приостанавливает досмотр. Контрольный замер производится в порядке стартового протокола. Решения по участницам до утверждения методики не выносятся.
КУРТ. То есть мерить надо, а судить нельзя.
ХЕЛЕНА. Да.
КУРТ. Тогда зачем мерить?
ХЕЛЕНА. Чтобы было что судить, когда будет чем.
КУРТ. *(Майе)* Иди в автобус, переоденься в сухое. Я позову.
ХЕЛЕНА. Стойте.
КУРТ. Что опять?
ХЕЛЕНА. Если она сейчас расстегнётся, мой замер ничего не значит. От палатки до рампы сорок метров. Что на ней будет на рампе, я не знаю.
КУРТ. Вы всерьёз думаете, что она…
ХЕЛЕНА. Я думаю, что второй раз мне это проверить нечем.
Хелена берёт ролик стикеров, отрывает один и заклеивает замок молнии на комбинезоне Майи – так, что язычок не сдвинуть.
ХЕЛЕНА. *(печатает)* «Изделие опечатано. Стикер ноль-ноль-два. Участница сорок четыре».

МАЙЯ. На велосипед был такой же?
ХЕЛЕНА. Такой же.
Пауза.
КУРТ. Она час простоит мокрая.
ХЕЛЕНА. Она час простоит опечатанная. Мокрая – это уже из-за вас.
Курт отходит к брезенту, зажимает наушник рации.
КУРТ. Автобус. Автобус, ответьте. *(Слушает.)* Они за кордоном. Четыре километра. Слишком далеко.
Полог отдёргивается. Входит ДАНА с велосипедом. Комбинезон на груди тёмный от воды, в свободной руке пустая фляга.
ДАНА. Сорок первый. Где здесь мерят?
ХЕЛЕНА. Сорок первый не второй в стартовом протоколе.
ДАНА. Нет. Я капитан команды. Я иду первой, чтобы знать, что там.
КУРТ. Это тоже моя гонщица. Можете сравнить с ней все ваши замеры.
ХЕЛЕНА. *(печатает)* «Участница сорок один принята вне очереди как сравнительный образец».
Дана ставит велосипед. Видит стикер на молнии Майи.
ДАНА. А это что?
ХЕЛЕНА. Стикер допуска.
ДАНА. Печать целомудрия.
ХЕЛЕНА. Номер в протоколе.
ДАНА. Как скажете.
ХЕЛЕНА. Вы уже мокрая.
ДАНА. Потому что я в курсе.
ХЕЛЕНА. Почему?
ДАНА. В очереди сказали, что мокрым лучше. *(Ставит флягу на стол.)* Там двое уже льют на себя из чужих фляг, а сорок девятая, наоборот, греется на солнце. Говорит, надо мерять комбинезон тёплым: ткань садится.
ХЕЛЕНА. Откуда очередь знает, что мокрым лучше?
ДАНА. У вас тут брезент, комиссар. Когда вы кричите, вас слышно до самой разметки.
КУРТ. Что слышно?
ДАНА. Тебя. Ты кричал «терпи» и «не добирай». Очередь сделала выводы.
КУРТ. Какие выводы?
ДАНА. Разные.
МАЙЯ. Выводы неверные. Он вёл меня на выдохе.

ДАНА. Я так и сказала, что дело не в шампанском. Мне не поверили.
ХЕЛЕНА. Велосипед на весы.
Дана ставит.
ХЕЛЕНА. Шесть семьсот девяносто восемь.
ДАНА. Мало?
ХЕЛЕНА. На два грамма.
ДАНА. Курт?
Курт достаёт из кармана своего командного дождевика болт. Дана прикручивает его к держателю фляги. Хелена взвешивает снова.
ХЕЛЕНА. Шесть восемьсот три. Допущен.
ДАНА. Норма, весы, болт. Всё сходится.
ХЕЛЕНА. С велосипедом всегда сходится. Раздевайтесь.
ДАНА. *(уже расстёгивает молнию)* Первый замер по коже, второй в комбинезоне. Знаю.
ХЕЛЕНА. Откуда?
ДАНА. Брезент.
КУРТ. Может, ширму поставить?
ХЕЛЕНА. Ставить две минуты.
ДАНА. У меня старт.
КУРТ. У тебя пока нет старта.
ДАНА. Тем более.
Курт разворачивается к брезенту сам, без напоминания.
ХЕЛЕНА. Бюстгальтер тоже снимите.
ДАНА. Нет бюстгальтера.
КУРТ. *(в брезент)* Вот. Я же говорил.
МАЙЯ. Ты говорил про три миллиметра.
Дана спускает комбинезон до пояса. Стоит спиной к залу, лицом к Хелене. Хелена заводит ленту из-за спины. Останавливается. Смотрит не на ленту – сначала на грудь Даны, потом на саму Дану, как будто что-то заметила, но не решается сказать. Дана спокойно смотрит в ответ.
ДАНА. Перемерить?
ХЕЛЕНА. Нет.
Пауза.
ХЕЛЕНА. Две тысячи девятьсот сорок восемь. Минус две тысячи. Замер А – девятьсот сорок восемь. Одевайтесь.
Дана натягивает комбинезон, застёгивает молнию до горла и ведёт ладонями по ткани – сгоняет складки, как перед стартом. Курт разворачивается.

ХЕЛЕНА. Замер Б. Выдохните полностью и…
ДАНА. …до самого низа, и не добирать. Я слышала.
Дана выдыхает – длинно, ровно, без всякого напряжения в лице. Хелена меряет. Смотрит. Меряет ещё раз.
КУРТ. Ну?
ХЕЛЕНА. Девятьсот восемьдесят восемь.
Пауза.
КУРТ. Это сорок.
ХЕЛЕНА. Это сорок.
ДАНА. *(вдыхает)* Я тоже умею вычитать.
КУРТ. Ещё раз. С водой.
Хватает свою флягу – пустая. Берет Данину – пустая. Лезет в коробку с изъятым, достаёт ту же флягу, что вылил на Майю. Пустая.
ДАНА. Курт. Я мокрая с разметки. Я приехала сюда в том виде, в котором ты держал её шесть минут назад.
КУРТ. Значит, недостаточно мокрая.
ХЕЛЕНА. *(Дане)* Вдохните. Как дышат.
Дана вдыхает. Хелена меряет.
ХЕЛЕНА. Девятьсот девяносто один. Сорок три.
КУРТ. *(считает вслух)* Вода и выдох дали три миллиметра. Нужно ещё двадцать пять.
ХЕЛЕНА. Ваш приём сработал.
КУРТ. Приём сработал и не спас. *(Пауза.)* Значит, дело не в выдохе.
Майя подходит ближе и смотрит на Дану.
МАЙЯ. У неё другой комбинезон.
КУРТ. Один и тот же.
МАЙЯ. Молния другая. У меня чёрная, у неё под цвет ткани. И шов на груди идёт не там.
КУРТ. Майя, это одна модель. Я подписывал накладную.
МАЙЯ. Я читаю этикетки. Я всегда смотрю, что мне дали.
Пауза.
ХЕЛЕНА. Этикетку.
Дана оттягивает ворот. Хелена вытаскивает пришитую с изнанки этикетку, расправляет.
ХЕЛЕНА. *(читает)* «Комбинезон разделочный женский. Артикул тэ-тэ ноль один дробь два. Партия ноль-семь-Б. Июль». *(Ведёт пальцем ниже.)* «Стирка тридцать. Не отбеливать. Не отжимать. Не гладить. Элемент не отделяется от изделия».
Тишина.

КУРТ. Какой элемент?
ХЕЛЕНА. Не сказано.
ДАНА. Там вообще ничего не сказано. Там написано, как стирать.
ХЕЛЕНА. Там написано «не отделяется». *(Майе.)* Вашу.
Майя оттягивает ворот – насколько позволяет опечатанная молния. Хелена читает.
ХЕЛЕНА. «Артикул тэ-тэ ноль один. Партия ноль-три-А. Март. Стирка тридцать. Не отбеливать». Всё. Про элемент – ничего.
МАЙЯ. У меня пятнадцать.
ХЕЛЕНА. У вас пятнадцать. У неё сорок. *(Печатает.)* «Расхождение относится не к участнице, а к изделию».
КУРТ. Двадцать пять миллиметров между двумя велосипедистками одной команды.
ДАНА. Двадцать пять миллиметров между капитаном и последней в общем зачёте.
Пауза.
МАЙЯ. Курт. Почему мне не пришла июльская посылка с новым комплектом формы?
КУРТ. Партия была ограниченная. Их разослали по приоритету.
МАЙЯ. По какому приоритету?
КУРТ. По спортивному.
МАЙЯ. То есть меня не переодели в новый комплект, потому что я плохо еду.
КУРТ. Тебя не переодели, потому что партия кончилась.
МАЙЯ. На ком?
Пауза.
ДАНА. На мне.
Пауза.
МАЙЯ. Тогда я сегодня единственная в команде, кто может выйти на старт.
Курт открывает ноутбук и молчит.
ХЕЛЕНА. Отвечайте.
КУРТ. Да.
ХЕЛЕНА. Сколько гонщиц из вашей команды в протоколе?
КУРТ. Шесть.
ХЕЛЕНА. Сколько получили июльскую?
КУРТ. Пятеро.
ХЕЛЕНА. А в других командах?
КУРТ. Я не знаю, что получили в других командах.

ХЕЛЕНА. Поставщик один?
КУРТ. Поставщик один.
Курт листает в ноутбуке.
КУРТ. Первый раздельный старт после июльской посылки, восемнадцатое июля. Первая десятка. *(Ведёт пальцем.)* Здесь. Здесь. Здесь… Восемь человек из десяти поехали на четыре десятых секунды с километра быстрее, чем ехали в мае. Одновременно. В один день.
ХЕЛЕНА. Вы знаете по секундам, кому пришла посылка с новой формой.
КУРТ. Я больше ничего не умею. *(Пауза.)* Четыре десятых – это восемь секунд на сегодняшней дистанции.
Хелена подходит к задней стенке палатки. На подсвеченном брезенте тени: плечи, шлемы, локти.
ХЕЛЕНА. Сколько женщин сегодня в стартовом протоколе?
ДАНА. Сто пятнадцать.
ХЕЛЕНА. Сколько из них в июльской форме?
ДАНА. Спросите проще: кто сегодня едет на результат. Это тот же список.
Хелена возвращается к столу, берёт ножницы, отрезает бирку от комбинезона Даны и убирает в папку.
КУРТ. Вы отрезали этикетку от боевого комбинезона за час до старта.
ХЕЛЕНА. Я изъяла маркировку изделия. Велосипед приводится к норме болтом. Комбинезон привести к норме пока нечем.
ДАНА. Тогда изымайте изделие полностью.
Расстёгивает молнию комбинезона.
КУРТ. Дана.
ДАНА. После семнадцати лет профессиональной карьеры я не хочу попасть в скандал в том, про что написано «не отделяется». С фотографией.
КУРТ. Про карьеру мы оба понимаем. Ты же знаешь, что этот старт может быть твоей последней гонкой. Контракт на следующий сезон так и не подписан.
ДАНА. Поэтому в таком и не поеду.
Дана поворачивается спиной к залу и стягивает комбинезон. Выпутывает ноги, складывает вдвое, берёт на вытянутую руку. Курт сидит у стола боком. Ему никто не велел отворачиваться, и он не отворачивается: перестаёт печатать и опускает голову к экрану.
Майя смотрит на Дану дольше, чем нужно, чтобы просто посмотреть.

МАЙЯ. У тебя грудь хорошей формы.
ДАНА. Я старалась.
Хелена поднимает голову от бланка – быстрее, чем следовало бы. Секунду смотрит. Возвращается к бланку.
ХЕЛЕНА. *(печатает)* «Замечаний к телу участницы не имеется».
ДАНА. *(Курту)* А ты зря не смотришь. Если у меня последняя гонка – у тебя последний шанс.
Курт не поднимает головы.
КУРТ. Дана.
ДАНА. Я знаю. Не смотри.
Дана протягивает комбинезон Хелене. Хелена не берёт.
ДАНА. Комиссар?
ХЕЛЕНА. Если я возьму, значит, я изымаю. Если я изымаю одно изделие, я обязана изъять партию.
ДАНА. Изымайте.
ХЕЛЕНА. Я не могу изъять партию.
ДАНА. Почему?
ХЕЛЕНА. Потому что я комиссар по экипировке. Экипировка – это то, что на человеке. Партия – это то, что на складе.
ДАНА. А кто комиссар по складу?
Хелена не отвечает. Дана стоит с комбинезоном на вытянутой руке. Никто его не берёт.
Курт, по-прежнему не поднимая головы, стягивает длинный командный дождевик и протягивает вбок. Пауза. Дана берёт свободной рукой, бросает комбинезон на пол и надевает дождевик – он ей ниже середины бедра.
ДАНА. Спасибо.
КУРТ. Не за что.
Хелена снимает рацию с подставки, прикладывает наушник к уху и нажимает на тангенту.
ХЕЛЕНА. База, база, это палатка досмотра. Приём. *(Пауза.)* Соедините с техническим делегатом. *(Пауза.)* Тогда с жюри. *(Пауза.)* Это комиссар Хелена Барт. Официально запрашиваю данные по партии экипировки ноль-семь-Б: объём выпуска, список команд-получателей и количество изделий этой партии в сегодняшнем стартовом протоколе. *(Пауза.)* Нет. Не по участнице. По всей партии.
Ставит рацию обратно на подставку, отсоединяет наушник.
КУРТ. Вы понимаете, что вы сейчас спросили?
ХЕЛЕНА. Я спросила число.

КУРТ. Вы спросили, скольких женщин сегодня нельзя выпускать на старт.
ХЕЛЕНА. Это одно и то же число.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. В палатку досмотра приглашается представитель технического партнёра соревнований. Контрольный замер участниц приостанавливается до прибытия представителя. Комиссару по экипировке оставаться на месте.
КУРТ. *(тихо)* Быстро.
ХЕЛЕНА. Что?
КУРТ. Я говорю: быстро приглашают.
Тени на брезенте приходят в движение – очередь перестраивается. Дана в командном дождевике Курта, комбинезон висит у неё на руке; никто его так и не взял. Майя стоит опечатанная, с неё капает на пол. Хелена кладёт ладонь на закрытую папку.
ОТБИВКА.

Сцена 3. Отзыв партии

Та же палатка. Майя у стола, опечатанная, в мокром комбинезоне; пятно на полу дошло до ножки стола. Дана в командном дождевике Курта, комбинезон висит у неё на руке – она подобрала его с пола, никто у неё его так и не взял. Курт с ноутбуком. Хелена над закрытой папкой. Тени на брезенте перестраиваются.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Запрос комиссара по экипировке о партии ноль-семь-Б переадресован техническому партнёру соревнований как обладателю запрашиваемых сведений.
ХЕЛЕНА. Я спрашивала жюри.
КУРТ. Жюри спросило поставщика.
ДАНА. Поставщик сейчас войдёт.
Полог отдёргивают снаружи. Щёлкают затворы. Входит ИВОННА: пиджак, бейдж на ленте другого цвета, в одной руке чехол для одежды, в другой папка.
ИВОННА. Добрый день. Ивонна, технический партнёр. *(Хелене.)* Комиссар Барт. *(Курту.)* Курт. *(Дане.)* Дана, сорок первый. *(Майе.)* Сорок четыре.
ХЕЛЕНА. Вы всех знаете.
ИВОННА. Я всех одеваю. *(Кладёт чехол на стол.)* Мне сказали, у вас велосипедистка без комбинезона.
ХЕЛЕНА. Кто сказал?

ИВОННА. Очередь.
Дана не двигается. Майя подходит, расстёгивает чехол на ладонь, оттягивает ворот, смотрит на изнанку.
МАЙЯ. Ноль-семь-Б.
ИВОННА. Да.
ДАНА. А другой нет?
ИВОННА. Мартовская линия закрыта в июне. В подменном фонде ноль.
ДАНА. Тогда спасибо. Останусь так.
ХЕЛЕНА. Я запрашивала данные по партии.
ИВОННА. Запрос у меня. Партия ноль-семь-Б: шестьсот сорок изделий, двадцать две команды. В сегодняшнем стартовом протоколе – семьдесят четыре изделия этой партии. На вашу команду отгружено шесть.
ХЕЛЕНА. Семьдесят четыре.
ИВОННА. Семьдесят четыре.
МАЙЯ. Шесть.
ХЕЛЕНА. Из ста пятнадцати.
МАЙЯ. А говорили, что было пять.
Пауза.
ХЕЛЕНА. Меня сейчас интересует партия, а не одна коробка из неё.
МАЙЯ. Меня интересует коробка.
КУРТ. Майя.
МАЙЯ. Я слушаю.
Курт не продолжает. Дана смотрит в сторону.
ХЕЛЕНА. *(Ивонне)* По какому принципу рассылали новую форму?
ИВОННА. Партия ограниченная, с упором на рекламную поверхность. Мы отдали тем, кого видно на телевизионной картинке.
ДАНА. Меня видно.
ИВОННА. Вас видно семнадцать лет.
МАЙЯ. А меня не видно.
ИВОННА. За весь сезон вас не было в трансляции ни разу. Я смотрела все старты.
МАЙЯ. Сегодня будете видеть только меня.
Пауза.
ДАНА. У меня сорок миллиметров разницы между двумя замерами груди. Допуск пятнадцать. Вы знали?
ИВОННА. Я знала, что у изделия есть заданный профиль.
ДАНА. Я спрашиваю про сорок.

ИВОННА. Про сорок миллиметров никто не знал до шести утра. Мерить начали сегодня.

Хелена открывает папку, достаёт этикетку.

ХЕЛЕНА. Это этикетка с июльского комплекта формы. «Элемент не отделяется от изделия». Какой элемент?

ИВОННА. Никакой.

ХЕЛЕНА. Здесь написано «элемент».

ИВОННА. Это стандартная строка. Она стоит на всех изделиях нашей производственной линии. На перчатках. На носках.

ХЕЛЕНА. У носков нет грудной части и пуш-апа.

ИВОННА. У носков нет молнии, воротника и номера. Строка одна на всю производственную линию – так дешевле печатать.

ХЕЛЕНА. Тогда что у неё за элемент в грудной части?

ИВОННА. Крой. Зонированная плотность: материал один, плотность разная, переход задан на станке. Ничего не вложено и не вшито. Это не предмет. Это такое лекало.

ХЕЛЕНА. Покажите техническое описание.

ИВОННА. Заявка подана, патент не выдан. Описание передаётся в техническую комиссию Велосипедного союза под соглашение о неразглашении. Рассмотрение – тридцать дней.

ХЕЛЕНА. У меня нет тридцати дней. У меня сто пятнадцать женщин за этим брезентом.

ИВОННА. Тогда не успеем.

Пока Хелена перечитывает бирку, Майя оказывается рядом с Даной. Говорит негромко.

МАЙЯ. Ты знала, что комплектов было шесть?

ДАНА. Я знала, что мой комплект был последним в коробке.

МАЙЯ. Ты не ответила.

ДАНА. Нет.

ИВОННА. И я бы просила, чтобы всё сказанное здесь осталось между нами.

ХЕЛЕНА. Здесь пятеро.

МАЙЯ. И брезент.

Ивонна смотрит на заднюю стенку. Тени стоят близко. Хелена берёт со стола ножницы и берётся за комбинезон в руке Даны.

ХЕЛЕНА. Хорошо. Тогда я вскрою изделие и посмотрю сама на этот элемент.

ИВОННА. Не вскроете. Изделие не продавалось, оно предоставлено во временное пользование. Собственность остаётся за нами до конца

сезона, дальше – возврат или списание. Это наше имущество, на которое у вас нет никаких прав.

Ивонна берёт комбинезон из руки Даны – первая, кто его взял, – и складывает: рукав к рукаву, аккуратно, как на витрине.

ХЕЛЕНА. Нет, отдайте мне комбинезон. Я оформлю протокол изъятия.

ИВОННА. Это наше изделие. Вы его уже повредили – отрезали от него этикетку.

ХЕЛЕНА. Этикетка приобщена к протоколу.

ИВОННА. Значит, у вас остаётся этикетка, у нас – изделие. Каждой по половине.

Убирает комбинезон в чехол – к тому, новому, который никто не взял, – застёгивает молнию. Курт ставит ноутбук на стол – рядом с папкой Хелены.

КУРТ. Стоп. Вы выдали пятерым моим велосипедисткам изделие, из-за которого сегодня их дисквалифицируют.

ИВОННА. Изделие изготовлено в июле. В июле к нему претензий не было. Мы не шьём форму с учётом будущего регламента.

КУРТ. Ваша июльская форма – это пять дисквалификаций в моей команде. Из шести.

ИВОННА. Я понимаю.

КУРТ. Не понимаете. Дисквалифицируют не вас. Дисквалифицируют женщину, которой в июле пришла посылка, а что в ней – ей не сказали. Она вскрыла пакет, надела форму и поехала быстрее. Она за это не отвечает.

ДАНА. Это я.

КУРТ. Да.

МАЙЯ. А я – та, которой посылку отправили и не отдали.

Пауза.

МАЙЯ. То есть чем больше грудь – тем лучше результаты.

Майя смотрит на Дану, та спокойно выдерживает её взгляд.

ХЕЛЕНА. *(Ивонне)* Мне нужно одно слово. Существительное. Я обязана внести в протокол, что находится в грудной части изделия. Если это вложенный элемент, улучшающий аэродинамику – то весь комплект формы попадает под запрет, и сегодня не стартуют семьдесят четыре человека, которые в нём. Если это крой по особому лекалу – то комплект формы разрешён, и стартуют все. Вещь одна и та же. Разница в одном слове.

ИВОННА. Именно поэтому слова у меня нет.

Хелена садится к ноутбуку, печатает.
ХЕЛЕНА. «В грудной части изделия находится элемент, наименование которого правообладателем не сообщено».
ИВОННА. Уберите слово «элемент».
ХЕЛЕНА. Дайте другое слово.
Пауза. Ивонна молчит.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Зарегистрирован четвёртый протест. Заявитель требует применения поправки регламента ко всем участницам без исключения, включая уже прошедших контрольный замер.
ИВОННА. Это те, кому мы не отправляли в июле новую форму.
КУРТ. Четыре команды, двенадцать человек.
МАЙЯ. Они требуют, чтобы мерили всех.
КУРТ. Они требуют, чтобы мерили не их.
ДАНА. Будь я их директором, я бы требовала то же самое.
ХЕЛЕНА. *(Ивонне)* Отзовите всю партию. Она сейчас вся в одном месте, за одним оцеплением. Гонка задерживается, все успеют найти замену. Лучшего момента у вас уже не будет.
ИВОННА. Хорошо. Давайте посчитаем.
Не достаёт ни телефона, ни бумаги.
ИВОННА. Изъятие, хранение, утилизация всей партии – сто десять тысяч евро. Перезапуск мартовской производственной линии: оснастка, лекала, повторная сертификация – восемьсот тысяч. Переоснащение двадцати двух команд на следующий сезон и штрафы по действующим договорам – миллион двести. Иски по бонусным статьям от тех, кто из-за замены формы не доедет до призовых, – миллион триста, и это осторожная цифра. Титульный контракт при отзыве партии по регламентному основанию расторгается автоматически, без переговоров: восемьсот тысяч, остаток срока. Итого – около четырёх миллионов двухсот тысяч евро. Это если сегодня. Завтра будет ещё дороже: завтра это будет уже во всех газетах.
ДАНА. Четыре миллиона двести за шестьсот сорок тряпок.
ИВОННА. Не за изделия. За признание.
ХЕЛЕНА. Признание чего?
ИВОННА. Что мы что-то вложили.
ХЕЛЕНА. А вы вложили?
ИВОННА. Мы так скроили.
Пауза. Хелена кладёт ножницы.
МАЙЯ. У вас есть отгрузочная ведомость?

ИВОННА. По вашей команде – есть.
МАЙЯ. Прочитайте шестую строку.
Ивонна, не открывая папку, достаёт лист из наружного кармана. Дана поворачивается к своему велосипеду и начинает поправлять держатель фляги.
ИВОННА. Артикул тэ-тэ ноль один дробь два, партия ноль-семь-Б, номер изделия, номер участницы. Сорок четыре.
Тишина.
ХЕЛЕНА. Сорок четыре – это вы.
МАЙЯ. Сорок четыре – это я.
ХЕЛЕНА. *(Курту)* В протоколе шестеро, отгружено шесть комплектов формы, её в вашей команде носят пятеро. Где шестой комплект?
КУРТ. Отдан.
ХЕЛЕНА. Кому?
КУРТ. Велосипедистке молодёжного состава. Сегодня не стартует.
ХЕЛЕНА. Она в стартовом протоколе?
КУРТ. Нет.
ХЕЛЕНА. Тогда почему она в форме из вашей партии?
КУРТ. Потому что она – перспективная юниорка. Возможно, будущий член нашей команды. Со следующего сезона.
ХЕЛЕНА. Мне нужна её фамилия.
Пауза. Курт делает вид, что ищет фамилию в ноутбуке.
МАЙЯ. Её зовут Жаннет Дюваль. Он хочет взять её в команду вместо меня.
ОТБИВКА.

Сцена 4. Фотография

Та же палатка. Хелена печатает в ноутбуке и не поднимает головы. Ивонна с застёгнутым чехлом. Дана у велосипеда, спиной. Майя опечатанная, все еще мокрая, у стола.
КУРТ. Да. Нет.
МАЙЯ. Двадцать один год.
КУРТ. Двадцать один.
МАЙЯ. Сколько она проехала за сезон?
КУРТ. *(снова заглядывает в ноутбук, уже с видимым облегчением – он рад, что спросили про цифры)* Четырнадцать гонок. Две разделки. Пришла второй и первой.
МАЙЯ. Когда стала первой?

КУРТ. Восемнадцатого июля. Молодёжная многодневка, второй этап. Она в тот день впервые надела жёлтую майку. Первая майка в карьере, ей был двадцать один год ровно неделю как.
Пауза.
МАЙЯ. Восемнадцатое июля.
КУРТ. Да.
МАЙЯ. Ты полчаса назад сам сказал: восемнадцатого июля восемь человек из первой десятки поехали быстрее. В один день.
КУРТ. У неё другой календарь. Другие соперницы, другой уровень, другая дистанция.
МАЙЯ. И тот же комплект формы, в котором должна была стартовать я.
Курт не отвечает.
ДАНА. Мы все были такими юниорками. Я в двадцать попала в команду.
МАЙЯ. Я тоже в двадцать.
КУРТ. Жаннет двадцать один, и у неё всё по-другому.
МАЙЯ. У неё комплект моей новой формы. В нём она приезжает первой. Я приезжаю последней в старом комплекте. Похоже, дело действительно в кривизне груди.
ХЕЛЕНА. *(не отрываясь от ноутбука)* Или во вставном элементе.
ИВОННА. Это не вставной элемент. Это такой крой с зонированной плотностью материала.
МАЙЯ. Я поняла, что это такое кроилово. И журналисты всё-таки были правы с той фотографией – нет дыма без огня.
ХЕЛЕНА. Они эту фотографию сделали приложением к коммюнике жюри про сегодняшнюю поправку к регламенту.
Хелена достаёт лист из папки и кладёт на стол – изображением вниз. Потом переворачивает. Все смотрят. Никто не наклоняется: смотрят так, как смотрят на то, что видели несколько месяцев.
КУРТ. Ну.
ХЕЛЕНА. «Приложение к коммюнике. Материал, послуживший основанием для внесения поправки к регламенту». Фотография. Финишный створ, женский торс в разделочном комбинезоне, по грудь. Подпись – не наша, газетная. Её перепечатали вместе с кадром: «Велосипедистки с большой грудью едут быстрее?»
КУРТ. Мы её видели сто раз.
ХЕЛЕНА. Поэтому она и в приложении.
ИВОННА. Лица на фотографии нет.

ХЕЛЕНА. Лица нет. Номера нет. Имени нет.
МАЙЯ. Два месяца писали про грудь без лица.
ХЕЛЕНА. Два месяца писали, что чем больше грудь, тем выше место на пьедестале. Три протеста, давление на Велосипедный союз.
Дана не подходит к столу.
ДАНА. Это первое августа. Финиш разделки. Девятое место.
Тишина.
КУРТ. Откуда ты знаешь про девятое место?
ДАНА. Оттуда же, откуда знаю про первое августа.
Пауза.
ДАНА. Это я на фотографии.
КУРТ. Дана.
ДАНА. Что?
КУРТ. Ты уверена?
ДАНА. Курт, это мой комбинезон, мой номер под обрезом фото и мои руки на руле. Я семнадцать лет смотрю на эти руки в твоей команде.
ХЕЛЕНА. Когда вы поняли?
ДАНА. В августе. На третий день после скандала.
ХЕЛЕНА. Вы кому-нибудь сказали?
ДАНА. Кому? В редакцию позвонить? «Здравствуйте, это моя грудь, снимите заголовок»?
Пауза.
ХЕЛЕНА. Встаньте, пожалуйста. Не сюда. Просто встаньте.
Дана встаёт. Хелена смотрит то на неё, то на лист.
ХЕЛЕНА. У вас сегодня разница в сорок миллиметров. Это значит, что между контуром на этой фотографии и вами – сорок миллиметров обхвата.
КУРТ. *(считает вслух)* Два месяца заголовков за сорок миллиметров ткани.
ХЕЛЕНА. Два месяца заголовков и одна поправка к регламенту.
ДАНА. Два месяца все писали про мою грудь. Это была не моя грудь. Это изделие.
Долгая пауза. Хелена поворачивается к Ивонне.
ХЕЛЕНА. Резюмирую. Пресса сфотографировала ваше изделие и назвала его женщиной. Велосипедный союз написал правило про ваше изделие. Но мерить будут не ваше изделие, а женскую грудь.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Представителям команд напоминаем: комментарии прессе до решения жюри не допускаются.
КУРТ. Значит, уже спрашивают.

ИВОННА. Уже полчаса как.
Ивонна кладёт папку на стол.
ИВОННА. Комиссар, я вас слушала. Вы правы во всём, и это ничего не меняет. Отзыв партии – это признание в нарушении регламента. Признание – это не деньги, это поступательный процесс: сегодня мы отзываем партию, завтра каждая команда пересматривает, в чём она ехала весь сезон, послезавтра пересматривают призовые. Проблема не в нашем изделии. Проблема во всей этой истории про велосипедисток с большой грудью.
ХЕЛЕНА. У меня в протоколе истории нет. У меня допуск пятнадцать миллиметров.
ИВОННА. Вот с него и начнём. Пятнадцать миллиметров – это Б минус А.
ХЕЛЕНА. Да.
ИВОННА. Регламент запрещает предмет. Регламент не запрещает тело.
Пауза.
ХЕЛЕНА. Продолжайте.
ИВОННА. Б – предмет, Б мы трогать не будем: Б стоит четыре миллиона двести. Остаётся А.
КУРТ. А – это обхват груди.
ИВОННА. А – это обхват груди. Если А больше, разница меньше. Изделие то же самое, но велосипедистка с большой грудью гарантированно проходит по допуску.
Тишина.
ХЕЛЕНА. Вы предлагаете увеличить гонщицам грудь.
ИВОННА. Я предлагаю привести замер А в соответствие с изделием. Медицинская сторона – увеличение груди, да. Эта операция делается за час, в межсезонье, с полным восстановлением к февральским сборам.
Ивонна открывает папку. Достаёт бланк.
ИВОННА. Профильная клиника – партнёр нашей гонки. Направление, согласие, спецификация вмешательства. Мы работаем с этой клиникой шестой год: они у нас в титрах, мы у них в холле.
ХЕЛЕНА. У вас эта бумага в папке с утра.
ИВОННА. У меня эта бумага в папке с утра.
ХЕЛЕНА. Поправка вступила в силу в шесть утра.
ИВОННА. Я выехала из дома в пять утра.
Пауза.

ХЕЛЕНА. Регламент не знает никаких медицинских заключений.
ИВОННА. Пока не знает.
ХЕЛЕНА. Что значит «пока»?
ИВОННА. Комиссар, вы сегодня написали методику, которой в шесть утра не было. Кто-то же должен дописать и остальное.
КУРТ. Сколько стоит операция?
ИВОННА. От шести до девяти тысяч. Клиника даёт рассрочку до восемнадцати месяцев. Мы можем закрыть её из спонсорской части – процентом от призовых и правами на изображение.
МАЙЯ. Права на изображение.
ИВОННА. Стандартная строка.
МАЙЯ. Я уже слышала сегодня про «стандартную строку» на этикетках.
ИВОННА. Да, здесь примерно так же.
ХЕЛЕНА. Под какой обхват груди скроено изделие?
ИВОННА. Грудная часть партии ноль-семь-Б посажена на профиль. У размера, в котором ехала сорок первая, профиль девятьсот восемьдесят восемь.
ХЕЛЕНА. А у неё девятьсот сорок восемь.
ИВОННА. У неё девятьсот сорок восемь.
ХЕЛЕНА. И изделие всё равно даёт девятьсот восемьдесят восемь.
ИВОННА. До определённого объёма грудная часть держит внешний контур девятьсот восемьдесят восемь. Тело под ней может быть меньше. Внешний профиль не меняется.
ХЕЛЕНА. То есть вы сшили пустоту.
ИВОННА. Мы задали посадку.
ХЕЛЕНА. А заполнить её должен человек.
Ивонна не отвечает.
ХЕЛЕНА. Откуда у вас обхваты?
ИВОННА. Из посадки. Мы шьём по меркам, мерки снимают в декабре.
ХЕЛЕНА. То есть у вас есть обхваты груди ста пятнадцати женщин.
ИВОННА. У нас есть мерки шестисот сорока изделий.
ХЕЛЕНА. Это не физика. Это таблица.
ИВОННА. Это таблица. Физику мы измерили в апреле: минус три и шесть десятых процента сопротивления. Выигрыш: ноль семьдесят восемь секунды с километра.
КУРТ. Шестнадцать секунд на сегодняшней дистанции.
ИВОННА. Шестнадцать.

ХЕЛЕНА. *(Курту)* Вы назвали мне эту цифру в час дня.
КУРТ. Назвал.
ХЕЛЕНА. Откуда?
КУРТ. Из автобусов. Её там знают с июля – все, у кого есть секундомер и глаза. Не знают только, как она называется.
ИВОННА. Никак.
КУРТ. Вот именно так там и говорят.
Пауза.
КУРТ. *(Майе, ободряюще, тем же голосом, каким говорят «ешь, тебе полезно»)* Майя. Это не косметика. Это аэродинамика. У хорошей велосипедистки должна быть большая грудь, я тебе это постоянно говорил.
МАЙЯ. Ты мне это говорил не так.
КУРТ. Я говорил про накладку.
МАЙЯ. Ты говорил в час дня: одиннадцать секунд выигрывает правильная женская грудь. *(Пауза.)* Она существует. У неё есть артикул. Тэ-тэ ноль один дробь два.
Пауза.
ХЕЛЕНА. *(печатает)* «Правильная грудь»…
КУРТ. Не надо это записывать.
ХЕЛЕНА. Я и не записываю.
ИВОННА. Могу дать расклад по вашей команде. Сколько кому не хватает до допуска в июльском изделии. Двадцать третий номер – двенадцать миллиметров. Девятый – восемь. Пятьдесят второй – двадцать. Восемнадцатый – двадцать три. Сорок первый…
ДАНА. Двадцать пять.
ИВОННА. Двадцать пять.
ХЕЛЕНА. Это пятеро. Изделий шесть.
Пауза.
ИВОННА. Шестое изделие по ведомости числится за сорок четвёртым номером, а находится у велосипедистки молодёжного состава. Жаннет Дюваль. Я уже выяснила: у неё девятнадцать. Ей нужно четыре миллиметра.
КУРТ. Нет.
Тишина.
ИВОННА. Четыре – это самая маленькая цифра в вашем списке.
КУРТ. Я сказал: нет.
ИВОННА. Основание?
КУРТ. Ей двадцать один год.

ИВОННА. И?
КУРТ. И она только начала. У неё всё впереди, она ещё не знает, чего хочет, у неё родители в двух часах езды отсюда. Это не разговор про миллиметры.
ИВОННА. А про что?
КУРТ. Про то, что нет. Просто нет.
Пауза. Никто не смотрит на Курта. Все смотрят на Майю. Майя не говорит ничего.
ИВОННА. Хорошо. Тогда предлагаю начать с сорок четвёртого номера.
МАЙЯ. Почему с меня?
ИВОННА. Потому что вы в мартовском комплекте формы. У вас разница при замерах семнадцать миллиметров. Вам нужно меньше всех.
МАЙЯ. На сколько?
Пауза.
ИВОННА. Два.
Тишина.
КУРТ. Два миллиметра, Майя.
ОТБИВКА.

Сцена 5. Скидка постоянного клиента

Та же палатка. Бланк лежит на столе там, где его положила Ивонн. Никто его не берёт и никто не убирает. Майя опечатана час. Дана в командном дождевике. Тени очереди на брезенте стоят.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Решение жюри по рапорту комиссара по экипировке и по протестам команд. Первое. Партия нольсемь-Б изъятию не подлежит. Второе. Методика контрольного замера утверждается в редакции, изложенной в рапорте комиссара по экипировке: оба замера производятся на изделии, приведённом в состязательный вид, при полном самостоятельном выдохе участницы, без голосовых команд со стороны. Третье. Вводится реестр личных базовых замеров участниц; замер А заносится в реестр однократно и действует до конца следующего сезона. Четвёртое. Отклонение от установленного допуска временно разрешается при наличии заключения аккредитованного медицинского партнёра соревнований о запланированном изменении базового антропометрического показателя. До первого старта следующего сезона участница обязана пройти повторный замер

А. При расхождении с указанным в заключении значением временный допуск аннулируется.
Тишина.
КУРТ. Поздравляю. Вы написали регламент.
ХЕЛЕНА. Я написала протокол.
КУРТ. «В редакции, изложенной в рапорте». Это ваша редакция. Это вы, вода из моей фляги и мой голос, вписанный туда как запрет.
ХЕЛЕНА. Первые три пункта – да. Четвёртый не мой.
КУРТ. Четвёртый вообще ничей.
Пауза. Хелена поворачивается к Ивонне.
ХЕЛЕНА. Четвёртый пункт приехал с вами?
ИВОННА. Нет. Мы приехали вместе.
Пауза.
ХЕЛЕНА. *(медленно)* Сто пятнадцать женщин будут мерить мокрыми.
ДАНА. Уже сто четырнадцать.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Участницам, ожидающим контрольного замера. Пользоваться чужими флягами в зоне ожидания запрещается. Вода для приведения экипировки в состязательный вид будет выдаваться перед входом в палатку досмотра.
КУРТ. «В состязательный вид».
ХЕЛЕНА. Это тоже из рапорта.
ИВОННА. Можно я посчитаю вслух?
ХЕЛЕНА. Считайте.
ИВОННА. Шестьсот сорок изделий отзывать не нужно. Нужно семьдесят четыре бумаги. *(Пауза.)* Медицинские заключения.
ХЕЛЕНА. Заключение о чём? Операции ни у кого нет.
ИВОННА. Заключение о планируемом хирургическом вмешательстве. Оно так и называется. Врач подтверждает, что вмешательство показано и запланировано, и указывает ожидаемый прирост обхвата груди. Документ нужен раньше тела.
ХЕЛЕНА. Кто его подпишет за полчаса?
ИВОННА. Медицинский партнёр соревнований. Он в аккредитационной зоне, в белом шатре у второго кордона. Он тут с семи утра, как и вы.
КУРТ. *(тихо)* Быстро.
ХЕЛЕНА. Что?
КУРТ. Ничего. Я сегодня уже это говорил.
Ивонн достаёт телефон – впервые за пьесу.

ИВОННА. Тогда я закрою вопрос по вашей команде сразу, чтобы вы могли планировать следующий сезон. *(Смотрит в телефон.)* Кстати, для сорок первого номера – по тарифу повторного вмешательства. У клиники скидка постоянного клиента.
Тишина. Долгая.
МАЙЯ. Постоянного клиента.
ИВОННА. Так у них называется тариф.
ДАНА. Ивонна.
ИВОННА. Да.
ДАНА. Скажи прямо. Ты за меня всё равно уже сказала.
Пауза. Ивонна убирает телефон.
ИВОННА. Я назвала тариф.
ДАНА. Ты назвала меня.
Дана отходит от велосипеда. Говорит ровно, коротко, как называют результат.
ДАНА. Мне было девятнадцать. Я третий год каталась по любителям и никуда не попадала. Никто меня не просил и никто мне не советовал. Я села и посчитала: что стоит такая операция, что даёт, за сколько окупается. Заняла деньги на операцию у сестры. Сделала в феврале, в марте меня посмотрели, в мае взяли в основную женскую команду – Курт тогда катал свой последний сезон в мужской. *(Пауза.)* Расчёт был верный. Я не жалею. Семнадцать лет, статус капитана и то, что я сейчас в этой палатке, – это всё оттуда.
ХЕЛЕНА. Сколько это дало?
ДАНА. Двадцать миллиметров обхвата. Я знаю это число семнадцать лет.
ХЕЛЕНА. Вы сказали «повторного».
ДАНА. Это она сказала.
ХЕЛЕНА. Было второе?
ДАНА. Шесть лет назад. Мне было тридцать.
Курт не спрашивает ничего. Хелена и Майя спрашивают одновременно.
ХЕЛЕНА. Зачем?
МАЙЯ. Что случилось шесть лет назад?
ДАНА. Шесть лет назад титульным партнёром стали они. *(Ивонн.)* И ты приехала на февральские сборы с чехлом.
ИВОННА. С другим. Тот был серый.
ДАНА. Тот был серый.
Пауза.

ДАНА. Первое поколение формы с заданным профилем. Нам его выдали на сборах и сказали: посадка новая, привыкайте. На меня форма не села. Мне сказали, что изделие правильное.
ХЕЛЕНА. Кто сказал?
ДАНА. Все. Как обычно. Никто не приходит и не говорит «режьте». Приходят и говорят: изделие правильное. Подразумевают, что у тебя неправильная грудь.
МАЙЯ. И ты пошла второй раз.
ДАНА. Я опять посчитала. Мне было тридцать лет, до конца контракта год, а команду набирали заново. *(Пауза.)* Пятнадцать миллиметров. И расчёт опять был верный, вот что.
ХЕЛЕНА. Кто платил?
ДАНА. Не я.
ХЕЛЕНА. Была бумага?
ДАНА. В тот раз была.
ХЕЛЕНА. Чья подпись?
Пауза.
ДАНА. Команды.
Хелена не переспрашивает. Курт смотрит в ноутбук.
ХЕЛЕНА. *(Ивонне)* Вы её знали.
ИВОННА. Я её одеваю шесть лет. И до этого одевала одиннадцать, в другой фирме.
МАЙЯ. Вы знали, что на фотографии она?
ИВОННА. Я знала, что на фотографии наше изделие.
Пауза.
ХЕЛЕНА. *(Дане)* Значит, ваш замер А – девятьсот сорок восемь.
ДАНА. Девятьсот сорок восемь. Из них тридцать пять не мои. Своё я помню: девятьсот тринадцать. Оно у меня было до девятнадцати лет, и я его знаю лучше, чем это.
КУРТ. *(автоматически, вслух, как считает всегда)* Двадцать плюс пятнадцать – тридцать пять. Плюс двадцать пять сегодня. Итого шестьдесят.
Он останавливается. Слышит себя.
ДАНА. Договаривай.
КУРТ. Получается шестьдесят миллиметров за семнадцать лет.
ДАНА. Да.
Молчание.

КУРТ. С другой стороны, спортсмены всё время что-то себе чинят. У меня две пластины в ключице и колено из титана. Никто про это не пишет.
ДАНА. У тебя пластина, потому что ты упал. Это разные вещи.
МАЙЯ. Раньше хотя бы врали, что это для себя. Здесь честнее: грудь в обмен на призовые.
ДАНА. Ну почему. Я ещё в двадцать лет поняла, что она работает не только для призовых, но и для мужчин тоже. Правда, Курт?
Пауза.
МАЙЯ. Тебе было девятнадцать. Мне было двадцать. Жаннет сейчас двадцать один.
КУРТ. Это разные вещи.
МАЙЯ. В чём разница?
Пауза.
КУРТ. Тем, что…
Пауза.
МАЙЯ. Ты же всё переводишь в числа. Вот и переведи.
Курт не отвечает.
ДАНА. Курт. Раз уж сегодня всё называют вслух. Мой контракт на следующий сезон.
КУРТ. Дана, не сейчас.
ДАНА. Сейчас. Я стою в твоём дождевике на голое тело. Удобнее не будет.
Пауза. Курт откидывается от ноутбука и смотрит на неё, прищурившись.
КУРТ. Ты капитан. Но по результатам ты далеко не первая в команде, а с июля ты ехала в новом комплекте.
ДАНА. Договаривай.
КУРТ. Даже если ты добавишь ещё двадцать пять, чтобы вписаться в июльскую форму, ты не поедешь быстрее. Контракта не будет. Прости, капитан.
Пауза.
МАЙЯ. Зачем тогда ты отдал Жаннет мою форму, а не её?
КУРТ. Хотел дать Дане ещё один сезон. Я помню свой последний.
ДАНА. Славное было время.
Отворачивается к брезенту, спиной ко всем. Возможно, беззвучно плачет, но этого никто не видит.
МАЙЯ. *(Ивонне)* У меня вопрос не про сегодня.
ИВОННА. Слушаю.

МАЙЯ. Партия ноль-три – март. Ноль-семь – июль. Первое поколение было шесть лет назад. Что будет через два года?
ИВОННА. Ноль-девять. Она в разработке.
МАЙЯ. Под какое лекало её режут?
ИВОННА. Профиль ещё не заморожен. Мы уточняем его по данным сезона.
МАЙЯ. По каким данным?
ИВОННА. По телам тех, кто быстро едет.
Пауза.
МАЙЯ. То есть через два года лекало станет другим, а я останусь той, какой меня скроят сегодня.
ИВОННА. У клиники есть тариф на последующие хирургические вмешательства. И скидки.
МАЙЯ. Да, я уже слышала про это.
Тишина. Никто не произносит слова, которое здесь напрашивается. Снаружи, за брезентом, голоса. Один поднимается над остальными.
ГОЛОС СНАРУЖИ. Сорок четвёртая! Сорок четвёртая здесь?
Тени на брезенте разворачиваются к палатке. Щёлкают затворы фотоаппаратов.
Четверо замолкают одновременно – Хелена перестаёт печатать, Курт закрывает ноутбук, Ивонна кладёт ладонь на бланк, Дана отрывается от брезента и делает полшага к пологу. Никто не сговаривался.
Майя видит это. И видит, что все четверо смотрят на неё.
ОТБИВКА.

Сцена 6. Полог

Майя, Хелена, Курт, Ивонн, Дана – на тех же местах, где их застал крик снаружи.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Старт индивидуальной гонки возобновляется. Первый стартовый слот – четырнадцать тридцать. Участницам, прошедшим контрольный замер до утверждения методики, явиться на перемер. Явка обязательна.
КУРТ. Двадцать минут.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. Прогрев экипировки на солнце контрольным замером не учитывается. Сорок девятому номеру просьба вернуться в очередь.
ДАНА. Она попробовала.

ХЕЛЕНА. Все пробуют. *(Майе.)* Это вы. Вас мерили до методики.
МАЙЯ. Меня мерили трижды.
ХЕЛЕНА. Все три раза теперь недействительны.
Хелена подходит к Майе, берётся за стикер на молнии, отрывает его – с тканью, начисто.
ХЕЛЕНА. *(печатает)* «Пломба ноль-ноль-два сорвана комиссаром по экипировке в четырнадцать десять. Основание – перемер по утверждённой методике».
КУРТ. Вы сорвали собственную печать.
ХЕЛЕНА. Я исполняю собственную методику.
Майя расстёгивается и спускает комбинезон. Никто не отворачивается: смотрят все, потому что это уже процедура.
ХЕЛЕНА. Замер А. По методике: полный самостоятельный выдох, без голоса со стороны.
Меряет.
ХЕЛЕНА. Девятьсот сорок. Как в реестре. Одевайтесь. Согласно методике – в состязательном виде.
КУРТ. У неё сухого нет.
ХЕЛЕНА. Прекрасно.
Майя одевается.
ХЕЛЕНА. Замер Б. Методика та же: полный самостоятельный выдох, без голоса со стороны.
КУРТ. То есть мне молчать.
ХЕЛЕНА. Вам молчать. Ваш голос вписан в методику как то, чего быть не должно.
КУРТ. А дышать ей можно?
ХЕЛЕНА. На дистанции. Здесь это влияет на результат.
Курт молчит. Хелена меряет.
ХЕЛЕНА. Девятьсот пятьдесят шесть. Шестнадцать.
Пауза.
ХЕЛЕНА. Допуск пятнадцать. Не допущена.
МАЙЯ. Один миллиметр.
ХЕЛЕНА. Один.
МАЙЯ. Полчаса назад было два.
ХЕЛЕНА. Полчаса назад не было методики.
МАЙЯ. А с заключением?
ХЕЛЕНА. С медицинским заключением – допущена.
МАЙЯ. И поеду в мартовском.
КУРТ. В мартовском.

МАЙЯ. Скажи вслух, сколько это.
КУРТ. Майя.
МАЙЯ. Ты сегодня уже говорил. Скажи ещё раз.
КУРТ. Шестнадцать секунд.
МАЙЯ. На дистанции, где между двенадцатым и третьим – одиннадцать. *(Пауза.)* То есть я не нарушу регламент и снова приду последней в общем зачёте. *(Пауза.)* Или поеду в новой форме с обязательством лечь под нож в межсезонье?
Никто не отвечает. И тут начинают говорить сразу все.
ИВОННА. Медицинский партнёр в белом шатре. Заключение мы можем оформить за восемь минут, если я позвоню сейчас.
КУРТ. Майя, слушай меня. Зимние сборы, весь весенний блок разделок, я снимаю тебя с равнины и ставлю на длинные разделки…
ХЕЛЕНА. Я могу оформить перемер как контрольный. Тогда завтра оспаривать будут методику, а не вас.
ИВОННА. И ещё допконтракт на индивидуальную рекламную поверхность. И персональный механик.
КУРТ. …и я поговорю с командой про статус капитана команды на разделках. Место освободилось десять минут назад.
Дана не отзывается.
МАЙЯ. Я ничего не просила. Вы все мне что-то стали предлагать. Зачем? В чём ваш интерес? Вот вы. *(Ивонне.)*
ИВОННА. Четыре миллиона двести тысяч евро. И поступательный процесс.
МАЙЯ. А вы? *(Хелене.)*
ХЕЛЕНА. Если эта история всплывает, то завтра в газетах будет одна фамилия. Не ваша, не её и не его. Хелена Барт – автор методики для увеличения груди велосипедисткам.
МАЙЯ. Ты. *(Курту.)*
КУРТ. Пять дисквалификаций в одной команде.
МАЙЯ. Ещё.
Пауза.
КУРТ. И шестой комплект формы. Прости.
МАЙЯ. Я тоже тогда была юниоркой.
Пауза.
МАЙЯ. Мне было двадцать. Первые сборы, я тут никого не знала, и ты открыл шампанское.
КУРТ. Майя.

МАЙЯ. Я не жалуюсь. Я тогда тоже села и посчитала: что чего стоит, что даёт, за сколько окупается. *(Дане.)* Как ты.
ДАНА. И как?
МАЙЯ. Расчёт был неверный.
КУРТ. Это разные вещи.
МАЙЯ. Ты сегодня уже это говорил. Дважды.
Дана поворачивается к Майе.
ДАНА. Я тебе ничего не предлагала. Но можешь посмотреть на меня – ты начинала, как я, и закончишь так же.
Майя смотрит на неё дольше, чем на всех остальных.
МАЙЯ. *(Курту)* Раз у неё не будет контракта на следующий сезон – что с моим?
КУРТ. Контракт на следующий сезон. Подписываем завтра.
Пауза. Майя молчит.
ИВОННА. Я здесь представитель титульного спонсора команды. Контракт на два года. Подписываем сегодня. Сразу после гонки.
МАЙЯ. Сколько?
ИВОННА. Сорок одна тысяча в год.
МАЙЯ. У меня тридцать восемь.
ИВОННА. Я знаю.
МАЙЯ. Продление на третий сезон?
ИВОННА. При попадании в первую десятку общего зачёта.
МАЙЯ. Стоимость хирургического вмешательства?
ИВОННА. Удерживается из призовых и по договору о правах на изображение. Рассрочка восемнадцать месяцев.
Майя считает вслух – ровно, как считает Курт, потому что научилась у него.
МАЙЯ. Было тридцать восемь. Стало сорок одна. Три тысячи в год. За два года – шесть.
ИВОННА. Да.
МАЙЯ. Вмешательство – от шести тысяч.
ИВОННА. От шести за одно.
Пауза.
МАЙЯ. «За одно».
ИВОННА. Да.
МАЙЯ. Сколько их будет?
ИВОННА. Зависит от изделия, в котором вы поедете.
Пауза.
МАЙЯ. Хорошо, давайте мне июльский комплект.

КУРТ. Твой комплект в четырёх километрах за оцеплением. У Жаннет.
МАЙЯ. Пусть оставит его себе. Всё равно она будет в нашей команде.
Майя расстёгивает чехол.
ИВОННА. Там новый. В упаковке.
МАЙЯ. Мне не нужен новый. Мне нужен тот, который приехал девятым.
Достаёт комбинезон Даны – сложенный рукав к рукаву, как его сложила Ивонна. Дана не двигается.
ХЕЛЕНА. На нём нет маркировки.
МАЙЯ. Маркировка у вас в папке.
Хелена достаёт из папки этикетку и кладёт на стол рядом с комбинезоном. Не сшивает – просто кладёт рядом.
ХЕЛЕНА. И само изделие числится за сорок первым номером.
МАЙЯ. А моё числится за мной и едет в четырёх километрах отсюда.
ХЕЛЕНА. *(печатает)* «Участница сорок четыре допущена в изделии, закреплённом за участницей сорок один. Изделие, закреплённое за участницей сорок четыре, в зоне старта отсутствует».
КУРТ. Так можно?
ХЕЛЕНА. Не знаю. Я это только что написала.
Курт идёт к сложенной ширме и поднимает её. Ширма не раскладывается.
Майя переодевается. Молча, быстро, как переодеваются между заездами. Снаружи начинается дождь; по брезенту идут первые удары капель.
Курт наконец ставит ширму. Она стоит посреди палатки. За ней никого.
КУРТ. Две минуты.
ХЕЛЕНА. Теперь замер Б. Полный самостоятельный выдох.
Меряет. Смотрит. Меряет ещё раз.
ХЕЛЕНА. Две тысячи девятьсот восемьдесят восемь. Минус две тысячи. Девятьсот восемьдесят восемь.
КУРТ. Сколько?
ХЕЛЕНА. Девятьсот восемьдесят восемь. *(Пауза.)* То же число, что у сорок первой. До миллиметра.
ДАНА. Разумеется. Это же не я была. Это изделие.
ХЕЛЕНА. Замер А – девятьсот сорок. Разница – сорок восемь.
Тишина.
МАЙЯ. На сколько миллиметров?

ИВОННА. Тридцать три.
Пауза.
МАЙЯ. Десять минут назад речь шла об одном миллиметре.
ИВОННА. Десять минут назад речь шла о мартовском изделии.
МАЙЯ. Тридцать три миллиметра груди можно сделать за одну операцию?
ИВОННА. Нет. Делают двадцать в межсезонье и тринадцать через год. Второе – по тарифу повторного вмешательства.
Долгая пауза. Дождь по брезенту усиливается.
МАЙЯ. *(Дане)* У тебя было тридцать пять за семнадцать лет.
ДАНА. Тридцать пять за семнадцать лет.
МАЙЯ. Мне предлагают тридцать три за два года.
ДАНА. Да.
МАЙЯ. Ты бы сегодня пошла?
Пауза.
ДАНА. Мне тридцать шесть, я с завтрашнего дня безработная, и я в чужом дождевике на голое тело. Я не тот человек, у которого надо это спрашивать. *(Пауза.)* Но если ты спрашиваешь про меня девятнадцатилетнюю – да. Пошла бы. Я и пошла.
МАЙЯ. И это был верный расчёт.
ДАНА. Это был верный расчёт.
Майя стоит. Потом поворачивается к столу.
МАЙЯ. Бланк.
Ивонна кладёт бланк. Майя читает его сверху донизу – дольше, чем читают одну страницу, как читала протокол в час дня.
МАЙЯ. «Ожидаемый прирост обхвата груди». Что писать? Тридцать три?
ИВОННА. Тридцать три.
МАЙЯ. «Срок действия заключения – до конца следующего сезона». То есть в феврале сверят реестр.
ИВОННА. Сверят.
МАЙЯ. Значит, это не разрешение.
ИВОННА. Это отсрочка. Но у вас будет контракт на два сезона с возможностью продления на третий.
Майя подписывает.
ХЕЛЕНА. *(читает бланк)* Здесь вторая строка для подписи. «Согласие команды на оперативное вмешательство в период действия контракта. Подпись спортивного директора».
Пауза.

ДАНА. Шесть лет назад эта строка тоже там была.
Майя протягивает ручку Курту. Курт берёт. Дана стоит там, где стояла, и не отворачивается. Курт подписывает. Никто не говорит ни слова.
ИВОННА. *(в телефон)* Белый шатёр. Одно заключение, планируемое вмешательство, тридцать три. Участница сорок четыре. *(Убирает телефон.)* Несут сюда. Три минуты.
Никто не говорит. Дождь по брезенту. Хелена смотрит на полог.
МАЙЯ. *(Дане, не поворачивая головы)* Сколько дней потом болит?
ДАНА. Три. На четвёртый снимут дренаж.
МАЙЯ. А на велосипед?
ДАНА. Станок – через две недели. На шоссе пустят через месяц. К февральским сборам вообще забудешь.
МАЙЯ. Спать на животе можно?
ДАНА. Нет.
МАЙЯ. Я люблю спать на животе.
ДАНА. Отвыкнешь. Зато в трансляциях тебя теперь будут показывать крупным планом.
Пауза. Майя поворачивается к Ивонне.
МАЙЯ. А если я упаду на дистанции? Гравий, бетон. Если я порву вашу рекламную поверхность – это страховой случай?
ИВОННА. Комбинезон спишут. Выдадут новое изделие из подменного фонда.
МАЙЯ. Я не про изделие. Я про то, что под ним. То, за что вы будете платить клинике. Вы это страхуете?
ИВОННА. Это стандартные риски.
ДАНА. Не порвешь, Майя. Там импланты нового поколения. Удар держат лучше, чем твоя собственная ключица. Да, Курт? У тебя ведь титан?
Курт молчит.
ДАНА. Вот видишь. Сплошные технологии.
Полог приподнимается снизу. В щель просовывается рука с белым конвертом и убирается. Ивонна подбирает конверт, кладёт перед Хеленой и выходит из палатки.
Хелена вскрывает, читает, поворачивает лист к свету, проверяет подпись и печать.
ХЕЛЕНА. Подпись есть. Печать есть. Фамилия участницы есть. *(Печатает.)* «Реестр личных базовых замеров, строка вторая. Дополнение: отклонение от допуска – тридцать три миллиметра, допущено на

основании медицинского заключения. Заключение приложено к строке». *(Пауза.)* Работает.
КУРТ. Что работает?
ХЕЛЕНА. Методика. Изделие приведено к телу бумагой, тело будет приведено к изделию в межсезонье. Ни одно из двух чисел больше никуда не денется.
Берёт ролик, отрывает стикер, заклеивает молнию на новом комбинезоне Майи.
ХЕЛЕНА. «Изделие опечатано. Стикер ноль-ноль-четыре. Участница сорок четыре».
МАЙЯ. На раму был такой же.
ХЕЛЕНА. Такой же.
Майя надевает шлем. Берёт велосипед. Идёт к пологу и останавливается: полог один, а выходов из него два – направо оцепление и пресса, налево разметка и рампа.
Щёлкают затворы фотоаппаратов – снаружи услышали шаги.
КУРТ. Майя.
Она не оборачивается.
МАЙЯ. Что?
КУРТ. Прости.
МАЙЯ. Поздно. Мне нужно ехать.
Поворачивает налево. Полог падает. Снаружи – короткая очередь затворов и всё: пресса получила кадр, на котором велогонщица номер сорок четыре выходит на старт, и больше ничего.
Пауза.
Дана застёгивает дождевик до горла. Подходит к пологу и отгибает его – направо.
КУРТ. Дана.
ДАНА. Поздно.
Она выходит. Снаружи – затворы, вспышки, голоса, её номер, её фамилия. Полог падает. За брезентом это длится долго.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Внимание. В палатку досмотра приглашается участница номер девять. Явка обязательна.
Курт отгибает полог и тоже выходит из палатки. Хелена остается одна. Садится к ноутбуку. Ширма стоит там, где её поставил Курт.
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ. Участница сорок четыре. Пять секунд до старта.
Четыре коротких электронных сигнала. Пятый – длинный.

За брезентом коротко звякает цепь. Дальше только дождь и шум зоны старта.
Хелена тянется за роликом, отрывает новый стикер и кладёт перед собой.
ЗАТЕМНЕНИЕ.

ЗАНАВЕС.

Тбилиси – Батуми, 2026

МОРЕ ЗА СТЕНОЙ

Акустическая комедия в лирическом ключе



Действующие лица

КОСТЯ, 37 лет. Диктор аудиокниг. Живёт в башне четвёртый месяц и считает себя знатоком дома.
ДАША, 33 года. Приехала на три дня к мужчине, который снял для неё квартиру и сам не приехал.
НИНА, 35 лет. Певица и преподаватель вокала. Сегодня утром отправляет запись на прослушивание и уезжает.
МАЙЯ, 45–55 лет. Управляет посуточными квартирами в башне: встречает, убирает, меняет бельё и создаёт впечатление, что каждая типовая квартира – чей-то дом.
ИГОРЬ, мужчина ДАШИ. Только голос в телефоне.
РЕДАКТОР, заказчик КОСТИ. Только голос в телефоне.

Сцена 1. Ухо не обманешь

05:43.
Темнота.
Слышно море. Волна набегает на гальку, отступает и снова набегает.
Звук резко обрывается.
Щелчок мыши.
Та же волна начинается сначала.
Зажигается свет в правой половине сцены – это квартира КОСТИ.
Типовая квартира в башне: диван, стол, небольшая кухня, балконная дверь. На стене – репродукция с морем. Рядом – декоративная ниша с вентиляционной решёткой. Картина слегка наклонена.
Квартира превращена КОСТЕЙ в звукозаписывающую студию. На столе ноутбук, микрофон, наушники, кабели. За стулом натянуто акустическое одеяло. Рядом лежит направленный микрофон.
КОСТЯ сидит перед микрофоном. Слушает запись.
КОСТЯ. Море тише.
Убавляет громкость.
КОСТЯ. Ещё.
Слушает.
КОСТЯ. Вот. Теперь похоже на настоящее.
Надевает наушники. Нажимает кнопку записи.
КОСТЯ. В Батуми есть башни, которые с большого расстояния кажутся жилыми домами.
Останавливает запись.
КОСТЯ. Нет.
Удаляет дубль.
КОСТЯ. В Батуми есть башни, которые притворяются жилыми домами.
Пауза.
КОСТЯ. Хотя на самом деле это гостиницы.
Останавливает запись.
КОСТЯ. Слишком экскурсовод.
Он делает глоток из стакана. Стакан пуст.
Ставит его обратно.
Нажимает запись.

КОСТЯ. Эта башня у моря не совсем гостиница. У гостиницы есть ресепшен, завтрак и человек, которому можно пожаловаться. Но и жилым домом её назвать трудно. В жилом доме хотя бы один сосед знает, где перекрывается вода.

Он листает бумаги.

КОСТЯ. Здесь человек приезжает на три ночи, а на вторую уже говорит: «У меня лифт сломался». Или: «У нас опять не работает интернет». Он называет квартиру своей, хотя не знает, куда выбрасывать мусор и почему на кухне четыре вилки, но только одна ложка.

Смотрит в сторону кухни.

КОСТЯ. Это слишком личное.

Он продолжает.

КОСТЯ. Все квартиры здесь обставлены так, чтобы человек немедленно почувствовал себя дома. Одинаковые диваны. Одинаковые бокалы. Одинаковое море на стене.

Смотрит на картину.

КОСТЯ. Иногда даже под одинаковым углом.

Встает, выравнивает картину. Отходит.

Картина медленно кренится набок.

КОСТЯ. Хорошо.

Возвращается к микрофону.

КОСТЯ. По вечерам постояльцы выходят на балконы и кричат в темноту. Не потому, что им нужна помощь. Они просто хотят получить ответ. Пусть даже от человека, которого никогда не увидят.

Пауза.

КОСТЯ. На вид все квартиры в этой башне одинаковы. Но это только на вид.

Приближается к микрофону.

КОСТЯ. Глаз можно обмануть одинаковым диваном. Ухо – нет.

Телефон подаёт короткий сигнал.

КОСТЯ останавливается.

Берёт телефон. Включает голосовое сообщение.

РЕДАКТОР ИЗ ТЕЛЕФОНА. Кость, доброе утро. Я понимаю, который час. В финальной сборке нашлись старые дубли. Нужны исправления на страницах сто двенадцать, сто сорок семь, сто сорок восемь и весь конец двадцать третьей главы. Там примерно четырнадцать минут чистого текста. В половине восьмого я закрываю релиз. Если успеешь до половины восьмого, мы люди. Если нет, мы переписываем дату выхода, и я не знаю, кто мы после этого.

Сообщение заканчивается.
КОСТЯ смотрит на телефон.
КОСТЯ. Четырнадцать минут чистого текста.
Берёт карандаш, пишет на листе, проговаривая написанное вслух:

14 МИНУТ.

Ниже:

07:30.

КОСТЯ. Это час работы.
Считает.
КОСТЯ. Час десять.
Ещё думает.
КОСТЯ. Час двадцать, если автор опять написал «беззвучно рассмеялась».
Листает рукопись.
Находит фразу.
КОСТЯ. Написал.
Он записывает голосовое сообщение.
КОСТЯ. Конечно. Всё будет.
Пауза.
КОСТЯ. Мы люди.
Останавливает запись. Слушает.
КОСТЯ. Нет, удалить.
Удаляет.
Набирает короткий ответ и произносит его перед тем, как отправить:
КОСТЯ. Принял.
Отправляет.
Смотрит на пустой стакан. Берёт его и идёт к крану.
Открывает воду. Напор сначала нормальный, затем резко слабеет.
КОСТЯ. Я тоже рад тебя видеть, дорогой водопровод.
Напор почти исчезает.
КОСТЯ. Давай. Ты большая башня. У тебя получится.
Из крана доносится хрип.
КОСТЯ. Не торопись. Впереди вся жизнь.
Напор внезапно восстанавливается. Вода обрызгивает КОСТЮ.
Он закрывает кран.
КОСТЯ. Вот поэтому у нас нет ресепшена. Чтобы никто не видел, как мы живём.
Вытирает рукавом лицо. Возвращается к столу.

Меняет листы. Проверяет расстояние до микрофона.
КОСТЯ. Глава двадцать третья.
Нажимает запись.
КОСТЯ. «Когда Елизавета вошла в опустевшую комнату, часы на каминной полке показывали без четверти шесть. Она ещё не знала, что письмо, которого ждала всю ночь…»
Из вентиляционной решётки доносится женский голос.
Сначала закрытое «м», затем переход на гласную. Несколько чистых нот вверх и вниз.
КОСТЯ останавливает запись.
Пение обрывается.
Он ждёт.
Тишина.
Снова включает запись.
КОСТЯ. «Она ещё не знала, что письмо, которого ждала всю ночь, уже лежало…»
Пение начинается снова, чуть выше.
КОСТЯ снимает наушники.
КОСТЯ. Доброе утро.
Пение продолжается.
КОСТЯ. Очень доброе.
Подходит к стене.
КОСТЯ. Соседка?
Пение обрывается.
КОСТЯ. Спасибо.
Ответа нет.
Он надевает наушники. Пение продолжается, теперь тише, но с более длинными нотами.
КОСТЯ снимает наушники.
КОСТЯ. Нет. Так даже хуже. Теперь приходится вслушиваться.
Подходит к стене и стучит.
КОСТЯ. Соседка?
Тишина.
Стучит сильнее.
КОСТЯ. У меня дедлайн.
Тишина.
КОСТЯ. Это не претензия. Это медицинский диагноз.
Из решётки снова доносится нота.
КОСТЯ отходит.

Берёт направленный микрофон. Подключает его к ноутбуку. Ставит возле основного микрофона.
Ведёт микрофоном по комнате: к балконной двери, к коридору, к кухне.
Останавливается у вентиляционной решётки.
Снимает наушник. Слушает. Надевает снова.
КОСТЯ. Холодильник виновен, но не в этом.
Проводит микрофоном вдоль стены.
У решётки останавливается.
КОСТЯ. Точно.
Отмечает место кусочком малярной ленты.
КОСТЯ. Вот отсюда.
Из решётки звучит короткая восходящая фраза.
КОСТЯ дослушивает. Почти улыбается.
КОСТЯ. Прекрасно.
Пауза.
КОСТЯ. То есть ужасно.
Ставит направленный микрофон у решётки.
КОСТЯ. Сейчас без четырнадцати шесть. За стеной снова поёт женщина, имени которой я не знаю.
Нота.
КОСТЯ. Голос у неё прекрасный.
Нота.
КОСТЯ. Но благодаря ей вся русская литература сегодня будет опубликована без двадцать третьей главы.
Останавливает запись.
Подходит к стене.
КОСТЯ. Соседка, я слышу, откуда идёт звук.
Пение прекращается.
КОСТЯ. Я этим зарабатываю.
Тишина.
КОСТЯ возвращается к основному микрофону.
КОСТЯ. Можно поменять диван. Можно повесить другую картину. Можно назвать гостиницу домом, а три ночи в ней жизнью.
Смотрит на отмеченную точку.
КОСТЯ. Но ухо не обманешь.
Из решётки доносится одна долгая чистая нота.
КОСТЯ закрывает глаза.
Затемнение правой половины сцены.

Сцена 2. Приехавшая

05:48.

Зажигается свет в левой половине сцены – это квартира ДАШИ. Абсолютно такая же квартира, с тем же интерьером и с той же расстановкой мебели, но в зеркальном исполнении: диван, стол, кухня, балконная дверь, та же картина с морем возле вентиляционной решётки. Картина наклонена.

На диване открыт чемодан. На шкафу висит платье. На столе бутылка вина и два бокала.

ДАША говорит по телефону. Включён громкоговоритель.

ИГОРЬ ИЗ ТЕЛЕФОНА. Ты меня слышишь?

ДАША. Слышу.

ИГОРЬ. Я сейчас плохо говорю, все спят.

ДАША. Почему ты дома?

ИГОРЬ. Ночной рейс отменили.

ДАША. Ты сказал, его перенесли.

ИГОРЬ. Сначала перенесли. Потом отменили.

ДАША. А следующий?

ИГОРЬ. Неудобный.

ДАША. Кому?

ИГОРЬ. Даш, давай без этого тона.

ДАША. Я произнесла два слова.

ИГОРЬ. Я слышу, каким тоном.

ДАША. Ухо не обманешь.

ИГОРЬ. Я объяснил. Мне утром на работу.

ДАША. Ты говорил, что взял три дня.

ИГОРЬ. Взял. Но всё поменялось.

ДАША. Что?

ИГОРЬ. Всё.

ДАША. Очень конкретно.

ИГОРЬ. Я хотел приехать.

ДАША. «Хотел» уже закончилось?

ИГОРЬ. Нет.

ДАША. Тогда ты приедешь?

ИГОРЬ. Я постараюсь.

ДАША. Это другой глагол.
ИГОРЬ. Чего ты хочешь?
ДАША. Времени.
ИГОРЬ. Я пытаюсь всё решить.
ДАША. Не времени вообще. Конкретного времени.
Она берёт второй бокал и ставит его перед телефоном.
ДАША. Вот твой бокал.
ИГОРЬ. Убери его.
ДАША. Три дня стоит.
ИГОРЬ. Даш, не надо.
ДАША. Я не про уборку.
Пауза.
ИГОРЬ. Я позвоню в авиакомпанию.
ДАША. Когда?
ИГОРЬ. Когда откроется линия.
ДАША. Во сколько?
ИГОРЬ. Не знаю.
ДАША. Хорошо. До семи ты звонишь им, потом мне и говоришь либо «да», либо «нет».
ИГОРЬ. Я не могу обещать–
ДАША. До семи.
ИГОРЬ. Почему до семи?
ДАША. В восемь сюда придёт Майя за ключами.
ИГОРЬ. Квартиру можно продлить.
ДАША. Ты продлишь?
ИГОРЬ. Если понадобится.
ДАША. Ты приедешь?
ИГОРЬ. Если приеду, продлю.
ДАША. А если не приедешь?
ИГОРЬ. Зачем тогда продлевать?
ДАША смотрит на телефон.
ДАША. Вот. Получилось.
ИГОРЬ. Что?
ДАША. Почти ответить.
ИГОРЬ. Я не сказал, что не приеду.
ДАША. Я знаю. Ты никогда этого не говоришь.
ИГОРЬ. Потому что это неправда.
ДАША. Тогда скажи, что приедешь.
Пауза.

В телефоне слышен женский голос. Слов не разобрать.
ИГОРЬ быстро выключает микрофон телефона.
ДАША смотрит на аппарат.
Ждёт.
Звук возвращается.
ИГОРЬ. Мне надо идти.
ДАША. Конечно.
ИГОРЬ. Я позвоню.
ДАША. До семи.
ИГОРЬ. Да.
ДАША. «Да» относится к звонку или к приезду?
ИГОРЬ. Даша.
ДАША. До семи.
ИГОРЬ. Целую.
Звонок заканчивается.
ДАША продолжает сидеть с телефоном в руке.
Берёт чистый бокал ИГОРЯ. Осматривает. Ставит обратно.
Снимает платье со шкафа, прикладывает к себе. Смотрит в тёмное стекло балконной двери.
ДАША. Нет.
Складывает платье и кладёт поверх вещей в чемодан.
Телефон подаёт короткий сигнал.
ДАША сразу берёт его.
Слушает.
ДАША. Реклама.
Удаляет звуковое уведомление.
Пауза.
Она подходит к раковине. Умывается. Вытирает лицо кухонным полотенцем.
*На полотенце написано: **WELCOME HOME**.*
ДАША читает надпись вслух.
ДАША. Спасибо.
Вешает полотенце.
Из-за балконной двери доносится смех, кашель, скрип стула и гул ветра.
ДАША подходит к двери. Приоткрывает её.
Слышно море, но громче звучат город и вентиляция.
ДАША выходит на балконную площадку.
ДАША. Здесь вообще кто-нибудь есть?

Пауза.
МУЖСКОЙ ГОЛОС. Нет.
С другого балкона:
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Есть!
ЕЩЁ ОДИН ГОЛОС. Кто спрашивает?
ГОЛОС СНИЗУ. Спать надо!
МУЖСКОЙ ГОЛОС. Так спите!
Смех. Балконная дверь захлопывается.
ДАША держится за перила.
Из темноты правой половины сцены доносится короткая чистая нота. Не упражнение, а ответ.
ДАША поднимает голову.
ДАША. Хорошо.
ГОЛОС. Что хорошо?
Смех.
ДАША возвращается в комнату. Берёт оба бокала. Один ставит на дальний край стола, отдельно от своего.
Свой бокал наполняет вином.
Возвращается на балкон и поднимает его в сторону окон.
Та же чистая нота звучит ещё раз.
Затемнение левой половины сцены.

Сцена 3. Квартира готова

05:53.
Темнота.
Короткий писк электронного замка.
Красный сигнал.
Ещё один писк.
Зелёный сигнал.
Зажигается правая половина сцены – это квартира МАЙИ.
Абсолютно такая же квартира, тот же интерьер, такая же расстановка мебели. Нет личных вещей. У входа хозяйственная сумка. На диване чистое бельё и полотенца. На столе бутылка вина.
МАЙЯ входит, прижимая подбородком наволочки. Ногой закрывает дверь.
Кладёт бельё.

МАЙЯ. Пять пятьдесят три. Успеем раньше, чем человек решит, что ему здесь не нравится.
МАЙЯ достаёт из кармана сложенный список. Читает.
МАЙЯ. Ноль девятая, ноль восьмая, ноль девятая, ноль девятая, ноль восьмая.
Складывает список.
МАЙЯ. Пятнадцать одинаковых квартир, и все ноль девятые.
Смотрит на потолок.
МАЙЯ. И ещё пятнадцать сверху.
Раздвигает шторы. За окном темно.
Проводит пальцем по столу.
МАЙЯ. Море.
Вытирает палец.
Поднимает подушку. Достаёт зарядный кабель.
МАЙЯ. Первый.
Кладёт в пакет с надписью «ЗАБЫТОЕ». Надпись может быть крупно написана на самом пакете, но не имеет значения для действия.
Из-под другой подушки достаёт детский носок.
МАЙЯ. Второй.
Из-под дивана достаёт серьгу.
МАЙЯ. И мама.
Складывает найденные вещи.
Меняет чехол на диванной подушке.
Раскладывает полотенца.
МАЙЯ. Два больших. Два маленьких. Для лица. Для ног.
Берёт ещё одно.
МАЙЯ. Для пола.
Кладёт его отдельно, потом возвращает в стопку.
Подходит к картине. Выравнивает.
Картина медленно наклоняется.
МАЙЯ. Штормит.
Оставляет как есть.
Ставит рядом с бутылкой один бокал.
Смотрит.
Достаёт второй. Ставит рядом.
Отодвигает один бокал. Второй поворачивает к свободному стулу.
Стул чуть выдвигает.
Телефон звонит.
МАЙЯ отвечает.

МАЙЯ. Да. Я здесь.
Слушает.
МАЙЯ. Закончила. Бельё поменяла, полотенца поменяла, воду поставила, вино поставила.
Слушает.
МАЙЯ. Два бокала.
Слушает.
МАЙЯ. Я видела, что бронь на одного. Один бокал выглядит как ночёвка. Два – как планы.
Собеседник отвечает.
МАЙЯ. Нет, за второй бокал доплачивать не нужно.
Смотрит на комнату.
МАЙЯ. Снимки пришлю.
Встаёт у двери.
МАЙЯ. Нет, сумка в кадре.
Убирает сумку за диван.
МАЙЯ. Теперь пакет.
Убирает пакет.
МАЙЯ. Теперь слишком чисто.
Сминает подушку, немного сдвигает чашку на кухонной стойке, приоткрывает балконную дверь.
МАЙЯ. Теперь как будто кто-то только что вышел.
Слушает.
Улыбка исчезает.
МАЙЯ. Что значит отменили?
Слушает.
МАЙЯ. В четыре двенадцать я мыла холодильник.
Слушает.
МАЙЯ. Сегодня никого?
Пауза.
МАЙЯ. И завтра?
Пауза.
МАЙЯ. Понятно.
Смотрит на два бокала.
МАЙЯ. Нет, убирать не буду. Следующие приедут – будет готово.
Слушает.
МАЙЯ. За уборку вы мне всё равно заплатите.
Пауза.
МАЙЯ. Потому что она была.

Ещё пауза.
МАЙЯ. Отмена брони не отменяет грязь.
Заканчивает звонок.
Стоит посреди приготовленной комнаты.
Берёт бокал, собираясь убрать.
Не убирает.
МАЙЯ. Не приедут.
Говорит комнате.
МАЙЯ. Ты здесь ни при чём.
Поправляет стул.
Телефон снова звонит.
МАЙЯ отвечает.
МАЙЯ. Да?
Слушает.
МАЙЯ. Вино можно забрать? Можно.
Не двигается.
МАЙЯ. Следующие приедут – будет готово.
Кладёт трубку.
Берёт приветственную карточку и ручку.
МАЙЯ. «Добро пожаловать».
Смотрит на пустое место для имени.
Не пишет.
Кладёт карточку между двумя бокалами.
Из балконной двери доносится голос ДАШИ.
ДАША ИЗ ТЕМНОТЫ. Здесь вообще кто-нибудь есть?
МАЙЯ замирает.
МУЖСКОЙ ГОЛОС. Нет.
Смех.
МАЙЯ выходит на балконную площадку.
МАЙЯ. Есть!
ЕЩЁ ОДИН ГОЛОС. Кто спрашивает?
ГОЛОС СНИЗУ. Спать надо!
МУЖСКОЙ ГОЛОС. Так спите!
Смех с разных этажей.
Из темноты левой половины сцены звучит короткая нота.
ДАША ИЗ ТЕМНОТЫ. Хорошо.
ГОЛОС. Что хорошо?
Смех.
МАЙЯ. Вот и поговорили.

Возвращается. Закрывает балконную дверь, потом снова приоткрывает её на несколько сантиметров.
Собирает сумку. Пакет с найденными вещами кладёт сверху.
У двери оборачивается.
В комнате остаются два бокала, бутылка, смятая подушка и карточка без имени.
МАЙЯ выключает свет.
Почти сразу возвращается к картине. Выравнивает её.
Отходит.
Картина наклоняется.
МАЙЯ. Живи.
Выключает свет. Правая половина сцены гаснет.
Электронный замок пищит.

Сцена 4. Источник звука

05:58.
В темноте звучит короткая чистая нота.
Зажигается левая половина сцены – это квартира НИНЫ.
У двери закрытый чемодан. Рядом со столом раскрытый пюпитр с нотами. На столе термос, телефон, бутылка воды с силиконовой трубкой для вокальных упражнений и распечатанное письмо.
НИНА стоит у открытой балконной двери и заканчивает ноту.
Смотрит в сторону балконов.
НИНА. Есть.
Закрывает дверь.
Проверяет чемодан.
НИНА. Паспорт.
Достаёт паспорт, показывает его зрителям и убирает.
НИНА. Билет.
Поднимает телефон.
НИНА. Телефон.
Касается горла.
НИНА. Голос.
Берёт короткую ноту.
НИНА. На месте.
Берёт письмо.

НИНА. «Запись должна быть сделана одним дублем».
Читает дальше.
НИНА. «Продолжительность – не более трёх минут».
Смотрит на часы.
НИНА. Три минуты у меня есть.
Переворачивает лист.
НИНА. «Отправить не позднее семи пятнадцати».
Ставит на стол песочные часы.
Переворачивает их.
НИНА. Три минуты песка. Пошло.
НИНА. В семь пятнадцать меня должны услышать. В семь сорок меня здесь уже не должно быть.
Закрепляет телефон на пюпитре. Включает запись.
На телефоне загорается маленький красный огонёк. Он не является источником информации для зрителя: НИНА сама объявляет начало.
НИНА. Запись.
Смотрит перед собой.
НИНА. Меня зовут Нина.
Пауза.
НИНА. Это знают.
Останавливает.
Снова включает.
НИНА. Доброе утро. Меня зовут Нина, и это запись для–
Останавливает.
НИНА. Они знают, для чего запись.
Выключает красный огонёк.
Переворачивает телефон экраном вниз.
НИНА. Сначала голос. Потом биография.
Пьёт тёплую воду.
Берёт бутылку с трубкой. Гудит через неё. В воде поднимаются пузыри. Звук выходит слишком сильным.
НИНА. Без шторма.
Снова. Теперь ровно.
Подходит к зеркалу или тёмному стеклу балконной двери.
НИНА. Плечи вниз.
Опускает плечи.
НИНА. Шея свободна.
Поворачивает голову.
НИНА. Челюсть не держит на себе всё здание.

Расслабляет челюсть.
НИНА. Нота вообще не знает, где ты.
Берёт закрытое «м», переводит звук на гласную. Несколько чистых нот вверх и вниз.
Останавливается.
Из вентиляционной решётки доносится голос КОСТИ.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. «Когда Елизавета вошла в опустевшую комнату, часы на каминной полке показывали без четверти шесть…»
НИНА прекращает упражнение.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. «Она ещё не знала, что письмо, которого ждала всю ночь…»
Щелчок мыши.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Нет.
Щелчок.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. «Она ещё не знала, что письмо, которого ждала всю ночь…»
НИНА. Всё-таки заселились.
Подходит к решётке. Прикладывает ухо.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Глава двадцать третья.
Голос слышен лучше у ниши.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. «Елизавета беззвучно рассмеялась».
Пауза.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Конечно.
Он пробует разные варианты беззвучного смеха.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Слишком радостно.
Ещё вариант.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Теперь ей больно.
Третий.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. А это чайка.
НИНА тихо повторяет последний звук.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. «Елизавета беззвучно рассмеялась».
НИНА одобрительно кивает.
Возвращается к телефону. Включает запись.
НИНА. Меня зовут Нина.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Соседка.
НИНА поворачивается к решётке.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Да, вы. Если это разминка, поздравляю. Она работает.
НИНА останавливает запись.

КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. У меня просьба. Короче одной ноты.
НИНА ждёт.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Не пойте.
НИНА. У меня прослушивание.
Тишина.
НИНА. До семи пятнадцати.
КОСТЯ её не слышит.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Мне до половины восьмого записать четырнадцать минут.
НИНА. А мне до семи пятнадцати – три.
Стучит по стене.
Ответа нет.
НИНА. Вы слышите?
Тишина.
Стучит сильнее.
Тишина.
НИНА. Понятно.
Она отходит от стены и раздражённо щёлкает костяшкой по вентиляционной решётке.
Металлический звук.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Вот это слышу.
НИНА. А стену?
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Стену не слышу.
НИНА. Хорошая стена.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Стучать вообще необязательно. Говорите сюда, и всё слышно.
НИНА. Тогда вы знаете, что я не могу не петь.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Я тоже не могу записывать четырнадцать минут в паузах между вашими нотами.
НИНА находит точку у решётки.
НИНА. Вот ты где.
Она ставит стул у стены.
КОСТЯ ИЗ ТЕМНОТЫ. Если слышите меня, дайте знак. Только не музыкальный.
НИНА наклоняется к решётке.
НИНА. Я вас слышу.
В квартире КОСТИ что-то задевает стойку.
Щелчок.
Тишина.

НИНА. Доброе утро.
Ответа нет.
НИНА. Хотя оно уже было. Но можем начать заново.

Сцена 5. Общая стена

06:03.
В дополнение к освещенной левой половине сцены (квартира НИНЫ) включается свет на правой половине сцены – это квартира КОСТИ. КОСТЯ стоит у своей решётки с направленным микрофоном. НИНА сидит у своей.
Между их квартирами – настоящая стена, но их разговор проходит через вентиляционный канал.
КОСТЯ. Я вас слышу.
НИНА. Это я уже поняла.
КОСТЯ. Сейчас слышу слова.
НИНА. Поздравляю.
КОСТЯ. Скажите что-нибудь.
НИНА. Доброе утро.
КОСТЯ. Ещё раз.
НИНА. Доброе утро.
КОСТЯ снимает наушники.
КОСТЯ. Тише, но разборчиво.
НИНА. Мне тоже слышно.
КОСТЯ. С металлическим оттенком?
НИНА. С недовольным.
КОСТЯ ведёт микрофоном вдоль стены. У решётки останавливается.
НИНА делает то же самое, прислушиваясь к своей решётке.
КОСТЯ. Не кричите. Если говорить сюда, всё слышно.
НИНА. Я не кричу.
КОСТЯ. Вы пели.
НИНА. Это другое.
КОСТЯ. Для микрофона – нет.
НИНА говорит почти шёпотом.
НИНА. Так слышно?
КОСТЯ. Слышно.

НИНА. Значит, можно разговаривать нормально.
КОСТЯ. Нормально было бы не разговаривать.
НИНА. Тогда зачем вы пять минут звали меня к стене?
КОСТЯ. Чтобы попросить вас не петь.
НИНА. Вы уже попросили.
КОСТЯ. Вы отказались.
НИНА. Вы меня не услышали.
КОСТЯ. Я услышал, что вы не можете не петь.
НИНА. Значит, услышали.
КОСТЯ. Это не ответ.
НИНА. Вам нужен другой.
КОСТЯ откладывает микрофон.
КОСТЯ. Давайте сначала.
НИНА. Мы уже начали заново.
КОСТЯ. Тогда ещё раз.
Они одновременно делают вдох.
КОСТЯ. Мне нужно–
НИНА. У меня сегодня–
Останавливаются.
КОСТЯ. Говорите.
НИНА. Нет, вы.
КОСТЯ. Я вас слушаю.
НИНА. Я тоже.
Снова одновременно.
КОСТЯ. До половины–
НИНА. До семи–
Они останавливаются.
КОСТЯ. Так мы далеко не уйдём.
НИНА. Мы стоим у стены.
КОСТЯ. Мне до половины восьмого нужно записать четырнадцать минут чистого текста.
НИНА. Я знаю.
КОСТЯ. Откуда?
НИНА. Вы сказали это всей стене.
КОСТЯ. Я говорил один раз.
НИНА. Сначала записали сообщение, удалили, записали другое, тоже удалили. Потом сказали: «Четырнадцать минут чистого текста». Потом: «Час работы». Потом: «Час десять».
КОСТЯ. Хорошо.

НИНА. Потом нашли «беззвучно рассмеялась».
КОСТЯ. Достаточно.
НИНА. Потом изобразили чайку.
КОСТЯ. Это рабочая версия.
НИНА. Очень убедительная.
КОСТЯ. У меня дедлайн.
НИНА. У меня тоже. До семи пятнадцати.
КОСТЯ. С первого раза вас услышал.
НИНА. А ответили с пятого.
КОСТЯ. Определял источник.
НИНА. Определили?
КОСТЯ. Точно.
Они кладут ладони на стену.
КОСТЯ. Вот здесь.
НИНА. Да.
Пауза.
НИНА. Холодная.
КОСТЯ. Стена?
НИНА. У вас другая?
КОСТЯ. Нормальная.
НИНА. Значит, это у меня рука холодная.
КОСТЯ. Скорее всего.
НИНА. Спасибо за диагностику.
Они садятся спиной к стене.
КОСТЯ. Костя.
НИНА. Нет.
КОСТЯ. Что нет?
НИНА. Без имён.
КОСТЯ. Почему?
НИНА. Так проще.
КОСТЯ. Что проще?
НИНА. Через час не вспоминать, кого как звали.
КОСТЯ. Вы всех соседей забываете через час?
НИНА. Здесь имена меняются чаще, чем код от двери.
КОСТЯ. Код не меняли с ноября.
НИНА. А сколько имён поменялось?
КОСТЯ. Пять.
НИНА. Вот видите.
КОСТЯ. Но голос был один.

Он произносит это, не придавая словам значения.
НИНА поворачивает голову.
НИНА. Без имён.
КОСТЯ. Соседка.
НИНА. Сосед.
КОСТЯ. Тогда хотя бы номер.
НИНА. Нет.
КОСТЯ. Номер – это не имя.
НИНА. Номер – это адрес. Адрес – это когда приходят.
КОСТЯ. Я не приду.
НИНА. Придёте. Вы уже второй раз спрашиваете, где я.
КОСТЯ. Я знаю, где вы.
НИНА. Вот и хорошо.
КОСТЯ. Сколько времени вам нужно?
НИНА. Размяться, проверить фрагмент, сделать пробный дубль.
КОСТЯ. Сколько?
НИНА. Если вы будете задавать вопросы – до восьми.
КОСТЯ. У вас семьдесят две минуты.
НИНА. У вас восемьдесят семь.
КОСТЯ. У меня четырнадцать минут текста.
НИНА. У меня три минуты музыки.
КОСТЯ. Три меньше четырнадцати.
НИНА. В музыке медленнее идёт время.
КОСТЯ. В монтаже оно идёт назад.
Пауза.
НИНА. Пять минут я разминаюсь. Потом десять минут вы работаете. Потом снова пять я.
КОСТЯ. Без нот во время моей записи.
НИНА. Без слов во время моей разминки.
КОСТЯ. Дышать можно?
НИНА. Через нос.
КОСТЯ. Великодушно.
НИНА. Кто первый?
КОСТЯ. Вы.
НИНА. Почему?
КОСТЯ. У вас раньше дедлайн.
НИНА. У меня меньше материал.
КОСТЯ. Это не аргумент.
НИНА. Зато рабочий.

КОСТЯ ставит механический таймер.
КОСТЯ. Заводите свой.
НИНА. У меня песочные часы.
КОСТЯ. Заводите.
НИНА. Их переворачивают.
КОСТЯ. На счёт три.
НИНА. Зачем?
КОСТЯ. Одновременно.
КОСТЯ. Раз.
НИНА готовится.
КОСТЯ. Два.
НИНА смотрит на него через стену, хотя он её не видит.
КОСТЯ. Три.
КОСТЯ заводит таймер. НИНА переворачивает часы.
КОСТЯ. Время пошло.
НИНА. Три минуты песка. Пошло.
Пауза.
КОСТЯ. Я не слышу ваших часов.
НИНА. Они беззвучные.
КОСТЯ. Сколько там песка?
НИНА. Нисколько.
КОСТЯ. В каком смысле?
НИНА. Они пустые. Я их такими купила.
КОСТЯ. Зачем?
НИНА. Красивые. И честные: ничего не отмеряют и не притворяются.
КОСТЯ. А три минуты?
НИНА. Я их слышу.
Пауза.
НИНА. И вы уже говорите в моё время.
КОСТЯ замолкает.
НИНА расправляет плечи. Беззвучно разминает лицо, челюсть и губы. Затем берёт закрытое «м».
КОСТЯ смотрит на микрофон, но не вмешивается.
НИНА переводит звук на гласную. Поднимается и возвращается.
КОСТЯ начинает беззвучно артикулировать текст.
Из него вырывается шёпот.
КОСТЯ. Беззвучно.
НИНА обрывает ноту.
КОСТЯ. Я не записывал.

НИНА. Мы договаривались не об этом.
КОСТЯ. Одно слово.
НИНА. Оно прозвучало во время моей ноты.
КОСТЯ. Таймер идёт.
НИНА. Верните мне эти семь секунд.
КОСТЯ. Добавим в конце.
НИНА. Кто будет считать?
КОСТЯ. У меня всё записывается.
НИНА. Конечно.
Она начинает заново.
КОСТЯ снова читает глазами. НИНА берёт верхнюю ноту.
КОСТЯ. Не тяните вверх.
Нота обрывается.
КОСТЯ. Я сказал это тексту.
НИНА. В книге есть такая фраза?
КОСТЯ. Теперь будет.
НИНА. Вы опять забрали моё время.
КОСТЯ. Зато нота стала лучше.
НИНА. Я её не закончила.
Звонит таймер КОСТИ.
КОСТЯ. Всё.
НИНА. У меня ещё семь секунд.
КОСТЯ. Откуда вы знаете?
НИНА. Я их вам одолжила.
Пауза.
НИНА. Теперь всё.
КОСТЯ ставит новый таймер.
Садится перед микрофоном.
КОСТЯ. Мои десять минут.
НИНА прикладывает палец к губам, хотя он этого не видит.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Елизавета подняла письмо с пола. Бумага была холодной, словно всю ночь пролежала не в комнате, а на морском берегу».
Продолжает.
КОСТЯ. «Она хотела немедленно разорвать конверт, но почувствовала, что в таком случае исчезнет единственная причина, по которой она ждала утра».
НИНА тихо берёт ноту.
КОСТЯ останавливается.

КОСТЯ. Это была нота.
НИНА. Настройка.
КОСТЯ. Она попала в запись.
НИНА. Она была короче вашего вдоха.
КОСТЯ. Мой вдох входил в текст.
НИНА. Тогда и моя нота входила.
КОСТЯ снимает наушники.
КОСТЯ. Нам нужен другой порядок.
НИНА. Нам нужно соблюдать этот.
КОСТЯ отключает направленный микрофон.
НИНА. Что вы делаете?
КОСТЯ. Будем договариваться лично.
Он идёт к выходу.
НИНА. Сосед?
КОСТЯ. Две минуты. Без стены.
Он выходит.
Затемнение квартиры КОСТИ.
НИНА остаётся у своей решётки.
НИНА. Сосед?
Ответа нет.
Она смотрит на пустые часы.
Левая половина сцены гаснет.

Сцена 6. Вы поёте

06:12.
Правая половина сцены – квартира КОСТИ – по-прежнему освещена.
В ней никого нет.
За сценой слышны шаги.
КОСТЯ появляется с самого края левой половины сцены и стучит в дверь квартиры. Левая половины сцены по-прежнему в темноте.
Пауза.
Стучит снова.
В темноте что-то падает.
Зажигается свет на левой половине сцены – это квартира ДАШИ.

ДАША перед этим умывалась после разговора с ИГОРЕМ, волосы у висков мокрые. Сейчас ДАША сидит на полу возле розетки с телефоном в руке. Телефон подключён к зарядке.
Стук.
ДАША быстро встаёт. Смотрит на часы. Еще раз проверяет телефон.
Стук повторяется.
ДАША поправляет волосы и замечает платье на диване. Берёт его, собираясь надеть.
Стук.
Она кладёт платье обратно.
ДАША. Кто?
КОСТЯ ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Сосед.
ДАША. Который сказал «нет»?
КОСТЯ. Что?
ДАША. Ничего.
Она открывает дверь не полностью.
На пороге КОСТЯ. В руке телефон с запущенным таймером. На шее наушники.
КОСТЯ. Доброе утро.
ДАША. Не уверена.
КОСТЯ. Я тоже.
КОСТЯ. Это вы поёте по утрам?
ДАША. Нет, я–
КОСТЯ. Подождите. Я плохо начал.
ДАША. Нормально.
КОСТЯ. Получилось, будто пришёл жаловаться.
ДАША. А вы не пришли?
КОСТЯ. Пришёл договориться.
ДАША. Тогда хорошо начали.
КОСТЯ останавливает таймер.
ДАША. У вас таймер.
КОСТЯ. На разговор он не рассчитан.
ДАША собирается закрыть дверь.
КОСТЯ. Но голос у вас прекрасный.
Дверь остаётся открытой.
ДАША. Зачем вы это говорите?
КОСТЯ. Чтобы вы не подумали, будто я пришёл потому, что вы плохо поёте.

ДАША. А если бы плохо?
КОСТЯ. Я бы тоже пришёл.
ДАША. Но быстрее?
КОСТЯ. Возможно.
Пауза.
ДАША. Вы слышите через стену?
КОСТЯ показывает на центральную стену.
КОСТЯ. Оттуда.
ДАША. Там почти ничего не слышно.
КОСТЯ. Слышно.
ДАША. Я три дня здесь живу.
КОСТЯ. Я специально проверял.
ДАША. Чем?
КОСТЯ. Микрофоном.
Он замечает, что микрофона в руке нет.
КОСТЯ. Он остался там.
ДАША. Убедительно.
КОСТЯ. Я работаю со звуком.
ДАША. Поэтому слышите то, чего другие не слышат?
КОСТЯ. Поэтому знаю, когда слышу.
Он показывает на место возле картины.
КОСТЯ. Вы говорили прямо отсюда.
ДАША отступает на полшага, впуская его в квартиру.
КОСТЯ не входит.
ДАША. Что я говорила?
КОСТЯ. Что у вас прослушивание.
ДАША. А.
КОСТЯ. До семи пятнадцати.
ДАША смотрит на телефон.
КОСТЯ. И что вы не можете не петь.
ДАША. Я так сказала?
КОСТЯ. Почти.
ДАША. Что значит «почти»?
КОСТЯ. Именно это, только другими словами.
ДАША. Какими?
КОСТЯ. «Я не могу не петь».
ДАША. Это те же слова.
КОСТЯ. Значит, именно так и сказали.
ДАША пытается заговорить.

ДАША. Послушайте, это не–
КОСТЯ. Я слышу вас несколько месяцев.
ДАША замолкает.
КОСТЯ. Почти каждое утро. С ноября.
ДАША. Вы уверены?
КОСТЯ. В голосе – да.
ДАША. А в человеке?
КОСТЯ впервые смотрит на неё прямо.
КОСТЯ. Теперь тоже.
Пауза.
КОСТЯ. Ночью здесь иногда кажется, что башня пустая. Не тихая. Пустая. Лифт ездит, вентиляция гудит, где-то падает бутылка. Но человека нет.
ДАША держится за дверь.
КОСТЯ. А потом утром вы берёте ноту. И становится понятно, что хотя бы за одной стеной кто-то живёт.
Даша смотрит на картину.
КОСТЯ. Ваш голос несколько месяцев спасает меня от ощущения пустого дома.
Долгая пауза.
ДАША. Пою.
КОСТЯ. Что?
ДАША. Это я пою.
КОСТЯ. Я знаю.
ДАША. Вы спросили.
КОСТЯ. Из вежливости.
ДАША. Тогда зачем вам дверь?
КОСТЯ. Через стену невозможно договориться.
ДАША. А мы договаривались?
КОСТЯ. Пытались. Десять минут мне, пять вам.
ДАША. Не работает.
КОСТЯ. Пять минут назад вы так не считали.
ДАША. За пять минут многое меняется.
КОСТЯ. У меня просьба.
ДАША. Не петь.
КОСТЯ. До половины восьмого.
ДАША. Хорошо.
КОСТЯ не ожидал.
КОСТЯ. Совсем?

ДАША. Совсем.
КОСТЯ. До семи тридцати?
ДАША. До семи тридцати.
КОСТЯ. А прослушивание?
ДАША. Может быть, уже не нужно.
КОСТЯ. Почему?
ДАША. Не всё, чего ждут к утру, приходит.
КОСТЯ. Если важно, нужно записать.
ДАША. Вы просили не петь.
КОСТЯ. Да.
ДАША. Мы договорились.
КОСТЯ. Хорошо.
Он не уходит.
КОСТЯ. Вы только из душа?
ДАША. Умылась.
КОСТЯ. У меня утром падал напор.
ДАША. Это тоже я?
КОСТЯ. Нет. Это башня.
ДАША. Хорошо.
КОСТЯ. Хотя обычно это происходит примерно тогда, когда вы заканчиваете петь.
ДАША. Конечно.
КОСТЯ. Совпадение.
ДАША. Я поняла.
КОСТЯ. Я не всё связываю с вами.
ДАША. Только голос, стену и воду.
КОСТЯ. Воду пока нет.
ДАША. Это успокаивает.
Он собирается представиться.
КОСТЯ. Я К–
Останавливается.
ДАША. Что?
КОСТЯ. Мы договорились без имён.
ДАША. Мы?
КОСТЯ. Через стену.
ДАША. Тогда без имён.
КОСТЯ. Соседка.
ДАША. Сосед.
Телефон ДАШИ звонит.

Она смотрит на него, но не отвечает.
КОСТЯ. Важное?
ДАША. Нет.
КОСТЯ. Тогда я пойду.
Он делает шаг.
ДАША. Сосед.
КОСТЯ оборачивается.
ДАША. Вам правда нравилось, когда я пела?
КОСТЯ. Когда не было дедлайна.
ДАША. А если честно?
КОСТЯ думает.
КОСТЯ. Мне и сейчас нравится.
Пауза.
КОСТЯ. Именно поэтому мешает.
ДАША смотрит на него.
КОСТЯ. Плохой звук можно перестать слушать.
Он уходит.
ДАША закрывает дверь.
Подходит к центральной стене и прикладывает ладонь.
В квартире КОСТИ открывается входная дверь с правого края сцены.
КОСТЯ возвращается к столу, надевает наушники и запускает таймер.
ДАША прислоняется к стене.
ДАША. Сосед?
КОСТЯ не слышит.
ДАША. Это я.
Он открывает рукопись.
ДАША касается горла.
ДАША. Пою.
КОСТЯ ничего не слышит.
Левая половина сцены погружается в темноту.
КОСТЯ с облегчением включает запись.
КОСТЯ. Поехали!

Сцена 7. Соответствовать образу

06:21.

Правая половина сцены – квартира КОСТИ.
КОСТЯ сидит перед микрофоном с рукописью. Листает к концу.
КОСТЯ. Конец двадцать третьей главы.
Смотрит на страницу.
КОСТЯ. Четырнадцать минут.
Не начинает.
КОСТЯ. Сначала последняя фраза. Иначе непонятно, как читать первую.
Листает до самого конца. Нажимает запись.
КОСТЯ. «Море было там всё это время».
Останавливает.
Пауза.
КОСТЯ. Нет.
Удаляет дубль.
КОСТЯ. Я не понимаю, что здесь произошло.
Возвращается на несколько страниц назад.
Зажигается левая половина сцены – квартира ДАШИ.
ДАША сидит на диване, стараясь не двигаться. Рядом телефон.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Елизавета разорвала конверт».
Экран телефона ДАШИ загорается. Пришло сообщение.
КОСТЯ. «Письмо начиналось не с объяснения, а с обещания приехать».
ДАША берёт телефон. Читает.
КОСТЯ. «Он писал, что теперь всё решено. Что осталось подождать всего несколько дней».
ДАША смотрит на экран. Не отвечает.
КОСТЯ. «Что завтра станет возможным всё, что ещё вчера было невозможно».
Останавливается.
КОСТЯ. Слишком тепло. Он врёт.
Удаляет дубль.
Телефон ДАШИ начинает громко звонить.
ДАША накрывает его подушкой.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Он писал, что теперь всё решено».
Останавливается.
КОСТЯ. Теперь слишком холодно. Так он не знает, что врёт.
ДАША приподнимает подушку. Телефон звонит по-прежнему.

Она отклоняет вызов. Кладёт телефон обратно.
КОСТЯ. Между этими двумя вариантами вся глава.
Телефон ДАШИ звонит снова.
Она снова накрывает его подушкой и придерживает рукой.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Елизавета перечитала первую строку и только тогда заметила, что в письме не было даты».
ДАША достаёт телефон из-под подушки. Листает переписку вверх. Долго.
Останавливается.
ДАША. Ни одной.
КОСТЯ. «Она знала этот почерк. Знала, где он торопится, где оставляет слишком большое расстояние между словами».
ДАША печатает ответ. Стирает. Печатает снова. Стирает.
КОСТЯ останавливается.
КОСТЯ. Здесь нельзя жалеть.
Удаляет дубль.
ДАША кладёт телефон экраном вниз.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Но впервые ей показалось, что расстояния между словами говорят точнее самих слов».
ДАША подходит к центральной стене.
ДАША. Эй, сосед?
КОСТЯ её не слышит.
ДАША. Слышите?
Тишина.
Она не стучит. Отходит.
КОСТЯ останавливает запись. Помечает что-то карандашом.
КОСТЯ. Это оставляем.
ДАША выравнивает картину «Море». Отпускает.
Картина наклоняется обратно.
В правой половине КОСТЯ, не глядя, поправляет свою.
Обе картины наклоняются одновременно.
ДАША. Не получается.
КОСТЯ. Штормит.
Это единственный их разговор за всю сцену, и его нет.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Елизавета дошла до окна. За стеклом уже светало, но море оставалось серым и почти неподвижным».

ДАША подходит к балконной двери. За стеклом ещё темно.
КОСТЯ. «Она могла ещё раз перечитать письмо. Могла найти в нём скрытый смысл, которого там не было».
ДАША включает экран телефона. Гасит. Включает. Гасит.
КОСТЯ. «Но утро уже существовало независимо от письма».
Останавливается.
Пауза.
КОСТЯ. Вот этого она бы с первого раза не поняла.
Пауза.
КОСТЯ. И я тоже.
ДАША расправляет плечи перед тёмным стеклом.
Кладёт ладонь на живот. Вдыхает. Плечи поднимаются.
ДАША руками опускает их.
ДАША. Не наверх.
Пробует снова.
ДАША. Куда тогда?
Берёт телефон, но не включает его. Произносит по памяти:
ДАША. «Дышите естественно».
Пауза.
ДАША. Спасибо.
Подходит к бокалу. Проводит пальцем по краю. Стекло звучит.
В квартире КОСТИ он продолжает листать рукопись и не слышит бокала.
ДАША снова проводит пальцем. Настраивает тон.
Пробует тихо гудеть вслед за стеклом. Звук слабый, но чистый.
Она сама останавливается.
ДАША. Не слышит.
Пауза.
ДАША. Хорошо.
Снова берёт ту же ноту, чуть увереннее.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «За окном было море. Настоящее, холодное, неровное. Оно не обещало стать ближе и не просило подождать».
В квартире КОСТИ у вентиляционной решётки возникает дыхание НИНЫ.
КОСТЯ поднимает голову.
НИНА поёт у себя. Для зрителя она находится на левой половине сцены, на одной плоскости с КОСТЕЙ. Для КОСТИ звук приходит из решётки.

ДАША продолжает тихую ноту, но её голос не проходит через стену.
НИНА разворачивает музыкальную фразу.
ДАША открывает рот – звучит голос НИНЫ.
КОСТЯ направляет микрофон к решётке.
КОСТЯ. Конечно.
НИНА поднимается к верхней ноте. КОСТЯ молча следит.
ДАША слышит только едва заметную вибрацию здания. Она повторяет движение мелодии, но КОСТЯ слышит лишь НИНУ.
Музыкальная фраза заканчивается.
КОСТЯ удаляет дубль.
Подходит к решётке.
КОСТЯ. Это было хорошо.
НИНА ИЗ РЕШЁТКИ. Спасибо.
ДАША стоит у настоящей стены. Слышит только слабый гул здания.
КОСТЯ стучит: два удара, пауза, один.
ДАША вздрагивает.
Отвечает тем же ритмом.
КОСТЯ ощущает ответ через стену. Смотрит на решётку.
КОСТЯ. Принято.
НИНА слышит его голос. ДАША не слышит.
ДАША прикладывает ладонь к стене.
ДАША. Спасибо.
Её слова остаются в её квартире. Одновременно из решётки в квартиру КОСТИ приходит то же слово, произнесённое НИНОЙ.
НИНА. Спасибо.
ДАША убирает руку и отходит от стены.
Достаёт платье, прикладывает к себе, складывает и кладёт в чемодан.
Ставит на стол две чашки.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Она не знала, приедет ли человек, написавший письмо».
ДАША смотрит на две чашки.
КОСТЯ. «Впервые за всю ночь это было не единственным, что должно было случиться утром».
ДАША убирает одну чашку.
Пауза.
Возвращает её на место.
КОСТЯ листает до последней страницы.

КОСТЯ. «Елизавета положила письмо на стол и отошла к окну».
Оставляет паузу.
КОСТЯ. «Море было там всё это время».
Останавливает запись. Слушает.
Удаляет.
КОСТЯ. Нет.
Смотрит на репродукцию у себя на стене.
КОСТЯ. Где «там»?
В левой половине ДАША смотрит на такую же репродукцию.
Обе картины медленно наклоняются.
Свет на левой половине гаснет.
КОСТЯ возвращается к записи.

Сцена 8. Разговор без имён

06:32.
В темноте звучит музыкальная фраза НИНЫ.
Не упражнение. Несколько тактов из фрагмента для прослушивания.
Зажигается левая половина сцены – это квартира НИНЫ.
НИНА заканчивает фразу. Запись не включена.
Переворачивает песочные часы.
КОСТЯ. Шесть минут сорок две секунды.
НИНА. Пять минут и долг.
КОСТЯ. Какой долг?
НИНА. Семь секунд, которые вы забрали.
КОСТЯ. Семь.
НИНА. Потом ещё двенадцать.
КОСТЯ. Вы сейчас добавили минуту двадцать три.
НИНА. Это проценты.
КОСТЯ. Грабительские.
НИНА. Творческие.
КОСТЯ. Это уже было прослушивание?
НИНА. Нет.
КОСТЯ. Почему?
НИНА. Запись не включала.
КОСТЯ. Логично.
НИНА. Я стараюсь.

КОСТЯ. Зря.
НИНА. Почему?
КОСТЯ. Это был хороший дубль.
НИНА. Проверка.
КОСТЯ. Чего?
НИНА. Дыхания. Начала фразы. Верхней ноты. Комнаты.
КОСТЯ. Комната пишет плохо.
НИНА. Вы слышите мой телефон?
КОСТЯ. Нет. Я слышу комнату.
НИНА. И как?
КОСТЯ. На середине появляется металлический призвук.
НИНА. У меня тоже.
КОСТЯ. Это вентиляционный канал.
НИНА проводит пальцем по решётке.
НИНА. Стены обычно не звенят.
КОСТЯ. Эта звенит.
НИНА. Вы меня успокаиваете.
КОСТЯ. Это я умею.
НИНА. Не заметила.
Пауза.
КОСТЯ садится перед своим микрофоном.
НИНА переворачивает песочные часы.
КОСТЯ. Не разговаривайте.
НИНА молчит.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Елизавета наконец взяла письмо. Она больше не пыталась угадать, что написано внутри».
Останавливается.
КОСТЯ. Нет.
Удаляет дубль.
Снова нажимает запись.
КОСТЯ. «Елизавета наконец взяла письмо».
Останавливается.
КОСТЯ. Нет.
Тишина.
КОСТЯ. Соседка.
НИНА. Я слышу таймер.
КОСТЯ. Один вопрос.
НИНА. Вы тратите свои десять минут.

КОСТЯ. Почему вы каждое утро поёте одно и то же?
НИНА. Не одно и то же.
КОСТЯ. Сначала «м». Потом вверх. Потом вниз.
НИНА. Сегодня на четыре ноты.
КОСТЯ. Вчера на пять.
НИНА. Вчера голос был выше.
КОСТЯ. Вы ведёте учёт?
НИНА. Нет.
КОСТЯ. Тогда откуда знаете?
НИНА. Слышу.
КОСТЯ. Это не ответ.
НИНА. Вы часто так говорите.
КОСТЯ. Почему утром?
НИНА. Потому что потом приходят ученики.
КОСТЯ. Вы преподаёте?
НИНА. Вокал.
КОСТЯ. Понятно.
НИНА. Что?
КОСТЯ. Почему вы говорите про дыхание, когда я читаю.
НИНА. Вы его теряете.
КОСТЯ. Один раз.
НИНА. На каждой длинной фразе.
КОСТЯ. Я добираю незаметно.
НИНА. Для себя.
КОСТЯ. Для микрофона.
НИНА. Микрофон не говорит правду. Он показывает.
КОСТЯ. Это и есть правда.
НИНА. Показывать и объяснять – разная работа.
КОСТЯ. Сейчас вы объясняете мою работу.
НИНА. Потому что вы не записываете.
Пауза.
КОСТЯ. Вы поёте для себя?
НИНА. Днём я пою то, что приносят другие.
КОСТЯ слушает.
НИНА. Ученица приходит с песней и говорит: «Здесь у меня не получается». Я пою её кусок. Потом другой. Иногда всю песню, чтобы она услышала, куда идти.
КОСТЯ. Это работа.
НИНА. Да.

КОСТЯ. Вы её любите?
НИНА. Иногда.
КОСТЯ. А утром?
НИНА. Утром голос ещё не успели попросить стать удобным.
КОСТЯ немного отодвигает микрофон.
НИНА. Я пою утром не для публики.
КОСТЯ. Публика покупает билет.
НИНА. Вы не публика.
КОСТЯ. Тогда я пострадавшая сторона.
НИНА. Вы свидетель.
КОСТЯ. Чего?
НИНА касается горла.
НИНА. Что он ещё есть.
КОСТЯ. Голос?
НИНА. Да.
Пауза.
КОСТЯ. Не исчез.
НИНА. Вы уверены?
КОСТЯ берёт микрофон и направляет к решётке.
КОСТЯ. Скажите что-нибудь.
НИНА. Что?
КОСТЯ. Вот.
НИНА. Где?
КОСТЯ. Здесь.
НИНА подходит к своей решётке.
НИНА. Я спросила не где.
КОСТЯ опускает микрофон.
КОСТЯ. Тогда просто есть.
НИНА. Лучше.
КОСТЯ. Я бы заметил, если бы исчез.
НИНА. Почему?
КОСТЯ отвечает после паузы.
КОСТЯ. Стало бы пусто.
НИНА. В комнате?
КОСТЯ. Во всём доме.
Пауза.
КОСТЯ. Утром вы берёте ноту, и становится понятно, что за стеной кто-то живёт.
НИНА. Ненадолго.

КОСТЯ. Что?
НИНА. Я уезжаю.
КОСТЯ. Сегодня?
НИНА. Сегодня.
КОСТЯ. Прослушивание?
НИНА. Запишу и отправлю.
КОСТЯ. А если вас возьмут?
НИНА. Позвонят.
КОСТЯ. И вы вернётесь?
НИНА. Решу, когда позвонят.
КОСТЯ. Значит, будете ждать.
НИНА. Ждать – это когда чужое решение становится твоим расписанием.
Она показывает на письмо.
НИНА. До семи пятнадцати у меня расписание. Я отправляю запись.
Показывает на чемодан.
НИНА. В семь сорок машина.
КОСТЯ. А если позвонят в семь шестнадцать?
НИНА. Прочитаю.
КОСТЯ. А в семь сорок одну?
НИНА. Если будет интернет.
КОСТЯ. Вам важно, что решат.
НИНА. Важно.
КОСТЯ. Тогда в чём разница?
НИНА. Я больше не хочу ждать, пока кто-нибудь решит, нужна я ему или нет.
Тишина.
КОСТЯ. Кто-нибудь – это они?
НИНА. В том числе.
КОСТЯ. А ещё?
НИНА. Не достраивайте человека.
КОСТЯ. Я просто спросил.
НИНА. Это первый кирпич.
КОСТЯ. Может быть, работа. Город.
НИНА. Вот.
Телефон КОСТИ звонит.
Он отвечает.
РЕДАКТОР ИЗ ТЕЛЕФОНА. Кость, как идёт?
КОСТЯ. Работаю.

РЕДАКТОР. Что-то готово?
КОСТЯ. Нет.
РЕДАКТОР. Сколько времени?
КОСТЯ. Меньше часа.
РЕДАКТОР. У тебя до семи тридцати.
КОСТЯ. Я знаю.
РЕДАКТОР. Тогда не разговаривай.
КОСТЯ. Стараюсь.
НИНА снова громко поёт фразу из фрагмента для прослушивания.
РЕДАКТОР. Кто это там?
КОСТЯ. Соседка.
РЕДАКТОР. Какая?
КОСТЯ смотрит на вентиляционную решётку.
КОСТЯ. Певица.
РЕДАКТОР. Пусть замолчит.
КОСТЯ. Я работаю над этим.
РЕДАКТОР. Работай.
Звонок заканчивается.
НИНА. Ваш редактор тоже считает меня источником шума.
КОСТЯ. Он считает источником шума всё, что не аудиофайл.
НИНА. Удобно.
КОСТЯ запускает запись предшествующего разговора с музыкальной фразой НИНЫ.
Нина замечает звук.
НИНА. Вы записываете?
КОСТЯ. Случайно.
НИНА. Удалите.
КОСТЯ. Там мой текст.
НИНА. Там мой голос.
КОСТЯ останавливает воспроизведение. Выделяет запись.
КОСТЯ. Первую фразу можно оставить.
НИНА. Нет.
КОСТЯ. Она хорошая.
НИНА. Она не ваша.
КОСТЯ смотрит на дорожку.
Удаляет файл.
НИНА слышит щелчок.
НИНА. Весь?
КОСТЯ. Весь.

НИНА. Точно?
КОСТЯ. Ухо не обманешь.
НИНА. Ухо слышит щелчок. Что вы удалили, оно не знает.
КОСТЯ. Весь файл.
Пауза.
НИНА встаёт.
НИНА. Мне нужно помолчать для голоса.
КОСТЯ. Мне всё равно для чего.
НИНА. А кажется, уже нет.
КОСТЯ. Если вы уезжаете, правило про имена действует?
НИНА. Особенно.
КОСТЯ. Почему?
НИНА. Иначе придётся прощаться.
КОСТЯ. А так?
НИНА. Так просто перестанем слышать друг друга. Как сейчас. Мне правда нужно помолчать.
КОСТЯ. Я понимаю.
Оба одновременно отходят от решётки в своих комнатах.
НИНА поправляет ноты на пюпитре, потом выходит из комнаты.
Левая половина сцены гаснет.
КОСТЯ возвращается к столу, садится, поправляет микрофон, берётся за наушники, но не успевает их надеть.
В крайнюю правую дверь квартиры КОСТИ стучат. По звуку – стучат ногой.

Сцена 9. Две одинаковые женщины

06:43.
Стук в дверь КОСТИ повторяется.
КОСТЯ. Кто там?
ДАША ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Пока соседка.
КОСТЯ открывает дверь.
На пороге ДАША с двумя чашками кофе.
КОСТЯ. Вы стучали ногой.
ДАША. Руки заняты.
КОСТЯ. Можно было позвонить.
ДАША. Мы без имён. Номер телефона – это уже почти адрес.

КОСТЯ смотрит на чашки.
ДАША. Это вам.
КОСТЯ. Обе?
ДАША. Я не знала, какой вы пьёте.
КОСТЯ. И сделали два разных?
ДАША. Два одинаковых. Один точно не тот.
КОСТЯ берёт одну чашку.
ДАША остаётся с другой.
КОСТЯ. Спасибо.
ДАША. Пожалуйста.
Он хочет закрыть дверь.
ДАША не двигается.
КОСТЯ. Вы хотели войти?
ДАША. Нет.
Пауза.
ДАША. Но кофе у меня тоже ваш.
КОСТЯ отступает.
ДАША входит.
Впервые видит квартиру КОСТИ целиком: такой же диван, стол, кухня, картина с морем. Вместо личных вещей – микрофоны, кабели и акустическое одеяло.
ДАША. У вас всё как у меня.
КОСТЯ. Нет.
ДАША. Диван.
КОСТЯ. У меня студия.
ДАША. Стол.
КОСТЯ. Рабочий.
ДАША. Море.
КОСТЯ. У всех.
ДАША подходит к картине и выравнивает её.
Картина медленно наклоняется.
ДАША. И это у всех.
КОСТЯ. Штормит.
Она ставит чашку возле ноутбука.
КОСТЯ. Жидкость слева. Электричество справа.
ДАША переставляет.
КОСТЯ. Нет. Для вас слева.
Она переставляет обратно.
КОСТЯ. Так.

ДАША. Теперь понятно, почему вам мешает пение.
КОСТЯ. Почему?
ДАША. У вас даже кофе должен знать своё место.
ДАША садится на край дивана.
КОСТЯ делает глоток и обжигается.
ДАША. Горячий?
КОСТЯ. Нет.
ДАША. Вы плохо врёте.
КОСТЯ. Я хорошо записываю.
ДАША. Это другое?
КОСТЯ. Совсем.
ДАША подносит чашку ко рту.
КОСТЯ. Кофе сушит.
ДАША останавливается.
КОСТЯ. Перед записью неправильно.
ДАША. Вы опять обо мне что-то знаете.
КОСТЯ. Вы всё утро бережёте голос.
Пауза.
ДАША ставит чашку на пол. Далеко от себя.
КОСТЯ. Вы сказали, что сегодня уезжаете.
ДАША. Сегодня.
КОСТЯ. В семь сорок?
ДАША. В восемь ключи.
КОСТЯ. Вы говорили – машина в семь сорок.
ДАША. Я передумала.
КОСТЯ. За полчаса?
ДАША. За восемь месяцев.
КОСТЯ принимает это.
КОСТЯ. Понятно.
ДАША. Что вам понятно?
КОСТЯ. Что вы не любите объяснять.
ДАША. Совсем не люблю.
КОСТЯ. Это слышно.
Он садится к столу. Не работает. Смотрит на неё.
КОСТЯ. Можно вопрос по работе?
ДАША. По вашей?
КОСТЯ. По вашей.
ДАША. Осторожно.
КОСТЯ. Вы распеваетесь на закрытом «м»?

Пауза.
ДАША. Иногда.
КОСТЯ. А иногда?
ДАША. Иногда в лифте.
КОСТЯ. В лифте?
ДАША. Там хорошая акустика и никого нет.
КОСТЯ. Между четырнадцатым и первым – сорок секунд.
ДАША. Мне хватает.
КОСТЯ смеётся. Впервые за утро.
КОСТЯ. Спойте что-нибудь.
ДАША. Нет.
КОСТЯ. Одну ноту.
ДАША. Вы сами просили не петь до половины восьмого.
КОСТЯ. Я снимаю просьбу.
ДАША. А я нет.
КОСТЯ. Почему?
ДАША. Потому что вы попросили. Это единственное, о чём меня сегодня попросили.
КОСТЯ смотрит на неё.
КОСТЯ. Вы утром сказали одну вещь.
ДАША. Я много чего сказала.
КОСТЯ. «Я больше не хочу ждать, пока кто-нибудь решит, нужна я ему или нет».
Тишина.
ДАША. Это я сказала?
КОСТЯ. Вы.
ДАША. Не похоже.
КОСТЯ. Почему?
ДАША. Я обычно очень удобная.
КОСТЯ. Не всем.
Телефон ДАШИ звонит.
Она смотрит на него.
КОСТЯ. Он?
ДАША. Да.
КОСТЯ. Ответьте.
ДАША. Нет.
Телефон продолжает звонить.
ДАША отклоняет вызов.
Через секунду звонок начинается снова.

ДАША выключает телефон.
КОСТЯ. Вы не обязаны делать это сейчас.
ДАША. Что?
КОСТЯ. Соответствовать собственной фразе.
ДАША. А когда?
КОСТЯ. Когда она станет вашей.
ДАША. Вы сказали, что она моя.
КОСТЯ. Тогда уже стала.
ДАША держит выключенный телефон обеими руками.
ДАША. Скажите ещё раз.
КОСТЯ. Что именно?
ДАША. Что вы меня слышите четыре месяца.
КОСТЯ. Четыре месяца.
ДАША. И что без этого дом пустой.
КОСТЯ. Пустой.
ДАША. Хорошо.
КОСТЯ. Что хорошо?
ДАША. Ничего. Работайте.
КОСТЯ надевает наушники и запускает воспроизведение последнего дубля.
КОСТЯ. Мне нужно послушать, не залезла ли вентиляция в дубль.
ДАША. Я помолчу.
КОСТЯ. Вы можете говорить. Я всё равно ничего не слышу.
Он поворачивается к ноутбуку. Наушники закрытые.
ДАША остаётся одна посреди чужой комнаты.
Подходит к нише с решёткой. Разглядывает её.
Из решётки – голос НИНЫ. Зажигается левая половина сцены: квартира НИНЫ.
НИНА стоит у своей решётки.
НИНА. Сосед.
ДАША отступает.
НИНА. Сосед, вы там?
ДАША. Он в наушниках.
Пауза.
НИНА. А вы кто?
ДАША. Соседка.
НИНА. Соседка – я.
ДАША. Значит, нас две.
НИНА. Значит, много.

ДАША. Вы слышите всё, что здесь говорят?
НИНА. Не всё. Только когда молчат.
ДАША. Сейчас молчат?
НИНА. Сейчас – да.
ДАША оглядывается на КОСТЮ. Он снимает и снова надевает наушник, проверяя что-то на дорожке.
НИНА. Он повторил при вас одну фразу.
ДАША. Он много повторяет.
НИНА. Про то, что больше не хочу ждать.
Пауза.
ДАША. Это ваша фраза?
НИНА. Моя.
ДАША. Вы уверены?
НИНА. Я её сегодня придумала. Часа не прошло.
ДАША. Он сказал, что она моя.
НИНА. Он щедрый.
ДАША. Он ошибся.
НИНА. Все ошибаются. Просто скажите ему, что фраза не ваша.
ДАША молчит.
НИНА. Скажете?
ДАША. Скажу.
НИНА. Когда?
ДАША. Когда он снимет наушники.
НИНА. Хорошо.
Пауза.
НИНА. И ещё.
ДАША. Да?
НИНА. Через пять минут я записываю пробный дубль своего вокала. Три минуты. Передайте, чтобы он молчал в это время.
ДАША. Передам.
НИНА. Три минуты – это очень мало и очень долго.
ДАША. Я знаю.
НИНА. Откуда?
ДАША. Я восемь месяцев жду человека, который каждый раз пишет «пятнадцать минут».
Тишина.
НИНА. Тогда вы знаете.
Левая половина сцены остаётся освещённой. НИНА отходит от решётки, берёт с дивана полотенце и вешает его на решётку.

Возвращается к пюпитру. Переворачивает часы. Делает вдох. Открывает рот и не поёт.
НИНА. Не сейчас.
Смотрит на решётку. Снимает полотенце.
НИНА. Комната без вентиляции звучит как шкаф.
Складывает полотенце. Кладёт рядом. Выходит из комнаты. Левая половина сцены – квартира НИНЫ – погружается в темноту. На освещённой правой половине сцены – квартире КОСТИ – он снимает наушники.
КОСТЯ. Чисто записано. Ни гула, ни решётки.
ДАША. Хорошо.
КОСТЯ. Вы с кем-то разговаривали?
ДАША. Сама с собой.
КОСТЯ. Громко.
ДАША. У меня хорошая акустика.
КОСТЯ. В лифте.
ДАША. Везде.
КОСТЯ садится к микрофону.
КОСТЯ. Мне нужно озвучить двенадцать минут текста.
ДАША. А мне нужно помолчать.
КОСТЯ. Да, я помню, вы это уже говорили.
ДАША открывает рот, чтобы что-то сказать.
КОСТЯ. Вы опять передумали?
Пауза.
ДАША. Нет.
Она садится на диван. Очень прямо.

Сцена 10. Это не я

06:53.
Правая половина сцены: квартира КОСТИ.
КОСТЯ перед микрофоном. ДАША на диване, с чашкой на коленях. Не пьёт.
КОСТЯ нажимает запись.
КОСТЯ. «Елизавета разорвала конверт».
Останавливается.
КОСТЯ. Слишком решительно.

ДАША. Она же разорвала.
КОСТЯ. В тексте «разорвала». Но до последней секунды она могла не разрывать.
ДАША. Тогда пусть надорвёт.
КОСТЯ. В тексте нельзя.
ДАША. У вас сложная работа.
Он снова нажимает запись.
КОСТЯ. «Елизавета разорвала конверт».
Останавливается.
КОСТЯ. Лучше.
ДАША. Оставьте.
КОСТЯ. Ещё раз.
ДАША. Так вы никогда не закончите.
КОСТЯ. Закончу. В семь двадцать девять.
Зажигается левая половина сцены: квартира НИНЫ.
НИНА закрепляет телефон на пюпитре. Загорается красный огонёк.
Переворачивает пустые песочные часы.
НИНА. Пробный дубль. Три минуты песка. Пошло.
Делает вдох.
Начинает петь.
Голос идёт в квартиру КОСТИ из решётки.
КОСТЯ поднимает голову.
Поворачивается к ДАШЕ.
ДАША сидит с чашкой. Рот закрыт.
КОСТЯ смотрит на решётку.
Потом снова на ДАШУ.
Снимает наушники. Голос не исчезает.
Кладёт наушники на стол. Встаёт.
Идёт к решётке.
ДАША встаёт и оказывается между ним и нишей.
ДАША, шёпотом. Не сейчас.
КОСТЯ, шёпотом. Отойдите.
ДАША увлекает КОСТЮ прочь от решетки.
ДАША. Три минуты. Всего три минуты молчания.
КОСТЯ. Мне нужно спросить.
ДАША. Вы обещали.
КОСТЯ. Я обещал не тому человеку.
ДАША. Она этого не знает.
Пение продолжается.

КОСТЯ стоит на месте.
КОСТЯ, шёпотом. Кто это?
ДАША. Не я.
КОСТЯ. Я вижу.
ДАША. Теперь видите.
КОСТЯ. Вы поёте?
ДАША. Нет.
КОСТЯ. Никогда?
ДАША. В лифте.
КОСТЯ. Прослушивание?
ДАША. Не моё.
КОСТЯ. Вы преподаёте вокал?
ДАША. Нет.
КОСТЯ. Бережёте голос?
ДАША. Уже нет.
КОСТЯ. А отъезд?
ДАША. Мой. В восемь ключи.
КОСТЯ. Человек, который вас ждёт?
ДАША. Который не приехал.
КОСТЯ. Он существует?
ДАША. Существует. Это единственное, что про него точно известно.
Пение идёт. Оба говорят под него, вполголоса.
КОСТЯ. Я стоял у вашей двери и спросил, вы ли поёте.
ДАША. Спросили.
КОСТЯ. Вы сказали «пою».
ДАША. Сказала.
КОСТЯ. Зачем?
ДАША. Вы сначала объяснили, зачем.
КОСТЯ. Я ничего не объяснял.
ДАША. Вы сказали, что четыре месяца слышите этот голос. Что по ночам башня кажется пустой. Что утром кто-то берёт ноту, и становится понятно, что за стеной живёт человек.
КОСТЯ. Это правда.
ДАША. Мне никогда в жизни не говорили ничего лучше.
Пауза.
ДАША. И это было не мне.
КОСТЯ. Вы могли сказать «нет».
ДАША. Могла.
КОСТЯ. Одно слово.

ДАША. Я его говорю восемь месяцев в другую сторону. Оно кончилось.
КОСТЯ. Вы придумали себе целую женщину.
ДАША. Я не придумала эту женщину.
Она показывает на решётку. Пение Нины продолжается.
ДАША. Вы сами принесли её ко мне и спросили, не я ли это.
КОСТЯ молчит.
ДАША. Каждый раз вы приносили ещё что-нибудь. Что она уезжает. Что у неё прослушивание. Что она бережёт голос. Что она не хочет ждать. Мне оставалось кивать.
КОСТЯ. Я думал, что разговариваю с вами.
ДАША. Вы разговаривали через стену. Со мной вы только сверяли.
КОСТЯ. Зачем вам это было нужно?
ДАША. Несколько минут мне понравилось быть женщиной, которую кто-то слышит.
Пауза. НИНА поёт.
ДАША. Даже если слышат не её.
Пение поднимается к верхней ноте.
КОСТЯ невольно поворачивает голову к решётке.
ДАША это видит.
ДАША. Вот. Опять.
КОСТЯ. Что?
ДАША. Вы сейчас смотрите туда, а разговариваете со мной. Всё утро так.
КОСТЯ. Я слушаю.
ДАША. Вы слушаете её. Я стою ближе.
КОСТЯ. Я не мог знать.
ДАША. Вы могли посмотреть.
КОСТЯ. Я смотрел.
ДАША. Вы смотрели на дверь и решили, что за ней я. Вам так было удобнее. Голос за стеной и лицо в коридоре сошлись в одного человека, и вы обрадовались.
КОСТЯ садится.
КОСТЯ. Да.
Пауза. Пение продолжается.
КОСТЯ. Кто она?
ДАША. Я не знаю.
КОСТЯ. Вы с ней говорили, пока я был в наушниках.

ДАША. Две минуты. Через решётку. Она просила передать, что фраза её.
КОСТЯ. Какая фраза?
ДАША. Я больше не хочу ждать, пока кто-нибудь решит, нужна я ему или нет.
КОСТЯ. Вы так и не сказали, что это не ваша фраза.
ДАША. Я решила оставить её себе ещё на десять минут.
КОСТЯ. Зачем?
ДАША. Затем же.
КОСТЯ смотрит на стену. Потом на решётку. Потом снова на стену.
КОСТЯ. Подождите.
ДАША. Что?
КОСТЯ. Голос приходит вот отсюда. Я четыре месяца проверял это микрофоном. Он приходит из этой стены.
ДАША. И?
КОСТЯ. За этой стеной ваша квартира.
ДАША. Моя.
КОСТЯ. Вы там не поёте.
ДАША. Не пою.
КОСТЯ. Значит, в вашей квартире кто-то есть.
Пауза.
ДАША. В моей квартире никого нет уже восемь месяцев.
КОСТЯ. Тогда я не понимаю.
ДАША. Наконец-то.
Пение заканчивается. Тишина.
НИНА останавливает запись. Смотрит на экран телефона.
НИНА. Две минуты пятьдесят одна.
Слушает начало дубля.
НИНА. В записи кто-то шепчется.
Отматывает.
НИНА. Двое.
Пауза.
НИНА. Сосед.
КОСТЯ не отвечает.
НИНА. Вы молчали. Спасибо. Но у вас кто-то шептался.
КОСТЯ подходит к решётке и не может произнести ни слова.
ДАША. Скажите ей.
КОСТЯ. Что?

ДАША. Что вы её никогда не видели.
КОСТЯ. Она это знает.
ДАША. Она не знает, что вы видели меня.
Пауза.
КОСТЯ берёт со стола два микрофона. Обычный и плоский контактный.
ДАША. Что вы делаете?
КОСТЯ. Проверяю.
ДАША. Кого?
КОСТЯ. Себя.
Затемнение.

Сцена 11. Два микрофона

07:00.
Освещены обе половины: справа КОСТЯ и ДАША, слева НИНА.
Звонит будильник ДАШИ. Почти одновременно – видеозвонок в телефоне КОСТИ.
ДАША выключает будильник. КОСТЯ отвечает.
РЕДАКТОР ИЗ ТЕЛЕФОНА. Тридцать минут. Есть готовое?
КОСТЯ. Двенадцать минут текста.
РЕДАКТОР. Записанных?
КОСТЯ. Нет.
РЕДАКТОР. Кость.
КОСТЯ. Успею.
РЕДАКТОР. Не «постараюсь».
КОСТЯ. Успею.
РЕДАКТОР. Кто там у тебя?
КОСТЯ. Соседка.
РЕДАКТОР. Какая?
КОСТЯ смотрит на ДАШУ и на решётку.
КОСТЯ. Обе.
РЕДАКТОР. Я не понял.
КОСТЯ. Я тоже.
РЕДАКТОР. До семи тридцати.
Звонок заканчивается.
КОСТЯ подходит к решётке.

КОСТЯ. Соседка.
НИНА. Я записала пробный дубль. Теперь ваши десять минут.
КОСТЯ. Мне нужно больше.
НИНА. В семь двенадцать я пишу чистовую. До неё распевка. До распевки я должна помолчать.
КОСТЯ. Сколько у меня?
НИНА. Одиннадцать минут. Потом я вас не слышу.
КОСТЯ. Один вопрос.
НИНА. Вы всегда так говорите.
КОСТЯ. В какой вы квартире?
Пауза.
НИНА. Мы договорились. Без имён.
КОСТЯ. Я спросил не имя.
НИНА. Номер – это то же самое, только для почты.
КОСТЯ. Мне нужно.
НИНА. Зачем?
КОСТЯ. Затем, что четыре месяца я точно знал, где вы находитесь. Полчаса назад выяснилось, что я не знаю про вас вообще ничего.
НИНА. И номер это исправит?
КОСТЯ. Номер это проверит.
НИНА. Ноль восьмая.
Пауза.
КОСТЯ. Что?
НИНА. Ноль восьмая. Всё.
КОСТЯ. Ноль восьмая – это я.
НИНА. Нет.
КОСТЯ. Я здесь с ноября.
НИНА. А я четыре месяца. И у меня на двери ноль восьмая.
КОСТЯ. У меня тоже.
НИНА. Значит, кто-то из нас неправильно читает.
ДАША. А я ноль девятая.
НИНА. Вот вы как раз на месте.
ДАША. Где?
НИНА. Рядом с ним.
ДАША. Я рядом с ним.
НИНА. Я про квартиру.
ДАША. Я тоже.
КОСТЯ. Подождите.
НИНА. Вы просили один вопрос.

КОСТЯ. Он оказался длинный.
НИНА. Спросите у нашей уборщицы, Майи. Она путает квартиры чаще, чем я ноты.
КОСТЯ подходит к своей входной двери. На внутренней стороне висит план эвакуации.
КОСТЯ. У меня на двери план этажа.
НИНА. У меня тоже.
КОСТЯ. Тогда сверим. Слева лифты?
НИНА снимает свой план и подходит с ним к решётке.
НИНА. Слева лифты.
КОСТЯ. Ноль восьмая третья от угла?
НИНА. Третья от угла.
КОСТЯ. Ноль девятая рядом?
НИНА. Рядом.
КОСТЯ. Всё сходится.
НИНА. Всё сходится.
Пауза.
ДАША. У меня на двери такой же.
КОСТЯ. Естественно. Он один на всю башню.
ДАША. Тогда что он доказывает?
КОСТЯ смотрит на план.
КОСТЯ. Что этажи одинаковые.
ДАША. Это мы знали.
Пауза.
ДАША. А этаж там написан?
КОСТЯ смотрит.
КОСТЯ. Нет.
ДАША. Совсем?
КОСТЯ. «Типовой этаж».
ДАША. Экономия.
КОСТЯ вешает план обратно.
КОСТЯ. Мне нужно, чтобы сошлось.
НИНА. У вас не сходится?
КОСТЯ. У меня четыре месяца сходилось. Это хуже.
Он берёт со стола плоский контактный микрофон.
КОСТЯ. Числа врут. Звук – нет.
ДАША. Утром вы говорили иначе.
КОСТЯ. Утром я был глупее.
ДАША. На сколько?

КОСТЯ. На четыре месяца.
Он крепит контактный микрофон к центральной стене. Второй, обычный, ставит на стойку у решётки.
ДАША. Что это?
КОСТЯ. Два разных уха. Обычный слушает воздух. Плоский слушает материал.
Проводит пальцем по стене. Из динамика – громкий скрежет.
ДАША. Стена отвечает?
КОСТЯ. Пока жалуется.
Из решётки:
НИНА. Мне можно говорить?
КОСТЯ. Нужно. Подойдите к решётке и скажите: «Море за стеной».
НИНА. Зачем?
КОСТЯ. Вы хотели знать, откуда у вас в записи металл.
Пауза.
НИНА. Море за стеной.
КОСТЯ слушает обычный микрофон.
КОСТЯ. Есть. Чисто. И металл на середине.
Переключает на контактный.
КОСТЯ. Ещё раз.
НИНА. Море за стеной.
КОСТЯ смотрит на экран.
КОСТЯ. На стене – ничего.
НИНА. Совсем?
КОСТЯ. Пустая линия.
НИНА. Я говорила громко.
КОСТЯ. Я знаю. Теперь стукните по стене. Костяшками.
НИНА стучит.
КОСТЯ смотрит на экран.
КОСТЯ. Вроде есть. Но очень слабо.
НИНА. Я в двух метрах от вас.
КОСТЯ. Не по стене вы в двух метрах.
НИНА. А как?
КОСТЯ. Пока не знаю. Далеко.
НИНА. Я стою у стены. Я к ней ладонь прикладывала. Четыре раза за утро. Стена холодная.
КОСТЯ. Стена холодная у всех. Их в этом доме двести.
НИНА. Значит, я всё-таки не за стеной?
КОСТЯ. Ваш голос через неё не идёт вообще. Он идёт сюда.

Он показывает на решётку.
НИНА. Это же одна и та же стена.
КОСТЯ. Нет. Это стена. А это канал.
НИНА. И куда он идёт?
КОСТЯ. Вот это я и хочу узнать.
Он поворачивается к ДАШЕ.
КОСТЯ. Теперь контрольный образец.
ДАША. Это я?
КОСТЯ. Вы. Идите к себе и скажите в стену ту же фразу.
ДАША. Хорошо.
Она идёт к двери.
КОСТЯ. Три раза. Сначала обычно, потом громко, потом стукните.
ДАША. Хорошо.
КОСТЯ. И делайте паузы между каждым разом. Мне нужно переключать микрофоны.
ДАША. Какие паузы?
КОСТЯ. Я скажу.
ДАША останавливается у двери.
ДАША. Как?
Пауза.
КОСТЯ. Я скажу.
ДАША. Вы скажете здесь. Я буду там.
КОСТЯ. Стена тонкая.
ДАША. Стена только что при вас не пропустила её голос.
Из решётки:
НИНА. Она вас не услышит.
КОСТЯ. Я говорю громче.
НИНА. Я пела. В полный голос. Каждое утро. Четыре месяца. Через эту стену вы не слышали ни одной ноты.
Тишина.
КОСТЯ. Через эту – нет.
НИНА. Тогда откуда вы взяли, что она вас услышит?
КОСТЯ смотрит на стену.
КОСТЯ. Я привык, что за стеной со мной разговаривают.
НИНА. Со мной разговаривала труба.
Пауза. Свет на левой половине сцены – квартире НИНЫ – гаснет.
ДАША. У меня есть телефон.
КОСТЯ. Нет.
ДАША. Почему? Я включу громкую связь, вы будете говорить.

КОСТЯ. Тогда я услышу вас из телефона, а не из стены. И запишу телефон.
ДАША. И?
КОСТЯ. И получу ровно то, что получил утром. Голос ниоткуда.
ДАША. Логично.
КОСТЯ. Выключите его совсем.
ДАША. Он уже выключен. С без двадцати семь. Абонент недоступен для всех.
КОСТЯ берёт лист бумаги.
КОСТЯ. Тогда стук.
ДАША. Что стук?
КОСТЯ. Один удар – говорите обычно. Два удара – громче. Три – стучите в ответ: два, пауза, один.
Он пишет.
ДАША. А если я не поняла?
КОСТЯ. Стучите четыре раза.
ДАША. А если вы не поняли?
КОСТЯ. Тоже четыре раза.
ДАША. Тогда мы оба будем стучать четыре раза и оба будем правы.
КОСТЯ протягивает ДАШЕ лист.
ДАША. Четыре пункта.
КОСТЯ. Достаточно.
ДАША. У меня с Игорем было три. «Скоро», «завтра» и «не начинай».
Она складывает лист.
ДАША. Здесь на один больше.
Выходит.
Свет на правой половине сцены остаётся. На левой половине зажигается квартира ДАШИ.
ДАША входит. Кладёт лист на стол.
В её квартире полная тишина.
Она подходит к центральной стене. Прикладывает ладонь.
Ничего.
ДАША. Сосед?
Тишина.
ДАША, громче. Сосед?!
Тишина.
ДАША. Я так и думала.
В квартире КОСТИ он надевает наушники и стучит один раз.
В квартире ДАШИ раздаётся глухой удар.

ДАША выпрямляется.
ДАША. Море за стеной.
КОСТЯ смотрит на экран. Переключает микрофон. Смотрит снова.
КОСТЯ. Ничего в решётке.
НИНА. А на стене?
КОСТЯ. Бугор.
НИНА. Что это значит?
КОСТЯ. Что она что-то произнесла.
НИНА. И всё?
КОСТЯ. И всё.
Он стучит два раза.
ДАША, громко, в стену. Море за стеной!
КОСТЯ. Бугор побольше.
НИНА. Слова?
КОСТЯ. Нет.
Телефон КОСТИ звонит. Он смотрит на экран и не отвечает.
НИНА. Редактор?
КОСТЯ. Он спросит, сколько готово.
НИНА. Сколько готово?
КОСТЯ. Ноль.
Звонок прекращается.
НИНА. А если она закричит?
КОСТЯ. Будет длинный бугор.
НИНА. Прекрасный дом.
В квартире ДАШИ пауза.
ДАША ждёт третьего стука.
Стука нет.
Она смотрит на лист. Потом на стену.
Кладёт на стену обе ладони.
ДАША, неожиданно оглушительным голосом, прямо в стену. Меня зовут Даша!!!
В квартире КОСТИ на экране проходит короткая линия.
КОСТЯ. Ещё один.
НИНА. Что она сказала?
КОСТЯ. Не знаю.
Он отматывает и слушает снова.
КОСТЯ. Шесть слогов.
НИНА. Каких?
КОСТЯ. Не читается. Просто какой-то гул, почти неразборчиво.

Он помечает фрагмент и сохраняет его отдельно.
ДАША стоит у стены с той стороны.
ДАША, обычным голосом, в стену. Ну вот. Теперь вы знаете мое имя.
Пауза.
ДАША. Хорошая стена.
КОСТЯ стучит три раза.
ДАША стучит в ответ: два удара, пауза, один.
Контактный микрофон принимает их так громко, что КОСТЯ снимает наушники.
КОСТЯ. Вот.
НИНА. Что «вот»?
КОСТЯ. Стена передаёт удар и не передаёт голос. Всё утро я слышал от неё только стук и считал, что соседка просто стесняется.
НИНА. А голос соседки просто не проходил сквозь стену.
КОСТЯ. Голос соседки не проходил сквозь стену.
Он смотрит на лист с четырьмя пунктами.
Заносит руку над стеной. Не стучит.
НИНА. Что вы делаете?
КОСТЯ. Хочу сказать спасибо.
НИНА. Такого удара нет.
КОСТЯ. Нет.
Пауза.
НИНА. Придумайте.
КОСТЯ. Она не поймёт.
НИНА. Тогда идите.
КОСТЯ снимает наушники, кладёт их на стол и выходит через дверь с правого края сцены.
Правая половина сцены пуста. Голос НИНЫ из решетки.
НИНА. Сосед?
Тишина.
НИНА. Ушёл.
Тишина.
НИНА. Я слышу, как он стучит, и не слышу, что ему отвечают. Она отвечает и не слышит его. Я слышу его и не слышу её.
Пауза.
НИНА. Отличная у нас в доме акустика.
Правая половина сцены – квартира КОСТИ – погружается в темноту.

За сценой слышны шаги.
КОСТЯ появляется с самого края левой половины сцены и стучит в дверь квартиры ДАШИ.
ДАША открывает.
Они стоят в двух шагах друг от друга и говорят нормальными голосами.
КОСТЯ. Спасибо.
ДАША. За что?
КОСТЯ. За участие в эксперименте.
Пауза.
ДАША. Вы вышли из дома, чтобы сказать «за участие в эксперименте»?
КОСТЯ. Я готовился всю дорогу.
ДАША. Долгая дорога.
КОСТЯ. Четыре шага.
Пауза.
КОСТЯ. Такого стука не было в списке.
ДАША. Поэтому вы пришли?
КОСТЯ. Поэтому.
ДАША. То есть в этом доме, чтобы поговорить с соседкой за стеной, надо выйти из дома.
КОСТЯ. Получается так.
ДАША. А чтобы поговорить с той, которая не за стеной, достаточно сесть у решётки.
КОСТЯ. Да. Вот такой у нас дом.
Пауза.
ДАША. Вы слышали что-нибудь, кроме стука?
КОСТЯ. Шесть слогов.
ДАША. Хорошо.
КОСТЯ. Что вы сказали?
ДАША. Ничего. Проверяла стену.
Пауза.
ДАША. Кому-то из вас двоих очень повезло.
КОСТЯ. Мы всё ещё без имён?
ДАША. До восьми.
ДАША гасит у себя свет и выходит вместе с КОСТЕЙ за край сцены.
Левая половина сцены гаснет. Зажигается правая половина сцены – квартира КОСТИ.
КОСТЯ и ДАША входят.

ДАША. У вас тоже четыре вилки и одна ложка?
КОСТЯ. И два бокала.
ДАША. И у меня два.
КОСТЯ. Второй не понадобился.
ДАША. Мне тоже.
Зажигается свет в левой половине сцене – квартире НИНЫ.
НИНА. Вы вернулись.
КОСТЯ. Мы выходили.
НИНА. Куда?
КОСТЯ. В коридор.
НИНА. И как там?
КОСТЯ. Прекрасно слышно.
НИНА. Учту.
КОСТЯ садится к ноутбуку и выкладывает результаты.
КОСТЯ. Четыре измерения. Ваш голос: в решётке – весь, на стене – ноль. Ваш стук по стене: почти ноль, но не ноль, и очень далёкий. Её голос: на стене – гул без слов, в решётке – ноль. Её стук: на стене – оглушительно.
ДАША. И что это значит?
КОСТЯ. Что вы за стеной, а она нет.
НИНА. Я за стеной.
КОСТЯ. Вы за какой-то стеной. Не за этой.
Пауза.
НИНА. Подождите. Вы сказали, что за вашей стеной пустая квартира.
КОСТЯ. За моей стеной – она. А за её стеной – пустая.
НИНА. Значит, вы не там.
КОСТЯ. Где не там?
НИНА. Я думала, вы в квартире, где стоят два бокала.
ДАША. У меня два бокала.
КОСТЯ. И у меня два.
Пауза.
НИНА. И у меня два.
ДАША. Значит, это не примета.
НИНА. Это интерьер.
Пауза.
КОСТЯ. Голос вышел из решётки, и я показал пальцем на стену.
НИНА. И я показала на стену.
КОСТЯ. Мы оба слышали правильно.
НИНА. И оба показали не туда.

ДАША. Причём в одну и ту же сторону.
КОСТЯ подходит к нише. Смотрит в решётку.
КОСТЯ. Вентиляция общая.
НИНА. И?
КОСТЯ. У вентиляционного канала шесть направлений.
НИНА. Сколько?
КОСТЯ. Четыре по этажу. И два.
НИНА. Каких два?
КОСТЯ медленно поднимает голову к потолку и не отвечает.
Короткое затемнение всей сцены.

Сцена 12. Стояк

07:06.
Освещены обе половины.
КОСТЯ стоит с контактным микрофоном в руке. ДАША допивает остывший кофе.
ДАША. Холодный.
КОСТЯ. Теперь можно.
ДАША. И вкус можно не беречь?
КОСТЯ. Можно.
НИНА у своей решётки.
НИНА. Если следствие закончено, я в душ.
КОСТЯ. У вас девять минут.
НИНА. Я знаю. Поэтому сначала пущу воду. Она тут греется полторы минуты.
Она уходит вглубь своей квартиры. Слышно, как открывается вода. Возвращается к решётке.
НИНА. Полторы минуты у вас есть.
В квартире КОСТИ он машинально открывает кран.
Напор резко слабеет.
КОСТЯ смотрит на кран.
КОСТЯ. Закройте воду.
НИНА. У меня нормальный напор.
КОСТЯ. У меня нет.
НИНА уходит и возвращается.
Напор у КОСТИ восстанавливается.

НИНА. Вы сорвали мне душ.
КОСТЯ. Откройте ещё раз.
НИНА. Вы сорвали мне душ дважды.
КОСТЯ. Пожалуйста.
Она уходит, открывает воду, возвращается. Напор у КОСТИ падает.
КОСТЯ. Закройте.
Уходит, закрывает, возвращается. Напор восстанавливается.
КОСТЯ. Ещё раз.
НИНА. Я не кран. Я бегаю через всю квартиру.
ДАША. Он уже понял.
КОСТЯ. Не понял. Мне нужен третий раз.
НИНА. Тогда считайте это разминкой.
Уходит. Открывает. Возвращается. Напор падает.
КОСТЯ. Достаточно.
НИНА уходит, закрывает воду, возвращается.
НИНА. Всё. Я перестала считать. Я мокрая, вода закрыта, и я никуда не сходила.
КОСТЯ. Так было сегодня в пять сорок три.
ДАША. И у меня в шесть.
КОСТЯ. У вас тоже падал?
ДАША. Я думала, это дом.
КОСТЯ. Это дом.
Он берёт лист бумаги, прикладывает к стене и рисует вертикальную линию.
ДАША. Что это?
КОСТЯ. Стояк. Одна труба на все квартиры, которые стоят друг над другом.
НИНА. Значит, я на вашей трубе.
КОСТЯ. Да.
НИНА. Надо мной или под вами?
КОСТЯ. Труба этого не говорит. Она вертикальная в обе стороны.
ДАША. И как узнать?
КОСТЯ ставит стул на середину комнаты. Влезает. Прижимает контактный микрофон к потолку.
КОСТЯ. Топните.
НИНА. Ногой?
КОСТЯ. Желательно.
НИНА топает босой ногой.

Из динамика – почти ничего.
КОСТЯ. Сильнее.
НИНА топает.
КОСТЯ. Вы топаете как певица.
НИНА. А надо как кто?
ДАША. Как соседка сверху.
НИНА надевает туфлю на одну ногу.
НИНА. Последний раз.
Топает.
Глухой удар приходит сверху. В квартире КОСТИ вздрагивает светильник. Картина «Море» дёргается и наклоняется.
КОСТЯ медленно опускает микрофон.
КОСТЯ. Сверху.
НИНА. Что?
КОСТЯ. Вы сверху.
Пауза.
НИНА. Я не сверху. Я за стеной.
КОСТЯ. Стукните ещё.
НИНА топает.
Светильник вздрагивает снова.
КОСТЯ. Вы сверху.
Он слезает со стула. Берёт швабру и трижды стучит черенком в потолок.
В квартире НИНЫ звук приходит из-под ног.
НИНА отступает на шаг и смотрит в пол.
НИНА. Ой.
КОСТЯ. Слышно?
НИНА. Чувствую.
Пауза.
НИНА. Какой у вас этаж?
Тишина.
КОСТЯ. Четырнадцатый.
НИНА. У меня пятнадцатый.
Долгая пауза.
ДАША. Никто из вас за всё утро не спросил про этаж.
КОСТЯ. Этаж не спрашивают.
ДАША. Почему?
КОСТЯ. Потому что на нём стоишь.
НИНА. Ноль восьмая.

КОСТЯ. Ноль восьмая.
НИНА. У нас одна квартира.
КОСТЯ. На разных этажах.
НИНА. Одинаковый диван.
КОСТЯ. Одинаковый стол.
НИНА. Одинаковое море.
КОСТЯ. Под одинаковым углом.
Они одновременно поправляют свои картины.
Обе медленно кренятся набок.
*КОСТЯ идёт к двери. Открывает её. На внешней стороне – **1408**.*
*НИНА открывает свою. На ней – **1508**.*
Зритель впервые видит номера квартир.
ДАША. А квартира надо мной?
НИНА. Пятнадцать ноль девять. Вечно пустая.
КОСТЯ возвращается к листу. Рисует один прямоугольник над другим.
КОСТЯ. Ответвление из квартиры уходит в общий железный канал. У вас он входит наверху, у меня выходит внизу. Между этажами ничего не перекрыто. Поэтому голос идёт вниз почти без потерь и с металлом посередине.
НИНА. А стена?
КОСТЯ. Стена нормальная. Она держит голос и не держит удар. Я четыре месяца слышал через неё только стук и думал, что это вы стесняетесь.
НИНА. Через эту стену я вам ни разу не стучала.
КОСТЯ. Один раз стучали. Без двух шесть. Я не услышал ничего.
НИНА. Я помню.
КОСТЯ. А через полчаса кто-то стукнул, и я услышал прекрасно.
НИНА. И что вы подумали?
КОСТЯ. Что вы наконец постучали как следует.
Пауза.
КОСТЯ. И ещё одно.
НИНА. Что?
КОСТЯ. Планировки одинаковые.
НИНА. И?
КОСТЯ. Вы поёте в том углу комнаты, где у меня стоит стол.
НИНА. А почему тогда через стену не слышно вообще ничего?
КОСТЯ. Потому что стену строили. А канал просто оставили открытым.

НИНА. То есть в этом доме хорошо работает только то, что забыли доделать.
КОСТЯ. Да.
НИНА. И четыре месяца я пела вам в стол.
КОСТЯ. В микрофон.
НИНА. Это хуже.
КОСТЯ. Гораздо.
Он смотрит на решётку.
КОСТЯ. Аппаратура всё утро отвечала честно. На вопрос «откуда звук входит в комнату».
НИНА. А вы слышали какой?
КОСТЯ. «Где стоит человек».
НИНА. Это два разных вопроса.
КОСТЯ. Я задал первый и прочитал ответ на второй.
ДАША. И четыре месяца строили женщину из правильных данных.
КОСТЯ. Да.
Пауза.
КОСТЯ. Утром я записал фразу: «Глаз можно обмануть одинаковым диваном. Ухо – нет».
НИНА. Хорошая фраза.
КОСТЯ. Придётся переписать.
НИНА. Не надо. Она правильная.
КОСТЯ. В чём?
НИНА. Ухо вас не обмануло. Ухо всё принесло точно. Обманулись вы, когда стали приделывать к звуку человека.
КОСТЯ открывает ноутбук. Находит файл. Смотрит на него.
ДАША. Что это?
КОСТЯ. Начало подкаста. Записано в пять сорок три.
ДАША. Хорошее начало?
КОСТЯ. Очень уверенное.
Он удаляет файл.
НИНА. Вы стёрли?
КОСТЯ. Стёр.
НИНА. Утром вы стёрли мою запись.
КОСТЯ. Теперь свою.
НИНА. Мы квиты?
КОСТЯ. Нет. У вас был голос. У меня был вывод.
Пауза.
НИНА. Вы нашли меня очень точно. Только не там.

Тишина.
НИНА. Теперь я.
КОСТЯ. Что вы?
НИНА. Четыре месяца я выходила из своей двери и смотрела налево. Там дверь. За ней никого. Я это знала.
КОСТЯ. И?
НИНА. И каждое утро слышала оттуда мужской голос. Я решила, что кто-то наконец заселился.
ДАША. Вы ни разу не постучали?
НИНА. Ни разу.
ДАША. Почему?
НИНА. Потому что тогда пришлось бы увидеть, кто там.
Пауза.
НИНА. Я собрала себе соседа из пустой квартиры и четыре месяца была довольна.
КОСТЯ. Мы работали одинаково.
НИНА. Вы хотя бы постучали.
Пауза.
КОСТЯ открывает ноутбук. Находит сохранённый фрагмент. Включает.
Из динамика – низкий гул без слов.
КОСТЯ. Шесть слогов.
Пауза.
КОСТЯ. Ме-ня-зо-вут-Да-ша.
ДАША смотрит в сторону.
КОСТЯ. Вы кричали.
ДАША. Я проверяла стену.
КОСТЯ. Вы кричали изо всех сил.
ДАША. И что вышло?
КОСТЯ. Гул.
ДАША. Значит, стена хорошая.
КОСТЯ. Через неё можно докричаться. Один раз. И только до микрофона.
ДАША. Мне хватит.
Пауза.
ДАША достаёт телефон и включает его.
Телефон оживает и начинает подавать сигналы. Один за другим. Долго.
ДАША. Четырнадцать.

КОСТЯ. Пропущенных?
ДАША. За двадцать минут.
НИНА. Он хорошо умеет ждать, когда его не ждут.
ДАША выключает звук, но телефон не выключает.
Телефон НИНЫ подаёт сигнал.
НИНА. Машина.
Отвечает.
НИНА. Да. Спускаюсь. Нет, не отменяйте. Три минуты.
Заканчивает разговор.
Смотрит на часы.
НИНА. Семь ноль девять.
КОСТЯ. До отправки шесть минут.
НИНА. Запись – три.
ДАША. Значит, сначала запись.
НИНА. Мне нужно перед этим на воздух. Полминуты.
КОСТЯ. Балкон.
НИНА. Балкон.
КОСТЯ смотрит вверх, на потолок.
КОСТЯ. У вас балкон прямо над моим.
НИНА. Проверим?
КОСТЯ. Проверим.
Все трое идут к балконным дверям.
Короткое затемнение всей сцены.

Сцена 13. Балконы

07:11.
Слышно, как одновременно открываются две балконные двери.
Освещается правая половина сцены. КОСТЯ выходит на авансцену справа – это балкон его квартиры. ДАША рядом с ним.
Освещается левая половина сцены. НИНА выходит на авансцену слева – это балкон её квартиры.
КОСТЯ и ДАША смотрят вверх. НИНА смотрит вниз.
КОСТЯ. Соседка?
НИНА. Костя?
Пауза.
КОСТЯ. Откуда вы знаете моё имя?

НИНА. Ваш редактор плохо шепчет.
КОСТЯ. А вас как зовут?
НИНА. Мы без имён.
КОСТЯ. Уже нет.
НИНА. У вас – уже нет. У меня – ещё да.
КОСТЯ. Вы звучите дальше.
НИНА. Вы тоже.
КОСТЯ. Вы меня вообще видите?
НИНА. Макушку.
КОСТЯ поднимает голову.
ДАША. Не проверяйте силу ограждения.
КОСТЯ. Я хочу увидеть её.
НИНА поднимает руку.
НИНА. Теперь?
КОСТЯ. Вижу руку.
НИНА. Это уже я, а не голос.
КОСТЯ. Частично.
НИНА. Остальное не придумывайте.
Убирает руку.
ДАША подходит к ограждению.
НИНА. Я вижу вас обоих. Где вы?
ДАША. Рядом с ним.
НИНА. Это я слышу.
ДАША. На его балконе.
НИНА. А ваша квартира?
ДАША показывает на левую половину сцены.
ДАША. Следующая.
НИНА смотрит вниз и налево.
НИНА. Тогда рядом со мной пустая квартира.
ДАША. С двумя бокалами.
КОСТЯ. А я думал, что вы рядом.
ДАША. А рядом была я.
НИНА. Которую он не слышал.
ДАША. Почти.
Пауза.
КОСТЯ. Я правильно слышал каждый звук. Но между звуками всё придумал.
НИНА. Вы нашли меня очень точно. Только не там.
КОСТЯ. Да.

ДАША. Зато теперь все стоят правильно.
НИНА смотрит на часы.
На телефон ДАШИ звонит ИГОРЬ.
ДАША не отвечает.
Телефон звонит снова.
Костя слышит.
КОСТЯ. Он?
ДАША. Да.
КОСТЯ. Что говорит?
ДАША отвечает, не поднося телефон к уху. Включает громкую связь.
ИГОРЬ ИЗ ТЕЛЕФОНА. Даша, ответь. Я выезжаю. Я всё решил. Буду в Батуми примерно к одиннадцати часам, может, позже.
ДАША. Куда ты приедешь?
ИГОРЬ. В твою квартиру.
ДАША. Мне ключи нужно отдать в восемь.
ИГОРЬ. Продли.
ДАША. Ты оплатишь?
Пауза.
ИГОРЬ. Я разберусь.
ДАША. Ты уже разобрался?
ИГОРЬ. Даш, не начинай.
ДАША. Я не начинаю. Я заканчиваю.
ИГОРЬ. Я приеду.
ДАША. Когда?
ИГОРЬ. К одиннадцати. Может, позже.
ДАША. Понятно.
ИГОРЬ. Ответь мне.
ДАША. Я ответила.
ИГОРЬ. Оставайся.
ДАША. Нет.
Пауза.
ИГОРЬ. Что?
ДАША. Я не буду ждать в квартире, которую ты…
Она не договаривает.
Смотрит на КОСТЮ и на НИНУ.
ДАША. Не сейчас.
ИГОРЬ. Что не сейчас? Даш, подожди, я же…
Она завершает звонок посреди его фразы.
Пауза.

НИНА. Вы не договорили.
ДАША. Договорю. Без вас.
Пауза.
НИНА. Он приедет.
ДАША. Он так сказал.
КОСТЯ. А вы?
ДАША. Я отдам ключи в восемь.
НИНА. Куда поедете?
ДАША. Сначала отсюда.
КОСТЯ смотрит на неё.
ДАША. Это не мой ответ. Я его уже взяла у вас.
НИНА. У фразы может быть несколько владельцев.
КОСТЯ. Но не один человек.
ДАША. Теперь я знаю.
Телефон НИНЫ подаёт сигнал.
Она слушает.
НИНА. Машина ждёт.
Костя смотрит на часы.
КОСТЯ. Одиннадцать минут до отправки.
НИНА. До начала записи две.
ДАША. Сначала запись.
НИНА. Сначала запись.
Все возвращаются в квартиры.
Короткое затемнение всей сцены.

Сцена 14. Море

07:12.
Освещены квартира КОСТИ и квартира НИНЫ.
У НИНЫ раскрытый пюпитр с нотами. На столе телефон, письмо и пустые песочные часы. У двери чемодан.
На столе КОСТИ два микрофона. ДАША рядом с ним. На краю стола две чашки из-под кофе.
КОСТЯ. Скажите обычную фразу.
НИНА. Море за стеной.
КОСТЯ слушает.
КОСТЯ. Ещё полшага назад.

НИНА отходит.
КОСТЯ. Пюпитр на полшага к балкону. Телефон закрепите на нём, нижним микрофоном к себе.
НИНА выполняет.
ДАША. До семи пятнадцати меньше трёх минут.
НИНА. Фрагмент две минуты сорок три секунды.
КОСТЯ. Последняя пауза – две секунды.
НИНА. Три.
ДАША. Две.
НИНА. Хорошо.
НИНА включает запись. Загорается красный огонёк.
НИНА. Запись.
Переворачивает песочные часы.
НИНА. Три минуты песка. Пошло.
Делает вдох и начинает петь.
Голос проходит через вентиляционный канал и звучит в квартире КОСТИ.
КОСТЯ следит за громкостью.
НИНА продолжает.
ДАША показывает КОСТЕ два пальца.
Он кивает.
НИНА начинает последнюю часть фрагмента. Голос становится свободнее.
Последняя нота.
НИНА выдерживает её.
Два такта тишины.
Останавливает запись.
ДАША. Две минуты сорок одна.
КОСТЯ. Отправляйте.
НИНА. Не прослушивая?
КОСТЯ. Вы услышите первые четыре секунды.
НИНА. За четыре секунды я пойму, что там есть четыре секунды.
ДАША. Тогда отправляйте.
НИНА нажимает отправку.
07:14:56.
НИНА. Загрузка остановилась.
КОСТЯ. К окну.
НИНА подходит к балконной двери.
НИНА. Идёт.

Короткий сигнал телефона.
НИНА. Отправлено. Семь четырнадцать пятьдесят девять.
КОСТЯ. Значит, вовремя.
НИНА садится на чемодан.
НИНА. Теперь голос будет ждать.
КОСТЯ. Вы нет.
НИНА. Я нет.
Пауза.
КОСТЯ. Мне пятнадцать минут тишины.
НИНА. Будет тишина.
В квартире КОСТИ ДАША закрывает балконную дверь, выключает холодильник и кондиционер.
КОСТЯ протягивает ДАШЕ свой телефон.
КОСТЯ. Телефон сейчас без звука, только виброрежим.
ДАША. А если редактор позвонит?
КОСТЯ. Отклоните вызов.
ДАША. А если напишет?
КОСТЯ. Ответьте, что я записываю.
ДАША. Что именно?
КОСТЯ. Что-нибудь правдивое.
ДАША. Опасно.
КОСТЯ. Знаю.
Он садится перед микрофоном.
КОСТЯ. У нас пятнадцать минут.
ДАША. Теперь да.
КОСТЯ надевает наушники.
С этого момента он не слышит ничего, кроме собственного голоса.
Нажимает запись. Оставляет несколько секунд тишины.
КОСТЯ. «Елизавета разорвала конверт. Внутри оказался один лист, исписанный с обеих сторон мелким ровным почерком».
Он читает дальше. Без остановок. Дубль один.
КОСТЯ. «Письмо начиналось не с объяснения, а с обещания приехать. Он писал, что теперь всё решено. Что осталось подождать всего несколько дней. Что завтра станет возможным всё, что ещё вчера было невозможно».
На левой половине сцены НИНА поднимается с чемодана.
Она начинает собираться абсолютно беззвучно.
КОСТЯ. «Елизавета перечитала первую строку и только тогда заметила, что в письме не было даты».

НИНА берёт со стола пустые песочные часы. Смотрит на них.
Ставит обратно.
КОСТЯ. «Она знала этот почерк. Знала, где он поднимает перо, где торопится, где оставляет слишком большое расстояние между словами».
НИНА снимает ноты с пюпитра. Убирает телефон.
Экран загорается: сообщение от водителя.
Она не отвечает голосом. Печатает.
КОСТЯ. «Но впервые ей показалось, что расстояния между словами говорят точнее самих слов».
НИНА подходит к пюпитру.
Складывает его. Сустав штатива громко щёлкает.
Она замирает.
В квартире КОСТИ ничего не меняется: он в наушниках.
Она складывает пюпитр до конца, придерживая каждое колено ладонью.
Смотрит на решётку.
Она не прощается.
КОСТЯ. «Елизавета дошла до окна. За стеклом уже светало, но море оставалось серым и почти неподвижным».
НИНА берёт чемодан за ручку и поднимает его.
Не катит. Несёт.
КОСТЯ. «Она могла ещё раз перечитать письмо. Могла найти в нём скрытый смысл, которого там не было».
НИНА оставляет на столе письмо о прослушивании.
Кладёт рядом ключ-карту.
КОСТЯ. «Но утро уже существовало независимо от письма».
НИНА открывает дверь. Выходит.
Придерживает язычок замка пальцем и отпускает его беззвучно.
Левая половина сцены гаснет.
КОСТЯ. «За окном было море. Настоящее, холодное, неровное. Оно не обещало стать ближе и не просило подождать».
На полу у дивана начинает вибрировать телефон ДАШИ. Дребезжание идёт по всей комнате.
КОСТЯ читает. Он в наушниках и не слышит.
ДАША хватает телефон обеими руками и прижимает к животу.
Дребезжание становится глуше и не прекращается.
Она вытягивает руки перед собой и смотрит на экран. Это ИГОРЬ.

КОСТЯ. «Елизавета открыла окно. В комнату вошли ветер, шум улицы и далёкие голоса людей, которых она никогда не увидит».
ДАША держит кнопку. Экран гаснет, дребезжание обрывается. Она кладёт погасший телефон в карман.
КОСТЯ. «Она не знала, приедет ли человек, написавший письмо».
ДАША смотрит на спину КОСТИ.
Он читает. Он в наушниках.
КОСТЯ. «Впервые за всю ночь это было не единственным, что должно было случиться утром».
ДАША берёт со стола одну из двух чашек. Вторую оставляет.
Снимает туфли и берёт их в руку.
Осторожно оглядывается.
Идёт к двери.
КОСТЯ не замечает.
ДАША выходит.
Дверь закрывается без звука.
КОСТЯ. «Слова о том, что всё решено, медленно растворялись в бледном свете рассвета».
Зажигается левая половина сцены. Теперь это квартира ДАШИ.
ДАША входит. Ставит чашку на стол рядом с двумя бокалами.
Оглядывается.
Комната ровно такая же, как та, из которой она вышла, только с зеркальной расстановкой мебели.
КОСТЯ. «Бумага в её руках утратила свою тяжесть, превратившись в обычный исписанный лист».
Она подходит к центральной стене.
Кладёт на неё ладонь.
Говорит обычным голосом, не громко:
ДАША. Меня зовут Даша.
Она знает, что он этого не услышит.
Ждёт одну секунду.
КОСТЯ. «Ей больше не хотелось торопить время или пытаться его остановить».
ДАША. Так и думала.
Она отходит от стены.
Складывает платье и кладёт его в розовый чемодан на колёсиках. Закрывает его.
КОСТЯ. «Она слушала, как равномерно дышит прибой, смывая следы чужих обещаний».

Подходит к картине «Море». Выравнивает.
Картина наклоняется.
На этот раз ДАША не поправляет её второй раз.
ДАША. Штормит.
Она достаёт ключ-карту и кладёт её на стол между двумя бокалами.
КОСТЯ. «Свежий воздух проникал сквозь щели в раме, принося с собой спокойную, равнодушную ясность».
Берёт чемодан и выходит из квартиры.
КОСТЯ. «Она поняла, что её собственное завтра уже наступило, независимо от того, кто в нём появится».
Несколько секунд комната стоит пустая: два бокала, чашка и карточка между ними.
Левая половина сцены гаснет.
В правой половине КОСТЯ доходит до последней страницы.
КОСТЯ. «Елизавета положила письмо на стол и отошла к окну».
Он оставляет паузу.
КОСТЯ. «Море было там всё это время».
Останавливает запись.
*На часах **07:28:16**.*
В этот раз он не удаляет дубль.
Снимает наушники и включает воспроизведение через колонки.
Комнату заполняет его собственный голос.
КОСТЯ ИЗ ДИНАМИКОВ. «Елизавета разорвала конверт…»
Резкий короткий щелчок.
КОСТЯ останавливает воспроизведение.
КОСТЯ. Щелчок.
Одно движение мышью. Включает снова.
КОСТЯ ИЗ ДИНАМИКОВ. «Елизавета разорвала конверт…»
Щелчка нет.
КОСТЯ. Чисто.
Печатает название, проговаривая вслух:
КОСТЯ. Двадцать третья глава. Финал. Исправлено.
Пауза.
КОСТЯ. Финал два.
Нажимает отправку.
С телефона доносятся несколько коротких сигналов.
Последний – длиннее остальных.
07:29.
КОСТЯ. Всё.

Тишина.
Он поворачивается, чтобы сказать это ещё раз.
Диван пуст. Акустическое одеяло на месте. На столе одна чашка.
КОСТЯ берёт её. Чашка холодная.
Ставит обратно.
КОСТЯ. Соседка?
Никто не отвечает.
Он встаёт. Подходит к вентиляционной решётке.
Прислушивается.
КОСТЯ. Соседка.
Из решётки не приходит ничего. Ни голоса, ни дыхания, ни металлического призвука.
КОСТЯ. Соседка?
Тишина.
Он подходит к центральной стене.
Стучит: два удара, пауза, один.
Ждёт.
Ответа нет.
Стучит ещё раз: два удара, пауза, один.
Ответа нет.
Он кладёт на стену ладонь.
Пауза.
КОСТЯ. Даша.
Ответа нет.
За сценой хлопает дверь. Гудит лифт. Катятся колёса чемодана.
Башня просыпается.
КОСТЯ убирает руку со стены.
Берёт со стола переносной микрофон.
Смотрит на него.
Ставит обратно.
Открывает балконную дверь и выходит на авансцену.
Крики чаек. Ветер. Утро.
Правая половина сцены гаснет за его спиной.
КОСТЯ стоит один.
Оглядывается по сторонам.
КОСТЯ. Море было здесь всё это время.
Из темноты набегает волна. Настоящая, длинная.
Она не повторяется.
Затемнение.

ЗАНАВЕС.

О сценографии

Сцена делится на две половины – правую и левую. На авансцене только балконы. Коридор, лифты и лестница остаются за сценой: персонаж выходит из своей входной двери, уходит за край сцены и появляется у другой двери с противоположного края.

Верхней зоны в спектакле нет. Ни один этаж не обозначен вертикально. Квартиры, находящиеся на разных этажах, занимают одну и ту же плоскость и различаются только тем, какая половина освещена. Это не упрощение, а механизм пьесы. Зритель, видя КОСТЮ справа и НИНУ слева, автоматически достраивает между ними общую стену – ту самую, которой между ними нет. Театр совершает ошибку персонажей раньше и убедительнее, чем они сами.

Поэтому в сцене «Балконы» КОСТЯ и ДАША стоят на авансцене справа, НИНА – на авансцене слева, в метре от них. КОСТЯ и ДАША смотрят вверх. НИНА смотрит вниз. Взглядами они не встречаются.

Все четыре квартиры обставлены одинаково: диван, стол, небольшая кухня, балконная дверь, репродукция с морем и декоративная ниша с вентиляционной решёткой. Различаются только временные признаки: у КОСТИ микрофоны и акустическое одеяло, у ДАШИ открытый чемодан и платье, у НИНЫ закрытый чемодан, пюпитр с нотами, термос и пустые песочные часы. Картина «Море» висит везде – и везде с одинаковым креном.

Батуми, 2026

АИСТЫ НАД СТАМБУЛОМ

Лирическая комедия с видом на Босфор



Действующие лица

СЕРГЕЙ ПАНИН – 47 лет, инженер-теплотехник.
ИРИНА ПАНИНА – 45 лет, менеджер турагентства.
КАТЯ – их дочь, 19 лет, студентка. До последней сцены – только голос в громкой связи.
ЭРКАН – сотрудник службы гостей отеля.
ГУЛЬНАРА – 55 лет, бухгалтер. Гостья отеля, седьмой заезд.

Место действия

Стамбул. Конец августа. Четырнадцать дней.
Всё действие происходит на террасе-ресторане на крыше семиэтажного отеля.
Никаких птиц, их изображений, теней или звуков на сцене нет. Всё, на что смотрят и показывают, находится поверх зрительного зала.

Сцена 1. Буйрун

Вечер первого дня.
Терраса ресторана на крыше. По авансцене – низкий парапет. За ним, по условию пьесы, Босфор и небо.
Слева – дверь на лестницу и служебный выход. Справа – два лежака и стол. В глубине – барная стойка. На парапете слева, ближе к кулисе, висит забытое кем-то полосатое пляжное полотенце. Это единственный прибор, показывающий ветер. Пока ветер южный, полотенце свешивается в одну и ту же сторону; так будет почти всю пьесу.
У стола стоит большой чемодан на колёсах. Ручка выдвинута. Сергей держит чемодан за ручку, хотя тот давно не движется. Ирина стоит у парапета. Они только что поднялись на террасу. Пауза.
СЕРГЕЙ. Он не покатится. Здесь небольшой уклон к водостоку, но я поставил колесо поперёк. Смотри, вес идёт сюда, на опору.
ИРИНА. Спасибо.
СЕРГЕЙ. Я не в смысле, что тебе надо было об этом беспокоиться. Я просто объяснил.
ИРИНА. А я просто поблагодарила.
СЕРГЕЙ. Хорошо.
Пауза.
ИРИНА. Можешь отпустить ручку.
СЕРГЕЙ. Я её не держу. Я проверял тормоз.
ИРИНА. Конечно.

Сергей отпускает ручку. Чемодан остаётся на месте. Сергей ещё секунду смотрит на него, затем кладёт чемодан на бок и открывает. Ирина оборачивается.

ИРИНА. Здесь?

СЕРГЕЙ. Я достану одну вещь.

ИРИНА. Я думала, первой вещью на отдыхе будет купальник.

СЕРГЕЙ. Купальник ниже. Он мягкий, с ним ничего не случится.

Сергей достаёт крупный жёлтый конверт формата А4 и кладёт его посередине стола. Выравнивает по краю.

ИРИНА. Ты его привёз.

СЕРГЕЙ. Да.

ИРИНА. Зачем?

СЕРГЕЙ. Чтобы спокойно проверить последнюю редакцию. Там два пункта по квартире и формулировка про расходы. На месте это займёт двадцать минут, а если оставить на последний вечер, мы начнём торопиться.

ИРИНА. Уточняю. Мы приехали в Стамбул, и первое, что ты достал из чемодана, – соглашение о разделе нашей квартиры?

СЕРГЕЙ. Это не соглашение. Это проект соглашения.

ИРИНА. Дальше по тексту: «Он ничего не решает».

СЕРГЕЙ. Он действительно ничего не решает. Смотри. Подписей нет. Нотариус его не удостоверял. Дома ещё три распечатки, у юриста файл. Можно порвать этот экземпляр, и напечатают следующий. Юридически конверт пустой.

ИРИНА. Тогда убери пустой конверт со стола.

СЕРГЕЙ. В чемодане он помнётся.

ИРИНА. Серёж, убери его, пожалуйста.

СЕРГЕЙ. Ира, здесь на него ничего не прольют. Когда принесут воду, я переставлю.

Он закрывает чемодан и ставит его на колёса. Конверт остаётся на столе.

ИРИНА. Мы договаривались не обсуждать это до возвращения.

СЕРГЕЙ. Мы договаривались не пересматривать решение. Проверить текст – не значит пересмотреть решение. Это как с проектом: отдельно решают, строить или не строить, отдельно проверяют, не перепутаны ли трубы. Простыми словами, вопрос уже решён, осталось выловить опечатки.

ИРИНА. Ты даже это объясняешь как свою котельную.

СЕРГЕЙ. Я объясняю разницу между решением и бумагой.

ИРИНА. Я эту разницу знаю.
СЕРГЕЙ. Отлично.
ИРИНА. Не говори «отлично» так, будто закрыл замечание заказчика.
СЕРГЕЙ. Хорошо.
ИРИНА. И «хорошо» так не говори.
СЕРГЕЙ. Принято.
Ирина смотрит на него. Сергей поправляет ручку чемодана.
ИРИНА. Вот это уже специально.
СЕРГЕЙ. Нет. Просто из трёх вариантов этот был нейтральный.
Пауза. Ирина садится на край одного лежака. Сергей начинает передвигать второй, чтобы поставить рядом.
ИРИНА. Не надо.
СЕРГЕЙ. Здесь проход. Если поставить ближе к стене, персоналу будет удобнее.
ИРИНА. Оставь, пожалуйста, как было.
СЕРГЕЙ. Тебе всегда нравилось у парапета.
ИРИНА. Это не значит, что меня надо туда переставлять вместе с лежаком.
Сергей возвращает лежак точно на прежнее место.
СЕРГЕЙ. Так.
ИРИНА. Спасибо.
СЕРГЕЙ. Пожалуйста.
Они сидят на разных лежаках. Между ними стол с жёлтым конвертом.
ИРИНА. Давай ещё раз зафиксируем наш договор.
СЕРГЕЙ. Мы его зафиксировали дома.
ИРИНА. Я знаю. Я уточняю.
СЕРГЕЙ. Тогда уточняй.
ИРИНА. Две недели мы живём по-человечески. Без сцен. Без выяснения отношений. Не посвящаем персонал. Не изображаем счастье, но и не ходим друг мимо друга, как незнакомые люди.
СЕРГЕЙ. Именно так мы и договорились.
ИРИНА. Я ещё не закончила.
СЕРГЕЙ. Я слушаю.
ИРИНА. Мы не портим Кате подарок.
СЕРГЕЙ. Не портим.
ИРИНА. Она подарила нам эту путёвку на двадцатилетие. Из своих денег. Всё лето работала. Она думает, что отправила родителей в

Стамбул отмечать двадцать лет свадьбы, а не репетировать цивилизованный развод на фоне Босфора.
СЕРГЕЙ. Поэтому всё будет нормально.
ИРИНА. «Нормально» – это не слишком убедительно для юбилейной поездки.
СЕРГЕЙ. Двадцать лет никуда не делись. Их необязательно праздновать, чтобы признать, что они были.
ИРИНА. Сейчас будет лекция про календарь.
СЕРГЕЙ. Не будет.
ИРИНА. Хорошо. Фиксирую: календаря не будет.
СЕРГЕЙ. После возвращения всё остаётся по договорённости. Третьего сентября, в одиннадцать утра, мы идём к нотариусу. Удостоверяем соглашение по квартире. Сам развод – отдельная процедура и отдельная дата.
ИРИНА. Я помню дату.
СЕРГЕЙ. Я знаю. Так спокойнее, когда порядок проговорён.
ИРИНА. Кому спокойнее?
СЕРГЕЙ. Обоим. У нас нет спора. Так и в тексте написано: между сторонами спора не имеется. Чем меньше неопределённости, тем меньше причин ссориться.
ИРИНА. Уточняю. До возвращения мы не «стороны»?
СЕРГЕЙ. Мы не «стороны». Мы – люди, которые проводят здесь две недели и не портят дочери подарок.
ИРИНА. По-человечески.
СЕРГЕЙ. По-человечески.
Пауза. Они одновременно смотрят на жёлтый конверт.
ИРИНА. Он всё ещё на столе.
СЕРГЕЙ. Он ничего не решает.
ИРИНА. Я помню.
Из служебного выхода появляется ЭРКАН. Он беззвучно выкатывает сервировочную тележку. На ней – ведёрко со льдом и бутылкой воды, вторая бутылка без льда, два высоких стакана. Эркан останавливает тележку у стола.
ЭРКАН. Буйрун. Добрый вечер, господин Панин, госпожа Панина. Номер пятьсот двенадцать, пятый этаж, окна на восток. Прошу вас располагаться. Вода холодная, вода комнатной температуры. После дороги рекомендуют воду комнатной температуры, но рекомендация не является обязательной.
ИРИНА. Нам достаточно одной бутылки.

ЭРКАН. Разумеется. Вторая останется закрытой на случай, если одной окажется недостаточно.
СЕРГЕЙ. Холодную лучше поставить справа. От ведёрка на ней будет вода, конверт намокнет.
ИРИНА. Он пустой.
ЭРКАН. Я могу поставить ведёрко на тележке, а стаканы на столе. Тогда документ останется сухим, и вода будет рядом.
СЕРГЕЙ. Так рациональнее.
ИРИНА. Конечно.
Эркан безупречно исполняет сказанное. Наливает воду в два высоких стакана.
ЭРКАН. Ваш первый вечер. Если дорога утомила вас, лёгкий ужин может быть подан здесь или в номер.
ИРИНА. Мы не будем ужинать.
ЭРКАН. Я вас понимаю полностью. Тогда я могу принести фрукты. Они не считаются ужином и не требуют сервировки.
ИРИНА. Спасибо. Ничего не нужно.
ЭРКАН. Это будет исполнено. Сегодня ветер с юга, вечер будет тёплым до самой ночи.
Он собирается откатить тележку, но вдруг смотрит поверх зрительного зала вправо. Останавливается.
ЭРКАН. И посмотрите, пожалуйста, направо. Лейлек.
ИРИНА. Что?
ЭРКАН. Аисты. Прямо над правым краем террасы. Один выше, два ниже. Сейчас нижние войдут в широкий круг.
Ирина и Сергей подходят к парапету. Смотрят поверх голов зрителей вправо.
ЭРКАН. Вот, пожалуйста. Белый, большой, идёт к проливу. А второй поднялся над ним. Видите, они почти не двигают крыльями. Вам очень повезло. Они бывают не каждый день.
Ирина долго смотрит туда, куда показал Эркан.
ИРИНА. Красиво.
СЕРГЕЙ. Это тёплый воздух. Они на нём висят.
ИРИНА. Я поняла.
СЕРГЕЙ. Я просто сказал.
ЭРКАН. Сегодня город очень тёплый. Для первого вечера это прекрасная удача.

Сергей и Ирина продолжают смотреть в зал. На несколько секунд они стоят рядом. Эркан осторожно откатывает тележку к служебному выходу.
ЭРКАН. Вода останется здесь. Если потребуется что-либо ещё, я буду у стойки.
Он доходит до двери, оборачивается и снова показывает вправо, поверх зрительного зала.
ЭРКАН. И после заката посмотрите направо ещё раз, пожалуйста. Аисты сегодня идут низко, с террасы их особенно хорошо видно.
Эркан уходит. Ирина ещё смотрит вправо, затем переводит взгляд на закрывшуюся дверь.
ИРИНА. Он это всем говорит?
Затемнение.

Сцена 2. Двенадцать раз в день

Утро второго дня.
Та же терраса. Ранний свет. Полотенце на парапете свешивается в ту же сторону. На столе – завтрак на двоих и жёлтый конверт, отодвинутый к самому краю. Ирина сидит за столом. Второе место пустует.
Эркан работает за барной стойкой. Гульнара стоит у парапета. Перед ней на парапете – чашка.
ЭРКАН. Госпожа Гульнара, ваш кофе без сахара. Как обычно.
ГУЛЬНАРА. Спасибо.
ЭРКАН. Госпожа Панина, для господина Панина я могу принести новый кофе. Этот остыл.
ИРИНА. Он ушёл за другим.
ЭРКАН. Я понимаю полностью. Тогда этот я уберу, чтобы возвращение господина Панина не начиналось с остывшего кофе.
ИРИНА. Пусть стоит. Когда вернётся, прочитает лекцию, почему именно этот кофе уже нельзя пить.
ЭРКАН. Разумеется.
Эркан оставляет чашку. Смотрит поверх зрительного зала влево и сразу выходит из-за стойки.

ЭРКАН. Госпожа Панина, посмотрите, пожалуйста, левее. Лейлек. Два аиста над дальним берегом. Один идёт ровно, второй ниже и сейчас поднимется к нему.

Ирина неохотно оборачивается, но тут же встаёт и подходит к парапету.

ИРИНА. Где?

ЭРКАН. Над светлой крышей. Теперь выше. Видите, верхний повернул и показал белое крыло. А нижний вошёл ему под крыло, как будто они летят одной большой птицей.

ИРИНА. Вижу.

ЭРКАН. Ваше первое утро начинается очень удачно.

ИРИНА. Вчера у нас и вечер начался удачно.

ЭРКАН. Тогда удача продолжается. Это ещё лучше.

Эркан возвращается к стойке. Ирина ещё несколько секунд смотрит в зал, затем садится. Гульнара берёт чашку с парапета.

ГУЛЬНАРА. Он вчера тоже вам их показывал?

ИРИНА. Дважды.

ГУЛЬНАРА. Сегодня уже один раз. К вечеру будет двенадцать.

ИРИНА. Двенадцать напоминаний, что нам повезло.

ГУЛЬНАРА. Если человеку нужно напоминать, значит, всё хорошо организовано.

ИРИНА. Вы давно здесь?

ГУЛЬНАРА. Четыре дня. В этом году.

ИРИНА. А не в этом?

ГУЛЬНАРА. Седьмой раз приехала.

ИРИНА. Одна?

ГУЛЬНАРА. Да.

Ирина ждёт продолжения. Гульнара пьёт кофе.

ИРИНА. Простите. Это был профессиональный вопрос.

ГУЛЬНАРА. Кем вы работаете?

ИРИНА. В турагентстве.

ГУЛЬНАРА. Тогда ответ для вашей формы: одна. Не «пока одна» и не «к сожалению». Просто одна.

ИРИНА. Я не это хотела сказать.

ГУЛЬНАРА. А я это ответила.

Пауза. Ирина берёт чашку Сергея, пробует ладонью её бок и ставит обратно.

ИРИНА. Можете всё-таки убрать.

ЭРКАН. Разумеется.

Эркан уносит остывшую чашку за стойку.
ИРИНА. А в первый раз было страшно?
ГУЛЬНАРА. Неудобно. Страшно – это другое.
ИРИНА. Что именно неудобно?
ГУЛЬНАРА. Заходить в зал, где столы на двоих. Первые два дня я завтракала в номере.
ИРИНА. А на третий?
ГУЛЬНАРА. На третий проголодалась.
Ирина коротко смеётся.
ИРИНА. Я пятнадцать лет отправляю людей одних. Оформляю, объясняю, встречаю по возвращении. Сама ни разу.
ГУЛЬНАРА. Вы и сейчас не одна.
ИРИНА. Не одна.
Пауза.
ИРИНА. Сейчас по рабочему сценарию я должна спросить, что вы рекомендуете посмотреть в Стамбуле.
ГУЛЬНАРА. Ничего. Я приехала не смотреть.
ИРИНА. А зачем?
ГУЛЬНАРА. Завтракать. Спать. Не отвечать на вопросы.
ИРИНА. Принято.
Гульнара смотрит на неё.
ИРИНА. Это выученное. Не считается вопросом.
Эркан снова смотрит поверх зала, теперь вправо. Берёт со стойки чистую салфетку, подходит к столу и поправляет её рядом с тарелкой Ирины.
ЭРКАН. И ещё один, госпожа Панина. Теперь справа, над самым краем террасы. Он идёт ниже первых. Пожалуйста, посмотрите сейчас, пока он не вошёл в свет.
ИРИНА. Второй раз за один завтрак.
ГУЛЬНАРА. Значит, будет больше двенадцати.
Ирина всё-таки подходит к парапету. Эркан показывает поверх голов зрителей.
ЭРКАН. Видите, крылья совсем неподвижны. Только концы перьев дрожат. Сейчас он сделает широкий круг и окажется прямо перед нами.
Звонит телефон Ирины. Она достаёт его.
ИРИНА. Катя?
Ирина отходит от парапета и отвечает. В это же время Гульнара прослеживает взглядом невидимую птицу.

ИРИНА. Да, я слушаю, говори.
Гульнара негромко говорит Эркану, продолжая смотреть в зал. Ирина занята звонком и не слышит.
ГУЛЬНАРА. Они не машут. Они катаются на тёплом воздухе. Мне так объяснили здесь позапрошлым летом.
ЭРКАН. У нас объясняют одинаково.
ГУЛЬНАРА. Я заметила.
Эркан без слов складывает салфетку. Ирина наклоняется к телефону.
ИРИНА. Хорошо, включаю громкую связь.
Ирина включает громкую связь и кладёт телефон на стол рядом с жёлтым конвертом.
ИРИНА. Ты на громкой. Только папа ушёл за кофе.
КАТЯ. Как ушёл? Вы же вместе.
ИРИНА. Мы в одном отеле. Папа внизу.
КАТЯ. Позови его.
ИРИНА. Он внизу. Я не буду кричать через семь этажей.
КАТЯ. Тогда я перезвоню.
ИРИНА. Ты можешь сказать мне. Я передам дословно.
КАТЯ. Нет. Ты передашь дословно, а папа объяснит, что я имела в виду.
ИРИНА. По твоему запросу могу передать без комментариев.
КАТЯ. Мам.
ИРИНА. Я слушаю.
КАТЯ. Нет, ты сейчас оформляешь путевку. Мне надо, чтобы вы оба слушали.
ИРИНА. Уточняю. Это плохая новость?
КАТЯ. Я не отвечу на проверочный вопрос.
ИРИНА. Значит, ты научилась.
КАТЯ. Именно поэтому мне нужны вы оба.
В двери появляется Сергей с двумя чашками кофе. Ирина сидит к нему спиной и не замечает его.
ИРИНА. Папа вернётся, и мы тебе позвоним.
КАТЯ. Тогда потом. Мне нужны оба, иначе это будет пересказ.
Связь обрывается. Сергей ставит чашки на стойку.
СЕРГЕЙ. Значит, она хочет, чтобы мы были вместе.
Ирина оборачивается.
ИРИНА. Ты уже здесь.
СЕРГЕЙ. Я услышал последнее. Ей нужны оба.
ИРИНА. У телефона.

СЕРГЕЙ. Телефону всё равно, один человек рядом или два. Если ей нужна именно пара, дело не в передаче информации.
ИРИНА. Сейчас ты скажешь, что она хочет нас помирить.
СЕРГЕЙ. Я не сказал «помирить». Я сказал: ей нужны оба.
ИРИНА. Она хочет сообщить новость обоим родителям. Одновременно. Это вся доступная информация.
СЕРГЕЙ. Если новость только про неё, достаточно того, кто поднял трубку. Потом второй узнает.
ИРИНА. Она как раз не хочет, чтобы второй узнавал в пересказе.
СЕРГЕЙ. Потому что пересказ меняет смысл. Значит, смысл касается нас обоих.
ИРИНА. Ты построил вывод из слова «оба».
СЕРГЕЙ. Не из слова. Из устройства разговора.
Сергей берёт обе чашки и несёт их к столу. Одну ставит перед Ириной, вторую – на пустое место. Сдвигает жёлтый конверт, чтобы чашки стояли симметрично.
ИРИНА. Ты даже не знаешь, что она хотела сказать.
СЕРГЕЙ. Она хотела, чтобы мы услышали это вместе. Этого пока достаточно.
Сергей садится. Ирина остаётся стоять. Между ними – две одинаковые чашки и жёлтый конверт.
ИРИНА. Пока достаточно.
Ирина садится. Берёт свою чашку, пробует и ставит обратно.
СЕРГЕЙ. Остыл?
ИРИНА. Нет.
Гульнара, не оборачиваясь от парапета.
ГУЛЬНАРА. Сахар на стойке.
ИРИНА. Спасибо. Не надо.
ГУЛЬНАРА. Как хотите.
СЕРГЕЙ. Внизу не спрашивают. Наливают и всё.
ГУЛЬНАРА. Спрашивают. Если попросить.
СЕРГЕЙ. Я заказал два одинаковых. Так быстрее.
ГУЛЬНАРА. Разумеется.
Пауза. Ирина отодвигает чашку.
ИРИНА. Я пойду вниз. Хочу дойти до воды.
СЕРГЕЙ. Сейчас будет жарко. После обеда тень переходит на ту сторону, идти легче.
ИРИНА. Я знаю, что легче. Я хочу сейчас.
СЕРГЕЙ. Тогда я допью и догоню.

ИРИНА. Догоняй.

Ирина уходит к лестнице. Сергей остаётся за столом с двумя чашками и жёлтым конвертом. Допивает свой кофе. Потом встаёт, идёт к стойке. Эркан молча подаёт ему сахарницу. Сергей возвращается, кладёт в чашку Ирины две ложки сахара, размешивает и ставит чашку точно на её место. Возвращает сахарницу и уходит к лестнице.

Полная чашка остаётся на столе. Гульнара смотрит на неё.

ГУЛЬНАРА. Эркан.

ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.

ГУЛЬНАРА. А вы помните, что я пью?

ЭРКАН. Кофе без сахара. Как обычно.

ГУЛЬНАРА. «Как обычно». Вы это говорите четвёртый год, а до вас говорили другие. А я тридцать лет пила с сахаром. Две ложки, а если ложка маленькая – три. У меня в столе на работе стояла собственная сахарница, потому что общую вечно кто-нибудь высыпáл в чай. Я бухгалтер, ЭРКАН. Я считаю всё, включая ложки. Двадцать одна тысяча ложек за тридцать лет, если по две в день и не считать выходные.

ЭРКАН. Я могу принести сахар.

ГУЛЬНАРА. Не надо. Я объясняю, откуда взялось ваше «как обычно». В самый первый заезд заказывали один раз, за столом, на двоих. Ему без сахара. Мне было лень договаривать вторую половину фразы, и я сказала: «Нам два одинаковых». Официант принёс два без сахара, и я выпила, потому что кофе уже налили, а человек уже отошёл. На следующее утро я сказала: «Как вчера». На третье мне принесли без сахара и не спросили. Так и живём двадцать девять лет, из них семь – в этом отеле, из них четыре – при вас.

ЭРКАН. Я исправлю в карточке.

ГУЛЬНАРА. Не исправляйте. Мне теперь так нравится.

Пауза.

ГУЛЬНАРА. Вот это и есть самое неприятное. Мне действительно так нравится.

ЭРКАН. Тогда – как обычно.

ГУЛЬНАРА. Как обычно.

Затемнение.

Сцена 3. Свободная комната

День третьего дня.
Раннее утро. На террасе только Эркан за стойкой. Гульнара стоит у парапета с чашкой. Гостей ещё нет.
ГУЛЬНАРА. Эркан.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. «Как обычно» – это не про меня. Это про карточку.
ЭРКАН. Простите?
ГУЛЬНАРА. У вас на каждого гостя карточка. Что он пьёт, во сколько встаёт, какую подушку просил в позапрошлом году. Вы её открываете раньше, чем видите человека.
ЭРКАН. Это называется история гостя.
ГУЛЬНАРА. История. Хорошее слово. У меня в бухгалтерии это называлось карточка счёта. Открываешь – и там всё, аккуратно, по датам, и ни одного слова о том, почему.
ЭРКАН. В карточке гостя графы «почему» тоже нет.
ГУЛЬНАРА. Вот именно. Там написано: седьмой заезд, те же числа, размещение двухместное, кофе без сахара. И всё сходится. Баланс идеальный.
ЭРКАН. Ваша карточка ведётся правильно.
ГУЛЬНАРА. Я и не спорю. Я говорю: правильно. Я в этой карточке до сих пор во множественном числе.
ЭРКАН. Карточки гостей мы храним бессрочно.
ГУЛЬНАРА. А мы хранили пять лет. Потом уничтожали.
ЭРКАН. Выбрасывали?
ГУЛЬНАРА. Выбросить нельзя. Уничтожают комиссией: три человека, опись, акт, подписи. Иначе бумага считается существующей. Хоть в мешок её сложи, хоть в шредер – если нет акта и свидетелей, документ живой.
ЭРКАН. Это сложный порядок.
ГУЛЬНАРА. Это единственный разумный порядок в моей отрасли. Тридцать лет я уничтожала чужие бумаги по всем правилам. Своих – ни одной.
Гульнара уходит к лежакам. Свет полный.
Та же терраса. Дневной зной. Полотенце на парапете – в ту же сторону. На столе – бутылка воды, два стакана и жёлтый конверт.

Ирина сидит за столом. Сергей стоит у парапета, глядя поверх зрительного зала. Гульнара устроилась на одном из лежаков.
Из служебного выхода появляется Эркан с планшетом-папкой. Подходит к столу.
ЭРКАН. Господин Панин, госпожа Панина, сегодня третий день вашего пребывания. Мне необходимо сообщить об изменении размещения.
ИРИНА. Что случилось?
ЭРКАН. На стояке над вашим номером лопнул фитинг. Простыми словами, соединение на трубе не удержало воду. Сейчас вода поступает на перекрытие над номером пятьсот двенадцать.
СЕРГЕЙ. Если вода уже на перекрытии, соединение не просто не удержало. Его либо разорвало по резьбе, либо сорвало из-за давления.
ЭРКАН. Инженер отеля написал: «Фитинг лопнул». Я передаю его формулировку полностью.
СЕРГЕЙ. Тогда понятно.
ИРИНА. Уточняю. У нас течёт потолок?
ЭРКАН. Пока нет. Но гостиница не будет ждать, когда ответ станет положительным.
ИРИНА. Это разумно.
ЭРКАН. Поэтому мы переселяем вас из номера пятьсот двенадцать в номер семьсот четыре. Он освободился сегодня утром, уборка закончена, доплаты не будет. Когда ваш чемодан будет собран, сотрудники перенесут его и все вещи, которые вы разрешите переносить.
СЕРГЕЙ. Седьмой этаж сильнее нагревается от крыши.
ЭРКАН. Кондиционирование в номере семьсот четыре проверено дважды. Оба раза оно работало правильно.
ИРИНА. А в третий раз?
ЭРКАН. Третья проверка будет исполнена по вашему пожеланию.
ИРИНА. Нет. Двух достаточно.
ЭРКАН. Тогда третьей проверки не будет.
Гульнара приподнимается на лежаке.
ГУЛЬНАРА. Из пятьсот двенадцатого в семьсот четвёртый?
ЭРКАН. Да, госпожа Гульнара.
ГУЛЬНАРА. Меня позапрошлым летом переселяли ровно так же. Пятый этаж залило, дали семьсот четвёртый. Этот стояк течёт раз в два года.

ЭРКАН. В позапрошлом году причиной была соединительная муфта. Сегодня причиной является фитинг. Техническая служба считает это разными происшествиями.
ГУЛЬНАРА. А постоялец мокнет одинаково.
ЭРКАН. Вы не промокли тогда, госпожа Гульнара. И господин и госпожа Панины не промокнут сегодня. Для этого переселение производится заранее.
ГУЛЬНАРА. Хороший ответ.
ЭРКАН. Благодарю вас.
СЕРГЕЙ. Муфта и фитинг действительно не одно и то же.
ИРИНА. Сергей, поверь, никто в этом не сомневался.
СЕРГЕЙ. Гульнара сказала, что стояк течёт раз в два года. Я объяснил, почему отель не считает это одной неисправностью.
ГУЛЬНАРА. Отель уже объяснил.
СЕРГЕЙ. Я уточнил техническую часть.
ИРИНА. Конечно.
Эркан берёт со стола бутылку и переставляет её дальше от жёлтого конверта.
ЭРКАН. Документы сотрудники не переносят без отдельного разрешения.
СЕРГЕЙ. Конверт я понесу сам.
ИРИНА. Это не документ. Это проект документа.
СЕРГЕЙ. И он ничего не решает.
Гульнара прячет усмешку.
ЭРКАН. Тогда проект документа господин Панин перенесёт сам. Остальные вещи будут доставлены в номер семьсот четыре.
ИРИНА. Спасибо.
ЭРКАН. Это будет исполнено.
Эркан закрывает планшет-папку, но не уходит. Смотрит поверх зрительного зала, чуть левее центра.
ЭРКАН. И прежде чем вы спуститесь, посмотрите, пожалуйста. Лейлек. Один аист прямо над светлым куполом. Сейчас он повернёт к террасе.
Сергей сразу переводит взгляд туда, куда показывает Эркан. Ирина остаётся за столом.
ЭРКАН. Выше, госпожа Панина. Он вошёл в широкий круг. Видите, белая спина вспыхнула на солнце, а концы крыльев тёмные.
Ирина встаёт и подходит к парапету.
ИРИНА. Почему он кружит на одном месте?

СЕРГЕЙ. Смотри, что происходит. Город за день набирает тепло: камень, крыши, асфальт. К обеду он отдаёт это тепло вверх, и получается невидимая труба. Птица заходит в такую трубу, воздух поднимает её, поэтому можно не махать крыльями. Ей идти до Африки, она экономит силы.
ГУЛЬНАРА. Кому идти?
СЕРГЕЙ. Аисту.
ГУЛЬНАРА. А.
ИРИНА. В первый вечер лекция была короче.
СЕРГЕЙ. Тогда я сказал, что они висят на тёплом воздухе. Это был результат. Сейчас я объяснил устройство.
ГУЛЬНАРА. Устройство совпадает. Мне здесь объясняли так же.
ЭРКАН. Сегодня ветер снова с юга.
СЕРГЕЙ. Третий день с юга.
ЭРКАН. Да, господин Панин. Пожалуйста, посмотрите правее: над ним появился второй.
Все четверо смотрят в зал.
ЭРКАН. Первый поднимается. Второй остаётся ниже. Сейчас они разойдутся.
Пауза.
ИРИНА. Разошлись.
СЕРГЕЙ. Они просто попали в разные потоки.
ИРИНА. Я знаю. Ты же объяснил устройство.
ЭРКАН. Я буду у стойки. Когда вы соберете чемодан, достаточно сообщить мне. Переезд в семьсот четыре будет исполнен без вашего участия. Комната пустая, там все приготовлено для вас.
Эркан отходит к барной стойке и начинает расставлять чистые стаканы. Гульнара остаётся у парапета. Ирина возвращается к столу.
СЕРГЕЙ. Катина комната тоже почти всё время стоит пустая.
ИРИНА. Что?
СЕРГЕЙ. Я говорю, что человек может числиться за комнатой и не пользоваться ею. Катя год живёт в другом городе. Сейчас начнётся второй курс. Дома она бывает только на каникулах.
ИРИНА. Она как-то приезжала и на длинные выходные. Поэтому Катина комната не «числится». Это её комната.
СЕРГЕЙ. Я не предлагаю её отнимать. Наоборот, ничего переделывать не надо. Я раньше думал убрать стеллаж, перенести письменный стол к окну и сделать нормальное рабочее место. Теперь это лишнее.

ИРИНА. Почему?
СЕРГЕЙ. Ремонт там хороший. Стены нейтральные. Окно меняли три года назад. Если назначение комнаты изменится, всё основное уже подходит.
ИРИНА. Какое ещё назначение?
СЕРГЕЙ. Первое время отдельная комната вообще не обязательна. Но потом двенадцати метров достаточно. Кровать Кати можно оставить, а стеллаж убрать позже, когда понадобится место.
ИРИНА. Кому понадобится место?
СЕРГЕЙ. Рядом с домом открылся детский садик. В соседнем дворе, без перехода через большую дорогу. Пешком семь минут, если идти с коляской, – немного больше.
Ирина медленно садится.
ИРИНА. С коляской.
СЕРГЕЙ. Там удобный спуск с тротуара. Я посмотрел.
ИРИНА. Зачем ты смотрел дорогу до детского садика?
СЕРГЕЙ. Чтобы понимать все условия. Когда есть свободная комната, детский садик рядом и обычный рабочий график, бытовая часть решается проще, чем кажется.
ИРИНА. Уточняю. У нас есть ребёнок, о котором я не знаю?
СЕРГЕЙ. Сейчас нет.
ИРИНА. А потом?
СЕРГЕЙ. Для «потом» есть все условия.
Пауза.
ИРИНА. Сейчас ты должен сказать, что мне ещё не поздно второй раз стать матерью.
СЕРГЕЙ. Тебе ещё не поздно. Сейчас многие рожают в таком возрасте. Это не исключение и не чрезвычайная ситуация.
ИРИНА. Спасибо за справку.
СЕРГЕЙ. Я не справку даю. Я говорю, что объективных препятствий нет.
ИРИНА. Кроме третьего сентября. В одиннадцать часов у нотариуса.
СЕРГЕЙ. Третье сентября – дата конкретного действия. Если исходные условия меняются, действие можно пересмотреть. Это нормальный порядок.
ИРИНА. Исходные условия изменились?
СЕРГЕЙ. Ты в первый вечер спросила, говорит ли Эркан про аистов всем. Вчера за завтраком дважды вставала смотреть на аистов. Вчера Катя сказала, что ей нужны мы оба. Отдельно каждую вещь можно

объяснить случайностью. Вместе они складываются в понятную конструкцию.
ИРИНА. Какую конструкцию?
СЕРГЕЙ. С аистом, пустой комнатой, детским садиком и коляской.
ИРИНА. Ты всё уже решил за меня.
СЕРГЕЙ. Я не решил. Я просто показываю, что это возможно.
ИРИНА. Уточняю. Ты решил удержать меня ребёнком?
СЕРГЕЙ. Ребёнком нельзя удержать человека. Я говорю о другом: если ты хочешь изменить решение, не нужно делать вид, что причина только в пустой комнате или в аистах.
ИРИНА. Я не говорила, что хочу изменить решение.
СЕРГЕЙ. Ты не говорила.
ИРИНА. Я не говорила, что хочу ребёнка.
СЕРГЕЙ. Именно.
ИРИНА. Что именно?
СЕРГЕЙ. Я понимаю, что тебе неловко. Поэтому и начал с практического. Комната есть. Садик есть. По деньгам это посильно. Рабочий график можно распределить. Ира, я всё посчитал.
Ирина встаёт.
ИРИНА. Я тоже умею считать, Серёж. Мне сорок пять. Значит, рожать в сорок шесть, и это если сразу. Первый класс – мне пятьдесят три, тебе пятьдесят пять. Институт – мне шестьдесят четыре.
СЕРГЕЙ. Это рабочие цифры. Сейчас так живут многие.
ИРИНА. Я не спорю с цифрами. Я спрашиваю, в каком они пункте.
СЕРГЕЙ. В каком пункте что?
ИРИНА. Я. Комната, садик, дорога, спуск с тротуара, деньги, мой рабочий график. В каком пункте я?
Пауза.
СЕРГЕЙ. Ты во всех.
ИРИНА. Это не пункт.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Я не понимаю, что ты хочешь услышать.
ИРИНА. Вопрос.
СЕРГЕЙ. Какой?
ИРИНА. Любой. Ты за двадцать минут не задал ни одного.
Долгая пауза.
СЕРГЕЙ. Ты хочешь ребёнка?
Ирина не отвечает.
СЕРГЕЙ. Ты не отвечаешь.

ИРИНА. Я думаю. Ты первый раз спросил, я первый раз думаю.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Я знал, что ты так ответишь.
ИРИНА. Конечно, знал.
Пауза.
ИРИНА. Пойдём. Нам ещё комнату освобождать.
Ирина и Сергей направляются к лестнице, на полпути Сергей возвращается и забирает жёлтый конверт со столика. Панины спускаются к себе. Гульнара складывает вещи в пляжную сумку. Эркан убирает со столика стаканы.
ГУЛЬНАРА. Позапрошлым летом меня переселяли на этот же седьмой этаж. Пришли трое, очень вежливые, и сказали слово в слово то же, что вы сегодня: сотрудники перенесут все вещи, которые вы разрешите переносить.
ЭРКАН. Формулировка не менялась.
ГУЛЬНАРА. Формулировка прекрасная. Я стояла в коридоре и решала, что я разрешаю переносить. Оказалось – всё. Совершенно всё. Мне нечего было прятать от троих мужчин с тележкой.
ЭРКАН. Это обычная ситуация.
ГУЛЬНАРА. Не обычная. Обычная – это когда говоришь: «Вот эту сумку я понесу сама». А я стояла и не могла вспомнить, какая из них моя личная. Они все были мои.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Они управились за одиннадцать минут. Я засекала. Одиннадцать минут – и семь лет августа переехали на два этажа выше.
ЭРКАН. Обычно уходит пятнадцать.
ГУЛЬНАРА. Значит, у меня меньше вещей.
Она застёгивает сумку.
ГУЛЬНАРА. Всё поместилось в один чемодан, Эркан. И осталось место.
ЭРКАН. Вы путешествуете налегке.
ГУЛЬНАРА. Я путешествую наполовину.
ЭРКАН. В вашем номере тоже большой шкаф. У вас наверняка остались свободные полки.
ГУЛЬНАРА. Они везде остаются. И в шкафу, и в чемодане.
ЭРКАН. Пустое пространство ничего не весит. В аэропорту за него не нужно доплачивать.
ГУЛЬНАРА. Вы правы, Эркан. За пустоту не доплачивают. Пустотой расплачиваются.

Затемнение.

Сцена 4. Уточняю

Вечер четвёртого дня.
День. Эркан раскладывает салфетки. Гульнара сидит на краю лежака. Панины ещё внизу.
ГУЛЬНАРА. Эркан.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. За пустое место надо платить.
ЭРКАН. Простите?
ГУЛЬНАРА. Одноместное размещение. Человек один, а платит не половину.
ЭРКАН. Доплата за одноместное размещение действительно существует.
ГУЛЬНАРА. Существует. И устроена так, что дешевле забронировать двухместный на двоих, чем одноместный на одного. Я считала. Разница четырнадцать процентов.
ЭРКАН. У вас двухместное размещение.
ГУЛЬНАРА. У меня двухместное размещение. Второй гость просто не приезжает.
ЭРКАН. Это допускается.
ГУЛЬНАРА. Ещё бы не допускалось. Отель получил за двоих и кормит одну. Вы на мне зарабатываете, Эркан.
ЭРКАН. Завтрак включён по числу гостей в брони.
ГУЛЬНАРА. Вот и я о том. Мне полагается два завтрака.
ЭРКАН. Вы ни разу их не взяли.
ГУЛЬНАРА. Не взяла.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Так что я плачу за двоих. Это не сентиментальность. Это тариф.
Свет полный.
Та же терраса. Тёплый вечерний свет. Полотенце на парапете – в ту же сторону. На столе – бутылка воды, два стакана и жёлтый конверт. Ирина сидит за столом. Гульнара стоит у парапета. Эркан за барной стойкой складывает салфетки.

Эркан смотрит поверх зрительного зала, выходит из-за стойки и подходит к Ирине.

ЭРКАН. Госпожа Панина, посмотрите, пожалуйста, чуть левее. Лейлек. Один аист идёт прямо над проливом. Сейчас он повернётся, и солнце будет на белой стороне крыла.

Ирина оборачивается к залу, но не встаёт.

ЭРКАН. Вот он повернулся. Теперь поднимается. Сегодня снова ветер с юга, поэтому птица идёт ближе к воде.

ИРИНА. Эркан, можно я уточню?

ЭРКАН. Разумеется.

ИРИНА. В бронировании есть графа «особые условия».

ЭРКАН. Да.

ИРИНА. Гость указывает повод. Годовщина, предложение, день рождения. Иногда добавляет тему: цветы, музыка, вид из окна, какая-нибудь местная деталь. Отель подтверждает, что может встроить эту деталь в обслуживание.

ЭРКАН. Всё верно.

ИРИНА. Персонал время от времени обращает на неё внимание. Так, чтобы это выглядело не как заказ, а как удачное совпадение.

ЭРКАН. Такая услуга существует.

ИРИНА. Сорок евро. Пожелание в бронь, графа «особые условия», сорок евро. Я это продаю по восемь раз на дню.

ЭРКАН. В нашем отеле стоимость также составляет сорок евро за всё пребывание.

ИРИНА. По нашему бронированию она есть?

Эркан открывает планшет-папку.

ЭРКАН. Я прочитаю служебную отметку вслух. «Номер семьсот четыре. Дополнительное пожелание оплачено полностью».

ИРИНА. Кто заказал?

ЭРКАН. В строке заказчик не указан. Указан номер.

ИРИНА. Понятно.

ЭРКАН. Если исполнение кажется вам недостаточным, я могу увеличить частоту внимания.

ИРИНА. Не надо. Частота достаточная.

ЭРКАН. Тогда она останется прежней.

Эркан закрывает планшет-папку. Гульнара поворачивается от парапета.

ГУЛЬНАРА. Он сказал: заказчик не указан.

ИРИНА. В номере живут двое. Я не заказывала.

ГУЛЬНАРА. Это ответ на другой вопрос.
ИРИНА. В моём случае уточнение избыточно.
ГУЛЬНАРА. Тогда не уточняйте.
ИРИНА. Я уточняю по работе.
ГУЛЬНАРА. Вы сейчас не на работе.
ИРИНА. Именно поэтому хочется понимать, что входит в стоимость.
ЭРКАН. Проживание, завтрак и пользование террасой входят в стоимость номера. Дополнительное пожелание оплачено отдельно.
ИРИНА. Спасибо. Теперь понимаю полностью.
ЭРКАН. Я рад, что вопрос разрешён.
ГУЛЬНАРА. Он не разрешён.
ЭРКАН. Тогда я готов продолжить разъяснение.
ГУЛЬНАРА. Не мне.
Эркан переводит взгляд на Ирину.
ИРИНА. Мне тоже не надо.
ЭРКАН. Это будет исполнено.
Гульнара подходит к служебному выходу.
ГУЛЬНАРА. Мой заказ готов?
ЭРКАН. Да, госпожа Гульнара. Я ожидал удобного момента, чтобы показать его вам перед тем, как убрать в холод.
ГУЛЬНАРА. Момент удобный.
Эркан открывает служебную дверь. За ней стоит сервировочная тележка. Гульнара берётся за ручку раньше него и сама выкатывает тележку на террасу. На ней – большой торт с крупными незажжёнными свечами.
ЭРКАН. Доставка к столу включена в заказ.
ГУЛЬНАРА. Я знаю. Я хочу сама.
ЭРКАН. Разумеется.
Гульнара ставит тележку рядом со своим лежаком и осматривает торт.
ИРИНА. Вам его прислали?
ГУЛЬНАРА. Нет.
ИРИНА. От кого он?
ГУЛЬНАРА. От кондитерской.
ИРИНА. Я имею в виду, кто заказал.
ГУЛЬНАРА. Я.
ИРИНА. Себе?
ГУЛЬНАРА. Себе.
ИРИНА. На день рождения?

ГУЛЬНАРА. Да.
ИРИНА. Со свечами.
ГУЛЬНАРА. Со свечами. Если ждать, пока кто-нибудь догадается, останешься без торта. Я заказала себе сама.
ИРИНА. И вас это не расстраивает?
ГУЛЬНАРА. Меня расстроило бы остаться без торта.
ИРИНА. Я не про торт.
ГУЛЬНАРА. А я про торт.
ИРИНА. Вы сказали: не надо ждать, пока кто-нибудь догадается.
ГУЛЬНАРА. Да.
ИРИНА. Значит, если хочешь внимания, надо заказать его самой.
ГУЛЬНАРА. Нет. Если хочешь торт, надо заказать торт. Внимание я не заказывала.
ИРИНА. Вы отдыхаете одна.
ГУЛЬНАРА. Да. Одна – не значит несчастная.
ИРИНА. Я не имела в виду, что вы страдаете.
ГУЛЬНАРА. Вы спросили, не расстраивает ли меня мой день рождения. Я ответила.
ИРИНА. Поняла.
ГУЛЬНАРА. Нет. Но на этом можно остановиться.
В двери на лестницу появляется Сергей. Он видит торт и останавливается.
СЕРГЕЙ. Значит, у кого-то день рождения.
ГУЛЬНАРА. У меня.
СЕРГЕЙ. Поздравляю.
ГУЛЬНАРА. Рано.
СЕРГЕЙ. Тогда поздравлю вовремя.
ГУЛЬНАРА. Лучше спросите, когда.
СЕРГЕЙ. Эркан знает.
ЭРКАН. Дата указана в заказе.
СЕРГЕЙ. Тем более.
Гульнара смотрит на него секунду дольше, чем нужно, и отворачивается к парапету.
ГУЛЬНАРА. Конечно.
Эркан берётся за тележку.
ЭРКАН. До нужного вечера торт будет храниться правильно. Свечи останутся с ним.
ГУЛЬНАРА. Хорошо.

Эркан начинает откатывать тележку к служебному выходу. Гульнара идёт рядом. Перед дверью Эркан снова смотрит поверх зрительного зала.

ЭРКАН. Господин Панин, сейчас второй аист вошёл в тот же круг. Пожалуйста, посмотрите левее первого.

Сергей подходит к парапету и смотрит в зал.

ИРИНА. Можно смотреть спокойно. Всё оплачено.

Сергей оборачивается к ней.

СЕРГЕЙ. Ты выяснила.

ИРИНА. Уточнила. Сорок евро. Особое пожелание по номеру семьсот четыре.

СЕРГЕЙ. Значит, ты всё-таки решила проверить.

ИРИНА. Я пятнадцать лет продаю чужие отпуска. Мне не надо проверять то, что я узнаю по первой реплике персонала.

СЕРГЕЙ. В первый вечер ты спросила, говорит ли он это всем.

ИРИНА. Теперь знаю, что не всем.

Эркан и Гульнара уходят через служебную дверь вместе с тележкой. Сергей остаётся у парапета. Ирина сидит за столом.

ИРИНА. Ты заказал.

Пауза. Сергей не отвечает.

ИРИНА. Сейчас ты скажешь, что важна не цена, а жест.

СЕРГЕЙ. Я этого не скажу.

ИРИНА. Потому что сорок евро – небольшая цена?

СЕРГЕЙ. Потому что ты сама знаешь, зачем это сделано.

ИРИНА. Чтобы я решила, что ты ещё умеешь замечать, куда я смотрю.

СЕРГЕЙ. Если ты так это называешь.

ИРИНА. Я никак это не называю. Очень удобно: Эркан говорит за тебя.

СЕРГЕЙ. Эркан говорит о птицах.

ИРИНА. Не объясняй устройство услуги. Я его знаю.

СЕРГЕЙ. Я не объясняю.

ИРИНА. Ты мог спросить, нужен ли мне вообще сюрприз.

СЕРГЕЙ. После того вечера, когда ты собрала вещи, было довольно ясно, какие сюрпризы тебе не нужны.

ИРИНА. Это был вечер, когда ты не спросил. Не вечер, когда я собрала вещи.

Пауза.

СЕРГЕЙ. Я не собирался обсуждать тот вечер здесь.

ИРИНА. Отлично. Фиксирую: не обсуждаем.
Сергей отходит от парапета. Останавливается у стола, но не садится.
ИРИНА. Уточняю. Ты хотел, чтобы я догадалась?
СЕРГЕЙ. Если всё объяснить, сюрприз перестанет быть сюрпризом.
ИРИНА. Он перестал им быть, когда я услышала цену.
СЕРГЕЙ. Я не хочу портить тебе сюрприз.
ИРИНА. Мой сюрприз.
СЕРГЕЙ. Именно.
ИРИНА. Поздно. Я уже всё поняла.
СЕРГЕЙ. Я тоже.
Ирина встаёт и уходит к лестнице. Сергей смотрит ей вслед, затем идёт за ней. На столе остаётся жёлтый конверт.
Служебная дверь открывается. Возвращаются Эркан и Гульнара. Тележки с тортом уже нет.
ГУЛЬНАРА. Вы видели, сколько там свечей?
ЭРКАН. Я не считал.
ГУЛЬНАРА. А я считала. Когда кондитерская принимала заказ, девушка спросила: «Сколько свечей ставить?» Это, между прочим, вежливый способ спросить возраст.
ЭРКАН. Обычно спрашивают число прямо.
ГУЛЬНАРА. Ваша девушка спросила изящно. Я подумала и сказала: поставьте столько, сколько поместится.
ЭРКАН. Сколько поместилось?
ГУЛЬНАРА. Двадцать четыре. Больше не влезает, торт круглый.
ЭРКАН. Я передам на кухню, что заказ исполнен правильно.
ГУЛЬНАРА. Передайте. И запишите себе где-нибудь: двадцать четыре свечи – это не мой возраст. Это диаметр.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Первые три года их считал другой человек. Он ставил ровно столько, сколько лет, и каждый год смеялся, что скоро придётся заказывать два торта.
ЭРКАН. Он был прав.
ГУЛЬНАРА. Он был прав. Но заказывать пришлось мне.
ЭРКАН. Заказ оформляется на имя основного гостя.
ГУЛЬНАРА. Я и оформила. Позвонила, назвала число и время. Как заказ такси.
ЭРКАН. Это стандартная процедура.

ГУЛЬНАРА. Стандартная. Только такси можно отменить. Можно сказать диспетчеру: я передумала, я никуда не еду.
ЭРКАН. Заказ из кондитерской тоже можно отменить.
ГУЛЬНАРА. Заказ можно. Торта не будет. А повод всё равно придёт. Свечей станет на одну больше, даже если их некуда ставить.
Затемнение.

Сцена 5. Третье сентября

Утро шестого дня.
Ещё до рассвета. Эркан за стойкой. Гульнара поднимается с лестницы, уже одетая.
ГУЛЬНАРА. Эркан.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. Вы когда-нибудь переносили дату рождения?
ЭРКАН. Это невозможно.
ГУЛЬНАРА. Именно. Единственное, что нельзя перенести. Всё остальное переносят. Рейсы переносят. Свадьбы переносят. Операции переносят, и, между прочим, чаще, чем свадьбы.
ЭРКАН. У нас переносят заезды.
ГУЛЬНАРА. И заезды. Я один раз перенесла. Четыре года назад. Позвонила и сказала: сдвиньте нам на неделю.
ЭРКАН. Мы сдвигаем без штрафа за месяц.
ГУЛЬНАРА. Я и сдвинула за месяц. Потом сдвинула обратно. Потом всё равно приехала в свои числа, потому что переносить было уже нечего.
ЭРКАН. Я вас понимаю полностью.
ГУЛЬНАРА. Не понимаете. Но отвечаете правильно.
Гульнара уходит вниз. Свет утренний.
Та же терраса. Мягкий утренний свет. Полотенце на парапете – в ту же сторону. На столе – жёлтый конверт, два пустых стакана и закрытая бутылка воды. Сергей один. Он сидит у стола, положив перед собой телефон. Несколько секунд смотрит на жёлтый конверт, затем берёт телефон и звонит.
СЕРГЕЙ. Доброе утро. Сергей Панин. У нас с Ириной Паниной запись на третье сентября, на одиннадцать утра.
Слушает.

СЕРГЕЙ. Да, вдвоём. Я хотел бы перенести запись.
Слушает.
СЕРГЕЙ. Не отменить. Именно перенести. Смотрите, что происходит: третьего сентября мы возвращаемся почти сразу после поездки. Формально времени достаточно, но между дорогой и нотариусом не остаётся нормального промежутка.
Слушает.
СЕРГЕЙ. Нет, рейс раньше. Я говорю не про опоздание. Я говорю про запас.
Слушает.
СЕРГЕЙ. На октябрь. На первую свободную дату в октябре, когда вы сможете принять нас обоих в одиннадцать.
Слушает. Сергей берёт жёлтый конверт, выравнивает его по краю стола.
СЕРГЕЙ. Восьмого октября, одиннадцать утра. Подходит.
Слушает.
СЕРГЕЙ. Ирине я сообщу сам. Да. Тогда повторю: прежняя запись – третьего сентября, одиннадцать утра – снята. Новая – восьмого октября, одиннадцать утра.
Слушает.
СЕРГЕЙ. Благодарю.
Он завершает разговор, но телефон из руки не выпускает.
СЕРГЕЙ. Не отменил. Перенёс. Решение осталось тем же, только действие позже. Это ничего не меняет.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Пусть будет запас.
Он кладёт телефон на жёлтый конверт. Из-за двери на лестницу слышатся шаги. Сергей быстро убирает телефон в карман. Входит Ирина.
ИРИНА. Доброе утро.
СЕРГЕЙ. Доброе.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Я спущусь за кофе. Тебе принесу обычный.
ИРИНА. Я закажу здесь.
СЕРГЕЙ. Здесь дольше.
ИРИНА. Я никуда не тороплюсь.
СЕРГЕЙ. Хорошо.
Сергей уходит к лестнице. Ирина ждёт, пока закроется дверь.

Она долго смотрит на жёлтый конверт. Потом берёт его, отгибает клапан и достаёт несколько скреплённых листов. За все дни она не притрагивалась к нему ни разу.
Читает про себя. Потом вслух – ровно и профессионально, как читает клиенту условия брони.
ИРИНА. «Пункт четвёртый. Расходы, связанные с удостоверением настоящего соглашения, стороны несут в равных долях».
Пауза.
ИРИНА. В равных долях.
Она перелистывает.
ИРИНА. «Пункт седьмой. Стороны подтверждают, что спора о разделе имущества между ними не имеется».
Она опускает листы.
ИРИНА. Спора не имеется.
Пауза. Она смотрит на страницу так, будто чего-то там не хватает.
ИРИНА. Двадцать лет, четыре страницы, четырнадцатый кегль. Квартира, машина, гараж матери. Кто платит нотариусу. Всё сошлось.
Пауза.
ИРИНА. И нигде ни слова о том, из-за чего мы вообще сюда пришли.
Она аккуратно складывает листы, убирает их в конверт и выравнивает конверт по краю стола – тем же движением, каким это делает СЕРГЕЙ. Замечает своё движение. Убирает руку.
Достаёт телефон и звонит. Ответ собеседницы не слышен.
ИРИНА. Лен, доброе утро. Удобно?
Слушает.
ИРИНА. Нормально. Тепло. Как мама?
Слушает.
ИРИНА. Хорошо. Я быстро. Ты просила подтвердить по третьему сентября. Подтверждаю: всё в силе. Одиннадцать утра.
Слушает.
ИРИНА. Нет, поездка ничего не изменила.
Слушает.
ИРИНА. Аисты. Да. Каждый день.
Слушает.
ИРИНА. Потому что это услуга. Сорок евро, особое пожелание в брони. Я позавчера уточнила.
Слушает.
ИРИНА. Нет, я не спрашивала его, зачем.

Слушает.
ИРИНА. Сейчас ты скажешь, что именно это и надо было спросить.
Слушает.
ИРИНА. Я знаю. Но у него на любой вопрос один ответ: «Я знал, что ты скажешь». Как будто если он заранее написал мою реплику, меня можно не слушать.
Слушает.
ИРИНА. Нет, я не делаю то же самое.
Слушает дольше.
ИРИНА. Уточняю: ты сейчас поддерживаешь меня или проводишь внутренний аудит?
Слушает.
ИРИНА. Вот и поддерживай. Ты всё-таки сестра, а не юрист.
Пауза. Ирина проводит пальцем по краю жёлтого конверта.
ИРИНА. Ничего не изменилось, Лен. Третьего сентября в одиннадцать. После нотариуса я тебе позвоню.
Слушает.
ИРИНА. Пока.
Ирина завершает разговор и кладёт телефон рядом с жёлтым конвертом. Из служебного выхода появляется Эркан с подносом. На подносе – чашка кофе и чистая салфетка.
ЭРКАН. Доброе утро, госпожа Панина. Сегодня шестой день вашего пребывания. После уборки в номере будет произведена полная смена белья.
ИРИНА. Хорошо.
ЭРКАН. Ваш кофе. Буйрун.
Он ставит чашку на стол, а салфетку кладёт между чашкой и жёлтым конвертом.
ИРИНА. Спасибо.
ЭРКАН. Прошу вас.
Эркан берёт поднос. Смотрит поверх зрительного зала вправо.
ЭРКАН. И посмотрите, пожалуйста, над правым краем террасы. Лейлек. Один аист идёт очень низко.
Ирина не оборачивается.
ИРИНА. Не сейчас.
ЭРКАН. Разумеется. Я обращу ваше внимание, когда он поднимется выше.
ИРИНА. Эркан, у меня просьба по бронированию.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.

ИРИНА. На девятый день у нас стоит ужин у парапета. На двоих.
ЭРКАН. Да. Стол у самого края террасы, полная сервировка на две персоны.
ИРИНА. Отмените его, пожалуйста.
ЭРКАН. Я не могу отменить эту услугу.
ИРИНА. Почему?
ЭРКАН. Ужин оплачен заранее и является невозвратным.
ИРИНА. До него ещё три дня.
ЭРКАН. Для обычного заказа этого достаточно. Но данный ужин входит в заранее оплаченную услугу. Деньги уже поступили. Вернуть их отель не может. Отменить услугу – значит оставить оплату без ужина. Я на это не уполномочен.
ИРИНА. Я не предлагаю подарить ужин отелю. Я предлагаю вернуть деньги тому, кто заплатил.
ЭРКАН. Условиями заказа возврат не предусмотрен.
ИРИНА. Разумеется.
ЭРКАН. Но я могу изменить способ напоминания.
ИРИНА. Каким образом?
ЭРКАН. Не напоминать.
ИРИНА. Совсем?
ЭРКАН. Совсем. Стол будет подготовлен, блюда будут приготовлены, услуга состоится. Вы можете не прийти. Тогда со стороны отеля всё будет исполнено, а с вашей стороны ничего не потребуется.
ИРИНА. То есть отменить ужин нельзя, но можно в нём не участвовать.
ЭРКАН. Именно.
ИРИНА. И Сергею вы не скажете, что я просила отменить?
ЭРКАН. Я не буду сообщать господину Панину содержание нашего разговора.
ИРИНА. И об ужине ему не напоминайте.
ЭРКАН. Я могу не напоминать ни вам, ни господину Панину. Стол всё равно будет ждать вас в назначенный вечер. Тамам?
Ирина смотрит на жёлтый конверт.
ИРИНА. Тамам.
Ирина уходит. Из двери на лестницу поднимается Гульнара с полотенцем.
ГУЛЬНАРА. Я слышала половину. Невозвратный тариф.
ЭРКАН. Я не обсуждаю брони других гостей.

ГУЛЬНАРА. А я не спрашиваю. Я хвалю. Невозвратный тариф – самая честная вещь в вашей отрасли.
ЭРКАН. Он дешевле на восемнадцать процентов.
ГУЛЬНАРА. Он дешевле, и он не оставляет выбора. Заплатил заранее – значит, поедешь. Не потому, что хочешь. Потому что деньги ушли.
ЭРКАН. Многие предпочитают возвратный.
ГУЛЬНАРА. Многие предпочитают возвратный и никуда не едут. Я четыре года подряд беру невозвратный. Иначе в июле обязательно находится причина: то давление, то ремонт, то у сестры дача и там некому поливать.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Меня сюда привозит не море, ЭРКАН. Меня сюда привозит то, что деньги уже ушли.
ЭРКАН. Это надёжный способ.
ГУЛЬНАРА. Это единственный, который у меня остался.
ЭРКАН. Ваша бронь была оплачена ещё в феврале.
ГУЛЬНАРА. И с этого момента мой август был предрешён. Оставь вы мне хоть малейшую лазейку, я бы нашла причину остаться дома.
ЭРКАН. Система списывает всю сумму сразу.
ГУЛЬНАРА. И вместе с суммой списывает сомнения. Вы продаёте не номер, ЭРКАН. Вы продаёте неизбежность.
ЭРКАН. Мы гарантируем, что комната будет вас ждать.
ГУЛЬНАРА. А я гарантирую, что приеду. Потому что мне уже выбили чек.
Затемнение.

Сцена 6. Оплачено

День девятого дня.
Утро девятого дня, рано. Эркан выставляет чистые стаканы. Гульнара идёт к дальнему лежаку.
ГУЛЬНАРА. Эркан.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. Оплаченное всегда случается.
ЭРКАН. Как правило, да.
ГУЛЬНАРА. Не «как правило». Всегда. В этом вся разница между желанием и оплатой. Желание может передумать. Оплата – нет.

ЭРКАН. Услуга исполняется независимо от настроения гостя.
ГУЛЬНАРА. Вот. Вы это сказали лучше меня и даже не старались.
ЭРКАН. Это стандартная формулировка.
ГУЛЬНАРА. Поэтому и лучше. Я тридцать лет проводила чужие деньги по счетам и знаю: как только деньги прошли, событие уже состоялось. Дальше остаётся только явиться.
ЭРКАН. Гости иногда не являются.
ГУЛЬНАРА. Гости не являются, а событие всё равно состоялось. Стол накрыт, свечи стоят, и совершенно неважно, кто над ними наклонился.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Подарок – это когда за тебя уже заплатили. То есть когда за тебя уже решили.
Свет дневной.
Та же терраса. Яркий дневной свет. Полотенце на парапете – в ту же сторону. На столе – жёлтый конверт, закрытая бутылка воды и два пустых стакана. Ирина сидит за столом. Сергей стоит у парапета, но смотрит не в небо, а вниз, на условный город. Гульнара устроилась на дальнем лежаке.
Из служебного выхода появляется Эркан с планшетом-папкой.
ЭРКАН. Добрый день, господин Панин, госпожа Панина. Сегодня девятый день вашего пребывания. И сегодня – двадцатая годовщина вашего брака. Позвольте отелю поздравить вас.
ИРИНА. Спасибо.
СЕРГЕЙ. Спасибо.
ЭРКАН. Ваша бронь оформлена как подарочная. Поэтому в день годовщины я должен подтвердить получателей и сообщить, от кого поступил подарок.
ИРИНА. Мы знаем, от кого.
ЭРКАН. Разумеется. Но подтверждение входит в порядок исполнения. Заказчик и плательщик по бронированию – ваша дочь Екатерина Панина. Назначение подарка – поездка для родителей на двадцатилетие свадьбы.
СЕРГЕЙ. Подтверждаем.
ИРИНА. Оба.
ЭРКАН. Благодарю вас. Сегодня также будет исполнена дополнительная часть подарка: праздничный ужин на две персоны. Стол у самого парапета, полная сервировка. Начало в семь часов.
Сергей отходит от парапета.

СЕРГЕЙ. Значит, у нас сегодня ужин.
ИРИНА. На двоих.
СЕРГЕЙ. Количество я понял. Я о нём ничего не знал.
ИРИНА. Теперь знаешь.
СЕРГЕЙ. А ты, значит, знала.
ИРИНА. Три дня.
СЕРГЕЙ. И не сказала.
ИРИНА. Я не хотела портить тебе сюрприз.
Сергей смотрит на неё. Гульнара на дальнем лежаке открывает глаза.
ИРИНА. Эркан, это считается напоминанием?
ЭРКАН. Нет. Напоминание было снято. Сейчас производится обязательное раскрытие подарочной брони. В нём время и место произносятся как часть заказа.
ИРИНА. Разница принята.
ЭРКАН. Ужин оплачен полностью и не требует от вас никаких дополнительных решений. К заказу приложено сообщение от плательщика. По условиям подарочной брони его необходимо прочитать вслух обоим получателям до начала сервировки.
Эркан открывает планшет-папку.
ЭРКАН. Сообщение состоит из одного слова. Я читаю дословно: «Поговорите».
Эркан закрывает планшет-папку. Пауза.
ИРИНА. Вот как.
СЕРГЕЙ. Да.
ИРИНА. Не «да». Ты ей сказал.
СЕРГЕЙ. Ты ей сказала.
ИРИНА. Я ей ничего не говорила.
СЕРГЕЙ. Я тоже.
ИРИНА. Тогда почему записка повторяет твою программу?
СЕРГЕЙ. Ты называешь программой то, чего я не говорил.
ИРИНА. Поговорить. Пересмотреть. Дать всему ещё один срок. Ты сам это не произносишь, поэтому попросил дочь написать за тебя.
СЕРГЕЙ. Я её не просил. А ужин у парапета – это не моя программа. Это твой сценарий: специальный стол, заданное время, готовый повод. Всё устроено так, чтобы тебе не пришлось ничего предлагать самой.
ИРИНА. Значит, Катя на твоей стороне.
СЕРГЕЙ. На твоей.

ИРИНА. Слово «поговорите» – твоё.
СЕРГЕЙ. Ужин – твой.
ИРИНА. Я его не заказывала.
СЕРГЕЙ. Я записку не писал.
Гульнара садится на лежаке. Эркан остаётся возле стола с закрытой планшет-папкой.
ИРИНА. Тогда и аисты – Катя.
СЕРГЕЙ. Разумеется.
ИРИНА. Почему «разумеется»?
СЕРГЕЙ. Смотри, что происходит. Подарочная бронь на годовщину. В ней оплаченный ужин. Отдельно оплачено особое пожелание. Всё складывается в одну конструкцию.
ИРИНА. Сорок евро за птиц.
СЕРГЕЙ. Не за птиц. За то, чтобы мы их заметили.
ИРИНА. Сначала нам изо дня в день показывают в одну сторону, потом сажают за один стол и дают команду поговорить.
СЕРГЕЙ. Не команду. Последовательность.
ИРИНА. Конечно. Катя составила для родителей программу пребывания.
СЕРГЕЙ. Она сделала так, чтобы мы не разошлись по разным углам.
ИРИНА. Это твоя версия.
СЕРГЕЙ. Это устройство подарка.
ЭРКАН. Если вы желаете, я могу отдельно зачитать состав подарочной брони и состав дополнительного пожелания.
ИРИНА. Не надо. Состав понятен.
СЕРГЕЙ. Мы уже сложили.
ЭРКАН. Тогда дополнительного разъяснения не будет.
Эркан кладёт планшет-папку на край стола. В этот момент смотрит поверх зрительного зала, чуть правее центра.
ЭРКАН. И посмотрите, пожалуйста. Лейлек. Один аист идёт прямо над серединой террасы. Выше него появились ещё два.
Сергей и Ирина одновременно подходят к парапету. Гульнара остаётся на лежаке.
ЭРКАН. Вот первый повернул. Солнце прошло по белой стороне крыла. Теперь второй поднялся к нему, а третий остался ниже.
ИРИНА. Даже иллюстрация приложена.
СЕРГЕЙ. Катя предусмотрела всё.
Звонит телефон Сергея. Он достаёт его.
СЕРГЕЙ. Катя.

ИРИНА. Включи громкую.
СЕРГЕЙ. Включаю громкую.
Сергей включает громкую связь и кладёт телефон на стол, поверх жёлтого конверта.
СЕРГЕЙ. Катюш, мы оба здесь.
КАТЯ. Точно оба?
ИРИНА. Оба.
КАТЯ. Хорошо. Тогда, пожалуйста, не перебивайте. Я второй раз пытаюсь сказать вам одну вещь.
ИРИНА. Сначала уточню. Мы получили твоё сообщение.
КАТЯ. Какое сообщение?
СЕРГЕЙ. «Поговорите».
КАТЯ. А. Наконец-то прочитали. Отлично. Теперь я хочу –
ИРИНА. Ты с папой это обсуждала?
СЕРГЕЙ. С мамой ты тоже могла это обсуждать.
КАТЯ. Я ни с кем ничего не обсуждала.
ИРИНА. Тогда почему ты написала именно это?
СЕРГЕЙ. Потому что она понимала: тебе нужен готовый повод.
ИРИНА. Не отвечай за неё.
СЕРГЕЙ. Я объясняю связь между запиской и ужином.
ИРИНА. Связь уже объяснил Эркан.
КАТЯ. Я ещё здесь.
СЕРГЕЙ. Мы слушаем.
ИРИНА. Сейчас ты опять сказал за двоих.
СЕРГЕЙ. Ты только что тоже сказала «мы получили».
ИРИНА. Потому что сообщение адресовано обоим.
СЕРГЕЙ. Тогда и ответ может быть общим.
КАТЯ. Как вы умудрились одно слово разделить на две стороны?
ИРИНА. Я не делю. Я уточняю, кто с кем говорил.
СЕРГЕЙ. А я показываю, что стороны здесь вообще не нужны.
ИРИНА. Это удобно, когда дочь на твоей.
СЕРГЕЙ. Она на твоей.
КАТЯ. Я не на чьей стороне. Я пытаюсь с вами поговорить.
Пауза.
КАТЯ. Я звоню не из-за ужина. У меня новость. Вы можете тридцать секунд не говорить?
ИРИНА. Можем.
СЕРГЕЙ. Конечно.
ИРИНА. Не подтверждай за меня.

СЕРГЕЙ. Я ответил за себя.
ИРИНА. Сразу после меня, теми же словами.
СЕРГЕЙ. Потому что ответ одинаковый.
КАТЯ. Всё. Вы опять разговариваете не со мной. Я кладу трубку.
ИРИНА. Катя, подожди.
КАТЯ. Когда сможете услышать не пересказ и не свою версию – перезвоните.
Связь обрывается. Сергей и Ирина смотрят на телефон. Эркан берёт со стола планшет-папку. Гульнара снова ложится на лежак.
СЕРГЕЙ. Она хочет, чтобы мы поговорили.
ИРИНА. Она хочет, чтобы мы поужинали. Это разное, но начнём с ужина.
Ирина и Сергей уходят к лестнице. Гульнара садится за свой стол. Эркан подходит с приборами.
ГУЛЬНАРА. Один.
ЭРКАН. Разумеется.
ГУЛЬНАРА. Вы уже четвёртый год не спрашиваете. А в свой первый спрашивали.
ЭРКАН. В первый год я был новенький.
ГУЛЬНАРА. Вы были новенький и очень старательный. Вы накрывали на двоих, потому что в брони двое. Я садилась, и напротив меня лежал полный прибор: вилка, нож, салфетка, сложенная веером.
ЭРКАН. Сейчас мы не складываем веером.
ГУЛЬНАРА. Жаль. Веер был хорош. Я смотрела на него весь ужин, а потом приходили вы и молча уносили. Каждый вечер. Четырнадцать вечеров подряд.
ЭРКАН. Я должен был убрать сразу.
ГУЛЬНАРА. Не должны были. Вы делали по инструкции. Инструкция говорит: накрывать по числу гостей в брони.
ЭРКАН. Говорит.
ГУЛЬНАРА. А на следующий год вы стали убирать второй прибор до того, как я сяду. Вам никто не велел. Вы просто перестали спрашивать.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Это единственное, за что я вам по-настоящему благодарна, ЭРКАН. Вы уносите второй прибор молча.
Затемнение.

Сцена 7. Ужин на двоих

Вечер девятого дня.
Закат. Стол ещё не придвинут к парапету. Эркан пересчитывает бокалы. Гульнара стоит рядом.
ГУЛЬНАРА. Эркан.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. Я всегда сажусь спиной к двери.
ЭРКАН. Я запомнил.
ГУЛЬНАРА. Это неправильно. Нормальные люди садятся лицом к двери, чтобы видеть, кто вошёл. У меня наоборот. Я сажусь так, чтобы не видеть, кто вошёл.
ЭРКАН. Могу пересадить.
ГУЛЬНАРА. Не надо. В первый раз мы полчаса решали, кто где сядет. Полчаса, ЭРКАН. За соседним столом успели поесть и уйти.
ЭРКАН. Стол у парапета обычно занимают быстро.
ГУЛЬНАРА. Мы заняли его первыми и потом полчаса менялись местами. Ему дуло, мне светило. Мы пересаживались четыре раза и в итоге сели ровно туда, куда сели сначала.
ЭРКАН. Так часто бывает.
ГУЛЬНАРА. Так всегда бывает. Но это были очень хорошие полчаса.
Гульнара уходит. Эркан начинает придвигать стол к парапету.
Та же терраса. Закатный свет. Стол придвинут к самому парапету и торжественно сервирован на двоих. Жёлтый конверт лежит на дальнем краю стола, за бутылкой воды в ведёрке со льдом, но остаётся виден.
Эркан поправляет два высоких бокала. Из двери на лестницу выходят Ирина и Сергей. Идут рядом, но между ними остаётся полшага.
ЭРКАН. Добрый вечер, господин Панин, госпожа Панина. Праздничный ужин на две персоны подготовлен полностью. Стол у парапета, как указано в заказе. Буйрун.
ИРИНА. Если мы сядем, услуга будет считаться использованной?
ЭРКАН. Услуга уже исполняется. Кухня начала приготовление заранее. Но ваше присутствие позволит ужину состояться именно как ужину на двоих.
СЕРГЕЙ. Тогда садимся. Иначе еда пропадёт.
ИРИНА. Ужин оплачен заранее и невозвратен. Даже если мы уйдём, деньги не вернутся.

СЕРГЕЙ. Я сказал про еду, не про деньги.
ИРИНА. Сейчас ты скажешь, что оставлять её нерационально.
СЕРГЕЙ. Точнее – «неправильно».
ИРИНА. Прошу прощения. Текст обновлён.
Эркан отодвигает Ирине стул. Она садится. Сергей садится напротив.
ЭРКАН. Сначала будет подана холодная часть ужина. Затем горячая. Между подачами предусмотрена небольшая пауза, чтобы вы могли разговаривать без обслуживания.
ИРИНА. Даже разговор предусмотрен.
ЭРКАН. Да. Сообщение заказчика принято во внимание.
ИРИНА. Спасибо. Мы попробуем уложиться.
ЭРКАН. Разумеется.
Эркан разливает воду. Отходит с тележкой к барной стойке. Ирина и Сергей остаются друг напротив друга.
СЕРГЕЙ. Начинай.
ИРИНА. Почему я?
СЕРГЕЙ. Ты сказала, что начнём с ужина.
ИРИНА. Ужин начался.
СЕРГЕЙ. Она просила поговорить.
ИРИНА. Она просила обоих. Ты тоже входишь в комплект.
СЕРГЕЙ. Хорошо. Смотри: если начинать с четырнадцатого марта, мы сразу придём к тому же месту, на котором остановились дома. Правильнее взять точку, где система ещё работала.
ИРИНА. Уточняю. Ты предлагаешь воспроизвести первое свидание?
СЕРГЕЙ. Я предлагаю начать с начала.
ИРИНА. Очень рационально.
СЕРГЕЙ. Именно поэтому я не употребил это слово.
ИРИНА. Хорошо. Первое свидание. Кафе «Апрель», столик на летней веранде.
СЕРГЕЙ. Кафе «Маяк». Второй этаж, стол у окна.
ИРИНА. «Маяк» был после кино.
СЕРГЕЙ. После кино было наше первое нормальное свидание.
ИРИНА. А «Апрель» было ненормальное?
СЕРГЕЙ. Мы случайно встретились после твоего экзамена и ждали, когда подойдёт автобус.
ИРИНА. Ты предложил зайти в кафе.
СЕРГЕЙ. Потому что автобус задерживался.
ИРИНА. Ты пригласил меня выпить лимонад.

СЕРГЕЙ. Я сказал, что ждать на остановке нет смысла, когда рядом есть свободные столы.
ИРИНА. Вот это и было приглашение.
СЕРГЕЙ. Это было практическое предложение.
ИРИНА. Я двадцать лет считала его свиданием.
СЕРГЕЙ. Свидание предполагает, что двое договорились встретиться.
ИРИНА. Если не внесено в календарь, не считается.
СЕРГЕЙ. Я не сказал про календарь.
ИРИНА. Ты изложил его устройство.
Эркан бесшумно подходит к столу с двумя тарелками.
ЭРКАН. Первая подача. Прошу вас.
Он ставит тарелки одновременно.
ЭРКАН. И прежде чем я отойду, посмотрите, пожалуйста, направо. Лейлек. Два аиста идут один над другим. Нижний сейчас поднимется, и на несколько секунд они окажутся рядом.
Ирина и Сергей поворачиваются к залу.
ЭРКАН. Теперь верхний делает широкий круг. Нижний входит в него с внутренней стороны. Видите, расстояние между ними уменьшается.
ИРИНА. Вижу.
СЕРГЕЙ. Да.
ЭРКАН. Прекрасный вечер для вашей годовщины.
Эркан отходит к стойке.
ИРИНА. Катя всё рассчитала. Сначала возвращаемся к началу, потом нам показывают, как расстояние уменьшается.
СЕРГЕЙ. Она не могла рассчитать траекторию птиц.
ИРИНА. Она оплатила человека, который подберёт нужные слова.
СЕРГЕЙ. Это другое.
ИРИНА. Разумеется. Птицы настоящие, монтаж слов гостиничный.
Они берут приборы. Сергей пробует блюдо. Ирина смотрит на него.
СЕРГЕЙ. Ты ждёшь заключения.
ИРИНА. Именно.
СЕРГЕЙ. Нормально приготовлено.
ИРИНА. Можно продолжать реконструкцию.
СЕРГЕЙ. В «Маяке» ты заказала кофе без сахара.
ИРИНА. В «Апреле» я заказала лимонад со льдом.
СЕРГЕЙ. В «Апреле» – да. В «Маяке» ты сказала: «Мне то же самое».
ИРИНА. Я сказала: «Мне то же самое, только с сахаром».
СЕРГЕЙ. Сахар стоял на столе.

ИРИНА. Поэтому ты заказал два кофе без сахара.
СЕРГЕЙ. Не имело смысла отдельно проговаривать то, что можно добавить самостоятельно.
ИРИНА. А я не стала пить.
СЕРГЕЙ. Я решил, что тебе не понравился кофе.
ИРИНА. Мне не понравилось, что мою фразу сократили после слов «то же самое».
СЕРГЕЙ. Остальная часть не меняла заказ.
ИРИНА. Она меняла мой заказ.
Эркан появляется возле стола.
ЭРКАН. Я могу принести кофе с сахаром и лимонад со льдом. Оба напитка будут дополнительными, но оплата не потребуется.
ИРИНА. Спасибо, не надо.
СЕРГЕЙ. У нас вода.
ЭРКАН. Тогда вода останется единственным напитком без согласованной версии.
Он доливает воду в бокалы.
ИРИНА. Эркан, можно не объявлять каждую часть ужина? Мы разговариваем.
ЭРКАН. Разумеется. Следующее блюдо будет подано без объявления.
ИРИНА. Идеально.
ЭРКАН. Я обращусь к вам только в том случае, если потребуется исполнение другого пожелания.
СЕРГЕЙ. Про аистов.
ЭРКАН. Да.
ИРИНА. Это тоже можно без объявления.
ЭРКАН. Без объявления вы не узнаете, куда смотреть.
ИРИНА. Верно.
ЭРКАН. Тогда порядок останется прежним.
Эркан уходит к стойке.
СЕРГЕЙ. Мы сидели не так.
ИРИНА. Как?
СЕРГЕЙ. Рядом. В «Маяке» музыка играла громко, поэтому ты пересела на мою сторону стола.
ИРИНА. Мы сидели напротив. В «Апреле» между нами стоял стакан с растаявшим льдом, и ты всё время вытирал воду салфеткой.
СЕРГЕЙ. Потому что стол был под наклоном. Вода шла к твоему краю.
ИРИНА. Значит, ты помнишь «Апрель».

СЕРГЕЙ. Я не говорил, что его не было. Я говорил, что это было не свидание.
ИРИНА. Хорошо. Играем по твоей версии. Пересядь.
Сергей берёт свой стул и ставит рядом с Ириной, лицом к залу. Садится.
ИРИНА. Нет. Ты сидел справа.
СЕРГЕЙ. Если считать справа от тебя, это одна сторона. Если от окна – другая.
ИРИНА. В твоей версии окно существует, ты и определяй.
СЕРГЕЙ. Я сидел ближе к проходу. Значит, с этой стороны.
ИРИНА. Тогда я сидела у окна, и на меня лил дождь.
СЕРГЕЙ. Не лил. На стекле были капли.
ИРИНА. На улице стояла жара. Я пришла в тонкой зелёной блузке.
СЕРГЕЙ. В синем платье. И шёл дождь.
ИРИНА. В жару.
СЕРГЕЙ. После жары часто бывает дождь.
ИРИНА. Теперь и погода может сохранить обе версии.
Эркан подходит, несёт следующую подачу. Видит пустой стул напротив и Сергея рядом с Ириной.
ЭРКАН. Прошу прощения. Для следующего блюда приборы расположены с двух сторон. Я могу перенести сервировку к вам.
ИРИНА. Мы воспроизводим первое свидание.
ЭРКАН. Я понимаю полностью.
СЕРГЕЙ. Тогда мы сидели рядом.
ИРИНА. По версии господина Панина.
ЭРКАН. Я могу поставить стулья под углом. Тогда вы будете сидеть и рядом, и друг напротив друга.
Пауза.
ИРИНА. Не надо. Верните всё, как было.
Сергей возвращает свой стул на прежнее место. Эркан без единого лишнего движения меняет тарелки.
ЭРКАН. Объявления не будет.
ИРИНА. Спасибо.
ЭРКАН. Три аиста прямо перед вами, ступенями. Это всё.
Ирина и Сергей коротко поворачиваются к залу и почти сразу возвращаются к столу.
ИРИНА. Три.
СЕРГЕЙ. В группе проще находить поток.
ИРИНА. Я не про устройство.

СЕРГЕЙ. Я знаю.
Пауза.
ИРИНА. Давай ещё раз. Ты уже в «Маяке». Я вхожу.
СЕРГЕЙ. Ты опоздала на двадцать минут.
ИРИНА. Я пришла первой.
СЕРГЕЙ. В «Апрель».
ИРИНА. Хорошо. Я вхожу на твоё первое свидание с опозданием. Что ты говоришь?
СЕРГЕЙ. Я встал.
ИРИНА. Это не реплика.
СЕРГЕЙ. Ты сказала: «Извини, автобус встал».
ИРИНА. Сейчас ты уже говоришь и за себя, и за меня.
СЕРГЕЙ. Я восстанавливаю последовательность.
ИРИНА. Свою.
СЕРГЕЙ. Другой у меня нет.
ИРИНА. Есть моя. В моей ты опоздал на десять минут. Вошёл, увидел меня и сказал: «Ты Ирина».
СЕРГЕЙ. «Ирина». Интонация была вопросительная.
ИРИНА. Нет. Ты сообщил. Я ещё подумала: человек не сомневается.
СЕРГЕЙ. Интонация была вопросительная.
ИРИНА. А фраза утвердительная.
СЕРГЕЙ. В русском языке вопрос можно обозначить интонацией.
ИРИНА. Не объясняй мне устройство вопроса.
Пауза. Сергей берёт бокал, но не пьёт.
СЕРГЕЙ. Мы ничего не воспроизводим. Мы проверяем протокол двух разных вечеров.
ИРИНА. Наконец-то общая версия.
СЕРГЕЙ. Потому что ты называешь первым свиданием случайную встречу.
ИРИНА. Потому что ты отменяешь всё, чего заранее не запланировал.
СЕРГЕЙ. Я не отменяю. Я классифицирую.
ИРИНА. Дальше по тексту: так правильнее.
СЕРГЕЙ. Так точнее.
ИРИНА. Опять обновление.
Эркан без объявления меняет тарелки. Ирина и Сергей замолкают и ждут, пока он закончит. Он отходит.
ИРИНА. В одном мы совпадаем.
СЕРГЕЙ. Значит, мы всё-таки нашли совпадение.
ИРИНА. Музыка была.

СЕРГЕЙ. В «Маяке» играл саксофон. Без слов.
ИРИНА. В «Апреле» пела женщина. И там было пианино.
СЕРГЕЙ. Женщина пела в другом месте. Позже.
ИРИНА. Ты ещё сказал, что у неё на верхних нотах трещит голос.
СЕРГЕЙ. Я не разбираюсь в верхних нотах.
ИРИНА. Ты объяснил, что это не голос, а перегрузка микрофона.
СЕРГЕЙ. Микрофон действительно мог перегружаться.
ИРИНА. Значит, женщина была.
СЕРГЕЙ. Возможно, это была та же песня в другой записи.
ИРИНА. Конечно. Сейчас ты соединишь два кафе, дождь и жару одной аранжировкой.
СЕРГЕЙ. Смотри, это возможно. Песня тогда часто звучала. В одном месте могла быть версия с саксофоном, в другом – с вокалом. Мелодия одна.
ИРИНА. Какая?
СЕРГЕЙ. Медленная.
ИРИНА. Существенный признак.
СЕРГЕЙ. В начале три ноты поднимались вверх.
ИРИНА. Две ноты шли вниз.
СЕРГЕЙ. Нет, сначала вверх, потом длинная вниз.
ИРИНА. Уточняю. Название ты помнишь?
СЕРГЕЙ. Нет.
ИРИНА. Тогда напой.
Сергей смотрит на неё. Потом очень тихо напевает первую фразу – фальшиво, но узнаваемо.
Затемнение.

Сцена 8. Танец

Поздний вечер девятого дня.
Та же терраса. Ночной свет. Праздничный ужин закончен. На столе – два высоких бокала, бутылка воды в ведёрке со льдом и жёлтый конверт, всё ещё видный за бутылкой. Эркана нет.
Ирина и Сергей сидят друг напротив друга. Сергей заканчивает напевать ту же мелодию – тихо, фальшиво, но узнаваемо. Ирина слушает до конца.
ИРИНА. Да.

СЕРГЕЙ. Узнала.
ИРИНА. С первой фразы.
СЕРГЕЙ. Я её всё-таки помнил.
ИРИНА. Мы оба помнили. Только не в кафе.
СЕРГЕЙ. На кухне.
ИРИНА. На нашей старой кухне.
СЕРГЕЙ. Катя спала за стеной.
ИРИНА. Наконец спала. Первый раз за три ночи.
СЕРГЕЙ. После температуры.
ИРИНА. Уже без температуры. Но мы всё равно боялись её разбудить.
СЕРГЕЙ. Дверь в коридор оставили открытой.
ИРИНА. И чайник держали за крышку, чтобы она не щёлкнула.
СЕРГЕЙ. Большой свет не включали.
ИРИНА. Горела лампа над мойкой.
СЕРГЕЙ. Ты мыла кружки.
ИРИНА. Три. Наши и Катину маленькую.
СЕРГЕЙ. С облаками.
ИРИНА. С синими облаками.
СЕРГЕЙ. Кружка до сих пор дома.
ИРИНА. В верхнем ящике.
СЕРГЕЙ. Значит, ты тоже знаешь.
ИРИНА. Знаю. Мы тогда три дня говорили только про неё.
СЕРГЕЙ. Про температуру, воду и лекарство.
ИРИНА. Спали по очереди.
СЕРГЕЙ. Ты почти не спала.
ИРИНА. Ты тоже.
СЕРГЕЙ. А в ту ночь впервые стало тихо.
ИРИНА. И мы остались на кухне вдвоём.
СЕРГЕЙ. Радио стояло на холодильнике.
ИРИНА. Его было слышно только рядом.
СЕРГЕЙ. И заиграла эта песня.
ИРИНА. Ты встал посреди кухни.
СЕРГЕЙ. Ты тоже.
ИРИНА. Ты протянул мне руку.
СЕРГЕЙ. Ты сказала: «Только тихо».
ИРИНА. Я думала, на одну минуту.
СЕРГЕЙ. Песня шла дольше.
ИРИНА. Она закончилась, а мы ещё стояли.

СЕРГЕЙ. Потом Катя позвала.
ИРИНА. И мы оба пошли.
СЕРГЕЙ. Значит, это начало мы помним одинаково.
ИРИНА. Это – да.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Между мойкой и столом было примерно столько же места.
ИРИНА. Не восстанавливай.
СЕРГЕЙ. Я просто сравнил.
ИРИНА. Я помню, сколько там было места.
СЕРГЕЙ. Хорошо.
Ирина встаёт. Обходит стол и останавливается перед Сергеем.
ИРИНА. Встань.
Сергей встаёт.
СЕРГЕЙ. Тогда ты положила руку мне на плечо.
ИРИНА. Не объясняй.
СЕРГЕЙ. Хорошо.
Ирина сама кладёт руку ему на плечо. Сергей берёт её за другую руку. Несколько секунд они стоят, ещё не начиная.
ИРИНА. И не напевай.
СЕРГЕЙ. Не буду.
Они танцуют без музыки. Почти не двигаются: только переносят вес с ноги на ногу и медленно поворачиваются на месте. Между ними нет заготовленной картинки и нет попытки воспроизвести прежний вечер точно. Этот танец играется коротко и всерьёз.
В глубине бесшумно появляется Гульнара. Она сама выкатывает сервировочную тележку. На ней – её торт с зажжёнными свечами. Гульнара останавливает тележку у дальнего лежака. На супругов не смотрит. Они её не видят.
Ирина кладёт голову Сергею на плечо. Сергей опускает их соединённые руки. Они больше не поворачиваются, только едва покачиваются на месте.
Гульнара смотрит на свечи и одним выдохом задувает их. Остаётся рядом с тортом в глубине, в темноте.
Танец заканчивается не сразу. Ирина поднимает голову, но руки не убирает.
ИРИНА. У тебя пуговица на манжете держится на одной нитке.
СЕРГЕЙ. До утра продержится.
ИРИНА. Не продержится.
СЕРГЕЙ. В номере есть иголка. Там чёрная нитка. Я сам пришью.

Он смотрит на манжет. Потом на неё. Пауза.
СЕРГЕЙ. У тебя синяя есть?
Ирина отвечает не сразу.
ИРИНА. В чемодане.
СЕРГЕЙ. Дашь?
ИРИНА. Дам.
Они отпускают руки, но не расходятся.
ИРИНА. В номере холодно.
СЕРГЕЙ. Кондиционер стоит на двадцать два.
ИРИНА. Я видела.
СЕРГЕЙ. Поставлю на двадцать четыре.
ИРИНА. На двадцать три.
СЕРГЕЙ. На двадцать три.
ИРИНА. И штору не закрывай до конца.
СЕРГЕЙ. Оставлю щель.
ИРИНА. Спасибо.
СЕРГЕЙ. Вода в номере есть. Одна холодная, одна комнатная.
ИРИНА. Мне комнатную.
СЕРГЕЙ. Я помню.
ИРИНА. Полотенца с балкона снял?
СЕРГЕЙ. Оба. Ночью отсыреют.
ИРИНА. Спасибо.
СЕРГЕЙ. Фрукты со стола можно взять в номер. Ты почти ничего не съела.
ИРИНА. Возьмём.
СЕРГЕЙ. Возьмём.
Пауза.
ИРИНА. Завтра кофе выпьем здесь.
СЕРГЕЙ. Здесь он успевает остыть.
ИРИНА. Успевает.
СЕРГЕЙ. Тогда здесь.
Пауза. Звонит телефон Ирины. Она достаёт его.
ИРИНА. Катя.
СЕРГЕЙ. Я здесь.
ИРИНА. Включаю громкую.
Ирина включает громкую связь и кладёт телефон на стол рядом с жёлтым конвертом. Они остаются стоять с одной стороны стола.
ИРИНА. Катюш, мы оба здесь. Ты на громкой.
КАТЯ. Папа рядом?

СЕРГЕЙ. Рядом.
КАТЯ. Вы оба меня слышите?
ИРИНА. Да.
СЕРГЕЙ. Да.
КАТЯ. Хорошо. Третий раз. Если вы опять начнёте объяснять друг другу, что я хотела сказать, я больше сегодня не позвоню.
ИРИНА. Не начнём.
СЕРГЕЙ. Я слушаю.
КАТЯ. Мне нужны тридцать секунд, в которые никто не говорит вместо меня.
ИРИНА. Говори.
СЕРГЕЙ. Я не перебью.
КАТЯ. Тогда слушайте. Я хотела сказать это ещё в первый раз. У вас будет…
Из служебного выхода вбегает ЭРКАН. Он запыхался; впервые его голос звучит громче обычного.
ЭРКАН. Лейлек! Господин Панин, госпожа Панина, скорее, пожалуйста! Прямо над террасой – три аиста, совсем низко!
Ирина не двигается. Сергей поворачивается к залу.
СЕРГЕЙ. Катюш, подожди секунду. Они прямо над нами.
КАТЯ. Пап! Пап, да при чём тут птицы!
Связь обрывается.
ИРИНА. Катя?
Ответа нет. Ирина смотрит на телефон. Эркан замирает у парапета, поняв, что произошло.
ЭРКАН. Прошу прощения.
Он уходит. Ирина по-прежнему смотрит на телефон.
ИРИНА. Что она сказала?
СЕРГЕЙ. Она сказала – у нас будет. Всё будет. Она за нас рада.
Ирина открывает рот, но не поправляет.
Ирина и Сергей уходят к лестнице. Гульнара остаётся у своей тележки. Свечи задуты. Эркан входит с подносом.
ЭРКАН. Госпожа Гульнара, торт убрать?
ГУЛЬНАРА. Уберите. Я отрезала кусок.
ЭРКАН. Я видел.
ГУЛЬНАРА. Я его не съела. Я его отрезала. Это разное.
ЭРКАН. Я оставлю в холодильнике.
ГУЛЬНАРА. Оставьте. Завтра съем на завтрак вместо круассана.
Пауза.

ГУЛЬНАРА. Свечи я задула на одном выдохе. Двадцать четыре штуки. Это показатель, между прочим. Дома я бы не смогла.
ЭРКАН. Здесь воздух легче.
ГУЛЬНАРА. Здесь никто не смотрит. Это сильно облегчает дыхание.
ЭРКАН. Желание загадали?
ГУЛЬНАРА. Нет. Я перестала загадывать в тот год, когда поняла, что загадываю не событие, а человека. Событие может произойти. Человек – нет.
ЭРКАН. Прошу прощения.
ГУЛЬНАРА. Не за что. Вы спросили. Вы за две недели спросили меня три раза, а я вам за четыре года всё рассказала. Считайте, что это тоже показатель.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Я ждала, пока они начнут.
ЭРКАН. Кто?
ГУЛЬНАРА. Неважно. Я стояла в темноте с зажжёнными свечами и ждала, пока хоть кто-нибудь в этом городе начнёт танцевать. Потом задула.
ЭРКАН. Вас никто не видел.
ГУЛЬНАРА. Я не стала проверять.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Я семь лет всё проверяю, ЭРКАН. И ни разу ни о чём не спросила.
ЭРКАН. Это требует огромной выдержки.
ГУЛЬНАРА. Это требует привычки. Выдержка заканчивается на третий год. Дальше работает только инерция.
ЭРКАН. Вы устали, госпожа Гульнара.
ГУЛЬНАРА. Я просто перестала спать. Когда не спишь, появляется время на внутреннюю инвентаризацию.
Затемнение.

Сцена 9. Прямой вопрос

Утро тринадцатого дня.
Ещё до завтрака. Эркан за стойкой. Гульнара входит; видно, что она не спала.
ГУЛЬНАРА. Кофе не надо.

ЭРКАН. Разумеется.
ГУЛЬНАРА. Эркан.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. Я всю ночь считала. Знаете, сколько раз за семь лет я хотела о чём-нибудь спросить и не спросила?
ЭРКАН. Нет.
ГУЛЬНАРА. И я нет. Сбилась. Бухгалтер сбился со счёта – это плохой признак.
ЭРКАН. Могу принести воду.
ГУЛЬНАРА. Принесите. И слушайте: сегодня я спрошу.
ЭРКАН. О чём?
ГУЛЬНАРА. О чём получится. Начну с мелкого.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Зачем вы каждый раз приносите на подносе две льняные салфетки, если прекрасно знаете, что я здесь одна?
ЭРКАН. По стандарту обслуживания положено две, госпожа Гульнара.
ГУЛЬНАРА. Значит, дело не в надежде, а в стандарте?
ЭРКАН. Исключительно в стандарте.
ГУЛЬНАРА. Какое разочарование. И какое облегчение.
Свет утренний, полный.
Та же терраса. Ясный утренний свет. Полотенце на парапете – по-прежнему в одну сторону. На столе – завтрак на двоих, два высоких стакана, бутылка воды и жёлтый конверт, отодвинутый за бутылку. Ирина и Сергей сидят за соседними сторонами стола. Гульнара стоит у парапета.
Ирина смотрит на телефон, лежащий рядом с её тарелкой.
ИРИНА. Четвёртый день не берёт.
СЕРГЕЙ. Мне тоже.
ИРИНА. Ты сколько раз звонил?
СЕРГЕЙ. Одиннадцать.
ИРИНА. Я четырнадцать.
СЕРГЕЙ. Значит, она видит двадцать пять пропущенных и не берёт.
ИРИНА. Значит, видит.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Она сказала: когда сможете услышать – перезвоните. Мы перезваниваем.
ИРИНА. Мы перезваниваем двадцать пять раз. Это не то же самое, что услышать.

Из служебного выхода появляется Эркан с подносом. На подносе – две чашки кофе.

ЭРКАН. Доброе утро, господин Панин, госпожа Панина. Сегодня тринадцатый день вашего пребывания. Завтра – последний. Сведения о выезде я подтвержу вам вечером.

ИРИНА. Спасибо.

Эркан ставит одну чашку перед Сергеем, вторую – перед Ириной.

ЭРКАН. Кофе госпожи Паниной с сахаром. Я добавил сахар сразу, как вы просили.

ИРИНА. Я не просила.

СЕРГЕЙ. Я попросил.

ИРИНА. Правильно попросил.

ЭРКАН. Я рад, что пожелание совпало.

Эркан берёт поднос. Смотрит поверх зрительного зала вправо и сразу подходит к парапету.

ЭРКАН. И посмотрите, пожалуйста. Лейлек. Два аиста идут высоко над правым краем террасы. Первый сейчас повернёт к проливу, второй поднимется над ним.

Ирина и Сергей встают и смотрят туда, куда показывает ЭРКАН. Гульнара остаётся у парапета, но смотрит не в небо, а на Эркана.

ЭРКАН. Вот первый повернул. Белая сторона крыла вышла на солнце. Второй вошёл в тот же круг, только выше.

СЕРГЕЙ. Вижу.

ИРИНА. Я тоже.

ЭРКАН. Прекрасное начало предпоследнего дня.

ГУЛЬНАРА. Эркан.

ЭРКАН. Я слушаю вас, госпожа Гульнара.

ГУЛЬНАРА. Откуда вы вообще берёте этих аистов?

ЭРКАН. Они проходят над городом по пути на юг.

ГУЛЬНАРА. Я не спрашиваю, откуда они летят. Почему им вы показываете аистов каждый день, а мне за семь заездов не показали ни разу?

ЭРКАН. Для вашего номера такого задания нет.

ГУЛЬНАРА. Какого задания?

Эркан ставит поднос на край стола и достаёт из-за стойки планшет-папку.

ЭРКАН. Я прочитаю формулировку полностью, чтобы не изменить смысл. «Номер семьсот четыре. Каждый день, до конца заезда, обращать внимание гостей на аистов».

Он закрывает планшет-папку.
ИРИНА. Семьсот четыре – наш номер.
ЭРКАН. Сейчас – ваш номер.
ИРИНА. Что значит «сейчас»?
ЭРКАН. Список заданий нашей службы составляется по номерам, а не по фамилиям. В задании указано, что необходимо делать для гостей комнаты семьсот четыре. Кто именно проживает в комнате, в этом задании не написано.
ГУЛЬНАРА. То есть задание прикреплено к двери. Люди за дверью могут поменяться, а задание останется.
ЭРКАН. Именно так.
Ирина возвращается к столу, но не садится.
ИРИНА. Подождите. В первый вечер мы жили в пятьсот двенадцатом.
ЭРКАН. Да.
ИРИНА. И вы показали нам аистов. Дважды в тот вечер и дважды на следующее утро.
ЭРКАН. Да.
ИРИНА. По какому заданию?
ЭРКАН. Ни по какому. В те два дня номер семьсот четыре занимали прежние гости. Задание относилось к ним. Я исполнил его для них здесь, на террасе. Затем вы стояли у парапета и смотрели в ту же сторону, и я показал вам тоже.
ИРИНА. А по какому заданию?
ЭРКАН. Ни по какому. Это обычная любезность. Она не оплачивается.
Пауза.
ИРИНА. То есть единственные птицы, которые были нашими, – это самые первые.
ЭРКАН. Бесплатные, госпожа Панина.
ГУЛЬНАРА. А с третьего дня?
ЭРКАН. С третьего дня вы въехали в семьсот четвёртый, и задание стало относиться к вам. Одиннадцать дней, считая сегодняшний.
ИРИНА. Значит, это не часть Катиного подарка?
ЭРКАН. Нет. В подарочную бронь госпожи Екатерины входят поездка, праздничный ужин и сообщение «Поговорите». Задание об аистах появилось раньше и к подарочной брони отношения не имеет.
СЕРГЕЙ. Значит, Катя не оплачивала птиц.
ЭРКАН. Не оплачивала.

ГУЛЬНАРА. Кто оплачивал?
ЭРКАН. Предыдущая гостья номера семьсот четыре. Она отдыхала здесь с мужем. Пожилая пара. Они выехали в то утро, когда вас переселили из номера пятьсот двенадцать.
ГУЛЬНАРА. Зачем ей были нужны аисты?
ЭРКАН. Не ей. Её мужу. Он всю жизнь интересуется птицами. Госпожа хотела сделать ему подарок и оплатила дополнительное пожелание: если сотрудники видят аистов, обращать его внимание. Сорок евро за всё пребывание.
ИРИНА. Сорок евро.
ЭРКАН. Да. Они остались очень довольны исполнением.
ГУЛЬНАРА. А потом уехали.
ЭРКАН. Да.
ГУЛЬНАРА. Почему задание не уехало вместе с ними?
ЭРКАН. При выезде строку следовало убрать из списка вручную. Её не убрали. Номер в тот же день заняли вы, а задание продолжило стоять как ежедневное до конца заезда.
СЕРГЕЙ. Смотри, что происходит. Утром сотрудник получает не историю номера, а список действий на сегодня. В списке написано: «Семьсот четыре – обращать внимание на аистов». Гость поменялся, номер тот же. Если задание не сняли в день выезда, следующая смена считает его действующим. Потом его получает ещё одна смена. Это не одиннадцать отдельных решений. Это одно решение, которое одиннадцать раз никто не отменил.
ЭРКАН. Большую часть дней задание исполнял я лично.
СЕРГЕЙ. Тем более. Вы действовали правильно по тем сведениям, которые вам дали.
ИРИНА. Серёж.
СЕРГЕЙ. Я объясняю устройство гостиничных смен.
ИРИНА. Я слышу.
СЕРГЕЙ. Здесь нет намеренного обмана. Есть строчка, которую забыли убрать.
ГУЛЬНАРА. Вы сейчас кому это объясняете?
СЕРГЕЙ. Механизм от этого не меняется.
ГУЛЬНАРА. Понятно.
Ирина садится. Поправляет салфетку рядом с чашкой.
ИРИНА. Эркан, спасибо за разъяснение. И за прекрасное обслуживание.
ЭРКАН. Благодарю вас.

ИРИНА. Уточняю по стоимости. Эти одиннадцать дней входят в чужие сорок евро или нам будет выставлена доплата?
ЭРКАН. Доплаты не будет. Продолжение услуги произошло из-за ошибки отеля. На ваш счёт ничего не включат.
ИРИНА. Очень хорошо.
ЭРКАН. Я также могу удалить задание немедленно. Сегодня больше никто не будет обращать ваше внимание на аистов.
ИРИНА. Нет. Сегодня уже не надо ничего менять.
ЭРКАН. Тогда до конца дня порядок останется прежним.
ГУЛЬНАРА. И мне не добавляйте.
ЭРКАН. Для вашего номера изменений не будет.
Пауза. Никто не двигается с места. Свет чуть меняется – так, как он меняется, когда солнце заходит за одно облако. Затемнения нет.
ЭРКАН. Господин Панин, госпожа Панина, я хотел бы добавить одно обстоятельство. Возможно, оно уменьшит ваше разочарование.
ГУЛЬНАРА. После чужого задания?
ЭРКАН. Оно касается не задания. Оно касается птиц.
ИРИНА. Уточняю. Про птиц ещё не всё?
ЭРКАН. Не всё.
ГУЛЬНАРА. Говорите.
ЭРКАН. Все эти дни ветер был с юга. Сегодня он также с юга. При таком ветре аисты идут восточнее, на той стороне пролива. Над этой крышей их почти не было.
ИРИНА. Почти не было.
ЭРКАН. Да.
СЕРГЕЙ. Но каждое утро вы находили хотя бы одного.
ЭРКАН. Каждое утро я находил птицу, на которую можно было обратить ваше внимание.
ИРИНА. И называли её аистом.
ЭРКАН. В задании был указан вид птицы. Я использовал формулировку задания.
ГУЛЬНАРА. А какой вид летел на самом деле?
ЭРКАН. Чайки.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. То есть вы одиннадцать дней показывали им чаек?
ЭРКАН. Да. Больших белых чаек.
ИРИНА. Один выше, два ниже.
ЭРКАН. Иногда три на разной высоте.
ИРИНА. Белая сторона крыла на солнце.

ЭРКАН. У чаек она также белая.
ГУЛЬНАРА. А тёмные концы?
ЭРКАН. У многих чаек концы крыльев тёмные.
ИРИНА. В тот вечер, когда вы вбежали и перебили Катю, над нами тоже были чайки?
ЭРКАН. Да. Три чайки. Но я не перебивал госпожу Екатерину.
ИРИНА. Вы вбежали и закричали.
ЭРКАН. Я вбежал и закричал. Госпожа Екатерина после этого продолжала говорить. Разговор прекратился после того, как господин Панин попросил её подождать.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Это верно.
Сергей подходит к парапету. Смотрит поверх зрительного зала в ту сторону, куда все эти дни показывал Эркан.
СЕРГЕЙ. Южный ветер идёт им в лоб. Они смещаются туда, где легче, – восточнее, за пролив. Не туда, где на них смотрят. А над этой крышей всё это время кружили местные чайки.
ИРИНА. Ты это знал?
СЕРГЕЙ. Я знал про ветер. Я сам сказал на третий день: третьи сутки дует с юга.
ИРИНА. И?
СЕРГЕЙ. И ничего. Он говорил «аисты», я смотрел на птиц и объяснял, почему они оказались именно здесь. Сначала принял название, потом построил под него устройство.
ИРИНА. Устройство чайки.
СЕРГЕЙ. Получается, да.
ГУЛЬНАРА. А прежним гостям вы показывали то же самое?
ЭРКАН. Да. В дни их пребывания ветер также был южным.
ГУЛЬНАРА. Мужчине, который всю жизнь интересовался птицами?
ЭРКАН. Он каждый раз благодарил. При выезде супруги сообщили, что увидели всё, ради чего приехали, и остались очень довольны.
ГУЛЬНАРА. То есть людям, которые действительно хотели аистов, вы тоже показывали чаек, и они уехали счастливыми.
ЭРКАН. Именно так.
Пауза.
ЭРКАН. Господин Панин, госпожа Панина, от имени отеля я приношу извинения. Фактический вид птиц не соответствовал формулировке задания. Кроме того, четыре дня назад я вбежал сюда во время вашего

личного разговора. В качестве компенсации все напитки на террасе до вашего выезда будут предоставлены за счёт отеля.
ИРИНА. Уточняю. За одиннадцать дней чаек и один прерванный звонок – напитки до выезда?
ЭРКАН. Да. Вода, кофе, чай и другие позиции из меню террасы.
ИРИНА. А выезд завтра.
ЭРКАН. Поэтому компенсация будет действовать сегодня и завтра до вашего отъезда.
ИРИНА. Я понимаю полностью.
Ирина пытается сохранить деловой тон, но не может. Она смеётся – сначала коротко, одним выдохом, затем открыто, впервые за всё действие.
СЕРГЕЙ. Ты смеёшься.
ИРИНА. Да. Не объясняй.
Ирина снова смеётся. Гульнара смотрит на неё и отворачивается к парапету, чтобы не мешать.
Ирина *(сквозь смех).* Вода, кофе, чай... Серёжа. Одиннадцать дней.
СЕРГЕЙ. Успокойся.
ИРИНА. Одиннадцать дней мы стояли на этой террасе. Искали глубокий смысл в аистах. Делали выводы. Находили знаки. Под крик обычных морских чаек.
СЕРГЕЙ. Они летели красиво.
ИРИНА. Они летели за рыбой!
ЭРКАН. За рыбными отходами, госпожа Панина. В это время рыболовецкие суда возвращаются в порт и сбрасывают за борт мелкую обрезь.
ИРИНА. Спасибо, Эркан. Ваша точность сегодня безупречна. Это делает картину абсолютно завершённой.
Пауза. Ирина перестает смеяться, вытирает лицо.
ИРИНА. Значит, чайки и один прерванный звонок.
ЭРКАН. И напитки в качестве компенсации.
СЕРГЕЙ. Знаешь, Ира. Если честно. Я даже рад.
ИРИНА. Чему?
СЕРГЕЙ. Тому, что это были чайки. Аисты – это слишком тяжело. Слишком много ожиданий. А чайки – это просто птицы. Обычные, крикливые, голодные птицы.
ИРИНА. Устройство чайки оказалось проще.
СЕРГЕЙ. Гораздо проще. И честнее. Без заданий.

Ирина и Сергей уходят. Гульнара остаётся у парапета. Эркан собирает чашки.
ГУЛЬНАРА. Чайка.
ЭРКАН. Да.
ГУЛЬНАРА. Я не в упрёк. Я про слово. Вы одиннадцать дней говорили «аист», потому что так было написано, и никто не умер.
ЭРКАН. Я использовал формулировку задания.
ГУЛЬНАРА. Знаю. У меня тоже есть формулировка задания. Я каждый год пишу заявление, ставлю подпись, и в табеле стоит «отпуск».
ЭРКАН. Так и есть.
ГУЛЬНАРА. Так и написано. Отпуск – это когда есть откуда отпускать и куда возвращаться. Откуда – есть. А куда – я давно не проверяла.
ЭРКАН. Я не понимаю.
ГУЛЬНАРА. Вот и хорошо. Раньше вы говорили «я понимаю полностью». Это был неправильный ответ, Эркан. Он был вежливый.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Одиннадцать дней вы называли чайку аистом, и все остались довольны. А я семь лет называю это отпуском.
Затемнение.

Сцена 10. Тот вечер

Вечер тринадцатого дня.
Вечер. Терраса пуста. Эркан зажигает лампу у стойки. Гульнара стоит у парапета.
ГУЛЬНАРА. Эркан.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. Я весь день подбирала слово.
ЭРКАН. Какое слово?
ГУЛЬНАРА. Настоящее. Вместо «отпуска». Пробовала «поездка» – мелко. «Паломничество» – смешно, я не верующая. «Годовщина» – но годовщина чего? Годовщина требует события. А у меня событий не было.
ЭРКАН. У вас указаны числа.

ГУЛЬНАРА. У меня указаны числа. Семь лет одни и те же. Я и рейс беру тот же, хотя он неудобный: прилетаешь в полпятого утра и до заселения сидишь внизу.
ЭРКАН. Мы можем заселить раньше.
ГУЛЬНАРА. Можете. Не надо. Я сижу внизу с полпятого до двух, и это, кажется, самая честная часть поездки.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Слова нет, Эркан. Есть числа.
Гульнара отходит в глубину. Свет вечерний.
Та же терраса. После заката. На столе – два высоких стакана, бутылка воды и жёлтый конверт. Ирина сидит за столом. Сергей стоит у парапета и смотрит поверх зрительного зала. Кроме них, на террасе никого нет.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Смотри…
Ирина поворачивается к нему.
ИРИНА. Что происходит?
СЕРГЕЙ. Не знаю.
ИРИНА. Ты не знаешь.
СЕРГЕЙ. Там белая птица. Летит к проливу. Это всё, что я вижу.
ИРИНА. Чайка.
СЕРГЕЙ. Возможно.
Пауза.
ИРИНА. Ты знал, что не заказывал аистов.
СЕРГЕЙ. Знал.
ИРИНА. На четвёртый день я сказала тебе: «Ты заказал». Ты не ответил.
СЕРГЕЙ. Не ответил.
ИРИНА. Почему?
СЕРГЕЙ. Потому что в ту минуту ты думала обо мне лучше, чем было.
ИРИНА. И ты решил не мешать.
СЕРГЕЙ. Я решил.
ИРИНА. Ты всегда решаешь.
СЕРГЕЙ. Да.
Ирина наливает воду в оба стакана. Один подвигает к свободному месту. Сергей отходит от парапета и садится.
ИРИНА. Ужин был Катин.
СЕРГЕЙ. Песню вспомнили мы.

ИРИНА. И танцевали сами.
СЕРГЕЙ. Без отдельного пожелания.
Пауза.
ИРИНА. Мне утром было смешно, потому что ты одиннадцать дней объяснял устройство аиста, которого не было.
СЕРГЕЙ. А ты одиннадцать дней вычисляла, кто заплатил за чайку.
ИРИНА. Да.
СЕРГЕЙ. Это тоже смешно.
ИРИНА. Уже не так.
Пауза.
ИРИНА. «Поговорите».
СЕРГЕЙ. Я помню.
ИРИНА. Нет. Не записку. Сейчас. Поговорите.
СЕРГЕЙ. О чём?
ИРИНА. О том вечере.
СЕРГЕЙ. Когда ты собрала вещи.
ИРИНА. Когда ты не спросил.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Значит, начинаем с разных вечеров.
ИРИНА. Вечер был один. Четырнадцатого марта.
СЕРГЕЙ. Ты собрала сумку и уехала к Лене на три дня.
ИРИНА. А ты не спросил зачем.
СЕРГЕЙ. Ты сказала, что тебе надо пожить у сестры.
ИРИНА. Я сказала: «Я поживу у Лены». И стояла у двери с сумкой.
СЕРГЕЙ. Я решил, что если ты уже собралась, удерживать тебя неправильно.
ИРИНА. Ты решил.
СЕРГЕЙ. Да.
ИРИНА. До этого ты ещё кое-что решил.
СЕРГЕЙ. Про объект.
ИРИНА. Про реконструкцию котельной в другом городе. На два года. С переездом. Тебе предложили её прошлым летом, и ты отказался. Я узнала через полгода от твоего коллеги. В очереди в гардероб, между пальто и номерком.
СЕРГЕЙ. Всё так. Мне предложили объект на два года, нужно было переехать. Я отказался и тебе не сказал.
ИРИНА. Почему?
СЕРГЕЙ. Я знал, что ты скажешь.
ИРИНА. Что?

СЕРГЕЙ. Что у тебя работа. Что Катя приезжает на каникулы и ей нужна её комната. Что два года – это не командировка, а другая жизнь. Что нельзя всё бросить из-за одной котельной.
ИРИНА. Я хотела поехать.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Ты хотела поехать.
ИРИНА. Да. Катя уехала учиться. В квартире стало тихо. Мне хотелось тоже что-нибудь изменить. Я бы нашла работу. Я пятнадцать лет отправляю людей в другие города, Серёж. Смогла бы один раз уехать сама.
СЕРГЕЙ. Почему ты не сказала?
Ирина не отвечает сразу. Сергей начинает что-то говорить и не говорит. Ждёт.
ИРИНА. Потому что ждала, что ты спросишь.
СЕРГЕЙ. Я не спросил.
ИРИНА. Нет.
Пауза.
ИРИНА. А потом я начала проверять. Не спрашивать – проверять. Нравится ли тебе наша квартира. Не жалеешь ли ты, что отказался от больших объектов. Хочешь ли ты ещё двадцать лет жить там же. Я знала ответы наизусть. Я сама тебе их и написала. Мне не нужна была информация, Серёж. Мне нужно было, чтобы ты один раз ответил не так, как у меня записано.
СЕРГЕЙ. Ты ни разу не спросила прямо.
ИРИНА. Я ставила вопрос, как ставят стакан на самый край стола. Подвинешь – значит, заметил. Ты не двигал. Ты объяснял, почему он стоит устойчиво.
СЕРГЕЙ. Я думал, ты спрашиваешь про квартиру.
ИРИНА. Полгода. Каждый вечер я приходила домой и проверяла, помнишь ли ты, что я есть, при помощи вопросов, на которые сама знала ответ. А потом перестала. Не потому, что ты не сказал. Потому что мне стало стыдно этим заниматься.
Долгая пауза.
СЕРГЕЙ. Четырнадцатого марта ты снова спросила, не хочу ли я тебе что-нибудь сказать.
ИРИНА. А ты сказал: «Нет».
СЕРГЕЙ. Потому что думал, что правильный ответ – не мешать тебе уехать к сестре.

ИРИНА. А я решила: если даже сейчас не спросил, значит, спрашивать уже не о чем.
Пауза. Сергей берёт стакан, но не пьёт.
СЕРГЕЙ. У Эркана в задании написано: «обращать внимание гостей на аистов». Он видит белую птицу и называет её так, как написано.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Я двадцать лет обращал твоё внимание на аистов.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Дальше объяснять?
ИРИНА. Не надо.
Ирина открывает рот.
ИРИНА. Сейчас ты скажешь…
Она останавливается сама.
ИРИНА. Нет.
Пауза.
ИРИНА. Спрашиваю. Ты сам хотел туда поехать?
Сергей не отвечает сразу.
СЕРГЕЙ. Да.
ИРИНА. Очень?
СЕРГЕЙ. Да.
ИРИНА. И я узнаю это сейчас.
СЕРГЕЙ. Ты сейчас спросила.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Третьего сентября в одиннадцать мы к нотариусу не идём.
ИРИНА. Что?
СЕРГЕЙ. Я перенёс запись. Утром шестого дня. На восьмое октября, тоже на одиннадцать. Сам позвонил и тебе не сказал.
ИРИНА. Ты перенёс нотариуса на октябрь.
СЕРГЕЙ. Да.
ИРИНА. Потому что знал, что я скажу?
СЕРГЕЙ. Потому что не знал. И не хотел, чтобы третье сентября решило раньше нас.
Ирина берёт свой стакан. Делает глоток.
ИРИНА. Я пыталась отменить ужин.
СЕРГЕЙ. Этот ужин?
ИРИНА. В то же утро. Попросила Эркана отменить стол у парапета и ничего тебе не говорить.
СЕРГЕЙ. Зачем?

ИРИНА. Сейчас я должна сказать: потому что знала, что ты устроишь постановочное примирение.
СЕРГЕЙ. А на самом деле?
ИРИНА. Боялась, что мы сядем друг напротив друга и нам нечего будет сказать.
СЕРГЕЙ. Но отменить не получилось.
ИРИНА. Услуга предоплачена и невозвратна. Отменить – значит оставить деньги без ужина, а Эркан на это не уполномочен.
Сергей смеётся. Ирина смотрит на него и тоже начинает смеяться.
СЕРГЕЙ. Хорошо, что он не уполномочен.
ИРИНА. Да.
Смех стихает.
ИРИНА. Третьего сентября мы не идём.
СЕРГЕЙ. Не идём.
ИРИНА. Я не про запись. Мы не идём третьего сентября, потому что мы ещё не разговаривали.
СЕРГЕЙ. Теперь разговариваем.
ИРИНА. Начали. Это не значит, что мы уже всё решили.
СЕРГЕЙ. Не значит.
ИРИНА. И восьмое октября – не решение. Это только свободное время у нотариуса.
СЕРГЕЙ. До него мы можем решить не идти.
ИРИНА. Или решить идти.
СЕРГЕЙ. Но сначала спросим друг друга.
ИРИНА. Да.
Пауза.
Сергей берёт со стола жёлтый конверт. Держит обеими руками за короткие стороны. Начинает сгибать, чтобы порвать.
ИРИНА. Не надо.
Сергей останавливается.
ИРИНА. Это распечатка проекта. Не подписана, не заверена. Дома ещё три экземпляра, у юриста файл. Порвёшь – напечатают. Юридически конверт пустой. Он ничего не решает.
СЕРГЕЙ. Я помню.
ИРИНА. Теперь я тоже.
Пауза.
ИРИНА. Я его открывала. На шестой день, когда ты ушёл за кофе.
СЕРГЕЙ. И?

ИРИНА. Там есть пункт седьмой. «Стороны подтверждают, что спора о разделе имущества между ними не имеется».
СЕРГЕЙ. Это стандартная формулировка.
ИРИНА. Она правильная. Спора у нас никогда и не было. У нас разговора не было.
Сергей разглаживает конверт ладонью, кладёт его на стол и ставит сверху бутылку воды.
Тишина. Потом по террасе проходит первое движение воздуха. Полотенце на парапете шевелится и на секунду поднимается в другую сторону, чем всё это время.
ИРИНА. Похолодало.
СЕРГЕЙ. Ветер поворачивает.
Ирина и Сергей уходят. Из служебной двери выходит Эркан с подносом. Гульнара стоит у парапета; ветер уже поворачивает.
ЭРКАН. Госпожа Гульнара, терраса закрывается через двадцать минут.
ГУЛЬНАРА. Сядьте.
ЭРКАН. Я на работе.
ГУЛЬНАРА. Тогда стойте. Мне нужны двадцать минут и один слушающий человек. Поднос можете держать в руках, если так спокойнее.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. Первые три года мы приезжали вдвоём. Вы этого не застали, вы пришли на четвёртый.
ЭРКАН. На четвёртый.
ГУЛЬНАРА. Значит, вы меня знаете только одну. Это удобно. Вам не с чем сравнивать.
ЭРКАН. Разумеется.
ГУЛЬНАРА. На четвёртый год я в феврале открыла календарь и сказала, как всегда: «Бронирую август». Он читал. Он сказал: «Я не поеду».
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Я спросила: почему. Один раз. Как положено.
ЭРКАН. И?
ГУЛЬНАРА. Он сказал: «А что там делать?»
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Вот здесь надо было спросить второй раз. Второй вопрос всегда настоящий, ЭРКАН. Первый – это форма. А я посмотрела

на него и подумала: он прав. Что там делать. Море, завтрак, крыша, чайки. Что там делать.
ЭРКАН. Вы приехали.
ГУЛЬНАРА. Я приехала. Одна. Вернулась, он спросил, как съездила, я сказала: хорошо. И это была правда, Эркан, вот что самое неудобное. На следующий год он опять не поехал, а я опять поехала, и мы уже ничего не обсуждали, потому что обсуждать было нечего: он не запрещал, я не жаловалась, никто никого не обманул. Это просто стало таким же «как обычно», как кофе без сахара. Сначала не договариваешь половину фразы, потом не задаёшь второй вопрос, а потом у вас двадцать девять лет брака.
ЭРКАН. Он здоров?
ГУЛЬНАРА. Он здоров. Он дома. Смотрит футбол и очень аккуратно вешает полотенце. Марат за двадцать девять лет ни разу не бросил полотенце на пол.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Мы не ссорились и не разводились. Мы перестали ездить вместе, потом перестали ходить вместе, потом перестали. Никакого события. Только числа.
ЭРКАН. Я принесу вам ещё кофе.
ГУЛЬНАРА. Принесите. И откройте мою карточку.
ЭРКАН. Открыл.
ГУЛЬНАРА. Сколько там гостей?
ЭРКАН. Два.
ГУЛЬНАРА. Семь лет два. Второй ни разу не приехал, а строка стоит.
ЭРКАН. Строку следовало убрать при первом же заезде.
ГУЛЬНАРА. Следовало. Её никто не убрал.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. В том числе я.
Затемнение.

Сцена 11. Громкая связь

Утро четырнадцатого дня.
Раннее утро. Северный ветер. Эркан за стойкой с планшетом-папкой. Гульнара входит.
ГУЛЬНАРА. Эркан.

ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
ГУЛЬНАРА. Открыли?
ЭРКАН. Открыл. Номер триста шесть. Заезд следующего года ещё не оформлен.
ГУЛЬНАРА. Оформите сейчас. Те же числа.
ЭРКАН. Записал. Количество гостей?
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Один.
ЭРКАН. Один.
ГУЛЬНАРА. И в этой брони поправьте. Задним числом можно?
ЭРКАН. Задним числом нельзя.
ГУЛЬНАРА. Тогда с завтрашнего дня.
ЭРКАН. С завтрашнего дня строка будет одна.
ГУЛЬНАРА. А старая куда?
ЭРКАН. Старая остаётся в архиве.
ГУЛЬНАРА. Разумеется. Убрать строчку и уничтожить бумагу – разные действия.
ЭРКАН. Совершенно разные.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Кофе без сахара.
ЭРКАН. Как обычно?
ГУЛЬНАРА. Нет. Просто без сахара. Я привыкла.
Свет полный.
Та же терраса. Ясный утренний свет. Полотенце на парапете впервые за всю пьесу свешивается в другую сторону. У двери на лестницу стоит закрытый чемодан на колёсах; ручка сложена. На столе – два высоких стакана, бутылка воды и жёлтый конверт, прижатый бутылкой. Гульнара стоит у парапета. Ирина сидит за столом. Сергей проверяет, закрыт ли чемодан, но не открывает его.
Из служебного выхода появляется Эркан с планшетом-папкой.
ЭРКАН. Доброе утро, господин Панин, госпожа Панина. Сегодня четырнадцатый и последний день вашего пребывания. Машина в аэропорт будет подана в четыре. До этого времени чемодан может оставаться здесь под наблюдением службы гостей.
СЕРГЕЙ. Он закрыт. Замок проверен.
ИРИНА. Один раз?
СЕРГЕЙ. Два.
ИРИНА. Тогда выдержит.
СЕРГЕЙ. Я не проверял боковой карман.

ИРИНА. Спасибо.
СЕРГЕЙ. Если тебе оттуда что-нибудь понадобится, скажешь.
ИРИНА. Скажу.
Сергей отходит от чемодана. Ирина смотрит на его манжет.
ИРИНА. Пришил.
СЕРГЕЙ. Пришил.
ИРИНА. Синей.
СЕРГЕЙ. Чёрная лежала ближе.
ИРИНА. Я помню.
СЕРГЕЙ. Я всё равно спросил.
Эркан смотрит на парапет.
ЭРКАН. За ночь ветер сменился. Если он окончательно повернёт с севера, на террасе станет прохладнее.
ГУЛЬНАРА. Повернул.
ЭРКАН. Вы уверены, госпожа Гульнара?
ГУЛЬНАРА. Седьмой раз здесь. При южном ветре флаг над соседней крышей лежит в одну сторону. Сегодня – в другую. И ваше полотенце тоже.
ЭРКАН. Оно не наше. Оно висит с воскресенья, и никто за ним не пришёл.
ГУЛЬНАРА. Значит, оно теперь общее.
ЭРКАН. Тогда я подготовлю для завтрака салфетки с зажимами.
ГУЛЬНАРА. Хорошая примета.
ЭРКАН. Зажимы?
ГУЛЬНАРА. Северный ветер.
ЭРКАН. Разумеется.
Эркан закрывает планшет-папку.
ЭРКАН. Господин Панин, госпожа Панина, желаете ли вы завтрак перед отъездом?
ИРИНА. Позже.
СЕРГЕЙ. Когда захотим, скажем.
ЭРКАН. Это будет исполнено.
Эркан уходит через служебную дверь. В ту же секунду распахивается дверь на лестницу. Входит КАТЯ. Она после дороги, без чемодана, с одним рюкзаком. Ни её одежда, ни походка, ни жесты ничего не сообщают зрителю о том, что будет сказано дальше: играть надо просто уставшего с дороги человека.
КАТЯ. Оба здесь.
Ирина встаёт. Сергей делает шаг от чемодана.

ИРИНА. Катя.
СЕРГЕЙ. Как ты сюда приехала?
КАТЯ. Ночным рейсом. Потом на машине. Потом семь этажей вверх, потому что внизу сказали, что вы на террасе.
ИРИНА. А деньги на билет?
КАТЯ. Я работаю.
ИРИНА. Ты всё лето работала на эту поездку.
КАТЯ. На эту я работала прошлым летом. Первого сентября мне надо быть на занятиях, так что я до вечера.
ИРИНА. Ты могла предупредить.
КАТЯ. Тогда ты бы позвонила папе. Папа бы позвонил мне. Потом каждый объяснил бы другому, зачем я лечу. Я решила сократить маршрут.
СЕРГЕЙ. Зачем ты прилетела?
КАТЯ. Чтобы вы наконец услышали одну фразу целиком.
Катя подходит к столу. Смотрит на два стакана, затем на родителей.
КАТЯ. Три раза я просила включить громкую связь. Три раза вы оба были рядом. И все три раза громче меня говорили вы.
ИРИНА. Мы слушаем.
КАТЯ. Мам, ты опять сказала за двоих.
Пауза.
ИРИНА. Я слушаю.
СЕРГЕЙ. И я.
КАТЯ. Хорошо.
Ирина берёт бутылку, до сих пор стоявшую на жёлтом конверте, наливает воду в свой стакан и протягивает его Кате. Бутылку ставит на другой край стола. Жёлтый конверт остаётся лежать открыто. Катя пьёт и возвращает стакан.
КАТЯ. Сначала одно. Я приехала не мирить вас. Я не знаю, что вы решили и что ещё решите. И мой ребёнок – не аргумент. Ни за брак, ни за развод.
Ирина и Сергей молчат.
КАТЯ. Я беременна.
Пауза. Никто её не перебивает.
КАТЯ. У вас будет внук. Или внучка. На десятой неделе не говорят.
Ирина медленно поворачивается к Сергею.
ИРИНА. «У вас».
СЕРГЕЙ. Да.

ИРИНА. В тот вечер ты сказал «у нас».
СЕРГЕЙ. Я договорил за неё.
ИРИНА. Как всегда.
СЕРГЕЙ. Как всегда.
КАТЯ. Вы опять начинаете.
ИРИНА. Уже закончили.
Пауза.
ИРИНА. Кто ещё знает?
КАТЯ. Отец ребёнка. Врач. Теперь вы.
ИРИНА. Ты сама что решила?
КАТЯ. Рожать.
СЕРГЕЙ. Тебе нужна помощь?
КАТЯ. Нужна. Но не готовый план.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Смотри, что происходит…
Он останавливается. Сам. И не начинает снова.
КАТЯ. Что?
СЕРГЕЙ. Ничего. Не то.
Пауза.
ИРИНА. Кать. Папа ходил смотреть детский садик. Тот, что в соседнем дворе, без перехода через большую дорогу.
КАТЯ. Когда?
СЕРГЕЙ. В апреле.
КАТЯ. Зачем?
ИРИНА. Незачем. Тогда это было совершенно незачем.
Пауза.
ИРИНА. Он посчитал, сколько туда идти пешком.
СЕРГЕЙ. Семь минут.
ИРИНА. Семь минут. С коляской немного больше.
СЕРГЕЙ. Немного больше.
Пауза.
КАТЯ. Семь минут – это в одну сторону?
СЕРГЕЙ. В одну.
КАТЯ. Ясно.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Ты сказала за меня.
ИРИНА. Сказала.
СЕРГЕЙ. Правильно сказала.
КАТЯ. Хорошо.

ИРИНА. Ты вообще рада?
КАТЯ. Да. И мне страшно.
ИРИНА. Я рада.
СЕРГЕЙ. Я тоже.
КАТЯ. Теперь знаю.
Гульнара отходит от парапета.
ГУЛЬНАРА. Можно поздравлять?
КАТЯ. Можно.
ГУЛЬНАРА. Поздравляю.
КАТЯ. Спасибо.
Ирина смотрит на Гульнару. Пауза.
ИРИНА. ГУЛЬНАРА. Когда у вас был день рождения?
Гульнара оборачивается не сразу.
ГУЛЬНАРА. В тот вечер, когда вы танцевали.
Пауза.
ИРИНА. Мы вас не видели.
ГУЛЬНАРА. Я знаю. Я подождала, пока вы начнёте.
ИРИНА. Почему вы не сказали?
ГУЛЬНАРА. Меня не спрашивали.
Пауза.
СЕРГЕЙ. Я обещал поздравить вовремя.
ГУЛЬНАРА. Обещали.
ИРИНА. С прошедшим.
ГУЛЬНАРА. Спасибо.
Из служебного выхода вбегает Эркан. В руках у него нет ни подноса, ни планшета-папки. Он снова говорит громче обычного, но на этот раз Катя уже договорила.
ЭРКАН. Лейлек! Господин Панин, госпожа Панина, пожалуйста, к парапету! Ветер окончательно сменился на северный. Над террасой настоящий пролёт.
ГУЛЬНАРА. Чайки?
ЭРКАН. Нет. Я уверен. Длинные шеи, ноги вытянуты назад, чёрные края крыльев широкие. Это аисты. Большая группа идёт слева, прямо к террасе.
ГУЛЬНАРА. Это по заданию?
ЭРКАН. Я удалил задание вчера вечером. Это я вам лично говорю.
Эркан первым подходит к парапету и показывает поверх зрительного зала влево.

ЭРКАН. Смотрите выше светлой крыши. Первый ряд уже над нами. За ним поднимается второй. Они не кружат по одному – вся группа идёт широкой дугой к проливу.
Ирина смотрит на Катю.
ИРИНА. Теперь можно?
КАТЯ. Теперь можно.
Катя, Ирина и Сергей подходят к парапету. Гульнара становится рядом с ними. Все пятеро смотрят поверх голов зрителей.
КАТЯ. Их правда так много?
ЭРКАН. Намного больше, чем чаек.
СЕРГЕЙ. Ветер с севера сносит их на эту сторону. Всё это время их уносило к проливу, а сегодня несёт сюда.
ИРИНА. Всё объяснение?
СЕРГЕЙ. Всё.
Пауза. Он смотрит в зал.
СЕРГЕЙ. Лейлек.
ЭРКАН. Записать пожелание на следующий август?
СЕРГЕЙ. Запишите: без пожеланий. Мы сами.
ЭРКАН. Тамам.
Все пятеро ещё стоят у парапета. Первой отворачивается ГУЛЬНАРА. Она видит на столе жёлтый конверт – он лежит открыто с тех пор, как Ирина сняла с него бутылку. Гульнара берёт его.
ГУЛЬНАРА. Ваш конверт.
ИРИНА. Спасибо. Положите на стол.
Гульнара не кладёт.
ГУЛЬНАРА. Он вам сегодня ещё нужен?
Пауза. Никто не отвечает.
КАТЯ. Что это?
Пауза.
СЕРГЕЙ. Проект соглашения о разделе квартиры.
КАТЯ. А.
Пауза.
КАТЯ. Понятно.
ИРИНА. Катя…
КАТЯ. Я же сказала: я не приехала вас мирить. Я спросила, что это. Мне ответили.
Гульнара всё ещё держит конверт.
ГУЛЬНАРА. Если он вам не нужен, я могу его уничтожить.
ИРИНА. Почему вы?

ГУЛЬНАРА. Потому что вы не станете. Вы четырнадцать дней завтракали через эту бумагу и ни разу её не убрали.
СЕРГЕЙ. Мы её двигали.
ГУЛЬНАРА. Двигали. Не убирали.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Я тридцать лет уничтожала документы. Это делается при сторонах и при свидетеле. Просто выбросить нельзя: тогда бумага считается существующей.
ЭРКАН. Уничтожение имущества гостя без распоряжения не производится.
ГУЛЬНАРА. Это не документ. Это проект документа. Так мне объяснили на третий день. Вот здесь, при мне.
Эркан смотрит на Ирину. Ирина молчит.
ГУЛЬНАРА. Мне нужно согласие сторон.
ИРИНА. Мы не стороны.
ГУЛЬНАРА. Сегодня – стороны. На одну минуту. Потом перестанете.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Госпожа Панина?
ИРИНА. Он ничего не решает.
ГУЛЬНАРА. Это не согласие. Это цитата.
Долгая пауза.
ИРИНА. Согласна.
СЕРГЕЙ. Вчера ты не согласилась.
ИРИНА. Вчера ты не спросил.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Господин Панин?
СЕРГЕЙ. Дома ещё три экземпляра. У юриста файл.
ГУЛЬНАРА. Я знаю. Я спрашиваю не про экземпляры.
Долгая пауза.
СЕРГЕЙ. Согласен.
ГУЛЬНАРА. Свидетель?
ЭРКАН. Отель не возражает.
ГУЛЬНАРА. Отель не сторона. Эркан?
Пауза.
ЭРКАН. Я свидетель.
ГУЛЬНАРА. Записывайте. У вас же планшет.
Эркан открывает планшет-папку и впервые достаёт из неё ручку.

ЭРКАН. Записываю. «Терраса, четырнадцатый день. Проект соглашения уничтожен по соглашению сторон в присутствии свидетеля. По просьбе гостьи номера триста шесть».
ГУЛЬНАРА. Не «по просьбе». По требованию.
ЭРКАН. «По требованию».
ГУЛЬНАРА. И вы.
КАТЯ. Я не сторона. Они сами должны решать.
ГУЛЬНАРА. Но вы здесь. Вы присутствуете.
Пауза.
КАТЯ. Тогда присутствую.
Эркан *(исправляет в планшете).* «…в присутствии двух свидетелей».
Гульнара разрывает конверт вместе с содержимым. Один раз, ровно пополам. Без размаха, аккуратно, как рвут по описи. Протягивает половину Ирине и половину Сергею.
ИРИНА. Пополам.
ГУЛЬНАРА. В равных долях.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Дальше как-нибудь сами.
Ирина и Сергей стоят, каждый со своей половиной. Сергей смотрит на свою, потом кладёт её на стол и выравнивает по краю. Ирина видит это и ничего не говорит. Свою она не кладёт.
ИРИНА. Серёж.
СЕРГЕЙ. Да.
ИРИНА. Восьмое октября.
СЕРГЕЙ. Да.
ИРИНА. Ты чего хочешь?
Долгая пауза.
СЕРГЕЙ. Не знаю.
ИРИНА. Хорошо.
Она ничего не добавляет. Она не отворачивается.
КАТЯ. Я, вообще-то, ещё не всё вам сказала. Лучше сядьте.
Ирина и Сергей садятся за столик. Ирина всё ещё сжимает в руке свою половину жёлтого конверта, Сергей выравнивает свою половину по краю стола. В это время Эркан подходит к Гульнаре с чашкой.
ЭРКАН. Ваш кофе. Буйрун.
ГУЛЬНАРА. Эркан.
ЭРКАН. Я слушаю вас внимательно.
КАТЯ. Так вот. По поводу отца ребёнка.

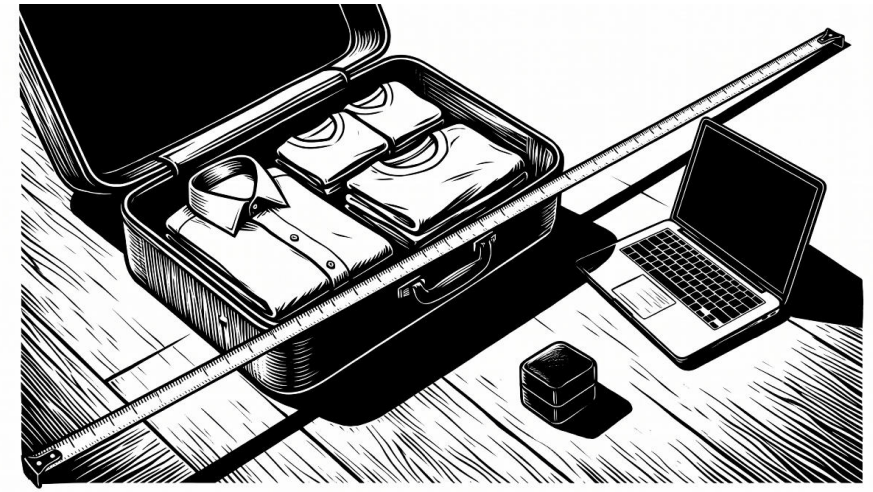
ГУЛЬНАРА. У вас дети есть?
Эркан отвечает не сразу. Впервые – не по форме.
ЭРКАН. Двое. Мальчик и мальчик.
КАТЯ. Я выхожу замуж.
Пауза. Ирина и Сергей сидят и смотрят на дочь.
СЕРГЕЙ. За кого?
ГУЛЬНАРА. Расскажите.
Затемнение.

ЗАНАВЕС.

Батуми, 2026

ЖЕНА ДЛЯ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Комедия с одним оффером и двумя никабами



Действующие лица

МАРАТ, 30 лет – программист.
АЙНУР, 28 лет – его девушка.
ГУЛЬНАРА, 55 лет – мать Марата и Дины.
ЛИДИЯ ПЕТРОВНА, 51 год – подруга Гульнары, учительница математики.
ДИНА (ДИНАРА), 19 лет – младшая сестра Марата.
САМИР, 45 лет – специалист компании «Мадар» по релокации и семейному комплаенсу.

Место и время действия

Одна из комнат в квартире Гульнары. Большой город Центральной Азии. Начало августа, четверг, вечер.
Декорация не меняется. Посреди комнаты – стол и шесть стульев. У стены раскрыт большой чемодан. На гладильной доске – мужская ру-

башка. На столе – закрытый ноутбук и компактный домашний принтер. У входной двери стоят два одинаковых серых магазинных пакета. Одна дверь ведёт в прихожую, другая – в комнаты квартиры.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Эпизод 1. Рубашка

Гульнара гладит рубашку. Марат складывает вещи в раскрытый чемодан. Гульнара, не прекращая гладить, время от времени вынимает из чемодана то, что он только что положил. Марат возвращает вынутое обратно.

ГУЛЬНАРА. Уже половина восьмого, а у тебя рубашка как изо рта верблюда.

МАРАТ. Я её не беру.

ГУЛЬНАРА. Поэтому я её глажу.

МАРАТ. Там жарко.

ГУЛЬНАРА. На собеседовании у них тоже жарко?

МАРАТ. Онлайн-собеседование я уже прошёл.

ГУЛЬНАРА. Значит, будут твои проводы. На проводах ты в чём будешь?

МАРАТ. В футболке.

ГУЛЬНАРА. На собственных проводах он будет в футболке.

Она снимает рубашку с доски, складывает и кладёт в чемодан. Марат достаёт её и кладёт на стул.

МАРАТ. Мама, я ещё не уезжаю. Сегодня только очная проверка.

ГУЛЬНАРА. Сначала носки.

МАРАТ. Проверка в половине девятого. Сюда приедет Самир из «Мадара».

ГУЛЬНАРА. Чёрные носки лежат под синими. Синие не бери, они после стирки стали разными.

МАРАТ. Он должен поговорить со мной и с человеком, который указан в анкете как моя будущая супруга.

ГУЛЬНАРА. Таблетки от желудка где?

МАРАТ. Мне не нужны таблетки.

ГУЛЬНАРА. Поэтому они нужны мне. Я не могу каждый раз лететь в твой Персидский залив, когда у тебя изжога.

МАРАТ. Это закрытый семейный кампус компании «Мадар». Одиноких сотрудников там не размещают.
ГУЛЬНАРА. Ну конечно. Одиноких не размещают, а матерей даже не рассматривают.
МАРАТ. Квартира для семейных входит в оффер.
ГУЛЬНАРА. Какая квартира?
МАРАТ. Отдельная.
ГУЛЬНАРА. От кого отдельная?
МАРАТ. Ото всех.
ГУЛЬНАРА. У тебя и здесь отдельная комната.
МАРАТ. Комната – это не квартира.
ГУЛЬНАРА. Кухня общая, да, зато еда всегда есть.
МАРАТ. В новой квартире у меня будет свой ключ.
ГУЛЬНАРА. У тебя и здесь есть ключ.
МАРАТ. У тебя тоже.
ГУЛЬНАРА. Я мать. Мне положено.
МАРАТ. Там не будет положено.
ГУЛЬНАРА. Там тебе будет некому открыть, если забудешь свой.
Она осматривает чемодан.
ГУЛЬНАРА. Сколько комнат?
МАРАТ. Две спальни.
ГУЛЬНАРА. Почему две?
МАРАТ. Потому что жильё семейное.
ГУЛЬНАРА. Тебе одному и одной хватит.
МАРАТ. Я буду не один.
ГУЛЬНАРА. Ну конечно. Будешь с Айнур. Она сама работает до ночи. Кто там будет за тобой следить?
МАРАТ. Мам, мне тридцать лет.
ГУЛЬНАРА. Именно. Уже поздно начинать эксперименты.
Она открывает боковой карман чемодана и кладёт туда упаковку таблеток.
МАРАТ. Проверяющий будет смотреть кандидата вживую: как я говорю, как держусь. И заодно познакомится с моей будущей женой. В кампусе селят только законных супругов – никаких невест и гражданских браков.
ГУЛЬНАРА. А холостых?
МАРАТ. Холостых – в общежитие через дорогу, без кухни и с соседом. Поэтому я с утра дважды записал Айнур как свою жену: в основную анкету и в заявку на семейный кампус.

ГУЛЬНАРА. Дважды записал – её ни разу не спросил.
МАРАТ. Анкету нужно было закрыть до десяти тридцати утра, а с Айнур я поговорю сейчас.
ГУЛЬНАРА. У девушки тоже срок был до десяти тридцати утра?
МАРАТ. У анкеты.
ГУЛЬНАРА. А девушка у тебя бессрочная. И свидетельство о браке им нужно уже в понедельник до полудня.
МАРАТ. Откуда ты знаешь про понедельник?
ГУЛЬНАРА. У тебя всё на лице написано. То есть Айнур ты решил оставить без настоящей свадьбы?
МАРАТ. У меня дедлайн. Сроки горят.
Гульнара вынимает из чемодана три футболки.
МАРАТ. Футболки оставь, они нужны.
ГУЛЬНАРА. Они одинаковые.
МАРАТ. Это разные футболки.
ГУЛЬНАРА. Одна серая, вторая серая, третья серая.
МАРАТ. Оттенки разные.
ГУЛЬНАРА. Вот и женись на оттенке. Зачем тебе Айнур? Я вообще против.
Она оставляет одну футболку, две откладывает.
МАРАТ. Мама, этот оффер – супервыгодное предложение. Такую работу только раз в жизни предлагают.
ГУЛЬНАРА. Я не против супервыгодного предложения.
МАРАТ. Кампус безопасный.
ГУЛЬНАРА. Я не против кампуса.
МАРАТ. Значит, ты против Айнур.
ГУЛЬНАРА. Дело не в Айнур. Дело в том, что она за тобой приглядывать не будет.
МАРАТ. Я туда работать еду, а не в детский сад ходить.
ГУЛЬНАРА. Работа вечером заканчивается.
МАРАТ. У меня ненормированный график.
ГУЛЬНАРА. Тем более. И кто тебе напомнит, что уже ночь на дворе?
МАРАТ. Автоматизированная система уведомлений.
ГУЛЬНАРА. Твоя система тебя поесть не заставит.
МАРАТ. Доставку закажу.
ГУЛЬНАРА. В доставке суп вечно проливается.
МАРАТ. Можно суп не заказывать.
ГУЛЬНАРА. Нет, первое нужно есть каждый день, иначе изжога. Вот поэтому тебе рядом и нужен живой человек.

МАРАТ. Поэтому я и указал Айнур в анкете.
ГУЛЬНАРА. Анкета неправильная. Нужно было указать мать.
МАРАТ. Мам, это семейный кампус. С родителями туда пускают только на новогодний утренник.
ГУЛЬНАРА. А загранпаспорт у тебя где?
Марат останавливается.
МАРАТ. В столе.
ГУЛЬНАРА. На дне моей сумки. Ты мне его вчера сам отдал, чтобы я копию сняла.
МАРАТ. Это другое.
ГУЛЬНАРА. Ну конечно. Паспорт у матери – это забота. Паспорт у тебя – объявляй в розыск.
Она достаёт паспорт из сумки и кладёт на стол.
ГУЛЬНАРА. Лида вчера тоже свой нашла. Звонила, спрашивала, можно ли ещё его на визу подавать. Девять лет лежит без единой поездки.
МАРАТ. Почему она спрашивала тебя?
ГУЛЬНАРА. Потому что мы девять лет собираемся куда-нибудь вместе. Я ей сказала: пусть пришлёт страницу, ты посмотришь и проверишь.
МАРАТ. Мне она ничего не присылала.
ГУЛЬНАРА. Значит, ещё не прислала. Сериал смотрит.
МАРАТ. Билеты я оформил.
ГУЛЬНАРА. Видела уже.
МАРАТ. Где?
ГУЛЬНАРА. У тебя в почте.
МАРАТ. Снова лазила в мою почту?
ГУЛЬНАРА. Я просто проверила билеты. Вдруг ты с датой напутал.
МАРАТ. У меня же там пароль стоит.
ГУЛЬНАРА. Мой день рождения. Родной матери ни за что не догадаться.
МАРАТ. Даты я не путал.
ГУЛЬНАРА. В шесть сорок нормальные люди ещё спят, а не летят расписываться. Одно это уже подозрительно.
МАРАТ. Зато рейс удобный.
ГУЛЬНАРА. Кому удобный?
МАРАТ. Мне. Есть шанс незаметно уехать в аэропорт, пока ты не проснулась.
Гульнара кивает на серые пакеты у двери.

ГУЛЬНАРА. Тогда не забудь эти два пакета.
МАРАТ. Что там?
ГУЛЬНАРА. Дорожная одежда для Айнур. Я заказала два размера. Курьер утром принёс.
МАРАТ. Зачем два?
ГУЛЬНАРА. Женщина перед дорогой всегда либо худеет, либо поправляется.
МАРАТ. Айнур такое не носит.
ГУЛЬНАРА. Там будет носить. Там все носят.
МАРАТ. Мама, не надо. И Айнур не заставляй.
ГУЛЬНАРА. Я никого не заставляю. Я готовлюсь.
Входит Дина. В руках у неё строительная рулетка. Она оценивает чемодан, затем комнату и с громким треском вытягивает металлическую ленту.
ДИНА. Так. Чемодан открыт. Значит, вопрос по наследству уже уместен.
ГУЛЬНАРА. Дина! Ничего тебе не достанется.
ДИНА. Мне не нужно ничего. Мне нужна комната моего старшего брата.
Она приседает и начинает тянуть рулетку от двери к стене.
ДИНА. Двести сорок. Шикарно.
МАРАТ. Сестрёнка, я ещё здесь.
ДИНА. Я вижу. Отойди на шаг, ты стоишь на месте моего будущего туалетного столика.
Марат устало сдвигается. Дина фиксирует рулетку.
ДИНА. Поэтому пока только замеры.
ГУЛЬНАРА. Никаких замеров.
ДИНА. Мам, это не загранпаспорт. Рулетку у меня отбирать не надо.
Она подходит к стене, прикладывает рулетку.
ДИНА. Если его стол поставить вдоль окна, останется проход семьдесят два сантиметра.
ГУЛЬНАРА. Его стол никто не будет ставить вдоль окна.
ДИНА. Мам, он уезжает.
Она резко отпускает ленту; та с хлопком сматывается.
ГУЛЬНАРА. Он вернётся.
МАРАТ. Контракт на два года.
ГУЛЬНАРА. Два года пройдут быстро.
ДИНА. Для шкафа – вечность. А кровать мы на дачу вывезем или сразу сожжём?

МАРАТ. Комната будет свободна завтра с утра, если я сегодня пройду проверку.
ГУЛЬНАРА. Она не будет свободна. Вещи останутся.
ДИНА. Вещи можно перенести.
ГУЛЬНАРА. Его вещи никто никуда переносить не будет.
ДИНА. Значит, он уедет, а ты будешь здесь присматривать за его носками?
Дина прячет рулетку в карман.
ГУЛЬНАРА. Дело не в носках. Ты его комнату не получишь.
ДИНА. Я спросила у Марата.
ГУЛЬНАРА. А ответила я.
ДИНА. В нашем доме так всегда и происходит.
МАРАТ. Дина, мне нужно собраться. У меня завтра бракосочетание.
ДИНА. Ого. С кем?
ГУЛЬНАРА. С Айнур.
ДИНА. Она знает?
ГУЛЬНАРА. Она узнает. Марат с ней поговорит. Она всё поймёт.
ДИНА. Он умеет делать предложение руки и сердца?
ГУЛЬНАРА. Он всё умеет.
ДИНА. Марат, ты умеешь?
ГУЛЬНАРА. Я же сказала.
ДИНА. Понятно. Значит, и размер кольца ты сама выбрала.
Гульнара берёт выглаженную рубашку со стула и снова кладёт в чемодан. На этот раз Марат не успевает её вынуть: звонят в дверь.

Эпизод 2. Предложение

Дина идёт открыть. Гульнара мгновенно поправляет рубашку Марата, хотя она и без того сидит ровно. Входит Айнур. В руках у неё рабочая сумка.
АЙНУР. Добрый вечер.
ГУЛЬНАРА. Проходи, Айнур. Опять прямо с работы?
АЙНУР. Да.
ГУЛЬНАРА. Ужинала?
АЙНУР. Нет.
ГУЛЬНАРА. Ну конечно. Марат, вот я тебе и говорю.
АЙНУР. А что вы ему говорите?
ГУЛЬНАРА. Ничего. Поешь сначала.
МАРАТ. Айнур, нам нужно кое-что обсудить.

ГУЛЬНАРА. На голодный желудок такие дела не решают.
АЙНУР. А что мне нужно решить?
МАРАТ. Я всё рассчитал.
ДИНА. Многообещающее начало.
ГУЛЬНАРА. Дина, иди к себе.
ДИНА. А я почти у себя. Если у брата сейчас всё получится, то завтра с утра это моя комната.
МАРАТ. Айнур, завтра у нас рейс в Тбилиси. В шесть сорок утра. Регистрация в Доме юстиции в час дня. Посредник обещал сделать апостиль к четырём.
АЙНУР. Какая ещё регистрация в Тбилиси?
МАРАТ. Регистрация брака.
Марат достаёт маленькую коробочку и кладёт на стол между собой и Айнур.
АЙНУР. Нашего?
МАРАТ. Да.
Айнур берёт коробочку, но не открывает. Улыбка появляется и тут же пугает её саму.
АЙНУР. Я сейчас на секунду обрадовалась. Сама себе не поверила. На целую секунду вдруг решила, что ты выбрал меня. Хорошо, что ты сразу про апостиль сказал.
МАРАТ. Я всё рассчитал.
АЙНУР. Я так и поняла.
ДИНА. Гений.
АЙНУР. Кольцо сам выбирал?
МАРАТ. Вместе с доставкой.
ГУЛЬНАРА. А размер я подсказала.
ДИНА. Бинго.
АЙНУР. Вы знали?
ГУЛЬНАРА. Я вообще-то его мать.
АЙНУР. И поэтому во всё вмешиваетесь?
ГУЛЬНАРА. А размер кольца он бы откуда узнал?
АЙНУР. У меня бы спросил, например.
МАРАТ. Тогда не получилось бы сюрприза.
АЙНУР. Зато теперь сюрприз удался для всех, кроме твоей мамы.
Айнур кладёт коробочку обратно на стол, но пока не отодвигает от себя.
ДИНА. Просто коробочка прошла мамин контроль. В нашем доме всё так и происходит.

ГУЛЬНАРА. Дина, дай брату спокойно сделать предложение.
АЙНУР. Марат…
МАРАТ. Там всё под ключ, за один день уложимся. В пакет входят грузинский переводчик и двое местных свидетелей.
АЙНУР. Надеюсь, свидетелей хотя бы спросят.
МАРАТ. В аэропорт нужно выехать заранее. Такси я уже заказал.
АЙНУР. Подожди.
МАРАТ. Билеты оформлены. Забрал последние два места на рейсе. Багаж включён.
АЙНУР. А отпуск ты мне тоже оформил?
МАРАТ. Регистрация брака отнимет у тебя один рабочий день. У тебя есть отгулы.
АЙНУР. Ты что, посчитал мои отгулы?
МАРАТ. Ты сама мне о них говорила.
АЙНУР. И ты решил, что один отгул можно потратить на внезапную свадьбу?
ГУЛЬНАРА. Для таких событий отгулы и берут.
АЙНУР. Гульнара Каримовна, своими отгулами я сама распоряжаюсь. По крайней мере, пока.
Она смотрит на Марата.
АЙНУР. Марат, ты мне сейчас предложение делаешь?
МАРАТ. Да.
АЙНУР. Не в деловую поездку зовёшь?
МАРАТ. Нет.
АЙНУР. И не срочную задачу закрываешь?
Пауза.
МАРАТ. Тут дело в оффере.
АЙНУР. Я так и поняла.
МАРАТ. Компания «Мадар» предлагает мне хорошую работу в Персидском заливе. Отличные условия. Дают жильё. Контракт на два года.
АЙНУР. И ты хочешь, чтобы я поехала с тобой.
МАРАТ. В семейный кампус селят только с супругой.
АЙНУР. Это не ответ на мой вопрос.
ГУЛЬНАРА. Конечно, хочет. Иначе зачем ему было брать второй билет?
АЙНУР. Я сейчас не с вами разговариваю, Гульнара Каримовна.
ГУЛЬНАРА. Я просто объясняю. Он же волнуется.
МАРАТ. Я не волнуюсь.

ДИНА. Марат всё рассчитал. Марат не волнуется.
АЙНУР. А если бы не этот оффер, ты бы сделал мне предложение?
МАРАТ. Конечно. Чуть позднее.
Айнур медленно отодвигает коробочку от себя.
АЙНУР. Чуть позднее.
МАРАТ. Оффер просто ускорил процесс.
АЙНУР. Как экспресс-доставка ускоряет покупку.
МАРАТ. Мы давно вместе.
АЙНУР. Два года и восемь месяцев.
МАРАТ. Срок вполне достаточный.
АЙНУР. Для чего?
МАРАТ. Чтобы пожениться.
АЙНУР. А вчера его было ещё недостаточно?
МАРАТ. Вчера не было дедлайна по офферу.
АЙНУР. Тогда ты мне не предложение сейчас сделал. Ты предложил мне вакансию жены.
ГУЛЬНАРА. Айнур, ну зачем цепляться к словам? Главное – что он зовёт тебя замуж.
АЙНУР. Он зовёт меня в графу «семейное положение» или что там у него в анкете.
МАРАТ. Эта графа обязательна.
АЙНУР. Спасибо. С романтикой всё предельно ясно.
МАРАТ. Я всё организовал.
АЙНУР. Всё, кроме моего согласия.
МАРАТ. Твоё согласие понадобится завтра в Доме юстиции.
АЙНУР. А сегодня оно тебе, значит, не нужно?
ДИНА. Упс!
МАРАТ. Сегодня нужно пройти проверку.
АЙНУР. Какую ещё проверку?
МАРАТ. В половине девятого приедет проверяющий из «Мадара». Самир. Он смотрит меня как кандидата. И знакомится с тобой. В кампус пускают только с жёнами.
АЙНУР. Ты уже подал заявку на кампус?
МАРАТ. Да.
АЙНУР. И кто же там вписан вместе с тобой?
МАРАТ. Ты.
АЙНУР. С каких это пор?
МАРАТ. С десяти тридцати утра.
АЙНУР. То есть ты вписал меня в свой контракт ещё утром?

МАРАТ. Да, потому что дедлайн. Я же уже объяснял.
АЙНУР. И весь день молчал?
МАРАТ. Я хотел сначала нормально сделать предложение.
ДИНА. Гениально.
АЙНУР. Сначала зачислил в штат на позицию жены, а потом сделал предложение?
ГУЛЬНАРА. Он просто был уверен, что ты согласишься.
АЙНУР. Я сейчас не с вами разговариваю, Гульнара Каримовна.
ГУЛЬНАРА. А я за него отвечаю, потому что он всё не так объясняет.
АЙНУР. Как раз всё он объясняет правильно.
МАРАТ. Анкета – это предварительные данные.
АЙНУР. А я – предварительная жена?
МАРАТ. До регистрации – да.
ДИНА. Демоверсия.
МАРАТ. Завтра будет официальное свидетельство о браке.
ДИНА. Активация полной версии.
ГУЛЬНАРА. Дина!
ДИНА. Да я здесь просто как техподдержка.
АЙНУР. Попроси перенести проверку.
МАРАТ. Следующее окно только в среду. А оффер нужно оформить до понедельника, до двенадцати. Иначе место уходит резервному кандидату.
АЙНУР. Это компания сказала или ты сам так решил?
ГУЛЬНАРА. Это написано в письме отдела кадров.
МАРАТ. Мам.
ГУЛЬНАРА. Я просто проверила.
АЙНУР. Хорошо, что твоя мать не пропускает ни одного твоего письма.
МАРАТ. В понедельник я уже не выхожу на старую работу. Перенос на среду слишком рискованный.
АЙНУР. Для кого рискованный?
МАРАТ. Для оффера.
АЙНУР. А для нас?
МАРАТ. Мы полетим вместе.
АЙНУР. И это опять не ответ.
МАРАТ. Зато так надёжнее.
АЙНУР. Надёжнее... У нашей квартиры будет дверь?
МАРАТ. Да.
АЙНУР. А у Гульнары Каримовны будет от неё ключ?

ГУЛЬНАРА. Зачем мне ключ от квартиры в другой стране?
ДИНА. Туда же нельзя приезжать на каждые выходные.
МАРАТ. Ключи будут только у жильцов. У меня и у тебя. У мамы ключа не будет.
АЙНУР. По-моему, ты этому рад больше, чем своей завтрашней женитьбе.
МАРАТ. Мы же сейчас обсуждаем переезд.
АЙНУР. Нет. Мы обсуждаем причину. Ты хочешь на мне жениться или просто съехать от мамы?
МАРАТ. Я рассчитывал это совместить.
Айнур резко придвигает коробочку с кольцом к Марату.
АЙНУР. Нет.
МАРАТ. Вылет завтра утром.
АЙНУР. Слышала.
МАРАТ. Запись в Доме юстиции на час дня.
АЙНУР. Я уже выучила твоё расписание, Марат.
МАРАТ. Перенос невозможен.
АЙНУР. Ну так и не переноси.
ГУЛЬНАРА. Айнур, сядь. Ты устала. Поешь – потом нормально поговорите.
АЙНУР. Вы тут и без меня нормально поговорили.
ГУЛЬНАРА. Я за тебя ничего не решала.
АЙНУР. Пока нет.
Айнур берёт сумку.
МАРАТ. Я всё организовал. Отменить можно только такси в аэропорт.
АЙНУР. Вот видишь. Хоть что-то, оказывается, можно отменить.
Она идёт к двери, замечает два серых пакета.
АЙНУР. А это что?
ГУЛЬНАРА. Ничего. Дорожное.
МАРАТ. Мама заказала тебе одежду для Персидского залива, которую никто не требовал.
АЙНУР. Тоже размер выбирали?
ГУЛЬНАРА. Два.
АЙНУР. Тогда одного моего отказа вам точно мало.
Айнур уходит.
ГУЛЬНАРА. Я же говорила, что ты никуда не уедешь.
ДИНА. Ты потеряешь работу только из-за того, что им нужна жена?

МАРАТ. Жена нужна к понедельнику. Жениться, правда, теперь не на ком.
ГУЛЬНАРА. Подай заявку на общежитие. Может, они смогут поселить меня вместо соседа.
МАРАТ. Поздно. К тому же не факт, что они бы дали оффер холостому. У них там традиционные ценности.
ДИНА. Можно объявление подать: «Срочно ищу жену для Персидского залива. Никаб и абайя уже куплены».
МАРАТ. Тебе всё шуточки.
ДИНА. Я бы на месте Айнур тоже не согласилась. Ты мог хотя бы на одно колено встать.
Гульнара берёт коробочку с кольцом, оценивающе вертит её в руках и возвращает Марату.
ГУЛЬНАРА. И коробочка маловата.
МАРАТ. Это стандартный размер.
ГУЛЬНАРА. А ситуация у тебя нестандартная. В том-то и дело.
Она берёт телефон.
ГУЛЬНАРА. Никуда не уходи. Я позвоню Лиде.
ДИНА. Зачем звонить тёте Лиде?
ГУЛЬНАРА. Она всегда меня выручала. Что-нибудь придумаем.
МАРАТ. Мама, не надо. Я сам что-нибудь придумаю.
ГУЛЬНАРА. Вот это ты скажешь, когда я тебя спрошу. А я тебя пока не спрашиваю.
Гульнара выходит.

Эпизод 3. Двадцать ноль две

Марат открывает ноутбук. Дина остаётся у стола. Коробочка с кольцом лежит рядом с компьютером.
ДИНА. Мама опять решила взять всё в свои руки.
МАРАТ. До проверки полчаса.
ДИНА. Придумывай что-нибудь.
МАРАТ. Можно сказать Самиру, что моя жена внезапно заболела, её положили в больницу.
ДИНА. Тогда почему ты здесь, а не у неё в палате?
МАРАТ. Она в реанимации, туда не пускают.
ДИНА. А можно просто не врать. Позвонить Айнур и сделать вторую попытку.

МАРАТ. Мы с ней за полчаса отношения не выясним. Это минимум на всю ночь разговоров.
Входит Гульнара.
ГУЛЬНАРА. Дина, ты переезжаешь в эту комнату.
МАРАТ. А я?
ГУЛЬНАРА. А ты летишь в Грузию, а потом с женой в Персидский залив.
МАРАТ. Айнур отказалась.
ГУЛЬНАРА. Поэтому у тебя будет другая жена.
ДИНА. Кто?
МАРАТ. Кто?
ГУЛЬНАРА. Лида.
МАРАТ. Тётя Лида?
ДИНА. Мам, жена – это не доставка на дом.
ГУЛЬНАРА. Доставка не взяла бы трубку с первого раза.
МАРАТ. Она что, согласилась?
ГУЛЬНАРА. Она согласилась прийти и выслушать твое предложение.
ДИНА. Это не одно и то же.
ГУЛЬНАРА. Для начала достаточно. И проверь почту, она должна была отправить тебе скан своего загранпаспорта.
Марат проверяет почту на ноутбуке.
ГУЛЬНАРА. Я сказала, что ты проверишь срок действия паспорта и посчитаешь переоформление билета.
ДИНА. Срок и билет. Но не брак же.
ГУЛЬНАРА. Ваш брак она обсудит здесь.
МАРАТ. Технически можно успеть внести ее данные в анкету до сегодняшней проверки.
ДИНА. Марат, она тебя старше на двадцать лет.
ГУЛЬНАРА. На двадцать один. Ей пятьдесят один год, ему тридцать. Не делай из арифметики трагедию.
ДИНА. Я делаю трагедию из того, что вы уже открыли анкету.
МАРАТ. В десять тридцать закрылась сама квота на семейный кампус. Квоту я застолбил, а паспортные данные сопровождающего внутри заявки система даёт редактировать до полуночи.
ДИНА. Закрой анкету. Иди к Айнур. Встань на колени. Проси прощения.
ГУЛЬНАРА. Не мешай брату поправлять своё семейное положение.

ДИНА. Мам, ты же сама была против его отъезда. Кто там за ним присмотрит?
ГУЛЬНАРА. Лида присмотрит. Она и стряпает хорошо. С ней ему таблетки от изжоги не понадобятся.
Гульнара вытаскивает из чемодана упаковку таблеток и оставляет на столе.
ДИНА. Он Айнур любит, а не тетю Лиду.
ГУЛЬНАРА. Айнур может к нему в отпуск прилетать. Или в отгулы. Она же ими сама распоряжается.
МАРАТ. Поле приняло данные.
ДИНА. Что ты сделал?
МАРАТ. Поставил тетю Лиду как сопровождающее лицо.
ДИНА. До того, как она пришла?
МАРАТ. Поле было открыто для изменений.
ДИНА. Во сколько ты внёс туда Айнур?
МАРАТ. В десять тридцать.
Дина смотрит на часы в телефоне.
ДИНА. А тетю Лиду внёс в двадцать ноль две. Ваш брак с Айнур не продержался и десяти часов.
МАРАТ. Я же сказал ей, что данные предварительные.
ГУЛЬНАРА. Айнур сама отказалась.
ДИНА. Она отказалась сгоряча. Зачем стирать её фамилию, если до понедельника ещё есть время?
МАРАТ. Фамилия осталась в истории изменений. При необходимости можно откатиться к предыдущей версии.
ДИНА. Ты сейчас говоришь о ней как о сохранённом файле.
МАРАТ. Я говорю об анкете.
ДИНА. Удобно. Анкета не будет выяснять отношения.
ГУЛЬНАРА. Ты такси в аэропорт отменил?
МАРАТ. Не успел.
ГУЛЬНАРА. И правильно. А билет?
МАРАТ. В принципе, тоже можно переоформить.
ДИНА. Алло! Тетя Лида ещё даже не пришла сюда.
МАРАТ. Билет можно потом тоже откатить к предыдущей версии.
ДИНА. А её согласие?
ГУЛЬНАРА. Лида всегда меня выручала.
Пауза.
МАРАТ. Билет переоформлен. Место у прохода.

ДИНА. Поверить не могу. За одну минуту тетя Лида стала невестой вместо Айнур и получила её место у прохода.
МАРАТ. Мне хуже. Я полечу посередине.
ДИНА. Действительно, трагедия.
ГУЛЬНАРА. Распечатай билет. Человек должен видеть, что предложение настоящее.
Марат нажимает кнопку на клавиатуре. Принтер оживает и с жужжанием выдаёт страницу.
ДИНА. А предложение руки и сердца ему распечатывать не нужно?
ГУЛЬНАРА. Лида взрослая женщина. Ей не нужны эти приседания на одно колено.
ДИНА. А взрослый мужчина ей нужен?
ГУЛЬНАРА. Он за столом.
ДИНА. Я вижу только программиста с ноутбуком.
Звонок в дверь.
ГУЛЬНАРА. А теперь увидишь взрослую женщину. Убери рулетку.
ДИНА. Не уберу. На ней хотя бы деления честные.
Она идёт открывать.

Эпизод 4. Смотрины

Дина возвращается. За ней входит Лидия Петровна. В руках у неё небольшая сумка и папка с документами. Она в домашнем, но с уложенными волосами: собиралась пять минут.
ЛИДИЯ. Добрый вечер. Гуля, что случилось?
ГУЛЬНАРА. Ничего не случилось. Садись.
ЛИДИЯ. Ты по телефону сказала «беда».
ГУЛЬНАРА. Я сказала «дело».
ЛИДИЯ. Ты сказала «беда», я взяла паспорт и полис.
ДИНА. Полис не понадобится. Это не страховой случай.
ГУЛЬНАРА. Лида, садись. Марат, встань.
Марат встаёт из-за стола. Лидия садится, оглядывает комнату: чемодан, гладильную доску, коробочку с кольцом.
ЛИДИЯ. У вас кто-то уезжает.
ГУЛЬНАРА. Марат уезжает.
ЛИДИЯ. Поздравляю.
ГУЛЬНАРА. Пока не с чем.
ЛИДИЯ. А паспорт мой зачем?
ГУЛЬНАРА. Ты просила проверить срок.

ЛИДИЯ. Это я просила три дня назад.
ГУЛЬНАРА. А сегодня появилась возможность.
Лидия кладёт папку на стол.
ЛИДИЯ. Гуля. Говори нормально.
ГУЛЬНАРА. Марат женится.
ЛИДИЯ. Ну наконец-то. На Айнур?
ГУЛЬНАРА. На тебе.
Пауза.
ЛИДИЯ. Дина, у мамы давление мерили сегодня?
ДИНА. Мерили. Сто двадцать на восемьдесят. Она в здравом уме, и это самое страшное.
ЛИДИЯ. Гуля, мне пятьдесят один.
ГУЛЬНАРА. Я знаю. Я была на твоём юбилее.
ЛИДИЯ. Ему тридцать.
ГУЛЬНАРА. Я была и на его тридцатилетии.
ЛИДИЯ. Я его на руках держала.
ГУЛЬНАРА. А теперь подержишь под руку.
ЛИДИЯ. Марат, а ты чего молчишь?
МАРАТ. Жду, когда у вас закончатся воспоминания.
ЛИДИЯ. Я могу тебя и на горшке вспомнить.
ГУЛЬНАРА. Марат, скажи ей.
Марат берёт со стола распечатанный лист.
МАРАТ. Тетя Лида! То есть Лидия Петровна. Компания «Мадар» предлагает мне работу в Персидском заливе. Контракт на два года. Жильё в закрытом семейном кампусе, две спальни, коммунальные расходы включены. Медицинская страховка на сотрудника и на его супругу.
ЛИДИЯ. Так. Это ты сейчас мне предложение делаешь?
МАРАТ. Я излагаю условия.
ДИНА. Второе предложение руки и сердца за вечер, и оба по бумажке. Прогресса ноль.
ЛИДИЯ. А первое кому было?
ДИНА. Айнур.
ЛИДИЯ. И что она?
ДИНА. Ушла.
ЛИДИЯ. Умная девочка.
ГУЛЬНАРА. Лида!
ЛИДИЯ. Что «Лида»? Я говорю то, что вижу. Мальчик собрал чемодан раньше, чем спросил невесту.

МАРАТ. Чемодан собрала мама.
ЛИДИЯ. Тем более.
Гульнара садится напротив Лидии.
ГУЛЬНАРА. Лида. Вылет завтра в шесть сорок. Место у прохода. Регистрация в Тбилиси в час дня. Свидетельство о браке он должен принести в отдел кадров в понедельник. Айнур сказала «нет». Ты мне девять лет говоришь, что хочешь куда-нибудь поехать.
ЛИДИЯ. Я говорю «в Турцию». На неделю. С тобой.
ГУЛЬНАРА. А тут на два года и с моим сыном. Там тоже море.
ЛИДИЯ. Это не одно и то же, Гуля.
ГУЛЬНАРА. Это лучше.
ЛИДИЯ. Это брак. Замужество.
ГУЛЬНАРА. Замужество – это тоже поездка. Просто длинная. И вдвоём.
Дина берёт со стола коробочку с кольцом и вертит её.
ДИНА. Тёть Лид, не соглашайтесь. Кольцо выбирала мама.
ЛИДИЯ. Я поняла это раньше, чем вошла.
МАРАТ. Кольцо можно поменять.
ЛИДИЯ. Марат, я даже спорить не буду. Я сейчас скажу один раз, а вы все послушайте.
Все замолкают.
ЛИДИЯ. Замуж за тебя я не пойду. Ни завтра, ни в понедельник. Я двадцать три года была замужем и знаю, чем это заканчивается, если начинается с расписания.
ГУЛЬНАРА. Лида, ты не дослушала.
ЛИДИЯ. Я дослушала до Тбилиси с местом у прохода. Дальше уже неинтересно.
Лидия берёт папку и встаёт.
МАРАТ. Тогда всё.
ГУЛЬНАРА. Что «всё»?
МАРАТ. Через двадцать минут придёт проверяющий от компании. Один я ему не нужен.
ЛИДИЯ. Как это не нужен? Ты же хороший специалист.
МАРАТ. Специалист хороший. Но холостой.
ЛИДИЯ. И что?
МАРАТ. В семейный кампус холостых не селят. Значит, разговор будет короткий и не в мою пользу.
ДИНА. Брошен одной, брошен другой, потом уволен. Насыщенный вечер холостого специалиста.

ЛИДИЯ. Никто тебя ещё не уволил.
МАРАТ. Пока нет.
Лидия останавливается у двери. Смотрит на два серых пакета.
ЛИДИЯ. А это что за пакеты?
ГУЛЬНАРА. Это дорожное.
Гульнара поднимает оба пакета, ставит на стол и раскрывает. Достаёт две длинные чёрные абайи с никабами: одну просторнее, другую поменьше. Ткань струится до пола.
ЛИДИЯ. Гуля.
ГУЛЬНАРА. Я заказала два размера. Для Айнур.
ЛИДИЯ. Айнур ушла.
ГУЛЬНАРА. Но размеры остались.
Пауза. Лидия смотрит на абайю. Марат смотрит на Гульнару. Дина смотрит на всех.
ДИНА. Мам. Даже не думай об этом.
ГУЛЬНАРА. Я предлагаю выход.
ДИНА. Ты сейчас серьёзно?
МАРАТ. Мама, это не выход.
ГУЛЬНАРА. А какой у тебя вариант? Что-нибудь придумал?
Марат молчит.
ГУЛЬНАРА. Самир приходит в половине девятого. Он видит хорошего специалиста и его жену. Жена в никабе и абайе, потому что жена уважает страну, куда едет. Он задаёт три вопроса, получает три ответа и уходит довольный.
ЛИДИЯ. Каких три вопроса?
ГУЛЬНАРА. Откуда я знаю. Он же не мне их задаст.
ДИНА. Мам, это не «выход». Это подлог.
ГУЛЬНАРА. Это одежда.
МАРАТ. Стоп.
Он берёт абайю, взвешивает её в руке, кладёт обратно.
МАРАТ. Давайте по существу. Сегодня решается только одно: приходит Самир и видит меня женатым или холостым. Всё остальное можно решить до понедельника.
ЛИДИЯ. Ты женат?
МАРАТ. Нет.
ЛИДИЯ. Тогда что он увидит?
МАРАТ. Женщину рядом со мной. Отсутствие женщины выглядит хуже, чем любая женщина в никабе.
ДИНА. Ты сам себя-то слышишь?

МАРАТ. Слышу. Отсутствие женщины – это ноль. Любая женщина – это единица. Единица лучше нуля.
ЛИДИЯ. Я – единица.
МАРАТ. Вы женщина, которая сегодня может просто постоять в этой комнате. Больше у меня никого нет.
ЛИДИЯ. Спасибо, Марат. Такого красивого предложения мне никогда не делали.
Дина подходит к матери.
ДИНА. Мам, отойди на минуту. Тёть Лид, послушайте меня.
ГУЛЬНАРА. Дина.
ДИНА. Я быстро. Тёть Лид, вопрос стоит так: сегодня вечером в этой комнате должна постоять женщина. Один час. Айнур сейчас на взводе и правильно на взводе. Через два дня она остынет, они помирятся, и в понедельник в отдел кадров он пойдёт с ней.
МАРАТ. Это не факт.
ДИНА. Это единственный вариант, при котором ты не идиот. Держись за него.
ЛИДИЯ. То есть я нужна как затычка на один вечер.
ДИНА. Вы нужны как пауза. Чтобы у них было время.
ГУЛЬНАРА. А если Айнур не остынет?
ДИНА. Остынет.
ГУЛЬНАРА. А если нет? Если она будет и дальше нос воротить, то Лида с ним и поедет. И правильно поедет. Там жарко, там все ходят закрытые, и никто никогда не разберёт, кто из них какого года рождения.
Пауза.
ДИНА. Да. Наотмашь.
ЛИДИЯ. Гуля, ты сейчас про что?
ГУЛЬНАРА. Я про то, что тебе пятьдесят один, и ты сидишь одна в двух комнатах с телевизором.
ЛИДИЯ. У меня хороший телевизор.
ГУЛЬНАРА. Он тебе борщ не хвалит.
ЛИДИЯ. Твой сын тоже не будет.
ГУЛЬНАРА. Будет. Я его научила.
Лидия долго смотрит на абайю.
ЛИДИЯ. Девять лет.
ГУЛЬНАРА. Что «девять лет»?

ЛИДИЯ. Паспорт девять лет лежит. Одна отметка – о выдаче. Мы с тобой девять лет собираемся, и каждый раз то у тебя огород, то у меня зубы.
ГУЛЬНАРА. В этом году у меня огорода нет.
ЛИДИЯ. В этом году у тебя сын уезжает.
Она берёт большую абайю в руки.
ЛИДИЯ. Значит, так. Замуж я не иду. Ни завтра, ни в понедельник, ни в среду. Это я сказала и повторять не буду.
МАРАТ. Понял.
ЛИДИЯ. Сегодня вечером я постою здесь один час. Потому что ты, Гуля, моя подруга, и он вырос у меня на глазах, а сейчас смотрит, как побитая собака.
МАРАТ. Я нормально смотрю.
ДИНА. Ты смотришь как человек, у которого закончились варианты.
ЛИДИЯ. А если через два дня эта девочка так и не вернётся – тогда поговорим ещё раз. Только уже без раскрытого чемодана и без кольца, которое выбирала твоя мать.
ГУЛЬНАРА. Вот и умница.
ЛИДИЯ. Я не умница. Я девять лет никуда не ездила и хочу посмотреть заграницу. Пусть даже через щёлочку никаба.
Лидия перекидывает абайю через руку.
ЛИДИЯ. Ну что, примерим.

Эпизод 5. Репетиция

Лидия надевает абайю поверх одежды. Гульнара помогает расправить подол. Марат раскладывает на столе распечатки. Дина сидит на подлокотнике и не участвует.
ГУЛЬНАРА. Подол не должен волочиться. Но и щиколотки открывать нельзя.
ЛИДИЯ. А между этими двумя катастрофами есть промежуток?
ГУЛЬНАРА. Есть. Сантиметра три.
Лидия делает несколько шагов и наступает на подол.
ЛИДИЯ. Ох. Три сантиметра я уже потратила.
ГУЛЬНАРА. Шаг короче. И не размахивай руками.
ЛИДИЯ. Я всю жизнь размахиваю руками.
ГУЛЬНАРА. Один час не размахивай.
Лидия идёт от двери к столу, придерживая подол.
ДИНА. Как учительница на линейке.

ЛИДИЯ. Я тридцать лет учительница на линейке.
МАРАТ. Теперь никаб.
Гульнара прикладывает никаб. Лидия отстраняется.
ЛИДИЯ. Погоди. Я в этом дышать смогу?
ГУЛЬНАРА. Женщины в этом живут.
ЛИДИЯ. Женщины в этом выросли. А я двадцать минут назад сериал смотрела.
Гульнара закрепляет никаб. Видны только глаза.
ГУЛЬНАРА. Ну вот.
ДИНА. Тёть Лид, скажите что-нибудь.
ЛИДИЯ. Что сказать?
ДИНА. Да… Уже ничего.
МАРАТ. Да, здесь проблема. Голос не подходит.
ЛИДИЯ. А что с моим голосом не так?
МАРАТ. С вашим голосом всё в порядке. Просто ему пятьдесят один год.
ЛИДИЯ. А тебе, значит, тридцать, и ты у нас поёшь как ангел.
ГУЛЬНАРА. Лида. Он прав. Ткань лицо закрывает, а голос не закрывает.
ДИНА. То есть план такой: женщина в никабе, стоит и молчит.
ГУЛЬНАРА. Женщина стоит, кивает и молчит.
ЛИДИЯ. Целый час?
МАРАТ. Минут сорок, не больше.
ЛИДИЯ. Марат, я сорок лет не молчала сорок минут подряд.
ДИНА. Мам, ты слышишь, как это звучит?
ГУЛЬНАРА. Звучит нормально. Скромная жена.
ДИНА. Немая жена звучит лучше.
ГУЛЬНАРА. Нет, пусть будет просто скромная. Язык ей еще может понадобиться. В понедельник, например.
ЛИДИЯ. Гуля, если ему нужна была немая жена, надо было сразу писать это в объявлении.
ДИНА. Не в объявлении. В требованиях к вакансии жены.
Марат берёт лист и ручку.
МАРАТ. Тогда короткая договорённость – я запишу, чтобы не забыть. Если проверяющий спросит вас напрямую – вы киваете. Если нужно ответить – отвечаю я.
ЛИДИЯ. А если он спросит, как меня зовут?
МАРАТ. Отвечу я.
ЛИДИЯ. А если он спросит, сколько мне лет?

МАРАТ. Такое не спрашивают.
ЛИДИЯ. В нашем доме спрашивают. Твоя мать вчера у соседки спросила.
ГУЛЬНАРА. Я спросила про её квартиру.
ЛИДИЯ. Ты спросила, за сколько она её получила, когда и от кого.
Марат быстро записывает.
МАРАТ. Дальше. Знакомы мы четыре года.
ЛИДИЯ. Марат, я тебя с пеленок знаю.
МАРАТ. То есть четыре года мы как пара.
ЛИДИЯ. А до этого мы кто были?
ГУЛЬНАРА. Соседи.
ЛИДИЯ. Я жила в другом районе.
ГУЛЬНАРА. Ну и что? Соседи по городу.
ДИНА. Мам, ты сейчас на ходу сочиняешь биографию живому человеку.
ГУЛЬНАРА. Я же не всю жизнь ему сочиняю. Всего четыре года.
МАРАТ. Познакомились мы на курсах.
ЛИДИЯ. На каких курсах?
МАРАТ. На любых. Английский, например.
ЛИДИЯ. Я математику преподаю.
МАРАТ. Тем более. Вы преподавали, я учился.
ЛИДИЯ. Марат, я твою сестру учила дробям.
ДИНА. Я у Лидии Петровны всегда домашку делала.
ЛИДИЯ. А теперь я, значит, учила тебя английскому, влюбилась и поехала вместе в Персидский залив.
ГУЛЬНАРА. Какая красивая история. Как в сериале.
ЛИДИЯ. Гуля, это не история. Это заявление в милицию.
Дина встаёт.
ДИНА. Нет, мне это не нравится. Это уже слишком далеко заходит. Марат. Позвони Айнур.
МАРАТ. Не сейчас.
ДИНА. Сейчас. Одна минута. Скажи: я идиот, приезжай, я всё отменю.
МАРАТ. Я не могу отменить понедельник.
ДИНА. Ты можешь отменить сегодняшний спектакль.
МАРАТ. Тогда не будет и понедельника.
ДИНА. Ты не понимаешь. Если она узнает вот про это, – *(она показывает на абайю),* – всё, никакого примирения не будет.
МАРАТ. Она не узнает. Ей просто никто не расскажет.

ДИНА. Ты в этом уверен?
Гульнара расправляет на Лидии абайю.
ГУЛЬНАРА. Дина, не мешай. Лида, повернись.
ЛИДИЯ. Гуля, а вот скажи мне. Там, куда он едет, женщина работать может?
ГУЛЬНАРА. Зачем тебе работать?
ЛИДИЯ. Я тридцать лет работаю.
ГУЛЬНАРА. Вот там и отдохнёшь.
ЛИДИЯ. А выходить из этого кампуса можно?
ГУЛЬНАРА. Конечно можно. С мужем.
ЛИДИЯ. А одной?
ГУЛЬНАРА. Зачем тебе одной?
ЛИДИЯ. Затем, что я двадцать минут назад была свободным человеком с телевизором. А теперь даже не знаю.
МАРАТ. Тётя Лида, эти вопросы никто сегодня задавать не будет.
ЛИДИЯ. Их задаю я.
МАРАТ. А ответы я узнаю на месте.
ЛИДИЯ. То есть ты зовешь жену ехать с тобой на два года в страну, про которую сам ничего не знаешь.
МАРАТ. Я знаю про контракт.
ЛИДИЯ. Контракт – это не страна.
ДИНА. Знание местных реалий: прочерк.
Марат складывает лист.
МАРАТ. Прогоняем вход. Звонок в дверь – открывает Дина. Тётя Лида стоит вот здесь, у стола. Не у двери. У двери стоят те, кто собирается уходить.
ЛИДИЯ. Логично.
МАРАТ. Я вас представляю. Вы киваете. Садимся. Мама предлагает чай.
ГУЛЬНАРА. Чай уже заварен.
МАРАТ. Он не пьёт наш чай.
ГУЛЬНАРА. Все пьют мой чай.
МАРАТ. Он в самолётах с шести утра.
ГУЛЬНАРА. Тем более.
Лидия делает пробный проход к столу и садится.
ЛИДИЯ. Так?
МАРАТ. Спину прямее.
ЛИДИЯ. Я и так прямая.
МАРАТ. И руки на колени.

Лидия кладёт руки на колени. Пауза. Все смотрят на неё.
ЛИДИЯ. Мне это не нравится.
ГУЛЬНАРА. Всего час.
ЛИДИЯ. Марат сказал «сорок минут».
МАРАТ. Не больше.
ЛИДИЯ. Тогда давайте считать с этой минуты.
ГУЛЬНАРА. Лида, встань.
Лидия встает. Гульнара еще раз критически ее оглядывает.
ГУЛЬНАРА. Пойдем в мою комнату, там зеркало большое. Надо что-то с подолом сделать.
Гульнара уводит Лидию во внутреннюю комнату – проверить, как сидит подол. Марат собирает листы и уходит следом с ноутбуком. Дина остаётся одна. Смотрит на вторую абайю, оставшуюся на столе. Складывает её и убирает в серый пакет.

Эпизод 6. Серый пакет

Дина одна. Достаёт телефон, набирает. Долго ждёт. Пока идут гудки, относит серый пакет в прихожую и оставляет его там, у порога.
ДИНА. Айнур, не сбрасывай… Знаю, что не хочешь… Тридцать секунд.
Она возвращается в комнату.
ДИНА. Нет, не он. Он бы не позвонил, он бы написал. И заполнил тему письма.
Пауза.
ДИНА. Айнур, слушай. Я тебе сейчас скажу вещь, после которой ты, наверное, приедешь и всех нас убьёшь. Но если я не скажу, ты узнаешь через неделю, и тогда убивать будешь дольше.
Пауза.
ДИНА. У нас дома тётя Лида… Да, та самая. Мамина подруга, которая тебе на день рождения полотенца дарила.
Пауза.
ДИНА. Она сегодня побудет женой Марата. Один вечер. Приедет этот проверяющий Самир, она постоит в углу и покивает.
Пауза.
ДИНА. Не смеюсь. Я бы очень хотела смеяться.
Пауза.

ДИНА. Как-как. В абайе и никабе. Мама заказала два комплекта. Помнишь два серых пакета у двери? Вот это они и были.
Пауза.
ДИНА. Я знаю, что это дичь. Я им это сказала. Меня выслушали и продолжили примерку.
Пауза. Дина садится на стул.
ДИНА. Айнур, теперь главное. Я тебе звоню не поэтому. Я звоню, потому что мама сказала вслух вот такую фразу: если Айнур будет и дальше нос воротить, Лида с ним и туда поедет. И добавила, что там всё равно все закрытые и разницу в возрасте никто не заметит.
Пауза. Длинная.
ДИНА. Я не пересказываю. Я цитирую… Нет. Она не пошутила. Она это два раза повторила.
Пауза.
ДИНА. Что «а он»? Он стоял рядом и считал минуты до звонка в дверь. А перед этим, ровно в двадцать ноль две, вбил тётю Лиду в анкету вместо тебя и переоформил на неё твой билет в Тбилиси. Да, на твоё место у прохода.
Пауза.
ДИНА. Айнур, дыши. Послушай меня. Ты сейчас злишься правильно. Но давай по порядку. Он уедет в понедельник или не уедет вообще. Если он сегодня провалит эту встречу, он останется здесь, но останется он злой и с мамой. Тебе такой нужен?
Пауза.
ДИНА. Вот и я думаю, что не нужен.
Пауза.
ДИНА. Поэтому план такой. Самир уйдёт в половине десятого. Я тебе напишу одно слово: «ушёл». Ты приезжаешь. Дверь я на замок закрывать не буду, будет на защёлке, просто толкнёшь. Заходишь, и вы наконец разговариваете. Без меня, без мамы и без тёти Лиды.
Пауза.
ДИНА. После. Не во время. Слышишь? После моего сообщения.
Пауза.
ДИНА. Айнур. Ещё раз. После.
Пауза.
ДИНА. Ну вот и хорошо.
Пауза.
ДИНА. Договорились. Жди слово.

Она заканчивает вызов. Идёт в прихожую, приоткрывает входную дверь, поворачивает защёлку. Возвращается.
ДИНА. Какой сумасшедший вечер. Просто шикарно.

Эпизод 7. До звонка

Возвращаются Гульнара и Лидия. Лидия в абайе и никабе, идёт медленно, придерживая подол. Следом Марат с ноутбуком и распечатками.
ГУЛЬНАРА. Ну? Как?
ДИНА. Никак. Не видно ничего.
ГУЛЬНАРА. Вот именно.
Марат ставит ноутбук на стол, закрывает его.
МАРАТ. Ноутбук убираю. Он подумает, что я работаю во время разговора.
ГУЛЬНАРА. Ты и работаешь во время разговора. Всегда.
МАРАТ. Сегодня не буду.
Гульнара оглядывает комнату, поправляет стулья.
ГУЛЬНАРА. Чемодан убрать?
МАРАТ. Оставить. Чемодан – это хорошо. Видно, что человек собирается.
ЛИДИЯ. А то, что я собираюсь, по мне видно?
МАРАТ. По вам видно, что вы уже собрались.
ДИНА. По ней видно, что она в засаде.
ГУЛЬНАРА. Дина, а где второй пакет?
ДИНА. В прихожей.
ГУЛЬНАРА. Зачем в прихожей?
ДИНА. Затем, что дорожное стоит у двери. Ты сама так сказала.
ГУЛЬНАРА. Я сказала – у двери, а не в прихожей.
ДИНА. В прихожей и есть дверь.
МАРАТ. Дина, это неважно.
Гульнара идёт к внутренней двери, оборачивается.
ГУЛЬНАРА. Дверь на замок закрой.
ДИНА. Закрыла на защёлку.
ГУЛЬНАРА. Я сказала на замок.
ДИНА. Мам, он через две минуты позвонит. Зачем мне туда-сюда бегать?
ГУЛЬНАРА. Тогда сама и открывай.
Марат в последний раз проходит по комнате.

МАРАТ. Ещё раз. Тётя Лида стоит здесь. Я её представляю. Все вопросы – мне. Что бы он ни спросил – мне. Главное, ничего не говорите без меня.
Лидия смотрит на него сквозь щель никаба.
ЛИДИЯ. Марат.
МАРАТ. Да?
ЛИДИЯ. Будешь мне приказывать – я с ним сама поздороваюсь.
МАРАТ. Потерпите. Сорок минут. Не больше.
ЛИДИЯ. Тридцать восемь.
Звонок в дверь. Все замирают.
ГУЛЬНАРА. Ну?
Никто не двигается.
ЛИДИЯ. Стойте где стоите. Открывать пойду я.
МАРАТ. Тётя Лида, вам нельзя к двери, вы же…
ЛИДИЯ. Я хозяйка. Хозяйка встречает гостя.
Она идёт к двери – медленно, придерживая подол, очень прямая. Звонок повторяется.
ЛИДИЯ. Иду!
Все трое одновременно шипят на неё. Лидия останавливается.
ЛИДИЯ. Всё. Молчу.
ДИНА. Я сейчас умру от страха.
Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Эпизод 8. Всё прошло хорошо

Та же комната. Прошло около сорока минут. Самир сидит у стола, перед ним закрытая папка и стакан чая, к которому он не притронулся. Марат напротив. Гульнара стоит у внутренней двери. Лидия в абайе и никабе сидит чуть в стороне, очень прямо, руки на коленях. Дина у окна.
САМИР. …и последнее. Вы пишете, что вели проект вдвоём с коллегой. Что делали вы, а что он?
МАРАТ. Он писал бэкенд платежей. Я – всё остальное и разбор аварий.
САМИР. Аварии часто были?
МАРАТ. Первые полгода – каждую неделю. Потом раз в месяц.

САМИР. А почему стало реже?
МАРАТ. Потому что я перестал чинить и начал переписывать.
Самир кивает, делает короткую пометку.
САМИР. Хороший ответ. У нас в кампусе половина людей чинит.
ГУЛЬНАРА. Он с детства такой. Если что-то сломается – он не чинит, он разбирает до конца.
САМИР. Это вам, наверное, дорого обходилось.
ГУЛЬНАРА. Один пылесос и один телевизор.
САМИР. Телевизор он собрал обратно?
ГУЛЬНАРА. Собрал. Осталось четыре детали, и он сказал, что они были лишние.
САМИР. Они и правда часто лишние.
Самир закрывает папку. Марат едва заметно выдыхает.
САМИР. Марат Тимурович, у меня всё. С моей стороны замечаний нет. Заключение уходит в половине десятого, вы его не увидите, но, скажем так, вам не о чем беспокоиться.
МАРАТ. Спасибо.
САМИР. Дальше формальности. В понедельник до двенадцати – отдел кадров, второй этаж. При себе: свидетельство о браке с апостилем, оба паспорта.
МАРАТ. Оба?
САМИР. Ваш и супруги. Она приходит вместе с вами. Это обязательно.
ГУЛЬНАРА. Обязательно лично?
САМИР. Обязательно лично. Кампус семейный, правило простое: живут только законные супруги. Ни невест, ни подруг, ни, простите, гражданских браков. Компания в этом смысле традиционная и очень последовательная.
МАРАТ. Я знаю. Я читал.
САМИР. Все читают. Но каждый третий приезжает и рассказывает мне историю про любовь.
Он встаёт. Марат встаёт следом.
САМИР. И, если позволите. Я обязан спросить формально, а не из любопытства.
МАРАТ. Да.
САМИР. Вы женаты?
МАРАТ. Регистрация завтра. Тбилиси, час дня. В понедельник свидетельство о браке будет в отделе кадров.
САМИР. Понял. Тогда завтра поздравлю заочно.

Пауза. Самир смотрит в сторону Лидии.
САМИР. Простите, я невежлив. Мы с вами так и не познакомились.
Марат мгновенно делает полшага вперёд.
МАРАТ. Это Лидия. Моя будущая супруга.
САМИР. Очень приятно.
Лидия кивает.
САМИР. Вы летите завтра вместе?
Лидия кивает.
САМИР. А как вы сами относитесь к переезду, Лидия? Два года в закрытом периметре – не всем супругам легко даётся. Чем планируете там заниматься?
Лидия машинально набирает воздух, чтобы ответить, и поднимает руку в привычном учительском жесте. Марат и Гульнара быстро переглядываются.
МАРАТ *(быстро)*. Она очень любит тишину.
ГУЛЬНАРА. И жару. Она всю жизнь мечтала сидеть дома в жаре и молчать.
Лидия медленно поворачивает голову в никабе сначала к Гульнаре, затем к Марату. Пауза. Она медленно опускает руку обратно на колено.
САМИР. Редкое качество. А с английским у супруги как? В кампусе вся бытовая навигация на английском.
ГУЛЬНАРА. Совершенно свободно. Они на курсах английского и познакомились. Такая красивая история была.
Лидия глухо кашляет под тканью никаба.
МАРАТ. У неё лёгкий ларингит. Продуло перед дорогой, бережёт связки.
САМИР. Понимаю. Кондиционеры – зло. Значит, в понедельник в отдел кадров тоже приедете?
Лидия кивает.
МАРАТ. Приедет. Я её лично привезу.
САМИР. Хорошо.
Самир секунду смотрит на неё, потом на Марата.
САМИР. У вас смелая невеста.
МАРАТ. В каком смысле?
САМИР. В прямом. Она надела это здесь, дома, за три дня до того, как это может понадобиться. Обычно наоборот: приезжают в шортах и удивляются.
ГУЛЬНАРА. Она уважает вашу страну.

САМИР. Я вижу.
ГУЛЬНАРА. Она специально готовилась.
САМИР. Это заметно.
Он берёт папку.
САМИР. Хотя, честно говоря, у нас в кампусе большинство женщин ходит в чём хочет. Там забор, охрана и бассейн.
Пауза. Гульнара медленно поворачивает голову к Марату.
ГУЛЬНАРА. Бассейн?
САМИР. Два.
ДИНА. Мам. Дыши.
МАРАТ. Мама заботится о деталях.
САМИР. Это хорошо. Детали – это половина переезда.
Самир идёт к двери. Марат провожает.
САМИР. Такси до гостиницы вызову уже внизу. Обратный рейс у меня завтра в шесть десять утра, так что почти одновременно с вами полетим, только в разные стороны.
МАРАТ. Удачно.
САМИР. Не очень. Я две недели по филиалам туда-сюда, и все мои разговоры одинаковые. Ваш был лучше среднего.
ГУЛЬНАРА. Чаю всё-таки?
САМИР. Спасибо, нет. Я на ногах с шести утра, мечтаю добраться до подушки.
ГУЛЬНАРА. Тем более.
Самир останавливается у двери, оборачивается к Лидии.
САМИР. Лидия, был рад. В понедельник мои коллеги в кадрах вас ждут. Берегите горло.
Лидия кивает. Самир берётся за ручку двери.
Дверь открывается сама. На пороге – вторая фигура в чёрной абайе и никабе. В руке рабочая сумка.

Эпизод 9. Младшая жена

Вторая фигура делает шаг в комнату. Все стоят неподвижно. Самир отступает на полшага и придерживает дверь.
ГУЛЬНАРА. Лида?
Она поворачивается к первой фигуре, которая по-прежнему сидит у стола.
ГУЛЬНАРА. Лида, ты же вон сидишь.
ЛИДИЯ. Сижу.

ГУЛЬНАРА. Тогда кто это?
МАРАТ. Мама, погоди.
Марат делает шаг ко второй фигуре.
МАРАТ. Извините, вы к кому?
Вторая фигура проходит на середину комнаты и ставит сумку на пол. Поворачивается к Самиру и указывает рукой на Марата.
АЙНУР. Я его младшая жена.
Пауза. Долгая.
ДИНА. Айнур?
ГУЛЬНАРА. Какая младшая?
АЙНУР. Вторая.
ГУЛЬНАРА. У него нет второй жены!
АЙНУР. У него и первой нет. Но вот она сидит.
Указывает на Лидию в никабе. Самир очень аккуратно закрывает дверь и остаётся в комнате.
МАРАТ. Айнур, сними это.
АЙНУР. Зачем? Мне идёт. И размер подошёл.
ГУЛЬНАРА. Откуда ты его взяла?
АЙНУР. У вас в прихожей стоял пакет. Второй. Я подумала – это для меня. Вы же для меня покупали.
ДИНА. Айнур, я же сказала: после.
АЙНУР. Я услышала.
ДИНА. Я написала бы тебе одно слово.
АЙНУР. Я не хотела ждать слова.
Марат оборачивается к Самиру.
МАРАТ. Самир, одну минуту. Это недоразумение.
САМИР. Конечно.
Он не двигается с места. Айнур опять обращается к нему.
АЙНУР. Вы Самир?
САМИР. Самир.
АЙНУР. Из компании?
САМИР. Из компании.
АЙНУР. Тогда я к вам.
МАРАТ. Айнур.
АЙНУР. Марат, помолчи. Ты сегодня уже наговорил за меня на два года вперёд.
Она делает шаг к Самиру.

АЙНУР. Меня зовут Айнур. Я два года и восемь месяцев с этим человеком. Сегодня утром он вписал меня в вашу анкету, не спросив. Сегодня вечером он сделал мне предложение по расписанию: рейс, регистрация, апостиль. Я сказала «нет».
САМИР. Понял.
АЙНУР. Вы ничего не поняли. Я вышла отсюда в восемь вечера, а в две минуты девятого он уже вписал вместо меня другую женщину. И сидит она вот здесь, и по паспорту ей пятьдесят один год, и завтра в шесть сорок они улетают в Тбилиси по моему билету.
ЛИДИЯ. И на твоём месте у прохода.
ГУЛЬНАРА. Лида!
ЛИДИЯ. А что «Лида»? Девочка правду говорит.
Айнур снова поворачивается к Самиру.
АЙНУР. Он берёт с собой старшую жену. А младшую оставляет здесь. В пустом городе, одну, объяснять подругам, куда делся человек, с которым я собиралась жить.
МАРАТ. Никто никого не оставляет.
АЙНУР. Ты уже оставил. В две минуты девятого.
МАРАТ. Это была временная мера.
АЙНУР. Это я для тебя временная мера.
Она снова поворачивается к Самиру – и голос у неё становится ровнее, что страшнее.
АЙНУР. Самир, я вас очень прошу. Вы приехали писать про него заключение. Напишите так, чтобы он не получил эту работу.
ГУЛЬНАРА. Ты что говоришь?!
АЙНУР. Я говорю то, что думаю. Пусть не будет никакого Персидского залива. Пусть он останется здесь. Со мной.
САМИР. Вы хотите, чтобы я испортил ему контракт?
АЙНУР. Я хочу, чтобы он остался.
САМИР. Это не одно и то же.
АЙНУР. Сегодня одно и то же.
Марат подходит к ней.
МАРАТ. Айнур, ты понимаешь, что ты сейчас делаешь?
АЙНУР. Понимаю. Я тебя люблю. Это единственное, что я сегодня делаю осмысленно.
ДИНА. Ой, нет. Только не так.
АЙНУР. А как? Красиво уйти и потом два года объяснять себе, что я гордая?

ДИНА. Можно было подождать за дверью пять минут и просто поговорить.
АЙНУР. Через пять минут ваше враньё уже ушло бы в протокол. Вместе с ней.
ЛИДИЯ. Со мной он в лучшем случае дошёл бы до аптеки.
Гульнара становится между Айнур и Самиром.
ГУЛЬНАРА. Самир, не слушайте её. Это девушка Марата, они поссорились. Женщины иногда говорят лишнее.
АЙНУР. Мужчины иногда женятся молча. Это хуже.
ГУЛЬНАРА. Это моя семья, и я знаю, что здесь происходит.
АЙНУР. Гульнара Каримовна, вы полчаса назад надели на подругу никаб, чтобы обмануть человека, которому ваш сын врал весь вечер. Вы не просто знаете, что здесь происходит. Вы это сами и устроили.
Тишина.
МАРАТ. Самир. Я всё объясню.
САМИР. Не надо.
МАРАТ. Надо. Иначе вы сейчас уйдёте и напишете…
САМИР. Марат Тимурович. Не надо.
Самир проходит обратно к столу, кладет на него папку и садится.
САМИР. Давайте я задам один вопрос, и мы всё решим.

Эпизод 10. Рабочий момент

Все смотрят на Самира. Он открывает папку, но не заглядывает в неё.
САМИР. Айнур. Правильно?
АЙНУР. Правильно.
САМИР. Айнур, вы хотите поехать с ним?
Пауза.
АЙНУР. Я хочу, чтобы он никуда не ехал.
САМИР. Это я услышал. Я спросил другое. Если бы он ехал – вы бы поехали?
АЙНУР. Да.
САМИР. Хорошо.
Он делает пометку.
САМИР. Лидия. Вы хотите поехать с ним?
Лидия молчит.
МАРАТ. Она…
САМИР. Марат Тимурович, я спросил не вас.

Пауза. Лидия поднимает руки и снимает никаб. Открывается лицо.
ЛИДИЯ. Я хочу поехать. Только не с ним. Просто – поехать.
САМИР. Понял.
ЛИДИЯ. Вряд ли.
САМИР. У меня мать десять лет никуда не ездила. Я понимаю это чувство.
Он закрывает папку.
САМИР. Тогда так. Марат Тимурович, вы можете привезти обеих.
Пауза.
МАРАТ. Простите?
САМИР. Вы можете привезти обеих. Компания не возражает.
ГУЛЬНАРА. Как это – обеих?
САМИР. Обеих. Кампус семейный. Требование одно: законные супруги. Одна законная супруга, две законные супруги – с точки зрения размещения это разница в количестве спален.
ДИНА. Вы серьёзно?
САМИР. Совершенно серьёзно. У нас в кампусе три такие семьи. Одна живет уже четыре года, всё спокойно.
АЙНУР. Подождите. Вы сейчас предлагаете ему жениться на нас обеих?
САМИР. Я ничего не предлагаю. Я отвечаю на вопрос, который вы задали. Вы спросили, могу ли я помешать. Я объясняю, что мешать нечему.
МАРАТ. А заключение?
САМИР. Заключение положительное. Оно про вашу работу.
Марат садится.
САМИР. Дальше – цифры, слушайте внимательно, я повторять не люблю. Компенсационный пакет рассчитан на сотрудника и одну супругу. Перелёт, страховка, ежегодный билет домой, надбавка. Всё на одну.
МАРАТ. А вторая?
САМИР. Вторая – за ваш счёт. Полностью. Билет, страховка, всё.
ЛИДИЯ. Вот это уже похоже на правду.
САМИР. Жильё компания даёт по составу семьи. Две спальни у вас есть. Если супруг двое, подаёте заявку на трёхспальную. Она есть, там сейчас никто не живёт.
ГУЛЬНАРА. Три спальни!
ДИНА. Мам.
ГУЛЬНАРА. А что «мам»? Три спальни – это три спальни.

САМИР. И последнее, самое важное. Свидетельство о браке, которое вы приносите в понедельник, – одно. В нём одно имя.
МАРАТ. А второе?
САМИР. Второй брак вы регистрируете уже там, у нас. По месту. Это нормальная процедура, но не быстрая: справки, сроки, суд по семейным делам. Полтора месяца, если повезёт. Обычно два.
АЙНУР. То есть одна летит завтра, а вторая…
САМИР. А вторая приезжает после регистрации. Полтора месяца.
Пауза.
АЙНУР. Одна.
САМИР. Полтора месяца – это недолго.
АЙНУР. Это как посмотреть.
Самир встаёт, берёт папку.
САМИР. Марат Тимурович, у вас всё в порядке. Заключение уходит в половине десятого. В понедельник до двенадцати – кадры, свидетельство, паспорта, и та супруга, что впишется в свидетельство. Заявку на трёхспальную квартиру, если решите, пришлите тоже до понедельника, одним письмом.
МАРАТ. Хорошо.
Он идёт к двери, останавливается.
САМИР. Знаете, что меня удивило?
МАРАТ. Что?
САМИР. Я сорок минут сидел и думал: вот люди, у которых какая-то беда. Все стоят, все молчат, одна женщина в углу вообще не дышит. Я решил – болезнь, долги, что-то серьёзное.
ЛИДИЯ. А оказалось?
САМИР. А оказалось – просто логистика. Кого первой везти, кого – второй.
Он открывает дверь.
САМИР. Всего доброго. Лидия, было приятно. Айнур, было интересно.
АЙНУР. А ему?
САМИР. А ему я желаю выспаться. У него рейс в шесть сорок и, судя по всему, тяжёлая ночь.
Самир уходит. Дверь закрывается. Пять секунд никто не двигается.
ДИНА. И вот теперь начинается.

Эпизод 11. Два лагеря

Айнур стягивает никаб, но абайю не снимает. Лидия сидит с открытым лицом. Гульнара первой приходит в себя.

ГУЛЬНАРА. Ну конечно. Всё хорошо. Всё даже очень хорошо.

ДИНА. Мам, у нас в комнате две жены и ни одной свадьбы.

ГУЛЬНАРА. Зато квартира на три спальни.

АЙНУР. Гульнара Каримовна.

ГУЛЬНАРА. А что? Человек официально сказал: можно. Я его не заставляла.

МАРАТ. Мама, помолчи, пожалуйста. Мне надо подумать.

ГУЛЬНАРА. Тут думать нечего. Завтра летит Лида.

АЙНУР. Почему Лида?

ГУЛЬНАРА. Потому что у Лиды паспорт лежит на столе, билет на её имя, и она уже одета.

ЛИДИЯ. «Уже одета» – это повод пойти вынести мусор, а не лететь в другую страну.

ГУЛЬНАРА. Лида, не спорь. Ты час назад согласилась.

ЛИДИЯ. Я согласилась постоять молча сорок минут. Сорок минут прошли.

ГУЛЬНАРА. Минуты прошли, обстоятельства изменились.

ЛИДИЯ. Это его выражение.

МАРАТ. Оно точное.

Дина становится рядом с Айнур.

ДИНА. Ладно. Раз мы теперь всё решаем вслух, я скажу за свою сторону. Завтра летит Айнур.

ГУЛЬНАРА. Дина, тебя не спрашивали.

ДИНА. В этом доме никого никогда не спрашивают. Я научилась говорить без спроса.

ГУЛЬНАРА. И на каком основании – Айнур?

ДИНА. На том основании, что он её любит, а она – его. Пусть это слабый довод, но это факт.

ГУЛЬНАРА. Очень слабый. Любовь – это то, что проходит за два года в чужой стране без нормальной еды.

ДИНА. А что не проходит?

ГУЛЬНАРА. Привычка. Порядок. Человек, который знает, что он ест.

ЛИДИЯ. Гуля, ты сейчас сына сватаешь или холодильник?

Марат открывает ноутбук и ставит его на стол экраном от зала.

МАРАТ. Давайте успокоимся.

Марат печатает.
МАРАТ. Смотрите. Есть два варианта, и у каждого свои плюсы. Я их просто выпишу, чтобы не спорить на эмоциях.
АЙНУР. Ты нас сейчас в таблицу заносишь?
МАРАТ. Я заношу варианты.
АЙНУР. Столбцов сколько?
МАРАТ. Два.
АЙНУР. А строк?
МАРАТ. Пока шесть.
ЛИДИЯ. Читай вслух. Раз уж мы обе тут сидим, имеем право знать оценки.
МАРАТ. Первое. Готовность документов. У тёти Лиды паспорт действующий, я проверил срок. Айнур, у тебя паспорт где?
АЙНУР. В сумке у меня паспорт.
МАРАТ. А сумка с собой?
АЙНУР. Я шла сюда устраивать скандал. Конечно, я взяла паспорт.
ДИНА. На случай, если дело дойдет до милиции.
МАРАТ. Хорошо. Тогда по первой строке ничья.
ЛИДИЯ. Обидно. Я лидировала полторы минуты.
МАРАТ. Второе. Работа. У тёти Лиды сейчас каникулы. Айнур, у тебя проект сдаётся двадцатого.
АЙНУР. Двадцать второго.
МАРАТ. Значит, ты уходишь с проекта посередине.
АЙНУР. Я не ухожу с проекта посередине. Я его сдаю, а потом уже думаю про твою страну.
МАРАТ. Тогда по второй строке минус.
АЙНУР. Кому минус?
МАРАТ. Варианту – минус.
АЙНУР. Варианту – минус, моему проекту – плюс. Идём дальше.
МАРАТ. Третье. Язык.
ГУЛЬНАРА. Лида английский преподавала.
ЛИДИЯ. Гуля, я математику преподаю. Английский мы придумали сорок минут назад для легенды.
ГУЛЬНАРА. А мне понравилось.
ДИНА. Айнур свободно говорит. Она с индусами каждый день по два часа.
АЙНУР. Не с индусами, а с командой в Бангалоре.
ДИНА. Плюс строка.
МАРАТ. Плюс.

ЛИДИЯ. Ну хоть где-то мы честные.
МАРАТ. Четвёртое. Быт.
ГУЛЬНАРА. Вот!
МАРАТ. Мама, я ещё ничего не сказал.
ГУЛЬНАРА. Ты скажешь то, что я думаю. Лида готовит. Айнур приходит домой в десять и открывает на телефоне приложение доставки.
АЙНУР. Я прихожу в десять, потому что работаю. И, между прочим, зарабатываю побольше вашего сына.
ГУЛЬНАРА. Вот об этом и речь.
АЙНУР. О чём?
ГУЛЬНАРА. О том, что тебе он не очень-то и нужен.
Пауза.
АЙНУР. Мне он нужен. Просто не в качестве работодателя.
МАРАТ. Пятое. Сроки оформления.
ДИНА. Марат, остановись.
МАРАТ. Дина, я считаю.
ДИНА. Ты не считаешь. Ты сидишь между двумя женщинами и вслух ставишь им баллы. Это же не конкурс невест.
МАРАТ. Я сравниваю варианты.
ДИНА. Ты сравниваешь людей.
МАРАТ. Люди и есть варианты. Мне до половины десятого…
Он осекается.
ЛИДИЯ. Договаривай.
МАРАТ. Уже ничего. Проверяющий ушёл.
ЛИДИЯ. Вот именно. Проверяющий ушёл, а ты всё считаешь.
Айнур подходит к столу и закрывает ноутбук. Не резко.
АЙНУР. Марат. Посмотри на меня.
Он смотрит.
АЙНУР. Ты сейчас за этим столом сделал то же самое, что утром. Ты решил, что можешь выбирать, а мы будем сидеть и ждать результата.
МАРАТ. Кто-то же должен решить.
АЙНУР. Должен. Только не в одиночку и не в таблице.
ГУЛЬНАРА. Господи, да что вы все усложняете. Летит Лида. Через полтора месяца прилетает Айнур. Все живут в трёх спальнях. А я приезжаю к вам в отпуск.
Тишина. Все смотрят на Гульнару.
ДИНА. Мам, ты только что за одну секунду решила судьбу четырёх человек, а в придачу ещё и себе купила билеты.
ГУЛЬНАРА. Билеты я ещё не покупала.

ДИНА. Но в отпуск ты уже приехала.

Эпизод 12. Одно место

Лидия встаёт, подходит к столу.
ЛИДИЯ. Так. Марат, покажи мне билеты.
Марат подаёт ей распечатки. Лидия читает.
ЛИДИЯ. Значит, так. Рейс шесть сорок. Два места. Одно – Марат. Второе – теперь на Лидию Петровну.
МАРАТ. Да.
ЛИДИЯ. А третье?
МАРАТ. Третьего нет.
ЛИДИЯ. В смысле нет?
МАРАТ. Я брал последние два места. Я говорил.
ДИНА. Он говорил. Я слышала.
АЙНУР. А другой рейс?
МАРАТ. Другой в четверг.
АЙНУР. Через неделю?
МАРАТ. Через неделю.
Пауза.
ЛИДИЯ. Дальше. Тбилиси. Запись в Доме юстиции.
МАРАТ. На час дня.
ЛИДИЯ. На сколько человек?
МАРАТ. Двое. Жених и невеста.
ЛИДИЯ. А второй слот на завтра есть?
МАРАТ. Нет. Я брал последний свободный.
ДИНА. У него сегодня всё последнее.
Лидия кладёт распечатки на стол.
ЛИДИЯ. Ну вот. Тогда всё гораздо проще, чем ваша таблица.
ГУЛЬНАРА. Что проще?
ЛИДИЯ. Гуля, ты считать умеешь. Завтра в самолёте два кресла. В Доме юстиции одна запись. В понедельник в отдел кадров идут двое: он и та, что у него в брачном свидетельстве.
АЙНУР. А вторая?
ЛИДИЯ. А вторая, как сказал воспитанный человек в костюме, приезжает через полтора месяца. За свой счёт. Если, конечно, к тому времени ещё захочет.
АЙНУР. Через полтора месяца.
ЛИДИЯ. Или через два.

АЙНУР. Одна. Здесь.
ЛИДИЯ. Одна. Здесь. И каждый вечер думать, чем они там в трёх спальнях занимаются.
ГУЛЬНАРА. Ничем они не занимаются!
ЛИДИЯ. Гуля, я знаю, что ничем. Я говорю, о чём она будет думать.
Айнур медленно садится.
АЙНУР. Я не поеду второй.
ГУЛЬНАРА. Никто и не зовёт.
АЙНУР. Я не поеду второй ни через полтора месяца, ни через год. Я не буду человеком, которого дооформили.
МАРАТ. Айнур, это же формальность. Первая жена, вторая – это только в бумагах они в таком порядке.
АЙНУР. Марат. Всё, что ты сегодня сделал, ты сделал ради порядка в бумагах.
Пауза.
ЛИДИЯ. И заметь, девочка, я тоже второй не поеду.
ГУЛЬНАРА. Ты-то как раз поедешь первой.
ЛИДИЯ. Я вообще не поеду второй. Ни первой, ни второй – в этом смысле. Гуля, я тебе сказала полтора часа назад и повторю при всех: замуж за твоего сына я не иду.
ГУЛЬНАРА. Ты сказала – поговорим через два дня.
ЛИДИЯ. Я сказала – поговорим, если девочка не вернётся. Девочка вернулась. И, между прочим, вернулась в никабе, чего я от неё совсем не ожидала.
АЙНУР. Я тоже.
ДИНА. Тёть Лид, погодите. Вы серьёзно отказываетесь?
ЛИДИЯ. От чего я отказываюсь, Дина? От двух лет в чужой стране с человеком, который меня по имени-отчеству зовёт? От бассейна, куда я в пятьдесят один год пойду в чём? От того, чтобы каждый вечер отчитываться перед его матерью по видеосвязи?
ГУЛЬНАРА. Я не просила отчитываться.
ЛИДИЯ. Ты сказала: будешь звонить каждый вечер.
ГУЛЬНАРА. Это не отчёт. Это забота.
ЛИДИЯ. Гуля. В твоём доме это одно и то же слово уже тридцать лет.
Марат встаёт.
МАРАТ. Подождите. Тётя Лида, если вы отказываетесь, а Айнур не хочет второй – значит, завтра со мной летит Айнур.
АЙНУР. Я этого не говорила.
МАРАТ. Ты сказала, что второй не поедешь. Значит, поедешь первой.

АЙНУР. Я сказала, чего я не хочу. Ты опять услышал только вывод.
МАРАТ. Айнур, вылет в шесть сорок.
АЙНУР. Я знаю.
МАРАТ. Такси в четыре.
АЙНУР. Я и это знаю. Я твоё расписание ещё до ужина выучила.
МАРАТ. Тогда что не так?
АЙНУР. То, что за последние два часа ты дважды выбрал себе жену, и оба раза не спросив. Сначала меня, потом её. А сейчас ты хочешь выбрать в третий раз и опять сам.
МАРАТ. Я же выбираю тебя!
АЙНУР. Ты выбираешь не меня, а тот вариант, который остался.
Тишина.
ДИНА. Айнур, он идиот, но он твой идиот.
АЙНУР. Дина, не помогай.
ЛИДИЯ. Так. Всем сесть. Айнур, иди сюда.
АЙНУР. Зачем?
ЛИДИЯ. Затем, что мы с тобой сейчас две минуты поговорим. Без него, без его матери и без техподдержки.
ДИНА. Я, между прочим, на вашей стороне.
ЛИДИЯ. На чьей из двух?
ДИНА. Хороший вопрос. Техподдержка подумает.
Лидия отводит Айнур к окну. Они говорят о чём-то вполголоса. Марат делает шаг к ним.
ЛИДИЯ. Марат. Стой где стоишь.
МАРАТ. Это вообще-то мой вопрос.
ЛИДИЯ. Это вообще-то наши две жизни.
Марат останавливается.
ГУЛЬНАРА. О чём они там шепчутся?
ДИНА. Мам, впервые за вечер два человека разговаривают друг с другом напрямую. Не мешай, пожалуйста, я хочу запомнить такое редкое событие.

Эпизод 13. Предыдущая версия

Лидия и Айнур отходят от окна. Лидия впереди. Айнур за ней, всё ещё в абайе, с непокрытой головой.
ЛИДИЯ. Так. Слушайте, повторять не буду.
ГУЛЬНАРА. Лида, что вы там…
ЛИДИЯ. Гуля. Я сказала: слушайте.

Гульнара замолкает.
ЛИДИЯ. Завтра в шесть сорок летят двое: Марат и Айнур. В час дня они расписываются. В понедельник в двенадцать они вдвоём заходят в отдел кадров.
МАРАТ. Хорошо.
ЛИДИЯ. Я не закончила.
МАРАТ. Извините.
ЛИДИЯ. Второе. Марат, ты полчаса назад слышал, во что тебе обходится вторая жена. Билет, страховка, оформление, полтора месяца, пока она там ждёт бумаг.
МАРАТ. Слышал.
ЛИДИЯ. Второй жены у тебя не будет. А деньги на неё ты уже мысленно отложил, я по лицу видела.
МАРАТ. Я прикидывал.
ЛИДИЯ. Вот эти прикидки ты отдашь мне.
Пауза.
МАРАТ. В каком смысле?
ЛИДИЯ. В прямом. Не мне лично. Нам с твоей матерью. На поездку. Две недели, море, отель, где кормят. Я девять лет прошу.
ГУЛЬНАРА. Лида!
ЛИДИЯ. Гуля, помолчи.
ГУЛЬНАРА. Это неприлично.
ЛИДИЯ. Неприлично было надевать на меня никаб, чтобы обмануть человека, который приехал прямо из аэропорта.
Гульнара садится.
ЛИДИЯ. Марат. Ты у нас считаешь. Считай.
Марат открывает ноутбук, но не смотрит в него. Считает в уме, вслух.
МАРАТ. Билет туда. Страховка на два года. Пошлины и переводы. Полтора месяца съёмного жилья там, пока идут документы. Обратный билет на всякий случай.
ЛИДИЯ. Итого?
МАРАТ. Итого получается…
Он замолкает.
ДИНА. Ну?
МАРАТ. Ровно две ваши Турции. На двоих. С перелётом и с этим вашим отелем, где кормят.
ЛИДИЯ. Мне хватит одной Турции.
МАРАТ. Тогда вторая остаётся мне.

ЛИДИЯ. Вот теперь ты торгуешься как взрослый.
Марат смотрит на Айнур.
МАРАТ. Это дешевле.
АЙНУР. Что дешевле?
МАРАТ. Всё это. Чем вторая жена. Значительно дешевле.
АЙНУР. Ты сейчас объясняешь мне, что я одна выгоднее второй жены?
МАРАТ. Я объясняю, почему я согласен.
АЙНУР. Я поняла. Вторая жена тебе пока не выгодна чисто экономически.
Дина поднимает руку.
ДИНА. Можно вопрос от техподдержки? А маму кто спросил?
ГУЛЬНАРА. Вот именно. Меня никто не спрашивал.
ЛИДИЯ. Гуля, ты едешь.
ГУЛЬНАРА. Я не поеду.
ЛИДИЯ. Поедешь.
ГУЛЬНАРА. У меня Дина.
ДИНА. Мне девятнадцать.
ГУЛЬНАРА. У меня огород.
ЛИДИЯ. В этом году огорода нет, ты сама сказала.
ГУЛЬНАРА. У меня загранпаспорт не проверен.
МАРАТ. Проверен. Я вчера смотрел.
Гульнара оглядывается по сторонам и не находит, за что зацепиться.
ГУЛЬНАРА. А кто будет за ним следить там?
ЛИДИЯ. Никто, Гуля. Впервые за тридцать лет – никто.
Пауза.
ГУЛЬНАРА. Море хоть тёплое?
ЛИДИЯ. В августе как парное молоко.
ГУЛЬНАРА. Тогда не раньше десятого. До десятого я не могу.
ДИНА. Всё. Она поехала.
Айнур подходит к столу, берёт распечатку билета.
АЙНУР. Ещё одно.
МАРАТ. Да?
АЙНУР. Место у прохода моё.
МАРАТ. Я думал, мы поменяемся…
АЙНУР. Марат.
МАРАТ. Место у прохода твоё.

АЙНУР. И кольцо мы выбираем в Тбилиси. Там же всё под ключ за один день.
ГУЛЬНАРА. А это чем плохое?
АЙНУР. Оно прекрасное, Гульнара Каримовна. Просто его выбирал не тот человек.
Гульнара забирает коробочку и убирает в карман халата.
ГУЛЬНАРА. Тогда пусть лежит. Дине пригодится.
ДИНА. Мама!
Лидия начинает снимать абайю. Гульнара машинально идёт помочь.
ЛИДИЯ. Не надо, Гуля. Я сама.
Она снимает абайю, складывает её и кладёт на стол. Айнур тоже снимает свою и кладёт рядом. Две чёрные абайи лежат одна на другой.
ЛИДИЯ. А это забирайте с собой, оба размера. Пусть в чемодане лежат.
АЙНУР. Зачем?
ЛИДИЯ. Затем, что в чужой стране никогда не знаешь, что понадобится. Мне вот сегодня понадобилось на сорок минут.
Айнур поворачивается к Лидии.
АЙНУР. Лидия Петровна.
ЛИДИЯ. Что?
АЙНУР. Спасибо.
ЛИДИЯ. Не за что. И запомни одну вещь, пока не улетела.
АЙНУР. Какую?
ЛИДИЯ. Тебя сегодня выбрал не он. Тебя выбрала я.
Пауза.
АЙНУР. Я знаю. За весь вечер это самое обидное.
ЛИДИЯ. Зато честное.
Лидия берёт свою папку и сумку.
ЛИДИЯ. Гуля, я домой. Завтра позвоню насчёт отеля.
ГУЛЬНАРА. Только не с утра. С утра я провожаю.
ЛИДИЯ. С утра ты спишь. Такси в четыре, ты в четыре не встаёшь.
ГУЛЬНАРА. Я встану.
ЛИДИЯ. Я бы на это посмотрела.
Лидия уходит. Дверь закрывается.
Марат садится за стол и открывает ноутбук.
ДИНА. Опять меняешь значение поля?
МАРАТ. Возвращаю предыдущую версию.
АЙНУР. Чью?

МАРАТ. Твою.
Он печатает. Айнур смотрит на него сверху.
АЙНУР. Марат.
МАРАТ. Секунду. Надо успеть переоформить билет до полуночи.
АЙНУР. Марат, остановись.
МАРАТ. Да?
АЙНУР. Ты за сегодня трижды поменял жену в своей анкете. И Лидия Петровна права: меня сегодня выбрал не ты. Ты просто закрывал уязвимость в контракте.
Марат замирает над клавиатурой. Медленно убирает руки со стола.
МАРАТ. В десять тридцать утра я вписал тебя не потому, что горел контракт.
АЙНУР. А почему?
МАРАТ. Потому что я тебя знаю. Если бы я сначала просто спросил, без билетов и расписания, ты бы сказала «надо подумать», «у меня проект до двадцатого»….
АЙНУР. До двадцать второго.
МАРАТ. Ну вот видишь. А выбора у меня на самом деле не было. Если бы ты отказалась – я бы вообще никуда эту анкету не отправил.
Пауза. Гульнара и Дина перестают двигаться.
АЙНУР. То есть как – не отправил?
МАРАТ. Отказался бы от оффера. Мне одному в двух спальнях делать нечего. И с тётей Лидой тоже. Мне нужен был дедлайн, чтобы самому не струсить. А в двадцать ноль две я вписал тётю Лиду только для того, чтобы пережить эту проверку и за выходные вымолить у тебя прощение. Просто не успел – ты пришла раньше. И в никабе.
Пауза.
ДИНА *(тихо)*. Ого. У него, оказывается, есть исходный код.
АЙНУР. И почему ты тогда сидел и сравнивал нас в таблице?
МАРАТ. Потому что в таблицах я понимаю лучше, чем в людях. Когда мне страшно, я начинаю считать.
АЙНУР. Тебе сегодня было очень страшно. На целых шесть строк в двух столбцах.
МАРАТ. Я идиот, Айнур. И это не предварительные данные. Это окончательные.
Пауза. Айнур смотрит на него сверху вниз.
АЙНУР. Покажи экран.
МАРАТ. Зачем?
АЙНУР. Хочу видеть, как ты удаляешь свою таблицу.

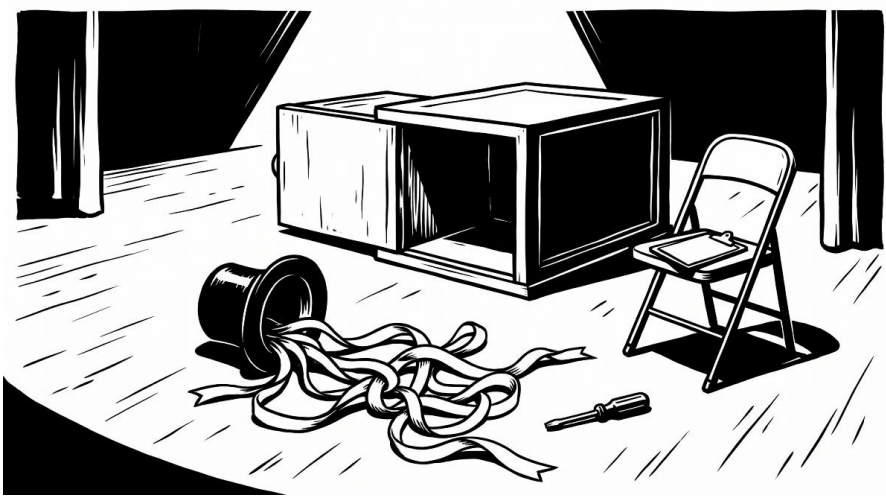
Марат нажимает клавиши.
МАРАТ. Удалил. Без возможности восстановления.
Он переключает окно в ноутбуке. Печатает, потом останавливается.
МАРАТ. Айнур.
АЙНУР. Что?
МАРАТ. Тут в анкете поле. «Отношение к заявителю».
АЙНУР. И?
МАРАТ. Что писать?
Пауза.
АЙНУР. Наконец-то ты спросил.
МАРАТ. Так что писать?
АЙНУР. Завтра в час дня узнаем.
Она садится рядом с ним. Гульнара смотрит на них, потом на чемодан, потом встаёт и начинает складывать в него выглаженную рубашку.
МАРАТ. Мам, рубашку я не беру.
ГУЛЬНАРА. В понедельник в отдел кадров пойдёшь в футболке?
Марат открывает рот и закрывает.
АЙНУР. Возьми рубашку.
Дина достаёт из кармана рулетку и с громким треском вытягивает ленту.
ГУЛЬНАРА. Никаких замеров.
ДИНА. Мам, я тебе потом чемодан помогу собрать.
Гульнара выпрямляется и не находит, что ответить. Дина приседает и тянет рулетку от двери к стене.
ДИНА. Двести сорок. Шикарно, просто шикарно.
Затемнение.

ЗАНАВЕС.

Батуми – Алматы, 2026

АНАТОЛИЙ ВЕЛИКИЙ И ЖАННА

Комедия шапито в двух действиях



Действующие лица

АНАТОЛИЙ ГНЕЗДОВ, шестьдесят восемь лет. Иллюзионист. На афише – «Анатолий Великий».
ЖАННЕТА, сорок четыре года. Ассистентка.
ГУСТАВ ШКУРО, пятьдесят пять лет. Директор цирка шапито. По паспорту Геннадий.
ЗУЛЬФИЯ ТАБАК, пятьдесят один год. Дрессировщица.
АРМАН ДИАС, двадцать шесть лет. Менталист.
АДА ШИЛО, сорок лет. Клоунесса, завхоз и кассир.
Голоса униформистов за сценой.

Место действия

Закулисье цирка шапито у форганга. Ковры в рулонах, ящики, пустая клетка, вешалка с блёстками. Среди реквизита – глубокая чёрная шляпа и зеркальный ящик на колёсах. Всё происходит непрерывно: от конца последнего представления и до ночи.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1. Забытая минута

Последние удары циркового оркестрика. Аплодисменты ещё держатся под куполом, но уже распадаются на отдельные хлопки. За форгангом кричат торговцы, родители зовут детей, скрипят доски под уходящей публикой.
АДА с не до конца снятым клоунским гримом сидит на толстенной потрёпанной ведомости и считает небольшие предметы, которые униформисты передают ей из-за кулисы.
ГОЛОС УНИФОРМИСТА. Две булавы.
АДА. Было три.
ГОЛОС УНИФОРМИСТА. Третья треснула.
АДА. Треснувшая – тоже булава.
Из-за кулисы появляется третья булава.
АДА. Вот теперь две.
ГОЛОС УНИФОРМИСТА. Почему две?
АДА. Одна треснула и не считается.
Голос хочет ответить, но передумывает. Ада кладёт булавы в разные ящики и ставит две отметки. Входит ЖАННЕТА. Она ещё в сценическом костюме. В руках у неё чёрная шляпа. В другой руке – складной блестящий жезл. Из кармана наполовину выглядывает крупная наклейка; на миг видны слова «ЖАННЕТА представляет». Жаннета машинально убирает её глубже, ставит шляпу на ящик и не снимает

улыбки, с которой только что стояла в кулисе. Улыбка уже никому не нужна, но держится профессионально.
АДА. Жаннета.
ЖАННЕТА. Да.
АДА. Что в кармане?
ЖАННЕТА. Моё.
АДА. Жезл сюда.
ЖАННЕТА. Он нужен на выход.
АДА. Выход кончился.
ЖАННЕТА. Мой не начинался.
Она складывает жезл. Ада принимает его, сверяет с ведомостью.
АДА. Без вмятин.
ЖАННЕТА. Я с ним стояла.
АДА. Стоя не мнётся.
Аплодисменты вспыхивают ещё раз – далеко, у выхода: публика увидела кого-то из артистов. Жаннета поворачивает голову на звук и тут же отворачивается.
ЖАННЕТА. Сначала он закончил номер. Потом раскланялся. Потом вернулся и раскланялся ещё раз. Потом показал пустые руки. Потом снова раскланялся.
АДА. Руки пустые.
ЖАННЕТА. Шляпа была у меня.
АДА. Логично.
ЖАННЕТА. Я должна была выйти со шляпой. Одна. До общего поклона.
АДА. Знаю.
ЖАННЕТА. Он ушёл в форганг.
АДА. Вижу.
ЖАННЕТА. Вы не видите. Он уже ушёл.
АДА. Поэтому вижу.
Из-за кулисы выкатывают зеркальный ящик. Следом появляется АНАТОЛИЙ. Он направляет ящик короткими уверенными движениями, не глядя на колёса. Ящик идёт между коврами на ширину ладони, нигде не цепляется. Анатолий останавливает его точно в свободном месте.
АНАТОЛИЙ. Не сюда. В фургон.
Ада уже достала большую инвентарную бирку и приклеивает её к ящику.
АДА. Сюда.

АНАТОЛИЙ. Завтра снова монтировать.
АДА. Ящик не ваш.
АНАТОЛИЙ. Что?
АДА. Ящик мой.
АНАТОЛИЙ. Ада, не начинайте после финала.
АДА. Анатолий, я закончила ещё зимой.
Она дёргает наружную защёлку, затем открывает ящик, просовывает руку внутрь и проверяет внутреннюю.
АДА. Внутренняя защёлка исправна. Проверила.
АНАТОЛИЙ. Она и была исправна.
АДА. Теперь мой ящик точно в порядке.
ЖАННЕТА. Давно он ваш?
АДА. С зимы. Ящиком закрыли мою зарплату.
АНАТОЛИЙ. А долг?
АДА. Долга нет. Ящик есть.
Анатолий смотрит на бирку, затем на Жаннету. Замечает шляпу.
АНАТОЛИЙ. Шляпу забыл. Надо же.
ЖАННЕТА. Вы не шляпу забыли. Вы забыли дать мне мою минуту.
АНАТОЛИЙ. Какую минуту?
ЖАННЕТА. Сольную. Перед поклоном.
АНАТОЛИЙ. Сегодня?
ЖАННЕТА. Сегодня.
АНАТОЛИЙ. Мы же договаривались на субботу.
ЖАННЕТА. Сегодня суббота.
АНАТОЛИЙ. Нет. Вчера была среда.
АДА. Вчера была пятница.
АНАТОЛИЙ. Значит, сдвинули.
ЖАННЕТА. Ничего не сдвигали. Вы пропустили мой выход и сделали третий поклон.
АНАТОЛИЙ. Третий был лишний.
ЖАННЕТА. Минута была моя.
АНАТОЛИЙ. Послушайте, Жанна…
ЖАННЕТА. Я Жаннета.
АНАТОЛИЙ. Завтра всё исправим.
ЖАННЕТА. Завтра я выйду отдельно. С этой шляпой. И объявят меня: Жаннета.
АНАТОЛИЙ. Конечно, Жанна.
ЖАННЕТА. Жаннета. Повторите.
АНАТОЛИЙ. Что?

ЖАННЕТА. Что будет завтра.
АНАТОЛИЙ. Завтра будет переезд.
ЖАННЕТА. После переезда.
АНАТОЛИЙ. Монтаж.
ЖАННЕТА. После монтажа.
АНАТОЛИЙ. Представление.
ЖАННЕТА. И перед поклоном?
АНАТОЛИЙ. Перед поклоном не разговаривают. Там музыка.
Жаннета берёт шляпу.
ЖАННЕТА. Тогда запомните руками. Вы передаёте мне шляпу. Я выхожу одна. Меня объявляют моим именем: Жаннета.
Она вкладывает шляпу ему в руки, отходит на два шага, возвращается и забирает. Показывает ещё раз. Анатолий следит за движением. Потом точно повторяет его с пустыми руками.
АНАТОЛИЙ. Передаю. Вы выходите. Объявляют.
ЖАННЕТА. Как?
АНАТОЛИЙ. Громко.
ЖАННЕТА. Как меня зовут?
АНАТОЛИЙ. Я знаю.
ЖАННЕТА. Скажите.
АНАТОЛИЙ. Не мешайте закрепить движение.
Он ещё раз повторяет передачу. Движение безупречно.
ЗУЛЬФИЯ *(за кулисой)*. Валера! Отдай!
Что-то металлическое катится по полу.
ЗУЛЬФИЯ *(за кулисой)*. Он всё уносит! Валера, ко мне! Ко мне, я сказала!
АДА. Что унёс?
ЗУЛЬФИЯ *(за кулисой)*. Щётку!
АДА. Чью?
ЗУЛЬФИЯ *(за кулисой)*. Теперь свою!
АДА. Тогда не по ведомости.
Анатолий обыскивает нагрудный карман, затем карманы брюк.
АНАТОЛИЙ. Очки не видели?
ЖАННЕТА. На вас нет.
АНАТОЛИЙ. Это я вижу.
Он машинально опускает в шляпу очки, которые всё это время держал в руке вместе с платком. Снова проверяет карманы.
АДА. Только что были.
АНАТОЛИЙ. Я тоже помню, что были. Где были – не помню.

Он запускает руку в шляпу. Вытягивает длинную атласную ленту. Лента идёт два или три метра, стелется по полу. Анатолий смотрит на неё без удивления.
АНАТОЛИЙ. Не очки.
Отдаёт ленту Жаннете.
АНАТОЛИЙ. Если найдёте, положите на ящик.
АДА. На мой.
АНАТОЛИЙ. На этот.
Уходит искать очки. Жаннета сворачивает ленту точными кольцами, затем опускает руку в шляпу и достаёт очки. Кладёт их на крышку зеркального ящика.
АДА. На мой.
ЖАННЕТА. На этот.
Оркестрик за форгангом играет два последних такта марша и обрывается посередине ноты. Становится слышно, как публика уходит. Темнота не наступает. Работа продолжается.

Сцена 2. Аванс

Входит ГУСТАВ. На нём парадный пиджак директора, но уже без галстука. В руках – папка. Он уступает дорогу двум невидимым униформистам, которые что-то тяжёлое проносят за кулисой.
ГУСТАВ. Осторожнее на повороте! Там зеркало!
АДА. Моё зеркало.
ГУСТАВ. Ада, дорогая, у нас сейчас всё общее.
АДА. Касса общая. Но пустая.
ГУСТАВ. Оставь кассу на минуту.
АДА. Она все равно пустая.
Возвращается Анатолий. Сразу видит очки на ящике, надевает их.
АНАТОЛИЙ. Вот. Я говорил, на ящике.
АДА. Не говорили.
АНАТОЛИЙ. Значит, подумал.
ГУСТАВ. Хорошо, что все здесь.
АДА. Не все.
ГУСТАВ. Кто нужен – здесь.
ЖАННЕТА. Тогда говорите.
Густав раскрывает папку.

ГУСТАВ. Внимание всем, говорит директор. Следующий город оплатил нам выступление вперёд.
АНАТОЛИЙ. Значит, едем.
ГУСТАВ. Не нам, Анатолий. Они оплатили один номер. «Анатолий Великий и Жанна».
ЖАННЕТА. Как?
ГУСТАВ. Я читаю, дорогая. «Анатолий Великий и Жанна». Один номер. Два имени. Оплачено вперёд.
АДА. Оплачен именно этот номер. Не труппа.
ЖАННЕТА. Моего имени там нет.
ГУСТАВ. Там сценическая форма твоего имени.
ЖАННЕТА. Это не моё имя.
АНАТОЛИЙ. Жанна короче. Объявлять удобнее.
ЖАННЕТА. Я не объявляю. Меня объявляют.
ГУСТАВ. Я объявлю правильно.
ЖАННЕТА. Завтра всё уже будет напечатано на афишах.
Густав закрывает папку.
ГУСТАВ. Всё уже напечатано.
АДА. И оплачено.
ГУСТАВ. Именно.
АДА. Четыреста тысяч.
АНАТОЛИЙ. Много.
АДА. Было.
ГУСТАВ. Ада.
АДА. Аванс потрачен. На бензин, корм, аренду и свет. Возвращать нечем.
ГУСТАВ. Мы не собираемся возвращать. Мы туда едем и работаем.
ЖАННЕТА. Я сегодня уже работала. В кулисе вместо манежа.
ГУСТАВ. Завтра ты выйдешь со своим номером.
ЖАННЕТА. Под каким именем?
ГУСТАВ. Под тем, которое купили.
ЖАННЕТА. Тогда выйдет кто-нибудь другой.
ГУСТАВ. Кто?
ЖАННЕТА. Жанна.
ГУСТАВ. Послушай, дорогая. Бумагу не переименуешь. Деньги не вернёшь. Анатолия не заменишь. Это не разговор о справедливости, это отгрузка товара, за который заплатили аванс.
ЖАННЕТА. Я говорю не о справедливости. Я говорю: объявляют Жаннету. Она выходит. Объявляют Жанну – пусть выходит Жанна.

АНАТОЛИЙ. Я могу один.
ЖАННЕТА. Этот номер в одиночку не играется.
АНАТОЛИЙ. В Гомеле я работал один.
ЖАННЕТА. В Гомеле был другой номер.
АНАТОЛИЙ. Ящик тот же.
ЖАННЕТА. В ящике был манекен. Манекен не поворачивает плечо, когда вы рано закрываете среднюю раму.
АНАТОЛИЙ. Я не закрываю рано.
ЖАННЕТА. Сегодня закрыли до того, как я повернула плечо.
АНАТОЛИЙ. Сегодня была пятница.
АДА. Суббота.
ГУСТАВ. Какая разница, что было сегодня? Завтра у нас проданный номер.
АДА. И ящика нет.
Пауза.
ГУСТАВ. Ящик стоит передо мной.
АДА. Утром уедет.
ГУСТАВ. Ящик уедет с нами.
АДА. Нет.
ГУСТАВ. Ада, это ящик для номера «Анатолий Великий».
АДА. Это мой ящик.
ГУСТАВ. Формально.
АДА. Фактически.
ГУСТАВ. Я отдал его тебе зимой, когда не мог заплатить зарплату.
АДА. Заплатил.
ГУСТАВ. Я рассчитывал, что он останется в нашем фургоне.
АДА. Это нигде не записано.
ГУСТАВ. Потому что мы свои люди.
АДА. В ведомости своих нет.
ГУСТАВ. Ты же не выступаешь с зеркальным ящиком.
АДА. Могу хранить в нём картошку.
АНАТОЛИЙ. В зеркальном нельзя. Запотеет.
АДА. Значит, обувь.
ГУСТАВ. Ада, дорогая, зачем тебе ящик иллюзиониста?
АДА. Он мой.
ГУСТАВ. Для тебя он бесполезен.
АДА. Полезен.
Она снимает с ящика очки Анатолия, которые он опять успел положить туда, и отдаёт ему.

АДА. Чужое заберите.
ГУСТАВ. Ты куда-то собралась?
АДА. Утром.
ГУСТАВ. Куда?
АДА. Отсюда.
ГУСТАВ. У нас переезд.
АДА. У вас.
Густав смотрит на ведомость под Адой.
ГУСТАВ. Касса?
АДА. Здесь.
ГУСТАВ. Ведомость?
АДА. Подо мной.
ГУСТАВ. Встань, пожалуйста.
АДА. Зачем?
ГУСТАВ. Хочу посмотреть остаток.
АДА. Я сказала: касса пустая.
ГУСТАВ. Я директор.
АДА. Я сижу.
Он ждёт. Ада не встаёт.
ГУСТАВ. Анатолий, скажите ей.
АНАТОЛИЙ. Что?
ГУСТАВ. Чтобы дала ведомость.
АНАТОЛИЙ. А зачем?
ГУСТАВ. Проверить, можем ли мы вернуть аванс.
АДА. Не можем.
АНАТОЛИЙ. Не можем.
ГУСТАВ. Спасибо.
За форгангом отъезжает машина оркестрика. Несколько весёлых гудков удаляются по дороге.
ЖАННЕТА. Значит, по бумаге без Анатолия ехать нельзя.
ГУСТАВ. Нельзя.
ЖАННЕТА. И без Жанны нельзя.
ГУСТАВ. Нельзя.
ЖАННЕТА. А Жаннеты в бумаге нет.
ГУСТАВ. Ты есть в номере.
ЖАННЕТА. Только в ящике.
ГУСТАВ. Дорогая…
ЖАННЕТА. Так меня тоже не зовут.
Она забирает шляпу и жезл.

ГУСТАВ. Куда ты?
ЖАННЕТА. Снимать костюм. Завтра у меня отдельный выход.
АНАТОЛИЙ. Завтра суббота?
АДА. Вчера была пятница.
Жаннета уходит. Густав делает шаг следом, но останавливается рядом с зеркальным ящиком. Ада стучит пальцем по бирке.
АДА. Ящик не ваш.
ГУСТАВ. Я помню.
АДА. Мой.

Сцена 3. Смотрины

Публики уже почти не слышно. За кулисами начинают снимать скамьи. Дерево трётся о дерево; время от времени раздаётся короткий удар молотка по металлической трубе.
Входит ЗУЛЬФИЯ в ботфортах, с хлыстом дрессировщика. За запястье она ведёт АРМАНА, хотя он идёт охотно. На Армане сценический костюм, слишком аккуратный для закулисья. В одной руке небольшой чемодан. Другой он на ходу поправляет манжету.
ЗУЛЬФИЯ. Сюда. Встань. Не сутулься.
АРМАН. Я не сутулюсь.
ЗУЛЬФИЯ. Уже нет. Густав!
ГУСТАВ. Я здесь, Зульфия.
ЗУЛЬФИЯ. Смотри.
ГУСТАВ. Я смотрю.
ЗУЛЬФИЯ. Не на меня.
ГУСТАВ. Тогда уточняй.
ЗУЛЬФИЯ. Арман Диас. Менталист. Идёт на голос. Зал держит без реквизита.
АРМАН. Добрый вечер.
АДА. Уже нет.
АРМАН. Тогда доброй ночи.
АДА. Ещё рано.
АРМАН. Рад оказаться точно посередине.
ЗУЛЬФИЯ. Не шути. Покажи.
АРМАН. Кому?
ЗУЛЬФИЯ. Всем.

Возвращается Жаннета, уже в рабочем халате поверх сценического трико. Она несёт шляпу. Останавливается, увидев Армана.
ЖАННЕТА. Кто это?
ЗУЛЬФИЯ. Арман.
АРМАН. Арман Диас к вашим услугам.
АНАТОЛИЙ. Диас – имя?
АРМАН. Фамилия.
АНАТОЛИЙ. Хорошая.
АРМАН. Трофейная.
ЖАННЕТА. Вы её завоевали? *(Смотрит на Зульфию).*
АРМАН. Дед выиграл в карты у заезжего кубинца.
ЗУЛЬФИЯ. Начинай.
АРМАН. Мне нужен человек, который не хочет участвовать.
Все смотрят на Аду.
АДА. Нет.
АРМАН. Прекрасно. Подумайте о предмете, который сегодня прошёл через ваши руки и которого сейчас здесь нет.
АДА. Прошло много. По ведомости.
АРМАН. Выберите один. И не помогайте мне лицом.
АДА. Это моё лицо.
АРМАН. Я заметил.
Он поворачивается к ней спиной. Закрывает глаза, поднимает руки и медленно перебирает пальцами, словно что-то ощупывает.
АРМАН. Предмет мягкий. Нет, не ткань. Он должен быть жёстким, но стал мягким. Им били не человека. По крайней мере, сегодня.
Арман открывает глаза и опускает руки.
АРМАН. Треснувшая булава.
Ада смотрит на два разных ящика.
АДА. Которая?
АРМАН. Вы думали не о той, которую положили к целым. О той, которую записали отдельно.
АДА. Обе записала отдельно.
АРМАН. Вы разрушаете всю магию.
АДА. Это моя должностная обязанность.
ЗУЛЬФИЯ. Это разогрев. Дальше.
АРМАН. Господин Шкуро, можно вас попросить?
ГУСТАВ. Меня разогревать не надо.
АРМАН. Только ответьте «да» или «нет». Ваше имя на афише – Густав.

ГУСТАВ. Да.
АРМАН. Но в первом документе, который вы получили раньше любой афиши, написано другое.
ГУСТАВ. У всех артистов есть документы.
Арман закрывает глаза, поднимает руки и медленно перебирает пальцами, словно что-то ощупывает.
АРМАН. Геннадий.
Пауза. Арман открывает глаза и опускает руки. Ада поднимает взгляд от ведомости. Жаннета смотрит на Зульфию. Зульфия не смотрит ни на кого.
ГУСТАВ. Это можно было узнать.
АРМАН. Можно. Девичью фамилию вашей матери узнать труднее.
Арман снова закрывает глаза и ощупывает пустоту пальцами.
АРМАН. Радченко.
Густав медленно застёгивает пиджак, хотя галстука на нём нет.
ГУСТАВ. Неверно.
ЗУЛЬФИЯ. Верно.
ГУСТАВ. Я сам знаю, что у меня верно.
ЗУЛЬФИЯ. Тогда зачем сказал «неверно»?
ГУСТАВ. Проверял уверенность артиста.
АРМАН. Благодарю. *(Раскланивается).*
АНАТОЛИЙ. А мою?
АРМАН. Что – вашу?
АНАТОЛИЙ. Матери. Девичью.
Пауза.
АНАТОЛИЙ. Не помню. Извините.
Арман ждёт. Проверить нечем. Анатолий спокойно поправляет положение зеркального ящика: одно колесо стоит на краю ковра. Густав первым возвращается к делу.
ГУСТАВ. Хорошо. Голос есть. Контакт есть. Что ещё?
АРМАН. Я называю задуманные числа, даты, фамилии. Работаю с залом. Мне не нужен реквизит.
АНАТОЛИЙ. А ящик?
АРМАН. У меня нет ящика.
АНАТОЛИЙ. А распил женщины?
АРМАН. Я менталист.
ЗУЛЬФИЯ. Я сказала: без реквизита. Ящика нет. Женщину не пилил. Научится.

АРМАН. Мне не нужно распиливать женщину, чтобы узнать, что у неё внутри.
ГУСТАВ. К утру научится?
ЖАННЕТА. Нет.
ЗУЛЬФИЯ. Почему нет?
ЖАННЕТА. Потому что к утру он научится только закрывать крышку ящика. Это не номер.
ЗУЛЬФИЯ. Ты двадцать лет закрываешься. Покажешь ему один раз.
ЖАННЕТА. Я не закрываюсь. Меня закрывают. И если он повторит то, что увидел один раз, меня потом откроют не с той стороны.
АРМАН. Я бы предпочёл не начинать знакомство с распила здесь присутствующих.
ГУСТАВ. Завтра в райцентре вашу фамилию угадывать не будут. Там хотят женщину пополам.
АРМАН. Тогда, боюсь, я не тот артист.
ЗУЛЬФИЯ. Ты тот. Просто номер другой.
ГУСТАВ. Номер куплен. Название куплено. Значит, поставим человека внутрь названия.
АНАТОЛИЙ. Какого человека?
ГУСТАВ. Молодого.
АНАТОЛИЙ. Куда?
ГУСТАВ. На ваше место, Анатолий. Временно, конечно.
АНАТОЛИЙ. Моё место занято.
АДА. Кем?
АНАТОЛИЙ. Мной.
ЗУЛЬФИЯ. Арман сделает номер под именем Анатолия. Анатолий Великий.
АРМАН. Простите, но нет.
ГУСТАВ. Афиша останется.
ЗУЛЬФИЯ. Лицо новое. Имя раскрученное.
АРМАН. Я выступаю как Арман Диас.
ГУСТАВ. Один вечер.
ЗУЛЬФИЯ. Потом привыкнут.
АРМАН. Я сказал нет.
ГУСТАВ. Анатолий, вы поедете с нами. Поставите номер, проследите. Вы нужны.
АНАТОЛИЙ. В каком качестве?
ГУСТАВ. В своём.
АНАТОЛИЙ. А выступать будет он.

ГУСТАВ. Под вашим именем. Значит, качество ваше.
АНАТОЛИЙ. Имя моё.
ЖАННЕТА. Послушайте сначала Армана.
ЗУЛЬФИЯ. Я его слушаю каждый день.
АРМАН. Зульфия…
ЗУЛЬФИЯ. Место! Понимаешь? Не день рождения с бумажными колпаками. Настоящий цирковой манеж.
АРМАН. Под чужим именем.
ЗУЛЬФИЯ. На чужом корме тоже растут.
АРМАН. Я не пудель.
ЗУЛЬФИЯ. Пудель быстрее понимает команду.
ГУСТАВ. Решено. Утром едем все. По дороге учим. Вечером распиливаем.
АРМАН. Простите, ничего не решено.
АНАТОЛИЙ. Послушайте, Жанна…
ЖАННЕТА. Я Жаннета.
АНАТОЛИЙ. Вы действительно можете его научить?
ЖАННЕТА. Могу научить не убить человека. Для номера этого мало.
ГУСТАВ. Уже достаточно, чтобы начать.
АРМАН. Господин Геннадий Шкуро, я не даю своего согласия.
ГУСТАВ. Геннадия здесь больше нет.
АДА. По паспорту есть.
ГУСТАВ. Аделаида.
АДА. Хорошо, Густав.
ЖАННЕТА. Аделаида?
За сценой скамья срывается с рук и с грохотом падает. Все на мгновение поворачиваются туда, кроме Армана. Он смотрит на Зульфию.
ЗУЛЬФИЯ. Не бойся. Ко мне.
АРМАН. Я не боюсь.
ЗУЛЬФИЯ. Тогда стой.
Она ставит его чемодан рядом с вещами труппы. Арман берёт чемодан и переставляет к своей ноге. Никто, кроме Жаннеты, этого не замечает.
ГУСТАВ. Ада, нужна бумага с согласием. И моя печать.
АДА. Нужна подпись.
ГУСТАВ. Будет.
АНАТОЛИЙ. Чья?
ГУСТАВ. Ваша.
АНАТОЛИЙ. Тогда спросите меня.

ГУСТАВ. Спрашиваю.
АНАТОЛИЙ. Что?
Густав смотрит на него. Анатолий совершенно спокойно ждёт, когда ему наконец зададут понятный вопрос.
Снаружи снова бьют по трубе. На этот раз крепление поддаётся с первого удара.

Сцена 4. Второе имя

Все расходятся выполнять распоряжение, которого никто не принял. Ада уходит с ведомостью, Анатолий с очками в руках за ней. Жаннета уносит шляпу. Арман выходит со своим чемоданом; Зульфия смотрит ему вслед, пока он не скрывается. Остаются Густав и Зульфия.
ГУСТАВ. Он хороший.
ЗУЛЬФИЯ. Лучший.
ГУСТАВ. Откуда знаешь?
ЗУЛЬФИЯ. Я его выбрала.
ГУСТАВ. Это не доказательство.
ЗУЛЬФИЯ. Выведи на манеж – получишь доказательство. Не дёргай поводок раньше выхода.
Густав подбирает с пола обронённый лист из папки.
ГУСТАВ. Радченко.
ЗУЛЬФИЯ. Ну.
ГУСТАВ. Откуда он знает?
ЗУЛЬФИЯ. Угадал.
ГУСТАВ. А Геннадий?
ЗУЛЬФИЯ. Тоже.
ГУСТАВ. Сильный менталист.
ЗУЛЬФИЯ. Видел, как идёт на голос.
ГУСТАВ. Особенно когда ты стоишь рядом.
ЗУЛЬФИЯ. Не стой рядом. Тоже угадает.
Густав смеётся. Зульфия нетерпеливо вынимает у него лист.
ЗУЛЬФИЯ. Какая бумага?
ГУСТАВ. Ада оформит.
ЗУЛЬФИЯ. Где два имени?
ГУСТАВ. Да. Арман будет Анатолием.
ЗУЛЬФИЯ. Арман будет Анатолием. А я буду Жанной.

ГУСТАВ. Ты?
ЗУЛЬФИЯ. Я помещусь.
ГУСТАВ. Куда?
ЗУЛЬФИЯ. В ящик.
ГУСТАВ. Нет.
ЗУЛЬФИЯ. Ассистентку оставим здесь. Арман – со мной.
ГУСТАВ. Ты не знаешь номер.
ЗУЛЬФИЯ. Она покажет.
ГУСТАВ. Она не покажет.
ЗУЛЬФИЯ. Заставь.
ГУСТАВ. Я никого не заставляю. Я же директор. Я просто объясняю обстоятельства.
ЗУЛЬФИЯ. Объясни ей здесь. Мы уедем далеко. Без неё. Со мной. С Арманом.
Пауза.
ГУСТАВ. И каждый вечер тебя будут распиливать?
ЗУЛЬФИЯ. Да.
ГУСТАВ. Напополам?
ЗУЛЬФИЯ. Да.
ГУСТАВ. Или четвертовать?
ЗУЛЬФИЯ. Да.
ГУСТАВ *(вздыхает)*. Нет, дорогая. Для этого я тебя слишком люблю.
ЗУЛЬФИЯ. А её не любишь?
ГУСТАВ. Она знает номер.
ЗУЛЬФИЯ. Я тоже выучу.
ГУСТАВ. Ты укротительница. У тебя звери.
ЗУЛЬФИЯ. Два пуделя, коза и енот Валера. Все влезут в первый фургон.
ГУСТАВ. Валера не влезает. Валера проникает.
ЗУЛЬФИЯ. Тем более.
ГУСТАВ. Зуля, родная, если ты ляжешь в этот ящик, ты можешь в него сыграть. Кто будет тогда держать пуделей, козу, Валеру и Армана?
ЗУЛЬФИЯ. Армана держать не надо.
ГУСТАВ. Я видел. Ты привела его за запястье.
ЗУЛЬФИЯ. Чтобы он не потерялся.
ГУСТАВ. Он не потерялся. Он дважды нашёл свой чемодан.
ЗУЛЬФИЯ. Он привыкнет.
ГУСТАВ. К чему?

ЗУЛЬФИЯ. Ко мне.
ГУСТАВ. Он и так к тебе привык.
ЗУЛЬФИЯ. Тогда поедет.
ГУСТАВ. Под своим именем он нам не нужен.
ЗУЛЬФИЯ. Он нужен мне.
Густав перестаёт улыбаться, закрывает папку и смотрит на Зульфию внимательнее.
ГУСТАВ. Вот оно что.
ЗУЛЬФИЯ. Наконец-то.
ГУСТАВ. Но второй строкой всё равно остаётся Жанна.
ЗУЛЬФИЯ. Ассистентка всегда была для тебя первой строкой.
ГУСТАВ. Я всё время путаю её имя.
ЗУЛЬФИЯ. Зато меня можно называть как угодно.
ГУСТАВ. Нельзя.
ЗУЛЬФИЯ. Можно. Я не откликаюсь на имя. Я откликаюсь, когда я кому-то нужна.
ГУСТАВ. Ассистентка едет. Арман будет распиливать её.
ЗУЛЬФИЯ. Ты её не любишь?
ГУСТАВ. Она знает номер.
Они смотрят друг на друга.
ЗУЛЬФИЯ. Хорошо. Тогда я буду с ним.
ГУСТАВ. Где?
ЗУЛЬФИЯ. Увидишь.
Она уходит вслед за Арманом.
ГУСТАВ. Зуля!
ЗУЛЬФИЯ *(из-за кулисы)*. Ко мне!
ГУСТАВ. Я не Арман!
ЗУЛЬФИЯ *(из-за кулисы)*. Поэтому стой!
Густав остаётся с папкой. За сценой кто-то долго волочит скамью, не попадая в проём.

Сцена 5. Тираж

Входят Жаннета, Анатолий и Арман. Арман несёт пачку афиш, перевязанную шпагатом. Жаннета держит верхнюю за два угла, чтобы не смять. На ней крупно: «АНАТОЛИЙ ВЕЛИКИЙ И ЖАННА».
АРМАН. Я принёс всё, что лежало у двери.
ГУСТАВ. Кто велел взять?

ЖАННЕТА. Я.
ГУСТАВ. Зачем?
ЖАННЕТА. Чтобы ты не рассказывал, что тираж еще в типографии.
ГУСТАВ. Я и не рассказывал.
ЖАННЕТА. Ты собирался.
ГУСТАВ. Весь тираж уже в фургоне. Это пачка для расклейки по дороге.
Входит Зульфия. Сразу подходит к Арману и забирает у него пачку.
ЗУЛЬФИЯ. Тяжело?
АРМАН. Нисколько.
ЗУЛЬФИЯ. Тогда держи.
Бросает пачку ему обратно в руки.
ГУСТАВ. Где Ада?
ЖАННЕТА. С кассой.
ГУСТАВ. То есть на ведомости.
ЖАННЕТА. То есть с кассой.
АНАТОЛИЙ *(читает афишу)*. Хороший шрифт. Издалека читается.
ЖАННЕТА. Имя плохое.
АНАТОЛИЙ. Моё?
ЖАННЕТА. Моё.
АНАТОЛИЙ. Здесь написано «Жанна».
ЖАННЕТА. Здесь написано не моё имя.
ГУСТАВ. Мы это обсудили.
ЖАННЕТА. Нет. Ты отправил Аду оформить бумагу. Теперь я ставлю свое условие.
ГУСТАВ. У тебя нет условий. У тебя есть завтрашнее представление.
ЖАННЕТА. Я еду и работаю номер только в одном случае. Если он называется «Жаннета представляет: Анатолий Великий и Жанна».
Густав машинально поправляет отогнувшийся край её рабочего халата. Жаннета так же машинально снимает блёстку с его рукава. Оба продолжают смотреть друг другу в глаза, словно движения не было. Зульфия всё видит.
Зульфия коротко смеётся.
ЖАННЕТА. Что?
ЗУЛЬФИЯ. Ничего. Представляй дальше.
ЖАННЕТА. Я не тебе ставлю условие.
ЗУЛЬФИЯ. Мне всё равно, как называться. Я могу быть Жанной.
ГУСТАВ. Мы это тоже обсудили, дорогая.
ЗУЛЬФИЯ. Ты обсудил.

АРМАН. Здесь, кажется, обсуждают всех, кроме тех, чьи имена меняют.
Перехватывает пачку афиш другой рукой.
ГУСТАВ. Арман, афиша не про тебя. Можешь поставить на пол.
АРМАН. И это единственное, что меня сейчас радует.
Арман кладет пачку афиш на пол.
ЖАННЕТА. Густав. Название меняется. Перед входом крупно – моё имя. Ты выходишь и объявляешь меня. Я выхожу со шляпой одна. Потом номер с ящиком.
ГУСТАВ. Нет.
ЖАННЕТА. Почему?
ГУСТАВ. Потому что ответ напечатан на афише крупным шрифтом. Весь тираж в фургоне.
ЖАННЕТА. Тогда перепечатайте тираж.
ГУСТАВ. На какие деньги?
ЖАННЕТА. Я деньги не считаю. Спросите Аду.
ГУСТАВ. Касса у Ады, она пустая. Аванс – четыреста тысяч – потрачен. Вернуть его нечем, печатать новый тираж не на что, менять проданное название нельзя.
ЖАННЕТА. Тогда я не еду.
ГУСТАВ. Едешь.
ЖАННЕТА. С этим названием – нет.
ГУСТАВ. У тебя вещи в фургоне.
ЖАННЕТА. Вещи выгрузят.
ГУСТАВ. Кто?
ЖАННЕТА. Тот, кто загрузил.
ГУСТАВ. Они снимают скамьи и уходят. Цирк уезжает.
АНАТОЛИЙ. Ада остается.
ЖАННЕТА. Я подожду.
ЗУЛЬФИЯ. Не тащи за холку. Не хочет – отпусти.
ГУСТАВ. Зуля, родная, не начинай.
ЗУЛЬФИЯ. Освобождаю клетку.
ГУСТАВ. Место «Жанны» занято.
ЖАННЕТА. Кем?
ГУСТАВ. Тобой.
ЖАННЕТА. Моё имя Жаннета.
ГУСТАВ. Я знаю.
ЖАННЕТА. На афише его не видно.

Анатолий снимает очки, подносит афишу ближе, снова надевает очки.
АНАТОЛИЙ. Не видно.
ГУСТАВ. Спасибо, Анатолий.
АНАТОЛИЙ. Мелко напечатали?
ЖАННЕТА. Вообще не напечатали.
АНАТОЛИЙ. Странно. Я обещал вам выход.
Жаннета поворачивается к нему.
АНАТОЛИЙ. В субботу. Одну минуту перед общим поклоном. Выход со шляпой, без ящика. Отдельное объявление.
ЖАННЕТА. Вы обещали его на сегодня.
АНАТОЛИЙ. Нет. Обещал на субботу.
ЖАННЕТА. Обещали на субботу. Сегодня должны были выполнить.
АНАТОЛИЙ. Сегодня?
ЖАННЕТА. Я стояла в кулисе со шляпой.
АНАТОЛИЙ. Почему не вышли?
ЖАННЕТА. Вы сделали третий поклон.
АНАТОЛИЙ. Он был лишний.
ЖАННЕТА. И он занял всю мою минуту.
АНАТОЛИЙ. Значит, завтра.
ЖАННЕТА. Под моим именем.
АНАТОЛИЙ. Конечно, Жанна.
ГУСТАВ. Нет.
После этого «нет» никто несколько секунд не продолжает разговор.
ЖАННЕТА. Анатолий?
АНАТОЛИЙ. Что?
ЖАННЕТА. Номер меняется?
АНАТОЛИЙ. Номер нельзя менять накануне.
ЖАННЕТА. А название?
АНАТОЛИЙ. Название – часть номера.
ЖАННЕТА. С какого года?
АНАТОЛИЙ. С тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Тогда утвердили формулировку.
ЖАННЕТА. А я с какого года в ящике?
АНАТОЛИЙ. Не смешивайте разные бумаги.
АРМАН. Вы помните дату формулировки, но не помните сегодняшний выход.
АНАТОЛИЙ. Дата записана.
АРМАН. Где именно записана?

АНАТОЛИЙ. В памяти.
АРМАН. А сегодняшний выход тоже там был записан?
АНАТОЛИЙ. Не записан.
ЖАННЕТА. Был записан в программе.
ГУСТАВ. Программы больше нет. Представление закончилось. Цирк уезжает.
ЖАННЕТА. Я так и не вышла.
ЗУЛЬФИЯ. Ты каждый вечер выходишь из ящика.
ЖАННЕТА. Это другое.
ГУСТАВ. Никто не отнимает у тебя профессию.
ЖАННЕТА. Тогда напишите имя.
ГУСТАВ. Какое?
ЖАННЕТА. Моё.
ГУСТАВ. Где?
ЖАННЕТА. На афише.
ГУСТАВ. На афише останется то, что куплено: «Анатолий Великий и Жанна».
ЖАННЕТА. Тогда моё условие вы услышали.
ГУСТАВ. Услышал. Ответ – нет.
Жаннета аккуратно вынимает верхнюю афишу из-под шпагата, складывает её печатью внутрь и кладёт на зеркальный ящик.
АНАТОЛИЙ. Не туда. Помнётся.
ЖАННЕТА. Ящик не мой.
ЗУЛЬФИЯ. Правильно. Зачем беречь чужое?
ЖАННЕТА. Ящик Ады.
ЗУЛЬФИЯ. Я не про ящик.
За кулисой откручивают крепление. Металлическая труба падает на землю. Короткая тишина после грохота кажется громче самого удара.

Сцена 6. Подпись

Входит Ада с ведомостью под мышкой и с листами в руке.
АДА. Кто просил подпись?
ГУСТАВ. Я просил подпись и ручку.
АДА. Ручка у тебя.
ГУСТАВ. Она не пишет.
АДА. Пишет. Она только деньги не пишет.

Густав пробует ручку на полях афиши. Ручка пишет.
ГУСТАВ. Теперь пишет.
АДА. Я же говорила.
ГУСТАВ. Теперь внимание всем, говорит директор. Закрываем вопрос с завтрашним номером.
АРМАН. Прошу прощения, но для себя я его уже закрыл.
ЗУЛЬФИЯ. Открой.
ЖАННЕТА. Что подписываем?
ГУСТАВ. Рабочее согласие. Никаких обязательств сверх завтрашнего номера.
АДА. Чьих обязательств?
ГУСТАВ. Анатолия.
АНАТОЛИЙ. Я здесь.
ГУСТАВ. Я вижу.
АНАТОЛИЙ. Тогда говорите мне.
Густав отдает ручку Аде, взамен берет у нее лист, разворачивает и читает отчётливо, как на переговорах.
ГУСТАВ. «Согласие Анатолия Гнездова на выступление Армана Диаса под именем “Анатолий Великий”».
АРМАН. Простите, нет.
ЗУЛЬФИЯ. Тихо.
АРМАН. Я говорю достаточно громко.
ГУСТАВ. Здесь должна стоять не твоя подпись, Арман.
АРМАН. Но в названии стоит моё имя.
ГУСТАВ. Именно поэтому там оно указано.
АРМАН. Указано, чтобы его отнять.
ЗУЛЬФИЯ. Чтобы дать другое.
АРМАН. Благодарю, другого имени мне не нужно.
ГУСТАВ. Анатолий, вы согласны?
АНАТОЛИЙ. Я еду?
ГУСТАВ. Едете.
АНАТОЛИЙ. В цирке?
ГУСТАВ. При номере.
АНАТОЛИЙ. Где мои вещи?
АДА. В третьем фургоне.
АНАТОЛИЙ. Третий едет?
ГУСТАВ. Все едут.
АНАТОЛИЙ. Тогда давайте.
ЖАННЕТА. Вы поняли, что отдаёте?

АНАТОЛИЙ. Имя.
ЖАННЕТА. Кому?
АНАТОЛИЙ. Ему.
АРМАН. Простите, я его не принимаю.
АНАТОЛИЙ. Тогда кому?
ГУСТАВ. Формально – разрешение на использование. Имя остаётся вашим.
АДА. На бумаге – у него.
ГУСТАВ. На один номер.
АДА. Здесь не написано, что на один.
ГУСТАВ. Мы сейчас допишем.
АНАТОЛИЙ. Не надо. Если на один, потом ещё подписывать.
ГУСТАВ. Хорошо. На время работы в труппе.
АНАТОЛИЙ. Чьей?
ГУСТАВ. Вашей.
АНАТОЛИЙ. Значит, я остаюсь.
ГУСТАВ. Остаётесь.
АНАТОЛИЙ. Ручку.
Ада не отдаёт. Густав просит взглядом.
ГУСТАВ. Ада.
АДА. Вернёшь.
ГУСТАВ. Ручку?
АДА. Всё.
Она вручает ручку Анатолию. Он надевает очки, читает лист от первой строки до последней. По губам видно: формулировки он знает и не пропускает ни одной. Подписывает. Отдает ручку Густаву. Арман делает шаг к Анатолию.
АРМАН. Господин Анатолий Гнездов, я не буду выступать под вашим именем.
АНАТОЛИЙ. Тогда не выступайте.
ГУСТАВ. Он будет.
АРМАН. Боюсь, всё-таки не буду.
ЗУЛЬФИЯ. Потом спорь.
АРМАН. Именно сейчас я вынужден возразить.
ЗУЛЬФИЯ. Сейчас погрузка.
ЖАННЕТА. Он сказал нет.
ЗУЛЬФИЯ. Он волнуется. У мальчика первый большой номер.
АРМАН. Это первый чужой номер.
ГУСТАВ. Послушаешь реакцию зала – станет своим.

АРМАН. Но зал услышит чужое имя.
ГУСТАВ. Имя – рабочее.
АРМАН. Моё имя тоже рабочее, господин Геннадий Шкуро.
Густав отдает ручку Аде, забирает у Анатолия подписанный лист, смотрит на подпись.
ГУСТАВ. Анатолий, здесь «Гнездов» ушло вниз, подпись обрывается.
АНАТОЛИЙ. Там край листа.
ГУСТАВ. Нужна вся подпись на листе.
Он вкладывает подписанный лист Анатолию в руки, берет у Ады другой лист.
ГУСТАВ. Вы уже подписали.
АНАТОЛИЙ. Возможно.
ГУСТАВ. Подпишите ещё раз.
АНАТОЛИЙ. Дважды уступить своё имя за один вечер? Я не настолько забывчив.
ГУСТАВ. Это тот же документ.
АНАТОЛИЙ. Тогда достаточно первого.
ГУСТАВ. Где он?
Все смотрят на руки Анатолия. Они пусты. Рядом на ящике стоит шляпа. Никто не видел, как лист оказался в ней.
АНАТОЛИЙ. Вы забрали.
ГУСТАВ. Я дал вам.
АНАТОЛИЙ. Зачем?
ГУСТАВ. Подержать.
АНАТОЛИЙ. Нельзя давать мне документы подержать. Я иллюзионист. Я Анатолий Великий.
АДА. Где бумага?
ГУСТАВ. У него была.
АНАТОЛИЙ. У меня не было.
ЖАННЕТА. Только что держали.
АНАТОЛИЙ. Что?
ЖАННЕТА. Ваше согласие.
АНАТОЛИЙ. Послушайте, Жанна…
ЖАННЕТА. Я Жаннета.
АНАТОЛИЙ. Я помню, что подписал. Не помню, чтобы держал.
АРМАН. Если документа больше нет, позвольте считать вопрос исчерпанным.
ЗУЛЬФИЯ. Найдём.

ГУСТАВ. Никто не уходит. Смотрите под ящиками.
АДА. Ящики не двигать. А то перепутаете.
ГУСТАВ. Ада, мы ищем документ.
АДА. Ищите глазами.
Все начинают искать. Анатолий первым заглядывает в шляпу. Запускает руку и вытягивает длинную атласную ленту. Она идёт буднично, два или три метра, ложится поверх афиши.
АНАТОЛИЙ. Здесь лента.
ГУСТАВ. Я вижу.
АНАТОЛИЙ. Значит, бумаги нет.
ГУСТАВ. Ищите!
Снаружи раздаётся серия ударов по трубам. В один из промежутков слышен голос униформиста: «Скамьи сняли!»
Все шестеро застывают в разных позах поиска. Анатолий держит ленту. Арман держит свой чемодан. Ада сидит на ведомости. Жаннета смотрит на шляпу.
Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 7. Валера

То же место, тот же поиск. Только звук снаружи изменился: публики и оркестра больше нет. Последнюю скамью волокут к грузовику. Один ряд рабочих ламп над закулисьем гаснет, и пространство делится на светлые и тёмные секции.
ГУСТАВ. Никто не трогал шляпу?
АДА. Все трогали пол.
АНАТОЛИЙ. Тогда я ничего не пропустил.
АДА. Бумагу пропустил.
АНАТОЛИЙ. Какую бумагу?
АДА. Согласие Анатолия Гнездова на выступление Армана Диаса под именем «Анатолий Великий».
АРМАН. Без согласия Армана Диаса.
АДА. Оно не помещается.
АРМАН. Куда не помещается?

АДА. В название документа.
ГУСТАВ. Искать надо не название, а лист. Белый, с моей печатью и подписью Анатолия.
АНАТОЛИЙ. Моя подпись чёрная.
ГУСТАВ. Ручка синяя.
АНАТОЛИЙ. Тогда не моя.
АДА. Твоя. Ушла вниз.
АНАТОЛИЙ. А. Эта.
ГУСТАВ. Где она?
АНАТОЛИЙ. Подпись?
ГУСТАВ. Бумага!
АНАТОЛИЙ. Не кричите. Я не глухой.
АДА. Жаннета, посмотри вокруг шляпы.
Жаннета осматривает пол вокруг шляпы, не касаясь её.
ЖАННЕТА. Здесь нет.
ГУСТАВ. Она могла прилипнуть к афише.
ЗУЛЬФИЯ. Арман, подними пачку.
АРМАН. Я уже поднимал.
ЗУЛЬФИЯ. Ещё.
АРМАН. От повторения снизу ничего не вырастет.
ЗУЛЬФИЯ. Подними.
Арман поднимает пачку. Зульфия заглядывает под неё.
ЗУЛЬФИЯ. Нет.
АРМАН. Я же говорил.
ГУСТАВ. Проверь чемодан.
АРМАН. Зачем документу мой чемодан?
ГУСТАВ. У него на всё есть причины. Открой.
АРМАН. Мой чемодан к бумаге отношения не имеет.
ЗУЛЬФИЯ. Открой.
Арман ставит чемодан на ковёр и открывает. Все заглядывают в его чемодан. Внутри два аккуратно сложенных костюма, щётка, несколько книг и коробка с воротничками.
АДА. Щётка чья?
АРМАН. Моя.
АДА. Была у Валеры.
ЗУЛЬФИЯ. Это другая.
АДА. Щетина та же.
АРМАН. Сначала у меня пытались украсть имя, теперь щётку.
ГУСТАВ. Теперь это твои коллеги, Арман. Закрывай.

Арман закрывает чемодан и сразу ставит у своей ноги.
ЖАННЕТА. Анатолий, после подписи лист был у вас.
АНАТОЛИЙ. Густав мне его дал.
ГУСТАВ. Вот, сошлось.
АНАТОЛИЙ. Потом забрал.
ГУСТАВ. Не забирал.
АНАТОЛИЙ. Значит, не давал.
ГУСТАВ. Давал!
АНАТОЛИЙ. Зачем вы тогда кричите?
ГУСТАВ. Я не кричу. Я устанавливаю последнее местонахождение листа.
АДА. Последнее – руки Анатолия.
ГУСТАВ. Вот.
АНАТОЛИЙ. Руки здесь. Вот они.
Показывает обе ладони.
ГУСТАВ. Поищите в карманах.
АНАТОЛИЙ. Уже.
ГУСТАВ. Выкладывайте всё.
АНАТОЛИЙ. Я не престидижитатор, я иллюзионист.
Он выворачивает карманы. Платок, мел, короткая отвёртка, карамель без обёртки. Бумаги нет.
АДА. Карамель?
АНАТОЛИЙ. Личная. Не реквизит.
АДА. Можете забирать обратно.
ЗУЛЬФИЯ. Это Валера.
Все смотрят на неё.
ГУСТАВ. Что Валера?
ЗУЛЬФИЯ. Унёс.
ГУСТАВ. Енот был здесь?
ЗУЛЬФИЯ. Проник. Сначала щётка. Потом блестящая пряжка. Потом кусок шпагата.
АРМАН. Бумага не блестит.
ЗУЛЬФИЯ. Печать блестит.
ГУСТАВ. Печать не блестит.
АДА. Для Валеры – блестит. Он всё уносит в подстилку.
ЖАННЕТА. Он мог пройти за спиной Анатолия.
АДА. Мог. Вчера вынес накладную.
ГУСТАВ. Почему не сказала?
АДА. Вернул обратно.

ЗУЛЬФИЯ. Я вернула.
АДА. Он не расписывается.
АРМАН. Значит, мы временно передали документ еноту.
ЗУЛЬФИЯ. Сейчас достану.
ГУСТАВ. Ты его разбудишь.
ЗУЛЬФИЯ. Он не спит.
ГУСТАВ. Тем более.
ЗУЛЬФИЯ. Валера! Ко мне!
Из-за сцены слышится возня, затем короткое сердитое урчание.
ЗУЛЬФИЯ. Видишь? Виноват.
ГУСТАВ. Я вижу только, что он не пришёл.
ЗУЛЬФИЯ. Виноватые не идут на голос.
АДА. Бумагу надо искать утром.
ГУСТАВ. Утром мы должны уехать.
АДА. Вы должны.
ГУСТАВ. Ада, дорогая, не сейчас.
АДА. Именно сейчас.
Гаснет ещё одна секция ламп. Ада переносит ведомость в оставшийся свет и садится на неё.
ГУСТАВ. Хорошо. Считаем, что документ временно у Валеры.
АРМАН. А согласие – временно у меня?
ГУСТАВ. Согласие дал Анатолий.
АРМАН. На своё имя. Не на моё.
ЗУЛЬФИЯ. Не начинай сначала.
АРМАН. Я не прекращал.
ГУСТАВ. Без документа спорить не о чем. Найдём – подпишем с порядком работы.
АНАТОЛИЙ. Второй раз не подпишу.
ГУСТАВ. Почему?
АНАТОЛИЙ. Уже сказал.
ГУСТАВ. Что сказал?
АНАТОЛИЙ. Не помню. Но сказал точно.
Густав перестаёт смотреть на карманы Анатолия и поворачивается к Аде. Анатолий спокойно собирает свои вещи.

Сцена 8. Сто восемьдесят тысяч

Зульфия уводит Армана проверять подстилку Валеры. Жаннета и Анатолий уходят к фургону. Остаются Ада и Густав. Снаружи униформисты переходят к осветительным линиям; лампы теперь гаснут не по одной, а целыми кусками.

ГУСТАВ. Дай ведомость.
АДА. Нет.
ГУСТАВ. Мне нужна касса.
АДА. Пустая.
ГУСТАВ. Мне нужно увидеть.
АДА. Увидишь бумагу.
ГУСТАВ. Я директор.
АДА. Подпись твоя. Цифры мои.
ГУСТАВ. Я хочу понять, что мы можем сделать с ящиком.
АДА. Выкупить.
ГУСТАВ. Мы его уже купили.
АДА. Я купила. Зимой. Своей зарплатой.
ГУСТАВ. Я отдал его вместо долга.
АДА. Долг закрыт.
ГУСТАВ. Мы оба знали, что ящик останется в цирке.
АДА. Я не знала.
ГУСТАВ. Ты его не забирала.
АДА. До утра не заберу.
ГУСТАВ. И куда ты его повезёшь?
АДА. В помещение.
ГУСТАВ. Какое помещение?
АДА. Снятое.
ГУСТАВ. Подо что?
АДА. Под себя.
ГУСТАВ. Ада, ты клоунесса. Тебе одной помещение не нужно.
АДА. Уже нужно.
ГУСТАВ. Где?
АДА. Здесь.
ГУСТАВ. В этом городе?
АДА. Да.
ГУСТАВ. И что ты будешь делать?
АДА. Работать.
ГУСТАВ. Где работать?

АДА. В помещении.
ГУСТАВ. С кем?
АДА. С ДК.
ГУСТАВ. У тебя договор с домом культуры?
АДА. Подписан.
ГУСТАВ. Когда ты успела?
АДА. Пока вы кланялись.
ГУСТАВ. Ты не можешь забрать реквизит нашего номера.
АДА. Могу. Бирка есть.
ГУСТАВ. Сними бирку.
АДА. Нет.
Пауза.
ГУСТАВ. Назови цену.
АДА. Сто восемьдесят тысяч.
Густав ждёт продолжения. Продолжения нет.
ГУСТАВ. За мой ящик?
АДА. За мой.
ГУСТАВ. Я отдал его тебе за зимнюю зарплату.
АДА. Теперь хочешь обратно.
ГУСТАВ. Сто восемьдесят тысяч?
АДА. Цена обратного выкупа.
ГУСТАВ. У нас нет этих денег.
АДА. Тогда нет ящика.
ГУСТАВ. Тогда не покупаю. Предлагаю обмен: сегодня один учебный прогон, утром мои униформисты и мой грузовик доставляют ящик к твоему помещению.
АДА. В аренду не сдаю.
ГУСТАВ. Это не аренда. Тебе всё равно нужны люди, трап и машина. Я тебе обеспечиваю доставку, ты даёшь один учебный прогон до погрузки. По расходам для тебя выгоднее, по кассе для меня возможно.
АДА. Адреса не знаешь.
ГУСТАВ. Впишешь в ведомость.
АДА. Зеркала не кантовать.
ГУСТАВ. Четыре человека, ровный трап, я сам принимаю ящик у двери.
Ада смотрит на ящик, на выход и на его парадный пиджак.
АДА. Только аккуратно. Пиджак снимешь.
ГУСТАВ. Сниму.
АДА. Один прогон. Лезвие не опускать. Повреждения ваши.

ГУСТАВ. Договорились.
Ада делает в ведомости запись длиннее обычного. Густав ждёт, пока она поставит точку, и зовёт остальных к ящику.
Возвращаются остальные. Зульфия несёт погнутую пряжку, Арман – пустые руки.
ЗУЛЬФИЯ. У Валеры бумаги нет. Нашла пряжку.
АДА. Чья?
ЗУЛЬФИЯ. Теперь Валеры.
АДА. По ведомости не проходит.
ГУСТАВ. У нас другая проблема.
ЖАННЕТА. Жанна.
ГУСТАВ. Ящик.
АДА. Я сказала.
АНАТОЛИЙ. Утром забирает.
ГУСТАВ. Если мы не выкупим.
ЗУЛЬФИЯ. Выкупай.
ГУСТАВ. Ада хочет сто восемьдесят тысяч.
Пауза.
АРМАН. Госпожа Аделаида Шило уверена, что у вас в кассе такой суммы нет.
АДА. Ада Шило. Уверена.
ГУСТАВ. Но спасибо за номер без подготовки.
ЗУЛЬФИЯ. Сделаем другой ящик.
ЖАННЕТА. К погрузке новый механизм не собрать.
ЗУЛЬФИЯ. Клетка есть.
АДА. Моя.
ЗУЛЬФИЯ. Клетка моя.
АДА. По ведомости – цирка.
ЗУЛЬФИЯ. Там Валера.
АДА. Тогда не пустая.
АНАТОЛИЙ. В клетке Арману распил не сделать. Прутья не дадут закрыть среднюю раму.
АРМАН. У меня никогда не будет ни ящика, ни средней рамы. Я менталист.
ЗУЛЬФИЯ. Не бойся. Найдем.
ЖАННЕТА. У нас вообще нет ящика.
АРМАН. Именно с этого я начал.
ЗУЛЬФИЯ. Научится без ящика.
АНАТОЛИЙ. Без ящика нечему учиться.

ГУСТАВ. Если утром Ада забирает ящик, номера нет ни у Армана, ни у Анатолия.
АДА. Правильно.
ЖАННЕТА. И Жанны тоже нет.
ЗУЛЬФИЯ. Жанна есть.
ЖАННЕТА. Когда она появится?
ЗУЛЬФИЯ. Уже появилась. Тиражом пятьсот экземпляров.
Ещё одна секция света гаснет. Все теснее сходятся вокруг зеркального ящика, который теперь стоит в последнем ровном пятне света.
ГУСТАВ. Теперь внимание всем, говорит директор. Я договорился с Адой на один учебный прогон ящика.
АДА. Один. Лезвие не опускать.
ГУСТАВ. Значит, учим номер сейчас.
АРМАН. Своего согласия я по-прежнему не давал.
ГУСТАВ. Объясняю. Без ящика нет номера Анатолия с Жанной. Если нет номера Анатолия с Жанной – нет твоего номера в начале представления.
ЗУЛЬФИЯ. Иди.
АРМАН. Куда именно вы меня отправляете?
ЗУЛЬФИЯ. К ящику.
Арман не двигается. Зульфия берёт его чемодан и ставит рядом с ящиком. Арман молча переносит чемодан обратно к ноге.

Сцена 9. Урок

Остаются Анатолий, Арман, Жаннета и Густав. Ада и Зульфия уходят проверять погрузку. Свет держится только над ящиком и частью ковра. В темноте снаружи снимают электрические гирлянды: лампочки одна за другой перестают просвечивать сквозь полотно.
ГУСТАВ. Никто не требует от тебя сразу полного номера. К утру ты должен хотя бы понимать последовательность.
АРМАН. Я понимаю последовательность. Сначала мне меняют имя, потом предлагают залезть в чужую профессию.
ГУСТАВ. В ящик лезет не фокусник.
ЖАННЕТА. Ассистентка ложится.
ГУСТАВ. Вот. А тебе надо остаться снаружи. Ты же иллюзионист.
АРМАН. Я менталист. Это единственное, что я уже умею.
АНАТОЛИЙ. Встаньте слева.

Арман встаёт справа.
АНАТОЛИЙ. Это справа.
АРМАН. От вас – слева.
АНАТОЛИЙ. Номер делают от ящика.
Арман переходит.
АНАТОЛИЙ. Не туда. Там колесо.
АРМАН. Тогда где?
Анатолий ставит его за плечи точно на место. Руки уверены.
АНАТОЛИЙ. Здесь. Носок к шву ковра. Не смотрите вниз. Зритель тоже посмотрит.
АРМАН. Куда смотреть?
АНАТОЛИЙ. В зал.
АРМАН. Зала нет.
АНАТОЛИЙ. Поэтому не ошибётесь.
Жаннета открывает ящик, проверяет заднюю стенку, среднюю раму и обе защёлки.
ЖАННЕТА. Сначала покажите пустой.
АНАТОЛИЙ. Я знаю.
ЖАННЕТА. Вы пропустили эту часть.
АНАТОЛИЙ. Я объяснял стойку.
ЖАННЕТА. Пока объясняете стойку, руки показывают пустой ящик.
АНАТОЛИЙ. Послушайте, Жанна…
ЖАННЕТА. Я Жаннета.
АНАТОЛИЙ. Ложитесь.
ЖАННЕТА. Сначала ткань.
Анатолий без слов берёт тёмную ткань, проводит ею по внутренним стенкам, отдаёт угол Арману. Арман берёт не той рукой. Анатолий меняет ему руку, разворачивает кисть, ставит локоть. Потом они откидывают ткань вместе. Движение выходит почти красивым.
ГУСТАВ. Вот. Уже номер.
ЖАННЕТА. Это ткань.
Она ложится в ящик.
ЖАННЕТА. Не закрывайте, пока я не скажу.
АРМАН. Я ничего не закрываю.
АНАТОЛИЙ. Поэтому стойте ближе.
ЖАННЕТА. Анатолий, левую опору.
Он ставит опору.
ЖАННЕТА. Не эту. Дальнюю.

Он меняет. Потом, чуть в стороне, без слов повторяет обеими руками исправленную последовательность: дальняя опора, ближняя, рама. Тело запоминает мгновенно.
АНАТОЛИЙ. Теперь крышка.
ЖАННЕТА. Теперь я поворачиваюсь.
АНАТОЛИЙ. Поворачивайтесь.
ЖАННЕТА. Сначала отпустите край.
Он отпускает.
АРМАН. Я не вижу, что происходит внутри.
ЖАННЕТА. Поэтому слушайте.
АРМАН. Что именно?
ЖАННЕТА. Дыхание. Если я вдохнула коротко – тесно. Если не вдохнула – вы меня уже прижали.
ГУСТАВ. Это зрителю не надо говорить.
ЖАННЕТА. Я говорю не зрителю.
АРМАН. Наконец-то.
АНАТОЛИЙ. Раму вниз.
ЖАННЕТА. Нет. Правый край выше.
АНАТОЛИЙ. Он ровный.
ЖАННЕТА. У вас ровный. У меня на ключице.
Анатолий поднимает край на толщину пальца. Жаннета выдыхает ровно.
ЖАННЕТА. Теперь.
Рама встаёт на место.
АНАТОЛИЙ. Пила идёт отсюда.
АРМАН. Настоящая?
АНАТОЛИЙ. Руками не трогать.
ЖАННЕТА. Сначала нижняя дорожка.
АНАТОЛИЙ. Сначала верхняя.
ЖАННЕТА. Если верхняя первая, нижнюю поведёт.
АНАТОЛИЙ. Раньше не вело.
ЖАННЕТА. Раньше я держала коленом.
АРМАН. А сейчас вы чем держите?
ЖАННЕТА. Сейчас я веду урок.
Анатолий меняет порядок. Снова повторяет его в воздухе, уже не споря. Арман следит за его руками и начинает повторять. У Анатолия движение цельное, у Армана разбито на отдельные команды.
АНАТОЛИЙ. Не считайте.
АРМАН. Я не считаю.

АНАТОЛИЙ. У вас губы двигаются.
АРМАН. Я запоминаю.
АНАТОЛИЙ. Запоминают плечи. Ещё раз.
Они повторяют.
ГУСТАВ. Арман, публике говоришь: «Сейчас вы увидите невозможное».
АРМАН. Я не говорю чужой текст.
ГУСТАВ. Тогда свой.
АРМАН *(автоматически обращаясь к воображаемому залу)*. Дамы и господа, выберите между тем, чему вы верите, и тем, что стоит прямо перед вами…
АНАТОЛИЙ. Долго. Пила уже в руке.
ЖАННЕТА. И не стойте спиной к защёлке.
АРМАН. Почему?
ЖАННЕТА. Заденете полой.
ГУСТАВ. Надо короче.
АРМАН. Дамы и господа…
АНАТОЛИЙ. Геннадий.
АРМАН. Что?
АНАТОЛИЙ. Двадцать девять лет в этом цирке. Я знаю, что он Геннадий. И Ада знает. И Зульфия, его жена, знает лучше всех. Руку выше.
Арман поднимает руку. Не отвечает. Густав очень занят краем папки.
ЖАННЕТА. Теперь раздвигаете половины.
АРМАН. За какие ручки?
ЖАННЕТА. Ближние.
АНАТОЛИЙ. Дальние.
ЖАННЕТА. Ближние. Дальними дёрнете раму.
Анатолий берётся за ближние и начинает разводить половины. Делает это мягко, без толчка. Арман помогает. Ящик расходится.
ГУСТАВ. Отлично.
ЖАННЕТА. Рано.
ГУСТАВ. Что рано?
ЖАННЕТА. Хвалить. Теперь собрать.
Они собирают. Арман торопится, Анатолий одним движением придерживает колесо и спасает раму от удара.
АНАТОЛИЙ. Не толкайте. Позовите.
АРМАН. Кого?

АНАТОЛИЙ. Вторую половину. Она идёт на вас.
АРМАН. Это ящик.
АНАТОЛИЙ. Поэтому идёт честно.
ЖАННЕТА. Сводите.
На этот раз получается.
ЖАННЕТА. Раму вверх. Крышку открыть. Сначала спросить.
АРМАН. Что спросить?
ЖАННЕТА. Жива ли я.
ГУСТАВ. В номере не спрашивают.
ЖАННЕТА. В номере слышат.
АНАТОЛИЙ *(негромко, ящику)*. Готовы?
ЖАННЕТА. Готова.
Он открывает в точной обратной последовательности. Жаннета садится.
ГУСТАВ. Ещё раз. Целиком.
АРМАН. Я не давал своего согласия.
ГУСТАВ. Это урок, не согласие.
ЖАННЕТА. Один прогон. Потом я выхожу.
Она снова ложится. Анатолий и Арман занимают места. Теперь Анатолий почти не говорит: его руки сами показывают ткань, опоры, раму, крышку. Там, где Жаннета исправляла его, он уже делает правильно. Арман следует за ним.
В конце прогона Анатолий закрывает наружную защёлку. Ключ остаётся у него в руке. Густав уже обращается к Арману, разворачивая его к воображаемому залу.
ГУСТАВ. Теперь текст. Коротко и уверенно.
АРМАН. Дамы и господа…
Анатолий отходит, машинально освобождает руки: мел кладёт в карман, ключ опускает в чёрную шляпу. Зал это видит. Остальные – нет.
АРМАН. …перед вами номер, который вы знаете под одним именем.
ГУСТАВ. Не надо про имя.
ЖАННЕТА *(из ящика)*. Откройте.
Гаснет последняя гирлянда снаружи.

Сцена 10. Ключ

За ящиком униформисты начинают распускать крепления боковой стенки. Полотно ещё держится, но понизу уже проходит холодный ветер.

АНАТОЛИЙ. Сейчас.

Он дёргает наружную защёлку. Она не идёт.

ЖАННЕТА *(из ящика)*. Не тяните вверх. Сначала к себе.

АНАТОЛИЙ. Я знаю.

Тянет к себе. Защёлка заедает.

АРМАН. Дайте попробовать.

АНАТОЛИЙ. Не трогайте.

ГУСТАВ. Что там?

АНАТОЛИЙ. Язычок заело.

ЖАННЕТА. Наружную защёлку поведите ключом.

ГУСТАВ. Анатолий, ключ!

Анатолий проверяет карман.

АНАТОЛИЙ. Какой ключ?

ЖАННЕТА. От защёлки.

АНАТОЛИЙ. Он был здесь.

ГУСТАВ. Где – здесь?

АНАТОЛИЙ. В моей руке.

АРМАН. После этого вы отошли к шляпе.

ГУСТАВ. Шляпа!

В этот момент входят Ада и Зульфия. Густав, Анатолий и Арман одновременно бросаются к чёрной шляпе. Зульфия, не понимая причины, бросается следом. Ада – за ними, чтобы никто не опрокинул ведомость и ящики.

Образуется плотная, суетливая куча спин. Пока все смотрят в шляпу, задняя стенка зеркального ящика бесшумно отходит. Жаннета выбирается наружу, расправляет халат, берёт складной стул, прислонённый за ящиком. На сиденье лежит ведомость Ады, отложенная на минуту. Жаннета раскрывает стул сбоку, садится прямо на ведомость. Остальные ее не видят за ящиком.

Анатолий запускает руку в шляпу и вытягивает длинную атласную ленту. Лента снова идёт два или три метра. Ключа нет.

АНАТОЛИЙ. Лента.

ГУСТАВ. Где ключ?

АНАТОЛИЙ. Не здесь.

АРМАН. Но я видел, как вы что-то положили в шляпу.
АНАТОЛИЙ. Значит, положил ленту.
ЗУЛЬФИЯ. Лента была. Ключ ищи.
АДА. Не рвите ленту, она по ведомости.
ГУСТАВ. Жанна, спокойно! Сейчас откроем!
ЖАННЕТА *(сидя сбоку).* Я спокойна.
АРМАН. Внутри есть ручка, которой можно нажать на защёлку?
ЖАННЕТА. Не достану. Там мёртвый угол.
ЗУЛЬФИЯ. Ломай.
АДА. Не ломать. Это мой ящик.
АНАТОЛИЙ. Дайте отвёртку.
Он вынимает короткую отвёртку из кармана.
ЖАННЕТА. Не поддевайте нижний край. Погнёте язычок.
АНАТОЛИЙ. Верно.
Он убирает отвёртку.
ЗУЛЬФИЯ. Отойдите. Ударю ногой.
АДА. Ударишь – впишу в повреждения. Закроешь своей зарплатой.
ГУСТАВ. Дайте тонкую отвёртку, из синего ящика.
ЖАННЕТА. Тонкая сломается в замке. Потом вообще не откроете.
ГУСТАВ. А чем откроем?
ЖАННЕТА. Я подожду. Я же говорила.
Пауза.
АДА. Она не даст открыть.
ГУСТАВ. Хорошо. Жанна, назови своё условие. Одно. Выполнимое.
ЖАННЕТА. Моё имя – на главной афише над входом. Над купленным названием.
Все на мгновение замолкают, но по-прежнему смотрят на ящик.
ГУСТАВ. Я могу дать отдельное объявление перед номером. Голосом, в полном свете, без сокращений.
ЖАННЕТА. На афише. Над названием.
ЗУЛЬФИЯ. Скажи «да». Потом откроем клетку.
АРМАН. Условие сформулировано точно.
ГУСТАВ. Хорошо. На главной афише над названием будет твоё имя.
ЖАННЕТА. Какое?
Густав смотрит на ящик. Ответ не приходит.
АДА. Жаннета. Над названием.
ГУСТАВ. Именно. Ада внесёт в ведомость.
АДА. Уже внесла.
ЖАННЕТА. Теперь можно открывать.

Все сразу начинают действовать и говорить одновременно: Анатолий требует тонкую отвёртку, Зульфия предлагает лом, Арман ищет щель, Густав обещает позвать униформистов, Ада запрещает царапать поверхность. Жаннета сидит сбоку, положив ногу на ногу, и наблюдает.

Сцена 11. Не кричите в мой ящик

Суета достигает предела.
ГУСТАВ. Жанна, отойди внутри от передней стенки!
ЗУЛЬФИЯ. Жаннета, слушай меня! Когда откроем, сразу выходишь и идёшь со мной!
Зульфия произносит имя осторожно, как команду, на которую ждёт отклика.
АРМАН. Жаннета, отзовитесь!
ЖАННЕТА *(со стула)*. Я тут.
АДА. Не кричите в мой ящик. Жаннета уже пять минут сидит на моей ведомости.
Все дружно отодвигают ящик. Жаннета сидит перед ними. Ада подходит и вытягивает из-под неё ведомость. Жаннета привстаёт ровно настолько, чтобы та вышла, и снова садится.
ГУСТАВ. Как ты…
ЗУЛЬФИЯ. Когда?
АРМАН. Я всё это время смотрел прямо на ящик.
АДА. Все смотрели.
АНАТОЛИЙ. Стул качается.
Он подкладывает под короткую ножку свёрнутую ленту и отходит. Жаннета проверяет – теперь ровно.
Анатолий собирает оставшийся конец ленты в шляпу и надевает шляпу, освобождая руки.
ГУСТАВ. Почему ты не сказала, что вышла?
ЖАННЕТА. Я отвечала на вопросы.
ЗУЛЬФИЯ. Жаннета, нам утром ехать. Не усложняй.
ЖАННЕТА. Куда уж проще.
ГУСТАВ. Наружная защёлка закрыта.
ЖАННЕТА. Внутренняя двадцать лет исправна. Никто ни разу не спросил у человека внутри.
АДА. Я спрашивала.

ЖАННЕТА. Ты проверяла имущество.
АДА. Имущество исправно.
АРМАН. Вы всё время могли выйти?
ЖАННЕТА. Вы всё время могли отказаться.
Арман смотрит на Зульфию.
ЗУЛЬФИЯ. Не туда смотри.
АРМАН. Нет, я туда смотрю.
ГУСТАВ. Хорошо. Все живы. Ящик цел. Имя мы обещали. Возвращаемся к погрузке.
ЖАННЕТА. Вы обещали афишу.
ГУСТАВ. Я помню.
АНАТОЛИЙ. И я.
Он смотрит на Жаннету так, как раньше смотрел только на собственные руки во время номера. Удивления почти нет. Есть проверка нового расположения предметов.
АНАТОЛИЙ. Теперь вы слева.
ЖАННЕТА. Но механизм тот же.

Сцена 12. Он Арман

За сценой начинают снимать боковую стенку шапито. Полотно отходит широкими тяжёлыми волнами. В проёме постепенно открывается ночное поле. Врывается ветер. Становится холодно. Все машинально придерживают бумаги и блёстки.
ГОЛОС УНИФОРМИСТА. Отойдите от ящиков!
АДА. От моего – особенно!
Двое невидимых рабочих вытягивают край полотна. Пространство, которое минуту назад было закулисьем, внезапно оказывается на границе голого поля.
ГУСТАВ. Пока стену снимают, решаем состав. Арман делает пробный прогон утром. Жаннета работает номер вечером. Анатолий остаётся при постановке.
АРМАН. Простите. Нет.
ЗУЛЬФИЯ. Мы уже прошли это место.
АРМАН. Вы прошли. Я остался.
ГУСТАВ. Ты только что выучил половину номера Анатолия.
АРМАН. Я увидел работу Жаннеты.
ГУСТАВ. Тем лучше.

АРМАН. Для неё – да.
ЗУЛЬФИЯ. Арман, ко мне.
АРМАН. Я здесь.
ЗУЛЬФИЯ. Сюда.
Показывает место рядом с собой. Он не подходит.
ЗУЛЬФИЯ. Не упрямься. Тебе дают манеж.
АРМАН. Мне дают чужое имя.
ЗУЛЬФИЯ. На время.
АРМАН. Моё тоже на время?
ЗУЛЬФИЯ. Никто его не забирает.
АРМАН. Вы уже зовёте меня Анатолием.
ЗУЛЬФИЯ. Потому что так напечатано.
АРМАН. На меня ничего не напечатано.
ГУСТАВ. Напечатают потом, если номер пойдёт.
АРМАН. Как кого?
ГУСТАВ. Как артиста.
АРМАН. Я менталист. У меня есть своё имя.
ГУСТАВ. Сейчас не это важно.
АРМАН. Для меня – важно.
Эстрадная вежливость, которой он прикрыл первое «нет», исчезла. Он говорит просто и тихо.
АРМАН. Меня зовут Арман Диас. Я работаю голосом. Я не Анатолий Великий. Я не распиливаю женщин. Я не иллюзионист.
ЗУЛЬФИЯ. Распилишь.
АРМАН. Нет.
ЗУЛЬФИЯ. Я сказала, распилишь.
АРМАН. А я сказал нет.
ЗУЛЬФИЯ. Просто положить женщину. И распилить.
АРМАН. Нет.
Пауза.
ЗУЛЬФИЯ. Ты не понимаешь, от чего отказываешься.
АРМАН. Понимаю.
ЗУЛЬФИЯ. От цирка.
АРМАН. От чужого имени.
ЗУЛЬФИЯ. От меня.
Пауза.
АРМАН. Нет. Не надо смешивать разные бумаги.
ЗУЛЬФИЯ. Потому что цирк и Зульфия Табак сцеплены вместе. Вот так. *(Показывает как.)* На всю жизнь.

АРМАН. Тогда расцепите.
ЗУЛЬФИЯ. Так не бывает.
АРМАН. Значит, я останусь Арманом без цирка.
ГУСТАВ. Тогда ты не едешь, Арман.
АРМАН. Хорошо.
ЗУЛЬФИЯ. Плохо.
ГУСТАВ. Ада, отдай ему чемодан.
Ада берёт чемодан Армана и несёт его прямо в открывшееся поле.
АРМАН. Я могу сам.
АДА. Чтобы не перепутать. Реквизит по ведомости.
Ставит чемодан за линией снятой стенки. Возвращается. Ветер пытается открыть крышку чемодана, но замки держат.
ЗУЛЬФИЯ. Забери. Вернись. Скажи, что согласен.
АРМАН. Нет.
ЗУЛЬФИЯ. Не стой там на ветру.
АРМАН. Здесь тоже ветер.
ЗУЛЬФИЯ. Там просто чистое поле.
АРМАН. Я вижу.
Он выходит за бывшую стенку и становится возле чемодана.
ЗУЛЬФИЯ. Арман!
Он поворачивается.
ЗУЛЬФИЯ. Вернись и согласись.
АРМАН. Вернусь, если не соглашусь.
ЗУЛЬФИЯ. Так не бывает.
АРМАН. Тогда я здесь.
Пока они говорят, Анатолий незаметно переносит к Жаннете сложенный жезл. Потом ткань. Потом коробку с мелом. Она замечает каждый предмет и ничего не спрашивает. Шляпу он не трогает.
ГУСТАВ. У нас нет времени смотреть по сторонам. Давайте грузиться.
Густав поворачивается к ящику и начинает снимать пиджак.
ЗУЛЬФИЯ. Он Арман.
Густав замирает с полуснятым пиджаком. Медленно поворачивается.
Зульфия смотрит на оставшийся цирк, на Густава, на Жаннету. Медленно отступает от них. Ветер подхватывает край её костюма.
ГУСТАВ. Зуля, родная, вернись обратно в свет.
ЗУЛЬФИЯ. Здесь нет манежа.
ГУСТАВ. Я вижу.

ЗУЛЬФИЯ. Тогда не командуй.
Она выходит в поле и становится рядом с Арманом. Не касается его. Командует уже оттуда.
ЗУЛЬФИЯ. Чемодан закрой плотнее.
АРМАН. Закрыт.
ЗУЛЬФИЯ. Хорошо.
Они остаются снаружи. Внутри цирка Густав пересчитывает оставшихся. Ада переносит ведомость под локоть. Жаннета держит жезл, ткань и мел Анатолия. Анатолий стоит рядом с чёрной шляпой.

Сцена 13. Пишите меня

Стенка цирка снята полностью. Холодный ветер проходит через закулисье свободно. Внутри остаются Густав, Ада, Анатолий и Жаннета; в поле видны Зульфия и Арман.
ГУСТАВ. Надо грузиться. Что у нас есть?
АДА. Ящик мой.
ГУСТАВ. Кроме ящика.
АДА. Касса у меня.
ГУСТАВ. Кроме кассы.
АДА. Ведомость тоже.
ГУСТАВ. Ада, что у нас есть для номера?
АДА. Название.
ГУСТАВ. Вот. «Анатолий Великий и Жанна».
ЖАННЕТА. Я не Жанна.
ГУСТАВ. Я знаю.
ЖАННЕТА. Ты обещал моё имя на главной афише. Над названием.
ГУСТАВ. Обещал. Место над названием твоё.
АДА. В ведомости записано.
ГУСТАВ. Но это верхняя строка. В оплаченной строке по-прежнему два места: Анатолий Великий и Жанна. К утру мне нужны оба исполнителя. Анатолий может работать сам.
ЖАННЕТА. Технически может.
ГУСТАВ. Ты это подтверждаешь?
ЖАННЕТА. Руками – может.
АНАТОЛИЙ. А чем ещё?
ЖАННЕТА. Вовремя объявить мой выход.
АНАТОЛИЙ. Объявят.

ЖАННЕТА. Как меня зовут?
АНАТОЛИЙ. Только не надо меня отвлекать.
Он смотрит на Жаннету. Потом снимает шляпу с головы, несёт к ней и кладёт перед ней на коробку. Это единственное, что он не перенёс раньше.
Густав перестаёт листать папку. Ада вытаскивает ведомость. Жаннета смотрит на шляпу, не прикасаясь.
АНАТОЛИЙ. Имя отдам ей. Сам пойду в ассистенты.
ЖАННЕТА. Номер называется «Анатолий Великий». Я называюсь Жаннета.
АДА. А «Жанна» кто?
Анатолий смотрит на строку афиши. Потом на открытый ящик.
АНАТОЛИЙ *(после паузы)*. Пишите меня.
АДА. Вместо Жанны?
АНАТОЛИЙ. Как ассистента.
ЖАННЕТА. Тогда только с испытательным сроком.
АНАТОЛИЙ. Сколько?
ЖАННЕТА. Пока не научитесь вовремя открывать крышку.
АДА. Записываю в ведомость: Анатолий Гнездов, в роли ассистентки Жанны.
АНАТОЛИЙ. Ассистента.
АДА. По бумаге все равно Жанна.
АНАТОЛИЙ. Тогда пишите как в бумаге.
ГУСТАВ. Подождите. Но они купили Анатолия Великого.
АНАТОЛИЙ. Вот он.
Он указывает на Жаннету.
ГУСТАВ. Это Жаннета.
ЖАННЕТА. Наконец-то правильно.
ГУСТАВ. Я не это имел в виду.
АДА. А записано хорошо.
ГУСТАВ. Нельзя просто переставить артистов внутри названия.
АНАТОЛИЙ. Почему?
ГУСТАВ. Потому что…
Он ищет в папке правило, которого там нет.
ГУСТАВ. Потому что кто-то должен быть Анатолием Великим.
АНАТОЛИЙ. Вот.
Снова указывает на Жаннету.
ЖАННЕТА. Под своим именем – да.
ГУСТАВ. Тогда где Анатолий Великий?

Анатолий берёт шляпу и надевает её на Жаннету. Она велика ей; Жаннета поправляет посадку одним точным движением.
АНАТОЛИЙ. Вот.
АДА. По реквизиту совпадает.
ГУСТАВ. А кто Жанна?
АНАТОЛИЙ. Я.
АДА. В ведомости записано.
ЖАННЕТА. Ложиться в ящик будете на левый бок.
АНАТОЛИЙ. Я всегда закрывал справа.
ЖАННЕТА. Поэтому будете учиться.
АНАТОЛИЙ. Хорошо, маэстро.
Он становится рядом с ней без шляпы.
ГУСТАВ. Ящик утром уезжает в одну сторону, а мы в другую.
АДА. Всё по плану.
ЖАННЕТА. Тогда номера нет.
АНАТОЛИЙ. Вернуть ящик.
ГУСТАВ. Нечем.
АДА. Можно иначе.
Все смотрят на неё.
АДА. Ящик едет. Я остаюсь.
ГУСТАВ. Мы договорились: утром я должен доставить его к твоему дому культуры.
АДА. Доставка отменяется.
ГУСТАВ. А учебный прогон уже состоялся.
АДА. Ящик списан.
Густав не скрывает улыбки. Ада перечёркивает в ведомости строку о доставке.
ГУСТАВ. На каких условиях?
АДА. Процент со сборов.
ГУСТАВ. Какой процент?
АДА. По ведомости.
ГУСТАВ. Покажи.
АДА. После подписи.
ГУСТАВ. Чьей?
АДА. Всех.
ЖАННЕТА. Ящик остаётся твоим.
АДА. Собственник не меняется.
ЖАННЕТА. Если поведёт раму – кто правит?
АДА. Вы.

ГУСТАВ. Нет. Износ ложится на владельца.
АДА. Повреждения ваши.
ГУСТАВ. Тогда я не согласен. Утром ящик будет у твоего ДК, как договорились.
Ада смотрит на перечёркнутую строку о доставке. Потом перечёркивает строку о повреждениях.
АДА. Ладно, износ мой.
АНАТОЛИЙ. Зеркала не кантовать.
АДА. Да.
ГУСТАВ. Ты остаёшься здесь одна, а ящик отдаёшь нам?
АДА. Не отдаю. Получаю.
ГУСТАВ. Процент.
АДА. Да.
ГУСТАВ. И открываешь своё помещение в ДК.
АДА. Уже открыла.
ГУСТАВ. Когда?
АДА. Договор подписан.
ГУСТАВ. Это не открыла.
АДА. Для кассы – открыла.
ГУСТАВ. Подожди. Ты остаёшься вместе с ведомостью. Кто завтра ведёт кассу?
АДА. Ты.
ГУСТАВ. Я директор. Я подписываю.
АДА. Завтра пишешь и подписываешь.
ГУСТАВ. В чём?
АДА. В своей папке.
ГУСТАВ. Там договоры.
АДА. Будет ведомость.
ГУСТАВ. А эта?
АДА. Закрыта.
ГУСТАВ. Касса остаётся с тобой?
АДА. Едет с тобой. Пустая, поместится.
Ада вынимает из-за задней обложки ведомости плоский кассовый конверт и отдаёт Густаву. Он вкладывает конверт в папку, находит чистый оборот последнего листа и пробует на нём ручку. Ада наблюдает, но не помогает.
Ада делает последнюю запись в старой ведомости. Из поля подходят Зульфия и Арман. Зульфия идёт на полшага позади него и явно заставляет себя не обгонять.

ЗУЛЬФИЯ. Он едет.
АРМАН. Если вам нужен Арман Диас.
ГУСТАВ. В каком номере?
АРМАН. В своём. Голосовой блок в первом отделении.
ЗУЛЬФИЯ. Без ящика. Без пилы. Без Анатолия.
АРМАН. С Зульфией.
ЗУЛЬФИЯ. Я не в номере.
АРМАН. Я не сказал, что в номере.
Зульфия берёт его чемодан, но не несёт – просто держит ручку вместе с ним.
ГУСТАВ. Афиши для твоего блока нет.
АРМАН. Объявите голосом.
ГУСТАВ. Как?
АРМАН. Арман Диас.
ЗУЛЬФИЯ. Запомни.
ГУСТАВ. Я помню.
АДА. Сейчас запишу.
АРМАН. Так и запишите.
АДА. Арман Диас. В первом отделе.
ГУСТАВ. Отделении.
АДА. Не помещается.
АРМАН. Главное поместилось.
Ада поворачивает ведомость. На строках у нее уже стоят все шестеро – под теми именами и в тех местах, на которые они согласились или которые сумели получить.
АДА. Потом подпишите.

Сцена 14. Шесть лент

Кулис больше нет. Форганг стоит на голой площадке, вокруг – свёрнутые ковры, несколько ящиков и открытое поле. Небо начинает сереть, но солнца ещё нет. Униформисты уносят последнюю секцию полотна.
Ада раскрывает пачку афиш. Жаннета вынимает из кармана большую наклейку: «ЖАННЕТА представляет».
АДА. На весь тираж наклеек не напасёшься.
ЖАННЕТА. Одной хватит. Эту повесим над входом.

Она ровно наклеивает слова над напечатанным названием на верхней афише. Получается: «ЖАННЕТА представляет – АНАТОЛИЙ ВЕЛИКИЙ И ЖАННА».
ЗУЛЬФИЯ. Криво.
ЖАННЕТА. Край совпадает со шрифтом.
ЗУЛЬФИЯ. Справа воздух.
АРМАН. Это поле просвечивает.
АДА. Клей держит.
ГУСТАВ. Над каким входом? Этот разбирают.
ЖАННЕТА. Над следующим.
Она передаёт афишу Арману. Он берёт за один край. Зульфия – за другой.
ЗУЛЬФИЯ. Куда?
ЖАННЕТА. За форганг. Отдельно от тиража.
АРМАН. Пойдём.
Арман и Зульфия выносят афишу за форганг. На мгновение она видна в сером свете поля – с именем Жаннеты наверху. Потом исчезает снаружи.
АДА. Одна ушла.
ГУСТАВ. Запиши.
АДА. Уже.
Она берёт следующую афишу из пачки, переворачивает чистой стороной вверх и кладёт на крышку ящика.
АДА. Договор. Ящик едет. Я остаюсь. Касса – Густаву. Новая ведомость – в его папке. Доля – по этой. Состав – по этой.
ГУСТАВ. А доходы?
АДА. Общие. Потом мои.
ГУСТАВ. В каком смысле?
АДА. В процентном.
Она протягивает ручку. Густав читает оборот афиши.
ГУСТАВ. Здесь ничего не написано.
АДА. Поэтому места всем хватит.
ГУСТАВ. Это не договор.
АДА. Подпиши – будет.
Густав подписывает.
АДА. Густав Шкуро.
ГУСТАВ. Я уже.
АДА. Для учёта.
Передаёт Арману и Зульфии, которые вернулись.

АРМАН. Арман Диас.
Подписывает своим именем.
ЗУЛЬФИЯ. Дай.
АРМАН. Прочитайте.
ЗУЛЬФИЯ. Я всё слышала.
АРМАН. Всё равно прочитайте.
Зульфия читает. Не торопится. Подписывает.
АДА. Зульфия Табак.
ЗУЛЬФИЯ. Я знаю.
АДА. Теперь он тоже.
Передаёт Анатолию.
АНАТОЛИЙ. Где подписывать?
АДА. За себя.
АНАТОЛИЙ. Это где?
АДА. После Зульфии.
АНАТОЛИЙ. В ящик я после неё не пойду.
ЖАННЕТА. Она не идёт в ящик.
АНАТОЛИЙ. Тогда подпишу.
Подписывает.
АДА. Анатолий Гнездов. По номеру – Жанна.
АНАТОЛИЙ. Можете написать короче.
ЖАННЕТА. Нельзя. Объявлять удобнее.
Анатолий смотрит на неё, узнавая собственную фразу, но не комментирует. Передаёт ручку Жаннете.
ЖАННЕТА. Жаннета.
Подписывает одним именем.
АДА. Фамилия?
ЖАННЕТА. На афише нет.
АДА. Точно.
Ада подписывает последней.
АДА. Шило Ада. Собственник.
ГУСТАВ. Дай посмотреть.
АДА. Все посмотрели.
ГУСТАВ. Я директор.
АДА. Ты подписал.
Анатолий уже стоит рядом с Жаннетой как ассистент и держит перед ней чёрную шляпу. Жаннета берёт подписанную афишу. Продолжая разговор, машинально складывает её в несколько раз и опускает в шляпу.

ЖАННЕТА. На первом прогоне нужен полный свет. Послушайте, Арсен…
АРМАН. Я Арман.
Пауза. Жаннета смотрит на него.
ЖАННЕТА. Вы меня сбили. Так вот, в первом отделении не задерживайте финальную реплику. Нам нужно поставить ящик до антракта.
АРМАН. Хорошо.
АДА. Афиша где?
Все смотрят на крышку ящика. Потом на руки Жаннеты. Потом на шляпу, которую держит Анатолий.
ГУСТАВ. Договор.
АРМАН. В шляпе.
ЗУЛЬФИЯ. Достань.
АДА. Там подписи.
ГУСТАВ. Все подписи.
ЖАННЕТА. Я положила в шляпу?
АНАТОЛИЙ. Возможно.
Короткая пауза. Никто не решается первым запустить руку в шляпу.
АНАТОЛИЙ. Послушайте, Жаннета…
ЖАННЕТА *(после паузы)*. Слушаю.
АНАТОЛИЙ. А ассистент обязательно должен ложиться в ящик?
ЖАННЕТА. Каждый вечер. Мне же нужно кого-то распиливать.
Жаннета ставит чёрную шляпу на крышку ящика и сама запускает руку в шляпу. Вместо афиши вытягивает общий атласный узел. Из него расходятся шесть длинных петель, сделанных из атласных лент. Анатолий, продолжая держать шляпу, ловит первую. Арман берёт вторую, не выпуская ручку чемодана. Зульфия хватает третью и тут же пытается освободить Арману локоть. Густав ловит четвёртую, одновременно придерживая папку. Ада берёт пятую и не выпускает ведомость. Шестая остаётся у Жаннеты.
Они отступают, чтобы расправить ленты, и немедленно запутываются: ленты проходят под руками, вокруг чемодана, через папку и ведомость. Каждый тянет в свою сторону, но узел все равно держит всех.

ЗАНАВЕС.

Батуми, 2026

МАЯК С РЕЙТИНГОМ «ДВЕ ЗВЕЗДЫ»

Атмосферная, но тревожная комедия для ТЮЗа в двух действиях



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АРКАДИЙ ФЁДОРОВИЧ БЕЛЯЕВ – бывший смотритель маяка. Умер в 1978 году. На вид около шестидесяти лет.
ПЁТР САВЕЛЬЕВИЧ (САВЕЛЬИЧ) – местный, обслуживает объект. Около шестидесяти.
ЛАДА – ведущая ретритов. Около сорока.
МАКС – видеограф. Около тридцати пяти.
АРТЁМ – курьер. Около двадцати пяти.
ГОЛОСА СЛЕДУЮЩИХ ГОСТЕЙ – за дверью, в финале.

Место действия: общая комната бывшего маяка, переделанного в посуточное жильё. Круглые стены. Слева – большая створка северного окна на старом шпингалете. В глубине – низкий проём в служебный отсек, рядом – проход на лестницу в башню. У стены громадная снятая линза старого фонаря, выставленная как предмет интерьера; на

ней намотана гирлянда. Посреди комнаты – стойка, к стойке крупной цепью прикован большой вахтенный журнал в жёстком переплёте. На стойке – большая съёмная табличка с надписью «Гостевая книга. Оставьте здесь свои впечатления». На стене – увеличенная старая фотография в раме: мужчина у фонаря маяка.
Всё действие происходит в этой комнате.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1. Это не гостевая книга

Утро. Следы только что уехавших гостей: пледы на полу, стаканы, пустая бутылка, забытый шарф на линзе маяка, сдвинутая мебель.
*Входит **АРКАДИЙ**. Он не появляется эффектно – он просто уже здесь. Свитер, рабочие штаны, тяжёлые ботинки.*
Он останавливается посреди комнаты и начинает обход. Не сентиментальный – рабочий. Он делает это сорок восемь лет и делает быстро.
Подходит к северному окну. Проверяет шпингалет. Дёргает створку – она играет в раме.
АРКАДИЙ. Гниль.
Идёт к проходу на башню. Заглядывает наверх. Слушает.
АРКАДИЙ. Ветер зюйд-вест. К вечеру зайдёт.
Возвращается. Снимает с линзы забытый шарф. Держит двумя пальцами.
АРКАДИЙ. Это линза маяка. Не вешалка.
Разжимает пальцы, шарф падает на пол. Смотрит на гирлянду, намотанную на линзу.
АРКАДИЙ. А это вообще что такое?
Подходит к стойке. Читает табличку.
АРКАДИЙ. «Гостевая книга. Оставьте здесь свои впечатления».
Пауза.
АРКАДИЙ. Впечатления.
Срывает табличку с держателя. Держит её в руке, как протокол.
Открывает журнал. Листает к последним страницам.
АРКАДИЙ. «Никита и Алиса, две тысячи двадцать четвёртый. Было крипово, скобка, скобка, скобка».
Пауза.

АРКАДИЙ. Три скобки. В журнале.
Листает назад.
АРКАДИЙ. «Спасибо за атмосферу». «Классное место, только холодно». «Спасибо Савельичу за ключи».
Листает дальше. Далеко. Останавливается. Читает уже другим голосом – ровно, как читают строку, которую сам когда-то писал.
АРКАДИЙ. Двенадцатое ноября тысяча девятьсот семьдесят седьмого года. Ветер норд-вест, семь баллов. Видимость две мили. Огонь исправен.
Пауза. Листает вперёд. Обратно к скобкам.
АРКАДИЙ. Крипово.
Захлопывает журнал. Цепь звякает.
*Снаружи хлопает дверь. Голос **САВЕЛЬИЧА** – он говорит по телефону, ещё не войдя.*
САВЕЛЬИЧ *(за сценой)*. Да слышу я. Слышу... Нет. Нет, Игорь Валентинович, не в сырости дело.
*Входит **САВЕЛЬИЧ** с большой инструментальной сумкой и связкой ключей. Телефон у уха. Он проходит в двух шагах от **АРКАДИЯ**, не видя его.*
САВЕЛЬИЧ. Жалоба не на сырость. Жалоба на человека... На человека. Мужчина в свитере. Ходит.
АРКАДИЙ. Хожу.
САВЕЛЬИЧ *(в телефон)*. Кто ходит, я откуда знаю, кто ходит!
АРКАДИЙ. Беляев ходит.
САВЕЛЬИЧ *(в телефон)*. Пишут – ходит и ходит.
АРКАДИЙ. Сорок восемь лет одна фамилия. И ни разу никто не написал.
*Он говорит спокойно, без обиды. **САВЕЛЬИЧ** ставит сумку, начинает собирать стаканы, зажав телефон плечом.*
САВЕЛЬИЧ. Замок я поменял, замок теперь нормальный... Раму северную я вам третий год заказываю... Да не в мистике дело! Гниль там! Гниль и всё!
Пауза. Слушает.
САВЕЛЬИЧ. Так и Валя ушла. Валя в мае ушла... Потому что она сюда одна убирать больше не пойдёт, вот почему. Она говорит – там кто-то ходит и ходит. Я говорю – Валя, там сквозняк. Она говорит – Савельич, у сквозняка есть ботинки?
АРКАДИЙ. Умная женщина.
САВЕЛЬИЧ. А я откуда знаю, чьи ботинки!

Он ставит стаканы на стойку. Оглядывается на сдвинутую мебель.
САВЕЛЬИЧ. И мебель они опять двигали. Диван у меня стоял вон там, у стены, а он теперь тут.
АРКАДИЙ. Это не они.
САВЕЛЬИЧ *(в телефон)*. Я говорю: и мебель двигают... Ну а мне-то что делать, я его каждый раз обратно волоку!
Он с усилием толкает диван к стене. Пауза. Слушает трубку.
САВЕЛЬИЧ. Что значит – может, ну его. В смысле «ну его»?
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. А, понял. Прикрыть посуточку.
Пауза. ***АРКАДИЙ*** *останавливается.*
САВЕЛЬИЧ. Ну и прикрывайте.
Пауза. ***АРКАДИЙ*** *резко поворачивается к* ***САВЕЛЬИЧУ****.*
САВЕЛЬИЧ. Я говорю: прикрывайте. Мне-то что. Я сюда всё равно раз в неделю хожу, у меня тут котёл... Нет, я не в претензии. Ещё сезон таких отзывов – закрывайте, и всё.
Пауза. Слушает.
САВЕЛЬИЧ. Да не-не, эта приедет на одну ночь. С вечера и до утра... А завтра с восьми уже следующие. Корпоратив, двенадцать душ... Да знаю я, что с колонкой. Я всё про них знаю.
Он кладёт трубку. Бросает телефон в сумку.
АРКАДИЙ. Ещё сезон – и всё.
Пауза.
АРКАДИЙ. Одна ночь. А с восьми – двенадцать человек с колонкой.
Он подходит к ***САВЕЛЬИЧУ*** *вплотную.*
АРКАДИЙ. Пётр Савельевич.
Никакой реакции. ***САВЕЛЬИЧ*** *протирает стойку.*
АРКАДИЙ. Пётр Савельевич, я здесь.
Никакой реакции. ***САВЕЛЬИЧ*** *достаёт из сумки термос, наливает крышечку, дует.*
АРКАДИЙ. Вот и хорошо. Покойнику удобно: хочешь – видят, хочешь – нет.
Он отходит к линзе. ***САВЕЛЬИЧ*** *пьёт чай, разглядывая комнату хозяйским глазом.*
САВЕЛЬИЧ *(сам себе, глядя на линзу)*. Стоишь тут, красавица.
АРКАДИЙ. Она не «красавица». Она линза третьего разряда. И её сняли в девяносто шестом вместе со всем остальным.
Пауза.

АРКАДИЙ. Я умер в семьдесят восьмом. Маяк после меня работал ещё восемнадцать лет. Тюрин, потом Гнатюк. В девяносто шестом огонь погасили насовсем и всё вывезли. Двенадцать лет тут просто стояла закрытая дверь.

Пауза.

АРКАДИЙ. Это были хорошие двенадцать лет.

Он смотрит на шарф на полу, на пледы, на бутылку.

АРКАДИЙ. А в шестнадцатом сюда внесли двуспальную кровать и написали про «уникальный опыт проживания».

Он поднимает сорванную табличку.

АРКАДИЙ. Уникальный опыт. Девичник в июле. Гендер-пати в августе. Человек с укулеле, трое суток.

Кладёт табличку на стойку. ***САВЕЛЬИЧ****, проходя мимо с тряпкой, машинально надевает её на держатель.*

Пауза.

АРКАДИЙ. Вы издеваетесь.

Снаружи – шум мотора. ***САВЕЛЬИЧ*** *быстро завинчивает термос, подтягивает брюки, поправляет ворот.*

САВЕЛЬИЧ. Ага. Приехали.

Входит ***ЛАДА****. Дорожная сумка, светлая одежда, спокойное лицо человека, который приехал раньше всех, чтобы всё расставить.*

ЛАДА. Пётр Савельевич. Доброе утро.

САВЕЛЬИЧ. Доброе утро, Лада Валерьевна. Значит, так: котёл на минимуме, как просили. Вода горячая с пятой минуты. Ключ от служебки у меня, второй в щитке. Мусор вывожу с утра.

ЛАДА. Спасибо. А теперь про главное.

САВЕЛЬИЧ. Про раму?

ЛАДА. Про вашу роль.

Пауза. ***САВЕЛЬИЧ*** *медленно кладёт тряпку.*

САВЕЛЬИЧ. А-а.

Он выпрямляется. ***АРКАДИЙ*** *остаётся в комнате.*

Сцена 2. Смотритель маяка

ЛАДА *раскладывает вещи: свечи, пледы, большой металлический ящик с крышкой.* ***САВЕЛЬИЧ*** *снова поправляет ворот, он явно ждал этого разговора.*

САВЕЛЬИЧ. Я, между прочим, подготовился.

ЛАДА. Прекрасно.

САВЕЛЬИЧ. Только сразу скажу как есть. Лада Валерьевна. Я не смотритель маяка. Я здесь котёл чиню и ключи выдаю.
ЛАДА. Я знаю.
САВЕЛЬИЧ. Я на маяке ни дня не служил. Я тут с восемнадцатого. Его за два года до меня под жильё пустили.
ЛАДА. Я знаю. Я поэтому к вам и обратилась через хозяина.
САВЕЛЬИЧ. Ну вот. Чтобы потом претензий не было.
ЛАДА. Сегодня вы бывший смотритель.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. А завтра?
ЛАДА. Завтра котёл.
САВЕЛЬИЧ. Ага.
Он снова берет тряпку.
ЛАДА. Схема простая. Вечером я провожу первую практику. Свет гасим, оставляем только свечи. Проходит какое-то время. Люди привыкают к тишине. И тут выходите вы – вот отсюда.
Показывает на проём в служебное помещение.
САВЕЛЬИЧ. Из служебки.
ЛАДА. Из темноты.
САВЕЛЬИЧ. Из служебки. Там ступени битые.
ЛАДА. Пётр Савельевич.
САВЕЛЬИЧ. Понял. Из темноты.
ЛАДА. Вы прослужили здесь сорок один год. Вы рассказываете одну историю. Короткую. А потом уходите.
САВЕЛЬИЧ. А какую историю?
ЛАДА. Про последнего смотрителя.
АРКАДИЙ. Что?
САВЕЛЬИЧ. Так последний – это Гнатюк. Он в Николаеве живёт, у него там хостел. Раньше мне на Новый год эсэмэски слал.
ЛАДА. Нет. Про того, который здесь умер.
САВЕЛЬИЧ. А-а. Про Беляева.
АРКАДИЙ. Не надо.
ЛАДА. Беляев. Хорошая фамилия. Простая.
САВЕЛЬИЧ. Ну, про Беляева я знаю. Про него у меня туристы каждое лето спрашивают. Я им на площадке рассказываю, пока они фотографируются.
ЛАДА. И что вы им рассказываете?
САВЕЛЬИЧ. Что он тут один сидел и от одиночества с ума сошёл.
АРКАДИЙ. Не сходил.

ЛАДА. Замечательно.
САВЕЛЬИЧ. А ещё рассказываю, как он в шторм не спускался вниз четырнадцать суток.
АРКАДИЙ. Четверо.
САВЕЛЬИЧ. А можно ещё про его жену?
ЛАДА. Что про жену?
САВЕЛЬИЧ. У меня про жену очень хорошо получается. Как она его бросила и уехала, а он остался тут и всё ждал. Женщины всегда плачут. Один раз мужчина заплакал.
АРКАДИЙ. Она умерла в семьдесят четвёртом. Никого она не бросала. Мы прожили здесь вместе пятнадцать лет.
ЛАДА. Нужна одна история, Пётр Савельевич. Не три.
САВЕЛЬИЧ. Так история-то одна. Это всё про него.
ЛАДА. Одна. Короткая. Люди должны унести с собой эмоцию, а не набор фактов.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Красиво излагаете.
ЛАДА. Спасибо.
САВЕЛЬИЧ. А это у вас вообще на сколько?
ЛАДА. Двенадцать часов.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Двенадцать?
ЛАДА. С восьми вечера до восьми утра.
САВЕЛЬИЧ. Так это ж ночь.
ЛАДА. Это интенсив.
САВЕЛЬИЧ. Это одна ночь, Лада Валерьевна. Человек приехал, лёг, встал и уехал.
ЛАДА. Человек приехал, потерял все опоры, провёл двенадцать часов без единого сигнала снаружи и уехал другим.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. А стоит это сколько?
ЛАДА. Столько же.
САВЕЛЬИЧ. В смысле «столько же»?
ЛАДА. Столько же, сколько за трое суток. Пётр Савельевич, люди не за часы платят.
САВЕЛЬИЧ. А за что?
ЛАДА. За то, что они потом будут про это рассказывать.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. А сколько там народу вообще будет?

Пауза.
ЛАДА. Один.
САВЕЛЬИЧ. Один?
ЛАДА. Двое отвалились за неделю. Ещё одна заболела.
САВЕЛЬИЧ. Так, может, и не надо тогда ничего устраивать? Один человек и так напугается.
ЛАДА. Вот поэтому и надо. Этот человек всё на видео снимает.
САВЕЛЬИЧ. А-а.
ЛАДА. Он приедет с камерой и весь вечер будет высматривать, в чём же я его обманываю.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. И вы его обманете.
ЛАДА. Я задам ему рамку.
САВЕЛЬИЧ. Чего?
ЛАДА. Пётр Савельевич, когда человек идёт в театр, его ведь тоже обманывают. Просто он на это заранее согласен.
САВЕЛЬИЧ. Так этот-то не соглашался.
ЛАДА. Он согласился в тот момент, когда сел в машину и поехал сюда.
Пауза. ***САВЕЛЬИЧ*** *обдумывает. Ему нравится.*
САВЕЛЬИЧ. Хитро.
Он уже стоит иначе. Уже репетирует.
САВЕЛЬИЧ *(пробуя голос, говорит низко)*. Море не забывает...
ЛАДА. Тише. И медленнее.
САВЕЛЬИЧ *(медленнее)*. Море... не забывает...
ЛАДА. Вот. И не смотрите на него. Смотрите сквозь него.
САВЕЛЬИЧ. Сквозь – это куда?
ЛАДА. На стену. Как будто вы там что-то видите.
САВЕЛЬИЧ *(смотрит на стену, точно на то место, где стоит* ***АРКАДИЙ****)*. Море... не забывает... никого...
ЛАДА. Уже лучше.
АРКАДИЙ. Море вообще ничего не делает. Это просто вода.
Он говорит в пустоту. Никто его не слышит.
САВЕЛЬИЧ. А плащ можно надеть?
ЛАДА. Какой плащ?
САВЕЛЬИЧ. У меня в служебке брезентовый висит, ещё флотский. Я в нём по осени канализацию чистил.
ЛАДА. Плащ можно.
САВЕЛЬИЧ. И фонарь возьму.

ЛАДА. Только не включайте его.
САВЕЛЬИЧ. А зачем тогда фонарь?
ЛАДА. Чтобы он был у вас в руке, но не горел.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Ух, красота.
Он несколько раз пробует держать в руке воображаемый фонарь. ***ЛАДА*** *достаёт сложенный лист.*
ЛАДА. Теперь второе. Вы присылали список того, что нельзя трогать.
САВЕЛЬИЧ. Ну да, по хозяйству. Северную створку не открывать – раму вырвет. В служебку не спускаться – ступени битые. Автомат в щитке самим не дёргать: если пробки выбьет, звоните мне, приеду. И после одиннадцати мебель не двигать, потому что тут пол на балках, в посёлке внизу всё слышно.
ЛАДА. Отлично. Я это оставлю.
САВЕЛЬИЧ. В смысле оставите?
ЛАДА. Зачитаю ему. Как правила этого места.
САВЕЛЬИЧ. Да какие это правила места? Это чтоб вы ничего не сломали.
ЛАДА. Пётр Савельевич. Человек, которому сказали «не открывайте окно, рама гнилая», думает про раму. А человек, которому сказали «северное окно здесь не открывают», думает про себя.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Ловко.
АРКАДИЙ. Это не правила места. Это техника безопасности.
САВЕЛЬИЧ. Только вы про раму ему всё-таки скажите. Я серьёзно. Она правда гнилая.
ЛАДА. Скажу.
Она убирает список. Оглядывает комнату.
ЛАДА. А почему её до сих пор не поменяли?
САВЕЛЬИЧ. Да потому что хозяин третий год думает, стоит ли сюда вообще вкладываться. У него тут сплошные жалобы. Говорит: я в эту дыру деньги вбухиваю, а мне две звезды ставят.
ЛАДА. Две звезды.
САВЕЛЬИЧ. Ну да. Вы отзывы-то читали?
ЛАДА. Наизусть выучила.
САВЕЛЬИЧ. «Сырость. Ночью какие-то шаги. Странный мужчина в коридоре. Хозяин на связь не выходит. Две звезды».
ЛАДА. Вот поэтому я и здесь.
Пауза.

САВЕЛЬИЧ. Не понял.
ЛАДА. Я месяц отбирала объекты. Я объехала всё побережье. Пять звёзд – это отель: подушечки, завтрак, «наши гости всегда довольны». Туда никто не поедет за чем-то настоящим. Там всё уже придумано.
САВЕЛЬИЧ. А тут ничего не придумано, тут просто с потолка течёт.
ЛАДА. Тут две звезды и «странный мужчина в коридоре». А это значит, что место просто ещё не научилось себя продавать.
САВЕЛЬИЧ. Так люди-то жаловались! Они не рекламу делали, они возмущались!
ЛАДА. Люди жаловались. А я внимательно прочитала.
*Пауза. **АРКАДИЙ** очень медленно поворачивает голову.*
АРКАДИЙ. То есть я их отсюда выгоняю, а они из-за этого бронируют.
Пауза. Он подходит ближе – к людям, которые его не слышат.
АРКАДИЙ. Повторите.
ЛАДА *(**САВЕЛЬИЧУ**)*. И последнее. Если ночью что-то будет – скрип, стук, ветер, – ничего не объясняйте. Не бегите чинить. Стойте.
САВЕЛЬИЧ. А если потечёт?
ЛАДА. Если потечёт – тогда чините.
САВЕЛЬИЧ. Ага. Значит, до «потечёт» я загадочный, а после – с ведром и тряпкой.
ЛАДА. Именно.
САВЕЛЬИЧ. Понял. Как всегда, в общем.
***ЛАДА** берёт сумку и уходит в проход на башню. **САВЕЛЬИЧ** остаётся один. Оглядывается. Убеждается, что никого нет.*
И тогда, один, в пустой комнате, он пробует ещё раз – уже всерьёз, для себя.
САВЕЛЬИЧ *(глухо, в стену)*. Море не забывает никого.
Пауза. Он доволен. Берёт сумку и уходит в служебный проём.
*Пауза. **АРКАДИЙ** один. Он смотрит на стойку с журналом. Потом на табличку.*
АРКАДИЙ. Значит, не сырость.
Пауза.
АРКАДИЙ. Значит, я реклама.
Он берёт табличку. Держит.
АРКАДИЙ. Десять лет я выживал отсюда людей. А они, оказывается, уезжали и всем об этом рассказывали.
Он аккуратно ставит табличку на место – ровно, как ставят на место чужую вещь перед тем, как начать.

АРКАДИЙ. Хорошо.
Пауза.
АРКАДИЙ. Тогда сегодня будет не отзыв. Сегодня будет отмена брони.
Затемнение.

Сцена 3. Заезд

Вечер. За окном темнеет, ветер уже слышен. На столе три свечи. ***ЛАДА*** *заканчивает раскладывать пледы. Большой металлический ящик открыт и стоит посреди комнаты.*
Входит ***МАКС****. Мокрая куртка, рюкзак, большая камера на плечевом упоре.* ***АРКАДИЙ*** *– в углу, невидимый.*
МАКС. Там дорога размыта.
ЛАДА. Здравствуй, Макс.
МАКС. Я говорю: дорога размыта. Я на подъёме два раза буксовал. Если ночью прольёт, я отсюда не выеду.
ЛАДА. Здравствуй, Макс.
Пауза.
МАКС. Здравствуй, Лада.
ЛАДА. Куртку туда. Обувь там.
Он ставит камеру на стойку, рядом с журналом. Снимает куртку. Оглядывается.
МАКС. А где все?
ЛАДА. Все – это ты.
МАКС. В смысле?
ЛАДА. Двое отказались, одна заболела.
МАКС. То есть я один?
ЛАДА. Ты один.
Пауза.
МАКС. Лада. Ты меня позвала бесплатно снять камерный ретрит. Камерный ретрит – это когда шестеро.
ЛАДА. Камерный ретрит – это когда камерно.
МАКС. Это когда никто не приехал.
Пауза. ***ЛАДА*** *не отвечает.*
МАКС. И это всё на одну ночь.
ЛАДА. Двенадцать часов.
МАКС. Одна ночь.
ЛАДА. Двенадцать часов – это формат интенсива.

МАКС. Ночь – это тоже формат. Он называется «переночевать».
Пауза.
МАКС. Ладно. Снимем так, как есть.
ЛАДА. Снимем так, как будет.
***МАКС** ходит по комнате, разглядывает. Трогает стену. Смотрит наверх, в проход на башню.*
МАКС. А почему фонарь не горит?
ЛАДА. Какой фонарь?
МАКС. Ну этот. Который наверху. Маяк.
ЛАДА. Здесь давно никто не светит кораблям. Огонь погасили ещё в девяностых, а всё оборудование вывезли. Это бывший маяк.
МАКС. А в объявлении написано «маяк».
ЛАДА. В объявлении написано «бывший маяк, с две тысячи шестнадцатого года принимает гостей». Я читала внимательно.
МАКС. То есть маяк без света – идеальное место для просветления.
ЛАДА. Это бывший маяк. В этом и смысл.
МАКС. В чём?
ЛАДА. Он больше ничего никому не обязан. Как и ты эту ночь.
***МАКС** усмехается. **ЛАДА** подходит к ящику.*
ЛАДА. Телефон.
МАКС. Сейчас.
ЛАДА. Телефон.
Он достаёт телефон. Смотрит на него.
МАКС. А если мне позвонят?
ЛАДА. Тебе позвонят.
МАКС. И?
ЛАДА. И ты об этом не узнаешь.
*Пауза. **МАКС** кладёт телефон в ящик. Звук глухой и окончательный. **ЛАДА** закрывает крышку.*
МАКС. Камера остаётся.
ЛАДА. Камера – это тоже экран.
МАКС. Камера – это инструмент. Ты меня позвала не медитировать. Ты меня позвала бесплатно, чтобы я снял, как у тебя тут человек преображается.
ЛАДА. Я тебя позвала пережить.
МАКС. Я переживу и сниму.
*Пауза. **ЛАДА** не спорит.*
ЛАДА. У тебя батарея надолго?

МАКС. Одна. Запасную я не взял, потому что кто-то написал в анкете «розеток на объекте не будет».
ЛАДА. Их и не будет.
МАКС. Значит, одна. Кончится – кончится.
Он берёт камеру, включает. Красная точка. Ведёт объективом по комнате – медленно, профессионально.
МАКС. Стена. Окно. Лестница. Дырка в полу.
ЛАДА. Служебный проход.
МАКС. Дырка в полу с названием.
Он доходит до стойки. Останавливается.
МАКС. А это что?
Трогает цепь.
МАКС. Книга на цепи.
ЛАДА. Гостевая книга.
МАКС. На цепи?
ЛАДА. Её уносили.
АРКАДИЙ. Её не «уносили». Её трижды пытались украсть, и хозяин вместо того, чтобы убрать её отсюда, приковал.
МАКС *(листает)*. «Спасибо за атмосферу». «Было холодно, но незабываемо». О. «Атмосферно, но тревожно».
ЛАДА. Вот это лучшее, что здесь написано.
МАКС. «Атмосферно, но тревожно»?
ЛАДА. Да.
МАКС. Это жалоба.
ЛАДА. Нет, это отзыв.
МАКС. Лада, человек написал, что ему было тревожно. Это значит, что ему было плохо.
ЛАДА. Это значит, что он до сих пор спит со светом.
Она мягко забирает у него журнал, закрывает.
ЛАДА. Садись. Я прочитаю правила этого места.
МАКС. Здесь есть правила?
ЛАДА. У любого места всегда есть свои правила. Просто обычно их не произносят вслух.
***МАКС** садится. Камеру кладёт на колени, не выключая. **АРКАДИЙ** подходит ближе – ему интересно, что она сделает с ремонтным списком.*
ЛАДА *(читает ровно, без нажима)*. Северное окно здесь не открывают. Вниз не спускаются. После одиннадцати ничего не двигают. Если гаснет свет — его не включают.

Пауза.
МАКС. Это что сейчас было?
ЛАДА. Правила этого места.
МАКС. «Если гаснет свет — его не включают». Это как?
ЛАДА. Это значит, что мы не бежим чинить темноту.
МАКС. Это значит, что тут электрощиток старый.
АРКАДИЙ. Умный.
ЛАДА. Макс, ты можешь всё рационально объяснить. Но ты приехал туда, где объяснения не нужны.
МАКС. Я приехал туда, где четыре запрета и ни одного объяснения. Это не ретрит, Лада, это квест.
ЛАДА. Хорошо. Объясняю. Северное окно не открывают, потому что рама сгнила, а ночью обещали сильный ветер.
Пауза.
МАКС. Спасибо. Вот так нормально.
ЛАДА. Тебе стало легче?
МАКС. Мне стало понятнее.
ЛАДА. Это разные вещи.
Она садится напротив. Закрывает глаза.
ЛАДА. Двенадцать часов. Ничего не потребляем, ничего не объясняем, ничего не доказываем.
МАКС. А есть тут что-нибудь?
ЛАДА. Овощной бульон в термосе.
МАКС. В смысле – кроме бульона?
ЛАДА. Тишина.
МАКС. Понял.
Пауза. Ветер за окном усиливается. Стекло дрожит.
ЛАДА. Закрой глаза.
Он не закрывает. Она это чувствует.
ЛАДА. Закрой глаза, Макс.
Он закрывает. Камера на коленях горит красной точкой.
ЛАДА. Дыши в живот. Не в грудь. В живот.
Тишина. Ветер.
И тут наверху, в башне, что-то тяжело падает.
Пауза.
МАКС *(не открывая глаз)*. Это входит в программу интенсива?

Сцена 4. Кто стучал?

***МАКС** уже на ногах, с камерой.*
ЛАДА. Сядь.
МАКС. Там наверху что-то упало.
ЛАДА. Дом старый. Ветер.
МАКС. Ветер уронил что-то тяжёлое.
ЛАДА. Сядь, пожалуйста.
Он садится – на самый край, готовый вскочить. Пауза.
Наверху – три отчётливых удара. Не «мистических». Просто кто-то трижды ударил чем-то тяжёлым.
Пауза.
МАКС. Ветер стучит три раза.
ЛАДА. Ветер делает что угодно.
МАКС. С паузами?
*Из служебного проёма выходит **САВЕЛЬИЧ** – в своей обычной одежде, с ключами. Он не в образе, он просто шёл мимо по делу.*
САВЕЛЬИЧ. Так. Что тут у вас?
ЛАДА *(быстро, тихо)*. Это вы сейчас сделали?
САВЕЛЬИЧ. Что?
ЛАДА. Наверху. Стук.
САВЕЛЬИЧ. Я думал, это вы.
ЛАДА. Мы договаривались – после практики.
САВЕЛЬИЧ. Так я и не начинал! Я думал, вы там колонку поставили.
ЛАДА. Какую колонку?
САВЕЛЬИЧ. Ну звук. Люди сейчас всё со звуком делают. Я думал, у вас тоже звук.
Пауза. Оба смотрят наверх.
МАКС. Не стесняйтесь, продолжайте.
ЛАДА. Макс.
МАКС. Нет, серьёзно. Вы уже пять минут договариваетесь при мне. Я не мешаю. Я даже отвернусь.
ЛАДА. Мы не договариваемся.
МАКС. Вы шепчетесь.
ЛАДА. Мы решаем бытовой вопрос.
МАКС. Бытовой вопрос – это когда кто-то говорит «наверху упала швабра». А вы говорите «это вы сейчас сделали?».
Пауза.
АРКАДИЙ *(с лестницы, невидимый)*. Я вам не швабра.

Удар. Ближе. Потом – по стене, отчётливо, изнутри комнаты. Все замирают.
*И тогда **АРКАДИЙ** спокойно выходит из прохода, руки в карманах, подходит к стене и бьёт по ней ещё раз – прямо у них на глазах, невидимый.*
АРКАДИЙ. Вот. Это уже не колонка.
МАКС. Стоп. Кто это сделал?
САВЕЛЬИЧ. Никто.
МАКС. По стене стучит «никто»?
САВЕЛЬИЧ. Тут стена двойная. Между кладкой пустота. Там воздух ходит.
МАКС. Воздух стучит?
САВЕЛЬИЧ. Воздух гудит.
МАКС. А стучало.
САВЕЛЬИЧ. Ну значит, где-то отошло, и оно хлопает.
МАКС. Где?
САВЕЛЬИЧ. Сейчас найдём.
*Он говорит это уже почти обиженно – он действительно хочет найти, потому что это его объект. **МАКС** идёт вдоль стены, простукивает сам. Раз, два.*
МАКС. Здесь глухо. Здесь глухо. Здесь...
Он доходит до двери в служебный проём. Толкает её. Дверь идёт с люфтом и хлопает об ограничитель – тот же звук.
Пауза.
МАКС. Вот.
САВЕЛЬИЧ. Что «вот»?
МАКС. Вот ваш призрак. Дверь бьёт в ограничитель.
Он хлопает дверью ещё раз. Тот же звук. И ещё раз.
МАКС. Три раза, с интервалом. Ветер поймал створку – раз, два, три. Всё. Расходимся.
САВЕЛЬИЧ *(разглядывая ограничитель)*. Слушай, а похоже.
ЛАДА. Пётр Савельевич.
САВЕЛЬИЧ. Да похоже же!
ЛАДА. Макс, ты сейчас лишаешь себя ценного опыта.
МАКС. Я сейчас дверь лишаю ценного опыта.
АРКАДИЙ. Это не дверь. Я стоял на лестнице и бил ботинком.
*Он говорит это спокойно, в двух шагах от них. **САВЕЛЬИЧ** увлекает **ЛАДУ** в другой конец комнаты.*
САВЕЛЬИЧ *(**ЛАДЕ**, вполголоса)*. Он у вас всё так будет разбирать?

ЛАДА. Да.
САВЕЛЬИЧ. Тогда мне надо сильнее.
ЛАДА. Вам надо – как договаривались.
САВЕЛЬИЧ. Лада Валерьевна, я вам как специалист говорю: с этим человеком «как договаривались» не пройдёт.
ЛАДА. Одна история. Короткая.
САВЕЛЬИЧ. Понял.
Он уходит в служебный проём – недовольный, как актёр, которому урезали роль.
***ЛАДА** садится обратно. Дышит. **МАКС** тоже садится, довольный собой. Ставит камеру рядом.*
ЛАДА. Продолжаем.
МАКС. Продолжаем.
Тишина. Ветер.
ЛАДА. Закрой глаза.
МАКС. Закрыл.
ЛАДА. Не закрыл.
МАКС. Закрыл.
Пауза. Тишина.
*И тогда **АРКАДИЙ** подходит к линзе – громадной, тяжёлой, с гирляндой – упирается и толкает. Линза со скрежетом проезжает по полу полметра.*
Оба вскакивают.
ЛАДА. Так.
*Из служебного проёма моментально высовывается **САВЕЛЬИЧ**.*
САВЕЛЬИЧ. Это не я!
ЛАДА. Я вижу, что не вы. Вы там.
САВЕЛЬИЧ. Именно что я здесь!
***МАКС** уже у линзы, с камерой.*
МАКС. Она на роликах?
САВЕЛЬИЧ. Она на четырёхстах килограммах, вот на чём она.
МАКС. Тогда как?
САВЕЛЬИЧ. Не знаю.
МАКС. Скажите как.
САВЕЛЬИЧ. Я говорю: не знаю!
Пауза.
АРКАДИЙ. Наконец-то честный ответ.
МАКС. Хорошо. Тогда я её двину обратно.
САВЕЛЬИЧ. Не трогай!

МАКС. Почему?
САВЕЛЬИЧ. Потому что мы её в прошлом году впятером ставили и один потом две недели боком ходил!
*Пауза. **МАКС** упирается в линзу. Толкает. Она не двигается. Он толкает сильнее. Ничего.*
Пауза.
МАКС. Ладно.
ЛАДА. Что «ладно»?
МАКС. Ладно – значит, хорошо сделано. Молодцы.
ЛАДА *(**САВЕЛЬИЧУ**, очень тихо)*. Если это ваша инициатива – предупреждайте меня заранее.
САВЕЛЬИЧ *(так же тихо, в отчаянии)*. Лада. Я. Её. Не. Двигал.
ЛАДА. Тогда продолжайте в том же духе.
САВЕЛЬИЧ. В каком духе?!
Резкий стук в наружную дверь. Настоящий, человеческий, злой.
Все замирают.
Стук повторяется.
МАКС. А это тоже ветер?

Сцена 5. Пицца для цифрового детокса

*Стук снова. **САВЕЛЬИЧ** идёт открывать. Врывается ветер, шум дождя.*
*Входит **АРТЁМ** – промокший насквозь, с термосумкой, в куртке с логотипом и надписью-бейджем «Артём», с большой картонной коробкой, которая заметно размокла снизу.*
АРТЁМ. Здравствуйте. Пицца.
Долгая пауза.
ЛАДА. Что?
АРТЁМ. Пицца. Две. Одна с грибами.
ЛАДА. Сюда?
АРТЁМ. Маяк. Верхняя дорога, до конца, потом пешком.
ЛАДА. Здесь никто ничего не заказывал.
АРТЁМ *(читает с наклейки на коробке)*. «Максим».
*Пауза. Все смотрят на **МАКСА**.*
МАКС. На стойку не ставь, там книга. Вон туда положи, на подоконник. Нет, не на этот, на тот.
Пауза.
АРТЁМ. То есть вы Максим.

МАКС. Я не говорил, что я Максим.
АРТЁМ. Вы сказали, куда ставить.
АРКАДИЙ. Попался.
ЛАДА. Ты заказал пиццу перед цифровым детоксом.
МАКС. Я заказал страховку от твоего ужина.
ЛАДА. У нас сегодня овощной бульон и тишина.
МАКС. Вот именно.
ЛАДА. Когда ты успел?
МАКС. На подъёме. Пока буксовал.
ЛАДА. То есть ты ехал на детокс и по дороге заказывал доставку пиццы.
МАКС. Я ехал на работу и по дороге заказывал себе ужин.
Пауза. Он забирает коробку. Она подтекает.
МАКС. Пицца мокрая.
АРТЁМ. Это коробка снаружи мокрая. Внутри нормально.
МАКС. А внутри тоже мокрая.
АРТЁМ. Это грибы.
Пауза.
АРТЁМ. Мне нужен код.
МАКС. Какой код?
АРТЁМ. Четыре цифры. Вам в приложении пришел. Вы диктуете – я закрываю заказ. Иначе он у меня так и будет висеть.
МАКС. Телефон в ящике.
АРТЁМ. Так достаньте.
ЛАДА. Он заблокирован. До восьми утра.
*Пауза. **АРТЁМ** смотрит на ящик. Потом на **ЛАДУ**. Потом опять на ящик.*
АРТЁМ. Это прикол такой?
ЛАДА. Это ретрит. В формате интенсива.
АРТЁМ. Девушка, у меня заказ висит.
ЛАДА. У вас есть редкая возможность просто отпустить ситуацию.
АРТЁМ. А у меня за это штраф.
МАКС. Ну напиши в поддержку. Скажи: форс-мажор, телефон клиента взят в заложники.
АРТЁМ. Чтобы написать, нужен интернет. А у вас тут даже связь не ловит.
ЛАДА. Это место блокирует любые внешние вибрации.
АРТЁМ. Я сейчас сам завибрирую. *(Подходит к ящику)*. А если его... ну, об пол?

ЛАДА. Это монолитный алюминий. Выдерживает удар кувалдой.
АРТЁМ. Зачем?
ЛАДА. Чтобы гости не срывались.
АРТЁМ. Я не гость, но я сорвусь. У меня тут в термосумке еще два заказа остывают.
ЛАДА. Тогда мы вас больше не задерживаем. Пётр Савельевич, проводите молодого человека.
АРТЁМ. Не надо меня провожать, я сам...
Он открывает дверь. Ветер бьёт так, что дверь вырывается у него из рук и с грохотом уходит наружу. Слышно, как внизу шумит.
САВЕЛЬИЧ *(навалившись)*. Держи! Закрывай!
Вдвоём они закрывают дверь. ***АРТЁМ*** *стоит, тяжело дыша, с него льёт.*
САВЕЛЬИЧ. Ты как сюда поднялся вообще?
АРТЁМ. На мопеде.
САВЕЛЬИЧ. На мопеде?
АРТЁМ. На мопеде.
САВЕЛЬИЧ. Нижнюю дорогу уже залило.
АРТЁМ. Я по верхней ехал.
САВЕЛЬИЧ. Верхнюю сейчас зальёт.
Пауза.
АРТЁМ. По ходу я обратно сейчас не поеду.
САВЕЛЬИЧ. Правильно.
АРТЁМ. А мне надо. У меня ещё два адреса.
САВЕЛЬИЧ. Я говорю: правильно, что не поедешь.
Пауза. ***АРТЁМ*** *снимает куртку. С неё течёт на пол.*
АРТЁМ. А до скольки этот ваш шторм?
САВЕЛЬИЧ. До утра.
АРТЁМ. До какого утра?
САВЕЛЬИЧ. До завтрашнего.
Пауза.
АРТЁМ. Понял.
ЛАДА *собирается. Она смотрит на мокрого курьера, на коробку, на злого* ***МАКСА*** *с камерой – и принимает решение.*
ЛАДА. Хорошо. Артём...
АРТЁМ. Откуда вы знаете, как меня зовут?
ЛАДА. У вас на куртке написано.
АРТЁМ. А. Точно.

ЛАДА. Артём, вы сейчас находитесь в помещении, где у людей идёт ретрит-интенсив. Я вас очень прошу: сядьте, согрейтесь и не участвуйте.
АРТЁМ. Я и не собирался.
ЛАДА. Вот и замечательно.
АРТЁМ. Мне четыре цифры нужны, а не ретрит.
Он садится на пол у стены, к батарее. Трогает батарею.
АРТЁМ. Батарея холодная.
САВЕЛЬИЧ. Котёл на минимуме.
АРТЁМ. А почему на минимуме?
САВЕЛЬИЧ. Потому что ретрит.
АРТЁМ. А. Ну да.
*Он обхватывает колени. **ЛАДА** протягивает ему плед. Он берёт.*
АРТЁМ. Спасибо.
АРКАДИЙ *(глядя на него)*. Этот хотя бы по делу пришёл.
*Пауза. **ЛАДА** ещё раз оглядывает комнату. Мокрый курьер на полу. Пицца на подоконнике. Ветер.*
ЛАДА. Ничего. Наша программа стала живой.
МАКС. Скорее мокрой.
ЛАДА. Пётр Савельевич, вы, кажется, хотели проверить служебное помещение.
*Пауза. **САВЕЛЬИЧ** понимает. Выпрямляется.*
САВЕЛЬИЧ. Хотел.
ЛАДА. Проверьте.
*Он уходит в служебный проём. **ЛАДА** гасит две свечи из трёх.*
АРТЁМ. А зачем гасить свет?
ЛАДА. Пересядь, пожалуйста, поближе.
АРТЁМ. Мне и тут нормально.
ЛАДА. Поближе.
***АРТЁМ** вздыхает, перетаскивает плед, садится ближе.*
МАКС *(тихо, **ЛАДЕ**)*. Ты серьёзно будешь делать это при курьере?
ЛАДА. Я буду делать это с тем, кто есть.
Тишина. Ветер. Из служебного проёма – медленные шаги.

Сцена 6. Последний смотритель

*Из темноты служебного проёма выходит **САВЕЛЬИЧ**. Он изменился: другая осанка, другой темп. На нём старый брезентовый плащ. В руке – большой рабочий фонарь. Не включённый.*

Долгая пауза. Он смотрит поверх голов, в стену.
САВЕЛЬИЧ. Гости.
ЛАДА *(тихо, довольно)*. Да.
САВЕЛЬИЧ. Сорок один год.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Сорок один год я тут отстоял. Зимы. Туманы. Чужие суда.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Море не забывает никого.
АРТЁМ. А это кто?
ЛАДА. Тише.
АРТЁМ. Он тут работает?
ЛАДА. Тише.
САВЕЛЬИЧ. Работал.
МАКС. Вы здесь служили когда?
Пауза. ***САВЕЛЬИЧ*** *не ожидал вопроса так рано.*
САВЕЛЬИЧ. Давно.
МАКС. Давно – это с какого года?
САВЕЛЬИЧ. С... молодости.
МАКС. Ага.
ЛАДА. Макс.
МАКС. Я слушаю, слушаю.
Он поднимает камеру. Красная точка.
САВЕЛЬИЧ *(перехватывая инициативу, тяжелее)*. А последний, кто здесь был по-настоящему... он остался один. Совсем один. И сошёл с ума от одиночества.
Из тени выходит, освещаемый лучом света сверху, ***АРКАДИЙ****. Спокойно. Впервые видимый для всех.*
АРКАДИЙ. Не сходил.
Все поворачиваются. Пауза.
АРТЁМ. Ещё один.
ЛАДА *(****САВЕЛЬИЧУ****, тихо)*. Это вы его привели?
САВЕЛЬИЧ *(тихо)*. Я думал, это вы.
ЛАДА *(тихо)*. Я не нанимала второго.
САВЕЛЬИЧ *(тихо)*. И я никого не приводил. Я тут один работаю!
МАКС. Продолжайте, продолжайте. Не надо сбивать темп.
Пауза. ***САВЕЛЬИЧ*** *окончательно решает, что его подставили, и идёт дальше – теперь уже назло.*
САВЕЛЬИЧ. Так вот. Беляев. Он жил здесь один.

АРКАДИЙ. С женой.
САВЕЛЬИЧ. Жена его бросила.
АРКАДИЙ. Она умерла раньше.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ *(не сдавая роль, очень тяжело)*. Вот видите... насколько всё было тяжело.
АРКАДИЙ. Не было тяжело. Было нормально.
САВЕЛЬИЧ. Четырнадцать суток он не спускался вниз.
АРКАДИЙ. Четверо.
САВЕЛЬИЧ. В некоторых источниках – четырнадцать.
АРКАДИЙ. В каких источниках?
САВЕЛЬИЧ. В местных.
АРКАДИЙ. В местных сидел Гнатюк со своим хостелом и выдумывал байки.
Пауза. ***САВЕЛЬИЧ*** *меняет направление.*
САВЕЛЬИЧ. Он знал каждое судно по гудку.
АРКАДИЙ. Не по гудку он их знал. По расписанию.
САВЕЛЬИЧ. По гудку.
АРКАДИЙ. Они ходили по расписанию. Я знал, какое идёт, ещё до того, как его было видно. При чём здесь слух? Просто бумажка на стене висела.
САВЕЛЬИЧ. Ну зачем вы так?
АРКАДИЙ. Как?
САВЕЛЬИЧ. Некрасиво.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Он вёл дневник. Каждый день он писал в дневник одно слово.
АРКАДИЙ. Он вёл вахтенный журнал. Туда записывают ветер, видимость и что случилось за смену.
САВЕЛЬИЧ. И одно слово.
АРКАДИЙ. Какое?
Пауза. Видно, что ***САВЕЛЬИЧ*** *не подготовил слово.*
САВЕЛЬИЧ. «Ждать».
Пауза.
АРКАДИЙ. Господи.
МАКС *опускает камеру.*
МАКС. Так. Стоп.
ЛАДА. Макс, не надо разбирать ситуацию.

МАКС. Я не разбираю. Я уточняю. *(**АРКАДИЮ**.)* Вы здесь работали когда?
АРКАДИЙ. С пятьдесят девятого.
МАКС. По?
АРКАДИЙ. По семьдесят восьмой.
МАКС. То есть вам сейчас сколько?
АРКАДИЙ. Сто три.
Пауза.
МАКС *(**ЛАДЕ**)*. У тебя актёр легенду не выучил.
ЛАДА. Он не мой актёр.
МАКС. Ну конечно.
АРТЁМ. Извините, можно вопрос?
ЛАДА. Артём.
АРТЁМ. Просто один. Кто из вас за помещение отвечает?
САВЕЛЬИЧ. Я.
АРКАДИЙ. Я.
Пауза.
АРТЁМ. Тогда у вас в служебном коридоре с потолка капает.
САВЕЛЬИЧ *(мгновенно другим голосом)*. Где капает?
АРТЁМ. Слева, у щитка. Я туда куртку вешал.
САВЕЛЬИЧ. Это конденсат, это ничего... *(вспоминает, кто он, и снова тяжело)* ...это маяк дышит.
АРКАДИЙ. Это конденсат.
САВЕЛЬИЧ. Это маяк дышит!
АРКАДИЙ. Маяк не дышит. Маяк – это башня, лестница и фонарь. Дышат люди и коровы.
*Пауза. **МАКС** оживляется – он нашёл способ проверить.*
МАКС. Хорошо. Простой вопрос обоим. Сколько ступеней в башне?
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Восемьдесят четыре.
АРКАДИЙ. Восемьдесят шесть.
САВЕЛЬИЧ. Восемьдесят четыре!
АРКАДИЙ. Вы считаете от площадки. А две нижние – в цоколе, под настилом. Их не видно, но они есть.
*Пауза. **САВЕЛЬИЧ** открывает рот. Закрывает.*
САВЕЛЬИЧ. Я по ним восемь лет хожу.
АРКАДИЙ. По восьмидесяти четырём. Я ходил по восьмидесяти шести.
МАКС *(**ЛАДЕ**)*. Вот это уже интересно.

ЛАДА. Что именно?
МАКС. У тебя второй актёр знает объект лучше человека, который тут работает.
*Пауза. **САВЕЛЬИЧ** отводит **АРКАДИЯ** в сторону и говорит вполголоса – так, что слышно всем.*
САВЕЛЬИЧ. Слышь.
АРКАДИЙ. Слушаю.
САВЕЛЬИЧ. Ты чей?
АРКАДИЙ. Что?
САВЕЛЬИЧ. Ты от кого работаешь? Она тебя отдельно взяла?
АРКАДИЙ. Никто меня не брал.
САВЕЛЬИЧ. Слушай, я тебе как коллеге говорю. Так не делается. Меня наняли. Я подготовился. Она мне сказала: одна легенда, короткая. Одна! Я месяц думал, какую взять.
АРКАДИЙ. Вы её не взяли. Вы её выдумали.
САВЕЛЬИЧ. Я её адаптировал!
АРКАДИЙ. Вы сказали, что человек сошёл с ума. Человек не сходил с ума. Человек вёл журнал, чинил механизм, красил перила и два раза в месяц ездил в посёлок за хлебом и керосином.
САВЕЛЬИЧ. И кому это интересно?
Пауза.
АРКАДИЙ. Вот. Вот в этом всё и дело.
*Пауза. **САВЕЛЬИЧ** оглядывается на **ЛАДУ** и понижает голос ещё сильнее.*
САВЕЛЬИЧ. Ладно. Другой вопрос. Тебе сколько дали?
АРКАДИЙ. За что?
САВЕЛЬИЧ. За вечер.
АРКАДИЙ. Нисколько.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Нисколько?
АРКАДИЙ. Я тут живу.
САВЕЛЬИЧ. Живёшь? Тут?
АРКАДИЙ. Постоянно.
*Пауза. **САВЕЛЬИЧ** выпрямляется. Он оскорблён – но совершенно не тем, чем следовало бы.*
САВЕЛЬИЧ. Так ты бесплатно работаешь.
АРКАДИЙ. Я не работаю.
САВЕЛЬИЧ. Ты бесплатно выходишь, бесплатно говоришь и бесплатно всех поправляешь. Ты нам всем цену сбиваешь.

АРКАДИЙ. Кому «всем»?
САВЕЛЬИЧ. Людям! Которые этим живут!
АРКАДИЙ. Пётр Савельевич, вы чините котёл.
САВЕЛЬИЧ. Сегодня – нет!
*Он отходит, оскорблённый. **ЛАДА** мягко перехватывает.*
ЛАДА. Хорошо. У нас сейчас происходит что-то очень живое, и я предлагаю не раскладывать эту жизнь по косточкам.
МАКС. У нас сейчас два смотрителя и оба врут. Ты про это?
ЛАДА. Это не входило в нашу программу.
Пауза. Она сама слышит, что сказала.
ЛАДА. То есть – это уже входит в нашу программу.
МАКС. Ну естественно.
*Он подходит к **АРКАДИЮ** вплотную, поднимает камеру.*
МАКС. Ещё раз. В каком году умер Беляев?
АРКАДИЙ. В семьдесят восьмом.
МАКС. А маяк когда закрыли?
АРКАДИЙ. В девяносто шестом. После меня здесь ещё восемнадцать лет светили. Тюрин, потом Гнатюк.
Пауза.
МАКС. «После меня».
АРКАДИЙ. После меня.
МАКС. Хорошо. А похоронен он где?
Пауза.
АРКАДИЙ. В посёлке. Второй ряд от воды. Рядом с женой.
САВЕЛЬИЧ. Так там же старое кладбище, там давно не...
АРКАДИЙ. С семьдесят девятого.
*Пауза. **САВЕЛЬИЧ** осекается.*
САВЕЛЬИЧ. Красивое место.
АРКАДИЙ. Сыро.
Пауза.
МАКС *(**ЛАДЕ**)*. Он у тебя играет Беляева.
ЛАДА. Он не у меня.
МАКС. Тогда чей он?
САВЕЛЬИЧ *(показывая на **МАКСА**)*. Я думал, это его.
МАКС. Мой?!
САВЕЛЬИЧ. Ну ты же снимаешь. Притащил сюда деда с фактурой, даты с ним вызубрил. Стоишь, вопросы задаешь, как по бумажке. «А маяк когда закрыли, а похоронен где...» Ждешь, пока он на камеру отыграет.

ЛАДА. Макс... Подожди. Ты решил в рамках моей программы снять свой артхаус? За моей спиной?
МАКС. Какой артхаус? Я его впервые вижу!
САВЕЛЬИЧ. Конечно. А работает он «бесплатно», потому что ради искусства, да? Скрытая камера, все дела. Только хлеб у честных людей отбираете своими экспериментами.
МАКС. У меня своя съёмка, но у меня нет своего пенсионера!
АРКАДИЙ. Я не пенсионер. Не дожил до пенсии.
Пауза.
АРТЁМ. Извините. А розетка тут где-нибудь есть?
ЛАДА. Артём.
АРТЁМ. У меня телефон садится. Мне утром работать.
ЛАДА. У нас ночь цифрового детокса. Без всяких устройств.
АРТЁМ. Это у вас детокс. А я на доставке.
САВЕЛЬИЧ *(машинально, деловито)*. За линзой, снизу. Только не дёргай, там провод короткий.
ЛАДА. Пётр Савельевич!
САВЕЛЬИЧ. А что я. Человек на работе.
АРТЁМ *уходит за линзу с проводом.* ***ЛАДА*** *закрывает глаза на секунду – она держится.*
АРТЁМ *(из-за линзы)*. А код мне никак?
ЛАДА. Артём!
АРТЁМ. Я просто спросил. Четыре цифры – и я вам вообще не мешаю.
Он говорит это очень устало. Все на секунду замолкают.
И тут ***САВЕЛЬИЧ****, решив, что его переигрывают на его же территории, идёт ва-банк. Он включает большой фонарь и направляет его в потолок.*
САВЕЛЬИЧ. В ту ночь, когда он умер... огонь погас.
Пауза.
АРКАДИЙ. Огонь не погас.
САВЕЛЬИЧ. Погас.
АРКАДИЙ. Я проверял.
Очень короткая пауза.
САВЕЛЬИЧ *(медленно, не сдаваясь)*. Он... и после смерти проверял.
АРКАДИЙ. Да.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ *(с искренним чувством)*. Вот. Вот как надо любить свою работу.

*Он выключает фонарь. **ЛАДА** тихо аплодирует одними пальцами.*
МАКС. Гениально. Просто гениально.
ЛАДА. Спасибо.
МАКС. Это не комплимент, это диагноз. Выкатить такую сцену вообще без репетиций...
ЛАДА. Но тебя же зацепило.
МАКС. Зацепило, потому что это лютая халтура.
ЛАДА. Значит, ощутил вайб.
МАКС. Я бы денег дал, лишь бы это развидеть, а тут такой цирк - и совершенно бесплатно.
САВЕЛЬИЧ. Вот и я о том же.
*Пауза. **МАКС** оборачивается на **АРКАДИЯ** – впервые с интересом, а не с подозрением.*
МАКС. Слушайте, а вы тут вообще за кого?
АРКАДИЙ. За себя.
МАКС. И чего вам надо?
АРКАДИЙ. Чтоб вы уехали. Все.
МАКС. Все?
АРКАДИЙ. Все.
Пауза.
МАКС. Надо же. Первые честные слова за весь вечер.
ЛАДА. Вообще-то, первую честную вещь сказала я.
МАКС. Твоя на почетном втором месте.
Он разворачивается – и оказывается лицом к северному окну. Большая створка. Старый шпингалет. Стекло дрожит от ветра.
Пауза.
МАКС. А это что за окно?
ЛАДА. Северное.
МАКС. Которое здесь не открывают.
ЛАДА. Которое здесь не открывают.
Пауза.
МАКС. Почему?

Сцена 7. Северное окно

Все смотрят на окно.
САВЕЛЬИЧ *(своим голосом, немедленно, деловито)*. Не трогай.
МАКС. Я просто спросил, почему.

САВЕЛЬИЧ. Потому что рама гнилая. Ей сорок лет, её ни разу не меняли. При таком ветре — ты её сейчас откроешь, а закрывать приедет уже ремонтная бригада. Створку вырвет с петлями, вода хлестанет внутрь, а там внизу щиток.
МАКС. Ну вот. Нормальный человеческий ответ.
ЛАДА. Северное окно здесь не открывают.
МАКС. Он же только что всё объяснил.
ЛАДА. Он назвал только техническую причину.
Пауза.
МАКС. А что, есть какая-то еще?
ЛАДА. Есть места, где не спрашивают «почему». Есть места, где просто не открывают окна.
АРКАДИЙ. Это не место. Это рама.
САВЕЛЬИЧ *(**ЛАДЕ**, тихо и зло)*. Вы зачем сюда мистику приплетаете? Я вам список правил написал только для того, чтобы вы тут ничего не разломали.
ЛАДА *(тихо)*. Пётр Савельевич, вы сейчас вышли из образа.
САВЕЛЬИЧ. Да при чём тут образ, я про раму!
МАКС. Стоп. Стоп-стоп-стоп.
Он поворачивается ко всем.
МАКС. Я понял вашу схему. Есть реальная причина – гнилая деревяшка. И есть та же самая причина, только сказанная замогильным шёпотом. И оп – это уже «древнее проклятие».
ЛАДА. Макс.
МАКС. Ты четыре пункта из инструкции по технике безопасности превратила в четыре заповеди.
ЛАДА. Я из сухой инструкции делаю атмосферу. Ценный опыт. Это моя работа.
МАКС. В народе это по-другому называется.
АРКАДИЙ. Точно.
*Пауза. **МАКС** идёт к окну.*
САВЕЛЬИЧ. Э. Э!
ЛАДА. Макс, не надо.
МАКС. Если дело тупо в раме – я открою, и мы её вдвоём удержим. А если это ваши сказки про «море не забывает» – я открою, и вообще ничего не будет.
САВЕЛЬИЧ. Я тебе русским языком говорю: вырвет раму!
МАКС. Тогда зачем она мне легенды рассказывает?

Он кладёт камеру на пол, объективом на створку. Берётся за шпингалет.
САВЕЛЬИЧ. Не смей!
Он открывает.
Створка не открывается – её вырывает. Гром, вода, ветер. Створка бьёт о стену. В комнату летит дождь, гаснут свечи. Что-то падает. Крик.
САВЕЛЬИЧ. Держи! Держи её!
Все бросаются к окну. ***АРТЁМ*** *первым – он ближе всех.* ***САВЕЛЬИЧ*** *с ним.* ***МАКС*** *тянет створку на себя.*
АРТЁМ. Я держу!
САВЕЛЬИЧ. Ниже бери! Ниже, за низ!
ЛАДА. Плед! Кто-нибудь – плед сюда!
САВЕЛЬИЧ. Не плед! Отвёртку! В сумке, сбоку, в кармане!
Втроём они заводят створку обратно. ***САВЕЛЬИЧ*** *заклинивает её отвёрткой.*
Пауза. Все мокрые. Вода на полу – широкая полоса, которая продолжает расти.
И тогда гаснет свет. Резко, полностью.
Пауза.
МАКС. Свет вырубило.
САВЕЛЬИЧ. Вырубило, потому что вода вниз пошла. Я про раму предупреждал?
МАКС. Предупреждал.
САВЕЛЬИЧ. Про щиток говорил?
МАКС. Говорил.
САВЕЛЬИЧ. Ну вот и любуйся.
Он находит в сумке фонарь, включает. Свет – рабочий, резкий, неприятный.
АРТЁМ *(глядя в пол)*. У вас вода к двери течёт.
САВЕЛЬИЧ. Она не к двери течёт. Она вниз уходит. Тут уклон.
АРТЁМ. Куда вниз?
САВЕЛЬИЧ. В служебку.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Туда, где щиток.
Он идёт к проёму, светит вниз. Долго смотрит.
САВЕЛЬИЧ. Приехали.
ЛАДА. Что там? Сильно залило?
САВЕЛЬИЧ. Ничего хорошего.

ЛАДА. Мы можем с этим что-то...
САВЕЛЬИЧ. Можно. Завтра с утра.
Он возвращается. Снимает брезентовый плащ – роль окончена – и бросает его на стойку рядом с журналом.
САВЕЛЬИЧ. Всё. Спектакль окончен. Я больше не смотритель, я здесь только за котёл отвечаю.
Пауза. ***ЛАДА*** *оглядывает комнату: вода, темнота, заклиненное окно, четверо мокрых людей.*
ЛАДА. Так, ладно. Давайте выдохнем, сейчас мы всё это...
МАКС. Это тоже входит в программу?
ЛАДА. Нет.
Пауза. Впервые она отвечает коротко.
В стороне, у стены, стоит ***АРКАДИЙ****. Он смотрит на воду, на темноту, на людей. И впервые за вечер он почти доволен.*
АРКАДИЙ. Вот это я понимаю – полное погружение.
Ветер. Темнота.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 8. Не поднимай автомат

Та же комната. Темнее. Горит один большой рабочий фонарь ***САВЕЛЬИЧА****, поставленный на стойку и направленный в потолок. Вода на полу стоит широкой полосой. Створка окна заклинена отвёрткой.* ***САВЕЛЬИЧ*** *в резиновых сапогах из своей сумки – он единственный, кто занят делом.* ***АРТЁМ*** *сидит в пледе.* ***МАКС*** *снимает.* ***ЛАДА*** *стоит посреди комнаты и решает, что теперь говорить.* ***АРКАДИЙ*** *у линзы, наблюдает.*
САВЕЛЬИЧ. Так. Говорю один раз, повторять не буду. К щитку не лезть, автомат не трогать.
МАКС. Я и не лез.
САВЕЛЬИЧ. Ты не лез, ты окно открыл. Пока тут болото, свет не включаем. Сначала убираем воду, потом даём электричество.
ЛАДА. Мы всё равно не собирались включать свет на интенсиве.
САВЕЛЬИЧ. Теперь и не соберётесь.

Он идёт вдоль полосы воды, смотрит на пол, трогает носком сапога настил.
АРТЁМ. А куда вода уходит?
САВЕЛЬИЧ. Никуда она не уходит. Она копится.
АРТЁМ. Так пусть уходит.
САВЕЛЬИЧ. Некуда ей уходить. Слив замуровали.
МАКС. В смысле замуровали?
САВЕЛЬИЧ. Тут нормальный сток был, в полу. Чугунный, ещё флотский. Он это помещение шестьдесят лет от потопов спасал. А в ремонт тут всё красотой зашили, кинули сверху настил — и с концами.
Пауза.
МАКС. То есть слив рабочий, его тупо ради эстетики заколотили?
САВЕЛЬИЧ. Ради красивых фоточек.
АРТЁМ. А вскрыть можно?
САВЕЛЬИЧ. Можно. Ключ у меня, замок технический, я сам вешал. Только там сейчас темень и воды по колено.
АРКАДИЙ. Не надо вскрывать.
Все поворачиваются. Он снова стоит в луче света и говорит впервые за долгое время – и теперь его слышат все.
САВЕЛЬИЧ. Чего?
АРКАДИЙ. Не трогайте слив. Пусть заливает.
ЛАДА. Простите?
АРКАДИЙ. Хозяин весь год ищет повод закрыть посуточную аренду. Ему надоели жалобы и мелкий ремонт. Вот ему повод. Он приедет, увидит воду, увидит щиток, увидит счёт за ремонт – и всё.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Погодите. Вы этого и добиваетесь? Чтобы он посуточку прикрыл?
АРКАДИЙ. Десять лет.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. В смысле десять лет?
АРКАДИЙ. С шестнадцатого года. С той недели, когда сюда втащили кровать и повесили табличку «гостевая книга».
ЛАДА. Вы работаете на хозяина?
АРКАДИЙ. Я работаю против него.
МАКС. О. Наконец-то нормальный конфликт.
Он поднимает камеру.
МАКС. Повторите, пожалуйста. И смотрите не в темноту, а вот сюда, в объектив.

АРКАДИЙ. Я не на камеру говорю.
МАКС. Все так сначала говорят.
*Пауза. **ЛАДА** делает шаг к **АРКАДИЮ**. Она собранна: перед ней наконец кто-то с внятным интересом, а с интересом она работать умеет.*
ЛАДА. Хорошо. Давайте начистоту. Вы из местных активистов?
АРКАДИЙ. Нет.
ЛАДА. Бывший сотрудник? Обидели с зарплатой?
АРКАДИЙ. Со мной рассчитались как положено.
ЛАДА. Претендуете на помещение?
АРКАДИЙ. Нет.
ЛАДА. Тогда что вам нужно?
АРКАДИЙ. Покой.
Пауза.
ЛАДА. Красиво сказано. Непонятно только, как это прорабатывать.
АРТЁМ. А мне понятно.
Все смотрят на него.
АРТЁМ. А чего? Человек просто хочет покоя. У меня сосед такой же. Вечно в подъезде объявы клеит, тишины просит.
Пауза.
АРТЁМ. Слушайте, а код мне дадут или как? Я б заказ закрыл и сидел не отсвечивал.
ЛАДА. Артём, у нас вообще-то затопление.
АРТЁМ. У меня вообще-то тоже.
*Он приподнимает мокрую штанину. **ЛАДА** отворачивается.*
САВЕЛЬИЧ *(**АРКАДИЮ**, всё ещё практически)*. Слышь. Ты тут не командуй. Я эту воду не для хозяина спускаю. Я её спускаю, чтоб мне завтра стену перекладывать не пришлось.
АРКАДИЙ. Перекладывайте. Отличная мысль.
САВЕЛЬИЧ. Ты вообще кто такой?
АРКАДИЙ. Вы уже спрашивали.
САВЕЛЬИЧ. Я спрашивал, от кого ты. А теперь спрашиваю – кто.
*Пауза. **САВЕЛЬИЧ** берёт фонарь и светит **АРКАДИЮ** прямо в лицо. Тот не щурится.*
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Свет в упор – а ты хоть бы моргнул.
АРКАДИЙ. Я не моргаю.
*Пауза. **САВЕЛЬИЧ** медленно опускает фонарь. Луч ползёт по стене – и останавливается на большой фотографии в раме.*

Сцена 9. Вы – Беляев

Луч на фотографии. ***САВЕЛЬИЧ*** *смотрит на неё. Потом на* ***АРКАДИЯ****. Потом опять на фотографию.*
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Погодь...
ЛАДА. Пётр Савельевич.
САВЕЛЬИЧ. Да погодите вы.
Он подходит к фотографии вплотную. Светит. Возвращается. Светит на ***АРКАДИЯ****. Опять на фотографию.*
САВЕЛЬИЧ. Так вы – Беляев.
АРКАДИЙ. Дошло, наконец.
САВЕЛЬИЧ. Никакой не актёр. Беляев собственной персоной.
АРКАДИЙ. Аркадий Фёдорович.
Пауза.
ЛАДА. Пётр Савельевич, ну не проговаривайте вы ремарки.
САВЕЛЬИЧ. Ничего я не проговариваю.
ЛАДА. Вы вслух комментируете сцену, это всё рушит...
САВЕЛЬИЧ. Да я с этой фотки каждый месяц пыль смахиваю! Восемь лет подряд! Снимаю, протираю, вешаю на место и каждый раз думаю одно и то же.
ЛАДА. Что?
САВЕЛЬИЧ. Строгий мужик.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ *(****АРКАДИЮ****)*. Строгий вы мужик.
АРКАДИЙ. Не без этого.
АРТЁМ *встаёт, подходит к фотографии, смотрит. Потом на* ***АРКАДИЯ****. Потом опять на фотографию.*
АРТЁМ. Одно лицо.
МАКС. Ещё бы. Под этот образ всё и лепили.
САВЕЛЬИЧ. Макс.
МАКС. Что «Макс»? Вы стоите в темноте с фонарём и говорите: вот фотография, а вот человек с фотографии. Это самый старый трюк на свете.
САВЕЛЬИЧ. Фотография семьдесят второго года.
МАКС. Я не спорю. Фотография старая, человек новый.
Он подходит к ***АРКАДИЮ****, разглядывает в упор, обходит кругом.*
МАКС. Свитер реальный. Руки тоже. Обувь только странная.
АРКАДИЙ. Какая была, в той и остался.

МАКС. Ну да, ну да.
Пауза.
МАКС. Вопрос на засыпку. Где вы торчали весь вечер?
АРКАДИЙ. Тут.
МАКС. Где тут?
АРКАДИЙ. В этой самой комнате. Почти всё время.
Пауза.
МАКС. Хотите сказать, стояли тут, а мы вас в упор не видели?
АРКАДИЙ. Выходит так.
МАКС. И не слышали.
АРКАДИЙ. Если мне не нужно было – не слышали.
МАКС. Удобно.
АРКАДИЙ. Очень.
*Пауза. **МАКС** отходит. Он не сдаётся – он выстраивает.*
МАКС. Ладно. Давайте обрисую, как это смотрится со стороны. Местный кадр, знает тут всё лучше персонала. Восемьдесят шесть ступенек. Кладбище с семьдесят девятого. Всё чётко, бьётся по фактам, гуглится по архивам.
АРКАДИЙ. Именно.
МАКС. Линза сдвинулась, когда все отвернулись.
АРКАДИЙ. Не все.
МАКС. Я стоял спиной.
АРКАДИЙ. Вы стояли спиной.
МАКС. И возникаете вы всегда из темноты, тютелька в тютельку, ровно в тот момент, чтобы он текст забыл.
САВЕЛЬИЧ. Вот это правда.
МАКС. Короче, объяснение у меня есть. Скучное, зато логичное.
Пауза.
АРКАДИЙ. Вот и хорошо.
МАКС. Что «хорошо»?
АРКАДИЙ. Хорошо, что есть. Мне вас убеждать не надо.
МАКС. Не надо?
АРКАДИЙ. Мне от вас нужно только одно: чтобы вы все уехали отсюда. Поверите вы в меня или нет – мне до лампочки.
Пауза.
МАКС. Не уеду.
АРКАДИЙ. Дорогу размыло.
МАКС. Тем более.
*Пауза. **АРТЁМ** возвращается к своему пледу.*

АРТЁМ. Так. Я правильно понимаю, что он покойник?
АРКАДИЙ. Правильно.
АРТЁМ. Окей.
Пауза.
АРТЁМ. Пиццу, значит, не вы заказывали?
АРКАДИЙ. Нет.
АРТЁМ. Тогда едем дальше.
Он садится. Помолчав:
АРТЁМ. А в договоре вы прописаны?
АРКАДИЙ. В каком ещё договоре?
АРТЁМ. Ну у хозяина. В объявлении. Если тут постоянно человек живёт, это же надо указывать.
САВЕЛЬИЧ. Он не человек.
АРТЁМ. Тем более надо.
Пауза.
МАКС. Тебя вообще не кроет от происходящего?
АРТЁМ. Меня кроет от того, что час ночи, я торчу на маяке, и у меня носки насквозь мокрые. Остальное – лирика.
МАКС ***(ЛАДЕ)***. Видишь? Он тебе сейчас всю съёмочную группу перевербует.
ЛАДА. У меня вся группа – это ты.
Пауза.
МАКС. Ну да.
Он опускает камеру. Впервые за вечер.
САВЕЛЬИЧ *садится на ящик для телефонов. Он тяжело дышит – не от страха, а оттого, что восемь лет вдруг встали в другом порядке.*
САВЕЛЬИЧ. Восемь лет...
АРКАДИЙ. Что?
САВЕЛЬИЧ. Восемь лет я туристам байки про вас травлю. Что вы тронулись. Что вас жена бросила. Что бродите тут по ночам.
АРКАДИЙ. Последнее – чистая правда.
САВЕЛЬИЧ. И вы всё это время стояли рядом?
АРКАДИЙ. Иногда в двух шагах.
САВЕЛЬИЧ. И молчали?
АРКАДИЙ. Один раз не выдержал. Когда вы ляпнули экскурсии, что я в петлю залез.
САВЕЛЬИЧ. Было дело...
АРКАДИЙ. Я на вас тогда ведро скинул.

Пауза.
САВЕЛЬИЧ. В апреле?!
АРКАДИЙ. В апреле.
САВЕЛЬИЧ. Я ж думал, полка сорвалась!
АРКАДИЙ. Я надеялся, вы намёк поймёте.
Пауза. ***САВЕЛЬИЧ*** *встаёт. Начинает ходить. Это не страх – это ревизия.*
САВЕЛЬИЧ. Так. Погодите-ка. А в позапрошлом, в июне, когда подо мной стремянка ни с того ни с сего сложилась?
АРКАДИЙ. Моя работа.
САВЕЛЬИЧ. За что?!
АРКАДИЙ. Вы гирлянду на башню цепляли.
САВЕЛЬИЧ. А холодильник? Который гудит второй год и ни один мастер разобраться не может?
АРКАДИЙ. Холодильник – это просто сломанный холодильник. Я не ломаю всё подряд.
САВЕЛЬИЧ. А семейка в августе? Которая среди ночи свинтила? Я ж с утра приезжаю, а маяк пустой, ключи в замке, деньги на столе!
АРКАДИЙ. Гендер-пати.
САВЕЛЬИЧ. Чего?
АРКАДИЙ. У них было гендер-пати. С хлопушками. В два часа ночи.
САВЕЛЬИЧ. Так они детей ждали!
АРКАДИЙ. У них была вечеринка по узнаванию пола ребёнка. С хлопушками. В два ночи.
САВЕЛЬИЧ. Они ж детей ждали!
АРКАДИЙ. Я тоже кое-чего ждал. Например, чтобы в два ночи над ухом не бабахали.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. А тот чудак с укулеле?
Пауза.
АРКАДИЙ. Три дня я терпел.
САВЕЛЬИЧ. И?
АРКАДИЙ. На четвёртый я вынес его гитарку на площадку и кинул под ливень.
САВЕЛЬИЧ. Так я ж её нашёл потом! Я её феном сушил! Сам в бюро находок отвозил!
АРКАДИЙ. И зря.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. А Валя?

АРКАДИЙ. Что Валя.
САВЕЛЬИЧ. Валя в мае уволилась. Наотрез отказалась сюда одна приходить убираться. Говорит, там кто-то в тяжелых ботинках топчется.
АРКАДИЙ. Валентина Николаевна протирала линзу половой тряпкой.
САВЕЛЬИЧ. И что?!
АРКАДИЙ. Той самой, которой перед этим мыла пол.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Ну... это, конечно, некрасиво.
АРКАДИЙ. Я ей доступно объяснил.
САВЕЛЬИЧ. Ботинками вы ей объяснили!
АРКАДИЙ. Других способов коммуникации у меня не предусмотрено.
Пауза. ***САВЕЛЬИЧ*** *садится обратно. Проводит рукой по лицу.*
САВЕЛЬИЧ. Я ж хозяину каждый раз отписывался: на объекте всё ровно, замечаний нет, клиенты придуриваются.
АРКАДИЙ. В курсе. Я читал из-за вашего плеча.
САВЕЛЬИЧ. Восемь лет я вас выгораживал!
АРКАДИЙ. Восемь лет вы прикрывали себя. Иначе он спросил бы, куда вы смотрите.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Ну, тоже верно.
Пауза. ***ЛАДА*** *всё это время стоит в стороне. Она молчала дольше, чем молчала за весь вечер.*
ЛАДА. Знаете, что самое неприятное?
САВЕЛЬИЧ. Ну?
ЛАДА. Что я всё это время работала. Даже когда линза поехала. Я стояла и прикидывала, как это назвать в своем интенсиве.
МАКС. И как?
ЛАДА. «Точка невозврата».
МАКС. Неплохо.
ЛАДА. Плохо. Я это придумала за две секунды, и это значит, что я это придумала заранее.
Пауза. Она садится на пол. Просто садится, как человек, у которого кончилась программа.
ЛАДА. Я больше ничего не веду. Я просто здесь.
МАКС. Запиши, а то забудешь. Хорошая фраза для ведущей.
ЛАДА. Непременно.

Пауза. Слышно, как капает. ***АРТЁМ****, в пледе, спрашивает – без всякого подтекста, просто потому, что молчание неудобное:*
АРТЁМ. А вам не скучно?
Пауза. ***АРКАДИЙ*** *оборачивается.*
АРКАДИЙ. Что?
АРТЁМ. Ну сорок восемь лет. Одна комната. Не скучно?
Пауза.
АРКАДИЙ. Мне не бывает скучно. Мне бывает шумно.
Пауза.
АРТЁМ. Принял.
Он поправляет плед. ***САВЕЛЬИЧ*** *сидит, глядя в одну точку. И вдруг – с растущим профессиональным возмущением:*
САВЕЛЬИЧ. Так, стоп.
АРКАДИЙ. Что ещё.
САВЕЛЬИЧ. Стоп-стоп-стоп. Десять лет, вы сказали.
АРКАДИЙ. Десять.
САВЕЛЬИЧ. Так это вы?
АРКАДИЙ. Что я?
САВЕЛЬИЧ. Отзывы! Это вы десять лет писали: шаги, сырость, тревожно, странный мужчина в коридоре?

Сцена 10. Я их не писал

Пауза.
АРКАДИЙ. Я не писал никаких отзывов.
САВЕЛЬИЧ. Да ладно вам врать.
АРКАДИЙ. Мне незачем.
САВЕЛЬИЧ. А кто тогда?
АРКАДИЙ. Ваши гости.
Пауза.
АРКАДИЙ. Я стучал. Они писали.
САВЕЛЬИЧ. Прямо все?
АРКАДИЙ. Не все. Отзывы оставляет примерно каждый пятый. Но если человеку испортить ночь – напишет обязательно.
МАКС. А если не портить?
АРКАДИЙ. Тогда молчит. Довольные люди ничего не пишут. Уезжают и забывают.
Пауза.

САВЕЛЬИЧ. Так вот почему у нас за восемь лет ни одного нормального...
АРКАДИЙ. Три было. В марте.
САВЕЛЬИЧ. А что случилось в марте?
АРКАДИЙ. Меня здесь не было.
САВЕЛЬИЧ. Вы куда-то уезжаете?!
АРКАДИЙ. Иногда мне становится неинтересно.
*Пауза. **ЛАДА** делает шаг вперёд. Она наконец поняла, где находится.*
ЛАДА. Подождите.
АРКАДИЙ. Что.
ЛАДА. Вы десять лет специально делали так, чтобы люди жаловались на сырость, шаги и странного мужика?
АРКАДИЙ. Да.
ЛАДА. Регулярно. Каждый заезд.
АРКАДИЙ. По мере сил.
Пауза.
ЛАДА. Поэтому я и выбрала этот маяк.
Пауза. Долгая.
АРКАДИЙ. Что?
ЛАДА. Я целый месяц искала подходящий объект. Перерыла всё побережье. Мне нужно было место с отвратительной репутацией. И я его нашла: две звезды, сырость, шаги, «хозяин не выходит на связь», «атмосферно, но тревожно». Я как прочитала, сразу поняла: вот оно. Место, где ещё не научились врать.
АРКАДИЙ. Я вас отпугивал.
ЛАДА. А я именно ради этого и забронировала.
Пауза.
АРКАДИЙ. Я отпугивал вас десять лет.
ЛАДА. И сделали такую рекламу, какую я за всю свою практику не видела. Её за деньги не купишь. Такое можно только заслужить.
*Пауза. **АРКАДИЙ** отходит. Он не растерян – он пересчитывает.*
САВЕЛЬИЧ. Аркадий Фёдорович.
АРКАДИЙ. Не сейчас.
САВЕЛЬИЧ. Аркадий Фёдорович, я вам как местный скажу. У нас в посёлке нормальные гостиницы полупустые стоят. С завтраком, с парковкой, с чистым бельём. А сюда на три месяца вперёд не пробиться.
АРКАДИЙ. Почему?
САВЕЛЬИЧ. Потому что у них рейтинг: четыре запятая восемь звезд. А у нас две звезды и «странный мужчина».

Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Я вам больше скажу. Хозяин в прошлом году хотел ремонт затеять: всё побелить, окна нормальные поставить. Я ему говорю – делайте, конечно. А он прикинул что-то и говорит: «А не будет ли слишком скучно?».
Пауза.
АРКАДИЙ. Прямо так и сказал?
САВЕЛЬИЧ. Так и сказал.
МАКС. Понимаете, что вы наделали?
АРКАДИЙ. Я делал всё, чтобы им было на что жаловаться.
МАКС. Вы создавали атмосферу.
АРКАДИЙ. Какую?
МАКС. Тревожную.
Пауза.
***АРКАДИЙ** подходит к стойке. Кладёт руку на журнал.*
АРКАДИЙ. Сорок восемь лет. И всё, чего я добился, – что сюда теперь не пробиться.
*Пауза. **ЛАДА** говорит мягко, почти сочувственно, и от этого хуже.*
ЛАДА. Вы просто выбрали не тот инструмент. Плохие отзывы больше никого не пугают. Плохой отзыв – это значит, что место – настоящее.
АРКАДИЙ. А что тогда пугает?
ЛАДА. Скука.
Пауза.
АРКАДИЙ. Я не знаю, что такое скука. У меня есть только ночь.
Тишина. Слышно, как капает.
*И тут **АРТЁМ**, который всё это время смотрел в пол, поднимает голову.*
АРТЁМ. Слушайте...
ЛАДА. Не сейчас.
АРТЁМ. У вас книгу водой смывает.

Сцена 11. Вахтенный журнал

Все оборачиваются. Полоса воды дошла до стойки. Стойка стоит криво – одна ножка ушла в размокший настил. Большой журнал сползает к краю.
ЛАДА. Гостевую? Оставьте, потом высушат.
*Она даже не двигается. **АРТЁМ** привстаёт.*
АРТЁМ. Да она сейчас в воду уйдёт.

ЛАДА. Артём, у нас щиток заливает.
АРКАДИЙ *– уже у стойки.*
АРКАДИЙ. Осторожно, не так!
Он пытается поднять журнал – цепь коротка, стойка кренится. Он не может ни поднять её, ни оторвать цепь.
АРКАДИЙ. Савелий! Держите стойку.
Двое держат. ***МАКС*** *снимает.*
ЛАДА. Это всего лишь гостевая книга. Ей ничего не будет, обложка в плёнке.
АРКАДИЙ. Это не гостевая книга.
ЛАДА. А что тогда?
Пауза. Он держит стойку. Он знает, что сейчас скажет, и знает, чего это стоит.
АРКАДИЙ. Вахтенный журнал. Мой.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. В смысле «мой»?
АРКАДИЙ. С пятьдесят девятого по семьдесят восьмой. Мои смены.
САВЕЛЬИЧ. Настоящий?
АРКАДИЙ. Настоящий.
САВЕЛЬИЧ. Вот этот вот? На цепи? В который они пишут, что им «крипово»?
АРКАДИЙ. Вот этот.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. И хозяин разрешил туристам писать прямо поверх?
АРКАДИЙ. Не поверх. Там оставалось восемьдесят чистых страниц. Он посчитал.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Посчитал он...
АРКАДИЙ. Теперь понимаете?
Стойка кренится сильнее. Журнал уходит вниз, цепь натягивается.
САВЕЛЬИЧ. Не удержим! Ножка совсем ушла.
АРКАДИЙ. Снимайте цепь.
САВЕЛЬИЧ. Замок снизу, под настилом. Я сам его туда прятал, чтоб не перекусили.
АРКАДИЙ. Ну так снимайте.
САВЕЛЬИЧ. Там же вода!
АРКАДИЙ. Пётр Савельевич.
Пауза.
АРКАДИЙ. Там ваш замок. Ваш ключ. Снимайте.

Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Понял.
Он лезет в сумку, достаёт связку. Идёт к проёму, светит вниз. Останавливается.
САВЕЛЬИЧ. Так. Там воды по колено, и темень сплошная.
АРТЁМ. Давайте я фонарь подержу.
САВЕЛЬИЧ. Тут не держать надо! Мне нужно, чтоб свет падал прямо на руки. А я на спине лежать буду, замок-то снизу, обе руки заняты.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Заодно и слив открою, раз уж полез. Чтоб два раза не нырять.
***ЛАДА** всё это время не двигалась. Теперь она подходит к стойке. Смотрит на журнал. Осторожно приподнимает обложку.*
ЛАДА. Стоп.
Пауза.
ЛАДА. Настоящий журнал смотрителя.
АРКАДИЙ. Я так и сказал.
ЛАДА. Пятьдесят девятый год.
АРКАДИЙ. Отойдите.
Она не отходит. Она читает.
ЛАДА. «Ветер норд-вест, семь баллов. Видимость две мили. Огонь исправен».
Пауза.
ЛАДА. И так двадцать лет?
АРКАДИЙ. Девятнадцать. Пятьдесят девятый неполный.
ЛАДА. Гостям сюда больше писать нельзя.
АРКАДИЙ. Что?
ЛАДА. Высушить — и под стекло.
*Пауза. **АРКАДИЙ** очень медленно поворачивает к ней голову – так же, как в первом действии.*
АРКАДИЙ. Отойдите от журнала.
ЛАДА. Я его не трогаю.
АРКАДИЙ. Вы его уже трогаете.
Стойка кренится. Журнал уходит ещё ниже, обложка касается воды.
САВЕЛЬИЧ. Чего ждём-то?!
АРКАДИЙ. Идите!

САВЕЛЬИЧ. Да мне свет нужен! Нормальный, направленный! У меня фонарь ещё в апреле сдох, я его чисто от розетки гоняю, а розеток у нас больше нет!
Пауза. Все смотрят друг на друга.
*И потом все смотрят на **МАКСА**.*
Точнее – на камеру в его руках. С большим аккумулятором.

Сцена 12. Камера или свет

Пауза.
МАКС. В смысле?
САВЕЛЬИЧ. На камере батарея съёмная?
МАКС. Да.
САВЕЛЬИЧ. Мощная?
МАКС. Нормальная.
САВЕЛЬИЧ. К моему фонарю подойдёт. У меня переходник в сумке, я так на объектах третий год спасаюсь, когда свет вырубают.
Пауза.
МАКС. А камера?
САВЕЛЬИЧ. А камера отключится.
Пауза.
МАКС. То есть, либо я снимаю, либо вы видите, куда лезете.
САВЕЛЬИЧ. Да.
*Пауза. **МАКС** не двигается.*
ЛАДА. Макс.
МАКС. Помолчи.
ЛАДА. Ты же ради этого сюда приехал.
МАКС. Я сказал: помолчи.
*Пауза. Он смотрит на **АРКАДИЯ**.*
МАКС. Один вопрос.
АРКАДИЙ. Ну.
МАКС. Вы можете пройти сквозь стену?
Пауза.
АРКАДИЙ. Нет.
МАКС. А что можете?
АРКАДИЙ. Двигать тяжести. Стучать. Появляться и исчезать. Всё.
МАКС. Маловато.
АРКАДИЙ. Мне хватает.
Пауза.

МАКС. У меня на этой батарее записан весь вечер. Два смотрителя, причём один – не смотритель. Человек, который не щурится от яркого света. И линза в четыреста кило, которая сдвинулась на полметра на глазах у четверых свидетелей.
АРКАДИЙ. И что?
МАКС. А то, что я четыре года снимаю людей, которые торгуют чудесами. Четыре года. Все до единого – шарлатаны. И впервые в жизни у меня в кадре то, что я никак не могу объяснить.
Пауза.
АРКАДИЙ. Хотите, я пройду по комнате, а вы меня не увидите?
МАКС. Хочу.
АРКАДИЙ. И что вы тогда снимете?
Пауза.
МАКС. Пустую комнату.
АРКАДИЙ. Вот именно.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Макс. Журнал сейчас смоет.
Пауза. Долгая.
***МАКС** снимает камеру с плеча. Открывает отсек. Вынимает большой аккумулятор. Красная точка гаснет.*
*Отдаёт **САВЕЛЬИЧУ**.*
Пауза.
АРТЁМ. Ты вырубил камеру ради журнала?
МАКС. Да.
Пауза. Больше он ничего не говорит. Ставит камеру на пол, объективом в стену.
***САВЕЛЬИЧ** роется в сумке, находит переходник, ставит батарею в фонарь. Фонарь вспыхивает – ярко, по-рабочему, совсем не по-театральному.*
САВЕЛЬИЧ. О. Хорошая батарея.
Он берёт ключи, зажимает фонарь под мышкой и лезет в служебный проём. Видно только свет и ноги.
САВЕЛЬИЧ *(снизу)*. Стойку держите!
***АРКАДИЙ** и **АРТЁМ** держат. **ЛАДА** придерживает обложку журнала, чтобы не мокла.*
САВЕЛЬИЧ *(снизу)*. Так... вот он, родимый... Господи, кто ж его сюда саморезами...
Металлический звук. Долгая возня.
САВЕЛЬИЧ *(снизу)*. Тяните цепь!

Цепь ослабевает. ***АРКАДИЙ*** *поднимает журнал – обеими руками, тяжело, как поднимают вещь, а не реликвию.*
Снизу – резкий гулкий звук, потом шум уходящей воды.
САВЕЛЬИЧ *(снизу)*. Пошла!
Полоса воды на полу начинает медленно тянуться к проёму.
САВЕЛЬИЧ *вылезает – мокрый по грудь, с фонарём и ключами. Садится прямо на пол.*
САВЕЛЬИЧ. Всё. С утра просушим.
Пауза. Все смотрят на ***АРКАДИЯ*** *с журналом в руках.*
АРКАДИЙ. Спасибо.
САВЕЛЬИЧ. Да не за что.
АРКАДИЙ. Я вам. *(Смотрит на* ***МАКСА****).*
САВЕЛЬИЧ. Я понял.

Сцена 13. Под стекло

Тише. Воды на полу почти нет. Ветер за окном ослабевает – слышно, что шторм уходит. Фонарь стоит на стойке и светит в потолок.
АРКАДИЙ *сидит с журналом на коленях, открытым.* ***АРТЁМ*** *доедает холодную пиццу.*
АРТЁМ. Будет кто-нибудь ещё пиццу?
САВЕЛЬИЧ. Давай.
Он берёт кусок. Ест.
АРТЁМ. Она размокла совсем.
САВЕЛЬИЧ. Тут всё размокло.
ЛАДА *подходит к* ***АРКАДИЮ****. Садится рядом. Смотрит на страницы. Не трогает.*
ЛАДА. Журнал надо сушить, проложив бумагой. И никакого фена.
АРКАДИЙ. Я знаю.
ЛАДА. И писать в нём больше никто не будет.
АРКАДИЙ. Разумеется.
ЛАДА. Его место под стеклом.
Пауза.
АРКАДИЙ. Никакого стекла. Это рабочий журнал.
ЛАДА. Он и под стеклом останется журналом.
АРКАДИЙ. Нет.
Пауза. Она не спорит. Встаёт, отходит. Говорит уже не ему – ***САВЕЛЬИЧУ****.*

ЛАДА. Пётр Савельевич. Хозяин вообще понимает, что у него здесь настоящее?
САВЕЛЬИЧ. Хозяин понимает, что у него здесь протечка.
ЛАДА. Так скажите ему.
Пауза. ***САВЕЛЬИЧ*** *жуёт. Медленно перестаёт жевать.*
САВЕЛЬИЧ. Аркадий Фёдорович.
АРКАДИЙ. Что?
САВЕЛЬИЧ. Вы хоть понимаете, что сейчас произошло?
АРКАДИЙ. Я спасал журнал.
САВЕЛЬИЧ. Вы при четырёх свидетелях заявили, что это подлинный вахтенный журнал смотрителя маяка.
АРКАДИЙ. Заявил.
САВЕЛЬИЧ. С фамилией. С датами.
АРКАДИЙ. С датами.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Аркадий Фёдорович, с такой штукой он эту лавочку не прикроет.
Пауза.
САВЕЛЬИЧ. Он теперь ремонт проплатит. Раму эту злосчастную на северном окне наконец поменяет. Под ваш вахтенный журнал витрину закажет с подсветкой. И в объявлении первой строкой пустит.
ЛАДА. Не в объявлении. Просто перестанет прятать настоящее.
САВЕЛЬИЧ. Во-во. Прямо так и напишет.
Пауза.
АРКАДИЙ. Я спасал журнал.
САВЕЛЬИЧ. Спасли бизнес хозяина. Поздравляю.
Долгая пауза. ***АРКАДИЙ*** *закрывает журнал. Кладёт руку сверху.*
МАКС *(с пола, рядом с погасшей камерой)*. Слушайте.
САВЕЛЬИЧ. Ну?
МАКС. А если хозяину ничего не говорить?
Пауза.
ЛАДА. Нас четверо.
МАКС. И что?
ЛАДА. То, что промолчать может один. Двое – уже сложно. А четверо – это уже не тайна, это анонс.
Пауза.
АРТЁМ. Да я вообще никому не скажу.
САВЕЛЬИЧ. Ты первый и расскажешь.
АРТЁМ. Это почему ещё?

САВЕЛЬИЧ. Потому что завтра на смене спросят, где ты ночью пропадал.
Пауза.
АРТЁМ. Ну да.
Он смотрит в потолок.
АРТЁМ. «Был на маяке. А там потоп и покойник».
САВЕЛЬИЧ. Вот именно.
АРТЁМ. А что, не так, что ли?
САВЕЛЬИЧ. Так. В том-то и беда, что так.
Пауза. ***АРКАДИЙ*** *сидит неподвижно, с журналом.*
ЛАДА *(тихо, ему)*. Могли бы и промолчать.
АРКАДИЙ. Не мог.
ЛАДА. Могли. Намок бы, потом высох. Через месяц никто бы и не вспомнил.
АРКАДИЙ. Не высох бы. Там чернила.
Пауза. За окном заметно светлее. Ветер почти стих.
ЛАДА. Шторм уходит.
САВЕЛЬИЧ. К шести дорогу откроют.
АРТЁМ. О. Отлично.
Он встаёт, разминает ноги, идёт к своей мокрой куртке.
АРТЁМ. Ну, хоть заказ закрою.

Сцена 14. Пять звёзд

Раннее утро. Серый свет. Комната после катастрофы: мокрый пол, заклиненное окно, сдвинутая линза, кривая стойка. ***АРКАДИЙ*** *стоит у стены с журналом.* ***САВЕЛЬИЧ*** *сматывает удлинитель.* ***ЛАДА*** *собирает свечи.* ***МАКС*** *укладывает мёртвую камеру в чехол.*
АРТЁМ. Связь появилась.
САВЕЛЬИЧ. Быстро.
АРТЁМ. Одна палка. Хватит.
Копается в телефоне. Убирает.
АРТЁМ. Всё. Заказ закрыл.
МАКС. А код?
АРТЁМ. Я поставил «клиент недоступен».
МАКС. Так я же был доступен.
АРТЁМ. Ты был в ящике. В заложниках.
Пауза.
МАКС. Логично.

***ЛАДА** открывает ящик, отдаёт **МАКСУ** телефон. Он берёт не глядя, прячет в карман.*
ЛАДА. Двенадцать часов не вышло.
МАКС. Одиннадцать с половиной.
Пауза.
ЛАДА. Одиннадцать с половиной.
МАКС. Из двенадцати.
ЛАДА. Я поняла, Макс.
Пауза. Она застёгивает сумку.
ЛАДА. Отзыв напишешь?
МАКС. Напишу.
ЛАДА. Я тебя ни о чём не прошу.
МАКС. Я знаю.
Он садится на подоконник, достаёт телефон, но в него не смотрит – смотрит в комнату. И начинает вслух подбирать слова. Не для кого-то – для себя, словно пробуя фразы на слух.
МАКС. Так. «Приехал на ретрит».
Пауза.
МАКС. Нет. «Приехал на выходные».
Пауза.
МАКС. «Приехал на выходные. Ночью вырубило свет. Затопило служебку. Отопление не работало».
САВЕЛЬИЧ. Котёл-то работал.
МАКС. «Отопление работало на минимуме по просьбе организатора».
САВЕЛЬИЧ. Вот. Так-то честнее.
МАКС. «Северное окно вырвало ветром. Раму не меняли сорок лет».
САВЕЛЬИЧ. Сорок один.
МАКС. «Сорок один. Персонал толком не предупредил».
САВЕЛЬИЧ. Я же предупреждал!
МАКС. «Персонал предупреждал, но так, что ничего не поймёшь».
САВЕЛЬИЧ. Вот это уже точнее.
Пауза.
МАКС. «Ночью по дому бродит посторонний».
***АРКАДИЙ** отрывается от журнала. Слушает.*
МАКС. «Организатор наняла местного, чтобы он изображал бывшего смотрителя. Вскрылось через пару часов».
ЛАДА. Это обязательно?
МАКС. Обязательно.

ЛАДА. Ладно.
МАКС. «Спать было невозможно. Еда промокла. Дорогу размыло. Уехать было нельзя».
АРКАДИЙ *делает шаг вперёд. В нём впервые за всю ночь что-то оживает.*
АРКАДИЙ. Вот. Вот так все и пишите.
МАКС. Я так и пишу.
АРКАДИЙ. Про раму – отдельно. Прямо подробно, с годом.
МАКС. Уже.
АРКАДИЙ. И напишите, что хозяин на связь не выходит.
МАКС. Он и не выходил.
АРКАДИЙ. Ну вот так и пишите.
Пауза. ***МАКС*** *дописывает. Читает про себя. Кивает.*
МАКС. «Незабываемо. Пять звёзд».
Короткая пауза.
АРКАДИЙ. Что?
МАКС. Пять звёзд.
АРКАДИЙ. Вы же только что перечислили...
МАКС. Я перечислил факты. А звёзды ставят не за факты. Звёзды – за то, буду ли я об этом рассказывать.
Пауза.
МАКС. Да я об этом до конца жизни буду рассказывать.
Он убирает телефон.
ЛАДА *– ровно, без торжества, просто фиксируя факт:*
ЛАДА. Вот так ты и получил ценный опыт.
Пауза.
Снаружи шум подъехавшей машины. Хлопают двери. Голоса – громкие, весёлые, люди с раннего парома.
САВЕЛЬИЧ *(глядя в окно)*. О. Следующие жильцы приехали.
ЛАДА. Уже?
САВЕЛЬИЧ. Заезд с восьми. Я вам вчера говорил: корпоратив, двенадцать душ. Хозяин ни дня не пропускает, всё наперёд расписано.
ЛАДА. Сюда? После всего этого?
САВЕЛЬИЧ. Так они же понятия не имеют, что здесь было.
Голоса приближаются. Смех.
ГОЛОС ПЕРВЫЙ *(за дверью)*. Это здесь тот самый бывший маяк?
ГОЛОС ВТОРОЙ. Тут-тут, я по фоткам узнаю.
ГОЛОС ПЕРВЫЙ. Народ, осторожнее, тут скользко!
ГОЛОС ТРЕТИЙ. Сначала колонку занесите!

Пауза. ***АРКАДИЙ*** *очень медленно поворачивает голову к двери.*
ГОЛОС ВТОРОЙ. А призрак где?
Стук в дверь.
САВЕЛЬИЧ *смотрит на* ***АРКАДИЯ****.* ***ЛАДА*** *смотрит на* ***АРКАДИЯ****.* ***МАКС*** *и* ***АРТЁМ*** *смотрят на* ***АРКАДИЯ****.*
Стук повторяется.
Это его дом. Открывать ему.
АРКАДИЙ *кладёт журнал на кривую стойку. Идёт к двери. Открывает.*
ГОЛОС ВТОРОЙ. Ой, здрасьте! А правда, что у вас тут призрак водится?
Пауза.
АРКАДИЙ. Призрак съехал. *(Приподнимается на цыпочки, чтобы получше рассмотреть приехавших)*. Но ради вашей компании обещал вернуться.

ЗАНАВЕС.

Батуми – Алматы, 2026

ДВЕ ВДОВЫ

Траурная комедия в одном действии



Действующие лица

МАРИНА, 53 года. Жена Андрея. Организует вечер его памяти.
ЛАЙМА, 49 лет. Приехала из Клайпеды. Говорит по-русски свободно, без акцента.
ВИКТОР ПАВЛОВИЧ, 55 лет. Друг Андрея, его адвокат и душеприказчик. Совладелец яхт-клуба. Не женат.

Место и время действия

Калининград. Кабинет Виктора Павловича в здании яхт-клуба. Наши дни, будний вечер в ноябре. За стеной – только неразборчивый шум, звуки подготовки к вечеру памяти Андрея, иногда музыка.
В кабинете стоит стол с телефонным аппаратом, три стула, вешалка, окно, дверь в коридор, ведущий в зал. На столе большая картонная коробка с вещами. У стены – мемориальная доска под чёрной бархатной тканью. На вешалке в углу – пальто и дамская сумочка Лаймы.
Действие идёт непрерывно. Разделение на эпизоды условно и не предполагает остановок, затемнений или смены света между ними.

1. Речь Виктора

За стеной расставляют мебель. Виктор стоит над раскрытой коробкой, поглядывая в раскрытую папку. Лайма в шляпке с траурной вуалью стоит у окна спиной к Виктору. Между ними – пустой стул; никто его не передвигает.

ВИКТОР *(читает).* «В этот скорбный час, когда мы вспоминаем покойного Андрея, примерного семьянина и верного мужа, мы всё же не должны забывать ту редкую удачу, которая определила всю его судьбу. Не каждому мужчине выпадает счастье прожить всю свою жизнь рядом с одной любимой женщиной».

Лайма поворачивается от окна к Виктору и начинает медленно аплодировать. Три одиноких хлопка.

ЛАЙМА. Извините, не сдержалась.

ВИКТОР. Я понимаю. Я ещё не могу выбрать, где сделать паузу. После «счастья» она как будто нужна, но тогда «женщина» повисает в воздухе.

ЛАЙМА. Оставьте паузу после женщины. Женщины к этому привычные.

ВИКТОР. Лайма, это всё-таки не обычное выступление. Не надгробная речь. Глупо произносить надгробную речь, когда нет гроба. Поэтому людям нужно будет что-то услышать. Не перечень заслуг, не всем известные даты. Нет. Нужно нечто такое, что они смогут унести с собой.

ЛАЙМА. А коробку с вещами кто унесёт?

ВИКТОР. Вещи передали с судна. Последние личные вещи Андрея.

ЛАЙМА. Вы над ними выступаете так, как будто перед вами гроб.

ВИКТОР. Увы. Мы все подспудно ожидаем гроба и похорон сегодня. А будет только памятный вечер.

Он закрывает папку и кладёт её на край стола. Лайма снова поворачивается к окну.

ЛАЙМА. Окно открывается?

ВИКТОР. Лучше не надо. Ноябрь. Тут с воды такой ветер, что бумаги сразу оказываются в коридоре.

ЛАЙМА. Хорошо, не буду.

ВИКТОР. Вам душно?

ЛАЙМА. Нет.

Снова поворачивается к нему. Виктор смотрит на пустой стул между ними.

ВИКТОР. Вы думаете, мне просто будет начать? Выйти к людям, с которыми мы вместе сидели, спорили, провожали Андрея в море. Посмотреть туда, где он всегда устраивался, и увидеть чужие колени. Кто-нибудь ведь займёт его место. Сядет, потому что свободно. А я должен буду не сбиться на этом.
ЛАЙМА. Можете заранее посмотреть, кто туда сел.
ВИКТОР. Я не о подготовке зала.
ЛАЙМА. Тогда не знаю. Я никогда не выступала о нём перед людьми. Обычно он говорил сам, я стояла рядом. Если кто-то не понимал, кто я, Андрей говорил: «Это Лайма». Как будто у меня должность такая. Больше никто не уточнял.
Долгая пауза.
ВИКТОР. Надеюсь, Марина не задержится. Я попросил её прийти раньше гостей.
ЛАЙМА. Она знает, что я здесь?
ВИКТОР. Я сказал, что вы приедете.
ЛАЙМА. Тогда почему вы всё время смотрите на дверь?
ВИКТОР. Потому что она уже должна прийти. Мы могли бы пока спокойно посидеть.
ЛАЙМА. Давайте посидим.
Берёт стул, ставит его к столу и садится, не снимая шляпки с вуалью.
ЛАЙМА. Сколько у нас времени до вашей речи?
ВИКТОР. Через полтора часа открытие мемориальной доски Андрея. Сам памятный вечер начнётся чуть раньше, в зале за этой стеной. Никуда ехать или идти по улице не понадобится. Я специально выбрал место, где можно поговорить спокойно, без спешки.
За стеной что-то с грохотом падает. Виктор стоически выдерживает паузу.
ЛАЙМА. Спокойно, да. Через полтора часа, за стеной. Я поняла.
ВИКТОР. Времени достаточно, если не тратить его на взаимное недоверие.
ЛАЙМА. Она ещё не пришла.
ВИКТОР. Я не только о ней.
Звонит телефон. Виктор берёт трубку.
ВИКТОР. Да. Нет, по краям обычные стулья… Одно кресло для вдовы. Одно. Пока одно… Что значит «пока»? Пока вы расставляете… Нет, переставлять потом не надо. Спросите у Марины, она утверждала. Только не сейчас. Она ко мне идёт.

Он кладёт трубку осторожнее, чем взял.
ЛАЙМА. Кресло обязательно?
ВИКТОР. У него подлокотники. Марина предпочла, чтобы можно было… В общем, это её решение.
ЛАЙМА. Удобно, когда есть за что держаться.
ВИКТОР. Не начинайте заранее.
ЛАЙМА. Я сижу. Вы стоите и нервничаете. Заранее начинаете вы.
Виктор садится. Лайма поворачивается к укрытому предмету у стены.
ЛАЙМА. А это что?
ВИКТОР. Доска. Мемориальная. Пока у меня, чтобы в зале никто не задел. Потом вынесут.
ЛАЙМА. Под тканью – доска. В коробке – вещи покойного. На краю стола – ваша надгробная речь. Где мы будем разговаривать? На кладбище?
ВИКТОР. Здесь. Сейчас. Марина уже на подходе.
Виктор ещё раз открывает папку с речью.
ВИКТОР. «Не каждому мужчине выпадает счастье…»

2. Кто эта женщина?

Входит Марина в пальто и в шляпке с траурной вуалью, в руке – чёрный клатч. Открытая дверь впускает более отчётливый шум подготовки. Марина ждёт, пока за порогом освободят проход, и закрывает дверь.
МАРИНА. Стол с цветами поставили поперёк прохода. Я просила вдоль.
ВИКТОР. Добрый вечер, Марина.
МАРИНА. Добрый. Попросила повернуть. У тебя здесь не пахнет краской.
ВИКТОР. Здесь ничего не красили.
МАРИНА. И слава богу. Доска не у батареи?
ВИКТОР. Как видишь, у стены.
МАРИНА. Ткань не снимать. В зал понесут вместе с ней. Я сама скажу, когда снять.
Виктор помогает Марине снять пальто и повесить его на вешалку рядом с пальто Лаймы. Клатч Марина оставляет при себе. Только теперь она поворачивается к Лайме. Та встаёт.
МАРИНА. Здравствуйте.

ЛАЙМА. Здравствуйте. Лайма.
МАРИНА. Марина. Очень приятно. Хорошо доехали?
ЛАЙМА. Доехала.
МАРИНА. Виктор Павлович сказал: «Надо поговорить из-за одного человека из Литвы и последних вещей Андрея». По телефону это прозвучало так, будто человек тоже в коробке.
ВИКТОР. Я сказал: прийти пораньше.
МАРИНА. Я пришла. Вы от литовских партнёров Андрея?
ЛАЙМА. Из Клайпеды.
МАРИНА. Да, конечно. Простите, я сегодня всё время что-нибудь уточняю. У вас вуаль чёрная. Простите ради бога. У вас тоже траур?
ЛАЙМА. Да. В одночасье не стало человека, которого я называла мужем.
МАРИНА. Соболезную. Вы уже прошли через всё это? *(Делает неопределённый жест рукой, охватывающий все приготовления к памятному вечеру.)*
ЛАЙМА. Нет, но…
МАРИНА. А вы не хотите тоже сказать пару слов про Андрея? Что память о нём живёт не только здесь, в Калининграде, но и в Литве, в Клайпеде…
ВИКТОР. Лайма не готовила выступления. Я просил её приехать для разговора. Мы должны сначала закончить с делами здесь, а потом уже решать, кто будет говорить перед людьми. Иначе нам опять придётся возвращаться к тому, что можно было выяснить заранее.
ЛАЙМА. От себя я могу сказать и без подготовки. Вопрос в том, хотите ли вы услышать? Обычно достаточно сказать, сколько мы с человеком были знакомы, а дальше люди уже сами спрашивают, что их интересует.
МАРИНА. Как раз вот этого лучше не надо. Воспоминания начинаются и не кончаются. Я всем сказала: говорите главное. Андрей не любил затянутости.
ЛАЙМА. Некоторые вещи он затягивал.
МАРИНА. Рабочие, вероятно. В домашние я его с этим не пускала.
Виктор встаёт. Марина ждёт, что он скажет. Он поднимает коробку и не знает, куда её деть.
МАРИНА. На пол поставь.
ВИКТОР. Это всё-таки его вещи.
МАРИНА. Они приехали с судна. Паркет в твоём кабинете их не оскорбит.

Виктор ставит коробку на пол рядом с собой.
ЛАЙМА. Я не была на похоронах. Простите.
МАРИНА. Никто не был. Похорон не было.
ЛАЙМА. Совсем?
МАРИНА. Хоронить нечего. Его не нашли.
ВИКТОР. Искали четверо суток. Пограничники, спасатели, наш клуб на двух катерах. Потом прекратили.
МАРИНА. Надо было перегнать клубный катер в Пионерский, на зимнюю стоянку. Вокруг полуострова, одна ночь. Ночью начался шторм, он вышел на палубу. Вахтенный видел, как он выходил. Как возвращался – не видел никто.
ЛАЙМА. Мне позвонили на третий день.
МАРИНА. Всем звонили на третий день. Когда перестали надеяться.
ВИКТОР. Катер пришёл без него. Капитан сложил вещи из каюты в коробку. Вот в эту. Свидетельства о смерти нет. Пока человека не нашли, по закону он пропал без вести. Умершим его объявит суд – не раньше чем через полгода.
МАРИНА. Полгода я буду женой пропавшего без вести. Ни жена, ни вдова. Девять дней – и то не знала, от какого числа считать.
ЛАЙМА. Я тоже не знала.
МАРИНА. Вы?
ЛАЙМА. Никто не знает. Если человека не нашли.
МАРИНА. Мне предлагали похоронить пустой гроб. Положить туда его серый костюм. Я сказала: костюм я хоронить не буду.
ЛАЙМА. Правильно. Он бы в нём не лёг.
МАРИНА. Вот и я так сказала.
ВИКТОР. Лайма, вы, кажется, торопились.
ЛАЙМА. Уже нет. Вы быстро всё устроили. За три недели.
МАРИНА. А что, ждать полгода, пока суд разрешит считать его мёртвым? Людям нужно проститься сейчас. Раз хоронить нечего – пусть приходят сюда.
ВИКТОР. Вместо похорон – мемориальная доска. Перегон был клубный. Катер наш. Марина добилась, чтобы доску сделали за три недели.
ЛАЙМА. Значит, прощаются сегодня. В первый раз.
МАРИНА. В первый и в последний. Поэтому всё должно быть как следует.
Марина отворачивается от коробки и поправляет вуаль.
МАРИНА. Давно вы работали с Андреем?
ЛАЙМА. Давно.

МАРИНА. Последнее время он мало говорил. Приедет – «всё нормально». Уедет – «всё нормально». Не хотел приносить домой дела.
ЛАЙМА. А теперь приходится выяснять, что именно было нормально. Мне тоже говорил: всё устроено. Я думала, раз он вернулся спокойный, значит, действительно устроено. Спросишь ещё раз – получится, что не доверяешь.
ВИКТОР. Вот именно об одном обещании нам и необходимо…
Звонит телефон. Марина мгновенно берёт трубку; Виктор даже не успевает убрать руку с коробки.
МАРИНА. Да, я здесь. Добрый вечер, спасибо вам… Белые оставьте у стены. Всё, что яркое, пока не ставьте. Да, я понимаю, они уже привезли. Я благодарна… Нет, пожалуйста, без синего света. Он его не любил… Он был моряком. Не надо подсвечивать его память аквариумными лампами. Спасибо. Да, очень хорошо.
Кладёт трубку. Лицо снова неподвижно.
ВИКТОР. Синий не любишь ты.
МАРИНА. Не уточняй. До сих пор цветы не разгружены. Виктор, давай к делу.
ВИКТОР. Вопрос, в известном смысле, не совсем деловой.
МАРИНА. Тем более. Лайме, возможно, ещё ехать.
ЛАЙМА. Возможно.
МАРИНА. Вы с передачей вещей помогли? Спасибо. Я слышала, их сложно было получить.
ЛАЙМА. Я не передавала. Я за ними пришла.
ВИКТОР. Марина, мне было важно, чтобы вы познакомились прежде, чем начнётся вечер. Есть некоторая деликатность, которую лучше обсудить здесь.
МАРИНА. Мы познакомились. Но ты вечно всё затягиваешь. Деликатность в том, что я не понимаю, зачем ты меня позвал сюда знакомиться с посторонней женщиной, иностранкой. Простите, Лайма. Она даже не выступит на вечере с речью. Объясни, почему она здесь.
ЛАЙМА. Да, я тоже хотела бы услышать, как вы это объясните.
Виктор нагибается к коробке.

3. Портмоне наизнанку

Виктор вынимает большое портмоне. Коричневое. Кладёт перед Мариной.
МАРИНА. Его дорожное портмоне. Я думала, оно дома.

Она придвигает портмоне, открывает привычной стороной. Смотрит внутрь; потом начинает вынимать содержимое, называя каждый предмет.

МАРИНА. Расчёска. Запасной шнурок. Всё с собой. Обувь давно другая, а шнурок всё возил. Наша фотография. Деньги. Две банковские карты. Бумажные рубли и какие-то копейки. А где паспорт? Без паспорта пограничники в море не выпускают.

ВИКТОР. Паспорт и судовой билет остались при нём. Капитан сказал, документы он держал во внутреннем кармане штормовки, в которой вышел на палубу.

МАРИНА. Документы застегнул на груди, а портмоне со шнурком выложил на стол в каюте. Всё как всегда.

ВИКТОР. Ты всё оттуда вытащила?

Марина ещё раз проверяет внутренность портмоне.

МАРИНА. Да.

ЛАЙМА. Нет.

МАРИНА. Здесь осталось что-то ваше, Лайма? Скажите что. Я не собираюсь держать чужую вещь только потому, что она случайно оказалась у моего мужа.

ЛАЙМА. С этой стороны нет.

МАРИНА. С другой стороны карман плоский. Там ничего не помещается.

Виктор берёт портмоне, но не поднимает. Ладони лежат на нём.

ВИКТОР. Марина, я должен был сначала поговорить. Без вещей. Здесь получилась неправильная последовательность.

МАРИНА. У тебя весь вечер неправильная последовательность. Ты уже полчаса собираешься начать.

ЛАЙМА. Выверните портмоне.

ВИКТОР. Сейчас. У меня край застревает. Одной рукой не получается, надо обеими расправить… Не тяните, я сам.

Виктор медленно выворачивает портмоне. Ему приходится освободить застрявший край; Лайма смотрит на Марину. Коричневая кожа уходит внутрь. Чёрная кожа оказывается снаружи. Виктор кладёт перед Мариной как будто другую вещь.

Марина убирает руку со стола, чтобы ей не положили портмоне на пальцы.

МАРИНА. Чёрное.

ЛАЙМА. Да.

МАРИНА. То есть снаружи теперь чёрное. Не подкладка.

ВИКТОР. Оно выворачивается наизнанку. Теперь смотри, что там внутри.

Марина осторожно заглядывает внутрь портмоне и начинает вытаскивать содержимое.

МАРИНА. Ещё одна расчёска. Деньги. Не рубли, евро. Купюры и мелочь. Какие-то ключи. Банковская карта. С его фамилией. Банк литовский – я видела его рекламу. Фотография.

Марина долго смотрит на фотографию, потом переводит взгляд на Лайму.

ЛАЙМА. Да, это мы с Андреем. Три года назад, в Клайпеде.

Пауза. Марина проверяет, всё ли вытащила из портмоне. Откладывает в сторону, смотрит на две кучи предметов из разных сторон портмоне. Затем снова берёт портмоне в руки.

МАРИНА. Значит, у вас оно было таким. Чёрным.

ЛАЙМА. У меня было таким.

МАРИНА. То есть вы жили с моим мужем. У него в Клайпеде было место, где он выворачивал портмоне чёрной стороной и жил с вами.

ЛАЙМА. Да.

Лайма встаёт. Марина не предлагает ей сесть.

ЛАЙМА. Мы с Андреем жили вместе. В Клайпеде. Девятнадцать лет.

Марина кладёт портмоне на стол, затем закрывает открытую коробку одним клапаном. Другой остаётся торчать. Она смотрит на него, как будто пытается вспомнить, что с ним делают.

МАРИНА. Девятнадцать лет.

ЛАЙМА. Да.

Марина снимает с головы шляпку с вуалью и осторожно кладёт на стол.

МАРИНА. Не надо мне сейчас рассказывать, как вы познакомились. И как он называл вас дома. Это тоже пока не нужно.

ЛАЙМА. Хорошо.

МАРИНА. Но как он…

Поворачивается к Виктору.

МАРИНА. Ты знал?

ВИКТОР. Марина!

МАРИНА. Ты знал.

Смотрят друг на друга в упор, Виктор выдерживает её взгляд.

МАРИНА. Ей ты уже всё рассказал? До моего прихода?

ВИКТОР. Лайма приехала раньше.

МАРИНА. Понятно. Одной сначала объяснил, другой – фокус с фотографиями.
ЛАЙМА. Оставьте.
Лайма тоже снимает с головы шляпку с вуалью и осторожно кладёт на стол.
ЛАЙМА. Коричневое стало чёрным. Если убрать портмоне со стола, оно не перестанет выворачиваться.
Лайма садится. Никто не двигается. За стеной коротко проверяют микрофон: сухой треск, затем тишина.
МАРИНА. У меня цветы не разгружены.
ВИКТОР. Я понимаю.
МАРИНА. Ты не понимаешь. Там людям сказали, что я сейчас выйду. Я сейчас должна выйти и решить, в какую сторону поставить белые цветы. Они ждут моего лица. Не твоих объяснений. Моего обычного лица.
Она касается щеки тыльной стороной ладони.
МАРИНА. Для чего ты нас собрал? Кроме знакомства.
ВИКТОР. Я – душеприказчик Андрея. Сто тысяч евро – твои, Марина. Это стоимость доли Андрея в клубе. Мы с ним так записали в уставе: если с одним из нас что-то случится, доля остаётся клубу, а семье выплачивают её стоимость.
МАРИНА. Значит, клуб теперь твой.
ВИКТОР. Будет мой. Деньги – твои. По бумагам и то и другое – только через полгода, после суда. Ждать тебе незачем. Плачу сейчас. Своими.
Виктор достаёт из ящика стола плотный запечатанный банковский пакет и кладёт перед Мариной.
МАРИНА. Ты держишь в кабинете сто тысяч евро наличными?
ВИКТОР. Держал последние три недели. Как раз для этого момента.
МАРИНА. Это он так распорядился?
ВИКТОР. Он просил уговорить тебя отдать половину Лайме. Заставить тебя нельзя. Юридически прав на эти деньги у Лаймы нет.
ЛАЙМА. Прав нет. Есть его просьба.
МАРИНА. Почему ты сам не поделил без меня? Два конверта – и никто ни о ком не знает.
ВИКТОР. Ты бы всё равно узнала точную стоимость его доли. По уставу все сто тысяч проходят через тебя. Выдать тебе половину и сделать вид, что доля стоила пятьдесят, я не мог.
МАРИНА. А он сам? При жизни.

ВИКТОР. При жизни свободных ста тысяч у него не было – только доля в клубе. Когда он завёл разговор на случай «если что-то случится», я предлагал ему оформить бумагу заранее, на два конверта.
ЛАЙМА. А он?
ВИКТОР. Отмахнулся. Сказал: «Двадцать лет я за них всё решал. Пусть на этот раз встретятся и решат сами».
МАРИНА. То есть рассказать нам друг о друге он поручил тебе?
ЛАЙМА. Он хотел, чтобы мы познакомились.
МАРИНА. Он хотел, чтобы кто-нибудь познакомил нас вместо него.
Марина берёт пакет. Не открывает. Раскрывает клатч и пробует убрать пакет туда. Пакет не входит.
МАРИНА. Не войдёт.
ВИКТОР. Можно убрать в ящик. До конца вечера.
МАРИНА. Пусть лежит на столе. У меня на виду.
Кладёт пакет на стол и защёлкивает клатч. Портмоне отодвигает от себя; Виктор его не забирает.
МАРИНА. Сто тысяч евро – мне. А дальше ты должен был уговорить меня.
ВИКТОР. Да.
МАРИНА. Ты блестяще подготовился.
ВИКТОР. Он просил перед последней поездкой. Разговор был со мной. Я обязался хотя бы поставить тебя в известность.
МАРИНА. Программу-минимум ты выполнил. Что ещё я должна узнать до того, как выйти к цветам?
ВИКТОР. Больше ничего такого.
МАРИНА. Ты точно уверен? Может, что-то ещё осталось в коробке? Ещё один чёрный факт его биографии.
ЛАЙМА. Или коричневый.
МАРИНА. Лайма, а вам он что сказал?
Лайма отвечает не сразу. Встаёт, подходит к окну, берётся за ручку. Не открывает. Возвращается к столу.
ЛАЙМА. Что позаботился обо мне. И что Виктор знает. Я не спрашивала, как он это устроил. Он сказал: если со мной что-нибудь случится, обратись к Виктору, заберёшь деньги за долю в клубе. Я обратилась. Виктор попросил приехать сюда, к началу вечера. Я не думала, что будут какие-то препятствия.
МАРИНА. Теперь есть.
ЛАЙМА. Теперь есть вы. Мне тоже приходится привыкать. Когда человек говорит «я позаботился о тебе», я совсем не ожидаю, что в конце

концов придётся спросить разрешения у незнакомой женщины. Вы меня не ждали. Я тоже не ждала, что под его обещанием нужна ваша подпись.
ВИКТОР. Да, у него действительно была такая просьба.
МАРИНА. Просьба ко мне. Не распоряжение. Я могу отказать.
ВИКТОР. Можешь.
МАРИНА. И тогда все сто тысяч остаются у меня.
ВИКТОР. Да.
Виктор возвращает коричневую сторону наружу. Снова расправляет застрявший край, кладёт портмоне на стол. Лайма садится напротив Марины.
МАРИНА. Теперь я вас слушаю, Лайма.
ЛАЙМА. Я ещё ничего не предложила.
МАРИНА. Я заметила. Вы до сих пор только присутствуете.
ЛАЙМА. Пока да.

4. Вахтовый метод

Некоторое время никто не начинает. Марина ждёт от Лаймы продолжения. Лайма ждёт вопроса.
МАРИНА. Девятнадцать лет. Вы точно сказали?
ЛАЙМА. Точно.
МАРИНА. Не девятнадцать отдельных приездов?
ЛАЙМА. Лет. Если будете спрашивать по приездам, я не все помню. Я их не отмечала. Когда человек уезжает и возвращается, сначала помнишь каждый раз. Потом помнишь, что опять надо передвинуть свои дела на другие даты.
МАРИНА. У нас с Андреем тридцать лет совместной жизни. Девятнадцать лет туда никак не вставляются. Даже если потеснить лето.
ВИКТОР. Не обязательно сейчас восстанавливать всю хронологию. Там, конечно, обнаружатся совпадения, но разве вам станет легче от того, что вы установите каждое?
ЛАЙМА. Легче не обязательно. Хоть понятно станет. В конце сентября он был у вас?
МАРИНА. Дома.
ЛАЙМА. Он сказал, его задержали в Калининграде из-за погоды.
МАРИНА. Сентябрь был сухой. Он мне на балконе окно чинил. Долго. Как раз до дождей.
ЛАЙМА. Значит, всё-таки из-за погоды.

МАРИНА. Вы меня утешаете?
ЛАЙМА. Нет. Просто уточняю про окно. У меня на кухне третью зиму дует. Он обещал посмотреть.
МАРИНА. Заклейте на зиму.
Лайма почти отвечает, но оставляет это без ответа.
МАРИНА. А в мае? В последнем.
ЛАЙМА. У меня. До середины месяца.
МАРИНА. Он был в море. Потом пришёл и сказал, что отвык спать на неподвижной кровати.
ЛАЙМА. У меня кровать к полу прибита.
МАРИНА. Верю. Не надо подтверждать. Новый год?
ЛАЙМА. Какой?
МАРИНА. Вот именно.
ЛАЙМА. Последний – у вас? Значит, у меня предыдущий. Он приехал уже после праздника. Сказал, ничего специально делать не надо. Я ничего не сделала. Он снял пальто, прошёл на кухню и остановился. Всё ещё в ботинках. Ждал, пока я догадаюсь, что он голодный.
МАРИНА. Возле холодильника.
ЛАЙМА. Да. Не открывал. Я спросила: будешь есть? Он удивился, что я вообще спрашиваю. Только что сам сказал не готовить. Пришлось разогревать то, что осталось. Это считалось, что я не готовилась, а он не требовал.
МАРИНА. У меня обижался на зимний салат. Что я второй раз не сделала. Я уже отпраздновала, а он приехал. Надо было снова начинать готовить.
ВИКТОР. Первый был хороший.
МАРИНА. Ты-то всегда успевал.
ВИКТОР. Он всё-таки очень старался успеть к праздникам.
МАРИНА. К обоим.
ЛАЙМА. Седьмого марта он был у вас?
МАРИНА. Приехал вечером. Сказал, успел перед выходом в море.
ЛАЙМА. От меня уехал утром. Сказал, выход перенесли. Я не стала провожать до двери, он вернулся в комнату. Спросил, слышала ли я, что он уходит. Как будто с первого раза не получилось.
МАРИНА. У меня стоял в дверях. Ни уйти, ни вернуться. Ты уже попрощалась, а он всё ещё вспоминает, чего не взял.
ВИКТОР. Это необязательно связано с вами. Андрей и со мной мог попрощаться, потом вернуться и ещё что-нибудь спросить. Он не всегда был организован.

ЛАЙМА. По-моему, вполне был. Вам он звонил по утрам?
МАРИНА. Да. Я ещё не проснулась, он уже поговорил. «Я же звонил».
ЛАЙМА. Мне вечером. Спрашивал, всё ли хорошо. Если хорошо, ему больше нечего было уточнять. Если нехорошо, говорил: вернусь – посмотрю. Потом приезжал и не помнил, на что смотреть. Я показывала. Прямо стояла возле вещи, пока он не посмотрит. Он говорил, зачем я так волновалась из-за пустяка.
МАРИНА. Я перестала напоминать. Он сказал, что я стала спокойнее.
Виктор открывает рот, собирается возразить и вместо этого спрашивает совсем другое.
ВИКТОР. Послушайте. Он всем говорил, что работает в море вахтовым методом. А в море он вообще бывал?
Обе молчат. Виктор уже готов забрать вопрос назад.
МАРИНА. Вахтовым методом он был женат.
Лайма смеётся. Марина не сразу, но тоже. Смех короткий, неприлично свободный для этой комнаты. Виктор с облегчением присоединяется. Обе сразу перестают. Виктор досмеивается один.
МАРИНА. Тебе особенно смешно?
ВИКТОР. Нет. То есть формулировка…
МАРИНА. Один раз всё-таки бывал.
ЛАЙМА. Одну ночь.
МАРИНА. А деньги? Он привозил вахтовые. Каждый месяц.
ЛАЙМА. Мне тоже. Двадцать пятого числа.
МАРИНА. Мне пятого.
ВИКТОР. Клуб выплачивал ему его долю. Наличными, раз в месяц. Как он распоряжался деньгами дальше, я не спрашивал.
ЛАЙМА. Значит, сейчас мы делим его вахтовые.
Снова слышно, что за стеной готовятся к вечеру. Лайма поворачивается к Марине.
ЛАЙМА. Мне нужны сто тысяч евро. Вся сумма. И тогда сегодня меня здесь не будет.
МАРИНА. Андрей просил для вас половину.
ЛАЙМА. Андрей не присутствует сейчас на переговорах.
МАРИНА. А вы присутствуете. И за это вам нужно заплатить.
ЛАЙМА. За то, чтобы я перестала присутствовать.
МАРИНА. Вы продаёте мне своё отсутствие?
ЛАЙМА. На сегодняшнем вечере. Да. Я хочу уехать, не объясняя каждому, почему теперь меня здесь не будет. Доехала, поговорила,

уехала. Пусть у ваших гостей останется в памяти просто Лайма. Без истории, которую он потом начнёт рассказывать за меня.
МАРИНА. Все сто тысяч за то, что вы просто не войдёте в зал, куда я вас не приглашала.
ЛАЙМА. Да. Вы поняли всё абсолютно точно.
ВИКТОР. Лайма, мы обсуждали просьбу Андрея. Я рассчитывал, что наш разговор останется в рамках этой просьбы. У нас есть возможность выполнить её, не привлекая сюда кого-либо ещё.
ЛАЙМА. Я редко присутствую при подготовке собственного отсутствия. Но уже поняла: в рамках просьбы Андрея мне ничего не принадлежит. Вы сами сказали. А здесь я могу договориться, за какие деньги я отсюда уеду и что после меня будут здесь рассказывать. Я именно за этим сюда приехала.
МАРИНА. Честно говоря, я думала, что вы сейчас будете рассказывать, как он был несчастлив. Что я ему чего-то не додавала. А вы просто принесли счёт за свою неявку на его похороны.
ВИКТОР. Это не похороны.
ЛАЙМА. Да, вы правы.
МАРИНА. Хорошо. Это существенно экономит нам время.

5. «Лайма из Клайпеды»

Марина встаёт и открывает дверь. Шум подготовки громче, чем в прошлый раз; коротко трещит микрофон. Лайма не встаёт.
МАРИНА. Зал там. Можете идти.
ЛАЙМА. Зал ещё не готов.
МАРИНА. Тогда идите позже.
Марина закрывает дверь.
МАРИНА. Приходите позже, я не против. Если вам кажется, что я боюсь узнать, с кем спал мой муж, вы опоздали. Я уже узнала.
ВИКТОР. Марина, не нужно решать сгоряча.
МАРИНА. Сто тысяч евро за дверь, которую любой может открыть, я платить не буду.
ЛАЙМА. Хорошо. Тогда я остаюсь.
Лайма отводит взгляд от Марины. За стеной снова трещит микрофон. Обе ждут, пока треск прекратится; Лайма не возвращается к разговору.
МАРИНА. И всё?
ЛАЙМА. Вы пригласили. Я согласилась.

ВИКТОР. Марина не приглашала. Она сказала…
МАРИНА. Я сказала «приходите». Мне нечего скрывать.
ЛАЙМА. Значит, если спросят, кто меня позвал, можно назвать вас?
МАРИНА. Если очень хочется.
ВИКТОР. Необязательно вообще затевать такой разговор.
ЛАЙМА. Я и не затеваю. С чего сегодня начинают?
МАРИНА. С музыки. Потом Виктор говорит речь.
ЛАЙМА. Про примерного семьянина и верного мужа, я помню. Мне ждать вас здесь?
МАРИНА. Зачем?
ЛАЙМА. Чтобы войти в зал вместе. Чтобы вы видели и слышали, что я там буду говорить и делать. Или вам удобнее, чтобы я вошла одна?
МАРИНА. Сначала выйду я. Вы следом не идёте.
ЛАЙМА. Тогда когда можно?
МАРИНА. Когда начнут собираться остальные.
ЛАЙМА. Хорошо.
Марина оборачивается к Виктору. Он ждёт распоряжений.
МАРИНА. Посадишь её в конце зала.
ЛАЙМА. Если там будет место.
МАРИНА. Найдётся.
ЛАЙМА. Я могу постоять.
ВИКТОР. Стоящего человека лучше видно.
МАРИНА. Я найду ей место.
ЛАЙМА. Спасибо. А как меня представят?
МАРИНА. Кто?
ЛАЙМА. Вы. Если мы окажемся рядом и кто-нибудь подойдёт.
МАРИНА. «Лайма из Клайпеды».
ЛАЙМА. Этого хватит?
МАРИНА. Мне хватило.
ЛАЙМА. До портмоне.
ВИКТОР. Я могу вас представить. Это не обязательно должна делать Марина.
МАРИНА. Ты уже представил. Я больше тебе такое дело не поручу.
ЛАЙМА. Тогда лучше без представлений. Я сама представлюсь.
МАРИНА. Представляйтесь. Только не стойте всё время рядом со мной.
ВИКТОР. Стоять не надо, я об этом и говорю. Стул в конце зала найдётся.
ЛАЙМА. А когда снимают покрывало с мемориальной доски?

МАРИНА. После речи Виктора.
ЛАЙМА. Все встают?
МАРИНА. Да.
ЛАЙМА. Хорошо. Я тоже встану. Потом подойду с остальными. Мне не нужно отдельного выхода.
МАРИНА. Вместе со мной к доске никто не идёт.
ЛАЙМА. Значит, после вас. А что написано на доске?
ВИКТОР. Я предлагал написать просто: «Другу». Но Марина захотела написать: «Верному мужу». Я говорил, надпись должна быть короткой, не нужно нагружать эпитетами каждое слово. Но нет.
МАРИНА. На доске написано: «Верному мужу». Да. Моя формулировка. Я её утвердила.
ЛАЙМА. А стоять после открытия доски можно долго?
МАРИНА. Вы зачем уточняете?
ЛАЙМА. Чтобы не помешать следующему выступающему. Подойду, посмотрю на надпись. Если кто-нибудь поздоровается, отвечу. Представлюсь, расскажу о себе. Вы можете стоять рядом всё это время. Тогда я точно ничего не сделаю без вас.
Марина смотрит на закрытую тканью доску.
МАРИНА. Да, порядок церемонии именно таков.
ВИКТОР. Можно было бы перестроить сам выход. Не подходить всем сразу. Сначала открыть доску, потом попросить всех сесть. После завершения официальной части люди смогут…
ЛАЙМА. Подойти. Мне подходит и после официальной части. Я ведь не тороплюсь произносить речь.
МАРИНА. У вас не будет выступления.
ЛАЙМА. Вы его уже отменили. Я поняла.
ВИКТОР. Тогда, возможно, вам нет смысла оставаться до конца памятного вечера. Можно проститься с Андреем здесь. Вещи перед вами. Не всякому человеку нужен зал, чтобы…
ЛАЙМА. Вам зал нужен.
ВИКТОР. Мне нужно в нём провести вечер памяти Андрея.
ЛАЙМА. Вот я и предлагаю не мешать. Цену вы знаете.
Марина подходит к вешалке. Лайма следит за её рукой; Марина до пальто не дотрагивается.
МАРИНА. Я оплачу вам дорогу. *(Раскрывает клатч, достаёт деньги.)* Сколько стоит билет до Клайпеды? Поедете сегодня. Возьмёте своё из коробки, и мы закончим.

ЛАЙМА. Вы уменьшили сумму до проездных, а своё условие оставили.
МАРИНА. Предлагаю вам спокойно выйти отсюда. Могу проводить вас сама.
ЛАЙМА. Я и так спокойно сюда вошла.
МАРИНА. Не нужно добиваться, чтобы я сказала грубо.
ЛАЙМА. Говорите как хотите. Только не меняйте «сто тысяч» на «дорогу». Деньги на дорогу сюда я уже нашла. На обратную мне тоже хватит.
Марина убирает деньги обратно в клатч, отходит от вешалки и снова подходит к столу.
МАРИНА. Значит, выбираете чужой вечер?
ЛАЙМА. Почему чужой?

6. Клуб

Марина садится. За стеной включают музыку. Увеличивают громкость, потом выключают. Лайма прислушивается.
ЛАЙМА. С этой стороны всё ещё сильнее слышно.
МАРИНА. Вы первый раз здесь в кабинете?
ЛАЙМА. Нет, не первый.
МАРИНА. Виктор вас принимал?
ЛАЙМА. Андрей двадцать лет водил меня в этот клуб.
Марина ждёт, не даст ли Виктор этой фразе другое объяснение. Он отводит взгляд.
МАРИНА. Именно в этот? В Калининграде?
ЛАЙМА. Да. В Клайпеде у меня были свои места.
МАРИНА. У вас только что было девятнадцать лет.
ЛАЙМА. Девятнадцать мы жили. Сюда он привёз меня раньше. Не нужно прибавлять мне год совместной жизни. Я не за ним приехала.
МАРИНА. Вы хотите сказать, вы здесь были не однажды.
ЛАЙМА. Не однажды. Сергей Ильич сегодня будет?
ВИКТОР. Должен быть.
ЛАЙМА. Тогда возле двери его не сажайте. Он будет вставать пропускать людей даже там, где места хватает. Потом все решат, что пора вставать, и он начнёт усаживать обратно.
МАРИНА. Сергей Ильич сидит в дальнем конце. Я с ним говорила.
ЛАЙМА. Значит, вы в курсе.
МАРИНА. Борис Аркадьевич вам тоже знаком?

ЛАЙМА. Да. Он не любит, когда сокращают его рассказ о шторме. Только сам может пропустить половину и начать сразу с того, как его благодарили.
МАРИНА. Я попросила его сегодня без шторма.
ЛАЙМА. Он сказал «разумеется»?
МАРИНА. Он понял.
ЛАЙМА. Это хорошо.
Марина ждёт ответа Виктора. На этот раз он смотрит прямо на неё.
ВИКТОР. Лайму здесь видели. С Андреем. Да, Сергей Ильич с ней знаком. И Борис Аркадьевич. Они знают её в лицо, не только по имени.
МАРИНА. И ты забыл предупредить меня, когда я обзванивала этих людей.
ВИКТОР. Они и твои знакомые. Я не мог составить список, из которого исчезли бы все знакомые Андрея. Это всё-таки его клуб.
МАРИНА. Его. Да. Прямо сейчас я это очень хорошо понимаю.
ЛАЙМА. Андрей говорил, Виктор Павлович женат на клубе.
ВИКТОР. Кто-то же должен быть женат на чём-то одном.
МАРИНА. Так и не женился. Тридцать лет при клубе.
ЛАЙМА. Нина Семёновна обязательно начнёт искать, куда повесить пальто. Скажите ей сразу про вешалку здесь. Она не любит оставлять вещи там, где потом толпятся люди.
МАРИНА. Я знаю, чего не любит Нина Семёновна.
ЛАЙМА. Тогда я зря вам напоминаю. У этой стены, кстати, пол уходит к старому дверному проёму. Его заложили, а уклон остался. Андрей всегда предупреждал гостей: здесь не стойте с полным бокалом, а то начнёте выравнивать не пол, а себя.
МАРИНА. Здесь не было двери.
ВИКТОР. Была. До ремонта. Там действительно остался уклон. Я привык, уже не замечаю.
Марина смотрит на стену. Лайма больше ничего о стене не добавляет.
МАРИНА. Значит, вы здесь знаете и людей, и где была дверь. Достаточно. Экскурсия закончена.
ЛАЙМА. Вы предложили мне уехать с чужого вечера. Я объяснила, что зал мне знаком. И люди знакомы. Здесь мне придётся искать, кому представиться впервые.
Звонит телефон. Виктор берёт трубку.

ВИКТОР. Да. Нет. По-прежнему одно… Я понимаю, что у вас спрашивали. Одно кресло для вдовы, как договорились… Нет, согласовывать больше ни с кем не надо. Марина здесь. Она подтверждает.
Он кладёт трубку.
ЛАЙМА. Да. Мне кресло не нужно. Я могу стоять.
МАРИНА. Сейчас речь не о вас.
ЛАЙМА. Я на всякий случай. Я не прошусь сидеть в кресле рядом со вдовой. Я могу постоять.
ВИКТОР. Давайте вернёмся к тому, что имеет значение. Есть просьба Андрея. Есть положение Марины. Есть вы. Если каждую фразу превращать в укол, мы никогда не получим результата.
ЛАЙМА. Вернёмся. Сто тысяч евро – у Марины. Клуб – за вами. Андрей просил вас уговорить её отдать мне половину. Заставить нельзя. У меня никаких прав. Поэтому я и предлагаю своё условие.
МАРИНА. Сто тысяч за то, что вас здесь нет. О да. Роскошное предложение.
ЛАЙМА. Тогда всё сказано. Подождём, пока придёт побольше народа.
ВИКТОР. Послушайте, Лайма. То, что у вас нет прав на деньги, не означает, что у вас есть право угрожать.
ЛАЙМА. Я свои права ни на что чужое не заявляю. Деньгами распоряжается Марина. Своими ногами распоряжаюсь я. Вы можете уговорить её. Она может уговорить меня. Для этого вы и пригласили нас в одно место.
МАРИНА. Не надо делать вид, что вы здесь наравне со мной. Я организовала памятный вечер. Я утверждала список гостей и надпись на доске. Мне будут выражать соболезнования. И мне же вы предлагаете за сто тысяч выкупить возможность спокойно постоять у доски собственного мужа.
ЛАЙМА. Да. Совершенно точно.
МАРИНА. Вам даже неловко не становится?
ЛАЙМА. Становится. Но на цену это не влияет.
ВИКТОР. Лайма, я пригласил вас не для того, чтобы вы забрали все деньги у Марины. У неё сегодня достаточно тяжёлый вечер. Попробуйте хотя бы на минуту признать, что она не обязана была готовиться к вашему появлению.
ЛАЙМА. Я признаю. Готовились вы.
ВИКТОР. Я сделал то, что считал необходимым.

МАРИНА. Его методы обсудим отдельно. Сейчас Виктор прав. Я вам ничего не обещала. Вы думали, что он всё для вас устроил. Я вообще не знала, что нужно что-то устраивать. Почему теперь обязательства появились у меня? Андрей обещал – с ним и следовало выяснять. Я при вашем разговоре со свечкой не стояла.
ЛАЙМА. Следовало. Только Андрей это поручил Виктору Павловичу. А тот – вам.
МАРИНА. Я его поручение не принимаю.
ЛАЙМА. Тогда отмените вечер.
Пауза. Марина берёт со стола шляпку с вуалью и водружает её себе на голову.
МАРИНА. Вечер состоится. Мемориальная доска будет открыта. Я сяду там, где должна сидеть вдова.
ВИКТОР. Люди уже едут. Сегодня будний день, они освободили себе время. Звонить каждому и объяснять, почему отменили вечер, – это просто нереально.
Пауза. Лайма берёт со стола шляпку с вуалью и водружает её себе на голову.
ЛАЙМА. Тогда я тоже приду на ваш вечер. У вас будет две вдовы.
МАРИНА. Только попробуйте.
ЛАЙМА. Вы сами только что мне разрешили.
ВИКТОР. Успокойтесь. Давайте вернёмся к нашему обсуждению. Ни зал, ни гости не имеют к этому никакого отношения.
ЛАЙМА. Пока дверь закрыта.

7. «Чисто формально – да»

Виктор стоит рядом с Мариной. Лайма – по другую сторону стола.
МАРИНА. Дверь закрыта. И мы отсюда не выйдем, пока я не закончу. Вы девятнадцать лет ждали его приездов. Я тридцать лет была его женой. Не гостем, не подругой на время приезда. Женой. С этим придётся считаться, даже если вам удобнее считать только деньги.
ЛАЙМА. Виктор Павлович уже объяснил, с чем мне придётся считаться.
МАРИНА. Он объяснил, чьи это деньги. Я объясняю, почему вы не можете сейчас забрать мой вечер вместе с деньгами. У меня здесь не случайное место. Я была ему женой до последней минуты.
ВИКТОР. Чисто формально – да.

Марина не оборачивается сразу. Виктор ждёт, не продолжит ли она говорить с Лаймой. Марина поворачивается к нему.
МАРИНА. Что значит «чисто формально»?
ВИКТОР. В смысле статуса тебя как жены. Я подтверждаю то, что ты сказала.
МАРИНА. Ты мог просто сказать «да».
ВИКТОР. Да.
МАРИНА. Поздно. Ты уже сказал что-то другое.
ВИКТОР. Я юрист. Не надо цепляться к моей профессиональной привычке. Для меня это было обычное уточнение. У людей есть отношения и есть положение, которое сохраняется вне зависимости от отношений.
МАРИНА. Какие отношения?
ВИКТОР. Наш разговор. Твой со мной. Перед тем как… Он не повлёк никаких последствий.
ЛАЙМА. А мог повлечь?
МАРИНА. Я разговариваю с Виктором.
ЛАЙМА. Я его тоже слушаю.
ВИКТОР. Это вообще не относится к сегодняшнему вопросу. Марина приходила за предварительным советом. Ко мне приходят за советами, как к юристу. Из этого нельзя делать вывод, что люди обязательно…
МАРИНА. Замолчи.
Он замолкает. Несколько секунд все заняты тем, что он наконец выполнил просьбу.
ЛАЙМА. Этот ваш юридический совет… Он был о разводе?
МАРИНА. Я сказала ему замолчать. Вам я тоже могу это сказать.
ЛАЙМА. Попробуйте.
ВИКТОР. Ни формального заявления, ни документов не было. Даже намерения начать процедуру непосредственно в тот день обозначено не было. Я не хотел бы, чтобы из моей оговорки выросло что-то…
МАРИНА. Виктор, перестань меня закапывать.
ЛАЙМА. Перед тем как… Перед его последней поездкой?
ВИКТОР. Это был частный разговор.
МАРИНА. Был частный. Пока ты не сказал «чисто формально».
ВИКТОР. Марина, я тебя не закапываю. Я пытаюсь отделить состоявшийся факт от намерения. Ты всё время возвращаешь меня к каждому неудачному моему слову, и мне приходится рассказывать всё больше и больше, чтобы его исправить.

МАРИНА. Значит, это я виновата? Ты у нас закрытая коробка, а я хожу и открываю крышки?

Все трое смотрят на коробку на полу.

ЛАЙМА. Вы собирались с ним разводиться?

МАРИНА. Двадцать второго октября. Перед последней поездкой Андрея. Я пришла сюда, остановилась у окна. Хотела открыть, но не стала – тут всегда жуткий сквозняк. Сказала Виктору: я хочу развестись. Спросила, с чего начать. Вот. Теперь сказано всё.

ЛАЙМА. Двадцать второго октября вы решили уйти от Андрея?

МАРИНА. Решила раньше. Двадцать второго пришла сюда советоваться. Это разные вещи, Виктор. Уточни. Ты ведь любишь уточнять.

ВИКТОР. Я не отрицаю, что ты говорила вполне определённо.

МАРИНА. Не «если». Не «бывает настроение». Я сказала: «Я ухожу».

ВИКТОР. Ты сказала именно так. А я посоветовал не начинать перед поездкой. Пусть вернётся, отдохнёт. Тогда можно поговорить спокойно. Я не думал, что это станет последним советом, который ты успеешь получить перед его смертью.

ЛАЙМА. Она пришла узнать, как от него уйти. Вы объяснили, как подождать. Это другой совет. Андрей знал?

МАРИНА. Не успел. Ты же ему не говорил? Это я Виктора спрашиваю. Чтобы не перепутать, кто кому что успел передать.

ВИКТОР. Не сказал. Я считал, что ты должна поговорить сама. Это был разговор с юристом. Он не предполагал пересказа Андрею.

МАРИНА. «Не надо решать всю жизнь за один вечер». Помнишь, как ты это тогда сказал? Я уже уходила. И остановилась.

ВИКТОР. Помню. Ты решила, что я знаю что-то, чего ты не понимаешь. Я видел, что ты готова меня послушать. Мне казалось, если человек остановился, значит, сомневается. Что можно ещё ничего не менять.

МАРИНА. Я не торопилась. Ты меня знаешь. Я даже этот траурный вечер согласовывала так, что все устали. Развод – не потому, что я утром встала не с той ноги. Я это объяснила. Ты кивал.

Марина возвращается к коробке, закрывает клапаны. Они не сходятся. Она прижимает их ладонью.

МАРИНА. Картон размок. Они её с судна так передали?

ВИКТОР. Возможно, при перевозке…

МАРИНА. Нужна нормальная коробка. Эту не понесёшь. Возьмёшь снизу, а она прямо в руках развалится. И вечно вот так: вроде всё держишь, а держать уже нечего.

Лайма не помогает закрыть коробку. Виктор делает шаг, но Марина уже отпустила клапаны. Они снова раскрываются.

МАРИНА. Виктор, друг семьи. Тридцать лет за одним столом. Ты знал о ней?

ВИКТОР. Только последние годы.

МАРИНА. Ещё одно уточнение. Сколько именно?

ВИКТОР. Семь лет.

МАРИНА. Семь лет ты знал про обе семьи. Про Калининград и Клайпеду. И когда двадцать второго октября я пришла говорить о разводе, ты не сказал мне: «Разводись, у него есть другая». Ты предложил подождать, пока он вернётся из плавания. Почему?

ВИКТОР. Я не имел права вмешиваться в вашу жизнь.

ЛАЙМА. Подождите. Двадцать второго октября Марина приходит к вам и говорит, что уходит от мужа. Вы уговариваете её промолчать до его возвращения. Марина возвращается домой и молчит.

МАРИНА. Я собрала ему сумку как обычно. Ни слова не сказала.

ЛАЙМА. А на следующий день Андрей собирается перегнать катер в Пионерский. Вокруг полуострова, на одну ночь. И вдруг перед этим рядовым выходом идёт к вам, Виктор Павлович, и оставляет распоряжения на случай своей смерти.

ВИКТОР. Это не были распоряжения на случай смерти. Обычный разговор перед выходом в море.

ЛАЙМА. В котором он вдруг просит вас позаботиться обо мне, если с ним что-то случится, и говорит: «Двадцать лет я за них всё решал. Пусть на этот раз решат сами».

МАРИНА. И забирает из дома дорожное портмоне, которое никогда не брал на катер.

ВИКТОР. При чём здесь портмоне? Он просто был взвинчен перед отходом, хватал вещи не глядя…

Пауза. Марина медленно поворачивается к Виктору.

МАРИНА. Взвинчен? Из дома он вышел совершенно спокойным. С кем он разговаривал перед отходом, кроме тебя?

ВИКТОР. В клубе всегда кто-то есть…

МАРИНА. В клубе был ты. Ты ему сказал.

ВИКТОР. Марина, послушай…

МАРИНА. Ты остановил меня в дверях. Сказал: «Подожди, не говори ему перед выходом, пусть спокойно сходит в море». Я послушалась. Промолчала. А ты дождался его в клубе и выложил всё сам.

ВИКТОР. Он мой друг! Я не мог смотреть, как он уходит в море, не подозревая, что дома у него больше нет семьи.
ЛАЙМА. Удивительная забота. Если бы Марина поговорила с ним дома сама – это был бы прямой разговор жены с мужем. А так она с улыбкой собирает ему сумку, провожает до порога – и через час он узнаёт от вас, что жена за его спиной тайком бегала к его лучшему другу оформлять развод.
МАРИНА. Ты сделал меня виноватой перед ним.
ВИКТОР. Я ничего такого не делал! Я просто передал факт!
ЛАЙМА. Вы передали факт так, чтобы виноватой оказалась она. Муж узнаёт, что жена готовит удар в спину. Между ними – пропасть. А рядом с Мариной совершенно случайно остаётесь вы. Единственный близкий человек, который всё понимает и всегда готов подставить плечо.
МАРИНА. Значит, место освобождал.
ВИКТОР. Какое место?! Вы обе с ума сошли! Я пытался спасти ваш брак! Я семь лет прикрывал его поездки, чтобы вы не расстались! Я думал, если он узнает от меня, что ты всерьёз решила уйти, это его отрезвит. Что он испугается потерять тебя, бросит наконец всё остальное и вернётся к тебе навсегда!
Повисает тишина. Лайма долго смотрит на Виктора.
ЛАЙМА. А если он и правда испугался?
ВИКТОР. В каком смысле?
ЛАЙМА. В прямом. Вы же знали Андрея лучше нас. Ко мне он девятнадцать лет приезжал. Уезжал и возвращался. А домом для него всегда была Марина. Тридцать лет. Он и мысли не допускал, что Марина может от него уйти. И вот вы сообщаете ему, что она уже пришла к юристу. Что всё кончено.
ВИКТОР. Я не говорил «всё кончено»…
ЛАЙМА. Для него это прозвучало именно так. Человек узнаёт, что жизни без Марины он себе не представляет, а с Мариной жизни больше нет. Оставляет в каюте на видном месте портмоне со всеми фотографиями, карточками и ключами. Просит друга разделить деньги после него. И ночью в шторм выходит один на палубу.
Виктор меняется в лице. Марина не сводит с него глаз.
МАРИНА *(тихо).* Вахтенный видел, как он выходил. А как возвращался – не видел никто.
ВИКТОР. Прекратите. Что вы несёте… Шторм начался ночью, катер бросало, его просто смыло волной!

ЛАЙМА. Он тридцать лет выходил в море, Виктор Павлович. Он прекрасно знал, зачем выходит на палубу в такой шторм. И после какого разговора.
МАРИНА. «Пусть вернётся, отдохнёт. Тогда можно поговорить спокойно». Вот, значит, как ты нам помог поговорить.
ВИКТОР. Я не лгал ему! Я сказал только то, что ты сама мне сказала у этого окна! Если бы ты не пришла с этим разводом…
МАРИНА. Не смей. Ты остановил меня, чтобы сказать самому. Прямо накануне твоей речи обо мне.
ВИКТОР. Моя речь не о тебе, а об Андрее.
МАРИНА. В твоей речи есть я. Ты там говоришь, что мы собирались ещё двадцать лет прожить вместе. Я сама велела тебе это написать. До золотой свадьбы. И Нине Семёновне это говорила, когда звала.
ЛАЙМА. Она такое запоминает.
МАРИНА. Уже пересказала мне обратно.
ЛАЙМА. Выходит, Марина с разводом, я с Клайпедой, вы со своим предупреждением перед рейсом – у всех своя правда. И каждый может сказать, что никого не толкал за борт.
ВИКТОР. Мне тоже нелегко было оказаться между вами.
МАРИНА. Ты там не оказался. Ты сам нас всех расставил.
ЛАЙМА. Я о её разводе не знала. И о том, что Андрей уходил в море с этой новостью, – тоже.
МАРИНА. Теперь знаете. Бесплатно. Поздравляю.
ЛАЙМА. Спасибо. Это меняет разговор.
МАРИНА. Не спешите. Все сто тысяч по-прежнему мои.
ЛАЙМА. Я помню. Меняется другое.
Музыка начинается снова и на этот раз играет дольше. Лайма подходит к укрытой доске.
ЛАЙМА. Вы всё равно сегодня снимете покрывало с доски. Можно посмотреть, где вы будете стоять?

8. Мемориальная доска

Марина оказывается у доски раньше Лаймы. Не касается ткани, только стоит рядом.
МАРИНА. Покрывало не трогаем.
ЛАЙМА. Я не трогаю.
МАРИНА. И не подходите так, будто я уже объявила открытие.

ЛАЙМА. Мне отсюда видно. Вы ведь здесь тоже будете репетировать, как снимать?
МАРИНА. Я умею снимать покрывало.
ВИКТОР. Доску пока лучше не двигать. Она тяжёлая. Её принесли и поставили, как попросили. Если нарушить опору…
МАРИНА. Виктор, найди себе другой предмет для заботы.
ЛАЙМА. Нина Семёновна, наверное, скажет, как он вас любил.
МАРИНА. Нина Семёновна скажет то, что сочтёт нужным.
ЛАЙМА. Вы ей ответите. Потом кто-нибудь спросит меня, давно ли я вас знаю. Я скажу: познакомились сегодня. Перед последней поездкой Андрея Марина собиралась с ним развестись. А теперь рассказывает, как они ждали золотую свадьбу. Виктор Павлович помогал и с тем, и с другим.
ВИКТОР. Лайма.
ЛАЙМА. Я ничего не выдумала.
МАРИНА. Вы можете рассказать про это здесь. Я пока слушаю. В зале вы это рассказывать не будете.
ЛАЙМА. Вы меня не выпустите?
МАРИНА. Порог зала вы не переступите.
ЛАЙМА. Порог переступают, чтобы почтить память. А я приду её освежить.
Марина отходит к столу, берёт коричневое портмоне. Держит, не открывая. Потом кладёт снова, точно на прежнее место.
МАРИНА. Можно было бы, конечно, вызвать человека, который вас выведет. Но мне нужно будет ему объяснять. Вы на это и рассчитываете.
ЛАЙМА. Мне незачем, чтобы меня выводили. Я хочу спокойно уйти сама. Цену вы знаете.
МАРИНА. Иначе вы подойдёте к Нине Семёновне. Именно к Нине Семёновне. Потому что она умеет пересказать услышанное ещё до того, как собеседник закончил.
ЛАЙМА. Тогда я могу ничего ей не рассказывать. Постою рядом с вами, когда снимут покрывало. Сергей Ильич поздоровается. Борис Аркадьевич подвинется, чтобы я подошла ближе. Нина Семёновна увидит, что мы знакомы. Не всё же мне делать самой.
ВИКТОР. И вас не смущает, что они поймут, кто вы. Нельзя встать так, чтобы все поняли только про Марину. Вас тоже увидят.
ЛАЙМА. Смущает. Я поэтому здесь с вами и разговариваю.

ВИКТОР. В зале будут ждать объяснения. Не от одного человека, от каждого. Вы можете ничего не сказать, но уйти незнакомой уже не сможете.
МАРИНА. Пусть подумает, прежде чем подходить.
ЛАЙМА. Я подумала. Пока могу уехать без этих объяснений, я предлагаю вам договориться. Если не договоримся, пойду в зал. Я себе не обещала, что мне будет приятно.
Марина идёт к доске. Поправляет верхний край ткани: он лёг с заломом. После её прикосновения залом появляется в другом месте.
МАРИНА. Здесь всё согласовано. Никаких случайных людей возле доски. Я это отдельно проговаривала. Потому что всегда кто-нибудь выходит вперёд и оказывается ближе всех, хотя его вообще не просили. И потом на всю жизнь остаётся, что он и был главным.
ЛАЙМА. Я могу стать с краю. Вы меня увидите. Этого достаточно.
МАРИНА. Мне хватило сегодня чёрного портмоне. Вы ещё хотите меня чем-то удивить? Может, сами и откроете доску?
ВИКТОР. Марина!
ЛАЙМА. Я ничего не собираюсь открывать. Вы откроете сами.
Лайма доходит до второго края доски. До ткани не дотрагивается.
МАРИНА. Отойдите.
Лайма отступает на шаг. Марина ждёт, что она уйдёт дальше. Лайма остаётся.
МАРИНА. Я сама.
Марина снимает покрывало одним движением. Ткань тяжело опадает в её руки.
ЛАЙМА. «Верному мужу».
Говорит это Марине в лицо. Марина аккуратно складывает ткань вдвое, потом ещё раз. Край не совпадает. Она начинает складывать заново.
МАРИНА. «Верному мужу». Да. Я уже сказала вам, что там написано. Можете не проверять по буквам.
ЛАЙМА. Я думала, будет мельче.
МАРИНА. Из зала должно быть видно.
ЛАЙМА. Под словом «верному» я встану рядом с вами – и зал поймёт, кем я была Андрею, даже если я не скажу ни слова.
Марина заканчивает складывать ткань. Кладёт её на стол. Освобождённые руки ей пока некуда деть.
МАРИНА. Не вы объясните. Надпись объяснит за вас.
ЛАЙМА. Ваша надпись. Мне даже перебить её не получится.

ВИКТОР. В зале теперь открывать нечего. Ты уже сняла покрывало.
МАРИНА. Три недели собирала людей на эту минуту. Открыла при вас двоих. Второй раз не буду.
ВИКТОР. Тогда можно убрать это слово. Я говорил с самого начала, что оно не нужно. Закрыть его лентой или сегодня вообще не выносить доску. Вечер всё равно состоится, люди скажут…
МАРИНА. Слово остаётся.
ЛАЙМА. Тогда и моё условие остаётся. Мне достаточно молча подойти. Прямо под «Верному мужу». Не в другое место зала.
МАРИНА. А после? Когда посмотрят?
ЛАЙМА. Я уйду. Вечер ваш.
МАРИНА. Ты слышишь, Виктор. Она отдаёт мне вечер. После того как по нему пройдётся. И даже не считает, что это хамство.
ВИКТОР. Слышать мне приходится всё. Вы уже некоторое время не позволяете мне участвовать.
МАРИНА. Ты уже поучаствовал.
Марина смотрит на место возле доски, которое только что показала Лайма. Возвращается к столу и садится.
МАРИНА. Половину. Отдам половину. Вы забираете своё и уходите. Сегодня вас здесь не было. С людьми не прощаетесь. Меня не благодарите. Отсчитаю здесь.
ВИКТОР. Это возможно. Я как раз пытался…
ЛАЙМА. Сто тысяч.
Виктор выдыхает. Марина остаётся сидеть прямо.
МАРИНА. Дайте мне закончить предложение. Вы услышали «половину» и сразу закрыли. Я не в состоянии каждые несколько слов снова начинать разговор с самого начала.
ЛАЙМА. Заканчивайте.
Марина некоторое время смотрит на неё. Поправляет край рукава.
МАРИНА. Всё. Я закончила.
ЛАЙМА. Тогда ответ тот же.
МАРИНА. Вам хотелось, чтобы я ещё попросила. После суммы сказала: пожалуйста, Лайма, не приходите. Я почти сказала. Вы не дали.
ЛАЙМА. Я не жду, чтобы вы просили. Если начнёте, мне всё равно придётся повторить сумму. Вам это понравится ещё меньше.
МАРИНА. Заботитесь о моей психике.
ЛАЙМА. Объясняю на пальцах. Вы же просили конкретно.

Марина смотрит на доску. Лайма не повторяет условие. Виктор делает шаг к Марине; та отрицательно качает головой, и он останавливается.

ВИКТОР. Марина предложила половину своих денег. Она могла бы ничего не отдавать. Вы получаете ровно то, что просил для вас Андрей. Я впервые слышу от неё согласие. Его нельзя считать мелочью или подачкой.

ЛАЙМА. А я отказываюсь от половины того, за чем приехала. Мне это предложение не подходит.

МАРИНА. Вам не стыдно стоять возле этой надписи и произносить свою цену?

ЛАЙМА. Вы сами меня сюда поставили. Сначала разрешили прийти, потом спросили, что я буду делать. Я показала. Теперь можете торговаться, не представляя себе ничего лишнего.

МАРИНА. Я не просила устраивать репетицию.

ЛАЙМА. Зато теперь мы все знаем, как это будет выглядеть.

Музыка за стеной кончается. Слышны разрозненные голоса прибывающих гостей, пока ещё негромкие. Марина смотрит на дверь.

ВИКТОР. Начали собираться.

МАРИНА. Я слышу.

ЛАЙМА. Я тоже.

МАРИНА. Отойдите от доски. Вашу цену я услышала.

ЛАЙМА. Я отойду. Если вам так удобнее разговаривать.

9. Фокус с портмоне

Лайма отходит от доски. Все трое снова у стола. Коричневое портмоне лежит между ними. Из коридора доносится чей-то смех; слов не разобрать.

ВИКТОР. Итак, давайте зафиксируем. Половина суммы уже на столе. Лайма, ваш богатый арсенал угроз мы уже оценили. Марина предлагает вам пятьдесят тысяч. Что скажете?

ЛАЙМА. Сто тысяч.

МАРИНА. Вот тебе и ответ.

ЛАЙМА. От того, что вы урезали сумму, гостей за дверью меньше не стало. Моё унижение уценке не подлежит.

Лайма забирает портмоне. Одним привычным движением выворачивает его: придерживает сгиб большим пальцем, и чёрная сторона ложится наружу сразу. Она продолжает смотреть на Марину.

МАРИНА. Ещё раз. Сделайте ещё раз.
ЛАЙМА. Что сделать?
МАРИНА. Выверните портмоне.
Лайма смотрит на свою руку. Ещё раз выворачивает портмоне – на этот раз коричневой стороной наружу.
МАРИНА. Откуда вы знаете этот фокус?
ВИКТОР. Я при тебе показывал.
МАРИНА. Ты говорил, что край вечно застревает и одной рукой не справиться. Двумя расправлял. А она даже не глянула. Нажала большим пальцем – и готово. Научите, Лайма. Я тоже хочу так уметь.
ЛАЙМА. Вы же не учиться хотите.
МАРИНА. Не хочу. Я хочу понять, откуда вы знаете.
ВИКТОР. Это просто моторика, движение само по себе…
ЛАЙМА. Я умела это и раньше. Не пытайтесь меня выгораживать, Виктор. Это не случайность.
Виктор замолкает. Лайма ещё раз выворачивает портмоне чёрной стороной наружу и кладёт его перед собой.
ЛАЙМА. Шесть лет.
МАРИНА. Вы знали обо мне.
ЛАЙМА. О Марине. О Калининграде. Он сам рассказал. Шесть лет назад. С тех пор я знала, к кому он возвращается. И портмоне умела вывернуть.
МАРИНА. А когда сегодня Виктор выворачивал его при вас – смотрели прямо на меня.
ЛАЙМА. Прямо на вас.
МАРИНА. А я думала, вы узнали сегодня. Пока меня здесь не было.
ЛАЙМА. Нет. Я ждала, когда узнаете вы. Не знала, что вы скажете. А вы заговорили про цветы.
МАРИНА. Потому что их так и не выгрузили.
ЛАЙМА. Понимаю.
МАРИНА. Вот теперь – да. Значит, шесть лет вы всё знали и просто оставались с ним рядом?
ЛАЙМА. Да. Я не буду строить из себя оскорблённую невинность номер два. Сначала не знала. Потом узнала. Потом решила остаться. Это не за один день произошло, но я не собираюсь вываливать на вас всю хронологию своих метаний. Да, я смирилась с тем, что он будет ездить к вам.

ВИКТОР. Андрей ведь и не обещал прекратить поездки. Это я могу подтвердить. Вы не жили иллюзиями, что он вот-вот всё бросит и переедет к вам.

ЛАЙМА. Иллюзиями не жила. Ждала его возвращений – вот и всё. Это другой сорт ожидания. Он называл дату, а я прикидывала, что успею сделать до его приезда. Если планы менялись, я подстраивалась. Я же прекрасно понимала, где он может задерживаться.

МАРИНА. То есть условия вас устраивали.

ЛАЙМА. Я на них согласилась. Если вам так нравится слово «устраивали» – пусть так и будет. Не будем сглаживать углы.

МАРИНА. За что согласились?

ЛАЙМА. Он пообещал, что обо мне позаботятся. Что бы с ним ни стряслось. Я спросила: «Каким образом?» Он ответил: «Виктор в курсе». Не «я поговорю», не «потом как-нибудь поделите». Он сказал: «Всё устроено. Приедешь – и заберёшь. Тебе не придётся ни у кого ничего просить». Я запомнила это дословно.

Лайма поворачивается к Виктору. Он выдерживает её взгляд.

ЛАЙМА. Видимо, мне следовало копнуть глубже. Уточнить у Виктора, в курсе ли он, что он «в курсе». Позвонить ему. Потом выйти на Марину. Спросить у женщины в Калининграде, согласна ли она когда-нибудь оплатить чек, которым меня так любезно успокоили.

ВИКТОР. Да. Вы могли бы просто спросить у меня.

ЛАЙМА. Могла. Вы сейчас тоже можете сказать, что это была железная гарантия. Ну, попробуйте.

ВИКТОР. Я не могу называть «гарантией» выплату, которая по уставу целиком проходит через руки законной жены. Я уже говорил: я предлагал Андрею заранее оформить бумаги на два конверта. Он отказался. Сказал, что при личной встрече вы договоритесь быстрее.

ЛАЙМА. «Договоритесь при личной встрече». Да, это в его духе. Оставить коробку с вещами, столкнуть всех лбами в одной комнате, а самому умыть руки. Не удивляйтесь, что сегодня фраза «всё устроено» меня больше не впечатляет. Я на неё уже однажды купилась. Вместе с конструкцией этого портмоне. На мою сторону он поворачивался чёрным, на её – коричневым. Всё, что требовало ловкости рук, у него работало безотказно. А всю тяжёлую работу он, как обычно, оставил мне.

Марина перестаёт смотреть на портмоне. Теперь она смотрит только на Лайму.

МАРИНА. Двадцать пять тысяч евро.

ЛАЙМА. Что?
МАРИНА. Вам. Четверть. О половине забудьте.
ВИКТОР. Марина, мы же вроде пытались найти компромисс.
МАРИНА. Я теперь знаю цену этому компромиссу. Если она выйдет в зал, я так прямо и скажу гостям: шесть лет она знала, шесть лет её всё устраивало. Будем стоять вдвоём под надписью на доске. Пусть и она постоит.
ЛАЙМА. Решили вычесть эти шесть лет из моего гонорара?
МАРИНА. Я называю вашу новую цену. Двадцать пять тысяч. За то, что вы прямо сейчас уйдёте отсюда. А не за то, что вы с ним спали.
ВИКТОР. Это ровно вдвое меньше изначальной суммы.
МАРИНА. Она от неё отказалась. Ты сам слышал. Теперь ставки изменились.
Лайма встаёт. Раскрытое портмоне остаётся на столе. Она подходит к окну и возвращается, не приближаясь к двери.
ЛАЙМА. Четверть – за то, что меня здесь не будет. Остальное вы забираете себе, потому что теперь у вас появился на меня компромат.
МАРИНА. Именно так.
ЛАЙМА. А когда вы заплатите и я исчезну – что вы расскажете гостям?
МАРИНА. Ровно то, что посчитаю нужным.
ЛАЙМА. И вы всерьёз ждёте, что я на это соглашусь?
МАРИНА. Я считаю, что теперь ваша очередь хорошенько подумать.

10. «Не надо открывать дверь»

ЛАЙМА. Думаю. Вы эту увлекательную историю про шесть лет кому ещё планируете рассказать?
МАРИНА. Нине Семёновне. Если она поинтересуется.
ВИКТОР. Мы можем договориться, что вся эта история не выйдет за пределы комнаты.
МАРИНА. За двадцать пять тысяч она просто уходит. Соблюдение тайны исповеди в этот пакет не входит.
ЛАЙМА. Значит, вы не покупаете мой уход. Вы платите за то, чтобы я не мешала вам сегодня солировать. В образе единственной вдовы. Но для этого мне не обязательно уходить. Вы можете прямо сейчас начать изливать душу гостям, а я просто постою рядом.
МАРИНА. У вас ещё нет права здесь присутствовать.

ЛАЙМА. А мне не нужна ваша моральная виза, чтобы выйти в зал через эту дверь. И сочувствие ваше тоже не нужно. Я не буду играть роль святой невинности. Да, шесть лет я знала, шесть лет покорно соглашалась. Хотите устроить публичное разоблачение? Без проблем, я сама выйду и всё расскажу. Вот только после этого тихо раствориться в тумане не выйдет. Ни у меня, ни у вас.
ВИКТОР. Вы можете обходиться без угроз?
ЛАЙМА. Могу сказать то же самое шёпотом.
МАРИНА. И всё равно хотите сто тысяч?
ЛАЙМА. Пока вы предлагаете мне просто исчезнуть – да.
Марина подходит к Лайме вплотную. Та не отступает. Дальше они говорят почти шёпотом.
МАРИНА. Значит, вы сейчас пойдёте в зал и расскажете всем про мой развод?
ЛАЙМА. Если поинтересуются, почему скорбящая вдова так жаждет от меня избавиться.
МАРИНА. Никто не поинтересуется.
ЛАЙМА. Тогда я просто постою у мемориальной доски «Верному мужу». А дальше импровизируйте сами. Мне для выступления тексты писать не надо. У вас для произнесения речей есть Виктор Павлович.
ВИКТОР. Можно оставить моё выступление в покое?
МАРИНА. Ты же сам рвался помогать. «Примерный семьянин и верный муж». «Редкая удача».
ЛАЙМА. Они называют это враньё мужской дружбой.
ВИКТОР. Помогать – не значит поддакивать всему вашему бреду. Ты предлагаешь четверть. Лайма требует всё. Обе упёрлись. Мы можем хотя бы поставить переговоры на паузу и не превращать зал в место ваших женских разборок?
ЛАЙМА. Я никуда не иду. Это вы всё ещё пытаетесь меня выставить.
МАРИНА. Вы годами знали, что он возвращается ко мне. И покорно ждали. Вот и сейчас – постойте в сторонке и подождите, пока я всё решу.
ЛАЙМА. Я ждала человека, с которым у нас был уговор. С вами я ни о чём не договаривалась. И моё тогдашнее согласие – это не ещё один пункт в вашем наследстве. Вы не можете им распоряжаться по своему хотению.
Марина отступает на шаг. Лайма молчит. Виктор не выдерживает первым.
ВИКТОР. У нас пока есть шанс всё решить без лишних ушей.

ЛАЙМА. Да? А что вы ответите гостям, когда они спросят, с кем вы тут запирались?
МАРИНА. «С одной знакомой из Клайпеды».
ЛАЙМА. То есть так же, как вы меня и позвали. «Тут какая-то женщина из Литвы за вещами приехала». Придётся выкручиваться на ходу. А вы так себе импровизаторы, честно говоря. Особенно когда начинаете не с того слова.
Виктор смотрит на неё, затем на Марину. Та не собирается его выручать.
ВИКТОР. Согласен. Могу иногда начать не с того слова.
МАРИНА. Вот и начинай молчать. А мы с ней ещё не закончили.
ЛАЙМА. Тогда я пойду посмотрю, как там ваш спектакль играется без вас.
Лайма идёт к двери. Марина ставит поперёк её пути стул – одним движением, без дальнейших перестановок. Лайма обходит препятствие. Марина оказывается между ней и дверью.
МАРИНА. Сядьте.
ЛАЙМА. Спасибо. Мне нужно пройти.
МАРИНА. Вы забыли надеть пальто.
ЛАЙМА. В зале тепло, пальто там лишнее.
ВИКТОР. Лайма, не надо сейчас открывать дверь.
ЛАЙМА. Тогда отойдите. Вы вдвоём обступили меня так плотно, что мне уже нужно просить разрешения, чтобы просто повернуться. Я не собираюсь кричать. Нас и без того прекрасно увидят из зала.
Виктор отступает. Лайма тянет на себя дверную ручку и приоткрывает дверь. Музыка и гул гостей заметно громче, чем при прошлом открытии двери. Марина кладёт ладонь на дверь, чтобы не дать возможность Лайме открыть дверь полностью.
МАРИНА. Закройте. Иначе сюда сейчас начнут заходить.
ЛАЙМА. Я держу.
МАРИНА. Я тоже держу.
ВИКТОР. Поэтому дверь и не закрывается.
Марина убирает ладонь. Лайма закрывает дверь. Обе остаются у порога.
МАРИНА. Если вы выйдете в зал, я расскажу про шесть лет. Не дожидаясь, пока Сергей Ильич закончит здороваться.
ЛАЙМА. Я вас услышала. А я скажу про двадцать второе октября. И вы меня тоже услышали. Нам нужен юрист, чтобы всё это зафиксировать документально? Он здесь.

ВИКТОР. Перестаньте на меня давить.
МАРИНА. Она на тебя даже не смотрит.
ВИКТОР. А я всё равно это чувствую.
Звонит телефон. Женщины не двигаются. Виктор берёт трубку.
ВИКТОР. Да. Все трое… То есть Марина здесь. Мы ещё заняты… Нет, не нужно заходить. С вещами. Да, разбираемся… Музыка пусть пока играет. Я выйду сам. Не объявляйте, пока не увидите меня в зале.
Он кладёт трубку. На этот раз остаётся возле телефона.
МАРИНА. «Все трое».
ВИКТОР. Оговорился. Исправил.
ЛАЙМА. Скорее выкрутились. Вы сказали «Марина здесь», а не «простите, я ошибся».
ВИКТОР. Да. Я понимаю разницу. Я умею отвечать на вопросы предельно точно. И могу выйти к людям прямо сейчас. Как пользоваться этой дверью, вы мне обе только что наглядно продемонстрировали.
МАРИНА. Ты куда собрался?
ВИКТОР. Пока никуда. Но прежде чем любая из вас решит, что я буду молча стоять в зале и слушать ваши публичные выступления – выслушайте меня.

11. Условие Виктора

Виктор подходит к женщинам. Обе невольно освобождают ему проход. Он останавливается, не выходя.
ВИКТОР. Спасибо. Теперь мне хотя бы не нужно просить слова. Вы обе собираетесь вынести правду на публику. Марина – про шесть лет. Лайма – про развод. А мне отведено стоять рядом и подтверждать ваши слова? В зале микрофон будет у меня. И эти люди знают меня давно.
ЛАЙМА. Решили нанести упреждающий удар?
ВИКТОР. Решил отвечать, если зададут вопрос. И больше не стану тактично сглаживать углы, чтобы никто не услышал лишнего.
МАРИНА. Угрожаешь?
ВИКТОР. Обрисовываю диспозицию. Про развод вы знаете только из нашего разговора. Марина может сказать: я советовалась, меня не так поняли. Кто подтвердит, что у неё было твёрдое решение уйти?
ЛАЙМА. Вы.
ВИКТОР. Именно. А твои слова про шесть лет, Марина, могут счесть местью. Кто подтвердит их?

МАРИНА. Опять ты. Слишком много тебя сегодня.
ВИКТОР. Пока вы не договорились – да. И просьбу Андрея о половине для Лаймы тоже слышал только я.
ЛАЙМА. Вы можете перестать постоянно вспоминать об этом?
ВИКТОР. Я не стану бегать за вами по залу и подтверждать только то, что каждой из вас выгодно.
Женщины слушают, не перебивая. Виктор выдерживает паузу.
МАРИНА. Переходи к своим условиям.
ВИКТОР. Пятьдесят тысяч – Лайме. Пятьдесят – остаются тебе. Лайма сегодня в зал не выходит. Я подтверждаю последнюю волю Андрея и помогаю закрыть вопрос. О разводе, о шести годах и о вашей сегодняшней торговле молчим мы все. Включая ту, что уезжает.
МАРИНА. Я предложила двадцать пять. Ты сейчас удваиваешь мою цену без моего участия.
ВИКТОР. За четверть ты покупала её уход и оставляла себе право рассказывать о ней что угодно. Я предлагаю взаимное молчание. О разводе, о шести годах, о деньгах.
ЛАЙМА. Без многозначительных пауз и вздохов о «сложной ситуации»?
ВИКТОР. Без вздохов. Если спросят – разбирали личные вещи покойного.
МАРИНА. И меня ты не будешь изображать женщиной, у которой сдали нервы?
ВИКТОР. Не буду. И ты, пожалуйста, не рассказывай, как семь лет я обслуживал ваши тайны.
Лайма смотрит на дверь. Снаружи всё это время продолжается обычный вечер: музыка, неразборчивые разговоры.
МАРИНА. Вот и твои семь лет пошли в ход.
ВИКТОР. Да. Я хочу спокойно произнести речь. Не оглядываться и не ждать, что кто-то из вас вцепится мне в рукав.
ЛАЙМА. Клуб вы, считайте, уже забрали. Теперь вы хотите, чтобы при слове «друг» никто не уточнял, в чём именно заключалась ваша мужская дружба?
ВИКТОР. Хочу. Я писал поминальную речь, а не явку с повинной. У Андрея была и другая жизнь.
ЛАЙМА. Была. В Клайпеде.
ВИКТОР. После моей операции прошлой зимой он три ночи сидел в коридоре. Ему предлагали ехать домой. Он говорил: «Сейчас». И оставался. Вот об этом я и хотел сказать.

МАРИНА. Я помню.
ЛАЙМА. А мне он тогда сказал – прости, шторм, я задержался.
МАРИНА. Но ты всё-таки хочешь пропустить то, как ты разводил нас по двум городам из-за вашей дружбы.
ВИКТОР. Да. Не каждую подробность надо выкладывать людям, которые пришли проститься. Вы обе тоже хотите о чём-то умолчать. Я хотя бы говорю о чём именно я не хочу говорить.
За стеной музыка обрывается. Глухой удар в микрофон, короткий свист. Виктор невольно выпрямляется. Фразу своей речи он произносит наизусть, торжественно, как перед полным залом. На слове «женщиной» он оказывается лицом к Марине.
ВИКТОР. «Не каждому мужчине выпадает счастье прожить всю свою жизнь рядом с одной любимой женщиной».
Интонация держится до последнего слова. Потом Виктор замолкает.
ЛАЙМА. И вот это вы собираетесь произнести, зная то, что знаете?
ВИКТОР. Это фигура речи. Это фраза о человеческом стремлении.
МАРИНА. Никакого «стремления» там нет. Разве что метания между двумя городами. И его, и твоя вечная ложь.
Виктор опускает глаза. Некоторое время пытается подобрать ответ.
ВИКТОР. Я не лгал. Просто никто не просил уточнить мои слова.
МАРИНА. «Никто не просил уточнить». Повторю в зале, когда спросят, почему ты скрывал Клайпеду.
ЛАЙМА. А я – Борису Аркадьевичу. Он любит повторять удачные фразы.
ВИКТОР. Хватит. Я предложил условия. Вы молчите, я молчу. И мы не выясняем в зале, чья правда звучит убедительнее.
МАРИНА. И всё это – за мои деньги?
ВИКТОР. Деньги твои. Ты покупаешь молчание о разводе. Лайма уступает половину своей цены, потому что теперь ей тоже есть что терять.
ЛАЙМА. Хватит говорить за меня.
Виктор останавливается. Лайма не начинает сразу. Проводит ладонями по коленям, расправляя ткань платья. Поднимает голову.
ЛАЙМА. Я соглашаюсь на пятьдесят тысяч, потому что раньше молчать должна была я одна. Теперь мы все молчим: о моих шести годах и об этих деньгах. Я уезжаю без объяснений. И только за это я уступаю вам вторую половину.

МАРИНА. И в зале сегодня вы не появитесь.
ЛАЙМА. Не появлюсь. Но сначала я хочу услышать ответ от вас. Не кивок Виктора.
МАРИНА. Хорошо. Пятьдесят тысяч. Про развод – никому ни слова. И вы сейчас же уезжаете.
ВИКТОР. Я согласен.
ЛАЙМА. Согласна. Когда вы отдадите деньги?
За стеной снова включается музыка. Марина подходит к столу. Лайма ждёт, пока она остановится, и садится у стола. Виктор остаётся на некотором расстоянии. Марина кладёт ладонь на запечатанный пакет с деньгами.
МАРИНА. У вешалки. Когда вы наденете пальто.
ЛАЙМА. Не раньше?
МАРИНА. Я плачу за то, что вас здесь не будет. Пока вы здесь – вы здесь.
ВИКТОР. Деньги за отсутствие – в момент отсутствия. Разумно.
ЛАЙМА. Хорошо. У вешалки. И никакой Нины Семёновны потом.
МАРИНА. Никакой Нины Семёновны потом.
Они впервые выдерживают молчание, не ожидая, что другая сейчас прибавит условие.
Лайма шумно выдыхает. Не прикрывает выдох следующим вопросом.
ВИКТОР. Вы сомневались в успехе?
ЛАЙМА. Сомневалась. Я понятия не имела, как всё это проворачивается. Оказывается, достаточно просто стоять с таким видом, будто держишь всё под контролем. Главное – не бросаться за пальто раньше времени. *(Смотрит на Виктора.)* И обойдёмся без рукопожатий. У вас уже такое лицо, Виктор, будто сейчас попросите нас обняться для фото.
ВИКТОР. Никаких рукопожатий. Просто… я рад, что мы договорились.
Он действительно рад. И не умеет прятать этого облегчения так быстро, как диктует момент.
МАРИНА. Рано радуешься. Ей ещё вещи собрать. А мне – лицо.
Марина отходит от стола. Пакет с деньгами остаётся на столе нераспечатанным.

12. Кому портмоне?

Марина отдаёт портмоне Виктору. Он берёт его, как последнюю вещь, с которой осталось закончить.
ВИКТОР. С личными вещами закончили. Портмоне кому?
Обе отвечают одновременно.
МАРИНА. Мне.
ЛАЙМА. Мне.
Лайма встаёт. Обе протягивают руки. Виктор поднимает портмоне выше, чем собирался.
ВИКТОР. Вы это сейчас серьёзно?
МАРИНА. Отдай. Я его собирала.
ЛАЙМА. Я тоже.
МАРИНА. Можно не повторять за мной?
ЛАЙМА. Можно. Отдайте мне портмоне, пожалуйста.
ВИКТОР. Это просто старый кусок кожи. Мы только что договорились о ста тысячах евро. Пакет ещё даже не вскрыт, а вы снова воюете.
МАРИНА. Это совершенно другой вопрос. Ты сам спросил – кому?
ЛАЙМА. Вы можете опустить руку. Я не буду за него драться.
МАРИНА. Я тоже.
Виктор опускает портмоне. Обе берут каждая свой край. Виктор остаётся держать середину.
ВИКТОР. Отпустите.
МАРИНА. Я не вырываю. Просто держу.
ЛАЙМА. Я тоже держу.
ВИКТОР. Этот фокус мы уже отрабатывали на двери. Предлагаю не повторять его с предметом, который может порваться.
МАРИНА. Так не тяни его наверх.
ЛАЙМА. Она права. Это вы его тянете.
Виктор разжимает пальцы. Портмоне остаётся между женщинами. Ни одна не тянет его к себе.
ВИКТОР. Замечательно. И что дальше?
МАРИНА. Пусть она отпустит.
ЛАЙМА. Вы же умеете делить пополам. Покажите Марине ещё раз.
ВИКТОР. Можно, наверное, сделать по тому же принципу. Тебе коричневая сторона, Лайме – чёрная.
МАРИНА. Это единая вещь.
ЛАЙМА. Их не оторвать друг от друга. Если разрезать – обе стороны будут ни на что не годны.

МАРИНА. Пока она его держит, пакет с деньгами я не открою.
ЛАЙМА. Пока пакет не откроют, я пальто не надену.
ВИКТОР. Вы понимаете, что этот кусок кожи вы сейчас обе оценили в сто тысяч евро? Вы в своём уме? Кладите его на стол. Вместе.
Они кладут портмоне на стол. Руки остаются на краях. Виктор ждёт, пока женщины уберут руки сами. Каждая сначала разжимает пальцы, потом отводит ладонь.
ВИКТОР. И что вы будете с ним делать?
МАРИНА. Брошу куда-нибудь.
ЛАЙМА. Да я им вообще пользоваться не буду.
ВИКТОР. Вот именно.
ЛАЙМА. Это ещё не повод отдавать его ей.
Марина кивает раньше, чем замечает, что согласилась с доводом против себя.
ВИКТОР. Ладно. Тогда вашим любимым вахтовым методом. Полгода – у тебя, полгода – у неё.
МАРИНА. Это тебе не дача.
ЛАЙМА. И не ребёнок при разводе.
МАРИНА. Ты пытаешься навязать график. У нас в жизни уже был один любитель графиков. Хватит.
Виктор кладёт ладонь на портмоне, но не берёт его.
ЛАЙМА. Отдайте ей. Пусть несёт.
МАРИНА. Не надо мне уступать. Я не просила.
ЛАЙМА. Я не уступаю. Я просто представляю, как вы пойдёте с ним через зал. В первый ряд, например.
МАРИНА. Уберу в клатч.
ЛАЙМА. Не поместится.
МАРИНА. Значит, понесу в руках.
ЛАЙМА. Какой стороной?
Марина не отвечает сразу.
ЛАЙМА. Я не издеваюсь. Я шесть лет знала, какой стороной оно лежит у меня.
МАРИНА. А я не думала ни разу. Мне досталась одна сторона и тридцать лет.
Марина находит среди вещей на столе фотографию из чёрной половины портмоне и придвигает её Лайме.
МАРИНА. Фотографию не забудьте. Он здесь щурится.
ЛАЙМА. На воде он всегда щурился.
МАРИНА. Я знаю.

Лайма берёт фотографию, смотрит на неё и кладёт около себя, на край стола.
ВИКТОР. Хорошо. Никто сейчас не берёт портмоне. Я оставляю его ровно там, куда вы его положили. Это не моё решение. Это – мой отказ принимать решение.
МАРИНА. Ну, вот это уже действительно в твоём стиле.
ЛАЙМА. Я пока его не трогаю.
ВИКТОР. Спасибо.
МАРИНА. Я тоже. И не вздумай благодарить. И только попробуй скажи, что мы проявили гибкость.
Все отходят от стола. Портмоне остаётся чёрной стороной наружу, рядом с закрытым пакетом.
ВИКТОР. Теперь-то можно к вешалке? Лайма надевает пальто, Марина отдаёт деньги. Лайма уезжает, мы выходим к людям.
МАРИНА. Да, люди уже ждут нас в зале.

13. Место в первом ряду

Лайма забирает со стола литовские вещи Андрея и его фотографию, идёт к вешалке. Марина берёт со стола пакет с деньгами и идёт следом. Виктор поднимает со стола папку с речью.
ВИКТОР. Кстати. Раз уж мы обо всём договорились – послушайте. *(Раскрывает папку.)* Я наконец решил, где пауза. После «женщины». Как посоветовала Лайма.
ЛАЙМА. Я пошутила.
ВИКТОР. А вышло правильно.
Он становится так, как будет стоять перед залом, и читает торжественно.
ВИКТОР. «Не каждому мужчине выпадает счастье прожить всю свою жизнь рядом с одной любимой женщиной».
Держит паузу. Дальше говорит обычным голосом.
ВИКТОР. Вот здесь я смотрю в первый ряд. На кресло. На тебя, Марина. Тебе ничего не нужно делать. Просто кивни. Людям будет легче, если…
МАРИНА. Лайма, не надевайте пальто.
Лайма оборачивается. Её рука застывает возле крючка вешалки.
ВИКТОР. Я не договорил.
МАРИНА. Договорил. Я слышала, где пауза.
ЛАЙМА. Почему не надевать?

МАРИНА. Потому что в зал мы с вами пойдём вместе.
ВИКТОР. Как вместе? Вы же только что обо всём договорились. Обе. Лайма уезжает. Мы молчим о том, что здесь было. Я не понимаю, какая часть этого разговора вдруг перестала действовать.
МАРИНА. Всё действует. И действует слишком хорошо. Лайма уезжает без объяснений. Ты говоришь речь с точно рассчитанными паузами. А в паузах кивать – мне. Всё пристойно, всё великолепно.
ВИКТОР. Ну да.
Лайма опускает руку.
ЛАЙМА. Хотите насладиться тем, как он произнесёт эту фразу, глядя на нас обеих?
МАРИНА. Я не хочу одна слушать, как мне повезло в этой жизни.
Марина возвращается к столу с пакетом в руках.
ЛАЙМА. Хотите, чтобы к памятной доске мы подошли вместе?
МАРИНА. Плечом к плечу. Прямо под надпись «Верному мужу».
ЛАЙМА. Тогда я уже не смогу уехать в статусе просто знакомой из Клайпеды. Никто не сделает вид, что не понял, кто я такая.
ВИКТОР. Подождите. Вы сами только что объяснили нам, как зал всё поймёт. Лайма, возьмите пальто и деньги – и уходите. Пока ещё можно просто уйти.
МАРИНА. Я сама её зову. Выбирайте, Лайма.
ЛАЙМА. А деньги? Вы же платите за то, что меня здесь не будет.
МАРИНА. Наденете пальто – отсчитаю пятьдесят тысяч, как договорились, и уезжайте. Не наденете – идём в зал вместе.
ЛАЙМА. Удобно. Получается, в зале я вам ничего не стою.
МАРИНА. Решайте сами. Я не стану вас останавливать.
Марина, не выпуская пакета, отставляет стул, который так и стоял поперёк прохода. Путь к двери теперь свободен. Второго приглашения не звучит.
ЛАЙМА. Сергей Ильич начнёт с того, как он рад меня видеть. Потом заметит вас. И замолчит.
МАРИНА. Если сумеет.
ЛАЙМА. Нине Семёновне не удастся. Она задаст вопрос вслух.
ВИКТОР. Можно попрощаться с ними в другой раз. Когда это не будет выглядеть как специально устроенная сцена.
ЛАЙМА. Кем устроенная?
ВИКТОР. Вами обеими.
МАРИНА. Мы про зал ещё не закончили. Не торопи.
Лайма убирает руку от пальто.

ЛАЙМА. Я пойду в зал. Пятьдесят тысяч оставьте себе.
Коротко усмехается.
ЛАЙМА. Окно на кухне сама заклею.
Пауза.
ЛАЙМА. Если спросят, кем я ему приходилась, отвечу: девятнадцать лет вместе. Если спросят, знала ли о жене, отвечу: последние шесть лет знала. Если спросят, что он мне оставил, – отвечу: ничего. Объяснять за меня вы больше не будете.
Марина кладёт запечатанный пакет с деньгами на стол.
ВИКТОР. Поздравляю. Вы только что отказались от пятидесяти тысяч евро – за дверь, которую любой может открыть.
ЛАЙМА. Вот я и войду как любой. Постою в конце зала – как вы и просили.
Лайма идёт от вешалки к двери мимо стола с деньгами. Никто её не останавливает. Она берётся за дверную ручку.
МАРИНА. В конце зала он на вас не посмотрит.
Лайма останавливается, не отпуская ручки.
ВИКТОР. Я вообще ни на кого не собираюсь смотреть.
МАРИНА. Собираешься. На кресло вдовы. Ты сам сказал.
Марина поворачивается к Лайме.
МАРИНА. Сядете рядом со мной. В первом ряду.
ЛАЙМА. В кресло вдовы я не сяду. Я не прошусь, я уже говорила. И в вашей затее против Виктора Павловича я не участвую.
Лайма открывает дверь. Музыка и голоса гостей становятся громче.
МАРИНА. Лайма. Пожалуйста. Сядьте рядом со мной.
Лайма закрывает дверь и поворачивается к Марине.
ЛАЙМА. Сто.
МАРИНА. Пятьдесят. Кресел два.
ЛАЙМА. Сто. Из них я вам плачу пятьдесят за место рядом с вами в первом ряду.
ВИКТОР. Подождите. В чём разница?
ЛАЙМА. Раньше я просила. Теперь я плачу.
ВИКТОР. А как же твой вечер, Марина? Ты три недели добивалась, чтобы все смотрели на мемориальную доску.
МАРИНА. Теперь будут смотреть на нас обеих.
Пауза.
МАРИНА. Да, для такого вечера место в первом ряду стоит пятьдесят тысяч.
Вскрывает пакет с деньгами и выкладывает все пачки купюр на стол.

МАРИНА. Сто. Это всё ваше, Лайма.
Лайма подходит к столу. Виктор так и стоит с раскрытой папкой. Лайма отсчитывает половину пачек и придвигает их к Марине.
ЛАЙМА. Пятьдесят. За место в первом ряду.
ВИКТОР. Два конверта. Как я ему и предлагал.
МАРИНА. Нет, совсем не так. Ты предлагал это за нашей спиной.
Марина убирает деньги в свой клатч. Клатч закрывается с трудом.
ЛАЙМА. Поместилось?
МАРИНА. Половина помещается.
Лайма забирает со стола свою половину пачек и убирает деньги во внутренний карман пальто на вешалке; пальто остаётся висеть.
МАРИНА. А если Нина Семёновна спросит, что он вам оставил?
ЛАЙМА. Отвечу честно: половину. Выходим?

14. Пауза после «женщины»

ВИКТОР. Без меня. Я отказываюсь в этом участвовать.
Виктор закрывает папку, которую до этого всё время держал открытой.
МАРИНА. Это вечер памяти Андрея. Твоя речь – это последняя услуга, которую ты можешь оказать сегодня своему другу.
ЛАЙМА. Тем более что мы уже слышали начало вашей речи. С паузой после «женщины».
МАРИНА. Ты не будешь читать свою речь с листа. Будешь выступать сам, без бумажки.
ВИКТОР. Я писал свою речь не один вечер. Там далеко не всё про вас.
ЛАЙМА. Первую фразу вы всё равно помните наизусть. «В этот скорбный час, когда мы вспоминаем покойного Андрея». Дальше говорите сами. Глядя на нас.
Они подходят к Виктору с разных сторон. Марина берёт папку за один край, Лайма – за другой. Вместе опускают её на стол. Виктору приходится разжать руки. Папка остаётся лежать рядом с портмоне.
ВИКТОР. Хорошо. Без бумажки.
МАРИНА. Сначала здесь. Покажи, как будешь говорить.
ВИКТОР. Я только что согласился.

МАРИНА. Согласиться ты умеешь. Теперь скажи. Я должна знать, что увижу из первого ряда. Иначе опять окажется, что ты имел в виду что-то другое.
ВИКТОР. Я имел в виду именно то, что сказал.
МАРИНА. Вот это и покажи.
Марина, не выпуская клатча, ставит два стула в один ряд, но на расстоянии друг от друга, лицом к мемориальной доске. Третий стул остаётся у стола.
МАРИНА. Вот первый ряд. Лайма, садитесь. Виктор, встань у доски. Микрофон будет там, где доска.
Женщины садятся. Клатч остаётся у Марины. Виктор встаёт рядом с доской, как у микрофона, лицом к середине их ряда. Папка лежит на столе рядом с портмоне.
ЛАЙМА. Глядя на нас обеих.
ВИКТОР. Я понял.
МАРИНА. Начинай.
ВИКТОР. «Не каждому мужчине выпадает счастье прожить всю свою жизнь рядом с одной любимой женщиной».
На паузе Виктор всем корпусом разворачивается к Марине.
ЛАЙМА. На обеих, Виктор Павлович. Я тоже здесь сижу.
ВИКТОР. Я не отворачивался от зала.
ЛАЙМА. От меня отвернулись.
ВИКТОР. Пауза не там.
МАРИНА. После «женщины». Ты сам выбрал. Ещё раз.
Лайма выдвигает свой стул вперёд и чуть вбок, на прямую между Виктором и Мариной. Садится.
ЛАЙМА. Теперь начните с меня. До Марины дойдёте.
ВИКТОР. Вы слишком близко.
ЛАЙМА. Вы сами выбрали первый ряд.
ВИКТОР. «Не каждому мужчине выпадает счастье прожить всю свою жизнь рядом с одной любимой женщиной».
На паузе Виктор отступает в сторону и поворачивается всем корпусом, чтобы снова оказаться лицом к Марине. Лайма остаётся в стороне от этой линии.
ЛАЙМА. Куда же вы?
ВИКТОР. Вы загораживаете.
ЛАЙМА. Кого?
ВИКТОР. Первый ряд.
ЛАЙМА. Я и есть первый ряд. Ровно его половина.

МАРИНА. Виктор, в зале стулья двигать не будут. Надо уметь говорить с того места, куда тебя поставили.
ЛАЙМА. Марина, поменяемся местами.
МАРИНА. Зачем?
ЛАЙМА. Проверим, дело в стуле или нет.
МАРИНА. Лайма, это стулья из одного комплекта.
ЛАЙМА. Тогда никакой разницы.
Лайма возвращает свой стул в ряд. Женщины меняются местами. Марина переносит клатч с собой. Виктор остаётся у доски.
МАРИНА. Последний раз. И с места не сходи.
ВИКТОР. Я и не собирался.
МАРИНА. Тогда начинай.
ВИКТОР. «Не каждому мужчине выпадает счастье прожить всю свою жизнь рядом с одной любимой женщиной».
На паузе Виктор разворачивается всем корпусом к Марине на её новом месте.
ЛАЙМА. Куда вы – туда и он.
МАРИНА. Он привык. Друг семьи. Тридцать лет за одним столом.
ЛАЙМА. Он вас любит, Марина.
МАРИНА И ВИКТОР *(одновременно).* Глупости.
ЛАЙМА. Он говорит здесь не про Андрея – про себя.
МАРИНА. У меня за стеной полный зал. Мне ещё только этого не хватало.
ВИКТОР. Мы совершенно отклонились от предмета разговора.
Лайма задаёт вопросы один за другим. Виктор отвечает без раздумья; каждый новый вопрос застаёт его прежде, чем он успевает что-либо добавить.
ЛАЙМА. Какие цветы она велела оставить у стены?
ВИКТОР. Белые.
ЛАЙМА. Какой свет нельзя?
ВИКТОР. Синий.
МАРИНА. Его не любил Андрей.
ВИКТОР. Синий не любишь ты.
ЛАЙМА. Какой салат она второй раз не делает?
ВИКТОР. Зимний. Первый был хороший.
ЛАЙМА. Пока Андрей встречал Новый год у меня, у вас его встречал Виктор Павлович.
МАРИНА. Он просто приходил.
ЛАЙМА. Андрей говорил – он женат на клубе. Не на клубе.

Марина встаёт.
МАРИНА. Сто тысяч сейчас, своими. Это Андрей распорядился?
ВИКТОР. Он просил уговорить тебя отдать половину Лайме.
МАРИНА. Я спросила не про Лайму.
ВИКТОР. Я не лгал. Просто никто не просил уточнить мои слова.
ЛАЙМА *(показывает на своё пальто на вешалке).* Значит, половина вашей заботы – у меня в пальто.
Пауза.
МАРИНА. Весь вечер ты объяснял мне, как я должна распорядиться этими деньгами. А сам даже не спросил, нужны ли они мне сейчас.
ВИКТОР. Ждать полгода тебе совершенно незачем.
МАРИНА. Ты и это без меня решил. Значит, тридцать лет?
ВИКТОР. Тридцать один.
МАРИНА. Тридцать один год ты не мог признаться мне в своих чувствах?
ВИКТОР. Я боялся твоего ответа. Любого.
Пауза.
ЛАЙМА. Наконец кто-то в этой семье ответил прямо.
МАРИНА. Мы с Андреем женаты тридцать лет.
ВИКТОР. Я знаю. Я был свидетелем на вашей свадьбе.
МАРИНА. И двадцать второго октября ты посоветовал мне подождать.
ВИКТОР. Я сам всю жизнь жду. Другого совета у меня не было.
МАРИНА. Мне посоветовал подождать, а сам не выждал и дня. Дождался Андрея перед рейсом и всё ему рассказал. Тоже скажешь – спасал наш брак?
ВИКТОР. Не спасал.
МАРИНА. Тогда зачем?
ВИКТОР. Побоялся, что ты передумаешь. Что он вернётся, постоит у холодильника – и ты снова останешься. А если он узнает от меня, что ты уже приходила к юристу, – дороги назад не будет. Ни у него, ни у тебя.
ЛАЙМА. Значит, всё-таки освобождали место.
ВИКТОР. Освобождал. Семь лет прикрывал его поездки, тридцать лет сидел за вашим столом. А в тот вечер решил, что всё, с меня хватит. Только про шторм я не знал.
Пауза. Марина смотрит на Виктора.
МАРИНА. Тридцать один год молчал, а решился в самый неподходящий вечер.

Виктор отступает от доски.
ВИКТОР. Теперь я это не скажу.
МАРИНА. Скажешь. Слово в слово. С паузой после «женщины». Глядя на меня.
ВИКТОР. А ты?
МАРИНА. А я решу, кивать или нет.
ВИКТОР. А если нет?
МАРИНА. Тогда это было про Андрея.
ЛАЙМА. А если да?
МАРИНА. Тогда тебе придётся подождать ещё полгода. Пока его не признают мёртвым.
ВИКТОР. Марина, я ждал тридцать один год.
МАРИНА. Подождёшь ещё полгода. Как ты мне тогда сказал? «Не надо решать всю жизнь за один вечер».
ЛАЙМА. Оставьте паузу после женщины. Женщины к этому привычные.
Лайма встаёт. Два пустых стула остаются рядом, лицом к доске. Виктор машинально поправляет галстук и одёргивает пиджак.
МАРИНА. Лайма, вы пойдёте слева.
ЛАЙМА. От него или от вас?
МАРИНА. От него. От меня налево уже достаточно ходили.
Марина берёт Виктора под одну руку. Лайма – под другую. Он сначала принимает это за помощь, потом пробует освободиться. Обе позволяют ему удобнее поставить локти, но не отпускают.
ВИКТОР. Я в состоянии передвигаться самостоятельно.
МАРИНА. Передвигайся. Мы тебя не несём.
Виктор делает шаг. Женщины идут с ним. Он останавливается; они тоже. Виктор оглядывается.
ВИКТОР. Доска осталась здесь.
МАРИНА. За ней придут.
Виктор отворачивается от доски.
ВИКТОР. Хорошо, что ты не дала написать «Другу».
МАРИНА. Пусть выносят как есть. С надписью «Верному мужу».
ЛАЙМА. Одно слово там теперь правда.
Они уже возле двери. Звонит телефон. Марина отпускает руку Виктора, возвращается к столу, снимает трубку. Слушает вопрос.
МАРИНА. Да. Два кресла. Две вдовы.
Кладёт трубку, возвращается к двери и снова берёт Виктора под руку. Марина открывает дверь. Звуки зала обрушиваются в полную

силу. Виктор делает шаг к порогу, но Лайма останавливается и отпускает его локоть.

ЛАЙМА. Виктор Павлович, а кабинет будет заперт?

ВИКТОР. Нет. Я не запираю кабинет в своём клубе. Чужих здесь нет.

ЛАЙМА. Тогда подождите меня. Я быстро – только переложу деньги из кармана в сумочку. Не хочу здесь их оставлять.

Марина равнодушно пожимает плечами.

МАРИНА. Мы будем ждать вас в зале. В первом ряду.

Марина уводит Виктора за порог. Они выходят, дверь остаётся открытой.

Лайма остаётся в кабинете одна. Возвращается к вешалке, снимает с крючка свою сумочку. Достаёт из внутреннего кармана пальто пачки купюр, перекладывает их в сумочку. Из сумочки неожиданно резко начинает звонить мобильный телефон.

ЛАЙМА. Нет, не сейчас.

Всё равно вынимает из сумочки мобильный телефон, смотрит на экран – понимает, кто звонит, после чего быстро подходит и закрывает дверь. Отходит подальше от двери и принимает вызов.

ЛАЙМА. Алло. Андрей? Да, всё хорошо… Да, получилось… Ровно половину, как ты и просил… Хотя она отдавала всё. Но на вторую половину я купила себе место в первом ряду. Два кресла, две вдовы… Да, Андрей, приеду – расскажу… Я тебя тоже, любимый.

Заканчивает звонок. Убирает телефон в сумочку и застёгивает её.

ЛАЙМА. Да, не каждому мужчине выпадает счастье прожить всю свою оставшуюся жизнь рядом с одной любимой женщиной.

Пауза.

Поворачивается, открывает дверь и выходит из кабинета.

ЗАНАВЕС.

Кутаиси – Алматы, 2026

ФОТОГРАФИЯ СТРУННОГО КВАРТЕТА

Камерная комедия в десяти сценах



Действующие лица

ПЕРВАЯ СКРИПКА.
ВТОРАЯ СКРИПКА.
АЛЬТ.
ВИОЛОНЧЕЛЬ.

Имена персонажей совпадают с названиями партий. В современном струнном квартете любую партию может исполнять как мужчина, так и женщина. Эта пьеса построена на той же свободе: в тексте представлены четыре женские роли, но любую из них может играть актёр-мужчина при условии соответствующего изменения грамматического рода в репликах.

Место действия

Репетиционная комната. Четыре стула, четыре пюпитра, инструменты и футляры. Тёмный задник для единственной проекции в финале. Штатив. Мобильный телефон со встроенной фотокамерой. Автоспуск

для фотосъёмки каждый раз одинаков: двадцать секунд с громким механическим отсчётом каждой секунды. До отметки «пять» счёт продолжается под репликами и действием. Последние пять секунд исполняются в реальном времени.
Инструменты должны быть настоящими хотя бы в обращении с ними: их высокая стоимость должна чувствоваться по тому, как мгновенно меняется всякое движение рядом с декой, грифом или смычком. Люди могут потерять достоинство, инструменты – нет.
Занавес открывается на последних тактах генеральной репетиции.

Сцена 1. Как всегда

Музыка уже прошла. Последняя фраза – быстрая, собранная – только что была сыграна четырьмя людьми, которые безошибочно знают, где окажется чужой смычок через полсекунды. Последний аккорд ещё может даже висеть в воздухе.
Смычок Первой наконец опускается. Тишина.
Четверо музыкантов в сценических костюмах почти одновременно выходят из концертной неподвижности. Вторая первой тянется к пюпитру. Альт уже нагибается к футляру. Виолончель перестаёт сжимать инструмент коленями.
ПЕРВАЯ. Генеральная закончена, но инструменты не убираем.
Трое замирают – ровно настолько, чтобы это не выглядело подчинением.
ВТОРАЯ. Я только за карандашом.
ПЕРВАЯ. За карандашом можно. Сами остаёмся. Нужна фотография.
АЛЬТ. Прямо сейчас?
ПЕРВАЯ. Юбилейный буклет уже завтра ждут в типографии.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. А. Фотограф сорвался, ты говорила.
ПЕРВАЯ. Поэтому штатив я принесла сама.
Достаёт из-за футляров у стены сложенный штатив.
ВТОРАЯ. А старая фотография чем плоха?
ПЕРВАЯ. На старой нам не двадцать лет вместе, а по двадцать каждой.
АЛЬТ. Так это даже лучше.
ПЕРВАЯ. Лучше. Но на сцену выйдем мы сегодняшние. Нас должны узнать хотя бы по буклету.
ВТОРАЯ. А подпись какая?
ПЕРВАЯ. «Квартет „Меридиан“. Двадцать лет вместе».

АЛЬТ. Можно без «вместе»?
ПЕРВАЯ. Можно вообще без буклета. Будем продавать на юбилее пустую бумагу.
АЛЬТ. Главное, автографы не ставить. А то сразу упадёт в цене.
ВТОРАЯ. Только пусть фамилии одним шрифтом. В прошлый раз мою перенесли на другую строчку. Получилось, что я работаю отдельно.
ПЕРВАЯ. Ты же сама просила вписать лауреата.
ВТОРАЯ. Я и есть лауреат.
ПЕРВАЯ. Вот лауреат тебя и перенёс.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Давайте тогда побыстрее. Поставим мой новый телефон – у него камера лучше.
ПЕРВАЯ. Лучше чем у кого?
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Чем у всех. Посмотрим в одну точку, улыбнёмся сквозь зубы. И через тридцать секунд я дома.
ВТОРАЯ. Ты живёшь в коридоре?
Первая раскрывает штатив. Альт помогает с другой стороны. Они тянут его в разные стороны, затем одновременно отпускают. Штатив остаётся между ними.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Дайте сюда.
Устанавливает телефон, проверяет зажим. Первая пододвигает штатив.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Я уже поставила.
ПЕРВАЯ. На два пальца мимо.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Чей телефон – того и пальцы.
ПЕРВАЯ. А штатив чей?
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Штатив без телефона – вешалка.
Возвращает штатив. Снова проверяет зажим.
АЛЬТ. Ты свой телефон сейчас задушишь.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Ему три дня. Обидно будет, если упадёт.
ВТОРАЯ. Не бойся, мы его не уроним.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Я и ставлю так, чтобы вы не дотянулись. Всё-таки двадцать лет вместе.
ПЕРВАЯ. Садимся как всегда.
Виолончель и Вторая садятся. Альт становится за Второй. Первая оказывается в центре. Никого не оттесняла: ей уступили.
АЛЬТ. Ну естественно.
ПЕРВАЯ. Что?
АЛЬТ. Опять ты в центре.

ПЕРВАЯ. Кто-то же должен там стоять.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Двадцать секунд. Раньше щелчка не расходимся.
Запускает таймер автоспуска на телефоне.
ТЕЛЕФОН. «Двадцать». Отсчёт продолжается.
Виолончель торопливо возвращается. Проходя, задевает пюпитр. Первая одной рукой ловит падающие ноты, другой уводит в сторону скрипку, пропуская мимо себя Виолончель: той приходится удерживать равновесие самой. Виолончель усаживается, выдвигает шпиль, пристраивает инструмент. Вторая поправляет одежду. Альт за спиной Первой пробует выглянуть сначала слева, потом справа – Первая, не оборачиваясь, всякий раз чуть меняет наклон головы, перекрывая ей объектив.
АЛЬТ. Меня за тобой нет.
ПЕРВАЯ. Полшага.
АЛЬТ. Куда?
ПЕРВАЯ. Где ты есть.
«Пять» – все поворачиваются к объективу. «Четыре» – на лицах одновременно появляются улыбки, не имеющие ничего общего с их выражениями секунду назад. «Три» – Альт шагает в сторону. «Два» – ещё полшага. «Один» – замирает.

ЩЁЛК.

Виолончель снимает телефон. Трое заглядывают через её плечо.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Нас тут трое.
АЛЬТ. Нас четверо. Мы же струнный квартет, а не трио.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Здесь – трое.
АЛЬТ. Я сделала всё, как ты сказала.
ПЕРВАЯ. Я не сказала выйти из кадра.
АЛЬТ. Зато теперь у вас квартет без недостатков. Две скрипки и виолончель.
ПЕРВАЯ. Вернись на место.
Альт ставит свой стул в центре, вынуждая Первую отступить.
АЛЬТ. Я так больше не фотографируюсь.
Пауза.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Насчёт тридцати секунд я поторопилась.

Сцена 2. По росту

ПЕРВАЯ. Ты поставила стул мне на ногу.
АЛЬТ. Я поставила стул в центр.
ПЕРВАЯ. Мне на ногу.
АЛЬТ. Значит, твоя нога уже была в центре.
Первая убирает ногу. Альт садится.
ВТОРАЯ. Можно сделать два центра.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. А четыре сразу нельзя? Мне домой пора.
ВТОРАЯ. Двое посередине. Двое с краю.
ПЕРВАЯ. Про край ты сама сказала.
ВТОРАЯ. Я всегда с краю и ниже всех.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Потому что ты сидишь.
ВТОРАЯ. Так ты тоже.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. У меня виолончель.
Вторая встаёт на стул. Скрипку держит над собой.
ВТОРАЯ. Теперь я выше всех.
ПЕРВАЯ. Слезь.
ВТОРАЯ. Наконец-то мы на одном уровне.
АЛЬТ. У тебя уровень люстры.
ВТОРАЯ. Буду блистать.
Виолончель отодвигает инструмент от её каблука. Первая осторожно забирает у Второй скрипку. Вторая протягивает освободившуюся руку Альту. Альт принимает у неё смычок. За предложенную ладонь никто не берётся. Вторая сходит со стула сама.
ВТОРАЯ. Спасибо.
ПЕРВАЯ. Не за что.
Возвращает скрипку.
ВТОРАЯ. Я руку подавала.
АЛЬТ. Смычок я взяла.
ВТОРАЯ. А меня?
АЛЬТ. Ты же не упала.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. А скрипку потом не соберёшь. Это мы ещё держимся без клея. Двадцать лет.
ВТОРАЯ. Давайте тогда по росту. Тут хоть всё видно.
Ставит Первую и Альта спинами друг к другу. Обе вытягиваются.
ВТОРАЯ. Подбородок роста не прибавляет.
ПЕРВАЯ. Я так шею держу.
АЛЬТ. А я так волосы.

Взбивает волосы. Вторая прижимает их смычком Альта, как планкой ростомера. Альт тут же подставляет ладонь под трость.
АЛЬТ. Моим смычком елозить не жалко? Своим меряй.
Вторая меняет смычок на свой – и сразу подставляет под трость ладонь.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Можете мерить моим. Он у меня длиннее.
Все на неё смотрят.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Длиннее – не значит лучше. Я знаю.
ВТОРАЯ. *(Альту.)* Ты первая.
ПЕРВАЯ. С какой стороны она первая?
ВТОРАЯ. Слева.
ПЕРВАЯ. Считай справа.
АЛЬТ. Рост от этого не поменяется.
ПЕРВАЯ. Зато тогда я – первая.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Я тоже могу встать. Меня с инструментом вообще за двоих считать надо.
ВТОРАЯ. Мы считаем людей, а не инструменты.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. В кадре же мы вместе.
АЛЬТ. Двадцать лет вместе. Но надо вычесть инструмент из человека.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Значит, вычтем у меня инструмент. У неё – каблуки. А у тебя вычтем причёску.
ПЕРВАЯ. Может, ещё и в столбик встанем?
ВТОРАЯ. Вот поэтому я и предлагаю встать рядом. Как есть. Не вытягиваясь.
АЛЬТ. Сама сначала плечи опусти.
Вторая опускает плечи. Остальные следят, сколько она потеряла в росте.
Вторая расставляет всех: Альт, Первая, Виолончель, Вторая. Сама оказывается с краю.
ВТОРАЯ. По убыванию как-то пессимистично. «Двадцать лет: путь до гроба».
Меняет порядок. Снова встаёт с краю.
ВТОРАЯ. А так?
ВИОЛОНЧЕЛЬ. А так мы как будто хвастаемся.
АЛЬТ. «Двадцать лет: через терции к звёздам».
Вторая подтягивает свой закрытый футляр, ставит на него ногу.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Ты встала на футляр.
ВТОРАЯ. Пол кривой.
ПЕРВАЯ. Ага, а футляр ровный.

Виолончель бережно вытягивает футляр из-под ноги Второй. Вторая хватается за Первую; та сразу уводит скрипку в сторону, и Вторая удерживается за пюпитр.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Я спасла скрипку.
ВТОРАЯ. Скрипка у меня в руке.
Виолончель открывает футляр – он пустой. Закрывает и ставит его к стене.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Замок тоже денег стоит.

Сцена 3. По алфавиту

АЛЬТ. Ладно. Давайте тогда по возрасту.
ПЕРВАЯ. Нет.
АЛЬТ. Я ещё не сказала, в каком порядке.
ПЕРВАЯ. По возрасту – это как-то оскорбительно. Мы же музыканты, а не спортсмены.
ВТОРАЯ. Тогда давайте по фамилиям.
АЛЬТ. Вот. Алфавитом оскорбить трудно.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Зато сразу понятно, кто крайний.
Альт расставляет: Вторая, Первая, Альт, Виолончель.
ВТОРАЯ. Вообще-то моя настоящая фамилия на «Я».
ПЕРВАЯ. Ты двадцать лет на «В».
ВТОРАЯ. Это на сцене я на «В». А сейчас я на «Я».
АЛЬТ. Пожалуйста.
Пропускает её вдоль ряда. Вторая оказывается на другом краю.
ПЕРВАЯ. Получается, теперь я крайняя?
ВТОРАЯ. Это потому что мы встали по-настоящему.
ПЕРВАЯ. По-настоящему – это когда всех видно.
ВТОРАЯ. Тебя отлично видно. Слева от тебя вообще никого.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Потому что она первая. А ты теперь последняя.
ВТОРАЯ. Крайняя.
АЛЬТ. Какая разница?
ВТОРАЯ. С краю всегда тянет в середину. Из-за этого у меня на шее складка.
Первая разворачивает её плечи к центру. Вторая тут же задирает подбородок.
ПЕРВАЯ. Складка осталась.
Несколько секунд все пробуют стоять крайними, каждая своим способом: Первая сразу выходит на полшага вперёд, Вторая задирает

подбородок и втягивает щёку со стороны камеры, Альт наклоняется к центру всем корпусом, Виолончель выставляет деку. Получается четыре разных способа не быть крайней, стоя с краю.
ПЕРВАЯ. Можешь вернуться на «В».
ВТОРАЯ. Чтобы снова быть крайней вместо тебя?
АЛЬТ. Тогда стой на своей фамилии.
Приносит ей футляр. Вторая отодвигает его под ноги Первой.
ВТОРАЯ. Пусть она стоит повыше. Всё-таки первая по алфавиту.
ПЕРВАЯ. Убери.
ВТОРАЯ. Ты же хотела выше.
ПЕРВАЯ. Я хотела, чтобы меня было видно.
ВТОРАЯ. Попробуй встань. Я потом уберу.
Первая ставит одну ногу на футляр, выпрямляется. Вторая отходит к телефону.
ВТОРАЯ. Вот теперь тебя видно.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Не трогай мой телефон.
ВТОРАЯ. Я только таймер поставлю.
Нажимает.
ТЕЛЕФОН. «Двадцать». Счёт продолжается.
Вторая быстро возвращается на свой край. По дороге успевает одёрнуть одежду и занять позу вполоборота. Первая пробует опереться на футляр второй ногой – крышка футляра слегка прогибается. Первая вздрагивает, первым делом поднимая повыше скрипку, а Виолончель и Альт синхронно отводят свои инструменты от её локтя.
ПЕРВАЯ. Убери теперь.
ВТОРАЯ. Не двигайся. Смажешь.
Первая пытается носком свободной ноги отодвинуть футляр, не теряя в росте. Вторая вытягивает шею и втягивает щёку.
АЛЬТ. У тебя чудесный подбородок.
Первая сохраняет позу. «Пять» – перестаёт требовать. «Четыре» – выпрямляет плечи. «Три» – остальные поворачиваются к объективу, будто «три» – не число, а начало концерта. «Два». «Один».

ЩЁЛК.

Первая сходит с футляра. Виолончель показывает снимок.
ПЕРВАЯ. Нет. Это не пойдёт.
ВТОРАЯ. Почему? Ты здесь выше всех.
ПЕРВАЯ. Видно же, что я стою на футляре.

АЛЬТ. Ты сама встала.
ПЕРВАЯ. Она мне его подложила. Получается, я топчусь на скрипке.
ВТОРАЯ. Футляр пустой.
ПЕРВАЯ. На фотографии не видно, что он пустой.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Зато видно, кто его топчет.
ПЕРВАЯ. Ты специально его не убрала.
ВТОРАЯ. Ты здесь так хорошо получилась. Давайте оставим.
ПЕРВАЯ. Я здесь как дура.
ВТОРАЯ. Ты здесь выше всех.
ПЕРВАЯ. Удали.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Потом. Сначала сделаем хороший снимок, а плохие я удалю.
Первая ставит футляр к стене, ручкой от Второй.

Сцена 4. Без центра

ПЕРВАЯ. Давайте отодвинем штатив подальше. Чтобы всем влезть в кадр без этих перестроений.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Я уже пробовала. Получаются четыре инструмента с маленькими головами.
АЛЬТ. Так наклони телефон.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Тогда головы без ног.
ВТОРАЯ. Зато футляр не видно.
ПЕРВАЯ. Сфотографируем только лица.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. А виолончель? От неё останется палка у моего уха. Я с ней двадцать лет. Нам обеим надо целиком в кадр.
АЛЬТ. Двадцать лет мы с тобой, между прочим.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Тем более могли бы знать, сколько мне нужно места.
ВТОРАЯ. Тебе или ей?
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Нам. Отодвину телефон – вы потребуете приблизить. Уже проходили. Я потом ещё должна выбрать лучшую, переслать, зарядить. А вы только улыбнулись – и всё. А мне ещё домой надо.
Возвращает телефон в зажим.
ПЕРВАЯ. Тогда давайте в круг. Центра не будет.
Ставит стул боком. Остальные замыкают круг, садятся лицами внутрь.
ВТОРАЯ. Алло! Камера с той стороны.

ПЕРВАЯ. Вижу.
ВТОРАЯ. Как ты видишь? От тебя в кадре только затылок.
Первая сдвигается. За ней вынуждены сдвинуться остальные. Теперь спиной к камере Альт.
АЛЬТ. Опять меня нет.
Круг поворачивается. Спиной оказывается Вторая.
ВТОРАЯ. Я не для этого меняла фамилию.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Ты её меняешь только на сцене.
ВТОРАЯ. Тем более.
Ещё поворот. Виолончель разворачивает инструмент к камере и прячется за ним.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Вот. Ничего лишнего.
АЛЬТ. Твоего лица не видно.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Вас тоже. Я готова на такие жертвы.
ПЕРВАЯ. Ладно. Круг отменяется.
Разрывает круг, расставляет стулья полукругом. Её стул оказывается посередине.
АЛЬТ. Ага. Круг отменяется, но твой стул в центре остаётся.
ПЕРВАЯ. Хорошо. Меняемся.
Меняется с Альтом, садится с краю. Подтягивает свой стул вперёд.
ВТОРАЯ. У тебя сейчас край центрее центра.
ПЕРВАЯ. Вообще-то это называется перспектива.
АЛЬТ. Перспектива обычно уходит вдаль.
Носком отодвигает стул Первой. Первая пятками возвращает его. Альт снова отодвигает.
ПЕРВАЯ. Не надо двигать стул вместе с человеком.
АЛЬТ. Тогда встань. Я подвину стул без человека.
Первая не встаёт.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Так. Снимаем как на репетиции. К пюпитрам. Начали.
Берёт инструмент в репетиционную позу. Вторая и Альт мгновенно подхватывают игру: инструменты к плечу, взгляд в ноты.
Первая, которая только что не встала ради Альта, теперь встаёт сама. Не замечая, что делает, выступает на полшага из полукруга, поднимает скрипку и обводит всех взглядом.
Тишина.
ВТОРАЯ. Чуть-чуть подними подбородок.
Первая машинально поднимает подбородок.
АЛЬТ. Вот это лицо.

Первая машинально собирает губы в вежливую линию.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. И те самые полшага вперёд.
Первая смотрит вниз. Видит свои ноги. Медленно возвращает переднюю ногу назад.
ВТОРАЯ. Да тебе и в центр садиться не надо. На лице написано, кто здесь главная.
ПЕРВАЯ. У меня нормальное лицо.

Сцена 5. Похожа

ВТОРАЯ. Вот с этим лицом и объяви нашу программу.
ПЕРВАЯ. Зачем?
ВТОРАЯ. Скажи нам хоть одну фразу. С нормальным лицом.
Первая кладёт скрипку и смычок в открытый футляр. Выходит вперёд. Трое мгновенно выстраиваются за ней.
ПЕРВАЯ. Сегодня мы исполним…
ВТОРАЯ. Вот!
ПЕРВАЯ. Что?
АЛЬТ. Благодать пошла.
Альт занимает её место. Обводит зал взглядом, кланяется с преувеличенным сочувствием.
АЛЬТ. «Сегодня мы снизойдём до того, чтобы вы нас послушали».
ПЕРВАЯ. «Снизойдём» я не говорю.
ВТОРАЯ. У тебя это подбородок говорит.
ПЕРВАЯ. Хорошо. Объявляй сама.
ВТОРАЯ. «Сегодня мы исполним»…
ПЕРВАЯ. Кому ты это говоришь? Пюпитру? Голову выше. Плечи. Не прячься. И улыбнись, люди деньги заплатили за твоё лицо.
Вторая выполняет команды. Получается поза Первой.
АЛЬТ. О. Вот теперь слышно.
ПЕРВАЯ. Что слышно? Она ещё ничего не сказала.
Вторая копирует её всем телом: выступает вперёд, отводит остальных ладонью, разрешает публике смотреть.
ПЕРВАЯ. Я так руку не держу.
ВТОРАЯ. Я двадцать лет за тобой стою. Мне твоя рука виднее.
ПЕРВАЯ. Пожалуйста, выходи впереди меня.
ВТОРАЯ. Спасибо. Ты меня всё равно обгонишь.
ПЕРВАЯ. Потому что ты остановишься прямо посреди дороги.

Первая показывает, как выходит Вторая: крадётся следом, пытается выглянуть из-за чужого плеча, незаметно обгоняет и кланяется первой.

АЛЬТ. Похожа.

ВТОРАЯ. На кого?

АЛЬТ. На тебя.

Вторая отступает. Альт преувеличенно кланяется, демонстрируя инструмент. Виолончель выставляет свой между альтом и воображаемой публикой.

ВТОРАЯ. Струнный квартет представляет.

Вторая убирает скрипку и смычок в футляр. Берёт стул, несёт перед собой, как огромную виолончель. Садится за спинку и торжественно кланяется вместе со стулом. Альт помогает стулу раскланяться, оттесняя Вторую.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. «Двадцать лет: вместе со стулом».

ВТОРАЯ. Остался главный выход.

ПЕРВАЯ. Я выхожу как все.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Как все – это когда в руках инструмент, стул и смычок. А у тебя всегда одна рука свободна – одаривать публику благодатью.

ВТОРАЯ. Ей рука не нужна. Она одним лицом разрешает нам выходить.

Все трое одновременно воспроизводят разрешение Первой. Первая невольно повторяет его, обрывая их. Раздосадованная Первая отбирает у Второй стул. Та мгновенно становится Первой: распоряжается пустой ладонью и снова одаривает зал снисходительным поклоном.

ПЕРВАЯ. Достаточно. Сейчас увидишь себя.

Берёт инструмент из футляра. Вторая тоже забирает свою скрипку, продолжая изображать Первую. Все занимают места. Первая нажимает таймер.

ТЕЛЕФОН. «Двадцать». Счёт продолжается.

Первая возвращается на место, но Вторая уже заняла полшага впереди остальных. Альт и Виолончель охотно подыгрывают: чуть расступаются, освобождая Второй обзор, и бережно убирают грифы с траектории её широкого жеста.

ВТОРАЯ. Вот твой выход.

Медленно, с королевской благосклонностью ведёт свободной ладонью слева направо, одаривая воображаемый партер и балкон. Первая пытается встать с ней вровень и незаметно опустить её локоть, не задев скрипку.

ПЕРВАЯ. Перестань.

АЛЬТ. Подбородок вперёд.

Вторая повторяет. «Пять» – перестаёт кланяться. «Четыре» – выпрямляется. «Три» – опускает руку. «Два» – трое принимают концертный вид. «Один» – у Второй остаётся величественная поза Первой.

ЩЁЛК.

Виолончель показывает снимок. Альт смеётся. Вторая сначала тоже, затем перестаёт.

ПЕРВАЯ. Насмотрелась?

ВТОРАЯ. Здесь не я.

АЛЬТ. Похожа.

Смотрит на Первую.

ПЕРВАЯ. Очень смешно. Покажите эту пантомиму в фойе. Пусть люди с билетами на наш концерт посмотрят, как вы их встречаете.

ВТОРАЯ. Я тебя изображала.

ПЕРВАЯ. А на фотографии всё равно получилась ты.

ВТОРАЯ. Удали.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Потом. Хорошего пока нет.

Возвращает телефон на штатив.

Сцена 6. Без инструментов

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Давайте уберём инструменты. Они только место занимают.

ПЕРВАЯ. Мы струнный квартет.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Буклет не пластинка. Звук от этого не испортится.

Открывает кофр. Все расступаются. Она укладывает виолончель, закрывает замки, проверяет первый. Остальные убирают свои инструменты и смычки. Футляры остаются у стены.

Перед телефоном остаются четыре человека с пустыми руками.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Так. Двое сидят. Двое стоят. Руки по швам.

Усаживает Вторую, садится рядом. Первая и Альт стоят сзади. Виолончель держит руки вокруг отсутствующего инструмента.
ПЕРВАЯ. Руки.
Прижимает её локти к бокам.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Пальцы не выламывай.
ПЕРВАЯ. Я тебе рукав поправляю.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. У меня в рукаве пальцы.
ПЕРВАЯ. Положи ты руки на колени, и всё.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Там не мои колени.
Вторая отодвигается.
ВТОРАЯ. Вот. Теперь твои.
АЛЬТ. Можно скрестить руки на груди.
Скрещивает. Первая делает то же. Вторая и Виолончель следуют за ними. Получается четыре человека, отказывающихся разговаривать.
ВТОРАЯ. Это мы что показываем?
ВИОЛОНЧЕЛЬ. «Двадцать лет вместе: мы здесь ни при чём».
ПЕРВАЯ. Ладно. Разомкнули.
ВТОРАЯ. Мы как будто лифт ждём. А он всё не едет.
ПЕРВАЯ. Сделай лицо, как будто лифт приехал.
Вторая улыбается. Альт кладёт руку ей на плечо. Вторая поднимает плечо, сбрасывая руку. Первая занимает образовавшийся между ними просвет.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Я по-другому всех расставляла.
ПЕРВАЯ. Сами отодвинулись.
Поворачивает стул Виолончели боком.
ВТОРАЯ. От тебя в кадре только ухо останется.
Виолончель встаёт, приносит закрытый кофр, ставит перед собой.
ПЕРВАЯ. Убери свой саркофаг.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Там покоится моя виолончель.
ВТОРАЯ. Тогда получится фото на мавзолее.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Зато не видно твоей складки.
ВТОРАЯ. Моей шеи тоже не видно. Зачем на фото человек в футляре?
АЛЬТ. Нужен почётный караул для выноса тела.
Первая берёт кофр снизу, Вторая – за верхнюю ручку. Несут к стене. Виолончель держится за среднюю ручку и следует за ними. У стены двое отпускают. Виолончель сразу открывает кофр.
ПЕРВАЯ. Мы же договорились без инструментов.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Мне некуда девать руки.

Возвращается с виолончелью. Остальным приходится разойтись. Вторая идёт за скрипкой. Альт – за альтом. Первая берёт скрипку и смычок. Остальные смычки остаются в футлярах.

Сцена 7. Граница кадра

Первая вдруг замирает и оглядывается.
АЛЬТ. Что такое?
ПЕРВАЯ. Давайте хоть дверь откроем. Душно здесь как-то.
ВТОРАЯ. Тебе нехорошо?
ПЕРВАЯ. Мне нормально. Давайте только побыстрее.
Первая проводит смычком перед плечами остальных. Те отступают.
ПЕРВАЯ. Одна линия. Больше никто никого не сдвигает.
АЛЬТ. А ты что делаешь?
ПЕРВАЯ. Выравниваю.
ВТОРАЯ. Ты сказала: никто.
ПЕРВАЯ. Да. Сначала поставим, потом никто никого не сдвигает.
АЛЬТ. То есть всем замереть там, где ты решила.
ПЕРВАЯ. Да где угодно. Только чтобы было четыре человека в кадре. Это-то можно устроить?
Вторая ставит пюпитр у края кадра.
ВТОРАЯ. Дальше нельзя. Дальше я выпадаю из кадра.
Первая ведёт Альта к границе смычком. Альт переставляет пюпитр.
ПЕРВАЯ. Пюпитр стоял здесь.
АЛЬТ. И я стояла здесь.
ВТОРАЯ. Не двигай границу кадра. Ты всё сбиваешь своим плечом.
АЛЬТ. Но это моё плечо.
ПЕРВАЯ. В кадре оно не твоё, а общее. Заодно убери его от скрипки.
Вторая возвращает пюпитр. Виолончель разворачивает инструмент, отвоёвывая место. Первая вынуждена отступить к своему стулу.
ПЕРВАЯ. Сначала сяду я. Потом вокруг встанете вы.
АЛЬТ. Конечно. Как всегда.
Альт тянет её стул к краю. Первая продолжает опускаться, не оглядываясь. Вторая подвигает пюпитр, закрывая Альту проход. Виолончель снова поворачивает деку. Первая не находит опоры. Скрипка выскальзывает – Вторая ловит её свободной рукой. Смычок подхватывает Альт. Пюпитр ударяет по штативу – Виолончель удерживает штатив.

Первая падает. Остаётся на полу неподвижно, с закрытыми глазами.
Тишина.
Вторая смотрит на скрипку.
ВТОРАЯ. Вроде целая.
Переводит взгляд на Первую.
ВТОРАЯ. Ты меня слышишь?
Первая не отвечает.
АЛЬТ. Я только стул подвинула.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Она ударилась?
АЛЬТ. Я на смычок смотрела.
ВТОРАЯ. Я скрипку ловила.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. А я телефон.
Смотрят друг на друга, потом на Первую. Наклоняются к ней.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Похоже, у неё снова обморок. Ей тогда тоже душно было.
ВТОРАЯ. Может, в скорую позвонить?
АЛЬТ. Опять скажет, что мы паникёры.
Вторая осторожно кладёт обе скрипки в футляры. Альт убирает свой инструмент и смычок Первой. Виолончель укладывает виолончель в открытый кофр.
ВТОРАЯ. Всё-таки надо позвонить. Она даже не шевелится.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Сейчас позвоню.

Сцена 8. Ещё один снимок

Виолончель подходит к штативу, начинает осторожно снимать телефон. Альт пододвигает стул к Первой.
АЛЬТ. Давайте сначала её поднимем. И посадим.
ВТОРАЯ. Лучше её не трогать.
АЛЬТ. Ей же неудобно на полу.
Вторая опускается рядом.
ВТОРАЯ. Ты меня слышишь? Скажи что-нибудь.
АЛЬТ. Пусть помолчит, ей полезно.
Вторая смотрит на неё.
АЛЬТ. В смысле, пусть отдохнёт.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Так звонить или нет?
АЛЬТ. Подожди. Может, сразу очнётся. Как в тот раз.
Оглядывается на пустой штатив.

АЛЬТ. Если её увезут, общей фотографии точно не будет.
ВТОРАЯ. Ты сейчас о чём вообще?
АЛЬТ. Мы останемся втроём.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. У нас уже есть три снимка.
АЛЬТ. На одном меня нет. На другом она стоит на футляре. На третьем ты над ней издеваешься.
ВТОРАЯ. И что?
АЛЬТ. Какой из них ты предлагаешь напечатать под словами «Двадцать лет вместе»?
ВТОРАЯ. Я предлагаю позвонить в скорую.
АЛЬТ. Я тоже. Снимем и сразу позвоним. Ты сама согласилась, что нужна новая фотография.
ВТОРАЯ. Я согласилась, когда она стояла. А сейчас она лежит.
АЛЬТ. Будет сидеть. Держать буду я. Один кадр. И сразу позвоним в скорую.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Со скорой я до утра домой не попаду. А кадр – двадцать секунд. Только у неё на фотографии глаза будут закрыты.
АЛЬТ. Тогда все закроем. Будто слушаем её музыку.
ВТОРАЯ. Какую музыку?
АЛЬТ. На фотографии не слышно какую. Сделаем соответствующие лица.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. У всех глаза закрыты – подумают, что все моргнули.
АЛЬТ. Если у одной – то моргнула. А у всех – значит, так задумано.
Виолончель смотрит на экран. Вторая берёт Первую за плечи, приподнимает, удерживая её голову. Альт подставляет руки.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. А если она очнётся?
АЛЬТ. Тем лучше.
ВТОРАЯ. Что мы ей скажем?
АЛЬТ. Что сфотографировались. Она этого от нас и добивалась.
ВТОРАЯ. Один снимок. Даже если я буду с краю. И сразу звоним в скорую.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Сразу. Обещаю.
Втроём поднимают Первую и усаживают на подставленный стул. Её голова опускается. Вторая встаёт сзади, поддерживает голову и плечи. Глаза Первой остаются закрытыми.

Сцена 9. Поддержка

Вторая продолжает держать голову Первой. Виолончель смотрит на телефон. Альт достаёт скрипку Первой из футляра, примеряется к её плечу. Вторая прижимает локоть Первой. Альт вкладывает инструмент между плечом и подбородком Первой, подпирает её кисть своей ладонью.

АЛЬТ. Скрипка держится. Главное, её саму не отпускай.

ВТОРАЯ. Я не могу руку высвободить.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Поменяй руки.

ВТОРАЯ. Буду менять – она упадёт.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Зато сейчас твоя ладонь у неё на шее.

ВТОРАЯ. Знаю.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Не лучшее время сводить счёты.

ВТОРАЯ. Я так её держу.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Со стороны смотрится, как будто ты её душишь.

Вторая медленно прячет поддерживающую руку за затылком Первой.

ВТОРАЯ. А так?

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Так лучше.

АЛЬТ. Теперь подбородок.

ВТОРАЯ. Куда?

АЛЬТ. Как она любит.

Вторая придаёт Первой знакомую величественную позу. Сама невольно принимает такую же. Скрипка Первой теперь удерживается её подбородком. Альт забирает свой инструмент, возвращается поддерживать её кисть свободной рукой. Виолончель закрепляет телефон на штативе, подаёт Второй её скрипку и берёт свою виолончель.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Похожа.

ВТОРАЯ. Давайте. Один снимок. Последний.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. У тебя так шея хорошо получается. Только не втягивай плечи.

ВТОРАЯ. Я их не втягиваю. На мне человек лежит.

АЛЬТ. На нас на всех человек лежит.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. На «пять» закрываем глаза. До щелчка не открываем.

Виолончель проверяет кадр, запускает таймер.

ТЕЛЕФОН. «Двадцать». Счёт продолжается.

Виолончель подхватывает свой инструмент и возвращается в кадр. Осторожно усаживается, стараясь не задеть колками плечо Первой. В это время голова Первой начинает медленно клониться вбок – Вторая перехватывает её поудобнее, а Альт другой рукой поправляет сползающую с плеча Первой скрипку.

ВТОРАЯ. Локоть немеет.

АЛЬТ. Чей?

ВТОРАЯ. Мой.

АЛЬТ. Потерпи.

Вторая пытается чуть сменить упор ноги под весом Первой. Виолончель придвигает деку вплотную к коленям Первой, маскируя чужие руки.

«Пять» – трое закрывают глаза. «Четыре» – Вторая пробует выпрямиться; вместе с ней наклоняется Первая. «Три» – Альт чувствует тяжесть скрипки на своей ладони и удерживает её. «Два» – Первая оседает плечом на Виолончель; та принимает её вес, подаётся к ней всем корпусом. «Один» – Вторая почти целиком скрыта за декой виолончели. Все четверо остаются с закрытыми глазами.

ЩЁЛК.

Виолончель оставляет свой инструмент в кофре, идёт к телефону. Альт укладывает скрипку Первой ей на колени. Вторая по-прежнему держит голову.

ВТОРАЯ. Я влезла?

Виолончель молчит.

ВТОРАЯ. Покажи.

Виолончель поворачивает к ней телефон.

ВТОРАЯ. А где мой второй закрытый глаз?

АЛЬТ. Нас в кадре четверо. Всё.

ВТОРАЯ. Тебе всё. А я держала её за всех.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. Ты сказала: «один снимок, даже если я буду с краю».

ВТОРАЯ. Я сказала «с краю». А здесь меня вообще нет. Один глаз с фамилией не напечатаешь.

АЛЬТ. Так мы звоним в скорую?

Вторая смотрит на своё изображение в телефоне.

ВТОРАЯ. Теперь я вас всех сама расставлю. Подхвати голову.

Альт подхватывает голову Первой. Вторая оставляет свою скрипку в футляре, берёт телефон у Виолончели.

Сцена 10. Кадр

Вторая закрепляет телефон на штативе. Виолончель поддерживает Первую, пока Вторая и Альт передвигают её стул в центр. Затем Виолончель берёт инструмент из кофра, садится сбоку; Вторая разворачивает деку ребром. Альт остаётся позади Первой. Вторая садится с другой стороны.

ВТОРАЯ. Её плечо – мне. Голову держишь ты. Поддерживаем сзади.

Втроём распределяют тяжесть Первой. Вторая подставляет плечо, Альт ладонь, Виолончель поддерживает её спину свободной рукой. Скрипка Первой лежит на коленях, закреплённая её же кистями. Виолончель временно принимает опору, пока Вторая забирает свою скрипку и тоже устраивает её на колене. Альт держит свой инструмент вертикально у бедра.

ВТОРАЯ. Головы прямо. Глаза закрываем все. Как будто слушаем музыку.

Закрывает глаза, выпрямляется. Альт и Виолончель повторяют. Получается четыре музыканта, погружённых в одно переживание. Первая ничем не отличается от остальных.

АЛЬТ. Она глубже всех слушает.

ВТОРАЯ. Вот и бери с неё пример.

Трое открывают глаза, сохраняя позы.

ВИОЛОНЧЕЛЬ. А кто теперь нажмёт?

Молчание.

АЛЬТ. Телефон твой.

Молчание.

ВТОРАЯ. Я нажму. Держите её.

Выскальзывает из-под плеча Первой. Альт принимает её тяжесть. Вторая нажимает таймер и возвращается.

ТЕЛЕФОН. «Двадцать».

ВТОРАЯ. Я здесь. Отпускай.

«Девятнадцать. Восемнадцать. Семнадцать. Шестнадцать».

Альт передаёт Второй плечо Первой. Виолончель убирает свою руку за её спину. Впервые все четверо помещаются, никого не закрывая. Лица обращены к объективу.

«Пятнадцать. Четырнадцать. Тринадцать. Двенадцать. Одиннадцать».
АЛЬТ. Все готовы?
ВТОРАЯ. Закрываем.
Трое закрывают глаза. Сохраняют позы, поддерживая Первую.
«Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть».
Первая открывает глаза, самостоятельно поднимает голову, выпрямляет спину. Отстраняет поддерживающие руки. От неожиданного движения трое открывают глаза и отшатываются, ломая композицию.
ТЕЛЕФОН. «Пять».
Первая слышит счёт. Смотрит на телефон.
«Четыре».
Ставит скрипку вертикально на колено, собирает плечи. Свободной рукой коротко возвращает остальных на места.
«Три».
Трое повинуются, синхронно выравнивая инструменты на коленях и у плеча в спокойную портретную вертикаль. Все лица поворачиваются к объективу.
«Два».
Четыре концертные улыбки.
«Один».

ЩЁЛК.

Первая прижимает скрипку к себе. Пытается встать, но остаётся сидеть. Альт протягивает ей свободную руку – Первая не замечает. Виолончель по привычке встаёт, снимает телефон со штатива и возвращается.
ПЕРВАЯ. Что случилось?
ВТОРАЯ. Ты упала.
ПЕРВАЯ. И что? Сильно упала?
АЛЬТ. Сильно.
ПЕРВАЯ. Скорую вызвали?
Тишина.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Нет.
ПЕРВАЯ. Почему?
АЛЬТ. Хотели сначала закончить.
Виолончель машинально протягивает Первой телефон экраном к ней.

Одновременно на заднике появляется фотография. Четыре прекрасных интеллигентных музыканта. Прямые спины, спокойные лица, строгие вертикали инструментов. Ни одной поддерживающей руки. Подпись крупно:

КВАРТЕТ «МЕРИДИАН»
20 ЛЕТ ВМЕСТЕ

Первая смотрит в экран телефона. Остальные смотрят на Первую.
ПЕРВАЯ. Получилось. Молодцы.
Снова роняет голову на грудь. Глаза закрыты. Вторая успевает подхватить её скрипку. Альт отводит от неё свой инструмент. Виолончель осторожно уводит телефон от её лица.
ВИОЛОНЧЕЛЬ. Вот сейчас точно скорую.
Нажимает на экран.
АЛЬТ. Может, ещё один кадр?

ЗАНАВЕС.

Батуми – Алматы, 2026

Выходные сведения

Литературно-художественное электронное издание

Александр Анатольевич КОЛОТОВ
ВЕЛОСИПЕДИСТКИ С БОЛЬШОЙ ГРУДЬЮ
Пьесы для камерного театра

ISBN 978-601-12-9879-7

Электронное издание в формате PDF.

Формат страницы 148 × 210 мм. Объём — 516 с.

Подготовка текста и вёрстка — автор.

Подписано для публикации: 06.11.2026

Условия распространения и использования

Электронное издание распространяется бесплатно. Разрешаются свободное скачивание и дальнейшее безвозмездное распространение книги в неизменном виде при условии сохранения имени автора, полного текста произведений и выходных сведений.

Пьесы из этого сборника можно ставить с согласия автора. Официальное авторское согласие на постановку можно оперативно получить по адресу: alexander.a.kolotov@gmail.com.

Все остальные права сохраняются за автором.

© А. А. Колотов, 2026.